

Василий Катанов

Царский венец

Одоление смуты

1

Романовы вышли из глубин русской истории.

Иван Дивинovich, живший в XIII веке, по преданию был потомком прусско-литовских князей. Андрей Иванович, сын его, по прозванию Кобыла, служил Ивану Калите и Симеону Гордому, подарил Отечеству пятерых сыновей: Семена Жеребца, Александра Елку, Василия Ивантая, Гавриила Гавшу и Федора Кошку, от которых пошло семнадцать родов дворянских.

Когда князь Димитрий воевал с Мамаем, Федору велено было блюсти Москву. Андрей, его сын, внук Иван, правнук Захарий именовались Кошкиными. Юрий, сын Захария, пожелал быть Захариным-Юрьевым. Носил двойную фамилию и Роман, сын Юрия. Роман Юрьевич был окольным, воеводой, в походах участвовал. Он-то и положил начало новой фамилии Романовых — громкой, венценосной на триста с лишним лет.

Анастасия, дочь Романа, стала русской царицей, женой Ивана Грозного (1547). За тринадцать лет семейной жизни она произвела на свет шестерых детей, в том числе Федора, делившего на престоле власть с Борисом Годуновым. Никита, брат царицы, воевал со шведами и литовцами, в управлении государством участвовал, старался, как и сестра, смягчающе влиять на свирепый нрав царственного зятя. Смерть пришла к нему в 1585 году, уже при царе Федоре Иоанновиче.

Умирал Никита Романов монахом с именем Нифонта. Успел сказать наставительное слово детям, распрощаться со всеми родными-близкими.

И еще одно важное дело сделать успел.

— Позовите Годунова, — сказал угасающим голосом, — надо попрощаться и с Борисом Федоровичем.

Годунов не замедлил явиться. Сын помещика средней руки, зять Малюты Скуратова, казнителя бояр, к тому времени так возрос-возвысился, что стал вторым человеком у престола.

Умный Никита Романов хорошо понимал, что время, когда он как брат царицы занимал высокое место при дворе, ушло. У новой царицы свой брат, ловкий, коварный, сотворивший в жизни немало ходов, чтобы выйти наверх. В день коронации Федора Иоанновича бояре ахнули, увидев, как государь, утомясь долгим обрядом, передал шапку Мономаха Мстиславскому, а тяжелое золотое яблоко, державу» Годунову.

Когда Годунов явился к умирающему Романову, тот приподнялся с трудом и выдохнул выстраданное, заветное:

— Заклинаю тебя, береги моих детей, не сотвори им зла.

— Не сотворю, обещал Борис.

— Нет, ты поклянись перед иконой, клятву страшную дай, что не обидишь Романовых.

— Клянусь!

Лицо было строгим, одухотворенным клятвой великой. Никита уронил голову в подушки и закрыл глаза... Блистал при дворе Федор Никитич, старший из пятерых братьев Романовых. Красивый, изящный, обходительный, очень ласковый ко всем, отличный

наездник и первый щеголь на Москве, он сразу же покори́л Ксению, чернобровую, с гордым орлиным носом и властным характером, дочь Ивана и Марии Шестовых. Фамилия негромкая, да честь высокая: получила Ксения в наследство от отца не только село Домнино со множеством деревень и починков на костромской земле, но и память о предке Мише Прушенине, храбром русском князе, сподвижнике Александра Невского, отличившемся в знаменитой битве со шведами 15 июля 1240 года.

Когда Федор повел Ксению к венцу, то в храм пожаловали сам царь Федор Иоаннович и его правитель Годунов. Был правитель так ласков к Романовым, что счастливые супруги в его честь первенца назвали Борисом. Федор одевался на европейский лад, страстно увлекался охотой и, вернувшись домой, горячими ласками осыпал жену. Счастье, однако, оказалось недолгим: умерли во младенчестве трое детей, а там и четвертого смерть унесла. Остались двое — Михаил и Татьяна — мыкать горе на ранней поре.

Горе постучалось при царе Борисе — осенней ночью 1600 года.

«Этой ночью, записал в дневнике один из членов польского посольства, — его сиятельство канцлер сам слышал, а мы из нашего двора видели, как несколько сот стрельцов вышли ночью из замка с горящими факелами, и слышали, как они открыли пальбу, что нас испугало».

Стрельцов на подворье Романовых послал из Кремля Борис Годунов. Первым схватили они Александра, одного из пятерых братьев, а потом до остальных добрались.

Что же случилось? Что заставило царя забыть клятву, данную умиравшему Никите Романову?

Все началось с того, что волхвы и звездочеты, как утверждал один из современников, сказали Годунову:

из рода Романовых должен выйти скипетродержец российский». Царь, веривший магам и чародеям, похолодел, а затем стал голову ломать, как удержать корону. Помогли волшебные корешки, обнаруженные у Александра Романова. Они-то, подброшенные людьми Семена Годунова, царского брата, и послужили главной уликой против всех пятерых братьев и их друзей, обвиненных в злом умысле против Бориса.

Все они были сосланы под строгий присмотр в дальние места. Александра лишили боярского звания и отвезли в Усолье: там, по словам летописца, удавили. Василия в Пелыме приковали к монастырской стене и держали так, пока не умер. Там же томился Иван, по прозвищу Каша, но ему повезло: жив остался и даже воеводой был в Козельске, разбил войско второго самозванца на берегах речки Вырки, внешними делами ведал при Михаиле Федоровиче, племяннике своем.

В далеком Ныробе, в землянке умер от голода Михаил, один из опальных братьев. Был он высок и обладал богатырской силой. Люди, приносившие тайком пищу, плакали, видя его в цепях: та, что на шее, весила 12 фунтов.

Слуги Романовых, как пишет Р. Г. Скрынников в историческом очерке «Борис Годунов», не сразу позволили стрельцам арестовать их господ: Под стенами романовского подворья произошло форменное сражение». Грозный в таких случаях боярскую дворню уничтожал. Борис обошелся пытками. А Юшка Отрепьев, Служивший у Романовых, спасая свою жизнь, укрылся в монастыре и там стал чернецом Григорием. Придет время, бежит диакон Григорий с Варлаамом и Михаилом из Москвы, сменит в Болхове подводу и покатит дальше — навстречу своей удивительной судьбе. А пока изволь бить поклоны за высокими Стенами Чудова монастыря.

Далеко на севере Сийский монастырь стал тюрьмой Федора Никитича Романова. Разлучил его Годунов с женой и детьми, сделал монахом Филаретом.

— Где они, милые мои? — вопрошал о детях Романов. — Кому их кормить и поить?

Пристав Богдан Воейков, Следивший за каждым его шагом, молчал.

Детей увезла с собой на Белоозеро их тетка Марфа Никитична Черкасская. Сама же Ксения Ивановна, оторванная от мужа и детей, стала монахиней Марфой и должна была томиться в Заонежье. Так плакала, так убивалась, что с нею припадки стали случаться.

Через год царь позволил монахине Марфе встретиться с детьми: привезла их в село Клин Юрьевского уезда Черкасская. Зажили вместе.

Места себе не находил от тоски и обиды монах Филарет. Однажды вечером — дело было 3 февраля 1605 года, пришел к нему в келью монах Илинарх, а он, говоря словами грамоты Старинной, «на старца Илинарха лаял, с посохом на него прискакивал и из кельи его выслал вон».

Свидетелем этой Сцены был монах Леванид. Оба старца донесли приставу, тот немедля — царю, что живет Филарет «не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птицы ловчие и про собаки». Великий пост наступил, а он у отца духовного не был, на клиросе стоять перестал.

В старце Филарете проснулся Федор Романов. Сорвал со стены ружье, оседлал коня и ускакал на охоту, как в молодые годы...

Борис Годунов прочитал донесение Богдана Воейкова и повелел игумену Ионе сделать так, чтобы Филарет жил у него в келье и не бесчинствовал, «с прихожими людьми ни с кем не сходилась», да «в смуту не пришел и из монастыря б не убежал».

«А учинится какая смута в старце, — предупреждал государь, — и не учнет жити по монастырскому чину, или из монастыря уйдет, или какое лихо над собою учинит, и то сделается твоим небрежением и оплошкою. Да что старец Филарет, будучи у тебя, учнет о чем разговаривати какие неприличные разговоры, и ты б о том отписывал нам...»

В архимандриты монаха-узника произвел, а он свое: на коня да в поле. А тут смута, великая смута разыгралась на Руси, будто бурное море Хвалынское. Полетели, как ласточки, вести о ней, залетели в глухой монастырь и разворошили душу человека, достойного царского венца».

2

В 1600 году в Москву приехал Лен Сапега, канцлер Великого княжества Литовского, послом короля Сигизмунда Третьего. Привез Борису Годунову проект вечного мира и союза, сопровождали Сапегу два иезуита. Царь развернул грамоту и стал читать. Чем далее читал, тем суровее становилось лицо. За вечный мир, оказывается, надо платить. Поляки, жившие в России на купленных землях, хотят иметь у себя католические храмы. И не только в имениях своих, но и в Москве и других городах.

«Храмы эти, — говорилось в акте, — необходимы как для иностранцев, находящихся на службе царской, так и для чужеземных послов и торговцев, которых всегда много бывает в России».

Ответ был таков: молиться по-своему иностранцы могут сколько угодно, а костелы строить — ни в коем случае. Иезуитам, сопровождавшим канцлера, велено было выехать. Осечка вышла.

«Другое дело, — читаем в двухтомном труде Д. А. Толстого «Римский католицизм в России» (СПб, 1876), — когда внутренние неурядицы начали доставлять римской церкви и ревностному ученику иезуитов Сигизмунду возможность, под видом сохранения власти государственной и общественного порядка в России, посягать на ее веру, прямо и открыто мешаться в ее дела. Тогда наступило, казалось, настоящее время для порабощения Русской Церкви. Лжедмитрий признан был как польским королем, так и римским двором, истинным царем русским под условием, чтобы он принял римско-католическую веру и обязался привести к ней Россию».

«Иезуиты, владевшие тогда сердцем Польши, — писал А. В. Карташев в «Очерках истории Русской Церкви» (М., 1992), — не могли не соблазниться вдруг открывшейся возможностью овладеть сердцевиной русской государственности через подлог и обман, через призрак родного для Москвы православного царя, но самозванца. Осуществилась почти невероятная, фантастическая интрига. Подложный царевич Димитрий включен был в высокую политику Польши и Рима. Все это бесспорно вскрыто по документам самого

Ватиканского архива и изложено в трехтомном исследовании о. Пирлинга, члена-корреспондента Российской академии наук».

Рассказ о Смуте принято начинать описанием ужасного лета 1601 года, с проливными дождями, с морозами в августе, сгубившими рожь на корню. От голода бедняки тысячами умирали.

Люди бежали в степные края. Рассказывали, как в больших городах кошек ели, собак ловили, сеном питались, человек на человека лютым зверем бросался...

Слухи пошли, будто на Северном море появилась такая рыба-кит, что чуть не опрокинула Соловецкие острова, будто видели на небе два месяца и два солнца будто под каким-то монастырем гора сама собою осунулась. А тут еще буря пронеслась по Брянскому уезду: деревья с корнями вырывала из земли, колокольни сшибала, крыши церковные падали наземь...

В феврале 1602 года в Болхов прибыли из Москвы три монаха — Варлаам, Мисаил и Григорий, носивший до пострижения имя Юрий. Сменили лошадей и покатали в санях хорошо накатанной дорогой. Торопились они в Новгород-Северский, а оттуда еще далее, чтобы только не попасть в руки верных слуг Бориса Годунова. Бегство было вызвано словами Григория, сказанными в Чудовом монастыре:

— Знаете ли, что я буду царем на Москве?

В Киеве он, уходя, оставил записку для архимандрита: Я царевич Дмитрий, сын Иоаннов, и не забуду твоей ласки, когда сяду на престол отца моего».

Потом уговорил монаха Леонида назваться Григорием Отрепьевым, а сам ушел к запорожцам, там научился владеть конем и мечом.

Царь Борис в Орловскую крепость грамоту прислал. Повелел держать оружие наготове, никого не пропускать ни в Польшу, ни обратно на Русь.

Монах Леонид чудное известие кинул в народ, будто царевич Дмитрий в городе Угличе не погиб от злодейской руки, а жив и здоров, войско ведет на Москву, бедному люду облегчение будет.

Шел 1604 год.

На второе воскресенье после Троицы белым днем появилась на небе комета. Людей охватил ужас...

Еще не ступив на русскую землю, самозванец раздавал ее иностранцам. Пану Юрию Мнишеку, будущему тестю, пообещал отдать во владение земли Смоленские и Северские, Марине — будущей царице московской — Новгород и Псков со всеми пригородами.

Народ этого не знал. Многие сразу поверили, что он — сын Ивана Грозного. Поверил и Андрей Корела, донской казак. Сел на коня и поскакал к человеку, назвавшему себя Дмитрием Ивановичем. Принял самозванец Корелу, принял других атаманов казачьих, сына Андрея Курбского взял.

— Веди на Москву! — шумели паны.

На пути оказался Новгород-Северский. В нем укрепился надежно Петр Басманов, храбрый воевода. Обломало сабли войско самозванца об город старинный и прочь отшатнулось.

Хмурыми тучами обложил небо ноябрь. Призадумался Юрий Мнишек, глядя на будущего зятя. Помрачнели паны. Не повернуть ли обратно? Но тут прискакал гонец из Комарицкой волости, из-под Севска-города. добрую весть привез: воеводы повязаны, сидят под караулом, жители бьют челом сыну царя Ивана Васильевича. И. Путивль, и Рыльск готовы служить.

Повеселел самозванец.

По первой санной дороге прикатил казак из Кром: крепость с радостью примет. Тут и Мнишек воспрянул духом: скоро, скоро дочь Марина станет царицей на Москве.

На третий день — тревожная весть: войско царя Бориса прибыло из Брянска. Сошлись. Князь Федор Мстиславский в бою был ранен, с коня слетел. Дрогнули московские воины и побежали.

Поляки отпраздновали победу и потребовали жалованье вперед. Самозванец развел

руками.

— Я нездоров,— объявил Мнишек и повернул карету в сторону Польши.

Засобирались домой и другие.

Загоревал самозванец, увидев, как уменьшается войско. Но горевать долго не пришлось. Явились большим отрядом запорожцы и предложили идти на Севск. Комарицкая волость встретила с почетом. Жители решили помогать самозванцу. Послали человека с известием: как битва начнется, они село зажгут, чтобы выкурить годуновцев.

В битве при Добрыничах 21 января 1605 года повезло князю Мстиславскому: разбил он поляков и казаков. Самозванец дрался храбро: убили коня — пересел на другого, был ранен и едва в плен не попал, но ускакал в Рыльск, а оттуда в Путивль.

Кровью залили годуновцы несчастную Комарицкую волость. В Добрыничах людей на деревьях вешали вниз головой, из луков ради забавы расстреливали, на кол сажали, младенцев и тех не щадили.

Люди толпами бежали в Путивль к самозванцу, и силы его множились. Мстиславский от морозов в Радогощи укрывался и на Путивль идти не решился.

Борис победителям послал награды, а в Кромы двинул запасную рать под начальством Федора Шереметева, примерно наказать изменников повелел.

Затворились кромчане в крепости на горе, стали защищаться. Недели три простоял на берегу речки Кромы воевода. Из пушек бил, на приступ своих молодцов посылал, да так и не взшел на другой берег. Крепость горела, но не сдавалась. Пылали бревенчатые стены, возведенные в 1595 году, густой и горький дым стелился по реке, закованной в лед, по болотам, в летнюю пору непроходимым, ел глаза осажденным.

— Ничего, ребята, потерпите! — приговаривал Григорий Акинфиев. — Скоро помощь придет.

Укрывались кромичи за высоким земляным валом.

Кромы были уже в 1147 году. Именно тогда, в пору княжеских распрей, здесь встретились послы Чернигова с князем Святославом Ольговичем и мир ему предложили. Святослав ликовал и крест целовал. Потом исчезли Кромы на долгие годы со страниц летописных и возродились, как Ливны и другие города, при царе Федоре Иоанновиче. Возродились для защиты Отечества от крымских татар. При князе Кольцове-Мосальском скакали отсюда всадники в семь сторож: двое — на Быструю Сосну, четверо — на Тускарь, двое — к Губкинскому болоту, столько же — на Оку, на Свопу, еще четверо — к речке Ракитне. до 20 казаков и детей боярских с ранней весны до осени поздней наблюдали за Муравским шляхом и другими дорогами. Уходили из Кром — с семьей прощались, будто шли на войну. Не надеялись живыми вернуться. Приходилось и в полов попадать, и степь зажигать...

Теперь же от своих, от русских людей, вынуждены за валом прятаться, горькою гарью дышать. Страшные вести из-за речки пришли, принесли их люди с лицами белыми, как полотно, с глазами, полными ужаса.

— Двигается громадное войско Борисово, — говорили они, еще вчера сидевшие мирно в родных деревнях. — Пушки везут на саях. Князь Мстиславский, что в Добрыничах расправу творил, ту же участь кромчанам уготовил. Хватают людей, вешают, младенцев на огненные сковородки кидают.

— Умрем, а не сдадимся окаянным душегубам! — дружно решили защитники крепости. Григорий Акинфиев вздохнул и бросил тоскующий взгляд в южную сторону: пусто, никого не видать. Неужто государь в Путивле забыл верных своих холопов?

На север глянул — мороз побегал по жилам: черно от людей в лагере годуновском.

Прибыл Мстиславский, суровый князь, с войском, раскидывает шатры на просторе...

Однако не успел верный слуга Бориса развернуться с тяжелыми пушками, как прибыла к осажденным долгожданная помощь. Современник событий, голландский торговый агент Исаак Масс в книге «Краткое повествование о начале и происхождении современных войн и смут в Московии» так описывал это:

«Быстро подвигаясь вперед, казаки поднялись на гору и вошли в Кромы, а москвитяне ни стрельбою и ничем другим не причинили им никакого вреда. Взойдя на гору, казаки тотчас же заняли ров внутри крепости и затем вокруг него вырыли землянки, в которых тотчас же скрылись и никого уже не боялись. Предводитель этих казаков, Корела — шелудивый, маленький человек, покрытый рубцами, был родом из Курляндии.

«14-го марта 1605 года, — читаем в книге Г. М. Пясецкого «Историческое описание города Кром Орловской губернии» (Кромы, 1890), — на правом берегу р. Кромы, словно темная туча, показалась царская армия с огромным обозом и страшною артиллерией пушек в семьдесят, в числе которых были и такие, что два человека едва могли охватить их. Теперь подле Кром собралась сила всего государства...»

Казаков было, по словам Масса, тысячи две. Пясецкий утверждал: шестьсот. Сколько кромичей имел под началом Акинфиев, никому неизвестно. Московская сила насчитывала восемьдесят тысяч человек, Масс доводил ее до трехсот тысяч, но его потом опровергли. Обороной Кром командовал Корела. Маленький, подвижный, необычайно храбрый, он был горячо любим казаками. На первый приступ годуновцы двинулись дружно. Верили в успех. Прошли по равнине, пересекли Кромку, стали подниматься к земляному валу. Казаки, приготовив ружья, ждали. Корела внимательно следил за годуновцами. Когда они приблизились к валу, он крикнул:

— Стреляй!

Прогремел залп. Почти каждая пуля нашла свою цель. Трупы черными пятнами пали на снег. Ярко проступила кровь. Ряды наступающих смещались. Казаки еще раз выстрелили залпом из своих длинных ружей. Новые трупы остались на снегу. Годуновцев охватил ужас. Меткие залпы косили их, как траву.

Мстиславский велел отойти.

3

На другой день осада продолжалась. Решили повторить приступ. Но когда приблизились наступающие, то на валу увидели казаков. Они держались смело и весело, даже задирали шутками. Масла в огонь подливали разговорчивые кромчанки. дразнить слуг Бориса доставляло им удовольствие. Годуновцы вскинули было ружья, но казаки опередили их залпом своим. А потом игру затеяли: выстрелят и пропадут в глубоких норах.

— Будем Кромы брать, рассудил Мстиславский, — не большими силами, а малыми. Надо крепость взять изнутри, а не сверху.

И послал проходы искать.

Нашли воины московские тайный ход и двинулись гуськом. Темно, тесно вдвоем не разойтись. Вдруг передний воин упал. Второй шагнул, тоже свалился. Третий двинулся - и его скосила меткая пуля. Глядь, четвертый упал, хрипя и обливаясь кровью, сраженный саблей острой.

— Братцы! — зашумели москвиты. — Эдак всех нас перебьют, как гусей.

Пошли искать другой ход под землей. Нашли — та же история: передние падают по одному, задние ждут своей очереди.

Не стали ждать. К лагерю побежали.

— Труссы! — гневался Мстиславский.

Воины молча слушали воеводу, опустив головы.

А над головами мокрые тучи несли весну. Сыпал дождь, под ногами чавкала грязь. Вскоре сырой ветер привел в лагерь тяжелую болезнь, от которой люди сотнями умирали.

Не все ладно было и на торе. Сухари еще не все перешли в желудки осажденных, а порох иссяк. Как быть? Корела стоял у обугленной стены острога, чудом уцелевшей, и ломал голову.

— Атаман! — окликнул его казак. Годуновцы нам порох приготовили.

— Как так?

А очень просто. Лежит в мешках и нас дожидается.

Корела обрадовался и приказал:

— Возьми ловких ребят и — марш за добычей!

В ту же ночь «зеленая казна», что лежала в мешках на видном месте, исчезла.

Мстиславский почуял неладное. Очень уж легко порох Кореле достался. Не измена ли в лагерь проникла?

И приказал воевода Михаилу Салтыкову взять пушки да войска побольше и обрушиться всей силой ратной на проклятую крепость. Наступали ночью. Гремели пушки. Удалось взойти на вал. Вспыхнули остатки острога. Казаки и кромчане вышли из пещер. Наступил самый тяжелый час осады.

Дрались отчаянно. Впереди — Корела. При виде своего атамана донцы становились еще храбрее. Верили в его необыкновенные силы, в необычайные способности. Недаром чернокнижником называли.

Спасти их могло только чудо.

И чудо совершилось. Салтыков неожиданно приказал прекратить стрельбу и отступить.

Потом говорили, что на него магически подействовал не Корела, а ложный Димитрий, что в Путивле сидел. Его именем, видимо, кто-то подействовал на Салтыкова.

Призадумался Федор Мстиславский и братья Шуйские, что были с ним, тоже. Что делать?

Имя сына Ивана Грозного парило над лагерем, как вещая птица. Ружья из рук выпадали.

За кого воевать?

Одни татары да немцы стояли твердо за царя Бориса.

Вскоре умер Борис. На трон сел Федор, юный сын. Он послал под Кромы Петра Басманова, героя Новгород-Северского, а воеводу Мстиславского и братьев Шуйских отозвал ко двору.

Апрельское солнце сияло над лагерем. Митрополит Исидор перед войском стоял с крестом в руке и принимал присягу новому царю. Одни целовали крест, другие подняли шум.

— Иди в Москву! — закричали. — Мы присягать будем Димитрию Ивановичу.

Крест задрожал у митрополита в руке. Кое-как закончил святое дело и уехал...

Три недели прошло. Басманов сидел в шатре, мрачно нахмурившись, и ничего не предпринимал. Что с ним случилось? Куда делась былая отвага?

Отвагу приберег Басманов на 7 мая. Ночь не спал, зато все продумал.

Первым делом велел мастерам мост на Кроме построить. Чуть свет закипела работа.

Второе дело — созвал воевод на совет.

Пока они совещались, Корела тоже не сидел, сложа руки. Позволил мастерам закончить мост, не став годуновцев дожидаться. Сам повел донцов через мост, а следом — Григорий Акинфиев с кромчанами. Вместе и набросились на царский обоз.

— За мной! — скомандовал Прокопий Ляпунов и повел свой отряд.

Только повел не против Корелы, а совсем наоборот. К разрядному шатру устремился.

Поднялась суматоха великая. Раздались крики:

— Боже, сохрани и пособи Димитрию Ивановичу!

Корела с казаками лихо разъезжал по лагерю.

Басманова со связанными руками привели на мост. На мосту руки развязали и подали белого коня. Воевода вскочил в седло.

И услышали оба берега речки Кромы голос Басманова:

— Вот грамота царя и великого князя Димитрия Ивановича! Изменник Борис хотел погубить его в детстве, но Божий Промысел спас его чудесным образом. Он идет теперь получить свое законное наследие... Кто с нами соглашается, тот пусть пристаёт к нам, на эту сторону, соединяется с теми, кто сидит в Кромах. А кто не хочет, пусть остается на другой стороне реки и служит изменником против своего государя.

Толпа ответила криками:

— Многая лета царю нашему Димитрию Ивановичу!

Люди хотели мира. Руки кромчан тосковали по труду на родных полях, залитых весенним солнцем. Речь воеводы наполнила ликованием души. Не сказал только хитрый Басманов, что письмо из Путивля вот уже несколько дней лежало у него в кармане.

«Война прекратилась, — писал в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин, — кромские защитники выползли из своих нор и братски обнимались с бывшими неприятелями на валу крепости; а князь Иван Голицын спешил в Путивль...»

Был в эту пору в Кромах и Дмитрий Михайлович Пожарский, впоследствии знаменитый князь-воевода, спаситель России. Сотней командовал в войске Мстиславского, ранило ему плечо в одной из схваток с лихими молодцами Корелы. И еще до этого, под Добрыничами...

«Князь Пожарский, — читаем в историческом романе Д. Евдокимова «Воевода» (М., 1996), — мчался впереди, увлекая за собою сотню. Оставляя слева и справа убегающих гусар и казаков, он стремился настигнуть царевича, узнаваемого по серебряным латам. Вот он ближе, ближе. Бросив уздечку, Дмитрий выхватил из-под луки седла пищаль, прицелился — выстрел! Конь под Царевичем заметался и рухнул. Пожарский, обнажив саблю, бросился туда».

Самозванца спасли, пересадив на другого коня. Ускакал. Пожарский продолжал преследование, пока его не догнал гонец воеводы с приказанием вернуться. Вернувшись, он был потрясен жестокой расправой над пленными Мстиславского. С ужасом наблюдал он, во что превратилась мятежная Комарицкая волость, отданная на разграбление касимовским татарам хана Исента: на белом снегу валялись трупы мужчин, женщин и даже грудных младенцев...

В Кромах Пожарский честно выполнял свой воинский долг, сражаясь под знаменем с изображением Георгия Победоносца. После ранения, услышав о желании некоторых дворян перейти на сторону царевича, он воскликнул:

— Разве можно изменить присяге? Ведь мы решение земского собора подписывали, крест целовали!

Целовал он крест и новому царю Федору.

Что же делать теперь, когда сам Басманов переметнулся к самозванцу?

«И снова, — читаем в романе «Воевода», — Пожарский почувствовал сердечную смуту. Увидав на обочине своего стремянного, пошел к нему, не без труда (левая рука еще побаливала) взобрался на коня и помчался в сторону от толпы, куда глаза глядят».

...Побывал в Путивле Петр Федорович Басманов. Увидел окруженного поляками бойкого человека, но ничем не выдал сомнений. Зато и оказался вскоре близким человеком при новом царе. Вернулся в Кромы, где 24 мая 1605 года торжественно принимал самозванца. Бывший чернец Чудова монастыря слушал приветственные клики, расхаживал по горе, изрытой лопатами и ядрами, хвалил чудодея-атамана Корелу, а тот улыбался во все лицо, изломанное шрамами: дорога почесть царская. Отобедав в ставке Басманова, Лжедмитрий остался ночевать в нарядно убранной избе. Спустя годы ее показывали близ Никитской церкви.

Дорогой, по которой 7 мая скакали всадники, не пожелавшие служить Лжедмитрию, теперь двигался он, окруженный пышной свитой. Поляки, запорожские и донские казаки, русские воеводы, сидя на конях, бросали взгляды на своего повелителя. Были тут и немцы, принявшие предложение Басманова служить новому царю.

Вот уже и Орел показался...

«Москва, Тула и Рязань и Калуга его, Отрепьева, приняли за царевича и целовали крест, — читаем в «Истории города Орла» д. И. Басова, — а Орловское городище не приняло его... То после Гришка Отрепьев первых граждан казнил, а прочих разослал в разные города».

Г. М. Пясецкий высказал предположение, что это случилось при втором самозванце, а первый дружелюбно и доверчиво относился к русским людям. «Когда он подъезжал к городу, — читаем у Пясецкого в «Исторических очерках города Орла» (Орел, 1974), —

навстречу к нему вышел орловский воевода Федор Шереметев с духовенством, народом и частью войска, тысяч до восьми или более того...» Все было: и колокольный звон, и хлеб-соль, и приветственные клики. В Орле самозванец прожил несколько дней, «повелевая всю Северской украиною», разделил войско на три полка: в большом поставил воеводой В. В. Голицына, в правом — И. С. Куракина, в передовом — П. Ф. Басманова, с которым и выступил из Орла в Тулу.

4

Бежали дни, как шумливые воды вешние, и каждый — на пользу самозванцу.

— Здрав буди, наш государь Дмитрий Иванович! — гремело на всем пути от Путивля до Москвы белокаменной.

И въехал беглый монах в столицу древнюю на белом коне, в окружении бояр и князей, с поляками впереди, под звон колокольный, с ожерельем на груди ценою в 150 тысяч червонных.

— Сияй и красуйся, о солнце России! — кричал народ, падая ниц.

Увидел это «солнце» и архимандрит Филарет. Узнал слугу покойного брата, но вида не подал. Обласканный новым царем, он получил сан митрополита Ростовского.

Братья Романовы, замученные Годуновым, были вынуты из земли, перевезены в столицу и похоронены с честью рядом с предками...

В лучах того лета видится трогательная встреча изгнанника с семьей.

— Милые мои дети! срывался голос Романова. — Ксения...

— Марфа, отец Филарет, старица Марфа я, строго поправляла мужа женщина в черном со слезами на глазах. Крепко сжимала посох, а сердце кричало: «Федор!»

Михаил на тринадцатом году стольником стал, его дядя Иван — воеводой.

Новый царь дивил народ: в пост скоромное ел, перед обедом не молился, после обеда не ложился спать, а гулял пешком по Москве. Удвоил служилым людям жалованье. Приказал строго за взятки наказывать. Запретил холопам переходить по наследству от отца к сыну. Два раза в неделю сидел на дворцовом крыльце и просителей принимал. Видели его часто на резвом коне: скачет вихрем, будто казак. Все б ничего, да уж очень чужих нравов набрался, поляками себя окружил, на католичке Марине женился. Одиннадцать месяцев сидел на престоле и вдруг...

В ночь на 17 мая войско в несколько тысяч, стоявшее под Москвой, вошло в столицу.

Рано утром началась расправа над поляками, которые еще вчера насмеялись над москвичами: «Мы дали вам царя». Теперь их везде настигала смерть. Толпа под предводительством боярина Василия Шуйского ворвалась в Кремль. Сам Шуйский был с крестом в левой руке, с обнаженной саблей в правой. Перед Успенским собором он сошел с коня, помолился перед иконой Владимирской Божией Матери и сказал окружающим:

— Во имя Господне идите против злого еретика!

Лжедмитрий проснулся в объятиях Марины. Кликнул Басманова:

Что там случилось?

Услышав слова «Спасайтесь! Вся Москва против вас!», царь бросился искать саблю. Ее не оказалось. Схватил бердыш телохранителя и крикнул:

— Я вам не Годунов!

Приготовился защищаться, но выстрелы заставили бежать. Успел крикнуть Марине:

«Измена, сердце мое!» Прыгнул в окно. Лежал без чувств. Подбежавшие стрельцы встали на его сторону, но услышали от бояр:

— Мы пойдем в слободу, перебьем ваших жен и детей!

Заколебались. Тут боярский сын Григорий Валуев с мушкетом подоспел, целый заряд вlepил в Григория Отрепьева. Добили саблями.

Марина в погребе скрылась, оттуда выбралась и сумела спастись.

19 мая тело свергнутого царя еще лежало на Лобном месте, а Василий Шуйский, не

дожидаясь собора, поспешил надеть шапку Мономаха.

Труп самозванца за городом кинули в яму глубокую, в народе же пошли слухи, что жив-здоров государь. Пришлось откапывать. Сожгли, пеплом пушку зарядили и в ту сторону выпалили, откуда пришел. Слухам хоть бы что: разрослись и смугу усилили.

А тут еще Болотников объявился.

Рязанские дворяне обиделись, что Москва без их согласия Шуйского на престол посадила, снарядили ополчение под командой Прокопия Ляпунова: иди, мол, наведи порядок.

Ляпунов пристал к Шуйскому. Тем временем рассылал царь грамоты во все города.

Уверял, что избран законно и что царевич Димитрий в Угличе погиб. Народ не поверил.

Тогда обратился царь за советом к патриарху Гермогену.

— Мощи царевича надо перенести в Москву, — сказал Гермоген.

В Углич послали Филарета. На всем пути гроб встречали с благоговением. Привезли в Москву и поставили в Архангельском соборе.

Помолился Филарет и задумался: что-то будет с Отечеством.

5

Юг государства взволновался и пеною гнева покрылся, как море. Поднялись города и села против Василия Шуйского и его воевод. Елец — город, богатый пушками и порохом, стал грозной силой в руках восставших. Царь послал митрополита Пафнутия с образом царевича Димитрия, с письмом его матери Марфы.

— Не верьте слухам, будто царевич жив, — призывал Пафнутий. — Вот его образ, вот письмо матери.

Ельчане не поверили митрополиту.

— Письмо Шуйский сочинил, — говорили они.

В Ливнах воевода пробовал уговорить народ: его схватили и сбросили с башни. Пришлось войско двинуть. На Елец пошел Иван Воротынский, Кромы осадил с пятитысячным отрядом Юрий Трубецкой.

Туго пришлось бы кромчанам, если бы из Путивля не прибыл Иван Болотников с войском своим. Быший холоп князя Андрея Телятевского, беглец в дикое поле, казак, испытавший татарский полон и рабский труд на галерах, энергичный и умный человек, он понравился мужикам и казакам. Люди хлынули к нему.

Он шел из Путивля, а в Кромах кипела схватка. Первый приступ царских войск кромчане отбили и стали смеяться с высокого вала пещерной крепости:

— Эй вы, шубники! Убирайтесь прочь! А не то сдерем с вас шубы.

Трубецкой отошел и стал готовить новый приступ.

Но тут подоспел Болотников.

Надумал было Трубецкой рассеять сброд, проучить холопов, поднявших руку на государя московского. Но рать из Путивля ощетинулась пиками, засверкала саблями, пищалями полыхнула и даже дубины в ход пустила, а главное — ударила с тыла, откуда воевода не ждал, дрогнул Трубецкой. Многие ратники Шуйского нашли могилу в речке Кроме, иные в плену оказались. Одних под охраной в Путивль отвели, других, поколотив изрядно, в Москву отпустили с позорной вестью.

Ранее всех бежал Трубецкой. Встретил по дороге князя Воротынского, а хвалиться нечем. Молча поехали воеводы в белокаменную.

Иван Болотников отпраздновал победу в Кромах и двинулся на Орел. Ковылем ему кланялась Фоминская степь. Приветно шумел лес Лавров. Из сел-деревень, что лепились по краю оврагов да рассыпали избенки по ровным лугам, выходили мужики, в войско большого воеводы вступали. Надеялся Василий Шуйский на Орловскую крепость, но стрельцы туда не успели. Встретили у Лихвинской заставы князей-воевод Ивана Хованского и Ивана Борятинского, а те говорят:

— Ратные люди разъехались и с нами быть не хотят.

Написали царю, что «в орлянех шатость».

Орел как желанного гостя принял Ивана Болотникова. Посад ликовал. Шапки летели вверх. Славил народ казака-воеводу. Верил, что с ним Петр-царевич, сын Федора Иоанновича, внук Ивана Васильевича — древняя кровь Рюрика-князя. Посылал Болотников грамоты из Орла, звал людей в войско свое, в поход на Москву. Вскоре и сам пошел.

двинулось войско на Болхов и далее. Августовское солнце било в глаза...

Хмурая осень стелила ковры, когда весть разнеслась, что Болотников стоит у стен Москвы, Коломну взял. По декабрьскому снегу весть приползла: разбит, в Калуге укрылся...

В начале 1607 года Василий Шуйский велел быть у себя патриарху Гермогену. Гермоген послал митрополита Пафнутия в Старицу к прежнему патриарху Иову, пригласил в Москву. Иов 14 февраля прибыл в царской карете, подбитой соболями, остановился на Троицком подворье. Два патриарха сочинили грамоту: «Царь Иван Васильевич повелел царствовать на Российском государстве сыну своему Федору Ивановичу; а второму сыну своему, царевичу Димитрию Ивановичу, дал в удел город Углич». Далее о том, как царевича не стало «от рук изменников», о том, что целовали крест Борису Федоровичу, во время царствования которого «огнедыхательный дьявол, лукавый змей, поядатель душ человеческих воздвиг на нас чернеца Гришку Отрепьева». Про то, как «множество народа с оружием и дрекольями во время божественного ления и, не дав совершиться литургии, вошли в алтарь», взяли патриарха Иова и, «таская по церкви и по площади, позорили многими позорами... Потом этот враг расстрига, приехавши в Москву с лютерами, жидами, ляхами и римлянами и с прочими оскверненными языками и назвавши себя царем, владел мало не год...»

Патриархи прощали и разрешали во всех прежних и нынешних клятвах народ. 20 февраля. 1607 года в Успенском соборе служил молебен Гермоген. Люди «с великим плачем и неутешным воплем» просили прощения у патриарха Иова. К ногам его припадали.

Царь же оставался в трудных размышлениях: как быть с Болотниковым?

— Отравить злодея! — подсказал немец Фидлер.

— Кто возьмется за это дело? — сощурил подслеповатые глаза государь.

— Я возьмусь. — И клятву дал.

Получил 100 рублей, лошадь, яд и обещание в случае успеха иметь 100 душ крестьян да 300 рублей ежегодного жалованья. Уехал в Калугу и там все выложил Болотникову. Тот подержал яд в руке и мрачно задумался.

Было над чем ломать голову. Царь Димитрий, объявленный в Путивле, так и не появился. Посылал гонца к Григорию Шаховскому, тот ласкал ладонью государственную печать, увезенную из Москвы, и вздыхал: кому передать? Стал было уговаривать Молчанова, верного своего сотоварища по изобретению второго самозванца:

— Явись народу под именем Димитрия! Христом-Богом молю. Иначе прогорит наше дело.

— Денно и ночью мыслю о том же, — ответил Молчанов, — но не могу. Не хочу, чтобы пушку мной заряжали.

«В такой крайности, — читаем в «Истории России с древнейших времен» С. М.

Соловьева, — Шаховской послал звать к себе козацкого самозванца Петра, который, узнав о гибели Лжедимитрия, поворотил было назад в степи. Царевич Петр явился на зов, замучив несколько верных Шуйскому воевод, обесчестив дочь убитого им князя Бахтеярова, получив подкрепление из Запорожья, он двинулся вместе с Шаховским к Туле. Узнавши об этом движении и подкрепленный одним из отрядов самозванца, Телятевский выступил из Тулы к Калуге на помощь к Болотникову и поразил при Пчельне царское войско, высланное против него Мстиславским из-под Калуги, причем 15 000 человек перешли на сторону Болотникова; последний, пользуясь этим, оставил Калугу и соединился в Туле с Лжепетром, чтобы действовать отсюда соединенными силами».

Василий Шуйский собрал войско до ста тысяч. Сам же возглавил его и 21 мая выступил из Москвы. Патриарх Гермоген в грамоте призвал народ молиться об успехе похода. Бой состоялся при реке Восме. Целый день бились. Заколебались было воины царя. Тогда воеводы-князья Андрей Лыков и Борис Лыков поехали по полкам, стали говорить. — Куда нам бежать? Лучше нам здесь помереть друг за друга единокорно всем! Ударили ратные люди изо всех сил и выиграла бой. Мятельники отошли. Как в воду канул Телятевский, их предводитель. Одни говорили, что ушел с группой людей, другие уверяли, что перебежал на сторону московских войск вместе с отрядом в четыре тысячи человек. Патриарх призвал в своей грамоте народ служить благодарственные молебны за дарованную победу. Шуйский подтянул войска к Туле, осадил крепость, надеясь взять ее в ближайшее время. Осажденные дважды посылали гонца в Польшу. Писали друзьям Юрия Мнишека, чтобы помогли, прислали немедленно хоть какого-нибудь самозванца.

6

Наконец, нашли. Вернее, он сам нашелся. Когда бродягу, схваченного в Пропойске, привезли в Стародуб и стали допрашивать, он назвал себя родственником царя димитрия Ивановича. Затем выпрямился гордо и крикнул: «Ах, вы еще вы меня не знаете: я государь!

Стародубцы повалились в ноги.

Худой, темнолицый, с крючковатым носом. Кто он?

Историк Соловьев писал, что, по мнению одних, он — Матвей Веревкин из Северской страны. Другие называли его поповичем Дмитрием из Москвы, третьи — сыном Курбского, четвертые — царским дьяком, пятые — школьным учителем...

По чужеземным сведениям, человек безбожный, грубый, жестокий, коварный и развратный...

В Туле Болотников и Лжепетр держали оборону.

— Надо запрудить реку, — предложил Кравков, сын боярский.

Над ним сперва посмеялись, потом согласились. Запрудили. Вода затопила склады. Начался голод, пришлось сдаваться.

Перед тем, как сложить оружие, осажденные долго советовались. Умирать никому не хотелось. А потому согласились при условии, что будут помилованы.

— Обещаю, — сказал Шуйский.

Поверили царскому слову. Иван Болотников пал перед царем на колени, положил саблю на шею и сказал:

«Я исполнил свое обещание, служил тому, кто называл себя Дмитрием в Польше: справедливо или нет — не знаю, потому что сам я прежде никогда не видывал царя. Я не изменил своей клятве, но он выдал меня, теперь я в твоей власти: если хочешь головы моей, то вели отсечь ее этою саблею, но если оставишь мне жизнь, то буду служить тебе так же верно, как и тому, кто не поддержал меня».

Помилование не состоялось. Болотникова сослали в Каргополь: там ослепили и утопили. Когда везли, был без окон. Даже угрозу кинул:

— Я скоро вас самих буду заковычивать и в медвежьих шкуры зашивать.

Неведомо нам, что говорил Лжепетр, когда его увозили в Москву, чтобы там хорошенько допросить и повесить на видном месте.

Все на допросе рассказал о себе, ничего не утаил. Уроженец города Муром, он был тезкой знаменитого древнерусского богатыря: писали Илья Муромец, звали Илейкой. В ранние годы попал в Нижний Новгород. Торговал в лавке горшками да яблоками, а потом на Терек подался, в казаки вступил. Научился лихо скакать на коне, овладел саблей и пикой. Однажды сбились в кучу самые отчаянные и надумали сотворить на турок

разбойный поход. Вдруг прилетела весть издалека и на берегу Терека гнездо свила, души казачьи взбудоражила. Оказывается, новый царь объявился на Москве, сын Ивана Грозного. Донские казаки помогли ему сесть на престол, так он их наградил богато. — А мы чем хуже? — зашумели терские сорвиголовы. Взяли и придумали себе царя. Назвали Петром, сыном покойного Федора Ивановича объявили, хотя у того только дочь была, да и та во младенчестве умерла.

В царевичи же решили выдвинуть одного из двух:

или Митьку Астраханца, или Илейку Муромца.

— Эта шапка не по мне, — отмахнулся Митька. — Я сроду не был в Москве, никого там не знаю.

— А ты что скажешь? — насели на Илейку. — Бывал в Москве?

— Вывал! От Святков до Петрова дня жил там у одного подьячего.

— Подходишь! — обрадовались казаки.

Ночью, тайком от воеводы Петра Головина, сели в струги, нажали на весла и поплыли по морю Каспийскому. Причалили к острову, что против устья Терека, дали знать о себе на берег. Пристали к ним казаки из соседних мест. Поплыли. Хотели в Астрахань зайти, но их туда не пустили, двинулись вверх по Волге. В Москву Илейка грамоту отправил царю димитрию Ивановичу, назвал его дядей. Под Самарой получил ответ: государь дядя звал дорогого племянника к себе. Историки потом рассудили, что капкан самозванец готовил самозванцу. Глядь, и сам угодил...

В Москве нас не ждут, — вздохнул Илейка.

Занялись разбоем. На Волге, на Дону — всюду сеяли страх. Но позвал в Путивль письмом своим Григорий Шаховской, и оказался казачий самозванец в одной упряжке с Иваном Болотниковым...

Все было у человека: и громкое имя, и смелость, и ум, и талант военный. А пошел дорогой не той и остался мелькать в исторических трудах вроде букашки, неким Илейкой.

Иное дело Илья Муромец, любимый герой народный.

Иное дело — Пожарский и Минин.

Иное дело — Сусанин Иван.

Шумят имена, как знамена, во славу и честь народа. Шумят — и душа молодеет, новых сил набирается для продолжения трудного пути.

7

Шуйский ликовал, будто целое царство положил к ногам. Повержены Ивашка Болотников и казачий самозванец Илейка, сослан в монахи на Кубенское озеро Гришка Шаховской, мятежный князь. Притихла Тула. Самое время торжественно въехать в Москву, распустить помещиков по домам до зимнего пути и передохнуть в тепле домашнем, над премудростью книжной склонясь.

Читать Василий Иванович любил. Умножал свой житейский ум чужим, хитрость оттачивал скитанием в волнах протекших времен. А сабля тем временем отдыхала на белой стене.

Рано саблю отстегнул государь.

Рано торжествовал победу...

Собран до трех тысяч войска, второй самозванец двинулся на Брянск, а оттуда на Козельск. Брянские воеводы бежали с немногими людьми — за ними гнались, но догнать не смогли. Под Козельском был разбит царский отряд. Много добычи попало в руки поляков. Стали делить — перессорились. На своего царя обиделись.

— Сам воюй, — сказали ему.

И остался Лжедмитрий II с небольшим отрядом. В Орел отправился.

«Теперь орловцы, — читаем у Г. М. Пясецкого в «Исторических очерках города Орла», — увидели лицом к лицу того, которого, не выдав прежде, считали за Дмитрия. Между тем оказалось, что он был совсем не тот, которого они чаяли...»

Ехал царь по посаду, а люди с любопытством оглядынали его. Безбородый человек с крючковатым носом, замечая устремленные на него взгляды, бледнел и то глаза свои закатывал вверх, словно силясь загнать их под пышную шапку с павлиньим пером, то опускал вниз и воровато уводил в сторону. Заметив, что от чрезмерного внимания орлян государь явно не в себе, верный пан Кроликовский гордо вскинул голову, как петух перед боем, и вскрикнул хриплым, пропойным голосом:

— Здрав будь великий князь и царь государства Московского димитрий Иванович!

Толпа нестройно ответила.

Лжедимитрий попытался, вскинув тонкие брови, осветить улыбкой худое лицо, но она погасла, споткнувшись о длинный нос, и ему ничего не осталось, как повернуться к посаду спиной и двинуть нарядного коня в крепость: там, в избе-дворце ждали его обед и русская баня с березовым веником.

Посмотрели посадские на пышную шапку с павлиньим пером, на воротник кафтана, шитого в Кракове, на сбрую и хвост коня и задумались. Сомнения охватили народ. А кое-кто и раздумывать долго не стал. Решили избавиться от такого «царя».

Тихая ночь засеяла крупными звездами небо. Сизый туман поплыл по Оке, по речке Орлу. От башен упали на пожухлые травы длинные тени.

А в избе-дворце не спится царю. Лежит на полу, на перине пуховой и глазами ест темноту. Пан Кроликовский улегся у ног и во сне краковьяк отплясывает: крепко хватил из большого сосуда.

Вдруг видит царь человек вошел. Кто это? В сумерках не разобрать.

«Кто-то из наших», — подумал лениво и хотел было повернуться на бок да глаза закрыть.

Но человек приподнял свечу, и самозванец похолодел: в руке вошедшего сверкнул нож.

Страх сковал. Язык к гортани прилип. Только и смог ногой толкнуть верного

Кроликовского. Тот зашевелился, пробормотал что-то невнятно. Человек спешно погасил свечу и лег между спящими.

«Так и есть, кто-то из наших», успокоил себя Лжедимитрий, но так и не уснул до утра.

Утром глянул на то место, где улегся человек с ножом, и увидел: пусто. Так и не мог понять, куда он делся.

Беспокойные думы нахлынули. Решил податься в Карачев: там безопаснее, там гетман пан Меховецкий с большим отрядом. Послал к нему гонца, чтоб встречал. Гетман ответил, что Орел покидать не следует. Послушался, пожил с неделю. Не выдержал и все-таки явился в Карачев. Поляки и казаки встретили хмуро. Сразу неуютно стало.

— А я что говорил? — упрекнул многоопытный Меховецкий. — В Орел возвращайся, в Орел.

Не стал рассказывать гетману, что боится орлян, вернулся. Велел только стражу удвоить у порога Царской избы.

Вскоре и в Орле стало уютно. Прибыл паи Валавский с отрядом, следом — пан Тышкевич и тоже не один.

Глядь, князь Вишневецкий поднимается на крыльцо, а его всадники во дворе на конях гарцуют. Совсем стало радостно, когда сам Александр Лисовский, полковник лихой, привел своих конников в Орел. Что ни конник, то сорвиголова, а сам Лисовский своей удалью разбойной столько нажил врагов в родной Польше, что пришлось за границу податься, приключений искать на Руси.

— Пошли на Брянск! — предложил он царю.

Лжедимитрий подумал-подумал и велел собираться. По дороге в Карачев зашли. Там войско умножили.

Самое время — в Брянск наведаться. Стояла глубокая осень. Древний город на Десне на этот раз встретил не хлебом-солью, а пулями да ядрами. Князя Кашин и Ржевский

решили не пустить самозванца. Много раз пытались поляки подняться на высокий, лесистый берег, но получали отпор.

— Пся крев! — ругался Лисовский.

— Убирайся отсюда! — кричали брянцы. — И свою пся-креву забери с собой.

Полковник багровел от гнева. Город, окруженный двумя глубокими оврагами, обернулся крепостью неприступной. Лжедмитрий ежился от морозного ветра, шмыгал длинным, крючковатым носом и думал с досадой, что осада не удалась.

— Голод — верный спутник осажденных, — сказал, будто подслушал мысли царя, Меховецкий. — Лучше подождать.

— Согласен, — качнул косматой шапкой самозванец.

В середине декабря истощились запасы Брянска. Голод привел болезни. И вдруг на левом берегу Десны показался обоз под прикрытием войск. Пришел отряд воеводы Литвина-Мосальского. Был бы лед, переправились бы скоро. Тут же воинов Шуйского встретила холодным блеском вода. Брянцы с холма смотрели, а сердце разрывалось от отчаяния.

— Не дадим Брянску-городу с голоду помереть! — крикнул воевода.

Стали переправляться.

Как писал генерал А. Н. Шульгин в книге «Минувшее Орловского края» (Орел, 1903), «подошедшие решились на крайний, геройский подвиг самопожертвования; они при помощи подручных материалов, сами по большею частью вплавь, переплыли быструю, широкую, замерзающую реку Десну, в виду неприятеля, отбросили его при содействии вылазки из крепости и доставили в нее привезенные припасы».

Вскоре прибыл князь Куракин с продуктами и свежим войском. Пришлось самозванцу возвратиться в Орел.

В Орел въезжал — держался гордо, будто победу одержал, будто и впрямь в его жилах была князя Рюрика древняя кровь. Коронай красовалась на голове шапка с пером, падая тенью на хищный нос...

Свистит метелями, трещит морозами зима. Орел наводнен военными людьми. Скачут всадники по городам и весам, везут грамоты царские во все стороны. И летят они, как хитрые птицы, летят над русской землей, уставшей впитывать кровь во имя новой крови. Не верьте, кричат эти птицы, что Димитрий-царевич в Угличе умер!

Не верьте и тому, что убит в Москве и пеплом по ветру развеян!

Верьте, что жив!

Уютно Лжедмитрию во дворце-избе. Ночами сны его оберегает, лежа у ног, пан Кроликовский, а днем ловят каждое слово придворные: канцлер Валавский, маршал Харлинский, конюший князь Вишневецкий...

Главный советник во всем — паи Меховецкий.

— Государь! — наклоняется к уху. — Там из Кром послы к тебе пожаловали.

— Послы? От кого?

— От Романа Рожинского. Не верь послам, не верь их пану. Измену тебе Рожинский готовит. Не успеешь и глазом моргнуть, как переметнется к Шуйскому.

Крепко держит в руках гетман свою булаву и боится Рожинского: а ну как отберет?

— Где послы? — сердито спрашивает самозванец.

— Во дворе, государь.

Лжедмитрий набрасывает шубу на плечи. Хоть зима и подходит к концу, а мороз еще крепок, и ветер суров.

Во дворе — тридцать всадников.

— Зачем приехали? — спрашивает царь, хмурясь.

— От князя Романа Рожинского мы, государь, — отвечает толстый лях, сидя на коне.

Привел он в Кромы четыре тысячи рыцарей храбрых, послал к тебе денег просить.

Лжедмитрий косит глазом на стоящего рядом гетмана, а тот наклоняется и шепотом:

— Не верь Роману! Обманет, изменит.

И слышат послы горделивый ответ:

— Я рад был, когда услышал, что Рожинский идет ко мне, но мне дали знать верные люди, что он хочет изменить мне; так пусть лучше воротится назад. Посадил меня Бог на столице моей без Рожинского и теперь посадит.

Послы в смятении, а царь — свое:

— Вы уже требуете денег, но у меня здесь много добрых поляков, таких, как вы, а я еще ничего не давал им. Сбежал я из Москвы от милой жены моей, от милых приятелей моих, ничего не захвативши.

Послы — как в воду опущены. Кровь кипит, руки к саблям просятся, да ничего не поделаешь: надо слушать. А он еще напомнил, как они под Новгород-Северским собирали коло и все допытывались, настоящий ли он царь Димитрий.

— Теперь мы видим, — сощурился толстый пан, — что ты не настоящий царь димитрий: тот умел рыцарских людей уважать и принимать, а ты не умеешь.

— Едем, панове, — обратился он к товарищам, — обратно в Кромы. Расскажем все братии нашей. А там решим, что делать.

Когда послы уехали, поостыл самозванец, догадался, что перегнул палку. Велел догнать послов, позвать на царский обед. Вернулись ли обиженные послы в Орел — мы не знаем. Но вот что они, приехав в Кромы, пожаловались на самозванца, это уже доподлинно известно.

— Домой! — зашумели поляки. — Не пойдем служить царьку орловскому.

Но князь Рожинский дальше глядел. Он решил во что бы то ни стало потолковать с царем с глазу на глаз. Поехали. И не один, а в сопровождении двухсот всадников и четырех сотен с половиной пеших людей.

Приняли его не сразу. Хуже, совсем не хотели принимать, когда он появился в Орле на царском подворье. Сказали, чтоб ждал. Вспыхнул князь и сам зашагал по ступенькам вверх. Без спроса дверь распахнул гордый пан.

— Выйди в другую комнату, — сказали ему. — Государь занят важным делом — в бане изволит париться.

— Тут обожду, — буркнул упрямый князь.

А в избе тесно. Когда царь вышел, то почти одеждой пана коснулся, а лица к нему не повернул. Будто не заметил. Сел на царское место, называемое тронем, и начал разговаривать с приближенными. Князь излончился и приложился к руке самозванца. Тот улыбнулся и, наконец, заметил гостя.

За обедом государь был весел, шутил, даже позволил себе колкость в адрес польского короля, сказал:

— Ни за что я не согласился бы быть королем в Польше; не на то уродился монарх московский, чтобы им заправлял кто-то.

После обеда Рожинский стал добиваться встречи с царем наедине. Меховецкий старался сделать все, чтобы встречи не было. Ее стали откладывать со дня на день. Наконец, у Рожинского терпение лопнуло, и он объявил, что уедет домой.

Меховецкий радостно потирал руки.

Рано радовался. Напрасно потирал руки. Из этих рук вскоре выпала гетманская булава... Все началось с того, что к Рожинскому пришли поздно вечером люди, недовольные гетманом Меховецким, и предложили собрать коло.

Наутро людно было в посаде. Сторонники Рожинского недаром всю ночь не спали. Все хорошо продумали. Князь Роман был уже провозглашен гетманом, когда в посад приехал на богато убранном коне Лжедимитрий. Брань сорвалась с его языка: в шуме голосов он услышал, что его называли негодяем. Стало тихо. Тогда подошел к царю представитель коло и потребовал:

— Назовите, государь, человека, клеветавшего на князя Рожинского.

Самозванец потемнел.

— Что? — вскипел он. — Хотите, чтобы я выдавал вам верных своих слуг, которые предостерегают меня от беды? Никогда этого не водилось у государей московских, и я

этого не сделаю не только для вас, но если б даже сам Господь Бог сошел с неба и велел мне это сделать.

— Чего ты хочешь? — закричали поляки. — Оставаться только с теми, кто по углам тебе языком прислуживает, или с храбрым рыцарством, которое пришло саблей и здоровьем служить тебе?

— Как себе хотите, — сказал Лжедмитрий, — хоть ступайте прочь.

И, дернув поводья, поворотил коня. Пышная свита двинулась за ним. Крики раздались:

— Изрубить его! Схватить! Мошенник!

Стрельцы взяли за ружья, поляки — за сабли. Началась потасовка. Кто-то предложил поставить стражу к царской избе, Самозванец, оказавшись под караулом, как отмечал историк Г. М. Пясецкий, задумал умерить себя водкою»? Другие уточняют: горилкою, которую Лжедмитрий сроду не пил.

Железный желудок государев устоял, а придворные постарались помирить поляков с казаками. Царь принял баню и поехал в посад прощения просить.

Поляки выслушали и деловито спросили:

— А деньги?

— Будут...

— Так и быть, остаемся.

Гетман Рожинский бодро начал командовать: половину войска оставил в Орле, половину в Кромы увел до весны.

Согласие sprыснули кровью несчастного пана Меховецкого. На радостях князь Роман велел его умертнить, чтобы не тянулся к булаве, не влиял на царя.

8

Едва всадники Рожинского скрылись за городом, как в Орел вступил отряд под командой стройного, красивого, молодого казака.

— Иван Заруцкий, назвал он себя. — Пять тысяч со мной, все будут счастливы послужить нашему государю Димитрию Ивановичу.

— Добро! кивнул головой пан Кроликовский.

Ждите. Великий государь не обидит верных своих холопов.

Из дворца-избы вышел самозванец. Темное лицо его посветлело при виде красавца-казака и его молодцов.

— А это кто? — спросил с удивлением и покосился на молодого человека, стоявшего рядом с Заруцким.

— Сын царя Федора Иоанновича, — представил своего спутника командир отряда.

— Выходит, мой племянник?!

— Точно, государь.

Поцеловать руку дяди незнакомец не успел.

— Взять его! — мотнул головой самозванец. Два поляка заломили молодому человеку руки и увели.

Заруцкий нахмурился. Кроликовский захохотал. А Лжедмитрий распорядился во избежание встреч с новыми родственниками мнимых царевичей хватать, бить кнутом и сажать в тюрьму до царского приказа. Он готовился один править государством.

Выполнение распоряжения оказались делом нелегким. Самозванцы появлялись один за другим, как грибы после дождя. Племянник, привезенный в Орел, был поставлен донскими казаками вместо повехенного в Москве Лжепетра. Лжедмитрий велел убить его. По словам историка Соловьева, «козакам понравились самозванцы: в Астрахани объявился царевич Август, потом князь Иван, сказался сыном Грозного от Колтовской; там же явился третий царевич, Лаврентий, сказался внуком Грозного от царевича Ивана; в

степных юртах явились: царевич Федор, царевич Клементий, царевич Савелий, царевич Семен, царевич Василий, царевич Ерошка, царевич Гаврилка, царевич Мартынка — все сыновья царя Федора Иоанновича.

Смута усиливалась. Едва Шуйский после взятия Тулы появился в Москве, как пошли слухи, что один муж духовный видел во сне Христа. Христос появился в Успенском соборе и грозил московскому народу страшную казнь за то, что люди сквернословят, «приняли мерзкие обычаи, стригут бороды: содомские дела творят и суд неправедный», «нет истины ни в царе, ни в патриархе, ни в церковном чине, ни в целом народе?». Сон был рассказан протопопу Терентию, тот подал записку патриарху, читали о видении в Успенском соборе, объявили пост. А Василию Шуйскому и горя мало: отпраздновал свадьбу свою на княжне Марье Буйносовой-Ростовской, ушел в дела семейные...

Над Окою в березах кричали грачи. Взвозная гора зеленела травой. Под крышами башен Орловской крепости норовили прижиться скворцы.

Лжедмитрий собрался в поход. Из Кром привел свое войско гетман Рожинский. Привел и стал под Орлом. Подковали коней и наострили сабли конники Лисовского, казаки Заруцкого. Размечтался о винах в подвалах Московского Кремля Кроликовский.

Тихая майская ночь посыпала звезды в реку, последняя ночь самозванца в Орле. Спалось крепко. И вдруг среди ночи:

— Горим!

Выбежали и увидели: пламя рвет когтистыми лапами крышу. Жутко стало. «Ох, не к добру», — подумал царь.

А, может, и подумать не успел. Говорят, проворно ускакал в лагерь к Рожинскому. Там успокоился и обрёл уверенность, нужную для сражения.

Десятого мая 1608 года полки Лжедмитрия перешли по Цареву броду, в трех верстах от города, речку Орел, нынешний Орлик, и двинулись на Болхов. В десяти верстах от Болхова, на луговом просторе у речки Каменки встретились с войском Димитрия Шуйского.

Брат московского царя, по словам Н. М. Карамзина, «отличался единственно величавостью и спесию; не был ни любим, ни уважаем войском; не имел ни духа ратного, ни прозорливости в советах и в выборе людей». Всю зиму, простояв в Болхове, он решил теперь сразиться с вором-самозванцем, доверясь во всем Василию Голицыну.

А Голицын — не Скопин-Шуйский. Первым начал битву, первым и дрогнул, противнику тыл показал. Приготовился бежать главный воевода. Спасибо, не растерялся князь Куракин. Он смело повел запасное войско и сильным ударом остановил поляков.

Вились до самого вечера.

Не уступали в храбрости московским людям и немцы. Правда, их предводитель Ламсдорф оказался плохим воином. Хуже, перед битвой пообещал полякам перейти на их сторону, но спьяну позабыл о своем обещании и позволил дружине сражаться мужественно на стороне димитрия Шуйского.

В разгар сражения главного воеводу охватил страх. Взял и приказал пушки отправить в Волхов. Ратники, увидев это, поняли: победы не видать. Упавшим настроением московитов воспользовался Лжедмитрий и сильным ударом смял их ряды.

Ламсдорф призвал немцев соединиться с поляками.

— Наши жены и дети в Москве! — закричали они и побежали следом за главным воеводой.

Но побежали не все. Двести немцев во главе с Ламсдорфом остались. Распустив знамена, они ждали чести от самозванца.

— Рубите их! — крикнул казакам Рожинский.

Казаки выполнили приказание гетмана.

Витву под Болховом описал С. И. Шаховской в «Летописной книге».

Было время, вспоминал Семен Иванович, когда «воздух светлостью блистает, уже растаял снег и теплые ветры повеяли, а реки превратились в бурные потоки... В такое вот

прекрасное время года прежденазванный хищный волк собрался с большим войском из польского люда и с казаками Северской земли и выступил против воевод московского войска князя Дмитрия Ивановича Шуйского, нисколько пред ним не дрогнув. А тот приказал войску вооружаться, и разделил все воинство на пять полков, и воевод назначил по государеву наказу. И вышел навстречу им. А когда сошлись обе стороны, то начали бой тяжкий. И такая битва была два дня, не прекращаясь, множество полегло убитых и раненых в войске московском, ведь поляки мощными силами напали на москвичей. Мало-помалу начали войска московские редеть, так как потерь людских пополнить не могли, то обратились в бегство. Поляки же полем боя овладевают и острием меча преследуют и несметное число людей царских убивают.

Одни из этих людей бросились бежать без оглядки и оружие свое побросали, другие же под конскими копытами бессмысленно гибли. И потемнело в воздухе от конской лавины. И один воин другого не узнавал, ибо потемнели лица их от страшной пыли в воздухе. И так преследовали их поляки двенадцать верст и возвратились обратно, а имущество их разграбили, другие же воины из московского войска, небольшая часть, укрылись в городе Болхове и затворились в нем. И, просидев в городе два дня, сдались и город отворили. А этот коварный и вероломный, названный царь Дмитрий, не причинил им вреда, но поставил над ними воевод и пошел к царствующему граду».

Дошел до реки Угры. Люди московские не зря держались поближе к болховскому воеводе князю Третьяку Сеитову. Вместе с ним и перебежали на сторону Москвы.

Самозванец, по словам Шаховского, нисколько этого не уstraшил» и двинулся далее. У села Тайнинского решил лагерь раскинуть. Рожинский осмотрел это место и нашел его непригодным.

Шуйскому донесли о приближении поляков. Он велел войску немедленно вооружиться, в первый полк назначил воеводой князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, во второй князя Ивана Михайловича Воротынского, в третий — князя Ивана Борисовича Черкасского. На следующий день войско двинулось за город, прошло двенадцать верст и увидело Тушино. Тут и сошлись...

Дрались упорно с той и другой стороны.

«Лишь когда солнце склонилось к западу и пала ночная мгла, — писал Шаховской, — тогда и бой прекратился. Царские воеводы возвратились в город, а поляки поставили шатры и почили сном — только стражи не спят».

Утром вышел гетман Рожинский из шатра, осмотрел место и нашел его пригодным для военного лагеря.

— Укрепить обозами, выкопать рвы! — приказал.

Самозванец молча наблюдал, как его подданные, поплевав в ладони, взялись за лопаты, как телеги, сведенные вместе, превращаются в крепость.

Царские войска на речке Ходынке стали, в шести верстах. Прошел слух, что скоро мир будет заключен. Воеводы поверили и оставили на ночь лагерь без охраны. Легли спать. Тут-то и налетели поляки. Врывались в шатры, взялись, по словам Шаховского, убивать бесчисленно, «словно неистовые распалась на кровопролитие и грабежи», выносили богатую добычу. Спасибо, царь подмогу прислал. Засверкали сабли, засвистели стрелы. Много было убитых. Наконец, показали спины поляки. Гнали их до самых шатров.

И еще были схватки не раз...

А Тушино росло. Одни рыли себе землянки, другие, что богаче, избы строили из бревен, разбирая жилища соседних деревень. Спешили к самозванцу и паны, и казаки, и московиты.

Шуйский заключил с поляками перемирие и отпустил домой Марину вместе с отцом. Даже дал конвой. В обмен на волю Марине пришлось отказаться от титула московской царицы, старый Мнишек поклялся, что не признает второго самозванца зятем. Около месяца карета блуждала по проселочным дорогам, пока ее не догнали 16 августа под Любеницами, недалеко от границы. Провожатые разбежались. Марина услышала родную

польскую речь. Сам Ян Сапега, племянник канцлера Льва, отважный богатырь, осужденный в отечестве своем за убийство, горячо приветствовал ее, называя царицей. Более того, убедил, что надо ехать в Тушино, что там ее ждет, не дождется муж, великий государь. Марина смеялась и пела, пока не подъехал к ее карете князь Мосальский.

— Вы, Марина Юрьевна, песенки распеваете, — сказал он с усмешкой, — оно бы кстати было, если бы вы в Тушине нашли вашего мужа; на беду там не тот Димитрий, а другой. Как не тот?! — вскричала и залилась слезами. Мосальский понял, что поспешил со своей правдой.

Он, по словам историка Н. И. Костомарова в книге «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» (СПб, 1873), «страшась за это мщения от поляков, бежал с дороги к Шуйскому».

И правильно сделал. Следующая сцена, нарисованная на основе очерка Р. Скрынникова «Крушение царства», тому подтверждение.

В окрестностях Тушина карета остановилась. Вышла Марина хмурая, молчаливая, окинула печальным взором богатыря Сапегу и его верных спутников, лихих усачей-гусар, а в голове одно: зачем приехала?

— Пожалуйте сюда, государыня наша! — позвали ее к высокой палатке.

Не успела войти, как шагнул к ней пылкий юноша, польский дворянин.

— Остановись, царица! — сказал торопливо. — Обман тебя ждет, обман.

— Спасибо, друг! Мне уже говорили.

Опустила голову и шагнула в шатер.

Схватили рыцаря и доставили в лагерь самозванца.

— Живым посадить на кол — распорядился царь.

Кол поставили посреди лагеря, чтобы всем было видно...

— Марину Юрьевну привези ко мне, — приказал Рожинскому государь.

Вздыхнул гетман, предчувствуя немалые хлопоты, а делать нечего. Пришлось ехать в лагерь Яна Сапег.

Приехал, передал приглашение государево. Не поеду! отрезала Марина.

— Нет, вам придется поехать, — стоял на своем гетман.

— Ни за что! — перешла на крик.

— Дочка, — просил Юрий Мнишек.

Она была неумолима. Рожинский задумался. Что делать? Везти силком? Но ведь надо принародно изобразить нежное свидание супругов?! Ничего себе «нежное», когда человек бьется в истерике.

Пять дней уговаривал сам Ян Сапега. Она не поддавалась. Пришлось ехать отцу к самозванцу вместе с Рожинским и Зборовским. Ехал на встречу, попал на торги. Долго и упорно торговался старый Мнишек. Выторговал миллион злотых, по другим сведениям — триста тысяч рублей и Северскую землю с четырнадцатью городами. Забыл свою Клятву в Москве родитель Марины, признал зятем незнакомца с худым и темным лицом.

— Когда супруга вернется ко мне? — спросил самозванец.

— Сразу же, — пообещал тесть, — как только сядешь на трон московский, а деньги перейдут в мой кошелек

— Дело, — согласился Лжедимитрий.

На следующий день в лагере Сапег, как писал Костомаров, Марина отвернулась от него с омерзением. Паны принуждены были поставить к ней стражу». Есть свидетельство, что гордая полячка в отчаянии прошептала «Лучше смерть».

А жизнь все-таки лучше. Уломал Юрий Мнишек несчастную дочь. «К этому, — читаем у Костомарова, — присоединились убеждения какого-то иезуита, который уверял, что с ее стороны это будет высокий подвиг в пользу церкви. Марина согласилась играть комедию с условием, что называющий себя Димитрием не будет жить с нею, как с женою, пока не овладеет московским престолом».

На другой день Марина торжественно въехала в лагерь самозванца. Сопровождали ее

молодцы Яна Сапеги с распущенными знаменами. Посреди многочисленного войска Марина Мнишек и человек, которого историки называли Богданом Шкловским, бросились в объятия друг к другу: «Ее взор изображал нежность и восхищение, она лила слезы и клонилась к ногам проходимца».

Проходимец не выполнил условий заключенного соглашения: не сел на трон и не расплатился с тестем. А жену получил. Вошла Марина в избу, именуемую дворцом, да так и осталась.

Разгневался Мнишек, уехал в Польшу. Писала ему дочь письма, ответов не было. Слезно просила благословения — молчал. Просила черного бархата на платье — ни слова.

Однажды, спустя полгода, встретил Марину брат и спросил сердито:

— Невенчанная живешь? — Ну и что?

— А то, что распутство это.

— Успокойся! Ксендз тайно обвенчал нас.

— Врешь!

— Вот те крест.

Мартин Стадницкий, дворецкий Марины, бухнул оря:

— Не венчал их никто.

— Да ведь стыдно.

Экая важность — стыд. Была бы власть в руках.

«Царская власть, читаем у Скрынникова, — издавна считалась на Руси оплотом православной веры. Все смешалось в хаосе гражданской войны. Первый самозванец, Гришка Отрепьев, был тайным католиком, второй самозванец — тайным иудеем? Коронованная в Москве Марина своим переездом в Тушино подняла престиж второго самозванца. Ему сдались Псков, Ивангород, Орешек, Переяславль-Залесский, Суздаль, Углич, Ростов, Ярославль, Тверь, Бежецкий Верх, Юрьев, Калинин, Торжок, Белоозеро, Вологда, Владимир, Шуя, Балахна, Лух, Гороховец, Арзамас, Романов и другие. Это только те города, что сдались после соединения Марины с самозванцем! Южные области не в счет.

Победителем-полководцем чувствовал себя тот неведомый иезуит, который под знаком веры католической сумел надломить душу славянской красавицы.

Смута продолжалась.

Тушинский лагерь стал гнездом разбоя и разврата. Тут были преступники, приговоренные к смерти, неоплатные должники, проигравшиеся и пропившиеся шляхтичи, просто любители грабежа и разгульной жизни. «Поляки приказывали русским курить вино, варить пиво и доставлять в лагерь». Толпами стекались сюда распутные женщины. Тутинцам мало было этого. Они еще по селам рыскали, хватая женщин. Игра в кости и в карты, драки, убийства. Насилия над девушками и даже совсем юными девочками. Разбойные шайки повсюду. «Были случаи, писал Костомаров, — что женщины, спасаясь от бесчестия, резались и топились на глазах элодеев, а другие бежали от насилия и замерзали по полям и лесам, Поляки умышленно оказывали пренебрежение к святыне, загоняли в церкви скот, кормили собак в алтарях, шили себе штаны из священнических риз, клали мясо на церковную утварь и, разгулявшись, для забавы приказывали монахам и монахиням петь срамные песни и плясать.

Такие поступки ожесточали русский Народ...»

Митрополит Филарет и воевода Третьяк Сеитов уговорили народ Ростова защищаться, когда сюда прибыл Ян Сапега. Настроение у пана было боевое: только что Ярославль к его ногам положил оружие. Многие даже присягнули самозванцу и под началом Сапеги двинулись на Ростов. Собрал воевода Сеитов несколько тысяч войска, смело напал на Сапегу, но не одолел. Отошел к городу и еще три часа бился. Снова неудача.

— Идите в собор! — крикнул митрополит.

Вбежали толпами. Закрылись. Стали молиться. Врагам удалось ворваться в храм. Видит Филарет, что погибель пришла. Схватил хлеб-соль — и навстречу.

Лихачи Сапеги вместе с предателями ярославцами набросились на народ. Кровь лилась ручьями. Стоны, крики. Храм наполнился трупам.

— Умоляю! Не будьте извергами, — просил митрополит.

— Поедешь с нами, — ответили ему.

Босого, в изодранной одежде, в татарской шапке, Филарета вывели наружу, посадили в телегу, рядом для смеха велели сесть какой-то женщине и повезли в Тушино. Перед избой самозванца остановились.

— Государь! Получай, что просил! — весело крикнул Сапега.

Царь нахмурился грозно:

— Почему наш родственник в таком виде?

Побледнел Сапега. Понял, что за родственника царского ему может еще и влететь.

— Виноват, государь.

— То-то! Переодеть немедленно.

И скрылся в своем дворце. Сапега поспешил к телеге.

Вскоре на площади при всем народе переодетому пленнику-митрополиту были оказаны высокие почести.

— Нарекаю тебя патриархом! — объявил самозванец.

Хотел было Филарет напомнить, что еще жив-здоров на Москве славный ревнитель земли Русской Гермоген, но с царями не спорят.

Молча принял нежданную милость.

— Награждаю золотым поясом!

И это молча принял.

Назавтра вышел из дома, а у порога охрана топчет траву, покашливает, во все глаза наблюдает, двинулся в храм — охрана следом. В золотую клетку попал Федор Романов, русский витязь. Что-то скажет строгий Гермоген? Ничего не сказал. Понимал патриот-патриарх, что человек в неволе. Час воли придет, тогда и скажется, самое важное, заветное. А пока придется походить в патриархах у временщика...

Осень 1608 года золотила листву, в мохнатые облака закутывала небо. Тушинские воители собирались в поход. Надевали паны белые жупаны, а поверх натягивали сетку — кто из плетеной проволоки, кто из железных колец или панцири из блях. На голове — шишак, а сверх всего — синий плащ. Гусары садились в седла, покрытые звериными шкурами, крепили к бокам быстроногих коней серебристые крылья, у каждого — короткий палаш на боку, длинное копьё воткнуто у луки седла с двухцветным значком. Выезжали на дорогу запорожцы, узнаваемые издали по широким красным шароварам, черным киреям, высоким бараньим шапкам. У каждого — самопал и копьё. Казаки. Главная сила смуты в казаках. На них — все надежды у Богдана Шкловского, ложного димитрия, по прозванию Тушинский вор.

Неужто не встретит его колокольным звоном Москва, как тогда Отрепьева Гришку, монаха-расстрижку?

Неужто не одолеют верные удалыцы последнюю заставу на пути — Троице-Сергиев монастырь?

Смотрит вослед самозванец и скорой победы желает.

Ничего не желает им патриарх Филарет.

Мало радости видеть скачущих тушинских всадников, зная, что они умножают горе на Русской земле.

9

Авраамий Палицын, в миру Аверкий, потомок Ивана Палицы, служившего у Дмитрия донского воеводой, умерший в 1627 году, оставил великое творение о Смуте под

названием «Сказание о том, что произошло в доме Пресвятой и Живоначальной Троицы и как заступничеством Пресвятой Богородицы и по молитвам великих чудотворцев Сергия и Никона избавлена была эта обитель от польских и литовских людей и русских изменников...

Служил он в ту пору келарем Троице-Сергиева монастыря, вторым человеком был после архимандрита Иоасафа, всем хозяйством ведал в лавре — владельнице примерно 250 сел, 500 деревень, 200 пустошей, более чем 70 починков и селищ, 40—50 тысяч душ, около 10 тысяч десятин земли.

Вспоминал осаду 1608 года, когда «собралось скопище сатанинское и отверзли псы уста свои», говоря: «О царь великий дмитрий Иванович! доколе будет досаждать твоему благородству воронье это, угнездившееся во гробе каменном, и долго ли седовласые будут пакостить нам повсюду?»

Скопищем сатанинским автор «Сказания» назвал войско самозванца, которое привели к стенам древней обители гетман Сапега и «всегорький Александр Лисовский с русскими ворами». Они грозили пустить «по воздуху прахом все жилища» в монастыре. Сентября в двадцать третий день пришли по Московской дороге, а люди, находившиеся в осаде, вышли за стены. И великий бой, совершили, и многих литовских людей побили, и здраными возвратились. Литовские люди и русские изменники «закричали мерэкими голосами», окружая монастырь, два острога поставили. Архимаидрит Иоасаф со множеством народа молился со слезами об избавлении. А воеводы Григорий Долгорукий и Алексей Голохвастов с архимандритом и соборными старцами стали народ готовить к обороне, «чтобы каждый знал и охранял свою сторону и все, что для боя необходимо, приготовил бы».

В ночь на память Сергия Чудотворца молился священник Пимен Спасу и Богородице и свет увидел в окне. Вышел — а над главой церкви Троицы огненный столп до неба. Испугался Пимен, позвал из кельи Иосифа да Серапиона, из других келий старцев многих, мирян, дивились глядя. А огненный столп начал опускаться, свился в клубок, как облако, и вошел в окно над дверями в церковь...

В двадцать девятый день Сапега и Лисовский прислали сына боярского Бессона Руготина с грамотой.

«Покоритесь!» — требовали.

Если же нет, то грозили, что «все умрут страшно».

«Да знает ваше темное господство, гордые начальники Сапега и Лисовский и прочая ваша дружина, — отвечали соборные старцы, воеводы и прочие защитники лавры, — что напрасно нас, Христово стадо православных христиан, прельщаете вы, богоборцы, мерзость запустения. Знайте, что и десятилетний христианский отрок в Троицко-Сергиевом монастыре посмеется вашему безумству и совету. А то, о чем вы нам писали, мы, получив это, оплевали. Ибо есть ли польза человеку возлюбить тьму больше света и променять истину на ложь, честь на бесчестие и свободу на горькое рабство? Как же оставить нам вечную святую истинную свою православную христианскую веру греческого закона и покориться новым еретическим законам отступников от христианской веры, которые прокляты были четыремя вселенскими патриархами? Есть ли какое-нибудь приобретение и почесть в том, чтобы оставить нам своего православного государя и покориться ложному царю, врагу и нору, и вам, латиняне, иноверным, и быть нам вроде жидов или хуже их? И ложною ласкою, и тщетной лестью, и суетным богатством прельстить нас хотите. Но мы и за богатства всего мира не хотим нарушить своего крестного целования».

Сентября в тридцатый день, прочитан ответ, враги исполнились ярости и вступили в бой. Крепко бились монастырские люди. Тогда Сапега и Лисовский велели прикатить многие туры и поставить орудия. девять туров поставили. Ров вырыли. Вал насыпали. В третий день октября начали бить и били шесть недель. Огненные ядра падали на пустые места, в пруды, в выгребные ямы, в стены домов. Нигде ничего не загорелось. Люди стояли, не

отступая. Ждали приступа. У всех «сердца кипели кровью». А богоборцы-лютеране ругались, «собачьими своими языками богохульные слова говоря». «Не сможете вы, грозили, — избежать рук наших никак».

Архимандрит и все люди, находившиеся в осаде, стояли в храме Пресвятой Живоначальной Троицы и читали молитву, прося Господа: «Не предай нас до конца врагам нашим, и не разори достояния твоего, и не лиши нас милости твоей, но дай нам послабление во время это». Исповедовались и причащались.

А враги помышляли о взятии города.

В шестой день октября ров копали на гору к Красным воротам. В двенадцатый день повели из того рва подкопы под круглую угловую башню. В тринадцатый день Сапега устроил для своих пир. Весь день «бесились они, играя и стреляя». К вечеру многие на конях с распущенными знаменами скакали по Клементьевским полям и вокруг лавры. Потом Сапега вышел с полками, Лисовский вышел. Били из орудий из-за всех туров, из пищалей палили беспрестанно. В первом часу ночи пешие устремились со всех сторон с лестницами, щитами, турусами на колесах. Трубы заиграли. Начался приступ. Горожане дрались у стен, из пушек и пищалей отбивались и многих побили. Враги, «пьянством загубив многих своих», побросали турусы, щиты и лестницы. Наутро городские все подобрали и унесли. Предали огню, «пищу на них готовя».

Семь дней сражались. Лютеране подъезжали «со страшными угрозами и руганью. Иоасаф с народом молился, с черным крестом, с иконой Богоматери Чудотворной обходя по стенам весь город.

В девятнадцатый день октября литовцы пошли за капустой. Явились на огород и давай срезать кочаны. Самое время устроить вылазку. Воеводы послали один полк на огород, другой — на Княжее поле, остальных на Красную гору. Стали биться. Служка монастырский Оська Селении Бога забыл и, охваченный страхом, перебежал к врагам. А другой служба, Василий Брехов, сражался, пока руки держали оружие. Упал, обливаясь кровью. Еще живого принесли его вместе с другими героями. Много оказалось раненых, не меньше убитых.

— Кто жив, сказал архимандрит Иоасаф, — того постричь и причастить Святых тайн. Кто Богу душу отдал, того отпеть и похоронить с честью.

Так и сделали.

Увидел пономарь Иринарх во сне чудотворца Сергия. Услышал от него наказ:

— Скажи, брат, воеводам и ратным людям, что сейчас к пивному двору будет очень тяжелый приступ, и пусть они не ослабевают, но с надеждою дерзают.

В третьем часу ночи под понедельник раздался гром:

это литовцы ударили из пушек, со всех сторон двинулись, острог зажгли у Пивного двора. Пламя большое широко видать. Метко били из-за турусов защитники лавры. Из пушек и пищалей косили одного за другим. Пламя сбили, и стало темно, как в яме.

В день памяти Дмитрия Солунского, в час ночи, глянули литовцы на монастырскую стену, а по ней люди идут с иконами и крестами. Жутко стало. Пищали взяли — и в табор: там безопасней...

После молебна воеводы устроили вылазку на Княжее поле. Сбили заставу. Уложили роту Герасима. Топтали до Благовещенского оврагу роту Сумина. Взяли в плен ротмистра Ивана Брушевского. допросили под пыткой — узнали, что ведется подкоп под стену и башню.

— В каком месте? — допытывались.

Хоть убейте, не ведаю, — клялся-божился Брушевский.

Поверили.

— А еще что знаешь? Ну, говори!

Хвалятся гетманы, что хоть год, хоть два будут стоять, а своего добьются: монастырь сожгут, церкви разорят, монахов муками замучают.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала! — возразили монахи.

И пошли точить сабли да пики, пушки готовить.

— У тебя язык резвый, — сказали Власу Корсакову. — Пушай слухи разные, а мы... Взялись глубокий ров копать от Служней слободы. Увидели литовцы, набежали во многом количестве, жестоко избивали наших. Но из лавры подмога подошла, пушки ударили. Стали новопойманных языков пытаться-допрашивать, куда подкопы ведутся. Языки молчали. Назвали только командующих панов: князь Вишневецкий, четыре брата Тышкевичи, пан Велемовский, пай Козоновский, пан Костовский — всего 20 панов, да еще ротмистров: Сума, Будило, Стрела - всего тридцать. До тридцати тысяч привели Сапега с Лисовским. Тут и татары были, и черкесы запорожские, и казаки донские, волжские, северские, астраханские, гусары русские, прусские, жемоцкие, мазовецкие. В первый день ноября из лавры вышли и выехали на конях вылазку сотворить монастырские воины. «Бог же попустил грехов ради наших», «расхрабрились на нас враги, и побили и поранили многих». Был убит почтенный слуга Копос Лодыгин, в плен бытли взяты у подкопного рва старец Левкий и другие люди. Напали страшнее прежнего враги. Скорбь великая людей охватила, плач и ужас был из-за подкопов. Где копают? Откуда погибели ждаты? Волновался народ. Каждый смерть свою видел перед собой. Причастились и ждали.

Иноки ходили и ободряли:

«Господа и братья, пришел час прославить Бога и Пречистую Его Матерь, и святых великих чудотворцев Сергия и Никона и нашу православную христианскую веру! Мужайтесь и крепитесь и не ослабевайте в трудах... Не унывайте в скорбях и бедах... Укрепились люди, «все больше расхрабрились, и крепко бились со своим врагом. Воеводы посылали стрельцов и добровольцев за языками ночью. Приводили языков, допрашивали, а дознаться никак не могли, где копают.

На второй день ноября, в третьем часу ночи, большой шум поднялся, во все трубы заиграли враги, двинулись на приступ.

Городские люди дали отпор.

Архимандрит Иоасаф рассказывал, что видел во сне святого Сергия. «Бдите и молитесь!» — сказал угодник.

Из пушек и пищалей так били литовцев, что на другой день они «своим делом промышляли, но издалека, а ко рву и к стенам близко подходить не смели».

Тогда вышли защитники лавры за стены. Выскочили литовцы из ровов и ям. Учинился великий бой. Бориса Рогачева, слугу, убили, поранили многих, дедиловского казака взяли, стали допрашивать о подкопе.

— Заканчивают, — сказал казак. — На Михайлов день заложат под стены и башни порох. Повели его по стене. Указал места подкопа казак и лег умирать от ран. Возопил со слезами и рыданием:

— Сотворите мне, виновному и бедному человеку, великую милость, дайте мне, Бога ради, отца духовного. Сподобьте меня быть участником Святых Христовых тайн! Архимандрит велел исполнить просьбу умирающего. Воеводы спешили подготовиться к отпору. От Подольной стены до Святых ворот был поставлен острог, насыпаны турысы, установлены орудия.

Той же ночью пришел казак из табора Лисовского.

— Иван Рязанец, — назвал он себя. — Послал меня атаман сказать, что подкопы готовы под нижнюю Круглую башню.

И еще поведал Рязанец:

— В прошлую ночь было нам явление.

— Какое? — поинтересовались монахи.

— Два старца ходили по стене — бороды седые, ликами светозарные. По образу и подобию — Сергий и Никон, великие чудотворцы. Кропили стены святой водой. «Спаси, Господи, люди твоя», — пели. Сказал преподобный, оборотясь к нашим полкам: «О злодеи законопреступники! Зачем вы сошлись? Разорить дом Пресвятой Троицы,

осквернить в ней божьи церкви и погубить иночествующих и всех православных христиан? Не даст вам Господь жезла на свой жребий!»

— А что же вы?

— Наши же окаянные казаки и литовские люди стреляли по ним из луков и из самопалов, но стрелы и пули отскакивали, возвращались и наших поражали.

Ночью Сергей приснился гетману Сапеге, начальствующим панам и ротмистрам, говоря: «Я сотворю на вас, злодеев, мольбу Вышнему Царю, и вы будете осуждены вовеки мучиться в гееннских муках». И снилось еще, будто молния ударила и громы страшные загремели, и с востока потекла великая река, а с запада и с юга появились два великих озера, и сошлись все три воедино, и поднялась вода, как гора великая, и потопила все полки литовские, и все совершенно пропало.

Сошлись наутро Сапега и Лисовский, заговорили о сне — к чему бы это.

Такие сны не к добру, — сказал донской атаман Стефан Епифанец, имевший под рукой пятьсот казаков.

И в первую же ночь ускакал со своими людьми. Гнались за ними литовцы, догнали на Клязьме-реке, но, как писал Авраамий Палицын, «те помилованы были Богом по молитвам преподобных отцов Сергия и Никона и ушли от литовских людей все невредимыми».

А воеводы посоветовались со старцами и воинами, велели очистить потайные ворота для вылазки. Три железные двери пристроили к старому лазу подле Сушильной башни...

День восьмой ноября был тридцатым днем обороны. Праздник святого архистратига Михаила «был днем плача и стенания». Литовские пушки гремели с утра. Шел в церковь Святой Троицы клирик Корнилий и упал под ядром: правую ногу оторвало по колено. Внесли старца в притвор. Успел причаститься бедный Корнилий и сказал, умирая, архимандриту: «Вот, отец, Господь Бог рукою своего архистратига Михаила отомстит кровь православных христиан».

Другое ядро досталось старице, оторвав ей правую руку с плечом.

Воеводы собирали народ на вылазку. В храме слышались рыдания и клики: «Господи, спаси нас...». А враги все били и били из пушек и пищалей. Во время пения псалмов ядро ударило в большой колокол, отскочив, влетело в алтарное окно, пробило доску правого крыла образа Михаила, ранило священника и, попав в левый клирос, развалилось. Другое ядро пробило железные двери и доску чудотворца Николая. На людей напал страх. Пение медлилось от сильного плача.

Священники в ризах просили помощи у Бога, у архистратига Михаила. Из башни Водяных ворот били наши пушки по Терентьевской горе, где стояли литовские орудия, где находилась самая большая пищаль — Трещера. Удачным выстрелом разбили в ней пороховницу. Выстрелом от Святых ворот с Красной башни разбили у этой пищали устье. Архимандрит Иоасаф, впав в забытие, увидел Сергия.

«Встань, — молвил он, — не скорби, но возноси молитвы в радости, ибо предстоит перед Богом и молится об обители и о вас святая и пречистая Богородица и Приснодева Мария с ангельскими ликами и со всеми святыми».

Поведали о различных знамениях священник Геннадий и другие старцы. Двинулись в храм...

Воеводы Григорий и Алексей прямо из церкви пошли к потайным воротам. Велели воинам выходить по несколько человек и укрываться во рву. Пошли туляне Иван Есипов и Сила Маринин, переяславец Юрий Редриков со своими сотнями и даточными людьми на луковый огород, на плотину Красного пруда. Из Конюшенных ворот со своими сотнями вышли, развернув знамена, старшины-дворяне: Иван Ходырев, Иван Болоховской, Борис Зубарев, Афанасий Редриков. А с ними и старцы во всех полках. Выходили за три часа до рассвета. Небо укрылось облаками и сделалось черным: человека не было видно. Но вот стало светло. Осадные колокола троекратным громом известили: пора! И вышел тогда Иван Ходырев с товарищами, призвал на помощь Святую Троицу.

Выкрикнули отважные имя Сергия, как боевой клич. Напали на литовцев и в бегство их обратили.

С тем же кличем старшина Иван Внуков с товарищами устремился от Святых ворот: сбил литовцев и казаков под гору в Нижний монастырь и за мельницу. На Московской дороге бился Иван Есипов. Старцы укрепляли людей словом своим.

«Умрем, братья, за веру христианскую!» — говорили друг другу.

Нашли устье подкопа. Никон Шилов да Слота, клементьевские крестьяне, вглубь проникли. Зажгли порох с кизяком и смолою и взорвали подкоп. Сами же в нем и сгорели. Бой продолжался. Ранило в голову Ивана Есипова. Иван Внуков литовцев гнал до горы Волкуши, беспощадно их избивая. А Данило Селевин, брат изменника Оськи, вскричал: — Хочу за измену брата своего жизнь на смерть променять.

Двинулся с сотней своей к колодцу чудотворца Сергия, многих литовцев саблей посек. Один ударил копьём Данилу в грудь, он зашатался, но успел мечом заколоть врага. Сам же от раны скончался в монастыре, успев принять иноческий чин.

Прогнали литовцев и казаков Иван Ходырев и Борис Зубов за мельницу на луг. Убил Иван Внуков атамана Чику из самопала. Потеряли враги полковников Юрия Мазовецкого и Стефана Угорского, да четырех ротмистров своих, панов многих. Живых языков в город привели.

Благодаря мысли Бог вложил инокам. Пришли они на Пивной двор к чашнику Нифонту Змиеву и сказали:

— Святая Троица даровала нам, бедным, великий успех: подкопы их мы отняли и обрушили. Одобрите наше желание туры отнять.

Взял Нифонт Змиев двести человек ратных да тридцать монахов, поднялся на Красную гору, где туры с орудиями были. В подмогу воевода Алексей Голохвастов с людьми поспешил. Из многих пушек ударили литовцы, полками вышли из-за туров. Под гору погнались защитников лавры. Стрельба со стен городских обратила литовцев вспять. двинулись за туры свои, в трубы трубя. Не успокоились троицкие люди. В овраги проникли. Сели на коней Иван Ходырев и Ананья Селевин, малым отрядом взяли первые туры, затем вторые и третьи. Прошла молва, будто видели среди отважных вооруженного воина: лицо, как солнце, и конь блистал, как молния. В первых рядах сражался. Взяли туры — стал невидим.

Многих панов побили, многих в плен захватили живьём. С трубами и знаменами в город привели. Восемь пицалей взяли, палаши, сабли, пороха бочки, ядра — все увезли. Турусы и туры пожгли.

Увидев пламя, Сапега и Лисовский в таборы свои ускакали.

В этот тяжкий день монастырь потерял 174 человека убитыми, 66 было ранено. Умерли от ран, став иноками, Иван Внуков, Иван Есипов, Данило Протопопов, Днило Селевин, Меркурий Айгустов и другие достойные люди...

А переяславец Ждан Скоробогатов поехал в Москву, к государю, с вестью о первой победе.

Не унимались паны. Коварный план придумали Сапега с Лисовским. Спрятали ночью конных людей в оврагах, сами же утром двинулись к надолбам. Решили выманить войско из лавры. Хитрость удалась. Люди вышли, погнались литовцев. Но наблюдатели увидели с церкви засаду в оврагах и ударили в колокол. Воины вернулись к городским стенам. Как львы из пещер, бросились следом литовцы. Пули и ядра со стен их порыв остудили и заставили вернуться в таборы. Сидели, вспоминали промахи и задумывали новые козни против монастыря.

Пришла зима.

— Надо устроить вылазку! — сказал один воевода другому.

— Устроим.

На рассвете воскресного дня мгла застелила небо. Выехали воины за ворота и двинулись к Благовещенскому лесу. Другие, в том числе и пешие люди, двинулись к Нагорному пруду.

Ворвались в Мишутин овраг и многих побили. Не стало заставы. другую заставу, Нагорную, по Красной горе разметали, тоже многих побили. Сапега роты прислал — большой бой закипел. Лисовский, как «змея засвистав со своими аспидами, желая поглотить православное войско», пришел. Крепко с ним бились, но не смогли одолеть. Пришлось отойти за городские рвы.

Славян, сведенных для боя коварной Смутой творе Повеселе Лисовский, молодецким свистом засвистал, как Соловей-разбойник. Но глянул в сторону монастырскую и побледнел: привиделось ему войско великое. И поскакал он со своими конниками под гору за мельницу, в Терентьевскую рощу.

Войско, испугавшее папа, не было великим, но все отличались отвагой и верой большой в правоту своего дела, двадцать старцев с ними отправились в бой. В плену у русских оказались ротмистр Мартыаш, славный ратоборец, и другие паны.

В долине за горой Волкушей стоял Лисовский и думал, как позор искупить. Подошли конные роты Сапеги. «И тут, — писал Палицын, — видит еретик, а с ним многие поляки, что перед полком их ездит старец, держа в руке обнаженный меч и сурово ему грозя».

Вдруг невидимым стал.

Тут подъехал Сапега. Повеселел Лисовский и приказал в своем полку в трубы и зурнть дуть, в барабаны и литавры бить. Вместе с Сапёгой захотел весь троицкий люд истребить. Но Бог сотворил чудо, даже нератные люди храбрыми стали, исполинской силой препоясались.

Пусть я умру сегодня, но буду всеми прославляем! — крикнул крестьянин, называемой Суетой.

Собой — богатырь, в руках — бердыш. Быстро, как рысь, носился и многих в броне поразил. Пешие, что поначалу бросились в бег, вернулись и за надолбы встали.

«Беззаконный Лисовский совался и туда и сюда», повернул к Косому Глиняному оврагу, свирепо набросился на людей, сидевших в засаде. Но Пимен Теменев, слуга монастырский, с товарищами своими стоял крепко. Хотел было Лисовский живым взять Пимена, но тот из лука пустил ему стрелу в левую щеку. Свалился гордый пан на истоптанный конями снег. Подхватили его, повезли в полк Сапеги. Лавра пала из пушек. Трупы чернели на белом снегу. Выступала повсюду алая кровь славян, сведенных для боя коварной Смутой - творением сатаны...

И еще долго длилась осада монастыря.

По словам Авраамия Палицына, «в осаде умерло старцев, и ратных людей было побито, и умерло от осадной немощи слуг, и служебных людей, стрельцов, казаков, пушкарей, застенных бойцов, даточных людей и прислуги две тысячи сто двадцать пять человек, не считая женского пола, недорослей, маломощных и старых...»

Второй большой приступ состоялся в двадцать седьмой день мая 1609 года. Опять в таборах Сапеги и Лисовского был «великий шум от труб», до полудня ревели. Всадники, подъезжая к лавре, осматривали стены, махали мечами в сторону города. К вечеру гарцевали со знаменами по полям. Сапега вышел с полками и скрылся.

— Быть приступу! — вздохнули осажденные. — Быть крови великой.

Стали готовиться. Очистили бойницы. На стенах припасали нар, смолу. Нечистоты всякие.

Вечером началось. Люди вышли на стены и замерли, ожидая. Литовцы, как змеи, ползли по земле, волоча за собой рубленые щиты, лестницы, туры, стенобитные орудия. Где-то вдали тонкую трель запускал соловей. Небо, усеянное золотом звезд, обнимало землю. душистый ветер освежал лица.

И вдруг пушки загремели с Красной горы. Ядра щипением и свистом нарушили тишь.

Трубы заиграли. Люди с криками рванулись вперед. Спешно придвигали к стенам щиты и лестницы. Еще минута, другая — и ворвутся в монастырь, все круша и ломая, всех убивая на пути. Но защитники лавры стояли крепко. Из пушек и пищалей били врага через бойницы. Не давали придвигать щиты и туры, приставлять лестницы. Варом горячим

обдавали, смолой заливали, камни бросали, известь сыпали прямо в глаза.

Бились всю ночь.

Утром литовцы с позором начали отходить. А городские еще и вылазку учинили, чтоб скорей уходили. Кто в плен попал, тому потом пришлось жернова крутить, на троицкое воинство и на старцев работать... Третий большой приступ случился в тридцать первый день июля. Затеял его пан Зборовский. Глянул издали на монастырь и ну ругать-поносить Сапегу, Лисовского и прочих панов:

— Что стоит бездельное ваше стояние около лукошка? Что стоит то лукошко-то взять да воров передавить?

С гордым паном явились для штурма Лен Плещеев и Федор Хрипунов. Стали готовиться. Ночь пришла, и увидели, как упала с неба большая звезда прямо в монастырь, там и рассыпались от нее огненные искры по всей обители. К чему бы это?

И еще, говорят, «в воздухе скакали будто огненные луны, и всю ночь сиял от небесных звезд свет великий?».

И еще, уверял Андрей Болдырь, казачий атаман, что своими глазами видел, лежа у прудов, перед приступом. Видел ясно, что течет очень быстрая река между ними и монастырем, в волнах же несет она поломанные большие колоды, бурелом, много бревен и большие деревья с корнями, причем со дна, как горы великие, поднимаются горы и песок».

Видели на городской стене двух старцев, украшенных сединами. Они стояли и кричали:

— Всем вам, бедным, так и плыть! Что о себе не подумаете?

Хотели казаки бежать, но тут начался приступ. Пришлось со всеми идти, да что толку? Многих своих потеряли.

На стене же убили только одну женщину. В слезы ударился пан Зборовский. А Сапега с Лисовским смеялись: «Чего ради не одолел ты лукошко? Постарайся еще, ты ведь такой храбрый, не посрами нас, пойди, разори это лукошко, доставь вечную славу королевству польскому...»

Пришлось осаду снять.

Да и весь Тушинский лагерь стал рассыпаться.

Поднимался народ. С севера шел Скопин-Шуйский, с Волги — Шереметев. Сигизмунд, польский король, осень 1609 года к Смоленску подошел, своих депутатов в Тушино направил:

— Нечего там нашим полякам болтаться. Зовите их всех ко мне!

Депутаты приехали и сразу к гетману Рожинскому, Эборовскому, другим панам. Передали волю короля.

— Двадцать миллионов золотых на бочку! — сказали паны.

— Не много ли?

— Как раз столько нам обещал царь Димитрий.

— Поторгуемся?

— Мы непротив.

Вмешался самозванец.

— Это что за люди у нас появились? — спросил. А тебе, такой-рассякой сын, что за дело?

— вскипел гетман. Они ко мне приехали, а не к тебе. Черт тебя знает, кто ты таков!

Довольно мы тебе служили.

Обиделся. Пришел домой и давай мужицкую одежду примеривать.

— Это зачем? — спросила Марина.

— Для дела.

Поляки, между тем, по одному стали исчезать. Будто ныряли в воду, а выныривали под Смоленском.

Русские бояре не умели исчезать поодиночке. Их больше устраивало хоть в воду, хоть по воде, но скопом. Пришли к Филарету советоваться, а он:

— Отрекаемся разом!

— От кого?

— От вора и от Шуйского.

— С кем же останемся?

— С верой православной. А пока объявим, что отдаемся Сигизмунду. Будем просить, чтобы дал нам в цари сына Владислава. Но только...

Филарет прищурился:

— Пусть в нашу веру переходит.

Вор-самозванец, услышав, не стал мужицкую одежду примеривать. Просто оделся в нее, сел на коня и ускакал в Калугу. Оттуда грамоты кидал, как бомбы. Призывал русских по всем городам бить поляков, а их добро к нему везти. Поляки, еще не успевшие перебежать к своему королю, заволновались.

— Успокойтесь! — сказал им Филарет. — Мы за Владислава.

— Вот славно! — воскликнули паны.

А один из них, Стадницкий, Марине письмо послал, называя ее не царицей, не княгиней великой, а «сендомирскою воеводянкою». Предложил плюнуть на все и катить в родную Польшу. В жилах Марины кипела кровь, когда она писала в ответ:

«Ваша милость должны помнить, что кого Бог раз осиял блеском царского величия, тот не потеряет этого блеска никогда, так как солнце не потеряет блеска оттого, что его закрывает скоропреходящее облако».

5 мая 1610 года написала королю Польши:

«Все отняла у меня судьба: остались только справедливость и право на московский престол, обеспеченное коронацией, утвержденное признанием за мною титула московской царицы, укрепленное двойною присягою Московского государства?».

Выражала уверенность, что его величество щедро вознаградит ее и семейство.

Король пообещал удел в Московском государстве.

Вор-самозванец в Калуге рвал и метал. Требовал казни Рожинского, приказывал привезти на расправу изменников-бояр, полякам и Марине «расточал разные обещания».

Марина вышла из себя. Появилась перед войском с распущенными волосами, плакала, бегала от одной ставки к другой, умоляла не оставлять ее. Не остановилась перед средствами, «противными женской стыдливости».

Донские казаки и часть поляков вышли из табора, чтобы идти на Калугу. Рожинский приказал ударить оружием. В схватке пало две тысячи. Казаки все-таки ушли. Марина ночью в глатре для себя записала: «Без родителей, без кровных, без друзей и покровителей, мне приходится спасать себя от последней беды... Меня держат, как пленницу. Негодяи ругаются над моею честью; в своих пьяных беседах приравнивают меня к распутным женщинам, за меня торгуются, замышляют отдать в руки того, кто не имеет ни малейшего права ни на меня, ни на мое государство. Гонимая отовсюду, свидетельствуюсь Богом, что буду вечно стоять за мою честь и достоинство. Бывши раз московскою царицею, повелительницею многих народов, не могу возвратиться в звание польской шляхтянки, никогда не захочу этого».

Ночью, с 16 по 17 февраля, Марина переделалась гусаром и с одной служанкой и несколькими казаками ускакала из Тушина. Ехала на Калугу, попала в Дитров.

— Нашему полку прибыло! — воскликнул Ян Сапега, увидев юного гусара.

И тут же с удивлением:

— Панна царица! Это вы? Куда путь держите?

— В Калугу.

— Дальше ехать нельзя. Там, Сапега показал рукой в сторону мерцающих огней, — войско Скопина-Шуйского. Завтра, видимо, будет штурм. Не ко времени пожаловали, ваше величество.

— Остаюсь с вами, мой рыцарь.

Невысокая фигурка Марины казалась еще меньше и тоньше рядом с громадным паном в косматой шапке.

Наутро князь Иван Куракин, посланный Скопиным-Шуйским, начал штурм. Осажденные отбивались, но напор осаждающих был настолько сильным, что многие пали духом. Напрасно, гарцуя на коне, размахивал саблей Сапега. Напрасно кричал: «Труссы!» и добавлял слова, обойденные словарем.

Тогда на стене появилась Марина.

— Смотрите! — крикнула молодым, пронзительнозвонящим голосом. — Смотрите, я женщина, а не теряю мужество.

В настойчивом клике проступили слезы.

Женский призыв был услышан. Осажденные продолжали отбиваться. Куракин не взял город. Когда же иссякли запасы, совсем отошел. Сапега, жалея Марину, стал уговаривать ее вернуться в Польшу.

Я царица всея Руси, — гордо ответила она. — Лучше исчезну здесь, в русских просторах, чем со срамом возвращусь к моим ближним. Мой путь — в Калугу!

— Не пуцу, — пригрозил Сапега.

— Этого никогда не будет! — с гневом отвечала Марина. — Я не позволю собой торговать. Если вы не пустите меня, то я вступлю с вами в битву; у меня 350 казаков.

— Не смею перечить воле вашего величества, — усмехнулся Сапега. — Счастливого путешествия!

Она в дорогу надела красный бархатный кафтан, вооружилась саблей, пистолетом. Ехала то верхом, то в санях. Казаки скакали следом, до самой Калуги...

Лжедмитрий укрывался в монастыре.

— Радость моя! — воскликнул, увидев супругу.

После трудной и долгой дороги келья в коврах, со столом, уставленным винами и закусками, ей показалась раем.

Прошел месяц. Оттепель, бравшая верх в полуденные солнечные часы, проложила дорогу весне. Однажды за воротами сделалось шумно. Это казаки прибыли из Тушина.

— Какие новости? Где Рожинский? спросил царь.

— Гетман зажег табор и подался в Волок, государь, — поклонился казак.

— Много с ним народу ушло?

— Тыщи три.

Через некоторое время новую весть о Рожинском привезли в междоусобной драке под Иосифовым монастырём гетман упал на камни лестницы, бок зашиб и вскоре скончался.

Прибыл Сапега.

— Где пропадал? — спросил самозванец.

— У короля в гостях.

— Что ж совсем не остался?

— Тут веселей.

— Правильно сделал. Гетманом будешь.

В Калуге спешно дворец построили для самозванца, куда он и переехал с Мариной.

Повеселел от вести, что молодой Скопин-Шуйский умер. Теперь не устоять Москве...

Москву в печали застал Филарет, покинувший Тушино. Майский ветер играл нежно-зеленой листвой, солнце сияло, а люди с печальными лицами толпились у Архангельского собора, где покоился отпетый Гермогеном храбрый князь. Родилась в народе песня о том, что «Скопин очистил царство Московское и великое государство Российское, за что и славу поют ему до веку.

Однако до полного очищения еще было далеко. В ту пору, когда умирал полководец, при деревне Клушине разбил польский гетман Жолкевский всеми нелюбимого дмитрия Шуйского. Зашатался трон под его братом Василием.

17 июля ворвались во дворец москвичи, руководимые Захаром Ляпуновым и Василием Голицыным, схватили Шуйского, отвезли в его боярский дом, а вскоре в монахи постригли.

— Как ни худ царь Василий,— говорил Гермоген, а без него Москве станет еще хуже. Ляпунов и его друзья, по словам летописца, «лаяли на самого патриарха». Князь Мстиславский собрал боярскую думу:

— Надо царя выбрать.

— Василия Голицына или Михаила, сына митрополита Филарета, — предложил Гермоген.

Стали думать. Ни тот ни другой не нашли поддержки.

И сошлись на королевиче Владиславе. К этой мысли подтолкнул Жолкевский, стоявший в Можайске. Михайло Салтыков побывал у гетмана, передал условие, чтобы Владислав перешел в православие.

— Пошлите посольство к королю, чтобы он отпустил сына на царство, — посоветовал гетман.

Великое посольство, по совету Жолкевского, возглавил митрополит Филарет.

В день отправления посольства Гермоген отслужил обедню в Успенском соборе, убеждал послов постоять за православие.

— Клянемся, что ничего не уступим королю из того, что написано в договоре, — сказал Филарет.

Простился с семьей и отправился в дальнюю дорогу.

Едва послы скрылись за городом, как Москву заняли поляки. Жолкевский убедил бояр, что будет охранять столицу от Тушинского вора.

— Добро пожаловать! — сказали бояре и открыли ворота.

Въехали нарядные всадники в Кремль, в Китай-город и другие важные места. Жолкевский сдерживал шляхту, чтобы не вызвать в народе возмущение. Но вот уехал он, прихватив по дороге в Волоколамском монастыре бывшего царя Василия с братьями, стал на Москве начальником польского войска пан Гонсевский, и наступило для русской столицы, по словам историков, «самое бедственное время».

Великое посольство, прибывшее под Смоленск, Сигизмунд выслушал, но утверждать договор не спешил.

— Целуйте крест королю! — сказали поляки.

— Королю? — удивился Филарет. — Но мы же присягнули Владиславу?!

— А теперь его родителю присягните.

— Мы с гетманом Жолкевским так не договаривались.

Переговоры затянулись. Многие члены посольства не выдержали: поцеловали крест Сигизмунду, получили от него подарки, грамоты и поехали домой.

Митрополит Филарет и князь Голицын стояли на своем.

— Не угодно ли переселиться? — сказали им поляки. И повели к палаткам, стоявшим на болоте. Сыро, холодно. Не всегда приносят еду. Терпели послы, но не сдавались.

Войско самозванца приближалось к Москве. Города Боровск, Кашира, Коломна сдались без боя. Марина в монастыре Николая на Угреше решила передохнуть. Муж остался с войском. Шел июнь. В подмосковных садах заливались птицы. Гетман Жолкевский, верный слуга короля, расположился с войском на девичьем поле.

Кто будет царем Руси?

Так называемый Димитрий или Владислав, сын Сигизмунда?

— Если вора возвести на престол, рассудили паны, то придется вести войну; разве легко усмирить такое пространное государство? А Владиславу оно добровольно отдается!

— Ладно, — вздохнули сторонники самозванца, — мы отступимся от вора. Пусть только Речь Посполитая заплатит нам за прежние услуги.

Какие услуги? Вы вторглись в чужое государство, обманщику служили! — разъярились паны.

Поляки, служившие вору, узнав об этом, настолько вышли из себя, что решили брать столицу приступом. Готовы были с Жолкевским биться. А тут с повинной явились люди из Суздаля, Владимира, Галича.

Вперед! — скомандовал Сапега и повел войско навстречу Жолкевскому, которого упрости бояре расправиться с вором. Сам же нор в это время вместе с ненаглядной Мариной находился за высокой монастырской стеной. Супруги ждали верного Яна Сапегу.

Наконец, он прибыл.

— Ну, что? Разбил Жолкевского? — вскинулась нетерпеливая Марина.

Битвы не было, ваше величество.

— А что же было?

— Съехались и договорились. Наши люди уходят.

— А мы?

— Вы получаете в удел Самбор или Гродно.

— Что?!

Марина была вне себя от гнева. Когда пришли депутаты и принесли письменные условия, она заявила:

— Пусть король Сигизмунд даст царю Краков, а царь из милости уступит ему Варшаву.

На лице панны из Самбора играла усмешка царицы.

— Лучше я буду служить где-нибудь у мужика и добывать трудом кусок хлеба, чем смотреть из рук его польского величества, — хмуро добавил самозванец. депутаты уехали.

Вскоре прибежал из Москвы человек и потребовал привести его к царю. Вошел и заговорил торопливо:

— Великий государь! Беги! Жолкевский велел схватить тебя и царицу.

Уезжали спешно, даже не успев захватить ничего с собою. Взяли женскую прислугу. Да Иван Заруцкий с донцами поскакал следом.

Вор сидел в Калуге. Сапега, по настоянию Жолкевского, пытался северские земли привести в подданство Владиславу. В народе росло недовольство поляками.

Однажды явился в Калугу касимовский царь УразМахмет, приставший к самозванцу еще в Тушине.

— А, вернулся, — встретил его самозванец. — Ну, как там у Жолкевского?

— Плохо, у вас лучше. Тут сын мой, — сказал татарин.

Прикинулся верным другом, а сам, оставаясь наедине с сыном, стал его уговаривать:

— Уходи от вора. Я за тобой пришел.

Сын выдал отца.

Самозванец сына похвалил, а его родителя позвал на охоту. Там-то и убил в присутствии двух приверженцев своих. Тело бросили в Оку.

— Касимовский царь хотел убить меня, — кричал потом самозванец, — но не успел и бежал.

Крещеный татарин Петр Урусов не поверил.

— Ты убил его! — смело сказал.

На шесть недель сел в тюрьму. Сидел бы и дольше, да Марина упростила выпустить.

Приблизил к себе нор Урусова, но тот не прощал ему смерти друга. Загулял-запил самозванец в декабре 1610 года. Ехал в санях, бутылку за бутылкой осушал и снова кричал:

— Вина!

Петр Урусов, ехавший верхом за санями, ударил его саблей.

Тело раздели и оставили на снегу.

Татары бежали. Русские привезли горькую весть Марине.

Закричала она страшным криком, волосы и одежду на себе рвала, молила о мести...

— Не плачь, отомстим, — пообещал Заруцкий. Кликнул верных донцов и те обнажили сабли. До двухсот татар перебили. Ни в чем не повинные люди, верно служившие Тушинскому вору, трупами легли на пути к его могиле.

Через несколько дней Марина родила сына Ивана.

— Целуйте крест законному наследнику престола! — потребовала. Иван Заруцкий был непротив. Казаки — тоже. А Ян Сапега, давний приятель, в неприятелях оказался. Подошел с войском к Калуге и потребовал сдать город на имя короля.

— Пошел прочь! — крикнули казаки. — У нас тут свой царь в люльке качается.

И бросились в бой.

Плюнул Сапега, велел своим усачам-лихачам отойти.

И сам ушел, вернее — ускакал на резвом коне. Написала ему в отчаянии Марш-та письмо, просила помочь. Не достучалась до сердца словами: «Ради Бога, избавьте меня. Мне, быть может, каких-нибудь две недели осталось жить на свете. Избавьте меня, избавьте, Бог заплатит!»

Ускакал вместе с войском.

— Не надо плакать, — успокоил Иван Заруцкий. Я знаю, что делать.

Привез Марину с младенцем в Тулу, а сам в Рязань. Там встретился с Прокопием Ляпуновым. Было Прокопию Петровичу лет под пятьдесят. Высокий красавец горячего нрава, это он тогда под Кромами первый шагнул под знамена самозванца. Теперь же он с той же молодой пылкостью собирал народ спасти Отечество.

11

«Он в высокой степени, читаем у Костомарова, обладал способностью увлекать за собою толпу и, под влиянием страсти, не разбирая людей, стараясь только направить их к одной цели. После убийства названного Димитрия, которого он искренно считал настоящим, он пристал к Болотникову, поверив, что димитрий жив, но отстал тотчас же, как убедился в обмане. Не терпя Шуйского, Ляпунов признал его царем ради спокойствия земли, служил ему, но видел его неспособность, и, как только Скопин заявил себя своими подвигами, Ляпунов смело, не долго думая, послал князю Михаилу Васильевичу предложение принять корону. Скоропостижная смерть Скопина окончательно сделала его врагом Шуйского. Сообразно своей увлекающейся натуре, он вполне поверил молне об отраве. По его наущению, Шуйский был сведен с престола. Избрание Владислава казалось Прокопию Ляпунову самым лучшим средством успокоить русскую землю... Но как только дошло до него известие о том, что делает Сигизмунд под Смоленском, Ляпунов понял, что со стороны поляков один только обман, что Сигизмунд готовит Московскому государству порабощение...»

Он написал в Москву боярам «укорительное письмо». Потребовал объяснить, когда прибудет Владислав. Бояре написали Сигизмунду. Пан Гонсевский, сменивший пана Жолкевского в Москве, обратился к патриарху, требуя, чтобы он объявил выговор Ляпунову.

— Этого не будет, — ответил Гермоген.

5 декабря 1610 года бояре пришли толпой. Впереди Мстиславский. Положил перед патриархом грамоту:

— Подпишите, ваше святейшество. Мы уже поставили подписи.

— Что это?

— Наша воля послам положиться во всем на королевскую волю.

Еще что придумали? В голосе Гермогена зарокотал гром.

— Просим еще усмирить Ляпунова своей духовной властью.

— Вот как! — взорвался Гермоген и заговорил горячо с нарастающим гневом: — Пусть король даст своего сына на Московское государство и выведет своих людей из Москвы, а королевич пусть примет греческую веру. Если вы напишете такое письмо, то я к нему свою руку приложу.

Бояре притихли. Михайло Салтыков, багровый от гнева, подвинулся вперед. А Гермоген свое:

— Буду писать по городам!

Бояре зашумели. Салтыков выхватил нож и замахнулся на патриарха.

— Я не боюсь твоего ножа, твердо сказал Гермоген, я вооружусь силою креста святого. Перекрестился. Бояре замерли в ужасе. И услышал Салтыков слово, страшное, как смертный приговор:

— Будь ты проклят от нашего смирения в сем веке и в будущем!

Бояре вышли как побитые.

Наутро Гермоген велел собраться народу в соборном храме. Поляки окружили церковь. Но те люди, что успели войти, услышали слово патриарха. Гермоген призывал народ стоять за православную веру.

Поляки приставили к нему стражу.

Узнал Прокопий Ляпунов и написал боярам, что он уже связался с городами северскими и украинскими. Призвал крест целовать на том, чтобы всем стоять за Московское государство, биться на смерть с поляками и литовцами.

«Встанем крепко, — писал Ляпунов в города, — примем оружие божие и щит веры, подвигнемся всею землею к царствующему граду Москве и со всеми православными христианами Московского государства учиним совет: кому быть на Московском государстве государем... У нас одна дума: или веру православную нашу очистить или всем до одного помереть».

К своему воззванию приложил Ляпунов списки с двух грамот. В одной, полученной из-под Смоленска, писали русские люди: «Мы пришли из разоренных городов и уездов к королю в обоз, под Смоленск, и живем тут другой год, чтоб выкупить из плена, из латинства, из горькой работы, бедных своих матерей, жен и детей. Никто не жалеет нас. Иные из наших ходили в Литву за своими матерями, женами и детьми и потеряли там свои головы. Собран был Христовым именем окуп — все разграбили... во всех городах и уездах, где завладели литовские люди, поругана православная вера, разорены Божии церкви! Не думайте и не помышляйте, чтоб королевич был царем в Москве. Все люди в Польше и Литве никак не допустят до того. У них в Литве положено, чтобы лучших людей от нас вывести и овладеть всею московскою землею. Ради Бога, положите крепкий совет между собою. Пошлите списки с нашей грамоты в Нижний, в Кострому, в Вологду, в Новгород и свой совет отпишите, чтобы всем было ведомо, чтобы всею землею стоять нам за православную веру, покамест мы еще свободны, не в рабстве, не разведены в плен».

В другой грамоте, московской, говорилось, что Москва — корень древа, названы были местные святые: образ Богородицы, писанный евангелистом Лукой, мощи святых.

Содержался призыв: стоять за веру, как святой патриарх Гермоген...

Города закипели. Грамоты читались в соборных храмах, множились в списках. Гонцы скакали из края в край. Каждый город поднимал свой уезд на выручку русской земли.

Посыльщики собирали помещиков, даточных людей с монастырских и церковных земель.

Шумели сходки. Люди вооружались и спешили в город, на сходку всего уезда. Сходились на звон колокола. Целовали крест, обещая дружно и крепко стоять за православную веру, за Московское государство. Восстание охватило Нижний Новгород, Ярославль, Владимир, Суздаль, Муром, Кострому, Вологду, Устюг, Новгород. Люди шли и ехали к Москве. Все украинные города поднялись. Даже Ян Сапега «несколько времени манил Ляпунова готовностью сражаться за русское дело». Простодушный Ляпунов побратался с ним.

Побратался и с Иваном Заруцким, когда тот явился к нему в Рязань.

Брат мой! — говорил, обнимая.

— Братья навек! — отвечал хитрый атаман, которому было собрать, что плюнуть.

Прибыл и князь Пожарский, воистину брат. Как только Заруцкий уехал в Тулу, он упрекнул Ляпунова:

— Зря ты связываешься с этим проходимцем. Он только грабить горазд.
На войне хитрость нужна, — усмехнулся Ляпуков. — думаешь, если я обнимаюсь с Заруцким, то ему верю?

В первых числах марта Ляпунов подошел к Коломне. Пожарский с дружиной ускакал в Суздальский уезд, в свою вотчину. Там собрал отряд, решил прибыть в Москву раньше основного войска.

Когда же войско приблизилось, пан Гонсевский послал Михайлу Салтыкова с боярами к патриарху:
Пусть задержит ополчение пастырским словом, иначе быть кровопролитию великому. Салтыков был нахален, как в прошлый раз.

— Ты писал по городам, — наступал на Гермогена, — видишь, идут на Москву. Отпиши им, чтоб не ходили.

— Если вы, изменники, — грозно ответил патриарх, — а с вами и все королевские люди выйдут из Москвы вон, тогда отпишу, чтобы они воротились назад. А не выйдете, так я, смиренный, отпишу им, чтобы они совершили начатое непременно. Истинная вера попирается от еретиков и от вас изменников. Москве приходит разорение, святым Божиим церквам запустение; костел латинцы устроили на дворе Бориса. Не могу слышать латинского пения!

Бояре замерли.

— Лишить, лишить его сана! — крикнул Салтыков, обращаясь к Мстиславскому, главе думы.

— Негоже, — прошептал потрясенный речью патриарха Мстиславский. — Если лишим, то святость патриарха поднимется еще выше.

Вышли ни с чем...

Во вторник страстной недели на улицах Москвы появилось много извозчиков. Догадались поляки, что будет устроено заграждение, когда придут ополченцы. Нельзя будет уйти. Надо чем-то занять извозчиков, унести с улиц. Стали их уговаривать, чтобы шли к ним втаскивать пушки на стены Кремля и Китай-города.

— Не пойдем! — отказались извозчики.

— Мы хорошо заплатим.

— Не нужны нам ваши деньги.

— Ах, так? Силой заставим!

— Попробуйте!

Паны выхватили сабли. Москвичи стали отбиваться дубьем и камнями.

Тревожно и гулко раскатился набатный звон. Поляки зажгли Белый город, Замоскворечье, сами же затворились в Китай-городе и Кремле. Ополченцы вошли и в ужасе остановились перед стеной бушующего пламени...

Ранее, как и обещал, прибыл Пожарский. Его пушкари и стрельцы смелыми контратаками отбрасывали поджигателей. Прибывший первым из ополчения отряд Ивана Плещеева был встречен с радостью.

— День-два нам продержаться, — говорил Дмитрий Михайлович, — и подойдет Ляпунов. Тогда держись. Литва!

Острожек Пожарского у Воскресенской церкви на Лубянке стал неприступной крепостью. Сюда и повел своих мушкетеров Маржерет. Ветер нес удушливый дым от Китай-города.

— На вылазку! — скомандовал князь.

Не впервой он отбрасывал и поляков, и немцев обратно в Китай-город. На этот раз немцы, отложив тяжелые мушкеты, взяли за алебарды. Сошлись врукопашную. На Пожарского накинута сам Маржерет. Сабля князя рубанула француза по правой руке. Сзади подкрался Буссов, весь в крови, нанес тяжелый удар по голове князя. Ратные люди, среди них был Федор, сын Пожарского, положили его на повозку и вывезли из пылающей столицы. Говорят, когда он упал, обливаясь кровью, то крикнул с великой болью в душе: «Ох, хоть бы мне умереть, только бы не видеть того, что довелось увидеть!»

Пожар продолжал бушевать. Поляки, отгородясь огнем, грабили богатые дома и храмы. Некоторые так обогатились, что стреляли жемчугом по москвичам. Трудно поверить, но это было: перебили жителей Китай-города, оставив в живых лишь красивых женщин да детей. Последних проигрывали друг другу в карты.

Ополчение вступило в Москву, а Салтыков с боярами наступал на патриарха:

— Если ты не напишешь Ляпунову и его товарищам, чтоб отошли прочь, то сам умрешь злою смертью.

— Вы мне обещаете злою смерть, — отвечал Гермоген, — а я надеюсь чрез нее получить венец и давно желаю пострадать за правду. Не буду писать — я вам уже сказал, и более от меня ни слова не услышите!

Встал и пошел на заточение в Чудон монастырь. Но и там продолжал стоять до конца. Последний раз поляки обратились к нему, когда в Нижнем Новгороде новое ополчение стали собирать Минин и Пожарский. Потребовали написать нижегородцам, чтоб сохранили верность королевичу Владиславу.

Резко и твердо ответил великий патриот земли Русской:

— Да будет над ними милость Бога и благословение от нашего смирения! А на изменников да излиётся гнев Божий и да будут они прокляты в сем веке и в будущем! Умер он 17 февраля 1612 года. Говорят. Последней пищей мученика был сноп овсяной соломы...

Народ прозвал его «вторым Златоустом». «Одинокий, никем не поддержанный, — читаем в «Очерках по истории смуты в Московском государстве» С. Ф. Платонова (СПБ, 1910), — старец лишен был возможности действовать, как бы хотел, и ему оставалось только твердым словом своим возбуждать и ободрять народное движение, поднятое им самим». По словам историка, «он один открыл глаза русским людям на иноземный обман и своею твердостью спас государство от окончательного порабощения...

В ополчении начались раздоры. Дмитрий Трубецкой, Прокопий Ляпунов и Иван Заруцкий, временно выбранные предводителями всей русской земли, не сумели стоять заодно. Крутой Прокопий Ляпунов за всякое бесчинство преследовал жестоко. Против поднялось все казацкое войско. Ляпунов должен был уйти. Земские люди вернули его. Узнал Гонсевский и подбросил с пленным письмо, будто подписанное Ляпуновым. В письме говорилось, что казаки — враги и разорители государства, их следует бить и топить. Казаки позвали Ляпуно на круг.

— Ты писал? — спросили строго.

— Рука похожа на мою, но я этого не писал.

Дальше слушать не стали. Пробовал Иван Ржевский заступиться, крича: «Прокопий не виноват!

Казаки не пощадили и его. Оба полегли под саблями...

Ополчение оказалось в руках Заруцкого.

— Казаки! — объявил он. — Наш будущий царь — Иван, сын царицы Марины, внук Ивана Грозного.

Войско ответило радостным гулом.

Марина ликовала. Лето 1611 года закатывалось, а ее звезда вновь поднималась все выше. Сияя от счастья, она поднимала сына к синему августовскому небу.

Между тем славный Гермоген сумел из заключения через двух отважных людей переслать в Нижний Новгород грамоту, призывая не признавать царем сына полячки Маринки, который, по словам патриарха, «проклят от святого Собора и от нас».

Грамоту повезли по городам.

12

Смута диктовала свое. Не стало Сапеги, внезапно сраженного смертью, но продолжал лютовать его старый приятель Лисовский. Деллагарди, бывший союзник русских, положил

Новгород к ногам своего короля Карла Филиппа: шведы воспылали надеждой и другие части нашего Отечества прибрать к рукам. Татарин Урусов, зарубивший Тушинского вора, в Астрахани представил казакам царя Димитрия.

— Это я, великий государь! — ударил себя в грудь в Иван-городе нор Сидорка, бывший дьякон.

— Что делать? — спросил Заруцкий верного своего товарища Трубецкого, а тот:

— Все дело в казаках. Как они?

— Непротив.

— Придется признать в угоду казакам.

Так и сделали.

Шелестела осень в дубравах червонно-золотой листвою. Подступала зима с холодами лютыми. А там и вьюги запели, белыми змеями закружили по дорогам.

Марина, сидя в Коломне, ждала весну.

Ту же весну 1612 года с нетерпением ждал князь д. М. Пожарский, предводитель нового ополчения. А с ним и Козьма Минин — земский староста, бесстрашный русский гражданин.

Ждали ее в Нижнем Новгороде, находясь в хлопотах великих над Волгой широкой, закованной в лед.

Народ поднимали огненным словом. Из города в город спешили гонцы с грамотой, где говорилось: «Будем над польскими и литовскими людьми промыслять все за один, сколько милосердный Бог помочи даст. О всяком земном деле учиним крепкий совет, а на государство не хотим ни литовского короля, ни Маринки с сыном, ни того вора, что стоит под Псковом».

Читали грамоты на сходках народных, собирали деньги на жалование ратным людям. В Нижний Новгород, в ополчение шли.

Весна прошумела бурным половодьем, дороги обсохли. Самое время в путь. И повел князь Пожарский войско народное вверх по Волге. Балахна, Юрьевец, Решма, Кинешма дали казну и людей. А там и костромичи присоединились. Ярославцы вышли с иконами и подарками. Минин и Пожарский иконам поклонились, подарки не взяли.

Несколько месяцев стояли, пополняясь людьми. Из Троицкого монастыря архимандрит дионисий и келарь Авраамий Палицын торопили Пожарского: надо спешить. Князь не решался, боясь казаков. Все набирался в Ярославле сил. Да бумаги подписывал вместо Минина, выборного человека, не умеющего писать.

Пришел май, осыпал зеленью луга и пригорки, птицы вернулись из теплых стран.

Трубецкой оставил Заруцкого, а Пожарского звал на Москву. Пековичи своего царя за насилие и распутство посадили в тюрьму, в июле он был убит по дороге в Москву.

Марина и Заруцкий кликнули казака Степку и велели убить Пожарского.

— Зарежу! — пообещал казак.

Приехал в лагерь, затерялся в толпе, подкрался и промахнулся. Товарищу своему поранил ногу.

Заруцкий с отрядом верных казаков поскакал в Коломну.

Сердце мое! — крикнул Марине. Пожарский дел и невредим, скоро будет у нас.

В путь!

Ограбили Коломну, бежали в Михайлов: пожили там несколько месяцев и дальше вместе с разбойным войском своим...

Пожарский и Минин привели ополчение, усиленное казаками Трубецкого, к Москве.

Расположились вдоль Белогородской стены до Алексеевской башни на Москве-реке.

Заложили стан, стали ров копать. Казаки заняли восточную и южную части Белого города и Замоскворечья. Приготовили рвы для пехоты. 22 августа подошел Ходкевич. Несколько сот возов с продовольствием привез в помощь осажденным. Начал переправляться через Москву-реку у Девичьего поля. Поляки сделали вылазку из Кремля, но московские стрельцы были решительны. Одних поляков сильным ударом вернули в Кремль, других

заставили уйти за Москву-реку.

Через день, 24 августа, казаки Ходкевича выбили казаков московских из рвов, достигли Пятницкой улицы. Бой продолжался. Минин взял три сотни дворян и перешедшего на нашу сторону поляка Хмелевского, ударил и смял литовские роты с тыла. На его глазах был убит племянник. Казаки у церкви св. Климента захватили четыреста возов с запасами. — Отходим! — крикнул Ходкевич. — Спасайте последние возы.

13

Осажденным передал, что вернется через три недели.

Это было 28 августа.

А 15 сентября Пожарский предложил полковникам Стравинскому и Будзиле сдаться, обещая отпустить невредимыми. В ответ получил письмо, в котором поляки хвалили себя за доблесть и мужество, а московский народ называли подлейшим на свете. Ждали Ходкевича, но тот не приходил. Известили поляки 6 октября, что придется умереть с голода.

Гетман не шел.

«Осажденные, — читаем у Костомарова, — переели лошадей, собак, кошек, мышей, грызли ремни, выкапывали из земли гнилые трупы... Живые стали бросаться на живых, резали друг Друга...»

22 октября Трубецкой ударил на Китай-город. Поляки ушли в Кремль, выгнав оттуда женщин и детей. Им навстречу выехал Пожарский. В Китай-город торжественно внесли икону Казанской Божьей Матери. 24 октября открылись ворота Кремля. Первыми вышли русские бояре, дворяне, купцы.

— Убить изменников! — закричали казаки.

Пожарский и Минин не допустили расправы.

Русское войско вошло в Кремль 25 октября, предшествуемое крестным ходом. Впереди — архимандрит дионисий. Навстречу ему с Владимирской Богородицей на руках шел грек Арсений, архиепископ. Казаки не вытерпели и часть пленных перебили. Остальных развели по разным городам.

В Нижнем Новгороде пленных чуть не разорвали. Мать Пожарского с трудом уговорила толпу. Сигизмунд подошел под Волок-Ламский, пытался убедить русских выбрать царем его сына Владислава. Наши воеводы ответили, что ни в какие толки о Владиславе не вступят. Король вернулся в Польшу. А народ русский 21-го декабря был извещен грамотой об избавлении Москвы. Объявили трехдневный пост и служили молебны...

Русская православная церковь спасала Отечество.

В ту пору, когда мужественный Гермоген грамотами поднимал народ, рядом был Сергей Радонежский.

«Значение преп. Сергия, — писал Евгений Поселянин, вполне выясняется среди бедствий Смутного времени, когда Россия была близка к конечной гибели и когда преп. Сергей второй раз совершил подвиг ее возрождения... Собранное в страшных трудах государство разрезалось, приникла к земле вера, извратились до озверения нравы, люди пожирали друг друга, земля смотрела унылым кладбищем. Не было уже почти государства. Москва существовала как отвлеченная идея, как память прошлого, с поруганными святынями, безмолвными гробницами царей и святителей и великою тенью замученного Гермогена. А живая Москва в руках иноверцев была гнездом и источником крамолы, измены и всякой мерзости. Самому имени Земли Русской надлежало исчезнуть».

В это страшное время, «среди ледящего мрака» сияла Троице-Сергиева лавра. Она «одна хранила бодрость и веру в тот народ, который словно уже изверился в себе и, вольный мертвец, сам уложил себя в вырытую им же могилу».

Почти шестнадцать месяцев обороны лавры — страницы русской славы...

Когда ляхи ворвались в Вологду (1612), вместе с другими защитниками города был истерзан затворник Галактион. Там же было убито множество священников и иноков, епископа Сильвестра четыре ночи держали под стражей, истязали и отпустили еле живым. Мужественно встретил врагов затворник Борисоглебского монастыря преподобный Иринарх (1609).

— Кого признаешь царем? — спросили ляхи.

— Я живу на Руси, — ответил старец, — и знаю русского царя, а других не знаю.

Ему стали грозить. В ответ слышали:

— Вере своей я не изменю, и русского царя не отвергнусь... вашего меча тленного я не боюсь, а у моего живого Бога есть такой меч, что всех вас погубит и ввергнет в геенну огненную.

Сам Сапега пожелал увидеть русского затворника.

— Благослови, батько, — сказал, — как терпишь ты эту муку в такой темнице?

— Для Бога терплю, — отвечал старец. — А ты, паи, возвратись в свою землю; полно тебе разорять Русь. Если не выйдешь из Руси или опять придешь, то Богом тебя уверяю — убьют тебя в Русской земле.

Сапега запретил трогать обитель, а старцу приказал прислать пять рублей.

Прошло три года. Поляки вновь появились в Ростове. Один из панов пришел к затворнику и сказал, что его предсказание сбылось: Сапега убит под Москвой.

— И вам не быть живыми, если не уйдете в свою землю, — стоял на своем старец.

Поляки ушли из Ростова, не тронув никого из уважения к преподобному Иринарху.

Новгородцы в ту пору намеревались покориться шведам, хотели звать королевича Густава-Адольфа. Митрополит Исидор удержал народ от измены. Геннадий, архипастырь Пскова, старался противостоять мятежу и разбоям и, не выдержав измены города, умер от горести. Семь лет рыскал вокруг Лисовский, а в келье своей неустанно молился и распинал плоть блаженный Иоанн. Людям, приходившим к нему, говорил о верности Богу и погибающему Отечеству.

На том же стояли и другие святители русские. Иосиф Коломенский сопротивлялся первому самозванцу, а воинами второго был привязан к пушке; верной долгу осталась и его паства. Тверской архиепископ Феоктист «явился бодрым стражем своего стада»; собрал духовенство, людей приказных, иных граждан и разбил многочисленную шайку злодеев. Взятый в плен, принял мученически венец. Его судьбу разделил Галактион, архиепископ Суздальский, не принявший второго самозванца.

Димитрий, протопоп Зарайского Никольского собора, стал достойным сподвижником Пожарского: не допустил свой город до присяги второму самозванцу, благословил всех на смерть за правое дело.

Когда шведы ворвались в Новгород, один дом на Торговой улице оказался неодолимой твердыней. Там оборону держал протоиерей Софийского собора с друзьями. Митрополит Исидор на стенах крепости пел молебны и, видя доблесть, издали давал ему благословение крестом. Шведы наконец сожгли и дом, и хозяина, славного новгородца! Евросинова пустынь. Преподобный Евросин молился у креста, когда пришли грабители и потребовали сокровищ.

Вот наше сокровище, сказал пустынный и показал на храм Богоматери.

Один из грабителей ударил старца по шее и рассек ему голову. Пустынный упал полумертвым. Поляки, пошарив в храме, ничего не нашли. Вернулись и добились старца. Вместе с ним погиб и инок Иона.

Многие обители были разорены. Боровский монастырь храбро защищал воевода Михаил Константинович из рода князей Волконских. Он упал, покрытый ранами, близ раки Чудотворца. Отдали жизни за Отечество все иноки и защитники монастыря. Память о доблести воеводы осталась в гербе города Боровска...

Пережив все ужасы осады, вышли на волю Марфа и Михаил Романовы. Вышли, поклонились низко московским куполам и в дорогу, в свои костромские вотчины.

Посетили на пути несколько монастырей, погоревали о запропавшем в польском плену Филарете и закатились в родное Домнино. Листопад сменился снегопадом. Новый 1613 год ударил морозами, а там и февраль пришел. Тут-то и постучал в ворота посыльный от старосты Ивана Сусанина из села Деревеньки:

— Бегите в Ипатьев монастырь за высокую каменную стену! Поляки Михаила ищут.

— Спаси нас, Царица Небесная! — перекрестилась Марфа.

Сели в сани и покатали. Потом узнали, что Сусанин завел отряд в непроходимые дебри и сложил там голову под польскими саблями.

Поляки, оказывается, очень скоро узнали, что русские хотят царем Михаила Романова, и поспешили, чтобы убрать его с дороги королевича Владислава.

За Романова на Великом земском соборе горой стоял боярин Федор Иванович Шереметев, писавший своему приятелю В. В. Голицыну: «Мы выберем Мишу Романова; он молод и еще незрел умом, и нам с ним будет повадно». Шереметева поддержали Козьма Минин, Дмитрий Пожарский, лица духовные. Засомневались сначала в правах на престол сына Филарета, но вышли с бумагами Галицкий дворянин и донской атаман, подтвердили документами родство Михаила с покойным царем Федором Ивановичем. С Лобного места народ спросили. Народ пожелал Романова. 21 февраля в Успенском соборе торжественный молебен отслужили, единогласно Михаила избрали. «Да примет он, — говорилось в грамоте, подписанной выборными людьми, — скипетр Российского Царства для утверждения истинной нашей православной веры, и чтобы Господь Бог его Государским призреньем во всем Московском Государстве расточенные и разоренные исправил и воедино благочестие совокупил и междоусобие утолил и вся благая Московскому Государству устроил».

Тут же выборные целовали крест юному царю.

Снарядили посольство в Кострому.

С иконами, с хоругвями, пышным крестным ходом пожаловали послы московские 14 марта 1613 года к Ипатьевскому монастырю. Вышли мать и сын за ворота и увидели: впереди — Феодорит, архиепископ рязанский, а с ним три архимандрита, три протопопа и келарь Троице-Сергиевой лавры Авраамий Палицын, умный монах и храбрый воин. Тут же и Ф. И. Шереметев, осаждавший Кромь при первом самозванце. Поклонились послы Романовым и волю выборных людей объявили.

Сверкнула Марфа глазами, посох задрожал в руке, а Михаил, как уверяют историки, «ответил с плачем, что государем быть не хочет».

— Русские люди измалодушничились, — сердито заговорила монахиня, — в пору смуты часто изменяли своим правителям. На кого положиться? Нет, не отпущу я сына на царство, не дам благословения. Долго топтались послы на подталом снегу, долго упрашивали: мать в черном одеянии и ее сын в кафтане, шитом золотом, в сапожках из красного сафьяна стояли на своем.

Тогда архиепископ взял в руки чудотворную икону Федоровской Божией Матери и с грозным видом пошел на Марфу:

— Смири гордыню свою, не перечь воле народной. Бог взыщет с тебя за конечное разорение России! — дрогнула Марфа от последних слов и заплакала.

— Идем, сынок, — сказала Михаилу.

И вошла в соборную церковь Святой Троицы. Сын покорно двинулся следом. Послы облегченно вздохнули...

В Москву шестнадцатилетний государь не спешил. В Ярославле наблюдал он разлив вешних вод. 2 мая поселился в одном из полуразрушенных теремов Кремля, Марфа для себя выбрала Вознесенский монастырь.

Утром 11 июля во все колокола Москва оповестила народ о торжестве венчания на царство первого из Романовых. Михаил в сопровождении бояр, дворян и прочих людей двинулся к Успенскому собору.

На самом возвышенном месте находился «престол», изукрашенный драгоценными

камнями, рядом — стул с золотистой бархатной подушкой для митрополита. Для прохождения царя были разостланы дорожки из красного бархата.

Шествие открывали бояре, следом шли окольниковы и десять стольников. Перед царем — протопоп Кирилл с крестом и святой водой окроплял путь. Когда шествие вступило в собор, раздалось многолетие. Государь проследовал к иконостасу, приложился к иконам и мощам, приблизился к месту, где его ждал митрополит Ефрем. Он осенил царя крестом и святой водой. Обменялись вопросами о здоровье. Начался молебен Живоначальной Троице, Владычице Богородице, московским чудотворцам и преподобному Сергию. Во время торжества Михаил Федорович сказал речь, обратясь к митрополиту. Сказал, что избран «всем народным множеством людей всего великого Русского государства. Просил венчать его царским венцом и диадемою «по прежнему царскому чину и достоянию». Митрополит в ответной речи, описав смутные времена, освобождение Москвы и избрание царя, объявил, что по праву сродства с царем Федором Ивановичем и согласно всенародному избранию, духовенство благословляет Михаила Федоровича на великие и славные государства русского царства и венчает «по древнему царскому чину и достоянию». Призвал благодать Божию на новонареченного царя на благо всему государству. На золотом блюде подали митрополиту крест с частью Животворящего древа. Трижды поклонившись кресту, владыко возложил святыню на царя. На плечи возложил бармы, на голову — венец. Взяв государя за руку, митрополит поставил его на царское место. Благословил, поклонился и стал слева. Затем передал царю скипетр в правую руку, державу в левую. Сказал: «О, Боговенчанный царь и великий князь Михаил Федорович, всея Руси самодержец! Прими сей, от Бога данный тебе, скипетр, править хоругви великого царства Российского, и блюди, и храни его, елико твоя сила». Царь поклонился митрополиту, не снимая венца.

Также легким поклоном ответил на благословения и поклоны других духовных лиц. Ефрем еще раз благословил Михаила, взял за правую руку и посадил на престоле. Сам сел слева. Еще раз прозвучало многолетие. Повторил свое поздравление Ефрем. Торжество продолжалось. Во время обедни царь стоял во всех знаках царского достоинства, кроме цепи. Венец снимал во время целования Святого Евангелия, чтения и великого выхода. В это время венец держал на золотом блюде дядя царя Иван Никитич Романов. У царских врат митрополит возложил на Михаила Федоровича золотую цепь, по преданию присланную из Византии императором Константином IX Мономахом.

Постельничий Константин Иванович Михалков разостлал ковер, покрыв его золотистым красным бархатом. По этому пути государь проследовал на амвон. Здесь он снял венец и передал дяде, скипетр князю Дмитрию Ивановичу Трубецкому, державу — князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому. После литургии Михаил Федорович поблагодарил поздравивших его и пригласил к царской трапезе. При выходе из собора был встречен боярином Ф. И. Мстиславским: он осыпал царя троекратно серебряными и золотыми монетами. Также был осыпан в соборах — Архангельском и Благовещенском.

В тот же день в Грановитой палате был задан пир. Царя обслуживал постельничий К. И. Михалков, за царскими кушаньями наблюдал стольник Б. М. Салтыков. За столом для высшего духовенства присматривал стольник В. М. Бутурлин. Вино находилось под наблюдением стольника И. Ф. Троекурова. Виночерпием был князь А. В. Лобанов-Ростовский.

Обильные обеды устроили для нищих.

Пировали в Грановитой палате во второй день, совпавший с именинами молодого государя, и в третий, когда случилось небывалое — за стол позвали жен боярских, и каждая села против своего мужа. За высокие заслуги перед Отечеством думным боярином стал Дмитрий Пожарский. Дворянином — Козьма Минин, деревни получил Богдан Сабинин, муж Антонины, дочери Сусанина. Ушли в бессмертие славные имена.

Через три столетия в одной из книг вспомнили слова митрополита Ефрема: «Прими же, государь, превысочайшую честь и вышехвальную славу, венец царствия на

главу свою, венец, который взыскал от древних лет прородитель твой Владимир Мономах. Да процветет вам от вашего царского, прекрасно цветущего корня прекрасная ветвь».

14

— Трудно тебе, чадо мое, править государством, — говорила, вздыхая, инокиня Марфа.

— Трудно, матушка, — соглашался сын.

— С боярами придется чаще советоваться.

— Придется. Эх, был бы рядом отец!

— Славно, что родителя вспомнил.

— Надо вызволить его из плена.

— Надо, государь.

Разговор об отце привел к тому, что поехали в Польшу игумен Сретенского монастыря Ефрем, которому велено было остаться при Филарете, и посол Федор Желябужский с грамотами...

Паны в Варшаве встретили, как положено.

— Как здоровье бояр? — спросили, давая сразу понять, что Михаила Федоровича они царем не признают, а потому о нем ни слова.

— Бояре при великом государе, — ответил умный посол, — дал Бог, все в добром здоровье.

Сенаторы промолчали. Один лишь канцлер Сапега не выдержал:

— Еще у вас не настоящий государь!

Федор пожал плечами: мол, воля ваша, а мы сами по себе.

— Нам бы Филарета Никитича повидать, — сказал посол.

— Это можно, — согласился Сапега. — Ваш митрополит в моем доме имеет жительство.

Канцлер при Филарете выполнял обязанности пристава, а посему встреча проходила под его неусыпным наблюдением.

— Великий государь, начал посол, обратясь к пленнику поляков, сын ваш, вас, великого государя, велел о здоровье спросить, а про свое здоровье велел сказать, вашими отеческими святительскими и государыни моей матери великой старицы инокини Марфы Ивановны многоусердными к Богу молитвами на наших великих и преславных государствах здравствуем, только оскорбляемся тем, что ваших святительских очей не сподобляемся видеть: молим милосердного Бога и радеем. и промышляем, и хотим того, чтоб милосердный Бог вашу святыню из такой тягости высвободил.

Подавал грамоту, где Филарет был именован великим государем и преосвященным митрополитом, а его сын Михаил — царем, великим князем и самодержцем всея Руси.

Тронут был Филарет, но дело есть дело.

— Не гораздо вы сделали, — начал он, — послали просить на престол королевича Владислава, а сами вдруг взяли на царство Михаила Федорыча, сына моего. Что ж другого не выбрали?

— Царственное дело не перед чем не останавливается, — отвечал Желябужский. Хотя бы и ты был, великий господин, то и тебе переменить того нельзя, ведь сделалось это волею Божией, а не хотением сына твоего.

— То вы подлинно говорите, — согласился Филарет, — что сын мой учинился у вас государем не по своему хотенью, изволением Божиим да вашим принуждением.

И, обратясь к Сапеге, добавил:

— Что делать было? Остался сын мой после меня молод, шестнадцати лет и бессемен, я здесь, а на Москве лишь брат мой, Иван Никитич.

Примирительно, душевно сказал. Но у канцлера все кипело.

Он отвечал грубо, срывая сердце:

— Посадили сына твоего на Московское государство государем казаки-донцы! Филарет хорошо знал своего пристава, а потому не стал спорить. Но посол был тут как тут.

— Что ты, пан канцлер, такое говоришь? — возразил он. — То сделалось волею и хотеньем Бога нашего, Бог послал духа своего Святого в сердца людей. Самое время было Льву Сапеге вспомнить осаду Троицкой лавры. Если вспомнил, то... Подвел под монастырь!» — подумал сердито. Историк ограничился словами: Сапега замолчал». Был тут еще один пристав, пан Олешинский. Филарет, обратясь к обоим приставам, сказал:

— Нас царь Борис всех извел: меня велел постричь. Трех братьев уморил, велел задавить, только теперь у меня остался один брат Иван Никитич.

Олешинский спросил у Сапеги: для чего царь Борис над ними это сделал?

— Для того, — отвечал канцлер, — чтобы кого из братьев не посадили на государство. Романовы — люди великие, к царю Федору близки.

Тогда Олешинский повернул голову к послу:

— На весну пойдет к Москве королевич Владислав. Он учинит вашего митрополита патриархом, а сына его боярином.

— Я в патриархи не хочу, — хмуро бросил Филарет.

Желябужский прищурился и вернул свое:

— Ты, пан, говоришь слово хвастливое, а мы надеемся на милость Божию да на великого государя Михаила Федоровича, на его государское счастье, дородство и храбрость: ныне у нас покой, мир и тишина, все люди ему, великому государю, служат и радуют единодушно. И будем стоять против Владислава, вашего королевича, и против всех вас. И прежде король ваш с королевичем и с вами со всеми приходил под Волок-Ламский, а Волок в Великом государстве Московском как бы деревенька малая: и тут короля вашего людей побили, и отошел король ваш из-под Волока с невеликими людьми.

Олешинский не знал, что сказать. Спросил:

— Помнишь ли меня, как я был на Москве?

— Помню! — подхватил Желябужский. — Помню, как ты при царе Василии в палате крест целовал, чтобы лиха над Московским государством не делать.

Пан умолк...

Упорный Сапега на прощанье твердил с упреком:

— Два у вас государя: один в Москве, другой здесь, Владислав, ему вы крест целовали.

— Это дело бывшее, давнее и вспоминать о нем непригоже, — отмахнулся Желябужский.

— В ответную грамоту надо вставить Михаила Федоровича.

Сапега был против. Желябужского не пустил проститься с митрополитом. Филарет, как потом узнал посол, был сердит и грамоту писать отказался...

В России продолжали думать об освобождении Филарета из плена. Молодой царь был занят одолением Смуты и ее последствий. Казна опустела. Страну продолжали разорять шайки разбойников, загулявшие на кровавых пирах самозванцев. Один из них — Иван Заруцкий, ставший мужем Марины. Вместе они всюду объявляли царем четырехлетнего Ивашку.

Мелькали на юге, под Ливнами, пробовали укрепиться в Астрахани, поднять волжских и донских казаков.

Удирали от царских войск. Настигли беглецов на реке Яик, на острове, заросшем лесом.

Привезли в Москву.

Заруцкого посадили на кол, бедного Ивашку повесили, Марина в тюрьме умерла...

Остался Лисовский, разбойный паи. Носился, как злой дух. Падали кони, не выдерживая бешеной скачки. Спешно пересаживались на других.

Царь задумывался, читая донесения. Что делать? Кто остановит эту злую силу на измученной русской земле?

Такой человек нашелся...

Паи Лисовский находился в Карачеве, когда ему донесли: идет воевода Пожарский с войском большим.

— Где он? — заволновался полковник.

— Белев прошел, Болхов прошел, — говорил рослый конник, меняясь в лице, — на Карачев скачет.

Лисовский вихрем вылетел наружу.

— Город зажечь! — скомандовал.

Вскоре Карачев пылал. Лисовчики, взвывая дорожную пыль, скакали к Орлу, вернее — к Орловскому городищу-пепелищу, где с немногими людьми обитал воевода Даниил Яблочков. Человек не храброго десятка, он в те исторические дни головы не поднимал из-за обугленной крепостной стены, за что чуть не потерял ее, драгоценную, по царскому приказу...

В трех верстах от Орла, у Царева брода, Лисовскому пришлось задержаться. Перехватил разбойного пана Пожарский. Имея под рукой всего шестьсот человек из семи тысяч, не дожидаясь подхода всех остальных, он принял бой. Весь день луговой простор оглашался топотом и ржаньем коней, гремел криками, саблями и дымился кровью. Лисовский умел воевать. Со свистом и гиканьем набросился на передовой отряд Ивана Пушкина. Тот не устоял. Храбро отбивались казаки и дети боярские под командой ливенского воеводы Степана Исленьева, дьяка Семена Заборовского. Тоже не устояли. Лисовчики ликовали. Тогда Пожарский приказал:

— Разворошить обоз, обгородиться телегами и биться до последнего!

Мигом появилась у Царева брода колесная крепость.

— На вылазку! — скомандовал князь.

Ударил лисовчиков сбоку — смешались и повернули коней. Знамя и литавры оставили русским.

Новые силы кинул Лисовский, да где там! Телеги не сдвинуть, пули и сабли делают свое дело. Оглобли подняты к небу, как лес.

Сумерки летнего вечера незаметно сошлись. Почудилось, что за этим лесом затаилось громадное войско.

Июль — середина лета. День выдался жаркий. Пот градом катился по лицам, ручьями бежал по спинам. К ночи Лисовский вынужден был отойти. Отошел и лагерем стал.

Тихая ночь обступила прохладой. Вышла луна — осветила усталые лица. Мучаясь от ран, стонали воины. Среди них были Никита Гагарин и Григорий Горихвостов, храбрейшие из храбрых сподвижников князя. На траве, истоптанной конями, чернели трупы.

— Князь, — прервал думы Пожарского голова Лаврентий Кологривов, — не справиться нам с этим проклятым Лисовским. Пока темно, лучше к Волхову уйти.

— Бежать? — нахмурился князь. — Нет, мои друзья. Лучше нам всем помереть на этом месте, чем принять позор.

Понимал воевода, что если подмога не подойдет, совсем трудно будет. И все-таки решил готовиться к новому бою.

Тут стали подходить те, что не вынесли первых ударов Лисовского.

— Рано показали тыл неприятелю, рано! — насмешливо упрекнул их князь. — Право, не знаю, чем наградить вас.

— Наказать! — скрипнул зубами ратник с перевязанной рукой.

— Кровью смоете грех свой, — угрюмо молвил князь. Наутро доложил воеводе, что Лисовский исчез. Рядом нет, в двух верстах виден след от ночлега. Где же он?

В семи верстах от Орла, где речка Цон пала в Оку, укрепился на холме Александр Лисовский. Русских увидел, начал защищаться. Всем войском навалился на него Пожарский. Бежали поляки.

Говорят, за одни сутки 150 верст проскакали. Кинулись на Кромы — не прошли в крепость. Повернули на Волхов, где сидел воеводой Степан Иванович Волынский, получили отпор на Красной горе. Куда бежать? Хоть волком вой от досады великой.

Предчувствие души. Наверное, мало осталось дней на земле. Мало, пан Лисовский, совсем мало: от силы два года, а то и менее. Садясь на коня, упадешь неловко, и погаснет никому не нужная жизнь. Не вспомнят добром тебя, пан, никогда. Без тебя вернутся лисовчики в родную Польшу, станут ту же разбойную удаль выказывать: рад будет король подарить их австрийскому императору вместо помощи против венгров и чехов. И всюду от них недобрый след.

В 1616 году, когда догорела разбойная жизнь пана Лисовского, вновь появились поляки под Орлом. Пограбили и дальше двинулись. Под Волховом их встретил воевода Михаил Дмитриев с отрядом. Сам был убит, но победу пришлось торжествовать не полякам. Воеводы Скуратов и Хованский так их гнали, долбили и турили в сторону Курска, что память осталась в названиях сел — Гнань, Турищево, Долбенкино.

В походе Пожарского, по преданию, участвовал и Козьма Минин, славный гражданин. Битву у Царева брода на одной из страниц романа «Воевода» вспомнил наш современник Д. Евдокимов, утверждающий, что в Белеве к Пожарскому примкнули казаки, под Волховом — две тысячи татар. Вой, по словам романиста, «продолжался несколько часов, атаки русских следовали одна за другой», вечером татарская конница, не выдержав натиска лисовчиков, ударилась в бег. Потом три дня, не вступая в бой, стояли друг против друга Пожарский и Лисовский. У последнего в войске было немало шотландцев и англичан. Русский воевода послал к ним для переговоров шотландца Якова Шоу. Тот быстро нашел с ними общий язык и убедил перейти под знамена Дмитрия Пожарского. Новая гроза нависла над Россией в 1617 году.

— Буду царем на Москве! — решил двадцатидвухлетний королевич Владислав.

Поляки под началом гетмана Ходкевича и полковника Гонсевского двинулись в поход. До Вязьмы дошли. Ходкевич с радостью принял к себе банду лисовчиков и взял путь на Калугу. Калужане отрядили выборных в Москву. Те явились к царю и стали просить, чтобы их защитил Пожарский. Дмитрий Михайлович чувствовал себя неважно, но весть о лисовчиках подняла его с постели. Надо спешить. На следующий день, 18 октября, он уже скакал к Калуге в сопровождении дружины из 20 всадников и двух сотен московских стрельцов. Отряд мал, но слава велика. Казаки, получив от князя послание, поспешили в Калугу.

Пожарский встретил поляков в поле, перед городом. Увидев скачущих гусар, сделал знак: «Пропустить!» Едва всадники проскочили за надолбы, как русские ударили с трех сторон. Гусары смешались, стали падать под копыта коней. Под пулями, под сабельными ударами тяжеловооруженная конница под командой Опалинского, посланная в помощь лисовчикам, обратилась в бегство.

А в это время Ходкевич с основными силами осадил Можайск. Воевода Лыков нес большие потери. Возникла угроза голода. Прибыл Пожарский. В одну из грозных ночей, когда поляки, спасаясь от ливия, спрятались в шалаши, князь направил в город конные сотни и вывел войско Лыкова, оставив в осаде лишь гарнизон воеводы Федора Волынского. Лыков двинулся к Москве, Пожарский пошел следом, прикрывая отступление. Затем Пожарскому было приказано спешить к Серпухову, чтобы остановить запорожских казаков Петра Сагайдачного. Приступ болезни поверг князя в бессознательное состояние. Его отвезли в Москву. Оставленный вместо него Григорий Волконский не сумел задержать Сагайдачного. Ночью над столицей повисла кроваво-красная комета. «Быть Москве взятой от королевича!» — кричали юродивые на папертях. Смута усилилась.

Царь Михаил послал за Пожарским. Князь, едва успевший оправиться после болезни, был приглашен на обед. Государь принял его крайне любезно. Дьяк сказал слово, перечислив заслуги Дмитрия Михайловича, и вручил ему царские подарки: позолоченный кубок и шубу соболью.

— Пока рука моя удерживает саблю, — сказал Пожарский, — полякам Москвы не видать!

Князь со своим войском занял западную часть стен Белого города. Стал ждать штурма. После полуночи 30 сентября 1618 года поляки проникли внутрь города, подошли к Арбатским и Тверским воротам. Вдруг Арбатские ворота распахнулись, и навстречу польской пехоте вырвались всадники во главе с Пожарским. Сабли и пики сделали свое дело — поляки побежали.

Ходкевич бросился от столицы в сторону Троицкого монастыря. Со стен ударили пушки. Пришлось уходить на старую стоянку в Рогачево. Казаки Сагайдачного отошли к Калуге. Часть казаков перешла на сторону Москвы. Королевич Владислав зимовать в России не стал.

В деревню Деулино 1 декабря 1618 года съехались послы — заключили перемирие на четырнадцать с половиной лет. Через полгода на речке Поляновке произошел обмен пленными. Получил волю митрополит Филарет, отец государев. В Можайске его ждал Пожарский. Обнажил голову, подошел к руке. Филарет обнял воеводу за плечи.

— Благодарю тебя, князь, — сказал торжественно, — за все, что ты сделал для России! Слава о твоих подвигах далеко пошла. Даже наш заклятый враг, канцлер литовский Лен Иванович Сапега, у которого я в заточении пребывал, называл тебя не иначе, как «великий богатырь».

До самой Москвы ехали рядом: Филарет в санях, Пожарский верхом на коне, новости московские рассказывал.

На реке Пресне ждал царь. Увидел родителя и «пал ниц». Митрополит встал на колени. Заплакали оба, в объятия бросились друг к другу. Далее отец продолжал ехать в санях, сын шел следом.

Через несколько дней гостивший в Москве иерусалимский патриарх Феофан посвятил Филарета в патриархи. Отныне все грамоты начинались так:

«Великий государь, Царь и Великий князь Михаил Федорович всея Руси и Святейший патриарх, и великий государь приказали...»

Правили вдвоем.

Отошла в сторону и уже не влияла на сына Марфа. Издали наблюдала, как правит сын по советам отца. Задумались бояре, видя, как мягкое правление молодого царя обрело жесткую силу. Из первого щеголя на Москве Федора Романова вышел великий государь-патриарх, дарованный Богом на полное одоление Смуты и укрепление государства.

15

«Патриарх Филарет, — писал С. Князьков в «Очерках из истории допетровской Руси» (Петроград, 1917), стал зваться великим государем и соправителем, а на деле был настоящим правителем государства и принимал постоянное участие в делах, присутствовал на всех приемах и аудиенциях царя и без его решающего слова ничего в правительстве не делалось. Придворный штат патриарха Филарета по своему блеску соответствовал штату царского дворца».

«В его личности было что-то повелительное, — отмечал Н. И. Костомаров, — царственный сын боялся его и ничего не смел делать без его воли и благословения. Бояре и все думные и близкие к царю, люди находились у него в повиновении; правдивый и милостивый с покорными, он был грозен для тех, кто решался идти против него, и тотчас отправлял в ссылку строптивых».

Суровую руку властей испытал на себе Иван Андреевич Хворостинин, один из ярких писателей своего времени. И отец его, и дядя были среди самых свирепых слуг Ивана Грозного — опричников. Юный Хворостинин служил первому самозванцу, был его фаворитом, находился в большой чести и, по словам голландца Исаака Масса, «все себе позволял». Василий Шуйский сослал его в Иосифо-Волоколамский монастырь. В самом

начале 1611 года Иван вернулся в Москву, а через год уже был воеводой во Мценске. Летом 1614 года командовал сторожевым полком в Новосиле. Затем в Туле служил под командой И. М. Катырева, в будущем своего литературного собрата, был воеводой в Переяславле-Рязанском, где его застало (1619) нашествие Владислава с Сагайдачным. По возвращении в Москву он был царем пожалован «у стола» серебряным кубком и шубой в 160 рублей. И вдруг что-то случилось с Хворостининым. Он стал грубым, надменным и перестал ходить в церковь. На страстной неделе в 1622 году «пил без просыпу», ел мясо, на Пасху не пошел в храм и не поехал с поздравлениями во дворец. Стал сомневаться в вере. Обнаружил «к измене шатость». Стал хлопотать в Разрядном приказе, чтобы его отпустили на литовскую границу. Ссорился с Хованским и Шаховским. Нравственная распущенность, изрядно ломавшая его душу при дворе самозванца, вернулась к нему. В своем отрицании правил московской жизни, в тяге к польским книгам Хворостинин зашел далеко. Говорили, под влиянием одного поляка. Патриарх Филарет главную причину увидел в другом. Увещевая бывшего воеводу, он прямо заявил ему, что его стубило «безмерное пьянство», от которого «ражается различный блуд, о нем же срам есть не токмо писати, но и глаголати; и отгуду безстрашие и отчание; из них же паки ересь и неверие».

При обыске обнаружили у него латинские книги. Узнали, что «учал приставать к польским и латинским попам и к полякам и в вере с ними сроднился». На первый раз простили. «Но Хворостинин, — читаем у С. Ф. Платонова («древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник» — СПб, 1913), — не одумался и отстал не только от православия, но и вообще от евангельского учения. Он стал отрицать воскресение мертвых, необходимость поста и молитвы...»

— В Кириллов монастырь его! — распорядился Филарет. — Жить ему там, в особой келье, под присмотром доброго и житьем крепкого старца. Никуда из монастыря не выходить, никому не посещать. Следить, чтобы ни одного дня не пропускал церковное пение.

Случилось это в самом начале 1623 года. Вел себя узник достойно. К концу года был даже допущен к причастию. Патриарх прислал «учительный список», опровергающий главное заблуждение Хворостинина — отрицание воскресения мертвых. Хворостинин торжественно отрекся от прежних ересей, дал обещание и клятву, что будет блюсти православие. 11 января 1624 года ему привезли царскую грамоту об освобождении. Царь и патриарх объявили князю полное прощение. Скончался И. А. Хворостинин монахом Иосифом Троицкого монастыря в 1625 году.

Там же был и похоронен.

«Словеса дней и царей и святителей Московских, еже есть в России» — труд Хворостинина под таким названием остался незаконченным. Начат был, как предполагал Платонов, в Переяславле-Рязанском. Душа автора, очищенная искренним раскаянием, прозвучала в «Словесах»: «Страна Русская и славный город Москва — свидетели слав наших. В то время беда была, и расточалось богатство, красота и слава померкла, и покровительство владыки покинуло землю нашу, лишены мы были любви его человеколюбия, оскудели города, оскудели люди, но не оскудела мерзость, и возрос плод греха, распространились дела незаконные, и возненавидели люди друг друга, и все чаще мы стали впадать в соблазн. Истощена была земля наша голодом...

И восстал вероотступник и привлек сердца окружающих к себе, прельстил души неразумных, а благочестивых страхом смирил».

Возмущен был автор, что «все последовали за ним, а все вместе лукавили, и никто мужественно ему не возражал, но все от страха пришли в смятение».

Очищение к нему, одному из тех, кто тогда последовал за самозванцем, пришлось за монастырской стеной. И сказал Иван Хворостинин похвальное слово во славу святителя Гермогена: И найдя тело его, мы горячие хвалы страданию его воздали и говорили: «Учитель святой! Не прогневайся на нас, не внимающих словам твоим и проклятие

безрассудно заслуживших, но прости наши провинности и очисти нас от беззакония, чтобы, укрепившись словами твоими, мы победили прежнюю дерзость твоими молитвами к Богу, так как мы считаем тебя живым и после смерти. Не смогли еретики отклонить тебя от православия, и ты за веру поистине жестоко пострадал, людей вразумил и церковь спас. Помоги же и мне, недостойному!

В поэтическом произведении «О гонении на святую церковь» бывший воевода Мценска, Новосила и других древнерусских городов воспел Священное писание:

Книги духовные разумные цветы.

Научат воздати Христовы обеты.

Книги, аки солнцем. Душевные мысли освещают.

Чистое писание грехов темности убеляют.

Ни Платон, ни Пифагор, ни же Аристотель — Не обретаются из них духовный писатель...

Не погубите святую боголепну веру,

Не принимайте латинску сугубу меру...

Не таков бысть Господь, иже наш Спаситель.

И Андрей апостол, российский учитель.

Не таковы римские учителя.

Но всему миру великие мучители.

Трижды упомянул он честный град Киев, где воссияла православная вера, высоким слогом воспел Россию — страну храмов и верности учению Христа.

Смута оставила душу...

Еще одна судьба, отмеченная суровым воздействием государя-патриарха. Это — Семен Иванович Шаховской, родом из ярославских князей. Служил он Василию Шуйскому, участвовал в боях под Болховом, Рахманцевом и на Ходынке. Затем «со многими дворянами» отъехал в Тушино: увела обида на В. И. Шуйского за ссылку в Новгород (1606). Впоследствии оставил такой портрет царя:

«А царь Василий ростом невысок, лицом некрасив, глаза имел подслеповатые. В книжном учении достаточно искусен и умен был. Очень скуп и упрям. В тех только заинтересован был, которые в уши ему ложь на людей нашептывали, он же с радостью ее принимал и с удовольствием слушал...»

Во время взятия Москвы в 1612 году Шаховской находился в Торопце походным воеводой, сражался за Вязьму, Белую, Дорогобуж, не раз был ранен. Вместе с Д. М. Пожарским в 1615 году посылался в длительный рейд по северским городам, после Смуты дважды оказывался в ссылке: то за слишком эмоционально написанную челобитную от имени служилых, то «за чужие вины». В промежутке между ссылками — воевода, жалованный имением в Вологде. Вернулся (1622) из Тобольска и вскоре оказался в Чудовом монастыре. Наказан был за то, что женился в четвертый раз. Монастырское затворничество (до 1628 года) оказалось полезным: много писал по заказам Филарета. Создал «Летописную книгу», где так описывал бой с поляками в Москве:

«В то же время приходит прежденазванный гетман Хоткевич с большим войском... Скачет всюду по полкам, рыкая на своих словно лев, повелевает крепко в бою стоять. А московского воинства воевода и предводитель Дмитрий Михайлович Пожарский со всеми своими полками выходит на бой. И начался смертный бой. А где великое сражение, там и много убитых! С обеих сторон был беспощадный бой. Друг на друга направив своих коней, смертоносные удары наносят. Свищут стрелы, разлетаются на куски мечи и копья, падают всюду убитые. Понемногу поляки берут верх и острием меча преследуют, москвичи же поле боя оставляют и вынуждены отступать.

В то самое время главный воевода и правитель князь Дмитрий Трубецкой со своей

стороны с полками казаков выходит на бой. И тогда возобновляется битва. Страшный гром гремел от стрельбы из пищалей, и молнии, словно с небес, сверкали».

Венец повести — ликование народа, избрание Михаила на престол.

Краткая приписка — слово о царях Иване, Федоре, Борисе, царевиче Федоре — отроке прекрасном, царевне Ксении — девице удивительного ума и редкостной красоты.

«Расстрига же, — читаем далее, — ростом невысок, в груди широк, руки крепкие. Лицо же его не отражало царского достоинства, слишком простое имел обличье, а тело его было очень смуглым. Но остроумен, и более того — в книжной науке достаточно искусен, дерзок, словоохотлив, любил конные состязания, против врагов своих храбр, смел, весьма мужествен и силен и к воинам весьма благосклонен». Таков был главный деятель Смуты. Далее — стихи:

О том, как он был убогим чернецом,
Но венчал себя царским венцом.
Как народ великой России смутил
И диадему царскую на плечах носил.
Все, что было глазам нашим дивно,
Оставим в летописи вовеки неизбывно,
И иные примеры в этой книге помещаем,
Никого в забвении не оставляем.
В ту пору смутные времена были
И знатные люди отечеству изменили.
Мы же о тех прошедших временах повесть предлагаем
И предков наших дела вспоминаем.

О себе:

Написана была эта книжица летописная самым грешным из людей Семеном Шаховским, не говорю сего ради:

«Я князь», поскольку княжеское имя есть высочайшее. Я же, нищий духом, из-за невежества своего не только этой чести недостоин, но и человеком-то называться непригоден, плотских ради наклонностей своих и свинского ирана. Ну да не буду затягивать беседу в угоду глупости...»

Так писал о себе человек, известный широкой образованностью, ярким талантом, один из первых виршевых поэтов России.

Из биографии С. И. Шаховского ведомо нам, что судьба продолжала испытывать силу его духа до конца. С 1629 года он снова на государевой службе...

Золотая комната, как называли кабинет царя, нередко была местом долгих разговоров отца и сына.

— Надо собрать думу, — говорил Филарет, — чтобы получить полное изображение состояния государства, определить меры, чтобы все пришли в достоинство. Не так ли, государь?

— Так, государь-батюшка.

— Надо книги печатать.

— Надо...

Послушание сына — высшая награда отцу.

Решил Филарет разобраться с женитьбой сына, дело в том, что до его возвращения из плена, в 1616 году, Михаил выбрал в жены Марию Ивановну Хлопову. Состоялось обручение. Невесту назвали Анастасией в честь первой жены Ивана Грозного, родной тетки Филарета. И вдруг все Хлоповы оказались в Тобольске. За что? Заболела

неожиданно избранная быть царицей. Врачи вынесли приговор: «Не способна служить радостям государя». Вот и сослали.

— Позвать ко мне духовника! — распорядился Филарет.

Допросил духовника и других. Убедился, что невеста не виновна. Велено было Хлоповой ехать из Тобольска в Верхнетурье, затем в Нижний Новгород, но дальше не пустили.

Передумали возвращать в Москву.

В 1642 году женили на Марии Долгоруковой, но та через несколько месяцев умерла.

Третья попытка оказалась удачной. Собрали в 162 году в Кремле 60 девиц из первостатейных фамилий, уложили спать.

— Пошли! — сказала Марфа сыну.

На дворе была полночь.

Всех девиц рассмотрели внимательно — ни одна не приглянулась. В душу сразу запала Евдокия Лукьянова, прислужница одной из невест. Отец, бедный можайский дворянин, пахал в поле и не сразу поверил, что дочери выпала судьба стать царицей.

Евдокия подарила России царя Алексея Михайловича, который, сменив в 16 лет на троне отца, в восемнадцать женился. Приглянулась из двухсот красавиц Мария Ильинична Милославская, родом из-под Волхова. Вторая жена, Наталья Кирилловна из рода Нарышкиных, родила Петра Великого, при котором Россия вошла в Европу под стук топоров и гром побед.

Князь Куракин

1

Весь мир большая родня, тем более — русский мир.

«Родословная князей Куракиных», помещенная в первую из десяти книг «Архива кн. Ф. А. Куракина» (СНВ, 1890), открывается именем человека, жившего в X веке. Это — Изяслав Полоцкий, сын Владимира Святого, великого князя Киевского, крестившего Русь. Полоцкими князьями были, следуя один за другим: Вячеслав, Всеслав, Борис, Рогвольд; Виленскими — Ростислав, Давид, Вид-волк, Тройден, в одном колене с которым Домонт, в крещении Тимофей, великий князь Псковский, умерший в 1299 году и причисленный к лику святых. Сидели на престоле Великого княжества Литовского Витем, а затем Гедимин знаменитый, в крещении Василий, павший в бою с немецкими рыцарями, отец Ольгерда — Александра и Айгусты — Анастасии, ставшей женой Симеона Гордого, великого князя Московского.

В XVIII колене Михаил Иванович Голица положил начало славному роду Голицыных, а брат его Андрей Булгаков-Курака — роду Куракиных. Был он боярин и воевода, служил Ивану III и его сыну Василию. Все его пятеро сыновей писались князьями Вулгаковыми, а иногда Вулгаковыми-Куракиными. Дмитрий, один из пяти, участник разных походов, стал боярином в 1557 г., был наместником Пскова (1565). Иван и Петр, его братья, казнены Иваном Грозным. Семен, сын Дмитрия, служил главным воеводой на крымских границах (1577), участвовал в походе в Лифляндию. Андрей, сын казненного Петра, воевал в Лифляндии, в Казани и Крыму, воеводствовал в Новгороде (1581).

Иван Семенович из XXI колена вместе с В. И. Шуйским свергал Лжедмитрия I, бился под Брянском со вторым самозванцем, имел сражение у Москвы-реки с паном Лисовским, воеводствовал в Туле и Тобольске, умер бездетным. Вошел в «Историю» Н. М.

Карамзина. Семен Андреевич, его двоюродный брат, не вошел, но об этом позаботился его сын Федор, разбивший Лисовского близ Переяславля (1615), воевода в Крымском походе (1627), в Туле (1643), в Астрахани (1646). Были у Семена Андреевича еще два

сына: Василий — стольник (1615) и воевода (1618) и, наконец, Григорий — первый воевода Казани, боярин, имевший главное правление в Москве во время отсутствия царя Алексея Михайловича.

Григорий Семенович был женат трижды и подарил XXIII колену Куракиных сына Ивана, благодаря которому фамилия не пресеклась и даже шагнула к новой славе...

Время давнее, стародавнее.

В Москве на Мясницкой за дубовым тыном возвышались каменные палаты с полусотней труб, с башнями по углам: на одной красовался витязь с копьём железным, на другой — раскинул крылья орел когтистый, на третьей — солнце веером лучи развернуло, четвертую — ветром срубило, как топором. Самая середина над воротами — лик святой: Божья Матерь в серебряной ризе.

Стены белые — как снег в пору лютую, когда скрип шагов и полозьев за версту слышать.

Белые — как сад цветущий, осыпаящий теплую землю лепестковой метелью мая.

В саду был устроен помост. Выходили скоморохи, одетые пестро, и народ потешали.

— Ай, люли! Ай, люли! — разносилось по саду.

Пели, плясали, на гусях звончатых играли, а иной ловкач по канату бодро ходил и даже огонь глотал с ухмылкой веселой.

— Славно, славно! — приговаривала княгиня Феодосия, сидя в глубоком кресле под яблоней.

Восторгом сияли глаза. Ветер, набегая, трогал цветущие ветки. Лепестковый снег сыпался на малиновый плат княгини, укрывший черное диво долгих кос, завязанных на затылке тяжелым узлом.

В кресле рядом восседал сам хозяин, князь Иван Григорьевич Куракин. Поглаживал бороду, усмехался, довольный, и не столько смотрел на резвых скоморохов, сколько любовался женой-красавицей из древнего рода князей Одоевских. Тут же под деревьями шумно резвилось XXIV колено рода Куракиных — Миша и Маша.

Княгиня краснела, прислушиваясь к себе, и задумывалась: новая жизнь созревала в ней...

Любил князь Иван песни и пляски под яблонями, но всего более — бег коня в чистом поле, стук проворных копыт на гулкой дороге, где ветер поет в ушах и широченными раздольями подступает к глазам богатырская Русь.

Замирают облака, проплывают березы, учащенно сердце стучит. И расстилается перед мысленным взором, как ковер многоцветный, родословная — от Москвы до Орла, от Брянска до Смоленска, от Полоцка до Киева, от Пскова и Новгорода до Вильно, до суровой горы Гедимины...

2

В окна, затянутые слюдой, еще не хлынул рассвет, когда со стороны Кремля донеслось:

— Дон!

— Дон!

— Дон!

Большой соборный колокол известил о смерти царя Алексея Михайловича. Случилось это 29 января 1676 года. Царствование с именами Богдана Хмельницкого, Стеньки Разина и патриарха Никона ушло в прошлое. Четырнадцатилетний Федор, страдая болезнью ног, лежал в постели, когда за ним пришли бояре.

— Великий государь, отходя в мир иной, отказал царство на тебя, — сказал Долгорукий.

— Не хочу. Я болен, — ответил Федор. — Сажайте на престол Петра.

— Мал еще, — возразили бояре. — Царство не ему, а тебе отказано.

— Пожалейте меня, за ради Христа, — взмолился царевич. — Я и по горнице ходить не могу.

— И не надо ходить. Мы тебя на руках унесем.

Подхватили и понесли. Среди тех, кто нес, был Федор Куракин, воспитатель царевича,

двоюродный брат упомянутого нами Ивана Григорьевича. Вместе с Иваном Милославским он принял на плечи сына Алексея Михайловича от Марии Милославской, первой жены. Двум другим боярам досталось ноги нести. Волынский бежал впереди и кричал:

— Дорогу, дорогу, государь идет!

По щекам Федора катились слезы...

В большом доме на Мясницкой — свои заботы. Княгиня Феодосия, не отличаясь крепким здоровьем, ждала разрешения от бремени. Ульяна Ивановна, ее мать, приезжая, спешно выходила из кареты и первого встречного ловила вопросом:

— Как здоровье?

Слуги кланялись и успокаивали, что пока слава Богу.

— Слава Богу! — повторяла княгиня Одоевская и размашисто крестилась.

Торопилась к дочери.

— Небось, сына ждешь? — бросала зятю.

— Надеюсь, — улыбался князь Иван.

— Ан, получишь княжну.

— Буду рад.

На бледном лице Феодосии проступала улыбка...

Долгожданное событие произошло на Ильин день — 20 июля 1676 года.

Родился мальчик.

Назвали Борисом.

«Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина им самим описанная» была начата 25 сентября 1705 года, когда автор, находясь за границей, целый месяц лечился от болезни цинготной и перед его мысленным взором замаячила в отдалении звезда тридцатилетия. Человек государственный, он знал себе цену и с первых же строк мемуарного повествования назвал имена царственных восприемников и тут же положил цветок памяти на раннюю могилу матери: «И по рождении мать моя скончалась в пяти неделях, которую болезнь получила от самого моего рождения. При случае по крещению имел счастье не малое... быть фаворитом».

Крестным отцом согласился стать сам государь Федор Алексеевич, крестной матерью — его сестра, царевна Екатерина. Карета за каретой подкатывали к дому. Носители самых известных фамилий спешили поздравить Ивана Григорьевича и его супругу. Судьбу фаворита прочили крестнику государеву.

А он то спал, то заливался громким плачем, донимаемый хворями.

— Господи! Помоги нам, вздыхала княгиня.

Молилась за себя и за сына.

Сыну помогла молитва: поднялся на ноги. Самой же Феодосье Алексеевне выпало переселиться на кладбище Чудова монастыря. Отпевал княгиню Куракину патриарх. Князь Иван, потрясенный горем, не спешил ввести в дом новую хозяйку: все стояла перед глазами Феодосья Алексеевна, все видел ее то за столом с книгой, то в карете, то под деревьями цветущего сада.

Когда совсем становилось тяжело, шел на конюшню. Садился на коня и вихрем вылетал за ворота. Бешеной скачкой душу лечил. Пропадал иной раз на охоте, дети росли и требовали внимания. Старшего Михаила научил владеть конем, определил в спальники к Федору Алексеевичу.

Государь часто болел. Когда же ему становилось лучше, тоже любил скакать на коне.

Видели его с книгой, видели в центре шумного веселья, на площади торговой.

Входя в самую цветущую пору жизни, царь становился все более похожим на отца.

Круглые черные брови, живые яркие глаза. Появились изящные усы и бородка. Таким он и запал в сердце полячке Ганне.

Подрастала в большом доме на Мясницкой Мария Куракина.

Рос Борис Куракин.

Пришел день, когда отец, страстный любитель верховой езды и охоты, посадил сына на коня:

— Учись, князь!

Земля заколыхалась перед испуганными глазами мальчика. Вцепился в гриву, задрожал всем телом, приготовился закричать.

— Спокойно, сын, — сказал отец. — Я рядом с тобой. Лошадь мягкой рысцей понесла по лужайке.

— Молодец! — раздался голос отца уже в отдалении. Борис вздрогнул, но страх мигом прошел, как только отец вновь оказался рядом.

И настало время, когда мальчик прочно сидел на коне. С царской конюшни коня привели — подарок государев крестнику.

— Иноходец! — весело пояснил отец.

Сердце Бориса залила горячая волна благодарности к царю.

Государь, между тем, доживал последние дни. Мягкий, добрый, болезненный, он за шесть лет царствования успел многое: вернул из ссылки патриарха Никона и боярина Матвеева, отменил местничество, приказав сжечь разрядные книги, сократил число приказов и воевод. Уменьшил налоги, уничтожил четвертование, запретил простым людям бить земные поклоны боярам, устраивал богадельни, любил посещать типографии и школы, утвердил устав первого высшего учебного заведения.

России — Славяно-греко-латинской академии для всех сословий, впоследствии открывшей врата учености для М. В. Ломоносова, крестьянского сына из Холмогор. Окруженный Милославскими, сторонниками старины, Федор Алексеевич открывал дорогу новым веяниям, связанным с появлением второй жены Алексея Михайловича Натальи Кирилловны Нарышкиной. Современники с восторгом описывали ее цветущую красоту, грациозность, высокий лоб, большие черные пронизательные глаза, ровные брови, очаровательную улыбку, звонкий приятный голос. Она была первой женщиной новой России. Умная, живая, приветливая, она любила развлечения, в открытой колымаге показывалась Народу. Повевало свежим ветром перемен. Бояре начали обучать своих детей иностранным языкам. Некоторые стали брить бороды, стричь волосы, одеваться и говорить по-польски, как во времена Марины Мнишек. Сестры Милославские приходили в ужас от выходок царевны Натальи. Федор Алексеевич, их брат, новшествам не противился. Особенно после женитьбы на полячке Грушецкой. Царь любил музыку, книги и даже, затворясь в одиночестве, сочинял стихи...

Летом 1681 года на небе появилась звезда всех ярче, с длинным хвостом.

— Что-то будет — вздыхали люди.

— Не к добру, — рассуждали самые мудрые. — Не к добру, раз хвостом она кажет на Москву.

Так оно и учинилось.

Сначала радость была. Царевич Илья родился в июле. Крестил младенца в Чудовом монастыре сам патриарх Иоаким. И вдруг скончалась царица Агафья Семионовна, в девичестве Ганна Грушецкая. А следом и младенец Илюша преставился.

На следующий год (1682), февраля в 15-й день, поговорив с сестрами своими, решил государь Федор Алексеевич на второй брак, взял Марфу, Матвея Апраксина дочь.

Недолгой оказалась и эта радость. Апреля в 27-й день скончался царь, прожив на земле 20 лет. Знать, хвостатая звезда, явившая Москве свой зловещий лик, диктовала иные сроки, намечала иные судьбы.

В ту же ночь заполонили люди всех чинов и званий площадь перед царским крыльцом и на вопрос, кому крест целовать, дружно крикнули имя Петра. Наталья Кирилловна просияла. Сынок ее с огненными глазами в десять лет выглядел на все пятнадцать. В самый раз править государством. Не то, что вечно болеющий брат Иоанн, сын Милославской. Хоть и годами старше, да что толку?

Царевна Софья, в свои двадцать пять находясь в самом соку, думала иначе.

На другой день большой колокол гудел, собирая народ на погребение царское, в соборе Михаила Архангела патриарх Иоаким правил печальный обряд. А Софья промежду слез о брате любезном продолжала обдумывать дело.

Дело заварилось в том же 1682 году, мая в 15-й день. Развернув знамена и гремя в барабаны, стрельцы, приказные и полк солдат явились в Кремль. Потрясаемая мушкетами, копьями и бердышами, стали кричать, будто братья Нарышкины удушили царевича Иоанна. Ворвались к самому царю, схватили обнаруженного там Артамона Матвеева и кинули с Красного крыльца на поднятые копья. Положили на землю, и давай рубить бердышами. У патриарха нашли Григория Ромодановского и тоже, исколов, изрубили. Князя Михаила Долгорукова, как сказано в «Записках о стрелецком бунте», «ухватя в проходных сенях, изрубили на Красном крыльце». Думного дьяка Лариона Иванова, сбросив с крыльца, изрубили «в части», его сына Василия просто изрубили. Стольнику Федору Салтыкову пришел конец у Мастерской палаты. Стольнику Афанасию Нарышкину — на площади перед приказами, полковнику Андрею Дохтурову — В Кремле, лекарю Данилову — у Лобного места.

Долго еще рубили да кололи, и на другой день не унимались. И на третий день явились со знаменами и барабанами. Носили на копьях голову и ноги замученного Ивана Нарышкина. Такое же надругательство учинили над Данилой-лекарем после пытки в три кнута.

Мая в 19-й день отправляли в ссылку Кирилла Нарышкина и других.

Мая в 20-й день целовали крест Иоанну Алексеевичу. Июня в 25-й день, в воскресенье, царским венцом венчал Иоаким Иоанна и Петра. Мастера изготовили небывалый трон на Руси — на двоих.

А восседала на троне невиданном Софья-царевна, мудрая правительница при двух царях. «Правление царевны Софии Алексеевны, — писал Куракин, — началось со всякою прилежностью и правосудием всем и ко уловольству народному. Так что никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было. И все государство пришло во время ее правления, чрез семь лет, во цвет великого богатства. Также умножилась коммерция и всякие ремесла; и науки почали быть восставлять латинского и греческого языку; также и политес восставлена была в великом шляхетстве и других придворных с манеру польского — и в зкипажах, и в домовном строении, и уборах, и в столах.

И торжествовала тогда довольность народная, так что всякой легко мог видеть, когда праздничный день в лете, то все места кругом Москвы за городом, сходные к забавам, как Марьины рощи, девичье поле и прочее, наполнены были народом, которые в великих забавах и играх бывали, из чего можно было видеть довольность жития их».

Далее о том, как царевна Софья подтвердила мир со Швецией и Польшей, отчего Киев, Чернигов, Смоленск «со всеми принадлежностями» остался в вечном владении России.

И еще о том, как Софья Алексеевна, «великого ума и великий политик», женила брата Иоанна на дочери Федора Салтыкова, чтобы «видеть сыновей от брата своего и наследников к короне». Увидев, что дочери рождаются, задумалась. В народе заговорили, будто сама захотела корону получить. Но автор вышеприведенных строк сомневался, «ежели такое намерение было справедливое».

Автору, Борису Ивановичу Куракину, виднее. Ему было 6 лет, когда в Кремле гремели барабаны, лилась кровь, решалась судьба государства. Строки взяты из «Истории о Петре I и ближних к нему людях», написанной в Париже, на самом краю жизни, бурной и блистательной.

О себе же — в мемуарах, доведенных до 1709 года, украшающих первый из десяти томов-фолиантов «Архива кн. Ф. А. Куракина» (СПб, 1890), дополненных множеством записок и прочих «бумаг», составляющих уникальное издание.

Писал Куракин о том, как мартовской ночью 1682 года царь Федор Алексеевич «переселился в вечное блаженство», как ударено «было в соборный большой колокол трижды для знака народного», как собрались ко дворцу патриарх Иоаким и другие «знатные персоны», чтобы из двух царевичей избрать царя. Сам патриарх стоял за Петра. За ним народ пошел. Но стрельцы...

Они и за Куракиными охотились. В душах обитателей большого дома на Мясницкой поселился страх. Пришлось прятаться. Иван Григорьевич простился с детьми и уехал в Смоленск служить воеводой. Борис оседлал иноходца. На Троицкой дороге на полном скаку вылетел из седла и повис, зацепившись ногой за стремя. Уцелел чудом.

Бунт утих. Воцарилась Софья. Борис отлеживался. И вдруг — такое горе, что отворяй ворота: из Смоленска привезли неожиданно умершего отца. Похоронили в Чудовом монастыре.

Ульяна Ивановна Одоевская перебралась на Мясницкую после вторых похорон: умерла мачеха ее внуков, видимо, сильно потрясенная смертью Ивана Григорьевича.

Бабушка приняла дом в свои руки. Правила, как царица. Слуги трепетали, внуки не смели перечить. Тем более тихий, послушный, часто болеющий Борис. Большим событием для него стала милость царская, о которой впоследствии писал: «Я пожалован в спальники, начал учиться грамматике».

Придворная должность, обязывающая дежурить в комнатах царя и сопровождать его в поездках, ввела юного Куракина в окружение Петра. Наталья Кирилловна была к мальчику, рано потерявшему родителей, ласкова, как мать. Показала ларь с книгами: Читай!

И он читал не отрываясь. То «Жития святых», страдальцев за веру православную, то про Александра Македонского.

На лето царская семья переехала в Измайлово, во дворец со множеством башен. Тут стало не до книг. Петр затеял потешное войско, стал полки собирать — Преображенский и Семеновский, крепости строить для штурмов-баталий.

Жил царь с матерью в подмосковных селах Воробьеве, Коломенском, Преображенском. Всюду он находился во власти увлечений ремеслами и военными потехами, а на двойном троне рядом с братом Иоанном сиживал редко. Одно из таких сидений во время приема послов (1683) описал секретарь шведского посольства: «В приемной палате, обитой турецкими коврами, на двух серебряных креслах под иконами сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявшем драгоценными камнями. Старший брат, надвинув шапку на глаза, опустив глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно; младший смотрел на всех; лицо у него открытое, красивое, молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью».

Петру не было семнадцати, когда мать женила его на Авдотье Лопухиной. По словам Куракина, «была принцесса лицом изрядная, токмо ума посредняго и нравом несходная к своему супругу, отчего все свое счастье потеряла и весь свой род сгубила». «Род же их, продолжал Куракин в «Истории о Петре», — был весьма людной, так что через ту причину супружества ко двору царского величества было введено мужеского полу и женского более тридцати персон... Правда, сначала любовь между ими, царем Петром и супругою его, была изрядная; но продолжилась разве токмо год. Но потом пресеклась; к тому царица Наталья Кирилловна невестку свою возненавидела и желала больше с мужем ее в несогласии, нежели в любви. И так дошло до конца такого, что от сего супружества последовали в государстве Российском великие дела, которые были уже явны на весь свет...»

От брака Лопухиной родился Алексей Петрович, царевич трагической судьбы.

В день свадьбы царской Борис подумал: «Женюсь и я через четыре года». Акулина Ивановна рассудила иначе. Увидела внука в кургузом немецком кафтане, наслушалась рассказов о возможной войне с турками после неудачных походов князя Голицына в Крым да и решила твердо:

— Пора жениться тебе, Бориска.

— На ком?

— На Ксении Лопухиной. Свояком станешь царю, да и земель у них много.

Сговор был перед Масленицей. На сговоре. вспоминал Куракин, «все бояре были, и другие персоны, и дарили». Выезд состоял из восьми саней. Свадьбу сыграли после Петрова дня, венчались в Преображенском. Жениху — пятнадцать лет. Сел на коня и поскакал под Семеновское, участвовать в потехе рейтаром в роте генерала Гордона. Исполнилось Борису 16 лет. Вышла замуж сестра Мария, получив в приданое шесть деревень, в том числе Жирятино под Кромами. Ульяна Ивановна села в кресло покойного князя-воеводы, разложила бумаги на столе и, говоря словами ее младшего внука, «изволила поделить всех трех братьев»:

— Это тебе, Михайло!

— Это тебе, Иван!

— А это...

Борису досталась деревня «всех хуже и беднее». Через многие годы потомки с гордостью будут называть село Преображенское-Куракино при реке Неручь и речке Масловке, в пяти верстах от станции Куракино, доставшееся в 1693 году князю Борису Ивановичу Куракину...

После Рождества Христова умерла Ульяна Ивановна Одоевская. Местом вечного покоя стал все тот же Чудов монастырь. А внук ее Борис переехал в Китай-город, «на двор свой». Прапорщиком стал в потешном войске Петра.

Царь, имевший склонность к войне, по словам Куракина, «от младенчества лет своих», военные потехи «начал сперва стольниками», «а к тому присовокупил и конюхов потешной конюшни», потом из вольных чинов шляхетства и всяких начал «прибирать».

Собрал Преображенский и Семеновский полки по триста человек. Но главная сила в Москве — это стрельцы, более 30 тысяч, «весь двор в их руках был». Однажды ночью, на 8 августа 1689 года, Софья, собран стрелецкие полки, «хотела послать Щегловитого в Преображенское, чтобы оно... зажечь и царя Петра Алексеевича и мать его убить, и весь двор побить». Себя решила посадить на царство. Но «стрельцы главные полку Стремянного» явились в Преображенское и объявили об этом Петру. Он с пятью человеками ускакал в Троице-Сергиев монастырь. Туда же и Наталья Кирилловна «той же ночи бегом понуждена быть последовать». В шесть часов «скорым походом в тот монастырь пришли» потешные полки, Сухарев стрелецкий полк, «многие бояре и другие чины». Ворота были заперты, пушки на стенах. Брату Иоанну Петр объявил через одного человека «злые умыслы сестры», прося ее «от двора отлучить» и отправить в монастырь. Объявил теткам своим, царевнам Анне и Татьяне, а также патриарху Иоакиму. Звал к себе. Спальник Иван Гагин был послан с грамотами к полкам стрелецким.

Люди съехались. Даже Татьяна Михайловна, тетка Петра, «пришла и была во всю ту бытность». Патриарх прибыл. Судьба заговора решилась: Софья стала монахиней, заточенной в Новодевичий монастырь, а Федор Шакловитый и его сообщники потеряли головы на площади в слободе Клементьевской. Иоанн до самой смерти (1696) лишь считался царем, участвуя в церковных церемониях и приемах послов. В поведении Петра ничего не изменилось. «Добившись власти, — пишет Н. Павленко в книге «Петр Первый» (М., 1975), — он тут же проявил к ней полное равнодушие». Куракин это время назвал началом правления Натальи Кирилловны. Была «сия принцесса, — по его словам, — доброго темпераменту, добродетельного, токмо не была ни прилежная и не искусная в делех и ума легкого».

А потому вручила она правление брату Льву Нарышкину и другим министрам. Многие делали Тихон Стрешнев, Борис Голицын — человек ума великого, но склонный «к питию»; Гаврило Головкин, имевший немалую силу.

«Правление оной царицы Натальи Кирилловны, писал Куракин, — было весьма непорядочное и недовольное народу, и обидимое. И в то же время началось неправое

правление от судей, и мздоимство великое, и кража государственная, которое донныне продолжается с умножением и вывести сию язву трудно».

Человеком честным, «без вздоимства» был князь Петр Прозоровский, сидевший в Большой казне, ведавший денежным двором. Правил делом «со всякой верностию», «понеже был человек набожной».

Борьбу с Софьей Куракин назвал Троицким походом. Вернувшись из этого похода, Петр трижды в неделю время проводил в потешных полках. Франц Лефорт, «человек забавной и роскошной», давал обеды. Это в его доме «первое начало учинилось, что его царское величество начал с дамами иноземскими обходиться и амур начал первой быть к одной дочери купеческой, названной Анна Ивановна Монсова. Правда, девица была изрядная и умная».

«Тут же в доме (Лефорта), — продолжал с явным осуждением Борис Куракин, — началось дебошество, пьянство так великое, что невозможно описать, что по три дня запершись в том доме бывали пьяны, и что многим случалось оттого умирать». Увы! Пьянство «между великими домами в моду пришло». А Лефорт «с того времени пришел до такого градуса, что учинен был генералом от инфантерии, и потом адмиралом, и от пьянства скончался». От пиров у Лефорта — к буйным застольям, когда даже «потешный был патриарх учинен». Таковым стал Матвей Нарышкин, окольный, «муж глупой, старой и пьяной». В архиереи названы были от разных провинций бояре, дьяконы из спальников. Митра патриарха была жестяная с изображенным Бахусом на бочке. По домам ходили, веселясь «до полуночи, и «многие от дураков были биваны, облиты и обруганы».

Не нравились пьяные «веселья» Борису Куракину. Особенно такие люди, как князь Шаховской. Продолжая размышлять о времени правления Натальи Кирилловны, делал вывод, что в эти годы «знатного ничего не происходило, токмо все дела происходили с великими взятки».

25 января 1692 года скончалась царица. Петр получил известие в Преображенском. Он «был в великой печали», но хоронить мать не поехал. Историк Н. Павленко объяснил такой поступок тем, что царь «не желал показывать другим слабости». Не осуждал его и Куракин. Видимо, знал, что на третий день Петр прибыл на могилу и оплакивал смерть нежно любимой матери в одиночестве. Воеводе Апраксину писал: «Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце».

«Сия смерть принесла падение Льва Нарышкина», — отмечал Куракин и тут же признавал, что царь хоть и «понужден был вступить в правление», но «труда того не хотел понести», оставив все министрам. А продолжали править Борис Голицын, Тихон Стрешнев, Федор Головин. Продолжал также денно и ночью пребывать в пьяных забавах Лефорт. Начал приходиться «в великую милость» Александр Меншиков и «до такого градуса взошел, что все государство правил почитай». Он «был такой сильный фаворит, что разве в римских историях находят». И еще «награжден был таким великим богатством, что приходов своих земель имел по полтора ста тысяч рублей... в каменных считалось на полтора миллиона рублей, а особливо знатную вещь имел — яхонт... великой цены по своей великости и тяжести, и цвету, который считался токмо един в Европе». В то же время был человек не ученый, «свое имя токмо выучил подписывать, понеже был из породы самой низкой, ниже шляхетства».

Самым страшным человеком был Федор Ромодановский, князь-кесарь шутейный. Он ведал розыском, мог всякого арестовать и «по розыску вершить». Под его присмотром находился монастырь, где «царевна Софья, заключенная, сидела, и содержал ее в великой крепости». Петр допрашивал обычно в присутствии Ромодановского, больше никого не бывало. Большую власть имел. И еще «любил пить непрестанно, и других поить, и ругать, и дураков при себе имел, и ссорил, и приводил в драку, и с того себе имел забаву».

Многое сохранила для потомков строгая память Бориса Куракина.

Близким — место не в «Истории», а в «Жизни», полной живых и трогательных воспоминаний. «Имел я отца большую любовь пред другими детьми», — писал Куракин с гордостью, вспоминая, как Иван Григорьевич благословил «при конце живота» образом Спаса Нерукотворного которым его самого благословил отец. Мачеху Марью Петровну, рано умершую, вспоминал, братьев: Михаила, бывшего стольником, спальником при Федоре Алексеевиче, поручиком Семеновского полка (ум. 1695). Ивана, рожденного от М. П. Прозоровской (1683—1706), сестру Марию (1675—1740), жену И. С. Салтыкова, павшего под Нарвой (1700). О бабке Ульяне Ивановне писал, что она жена была великого ума и набожная, и в остиме (уважении) от всех».

Из года в год описывал Б. И. Куракин важнейшие события жизни своей: 1584 — ходил по лесам у палат своих и упал, «так расшибся, что с два часа замертно лежал»; на 11-м году — первый поход в Крым, на 13-м — второй. «Того лета весь наш дом погорел с той ночи, что было перешли на новоселье, и просили всех кушать»: 1693 — потеха под Семеновским; 1694 — под Кожуховым.

Был под Азовом (1695) в команде трех генералов: Лефорта, Гордона, Головина...

Война с турками была объявлена зимой, а в апреле, «после Святой недели, пошли водою, Москвою-рекою, и Окою и Волгою, аж до самого Царицына». Куракин был прапорщиком. Стояли по октябрь, Азов не взяли, поскольку «великое было несчастье на всех людей от турков, вылазками на шанцы, и всех побивали; а также болезнями, а по отходе, как степью шли, от великой стужи многие помирали».

Куракину «особливо было несчастье». Турки, сделав вылазку, «шанцы генерала Гордона вырубил и аж до самого обозу, и артиллерию тягосную заклепали, а девять пушек полковых повезли в город». Что делать? На выручку были посланы стрелецкие полки от генерала Головина и половина Семеновского полка, «в которых ротах и я со знаменем белым был». Бой кипел до самого вечера. У Куракина, по его словам, «в руках знамя пробил с города два раза из пушки, и мне кафтан под левую пазуху прострелили и рубашку, только что мало тела не захватили». В том же походе на Северном Донцу, на пути к Москве, «не стало» брата Михаила, поручика пятой роты. С телом его был оставлен Антон Болотов «до зимнего пути», «в ноябре привезли к Москве, и погребен у Троицк в Сергиеве монастыре. А после его осталась супруга, княгиня Мавра Дмитриевна, да сын князь Василей, да две дочери княжна Марья, да княжна Прасковья».

Через годы... В пятой книге «Архива кн. Ф. А. Куракина» помещена «Заручная челобитной» сестер Куракиных, из которой следует, что их отцу Михаилу Ивановичу принадлежали «в Орловском уезде село Архангельское да деревни Приимково и Поздеево со крестьяны». Марья и Прасковья писали также, что отец после раздела с братьями своими вотчин «перевел крестьян и в Ливенский уезд и поселил на наемной земле, что ныне сельцо Никольское да деревня Поздеева, да деревня Репищи».

Вернемся к «Жизни» Б. И. Куракина. На обратном пути от Азова к нему припала «горячка вельми зла». До старого Оскола довели больного. Три дня «метали кровь из правой руки», «отчаен был к смерти». На седьмой день велел поливать самой холодной водой со льдом. Далее беспмятство. Очнулся от великого холода. Велел положить себя на печь и укутать. Проспал целые сутки, не мог ходить дня четыре, потом «имел великий опетит до яденья». К Николину дню вернулся домой.

Родилась дочь Татьяна. Добавим: в дальнейшем обергофмейстерина Елизаветы Петровны, была замужем за фельдмаршалом М. М. Голицыным (1696—1730).

В марте пошли на Воронеж с полками, плыл на стругах по дону. Взяли Азов, а турок выпустили. Плыли обратно по дону шесть недель. В Москве же «дом весь погорел». В первых числах октября (1696), «пришед из-под Азова», шли строем в триумфальные

ворота на Каменный мост. И в том же строю, в Семеновском полку, везли Яшку, изменившего под Азовом, сделавшего вылазку против Гордона: кругом стояли палачи, следом шли два князя — Михаил Голицын и Борис Куракин. Генерал Шеин ехал верхом, и «знамены волокли перед ним» турецкие. С осени Куракин долго болел, но вот в январе (1697) две партии спальников отобрали для ученья в Голландию и Италию. Куракину выпало ехать в Венецию. В марте тронулся в путь. Находясь в Венеции, узнал о рождении сына Александра (1697—1749), который стал потом полномочным послом в Париже, а затем он тайный советник, обер-шталмейстер, сенатор, конференц-министр, кавалер орденов Александра Невского и Андрея Первозванного. Был женат на Александре Паниной, дочери генерал-поручика и сенатора И. В. Панина.

Находясь в Венеции, Куракин изучал арифметику, геометрию, тригонометрию, пять книг Евклида, астрономию, механику, фортификацию и другие науки. Плавал на корабле в Далмацию, был в Неаполе и Риме. В Москву возвращался через Вену, Кранов, Киев, где «сподобился видеть мощи чудотворцев печерских».

«И по приезде моем в Москве, на третьей день, жены моей княгини Ксении Федоровны не стало... И погребена в Чудове монастыре». Лекарство «не подняла натура, и так мокротую пришла в горло и задавило».

«И того года Его Величество поворотился из Вены за бунтовщиками-стрельцами, которые хотели, пришед к Москве, всех вырубить. И той осени кругом Москвы перевешали и переказнили больше двух тысяч человек».

В Москве жил только четыре недели, потому как спешил в Воронеж, где «свидетельствовали в науках». Знания проверял сам Петр. А Куракин был счастлив увидеть Его Величество и услышать о себе доброе слово. Из Воронежа всех отпустили, но Борису Куракину и Василию Толочанову велено было ехать под Азов. Наши корабли ходили под Керчь, а один с послом Украинцевым на борту — в Царьград. В государстве был учрежден орден Андрея Первозванного: первым человеком в России его получил Федор Головин, вторым Мазепа, гетман Украины. Горела Москва. На следующий год (1699) сгорел дом Куракина. Дети переболели оспой и корью.

В октябре (1700) сговорился, а в ноябре женился на Марье Федоровне Урусовой (ум. 1731). Сын Сергей родился (1701) и через полтора года умер.

В сентябре русские стояли под Нарвою. Шведы обоз отняли. Убили зятя И. П. Салтыкова. Осенью 1702 года наши войска начали очищать от шведов берега Невы. Овладели Нотебургом, переименованным в Шлиссельбург. Это был древнерусский Орешек. «А я в ту пору, — вспоминал Куракин, — ехал озером в баталии с майором Мейером, и были в великом страхе от погоды водяной на озере. И как приехали в Переволоке, и в ту пору команда у Мейера отнята, и приказана мне вместо майора, и командирил две недели. И перетаща лодки, в ту ночь ходили на другую сторону реки с Его Величеством, стояла где в городе шведов целая компания инфантерии. И в той партии я ходил за майора, и потом, как был приступ, послан я пред тем приступом к вечеру к генерал-майору Чамберсу с лестницами приступными; с теми лестницами пробыл у него аж до самого приступа...»

На зиму Куракин был отпущен в Москву, а весной уже вновь на берегах Невы командовал четырьмя ротами... «И в том же походе, писал, — город еще не сдался. Царское Величество сам пошел на лодках... и шли на лодках мимо города, а плыли ночью, и от города была по нас стрельба».

Взяли город и «начали делать Санкт-Петербург...»

В октябре того же года родилась дочь Катерина, ставшая (1730) женой фельдмаршала графа А. Б. Бутурлина На Стретенье — новая радость (1704): хсказали в Преображенском в майоры в Семеновский полк». Великий пост прошел с печалью: в Санкт-Петербурге «пришла ко мне ведомость о брате князь Иван Ивановиче, что марта 25 числа не стало в пути». В апреле узнал о смерти его жены Елены Тихоновны. Потом племянник Александр Иванович скончался. «И в наследствии деревень и всего дома остался я во всем...»

Из-под Петербурга пошли под Нарву, 9 августа ходили на приступ. «И я был послан и ходил майором на тот приступ; и в ту пору был приступ, в самый полдень, и взяли город одними шпагами в три четверти часа. И перед тем приступом исповедывался и причастился Святых тайн, в которых заповеди от отца духовного долженствовал бы всегда памятовать и исполнять; и ныне Господа Бога прошу в том заставить воздержании и заповеди исполнить. И в ту пору видел некоторое и не малое себе счастье, хотя и при смертном часе был...»

В декабре, за пять дней до Рождества, шли победители по Москве.

Майор Куракин вел Семеновский полк.

Зимовал Борис в Москве. Болезнь не поддавалась лечению. В феврале по телу пошли пятна. Подал прошение царю. Петр разрешил остаться. Лечился весь Великий пост. И чай пил, и в баньке сидел, и кровь пускал из правой руки, до обмороков доходило. В июле поехал. Прибыл в Вильно. Получил указ «ехать за море для леченья от своей болезни цынготной». Ехал через Кенигсберг, Кольберт, а там, на Балтийском море ходило два шведских корабля и осматривали. Помог паспорт на имя итальянца Францтшко домияни. Через Берлин, дрезден добрался до Карзбата, до горячих вод. Взаялся лечить доктор Бекхер...

1706 год провел в лечении. Не забывал о семье: детей «посадил учиться грамоте немецкого языка». В октябре отправился на почтовых в Амстердам, жил в Голландии, лечился у доктора Хика и цирюльника Боновента: тот поселил у себя, сажал 24 раза в пары. В июне поехал в Москву через Дюссельдорф, Лейпциг, Бреславль — в последнем задержался недель на шесть. Из Бреславля в августе двинулся далее. Франкфурт, Гданьск, Кенигсберг, Гродно, Слуцк, Чернигов, Глухов, Рыльск и «на орловскую деревню и прямо к Москве».

Орловская деревня не задержала надолго. Пробыл 10 дней в Ельигине, «потом, поворотясь к Москве, объявился Петру Шафирову...» Шафиров сказал, что есть указ: явиться царскому величеству.

Вскоре покотил на почтовых в Петербург. Там от Петра «порядочную приемность имел». Был отпущен в Москву, пожил с месяц в белокаменной и вечером, в самое Рождество Христово, поехал на почтовых на Киев и дальше. В Жолке (Жолкве) Куракин, «приехав, получил великую милость Царского Величества, и от князя Меншикова и от всех прочих министров, что николи того не видал; и жил три недели».

Что случилось? Почему такие почести офицеру, совсем недавно почти год искавшему спасения от недугов в разных городах Европы? Чем объяснить такие малые сроки его пребывания в семье, в уютном московском доме? Не более четырех недель. Многие вспомнил Борис Иванович, да не все. Далеко не все...

5

— Поедешь в Рим, — сказали ему. — Будешь целовать ногу папе, наносить визиты кардиналам, заводить дружбу с министрами.

— С какой целью?

— Без всякого характеру...

«Без всякого характеру». Он и в мемуарах так написал на всякий случай. И тут же странная запись о себе в верительной грамоте: «Комнатный господин и полуполковник от гвардии».

Очень странная должность для посла от великой России в знаменитый Рим, к человеку, поставленному выше царей и королей. Не обидит ли папу такая должность?

— Нисколько! — пояснили Куракину. — Подполковник гвардии Семеновского полка рангом выше полковника всех иных полков. И жалованье близко тысяче рублей.

Куракин и это хорошо запомнил.

«И поехал от полка своего в Рим, — рассказывал потомкам, — взял с собою только одного человека Федора Огаркова, и ехал на Краков, на Вену, на Венецию, на Болонью, на Флоренцию...»

А вот и Рим.

Приехал 1 апреля, уехал 20 октября.

Описывая «римскую свою бытность», первым делом похвалился, что «никогда никто московской нации в приемность такого гонору и порядком не был принят». Принимали на уровне министров европейских и князей от крови. Целовал ногу папе, отдавал визиты кардиналам, а потом «все они отдали визиты»: всех оказалось восемнадцать. Передал папе письмо, писанное рукою Царского Величества. Папа послал «крест с мощами «до государя царевича». Куракин отмечал, что «все те свои дела отправил со всяким порядком». Что за дела? Спасибо, что обронил два слова про Станислава. Речь шла о том, кому занять польский трон после свергнутого Августа II. Станислав Лещинский? Но за него шведский король. Польше надо иметь другого человека на троне, «единодушно всеми гражданами избранного», как писал царь в обращении к полякам. Папа Климент не признал Станислава.

Новый 1708 год Борис Иванович Куракин встретил в Венеции. До 10 января жил там «в великих роскошах и в веселье». Там встретил «славную хорошеством» «читадивку» (гражданку), синьору Франческу Рота. И так все два месяца владел им «амор», что «не мог ни часу без нее быть». «И расстался, — писал Куракин, — с великою плачью и печалью, аж до сих пор из сердца моего тот амор не может выйти и, чаю, не выдет». Уезжая, обещал «к ней опять возвратиться, и в намерении всякими мерами искать того случая, чтоб в Венецию, на несколькоое время, возвратиться жить».

В первых числах февраля приехал в Вену. Жил три недели, имея «не малую приемность и почтение» от многих князей и министров. Потом жил в Гамбурге. В июле был в Брабанте, затем, хповоротясь из Голландии, поехал до Шлезии, в Бреславль, управляя путь свой до Москвы». Ехал почтовым трактом до Лейпцига в Саксонии, а там вынужден был задержаться на неделю из-за болезни своего человека Фридерика (Федора) на неделю. Проехал Вену, ни с кем там не встречаясь. У Дуная в войсках нашел фельдмаршала Гейстера: от него с конвоем и паспортом «отъехал в сторону городов венгерских принца Рагоцы» (Ракоцы). В урочище запомнил войско венгерское под командой графа Бречини. В Агрии остановился на постоялом дворе, где уже находился наш посол Украинцев. Рагоцы прислал человека с поздравлениями, а на другой день — карету и приглашение на обед. Отобедав у принца, в той же карете вернулся.

Дней десять добирался до Львова и в последних числах сентября прибыл в Киев. Армию свою нашел в Погаре. Там находились министры Головкин, Долгоруков, Шафиров. Армия двинулась в Новгород-Северский. В деревне Погребки дождались приезда царя из Смоленска. «И на другой день получили ведомость о Мазепеной измене, а на третьей день кн. Меншиков пришел в Погребки с тем же известием».

На следующий день, выполняя приказ царя, Меншиков поехал в Батулин, резиденцию гетмана, Куракин же на почтовых помчался в Киев. Ехал «с трудом и страхом потеряния живота»: в Малороссии «были бунты и бургомистров и других старшин побивали». При помощи «всесильного Бога в четырех персонах» доехал тайным образом». В Киеве объявил митрополиту «и протчим» об измене Мазепы и «указ об их отъезде в Глухов». Пришлось поехать немедленно. Не доезжая Нежина узнали, что Карл XII, шведский король, перешел Глухов, сам задержался на четыре дня в Путивле: маялся от лихорадки. Приехал в Глухов. духовные лица занялись выполнением царского указа: стали готовиться к избранию нового гетмана.

Зимой на краткое время Куракин был отпущен в Москву. Сына Александра посадил учиться латыни. Дочь училась танцевать. И опять в дорогу. Сумы встретил Меншикова. Вместе пришли в Ахтырку. До самой весны «был в поведении добром и в мере изрядной

от его светлости княжеской». Одним словом, пользовался расположением всеильного данилыча. Жил в Харькове, Богодухове. Имели с шведским королем «многие акции». В ночь с 23 на 24 июня 1709 года, перебравшись через реку Ворсклу, «уже идя к баталии с неприятелем генеральной», Куракин почувствовал себя плохо: «схватила колика сухая так, аж не к самому концу, и принужден исповедаться и причаститься».

Он впал в такую печаль, что «радощен был смерти». И все же «хотя не твердо, однако-ж в бодрость малую пришел, и был на баталии генеральной с королем шведским под Полтавою...»

В Полтавской битве Б. И. Куракин командовал Семеновским лейб-гвардии полком. Гордился, что «во всем том случае неотступно был аж до самого конца». Но: «По той баталии все взысканы триумфом, подарков, чинами, деревнями, крестами кавалерскими, за несчастье я один остался...»

Правда, полк стоял на возвышении и вступить в жаркую сечу не успел. И все-таки обидно — ни единого знака внимания. Погоревал, поразмыслил и решил замкнуть обиду в сердце горячем, «положился на волю Создателя».

Краткой строкой легла знаменитая знаменитая битва в «Жизнь» Куракина, более подробно — в другие записи. Бесценными стали страницы «Русско-шведской войны» о том, как «перешед, стали на камне под городом при реке: а вся инфонтерия, а кавалерия по разным местам в двух и трех милях», как «потом, пять дней спустя, 17-го числа пошли все войска в четыре колонны», как «27 июня поутру, до восхода солнечного, король шведский атаковал кавалерию московскую».

Это осталось на всю жизнь. Запомнилось возвращение домой. В Киеве сияли купола, а из Москвы «ведомость»: «Дорожаево сторело — крестьянских 52 двора». Болезнь вновь принялась множить пятна на теле. Грустно. Что-то будет впереди?

Впереди было восхождение на престол всеевропейского признания и славы. Петр знал, кому доверить продолжение Полтавы в зарубежном бурном мире, где не генералы ведут полки в огонь и дым, а ловкие дипломаты в пышных париках решают судьбы государств на шпагах красноречия.

6

23 октября 1709 года Б. И. Куракин был послан «инкогнито» в Ганновер ко двору курфюрста Брауншвейг-Люнебургского и тогда же в Англию к королеве Анне. В 1710 году был заключен русско-ганноверский договор с курфюрстом Георгом, будущим королем Англии.

«Во время Утрехтского конгресса 1711—13 и позднее К. удалось, — читаем в «Советской исторической энциклопедии» (т. 8, М., 1965), — удержать Англию от проявления открытой враждебности к России; он способствовал превращению Сен. Союза в могуществ. коалицию 1714—15... Находясь в 1711 в Гааге в звании посла, К. благодаря знанию междунар. обстановки, уму и трудоспособности выполнял фактически роль рус. канцлера за границей».

Переписка — тому подтверждение. Стольник Б. В. Оладьин, состоявший при Куракине, аккуратно докладывал князю о том, что его сын прилежен в изучении географии, латинского и немецкого языков, а также учится танцевать. Тут же прилагал письмо от агента Фанденбурга как наиболее важное. Граф Г. И. Головкин из Кенигсберга писал, ссылаясь на полученное письмо от посла Матвеева, что Англия и Голландия склоняют союзников к миру: «Чего ради повелел мне его Царское Величество к вашей милости писать, дабы ваша милость ныне ближе голландцев к себе склонял, предъявлял им склонность Царского Величества...»

«Я с вами сходен во мнении, — писал Куракин Г. И. Волкову, секретарю Посольского приказа, — что Англия при мире генеральном больше будет шведского интереса искать,

чем нашего».

В сложном мире государственных отношений Борис Иванович нашел полезного друга в лице Ференца Ракоци (1676—1735), князя Трансильвании, борца за освобождение Венгрии. Арестованный в 1701 году за участие в заговоре против Габсбургов, он бежал из тюрьмы в Польшу, в июле 1704 года был избран трансильванским князем, создал армию, развивал торговлю, установил (1707) связь с Россией. С этого времени и началась его дружба с Б. И. Куракиным. В августе 1711 года они встретились вновь. «Был в довольном разговоре с князем Ракоци, в котором многое увидишь к интересам империи Всероссийской и других принцев при нынешней войне», — писал Куракин. Записанное потом вошло в его «Дипломатические мемуары».

«Его Царское Величество, премилостивейший государь, приняв нас под протекцию свою, — говорил Ракоци, — обещал нам во всех причинах вспомоществовать разными образы» Обещал «сообщить обстоятельне о своих делех».

Не только о своих сообщал. Через осведомленного друга умный русский дипломат узнавал многое, поскольку Ракоци имел своих людей повсюду. Ему даже из Турции приходили сведения от агентов.

«Из последних писем, полученных мною из России, — писал Ракоци из Данцига 17 (28) ноября 1711 года, — не видно, чтобы мир, заключенный с Портою, считался достаточно прочным: в них говорится напротив, что татарский хан и великий визирь были вызваны в Константинополь, и король шведский получил разрешение зимовать в Бендерах. Так как турецкий султан признал Августа законным королем Польши, то этот последний назначил от своего имени и от имени республики мазовецкого воеводу послом в Турцию. Горячие приверженцы царя опасаются за его интересы в случае, если б Август нашел возможность заключить отдельный мир с шведским королем и склонить турок вновь к войне, доказав им, что противно условиям последнего трактата, русские не вышли из Польши.

Граф Головкин тогда же писал из Риги. Требовал «писать к нам почаству... что ныне о мире между Франциею и высоких союзников происходит». От Шафирова узнал Куракин, что «турки требуют скорой отдачи Азова». Об этом сообщал Волкову, а также, что «король шведский домогательство имеем зимовать... Здесь министр английский с министром цесарским в великое несогласие пришли, и еще чаю к большому несогласию прийти...»

Царевичу Алексею Петровичу писал Куракин из Гааги (тогда: Гаги) о переговорах Франции и Англии. Англия, по его словам, «имен полный мешок в руках своих денег, всеми повелительствует, а когда откажет, то без денег никто войны иметь не может...» Головкин извещал, что шведского короля, есть надежда, вышлют из области турецкой. Генерал-фельдмаршалу Шереметеву приказано проводить его «с подобающей честью». Ракоци писал в декабре из Данцига, что «здесь боятся отдельного мира между царем и шведским королем», что королева английская серьезно думает хлопотать об этом мире. В январе 1712 года прибыл человек от Ракоци, которому приказано находиться в Голландии. «Прошу вас, — писал Ракоци, — оказывать ему свое покровительство и верить всему, что он будет передавать вам по времени от моего имени».

В следующем письме тогда же, в январе, венгр писал о тайном договоре между Англией и Голландией, о том, что он «может служить поводом его царскому величеству усердно искать тесного союза с Франциею для предупреждения последствий их договора, могущих повредить интересам царя». В ответ на слухи о новой войне с Турцией решил «позондировать шведского короля насчет мира чрез посредство моих агентов, находящихся еще в Турции, и получить оттуда сведения».

В феврале: «Могу вас уверить, что я очистил вам путь к полномочным министрам Франции...»

Переписка продолжалась. Письма Куракина не сохранились. Известно лишь, что писал он шифром. Исследователи предполагали, что велась переписка «без ведома нашего двора» и была «результатом заветных мечтаний князя о союзе с Франциею». («Архив», книга пятая, с. XV).

«Объявляем через сие кому о том ведать надлежит, что мы объявителя сего майора нашего от гвардии князя Бориса Куракина отпустили Карлсбад ради лечения», — эту бумагу Петр подписал 28 июля 1705 года.

На словах велел Куракину имя и званье из ума выкинуть, лишь одному Ракоци открыться. Действовать под итальянским именем. Лечение в Карлсбаде Куракин упомянул в автобиографии, в «дневнике». Встреча с Ракоци — в других источниках. Не сразу было рассказано об этой встрече Петру. Во Львове к странствующему инженеру домиани (Куракину) явился путешествующий грек Корба и передал приказ царя — ехать в польский город Ярослав. Передал письменное донесение греку и отправился искать человека по имени Эльяш Манкевич. Найдя, убедил пана, что из Москвы и что хорошо знает его сына Анджея, по-русски — Андрея. Старик заволновался. Вот уже восемь лет состоит на службе в Посольском приказе Андрей Манкевич. Князь А. Я. Хилков, посланный в 1700 году резидентом в Швецию, взял его с собой секретарем.

— Я провожал их, Андрея и князя, — уверил Куракин, хорошо знавший одного Хилкова. С радостью узнал: отец получает письма от сына. Выручает торговец коврами, плавающий на голландском корабле. Русские в плену у шведов, но Андрей имеет свободу посещать места, где отдыхают мореходы. Борис поехал в Амстердам, рассказал послу А. А. Матвееву, готов был сам ехать на свидание к Андрею Манкевичу. Но посол не позволил. На связь с Манкевичем поплыл матросом Федор, денщик Куракина. Как результат встречи, привез письмо, исписанное мелким старательным почерком. И еще не раз получал Куракин письма из Швеции. Разными курьерами отправлял их Манкевич. В 1617 году, узнав о смерти А. Я. Хилкова, Борис написал сочувственное письмо Андрею, пригласил в Голландию, объявил, что он может освободиться из плена, поскольку польской нации, а не русской. Манкевич вернулся, служил в коллегии иностранных дел, ездил в Швецию договариваться с Румянцевым по условиям Ништадтского мира. В 1770 году вышла в Москве книга А. Я. Хилкова «Ядро российской истории». Потом выяснилось, что написал ее Алексей Ильич Манкиев, умерший в 1823 году. Это был Анджей Манкевич, родом из-под города Ярослава.

Исторический труд завершался хвалой Петру Алексеевичу, который «своим неусыпным промыслом державу русскую от неприятелей оборонил, народ неученый, который всякими свободными науками прежде брезговал, в ученость привел и, одним словом сказать, всю Русь художества и ведением просветил и будто снова переродил».

Б. И. Куракин — верный соратник великого реформатора России. В сентябре 1712 г. произведен в генерал-майоры гвардии, в 1713-м — тайный советник, а потом в 1727-м — действительный тайный советник, с 1717-го — посол России в Париже. Заключил с Францией и Пруссией договор о дружбе, союзе, торговле и восстановлении мира в Европе. Был с Петром в Персидском походе (1722), руководил в это время всеми действиями русских послов за границей. Вел в Версале (1723) переговоры о женитьбе Людовика XV на Елизавете Петровне. Умер в Париже (17 октября 1727 г.), назначенный представителем России на Суассонский конгресс. Похоронен в Чудовом монастыре близ могилы отца...

Князь много писал. Преклонение перед европейской реформой в нем уживалось с критикой, увлечение западной культурой — с приверженностью к московской старине. Оставил подробный план для истории России в 344 пунктах, где собирался рассказать, «откуда Славяноросейский народ вышел», показать «начало князей линии Киевских», перенесение столицы из Киева во Владимир, затем в Москву, о республиках Новгородской и Псковской, о царях и Смуте, о Михаиле Романове, Федоре, Петре, о смерти царевича Алексея Петровича, о напечатании Библии и многом другом. Время Петра с 95-го пункта. Книга обдумывалась «к пользе и славе народу Всероссийской империи».

В «Истории русской литературы» А. Н. Пыпина (СПБ, 1911—13) Записки Б. И. Куракина названы «гораздо разнообразнее» тех, «какие сохранились от многочисленных

путешествий», автобиография признана любопытной...

Каждый раз, когда я прихожу в Орловский краеведческий музей, меня так и тянет в зал, где выставлена мебель и посуда из дома Куракиных. И каждый раз властно захватывает душу портрет сподвижника Петра:

Борис Иванович изображен в пышном парике, с горностаевой мантией на плечах, с голубой широкой лентой. Лицо задумчивое, погруженное в себя. Что ему вспоминается? Азов? Нарва? Полтава? Бог уберег его драгоценную жизнь там, где свистели ядра и блестели сабли. Уберег для иных баталий, где он брал верх силой и блеском ума, знанием языков, образованностью, обаянием. Это он после Полтавы удержал Англию от войны с Россией. Он, специальный посол Петра, отправился в Ганновер и там на протяжении долгого времени вел, как пишет Н. Н. Молчанов в «дипломатии Петра Первого» (М., 1986), «сложные и запутанные переговоры, завершившиеся подписанием трактата сроком на 12 лет». Ганновер не выступил против Швеции, но договор был полезен. дипломатическая деятельность Куракина была продолжением Полтавы. На краю жизни он имел право именоваться министром царя Российской империи, генерал-майором и гвардии подполковником, кавалером ордена Андрея Первозванного. Но француз-нотариус, приглашенный к послу для составления завещания, с удивлением обратил внимание на скромность обстановки. На стенах не гобелены, а бумага печатная. Занавески лимонного цвета. Конторка с двумя досками. Сто пятьдесят книг «исторических и прочих». Тридцать девять медалей, «изображающих деятельность царя». В столовой тринадцать кресел. Ни статуэток из мрамора, ни драгоценных картин, ни золота и камней.

«Знал бы француз, — читаем в романе В. Дружинина «державы Российской посол», — какие сокровища, заказанные Санктпетербургом, прошли через руки посла! И не прилипли к рукам».

Под диктовку посла нотариус записал, что сын Александр должен построить в Москве дом призрения для больных и увечных воинов.

Куракину принадлежат слова: «Просвещение — вот истинная знать! От них зависит возрождение златого века». Биограф-романист В. Н. Дружинин отмечал: «Куриозный полуполковник, суровый с молодыми офицерами, к рядовым ласков. Не замечено, чтобы хоть одного писаря отлупил, либо выпорол». Денщик божился:

— Не, не трогает... Осерчает, так словами...

«Я гораздо люблен от простого люда», — с гордостью писал о себе Куракин.

долгой службой своей не нажил он богатств. Более того, одно из имений пришлось продать, чтобы покрыть издержки, вызванные службой. Глубоко набожный человек, он отличался исключительным бескорыстием. В трудный час выручала родная земля. Так, 29 января 1708 года писал из Вены управляющему Филиппу Губастову:

«А в орловской деревне, ежели там хлеб продавать дешево, то ставить в подряд на Воронеж...»

Надеялся удачной продажей хлеба поправить свои дела. Губастову потом дал вольную, и тот продолжал служить князю на жалованье.

Сохранилось «Всепопданнейшее прошение кн. Б. И. Куракина» от 10 марта 1723 года, в котором Борис Иванович напоминал Петру: «От младенческих лет своих всегда был при Вашем Величестве неотступно...» Писал о двух походах на Азов, об участии в войне со шведами; «И при славной баталии Полтавской всегда быв, все исправлял. И служил Вашему Величеству со всякою моею верностью и прилежностью и должности мои охотно исправлял, последуя примерам прародителей моих». Отправленный в Рим, прожил за границей год и семь месяцев, а получил при отъезде «токмо тысячу червонных». Более двух — на одиннадцать месяцев службы в Ганновере. Год провел при английском дворе, получив пять тысяч ефимков. Затем переезжал непрерывно из Голландии в Англию и обратно: «И того ради понужден был содержать два дома и двойной экипаж... Но на все те чрезвычайные свои комиссии и езды и двойного содержания дому и экипажу, иждивения

великого, мне от Вашего Величества ничего, сверх окладного жалованья, было не дано, как то обыкновенно всем министрам Вашего Величества дано было...»

Писал о «крайнем разорении от таких великих прожитков долговременной бытности», о великих долгах, о том, что «понужден был продать в отечестве моем некоторые деревни, чем заплатил некоторую часть долгов моих, но большая и великая сумма еще донныне осталась». Припадал «к ногам» царя, чтобы тот указом повелел «прибавить жалованья». Прилагал ведомость для уплаты издержанных денег.

Подпись: «Вашего императорского Величества всеподданнейший раб князь Куракин».

Судя по переписке, просьбу пришлось повторить.

«Господин подполковник, — отвечал Петр 21 января 1724 года. — Письмо ваше от 17 декабря нам исправно дошло, в котором пишете о жалованье, также и о проездах, о чем я здес потому учнил и чрез вексел послат велел».

Ранее, 25 марта 1723 г., царь отвечал на другую просьбу Куракина:

«Господин подполковник. Письмо ваше от 20-го числа ноября 1722 году из Парижа до нас дошло, в котором пишете, чтоб вам для лечения от болезни, по совету докторов, быть некоторое время в Париже, в чем вам позволение дается, только в том отлучении смотрите на дела вам врученные, и для того оставте в Галандии верного человека. Петр».

Б. И. Куракин смотрел за делами и при Екатерине Первой, которая возвела его, посла в Париже, в ранг действительного тайного советника.

Историк С. Князьков дал ему высокую оценку в своих «Очерках из истории Петра Великого и его времени» (СПб, 1914). «По отзывам всех, знавших его, князь Куракин, — писал он, — был одним из виднейших государственных деятелей... Обладая счастливою способностью быстро и легко усваивать языки тех стран, куда его кидала судьба, князь Борис быстро и легко входил в общение с людьми тех местностей, где жил, и всюду становился живым, интересным и деятельным членом местного лучшего общества».

«Всюду, куда бы его ни заносила судьба, — продолжал Князьков, — князь Борис старался войти в общество, как равный первый первым в стране людям... К концу жизни князь-Куракин так понаторел в галантном обращении и людскости, что даже среди французского двора делается заметным лицом, и все иностранцы одинаково хвалили его обращение и приятность иметь с ним деловые сношения. Этот «русский принц» заслужил действительное уважение европейцев, выступая среди них, как равный им, не теряя никогда своего достоинства и всегда держась, как князь российский, потомок владетельных князей литовских. Царь Петр высоко ценил эту службу князя Бориса и быстро провел его в высшие чины».

Потомки Бориса Ивановича верно служили Отечеству. Сын Александр (1697—1749) был сенатором, послом в Париже, где оказал покровительство В. К. Третьяковскому, за что тот посвятил ему свой перевод поэмы «Езда на остров Любви». При Петре II способствовал падению Меншикова, при Анне Иоанновне был верным союзником Бирона, несмотря на это сохранил влиятельное положение при Елизавете Петровне. Борис-Леонтий, его сын (1733—1764), был президентом камер-коллегии и коллегии экономии, сенатором. Его доклады высоко ценила Екатерина Вторая. Александр Борисович, его сын, правнук славного сподвижника Петра, член Государственного Совета, воспитывался под руководством своего дяди, графа Н. И. Панина, вместе с Павлом Петровичем, будущим императором, вошел с ним в тесную дружбу. Екатерине это не понравилось. Она удалила Куракина в деревню, где он, как утверждает Словарь Брокгауза и Ефрона, «собрал громадную библиотеку». Павел, по восшествии на престол, назначил его вице-канцлером. При Александре Первом он был послом в Вене (1806), в Париже (1808—1812). Перед смертью крестьянам одной из вотчин дал свободу, но «это распоряжение, вызвавшее милостивый рескрипт, не было приведено в исполнение». Его перу принадлежит «Описание путешествия А.Б.К. вниз по Сурех (СПб, 1793) и другие труды.

Алексей Борисович (1759—1829), брат Александра, член Государственного Совета, был

при Павле Первом генерал-прокурором, при Александре Первом — генерал-губернатором Малороссии, где провел канал на реке Истре, заботился о народном образовании и народном здравии, управлял Министерством внутренних дел, устроил главное управление мануфактур, основал «Северную Почту» или «Новую Санкт-Петербургскую газету». Его сын, Федор Алексеевич, член Саратовской губернской ученой архивной комиссии, издал под редакцией М. И. Семевского и В. Н. Смольянинова «Архив князя Федора Алексеевича Куракина» (СПб, Саратов, 1890—1894).

В «Русской старине» (1890) в очерке «село Надеждино и архив кн. Ф. А. Куракина» описан «каменный обширный дом в три этажа» на живописном берегу Хопра — саратовская вотчина Ф. А. Куракина. В доме хранилось более 400 живописных поясных портретов русских деятелей, в том числе Петра Великого, Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны, Павла Первого, Александра I, Александра II. Были кисти Левицкого, Боровиковского, крепостных живописцев Попова, Думкова и других. В парадной приемной высился бюст Александра I с надписью: «Этот бюст доставлен сюда около 1852-го года вместе с бюстами других лиц и с портретами из орловского имения князя Куракина».

На досках черного мрамора, вделанных в пьедестал бюста, были надписи, в которых Александр I именовался благодетелем и ангелом на небеси. На левой стороне в надписи говорилось о кончине царя Таганроге 1825 года ноября 19-го дня, в 11 часов 50 минут пополудни, об отправлении «тела сего Великого Государя в «столичный град Святого Петра». «По назначенному тракту, — читаем далее, — прибыло оно в Куракино 19-го января 1826 г...» В сноске уточнение: «Имение в Орловской губернии».

Куракинская церковь была местом для «ночлега» покойного императора и отправления панихиды по нем «в присутствии стекшихся во многом числе дворян и народа, во всю ночь читано было Евангелие». На другой день, 20 января, печальный кортеж двинулся дальше.

Памятник царю поставил в апреле 1828 года Алексей Борисович Куракин. Незадолго до смерти он посетил Куракино, где и был похоронен в склепе Преображенской церкви (1829), затем (1831) рядом положили тело его супруги Натальи Ивановны из рода Головиных, бывшей статсдамы и кавалерственной дамы ордена св. Екатерины.

Жили супруги богато. Князь имел 16 тысяч десятин земли и отличался исключительной гордостью.

«В его империи Орловской губернии Малоархангельского уезда, — писал М. И. Пыляев в книге «Замечательные чудаки и оригиналы», — был целый штат придворных полная пародия на двор; даже были и чины полиции. На кладбище сельской церкви села Куракина по сей час еще целы могилы куракинских крепостных полицмейстеров и камергеров». Роскошный дом в пятьдесят комнат в конце 60-х годов был сломан. Продали железо — «более чем десяток тысяч пудов». Место распахали под конопляник. Дочь князя, по словам Пыляева, «была замужем за графом Зотовым», она выведена в романе «Война и мир». Потом был выстроен новый громадный дворец, вернее три, соединенные общим коридором.

«Последним владельцем Куракино, — пишет Валентина Филимонова в очерке «Род Куракиных на Орловщине» («Орловский вестник», 1997, 10 июля), — был князь Борис Александрович (1840—1922), отец известного Александра Борисовича, депутата II Государственной думы, члена партии «Союз 17 октября», некоторое время возглавлявшего губернскую организацию, последнего орловского губернского предводителя дворянства в 1913—1917 гг. Умер Александр Борисович в эмиграции в 1941 г. В Париже в настоящее время живет княгиня Анна Александровна Куракина, которой мы обязаны некоторыми неизвестными ранее сведениями из истории семьи... Осенью 1918 г. наиболее ценные вещи, произведения искусства, книги из Куракино были вывезены в Москву... Некоторое количество картин, изделий из фарфора, хрусталя, бронзы, старинной мебели в 1918—1919 гг. оседает в Орле и является украшением

коллекций краеведческого музея и музея изобразительных искусств».

Герб князей Куракиных представляет собой щит, разделенный на четыре части: в первой и четвертой — герб королевства Польского (в красном поле белый одноглавый орел с распростертыми крыльями), во второй — герб Новгорода Великого (на серебряном поле малиновый стул, а на нем — поставленные крестообразно державный жезл и длинный крест, над стулом — тройной подсвечник с горящими свечами, а по сторонам стула стоят задними лапами на золотой кушетке два черных медведя. В третьей части — на голубом поле серебряный крест, над ним — золотой полумесяц, рогами вниз, и под полумесяцем — серебряная шестиконечная звезда; среди герба малый щиток с гербом княжества Литовского: в красном поле всадник, скачущий на белом коне с поднятым мечом. На гербе — княжеская мантия и российско-княжеская шапка).

Карета с этим гербом не раз проезжала по берегам реки Неручь, не раз останавливалась у ворот знаменитой усадьбы...

Многое утеряно от былой красоты, но то, что осталось, продолжает волновать воображение. Думы переносятся в далекий 1685 год, когда эти земли были подарены роду Куракиных, когда на просторном возвышении, над речками Масловкой и Неручью появилась усадьба, ставшая одним из основных поместий рода, с деревянным домом, круглой церковью Преображения, внутри отделанной под мрамор, имевшей в верхних частях стен рельефы итальянской работы с изображением «Страстей Христовых». Строил храм И. В. Измайлов (1789—1791). Вокруг церкви была площадь до 50 м радиусом. Одна из аллей приводила к главному дому. С южной стороны стояли одноэтажные дома Дворовых, с северной — четыре господских с мезонинами. Главный усадебный дом не раз перестраивался. Передний фасад был украшен лежащими львами. Имелся зимний сад и оранжерея...

Во втором томе исторического сборника «Восемнадцатый век (СПБ, 1905) говорится, что село Преображенское-Куракино «досталось в 1693 г. князю Борису Ивановичу, потом принадлежало князю Александру Борисовичу; по смерти его перешло к сыну его Борису Александровичу; в 1766 г. село это с деревнями числилось за его малолетними Детьми». В XIX веке село славилось добычей торфа. Куракинская волость была крупнейшей в Малоархангельском уезде. Князь А. Б. Куракин избирался уездным предводителем дворянства, возглавлял земский комитет. Комитет, судя по протоколам 1902 года, ратовал за введение в школах предметов, касающихся сельского хозяйства», за организацию мелкого кредита, за упорядочение внутренней и экспортной торговли, за повышение культуры населения, за то, чтобы дворянство сживалось со своим «темным меньшим собратом-земледельцем» и стояло, по примеру предков, не за один свой интерес. Предлагалось обложить налогом каждое ведро продаваемой водки, поднимать культуру земледелия.

После отречения Николая II от престола князь А. Б. Куракин в Орле вошел в состав комитета государственной безопасности, горячо взялся за дело, но вскоре стало ясно, что время русских князей кончилось...

Прошли годы. Однажды на фронте под Ленинградом немцы сбросили на наши окопы странную листовку, напечатанную на английском языке. Майор прочел и понял, что она была рассчитана на союзников-англичан, а к нам попала по ошибке. «Завещание Петра Великого» — гласил заголовок. Далее утверждалось:

«Русские с давних пор стремятся к мировому господству. Еще Петр Великий поставил перед ними такую цель. Он призвал потомков овладеть, прежде всего, Западной Европой. Особую ненависть русских всегда вызывало могущество Великобритании». Далее следовали цитаты.

Листовку отправили в штаб фронта. Экспертизу провел известный историк. Убедились: подделка. Так называемым «Завещанием» пользовался Наполеон, переиздали фальшивку перед Крымской войной. И вот — Гитлер. Узнав все это, один из офицеров ночью, сжав ножку микрофона, «выступил перед немцами: сообщил им, что фальшивка пущена в ход

не от хорошей жизни. Офицера звали Владимир Николаевич Дружинин. «Эпоха Петра, эпоха трудного исторического перелома, — писал он, — привлекала меня давно... Но я еще ничего не знал о Борисе Куракине. Прошло много лет, прежде чем я встретил своего героя — замечательного дипломата и, смею сказать, раннего русского просветителя. Встретил, вчитавшись в его дневник...» Сидел над мемуарами, рассматривал в музее модели старинных кораблей, держал в руках редкие документы. «Варианты и окончательный текст договора «о мире и безопасности в Европе» легли передо мной в Архиве древних актов в Москве, — писал с радостью, тут же подчеркивая. — Одна из самых блестящих дипломатических баталий, выигранных Петром при большом участии Куракина». Дружинин по старым планам установил месторасположение боярского двора Куракиных: «Это недалеко от нынешней площади Дзержинского, приблизительно на улице Кирова». В Венеции путь поиска привел к бывшей гостинице «Леоне Бьянко» на берегу Большого канала: «Висит над водой балкон, правда, сменивший былое узорочье на типовую железную ограду. Борис мог видеть налево мост Риальто, а почти напротив — Рыбный рынок. Уцелели длинные гербы «Ламбьянки», оставленные вереницей владельцев, широкий арочный подъезд, где Борис подзывал гондолу, чтобы ехать к Франческе». В Париже: «Узкая, глухая улица Жакоб... И вот продолжение ее - Университетская... Хмуро уставился серый, безликий пятиэтажный дом, тупо равнодушный к искателю. Только на плане времен Регентства обнаружил я смутные очертания скромной постройки с угловой башенкой. Под окнами — черные клубочки подстриженных деревьев. Работники Библиотеки истории города Парижа радовались этой находке вместе со мной!» Орловщину исторический писатель оставил краеведам. Вновь и вновь мы задерживаем внимание на словах «орловская деревня», которую навестил проездом Борис Куракин в далеком 1706 году.

Княжна Мария

Мария родилась в Яссах в 1700 году. Была грудным ребенком, когда родители увезли ее в Константинополь. А через десять лет она вернулась в город своего рождения. 24 июня 1711 года увидела впервые русского царя с царицей. Петр I и Екатерина въехали в столицу Молдавии, князь Димитрий Кантемир с семьей вышел навстречу. Марией, старшей дочерью молдавского господаря, в ту пору император еще не мог быть пленен, она же залюбовалась веселым черноволосым богатырем с быстрыми движениями и огненными глазами. Слава о победителе шведов наполнила тревогами в столице Блистательной Порты двор султана, надеждами — сердце князя Кантемира, жившего заложником при турецком дворе. Отец Марии давно лелеял мечту о воссоединении родной Молдавии с Россией и теперь, едва став господарем, поспешил заключить с Петром тайный договор. — Ждут нас, доченька, великие перемены, — говорил отец ласковым голосом. Мария с радостью чувствовала на голове широкую ладонь отца. «Князь Димитрий, — описывал его впоследствии один из современников, — был среднего роста, более сух, нежели толст. Вид имел приятный и речь тихую, ласковую и разумную. Вставал он обыкновенно в пять часов поутру и, выкурив трубку табаку, пил кофе по турецкому обыкновению; напоследок в кабинете своем упражнялся в науках до полудни; сие было часом его обеда. В столе любимое его кушанье — цыплята, изготовленные с щавелем. Он не пил никогда цельного вина с тех пор, как случилось ему быть больну две недели от излишества оного; сей случай вселил в него омерзение к питию. Он имел привычку несколько спать после обеда, потом возвращался паки к учению до семи часов.

Тогда он входил в домашние свои дела и надзирал над своим семейством. Он ужинал с оными в десять часов и ложился в полночь».

Семья состояла из жены Кассандры и, кроме Марии, из дочери Смарагды и четырех сыновей — Матвея, Константина, Сергея (Сербава) и Антиоха. Мария и Антиох переняли от отца любовь к наукам, сестра раньше, а брат, рожденный позже всех, в 1708 году, еще спал в колыбели, когда над ним зазвучало слово Полтава.

После Полтавы ожидалась победа и над турками. Но фортуна на этот раз отвернулась от Петра. Султан требовал выдать ему князя Кантемира вместе с семейством. На всю жизнь запомнила Мария, как они прятались в темном, наглухо закрытом возке, как вздрагивала мать при звуках турецкой речи. Потом они долго ехали по степной равнине, дыша острыми запахами трав, и увидели, наконец, город Харьков. Там поняли окончательно, что спасены.

— Его величество — хозяин своему царскому слову, — говорил Кантемир. — Подписал тяжелый договор, но не выдал нас на расправу султану.

Волна благодарного чувства заливала сердце Марии. Петр Первый продолжал осыпать милостями молдавского господаря, подарив ему имения в Курском, Севском и Московском уездах. Кантемиры переехали в Черную Грязь, что под Москвой на Петербургской дороге, и поселились в деревянном доме с башенками, где раньше жил князь В. В. Голицын, любимец царевны Софьи.

Княгини Кассандра была гречанкой, а потому и учитель детям был найден из греков. Анастасий Кондоиди еще в Константинополе вошел в семью князя. Бывший священник стал домашним учителем, а заодно и агентом русского резидента Петра Андреевича Толстого, прадеда великого писателя. В 1709 году учителем заинтересовались люди султана. Пришлось исчезнуть. Вывезли Кондоиди из города обвязанного, как товарный тюк, в телеге.

— Ибо, — рассказывал теперь, смеясь, — султанский о поимке моей был жестокий указ. Марию обучал он древнегреческому, латинскому и итальянскому языкам: последним она настолько овладела, что переписывалась на нем с любимым братом Автионом.

Вторым учителем стал Иван Ильинский, ярославский уроженец, лучший в Заиконоспасском училище. Собирались его отправить за границу для продолжения образования, во Кантемир сказал, что государь велел держать при нем способного юношу. Знал ярославец и латынь, и славянскую грамоту, выучил греческий и румынский языки. Был у князя секретарем, учил его детей русскому языку, от него Автиох перенял правила стихосложения. Мария свои письма украшала русскими поговорками, услышанными от Ильинского.

Часто можно было увидеть старшую дочь Кантемира с книгой в руке. Любила Священное писание, Жития святых, историческую литературу. В 1713 году умерла мать. Отец теперь почти все время отдавал семье.

В конце 1717 года в Москву приехал Петр с Екатериной. Два с половиной месяца прожил. Как раз в это время заварилось дело царевича Алексея. Его вынудили в Успенском соборе отречься от наследства в пользу двухлетнего царевича Петра Петровича. Государь часто бывал в семье Кантемира. Марии шел восемнадцатый год. Царь звал ее отца в Петербург. Не связано ли было приглашение с появлением первых чувств к Марии? Кантемиру не хотелось покидать Москву. Когда же он все-таки поехал в столицу, то случилось событие, перевернувшее всю жизнь молдавского господаря. Он влюбился в княжну Анастасию Трубецкую. В январе 1720 состоялась свадьба: ей — двадцать, ему — пятьдесят семь. Мария находилась в Москве. Ухаживала за сестрой, так как здоровье юной Смарагды становилось все хуже. Вскоре князь Кантемир получил известие о ее кончине и тут же отпросился в Москву.

В Петербург Мария приехала вместе с отцом. Теперь он стал жить на европейский лад. Сбрил бороду, одевался в немецкое платье. Петр сделал его сенатором, приблизил к себе. Мария оставила восточную одежду, стала вместе с отцом и мачехой ездить на ассамблею

и другие увеселительные собрания. Принимали Кантемиры императора у себя. Особенно много было праздников осенью и зимой 1721—1722 годов. Петербург ликовал по случаю заключения мира в Ништадте. Кончилась долгая война со шведами. Россия укрепилась на берегах Балтийского моря. На одном из маскарадов Петр появился в черном бархатном матросском платье и голландской шляпе. Он шел с барабаном и «изволил бить бой барабанный». Устав от праздников, княгиня Анастасия Ивановна и Мария скрылись. Петр, захваченный весельем, послал Ягужинского с доктором проверить, вправду ли нездоровы.

Настали святки. Петр с Екатериной, со всем двором и министрами нагрязнул в Москву. Туда же и Кантемир с семейством, и там пошли маскарады, фейерверки. По улицам раскатывали ряженые. Князь Кантемир одевался то муфтием, то визирем. Пригодилось знание турецких обычаев. Но и в вихре веселья царь не забывал о делах. То и дело появлялся в доме Кантемира, закрывался с ним и советовался. Тесной была связь князя и с П. А. Толстым, давним знакомым.

Наш князь с княгиней и княжною запросто кушали у Петра Андреевича Толстого на здешнем (петербургском) дворе, — записывал в дневник Ильинский.

Толстой сыграл сложную роль в жизни княжны Марии. С одной стороны, он сблизил ее с Петром, с другой — приложил все усилия, чтобы не потерять расположения Екатерины. «Петр, — читаем в очерке академика Л. Н. Майкова «Княжна Мария Кантемирова» («Русская старина», 1897), — был легко доступен обаянию женщин; в течение своей жизни он не раз испытывал сердечные влечения, иногда очень сильные, но большей частью непродолжительные, так как женщины, ему нравившиеся, не обладали никакими выдающимися достоинствами».

Привязанность к Марии, по словам Майкова, была сильной, «предметом его страсти была личность, совершенно не похожая на женщин, нравившихся ему доселе».

«Была ли красива княжна Мария — мы не знаем, — продолжает академик... — Но несомненно, княжна обладала живым умом, а по образованию, по подъему своей мысли стояла высоко среди русских женщин своего времени. Уже одним этим преимуществом она могла привлечь к себе Петра. Предание прибавляет, что и сама она вполне подчинилась обаянию великого человека».

В первые месяцы 1722 года к ней присватался князь Иван Григорьевич Долгоруков. Согласен был на этот брак отец. Однако Мария отказала под предлогом, что сватавшийся «не имеет никакого чину в службе императорского величества».

Роман, начатый во время празднеств по случаю Ништадтского мира, продолжал развиваться. Князь Кантемир в сентябре 1722 года написал завещательное письмо Екатерине. Пытался изобразить дело так, будто ему ничего неизвестно о связи дочери с Петром.

«Бывший государь, — предполагал Майков, — мог ублажать себя надеждой, что страсть Петра к княжне поведет к расторжению царева брака с Екатериной, а затем новое законное супружество соединит русского государя с отраслью византийских кесарей». Мария забеременела. Петр, отправляясь в поход на Персию, взял с собой князя Кантемира со всем семейством. Шли по Москве-реке, Клязьме, Оке и Волге. В июле 1722 года достигли Астрахани. После двухнедельного отдыха поплыли Каспийским морем. При царе находились и сам Димитрий Кантемир, и его трое сыновей. Четырнадцатилетний Антиох с мачехой и сестрой остался в Астрахани. Жили на государевом рыбном дворе. Там-то и совершилось темное дело. Мария «разрешилась недоношенным младенцем». Роды искусственно ускорил Поликала, домашний врач Кантемиров. Руководил действиями врача П. А. Толстой, большой мастер хитрых операций. Это он сумел выманить из заграницы царевича Алексея, попавшего в сети борьбы за власть. Толстой угодил Екатерине, а несчастная княжна «оказалась его жертвой, хрупкой игрушкой в его жестких руках».

Димитрий Кантемир, хворавший с весны 1722 года вернулся в октябре совершенно

больной. Болела также Мария. Петр несколько раз навещал князя, подолгу беседовали. Зашел и в день рождения 26 октября. Не забывал Кантемира коварный друг Толстой, В ноябре Кантемиру стало хуже (терзала сухотка, свалившая в могилу младшую дочь Смарагду), он исповедался у епископа Иоакима и причастился.

Настала зима, дули ледяные ветры. 27 января 1723 года Кантемиры целым караваном двинулись по безлюдным степям. В долгом и трудном пути решили в Москву не ехать. Направились в одну из деревень, подаренных Петром.

И вот 19 марта прибыли в Дмитровку.

«Тихое пребывание в любимом имении, читаем у Майкова, — дало князю возможность продлить свою жизнь на несколько месяцев; он вел деятельную переписку с Петербургом и в то же время занимался хозяйством и сооружением Церкви, но в августе 1723 года сильно занемог и 21-го числа скончался».

Тело бывшего господаря отвезли в Москву и похоронили «ввечеру» в Никольском Греческом монастыре. Горько оплакивала кончину отца княжна Мария. Вместе с братьями и мачехой поставила она подпись под печальным известием Екатерине. Подпись Антиоха была последней.

Осиротевшая семья поселилась в Москве. Весной 1724 года сюда прибыл двор. С блеском короновалась Екатерина. Верный Толстой был возведен в графское достоинство.

Коронование происходило в мае, а в июле 1724 года княгиня Анастасия Ивановна вместе с детьми покойного мужа переехала в Петербург. Надо было разобраться с наследством. В своем завещании князь Димитрий пожелал, чтобы вся недвижимость перешла в руки одного из сыновей. Матвея он не любил, а потому устранял от наследства. Из остальных троих выделил Константина, назван его «лучшим», и Антиоха, которого признавал «в уме и в науках от всех лучшим, ежели впредь не в хуже переменится». Окончательный выбор оставил за царицей Екатериной: как она решит, так тому и быть. Просил только не выбирать наследника, пока его сыновья «не опробованы будут в науках и в других инструкциях, которые суть надобны императору и государству».

— А мне? — спросила вдова.

И давай хлопотать, чтобы ей выделили четвертую часть из имений мужа. Сенат уже после смерти Петра удовлетворил требование в нарушение воли покойного, но решение не было выполнено: дело о наследстве усложнилось.

А Мария? Чем была занята она в эти хлопотливые дни? Осенью 1724 года, как известно, вскрылось дело о взятках камергера Монса. Выяснилось, что царица поддалась влиянию своего фаворита. Государь пришел в ярость. По словам Майкова, возобновились «сношения Петра с княжной Марией Кантемировой и даже сделались частыми».

Внимание императора в ее душе «возродило честолюбивые мечты».

И вдруг — смерть Петра. «Кого мы погребаем?» — восклицал в отчаянной горести Феофан Прокопович. Мария знала одно: она потеряла любимого человека, а с ним и лучшие свои надежды.

Она слегла и стала готовиться к смерти. Написала завещание, в котором свою долю наследства просила разделить между братьями Матвеем, Сергеем и Антиохом. Младший был особенно дорог и близок, о нем в завещании говорилось: «Много я наказала изустно брату моему князю Антиоху, что по мне из оных вещей кому раздать; также и о поминовении души моей прошу, чтобы ему в том дать волю».

Завещание не пригодилось. Она выздоровела.

Мария жила судьбой близких. В 1727 году брат Константин женился на княжне Анастасии Голицыной, дочери самого Дмитрия Михайловича, видного члена Верховного тайного совета, высоко ценимого Петром Первым просвещенного деятеля. Мария много хлопотала о заключении этого брака. Потом пришлось раскаяться в хлопотах. Константин, пользуясь могуществом тестя, отвоевал право единственного наследника отцовских имений. Даже мачеха ничего не получила.

После смерти Петра два года правила Россией Екатерина 16 мая 1727 года она скончалась,

а на другой день на престол вступил юный Петр II. Пользуясь малолетством царя, всесильный Меншиков перевез его в свой дворец и поспешил обручить со своей дочерью. Петру все это не понравилось. Вскоре он сумел с помощью Долгорукова избавиться от Меншикова, лишил его всех чинов и орденов, выслал в Рязанскую губернию, а оттуда еще дальше — в Сибирь, в город Березов, где он и умер.

Царь со всем двором переехал в Москву. Там князь Иван долгорукий обручил его со своей сестрой. В 1730 году оспа унесла Петра в могилу. Началось десятилетие правления АННЫ Иоанновны, вдовствующей герцогини Курляндской, племянницы Петра Первого, мрачное время ее фаворита Бирона. После Анны Иоанновны императором был объявлен Иоанн VI под опекой матери Анны Леопольдовны, но в одну из ноябрьских ночей 1741 года в казармы Преображенского полка явилась Елизавета Петровна, дочь великого преобразователя России, и воцарилась на престоле до конца дней своих в 1761 году. Кантемиры в это время жили в Москве. Там же они стали свидетелями торжественного въезда в древнюю столицу новой императрицы Анны Иоанновны. При ней возвысился сенатор князь Алексей Михайлович Черкасский. В группе Черкасского стал тайным руководителем архиепископ Феофан Прокопович, играл активную роль двадцатидвухлетний поручик Преображенского полка Антиох Кантемир. Княжна Мария загорелась желанием женить брата на красавице Варе, дочери могущественного А. М. Черкасского. Верховники мечтали ограничить власть царицы, группа Черкасского думала иначе. Антиох от имени шляхетства составил прошение, чтобы Анна Иоанновна правила по примеру предков. Императрице это понравилось. С радостью она взяла кондиции, составленные верховниками, и «при всем народе изволила приняв изодрать». Антиох Кантемир стал героем дня. В день коронации Анны Иоанновны детям покойного господаря Молдавии было обещано пожалование четырех тысяч душ. Получили они в декабре 1730 года 1030 крестьянских дворов в Нижегородском и Брянском уездах. Мария пользовалась доходами нижегородского села Мурашкино. Царица пожаловала ее фрейлиной, но в столицу княжна раздумала ехать. Попросила позволения остаться в Москве. Придворная жизнь не манила. Молодость на исходе, да и не по средствам. Купила себе пустырь на Покровке, построила каменный дом (архитектор итальянец Трезини) и зажила на покое.

Мария братьев не забывала. Все думала, как бы их переженить. Сергей и не помышлял о женитьбе, а Матвей повел беспутную жизнь, с подозрительными людьми связался. Прискакали было ему невесту из хорошей семьи — Авдотью Салтыкову, но брак так и не состоялся. Не удалось и Вареньку Черкасскую засватать, а уж так старалась княжна Мария. Когда брат ударился в сочинительство, в сатире упомянул любви жало» и песенки свои времен юности вспоминал, написала ему, чтобы не досаждал Варваре Алексеевне стихами.

Досаждать Антиох и не думал, но душу отвел в сатире под названием «На зависть и гордость дворян злонравных». Поручику было трудно тягаться с людьми знатными и богатыми. Медлил князь Черкасский, не спешил отдавать дочь за человека с таким малым чином.

Чины добываются службой. В ноябре 1731 года Антиох узнал, что решено послать его резидентом в Лондон.

— Прежде, чем ехать, я должен устроить семейные дела, — сказал он английскому резиденту Рондо.

Дел было два: раздел пожалованных поместий и женитьба. Первое «удалось привести в исполнение». Второе пришлось отложить.

27 декабря состоялось назначение, а через четыре дня Кантемир покинул Москву. Глубоко опечаленная отъездом брата, Мария отводила душу в переписке. В письмах Варенька Черкасская именовалась тигрицей, ее медлительный родитель — черепахой, Анастасия, жена Константина, внесшая раскол в семью, была Еленой. Прозвища — изобретение бойкого ума княжны Марии.

«Если государыня окажет нам милость, — писала брату, — и пожалует деревни, которых мы просим, то у меня не только не будет долгов, но я буду жить по-барски. А пока я должна за квартиру, не считая ежедневных расходов. Все русские удивляются моему образу жизни и утверждают, что у меня много денег. Если б это было на самом деле так, я воздвигла себе каменные палаты. Но все-таки я, благодаря Богу, здорова, имею что есть да пить, имею квартиру; кроме того, у меня строятся два домика. Слуг у меня двадцать человек, а разъезжаю я шестеркой для поддержания своего достоинства».

В доме жили Антиох Камараш, старый слуга покойного князя, врач-грек Севаст, пускавший временами хозяйке кровь, находили приют греки. «Мой дом похож на Ноев ковчег», — писала Мария.

По комнате бродили кошки и собаки, хвостатые друзья хозяйки. На лето Мария уезжала в Марьино, купленную деревню под Москвой. Гостила иногда у Черкасских, Трубецких, Строгановых, Салтыковых, но больше сидела дома.

В начале 1733 года съездила в столицу похлопотать о додаче пожалованных имений. Остановилась у брата Константина. Потом язвительно писала, что «Елена» «скорее похожа на черта, чем на ангела». В одно из воскресений была принята императрицей Анной Иоанновной.

Цесаревна Елизавета Петровна пригласила к обеду, герцогиня Мекленбургская Екатерина Иоанновна, сестра царицы, расспрашивала о брате, посетила Бирона, побывала у Черкасских. «Черепаша, — писала брату, — отнеслась ко мне очень благосклонно... Я чуть было не завела с нею речи о тигрице...» Стороной разведала, что князь-черепаша очень хорошо расположен к молодому дипломату. Усилилась надежда на женитьбу Антиоха. А тут у самой появились искатели руки. Сватались двое. Один из них грузинский царевич Александр Бакарович, потребовавший сразу же, чтобы она научилась говорить по-грузински.

Подумала, подумала и отказала обоим. И потом не вышла замуж. Видимо, не могла забыть человека, о котором впоследствии историк Ключевский писал: «Петр был великан, без малого трех аршин ростом, целой головой выше любой толпы; среди которой ему приходилось когда-либо стоять. Христосуясь на Пасху, он постоянно должен был нагибаться до боли в спине. От природы он был силач; постоянное обращение с топором и молотком еще более развило его мускульную силу и сноровку. Он мог не только свернуть в трубку серебряную тарелку, но и перерезать ножом кусок сукна на лету... Он вечно и во всем спешил. Его обычная походка, особенно при понятном размере его шага, была такова, что спутник с трудом поспевал за ним вприпрыжку. Ему трудно было долго усидеть на месте: на продолжительных пирах он часто вскакивал со стула и выбегал в другую комнату, чтобы размяться. Эта подвижность делала его в молодых годах большим охотником до танцев. Он был обычным и веселым гостем на домашних праздниках вельмож, купцов, мастеров, много и недурно танцевал...»

Некому было тягаться с таким человеком. Ему отдала она сердце. Дивным мгновением осталось в памяти время любви, время свиданий с ним, сумевшим перевернуть всю жизнь величайшего из государств, а не только княжны, нашедшей в России вторую родину. Летними днями, находясь в подмосковном имении, слушала она шум российских берез и задумывалась о своей судьбе. Все самое важное осталось позади. Там, в минувшем, время, когда ее отец был осыпан милостями щедрого Петра: титул светлости, чин тайного советника, сан сенатора. В 1723 году австрийско-немецкий император прислал диплом на княжеский титул Римской империи. Наверное, знала княжна Мария причину этого акта, известную нам из «Истории родов Русского государства» Н. П. Петрова (1886): узнал император о расположении Петра к дочери князя Димитрия, вот и поспешил оказать внимание. Мария могла только грустно улыбнуться, вспоминая это: теперь бы не поспешил...

Она продолжала писать брату о новостях. В мае 1737 года на Москву обрушилось великое бедствие — пожар, истребивший полгорода.

«Наша Покровка была объята пламенем отовсюду, — писала Мария Антиоху, — наконец, огонь охватил и мой дом, проникнув на чердак, выходявший в сад против дома Долгоруких. Вмиг вспыхнули и самые дома. Слуги мои вне себя кидались туда-сюда; но я — верьте мне — даже не смутилась и уговаривала их не плакать, так дом ведь не ихний и, как деревянный, должен был сгореть рано или поздно, а убыток весь понесу я одна. Впрочем, и они порядком-таки поплатились, потому что остались в том лишь, что на них было. После того, как сгорел дом, я поблагодарила господина Трезина за постройку каменного флигеля... Благодаря тому я спасла все свое имущество: там хранились у меня все драгоценности и книги, которые вы мне подарили; спасены и вещи обоих братьев».

Писала, что сгорел подвал, где хранилось 500 ведер вина (половина принадлежала Антиоху), что удалось спасти в сарае кареты, коляски, сани. Убыток простирался до двух тысяч рублей.

«Не думайте, чтоб я сильно горевала, — продолжала Мария. — Но мне жаль брата Сережу, у которого уничтожен огнем хороший, недавно отстроенный дом. Печалит меня также гибель моего сада: теперь придется опять ждать лет пять, пока не вырастет снова красивая и тенистая аллея, какая у меня была там. Во время этого пожара лишилась я милой собачки Перлы и двух кошек, и верьте мне — я больше сожалела о них, чем о своем доме. Горькими слезами оплакала я их роковую кончину»

Духом не пала. Заняла денег, воспользовалась теми, что были от брата-посланника, и за два месяца успела выстроить каменную кладовую, погреб, конюшню и даже деревянный дом. «Жить без дома нельзя», отписала брату.

Страшнее пожара нависало бедствие годом ранее. Анастасия Ивановна, вдова князя Димитрия, собралась замуж за находившегося на русской службе принца Гессен-Гамбургского Людвиг-Вильгельма. Жених был в долгах, а потому потребовал у невесты положенные деньги вперед. Вот и пошла она хлопотать, чтобы отдали четвертую часть наследства. Майоратом владел Константин, но при подсчете оказалось, что все должны княгине-вдове. Пришлось Марии в Петербург ехать к Анне Иоанновне, а Антиох вынужден был мачеху задабривать подарками. Растроганная Анастасия Ивановна удовлетворилась тем, что получила от Константина.

Осень постучалась в двери уже нового дома княжны Марии, а вместе с осенью — Федор Васильевич Наумов. Вошел, руку поцеловал и свою предложил от чистого сердца.

— Посоветуюсь с братом Антиохом, — Услышал ответ. Приободрился и повел речь о приданом. Ох, поспешил! Вспыхнула хозяйка и «почти с гневом» сказала:

— У меня только и есть, что на мне, сударь, видите.

— Воля ваша, — вздохнул гость.

Какое бы ни было у меня имущество, — продолжала, несколько уняв свою южную кровь, Мария, — движимое или недвижимое, оно навсегда останется моей собственностью, которое я со временем переведу на ваше имя — братья не будут тому препятствовать.

Уехал гость. Стала Мария советоваться с домашним врачом Севастом и домоуправляющим Камарашем. Они в один голос: жених — человек добрый, к тому ж генерал-лейтенант, многих вотчин владелец. Заколебалась Мария перед явными достоинствами пятидесятилетнего вдовца. «Впрочем, написала Антиоху, хоть я теперь бедна, я не желала бы менять свою фамилию ради его богатства и будущности».

Наумов получил отказ и присватался к другой Марии. А несговорчивая сестра Антиоха Кантемира осталась при своей древней фамилии, при своих заботах. Антиох из Лондона, а затем из Парижа ласкал ее душу подарками: присылал женские уборы, материи, дорогую посуду, книги, картины. И сам просил прислать ему китайскую обойную материю.

Прошу вас, — писал в 1740 году, — поискать в Москве китайских тканей тех цветов, каких они обыкновенно бывают, то есть, красного, желтого и павлиньего, вроде тех, что были у князя Никиты Трубецкого в спальне, или тех, что вы видели в передней у государыни в Москве...» Ткани послала и одеяло китайской работы из атласа с вышитыми

на нем деревьями и птицами и не забыла о чае, любимом напитке брата, и просьбу о покупке русских мехов постаралась выполнить. От Марии к Антиоху приходили посылки со шкурами соболей, горностаев и даже медведей, обитавших в окрестностях нижегородского селения Мурашкино. Щеголяли в русских мехах и наш славный поэт-сатирик, и его приятель Азеведо, португальский посланник, и другие уважаемые люди. Росла библиотека Марии, постоянно пополняемая ученым братом. Писала: «Когда нет ни хороших наставников, ни особенного прилежания, чтение должно соответствовать природным способностям». Просила прислать «что-нибудь по астрономии и геометрии». Интересовалась устройством неба и законом всемирного тяготения, открытым Ньютоном. Сестра сообщала брату: «Я читаю трактат по космографии, который придется перечитывать много раз прежде, чем я пойму его вполне». Прочла пять томов «Путешествий вокруг света» и написала брату: «В последней главе говорится о жителях Малакки, которые не только едят друг друга, но скушали и пятьдесят голландцев, вздумавших посетить их». В другом письме: «Историк Иосиф Флавий очень мне нравится»

С интересом читала других летописцев древности. В круг чтения Марии входили Ариосто, Боккаччио, Фенелон, Мильтон. Благодаря любви к чтению, делает вывод Майков, «она сделалась, вероятно, самую образованною женщиной в России своего времени».

На ее долю и выпало «блудности общие семейные интересы и достоинство рода Кантемиров». Из братьев более всех хлопот ей доставлял Матвей. Наметила было ему в невесты дочь губернатора новгородского П. И. Салтыкова, а он, непутевый, сошелся с веселой вдовой чиновника Неронова, забрел к ней, напился и «произвел новое буйство». Втянул в это дело брата Сергея и слуг. Навалились на квартирантов вдовы: жестоко избили ротмистра, подпоручика и даже его жену. В ужас пришла Мария.

«Я так расхворалась, — писала Антиоху, — что еле могла двигаться: однако ездила к княгине Марье за Москву-реку в ужасные морозы, и не один, а три раза. Она переговорила с Семеном Андреевичем, и он — дай Бог ему здоровья — все уладил... Месяц спустя я заплатила поручику двести рублей, а с Дубасовым братья помирились. Слуг наших высекли батожем за то, что они принимают главное участие в баталии».

Год спустя женился, наконец, буйный Матвей. Только не на Авдотье Салтыковой, а на Аграфене Лобановой-Ростовской.

Вздыхнула облегченно княжна Мария и за Сергея взялась. Тоже хлопот полон рот. Любовниц имел, а в законный брак не вступал и долгами замучил. В поход уйдет — душа изболится. Жди отовсюду письма-просьбы о помощи. Особенно пришлось поволноваться, когда он с Минихом на войну с турками отправился, при осаде Очакова оказался. Ночей не спала, когда писем не стало. И вдруг пожаловал в Москву: «Цел и невредим, да еще с пленной турчанкой». Удачлив. Пострадал только раз: пьяные ямщики избили в Тосне на пути в Петербург.

Теперь одна осталась забота — Антиох. Неужто так и не поведет к венцу Варю Черкасскую, милую сердцу Марии? Все о ней да о ней писала брату в места чужедальние. Узнала с радостью, что Варя сказала: «Я выйду за князя Кантемира, и ни мать, ни отец не удержат меня от этого». Золотые слова окрылили душу. Звала брата домой. Война 1736 года с Турцией породила надежду на освобождение родной Молдавии, на то, что Антиоха могут сделать правителем этого края.

«Мы прожили только половину нашей жизни, писала брату, что будет дальше, зависит от воли и милосердия Господня. Может быть, когда-нибудь мы увидим наше прежнее Отечество и мирно доживем свой век, каждый как бы ему хотелось. Но мне кажется, что тот, кто становится Владыкою целой страны, должен принять на себя все тягости правления. Таким образом, если вам будет суждено сделаться господарем нашей родины, вы должны будете проститься с уединенною жизнью философа».

И тут же — на любимую тему: «Не думаю, чтобы жениться значило навязать себе камень

на шею... Нужно только, чтобы жена была добрая, а не походила бы на Ксантипу, жену философа Сократа, которая вместо ответа облила его с головы до ног. Мужчины дурно отзываются о женщинах, женщины — о мужчинах. Мало ли у нас прекрасных девушек? Надобно только, чтобы по возвращении в Россию вы нашли себе подругу по сердцу, а совсем отказываться от брака совершенно безрассудно. Тигрица больше всех годится вам в жены и надеюсь, подождет Вас».

Когда князь А. М. Черкасский, отец тигрицы, появился весной 1738 года в Москве, через «какое-то третье лицо» возобновила брачные переговоры. Ясного ответа не получила. Князь-черепаха остался самим собой — продолжал медлить. «Что касается тигрицы, написала Мария брату, — я вижу, что сделала ошибку».

Сам Антиох все больше привыкал к службе дипломата, к уединенной жизни философа, доходили до княжны слухи, что у него в Лондоне была приятельница, и в Париже не всегда он терпел одиночество. Но она не придавала этому значения. «Время старит тигрицу, а черепаху глубже погружает в расстройство и долги», — написала с горечью. «Что касается жены, — делился размышлениями Антиох, — я не думаю, чтобы брак не согласовался с философией; напротив того полагаю, что философ должен быть женатым, дабы плотские похоти не смущали его, — и потому я предпочел бы не быть одиноким... О тигрице больше не думаю; мне донельзя надоели постоянные праздные толки о ней, особенно, когда вижу, что ее мать ждет кого-нибудь из сынов Юпитера, чтобы выбрать себе зятя, достойного ее непомерного тщеславия. Жалею только бедную девушку, что она так печально проводит свои лучшие годы. Молодость, как вы говорите, не возвращается, а ее молодость почти миновала. Пройдет еще несколько лет, и она станет старою девою, которая всегда найдет себе мужа, но он пожелает жениться не на ней, а на ее богатстве». В 1742 году, уже при Елизавете Петровне, получила Мария от брата письмо с горькими словами: «Черепаха всегда останется черепахой, и я ничего от него не ожидаю; тигрицу уступаю кому угодно; по правде сказать, мне теперь все равно».

В апреле 1743 года Варвара Алексеевна Черкасская обвенчалась с камергером графом Петром Борисовичем Шереметевым. За полгода до этого события скончался ее отец. Антиох Кантемир все более был занят своей болезнью. Ему уже было не до женитьбы. Сестра, еще не знавшая всей серьезности положения брата, написала ему о намерении уйти в монастырь.

«О том вас прилежно прошу, — отвечал по-русски раздосадованный Антиох, — чтоб мне никогда не упоминать о монастыре и пострижении вашем... Я желаю, чтоб по приезде моем в отечество вы прожили всю жизнь со мною и в доме моем были хозяйкою, чтоб собирали и потчевали гостей, одним словом — чтоб были мне увеселением и помощницей». «Когда вы вернетесь в Москву, — успокаивала брата Мария, — я готова хозяйничать в вашем доме и принимать ваших гостей, но от своего намерения все-таки не отказываюсь».

Он написал, что ему становится лучше, но «только теплый климат может меня вылечить, и я более, чем когда-либо, вижу необходимость ехать в Италию».

Она поспешила во дворец (Елизавета Петровна после коронации все чаще находилась в Москве), чтобы уведомить: готова ехать в Италию ухаживать за братом. Сестра написала Антиоху, что «готова пренебречь всякими неудобствами в надежде на свидание с дорогим братом».

Когда писались эти строки, его уже не было в живых: 31 марта Антиох Кантемир скончался.

Для Марии это было самым жестоким ударом. Много сил приложила она, чтобы перевезти его в Россию. Только в сентябре тело русского посла привезли морем в Петербург, а затем доставили в Москву. Горько плакала Мария, провожая брата в последний путь. Похоронили Антиоха ночью, как и отца, рядом с ним — в нижней церкви Никольского Греческого монастыря.

Марки оставалось жить еще 13 лет.

Пушкин в Орле

Пушкин ехал на юг. Подорожная, выписанная чиновнику 10-го класса, едущему до Тифлиса и обратно, предписывала давать ему лошадей без задержки. Следом летели распоряжения местной полиции присматривать за каждым шагом путешествующего сочинителя. Май 1829 года шелестел березками, сыпал дождями:

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Действительно, долго ли? В конце мая ему исполнится тридцать. Позади две ссылки и много утрат: пятеро героев 14 декабря повешены, десятки — в каторжных норах Сибири. Жаркие страсти южных поэм сменились холодным оцепенением толпы в «Борисе Годунове». Попытка устроить личное счастье не увенчалась успехом: на его предложение в доме Гончаровых ответили, что Наташа еще молода идти под венец...

Царь, привязавший к его слову вериги двойной цензуры, видимо, ждет, что бойкое перо недавнего михайловского затворника прославит графа Паскевича, поставленного на Кавказе вместо образованнейшего полководца, как будто поэт забыл собственные слова из «Кавказского пленника»: «Смирись, Кавказ: идет Ермолов!»

Разве Пушкин не писал брату в 1820 году из Кишинева, что Ермолов наполнил Кавказ «своим именем и благотворным гением...» О человеке, которого К. Ф. Рылеев в своем послании назвал «гением северных дружин», думал в Михайловском. Писал брату на Кавказ, спрашивая о знаменитом генерале, герое Отечественной войны 1812 года. Теперь он увидит опального полководца, хотя для этого придется делать двести верст лишних.

И коляска из Белева покатила на Орел...

Алексей Петрович Ермолов покинул Тифлис 3 мая 1827 года. В простой рогожной кибитке отправился в Орел, где жили его родители отец Петр Алексеевич и мать Мария Денисовна. Приезд знаменитого сына мог быть радостным. Да и сам генерал в августе того же года писал своему бывшему сослуживцу П. А. Кикину, тоже уволенному в отставку:

«Я здоров, живу со стариком моим в деревне, нашел его очень слабым... Здесь я Иностранец, вышедший на берега африканские. Как все пусто и дико! Люди с состоянием живут в столицах, с умеренным прячутся по деревням, удерживаемые падшими доходами, и наш город Орел кажется взятым штурмом ябедниками и подьячими. Не взирая на все сие, я строю каменный двухэтажный дом в городе».

Письмо было опубликовано в ноябрьском номере «Русской старины» 1872 года.

Только в 1960 году писатель Г. П. Шторм на страницах «Известий Академии наук СССР» (отделение литературы, т. XIX, выпуск 2, с. 144—148) дополнил это письмо новыми сведениями. Оказывается, едва Алексей Петрович перешагнул порог низенького родительского дома, едва навестил Лукьянчиково, единственную деревню отца, как сразу же попал под наблюдение местной полиции.

Подполковник Жемчужников аккуратно доносил в Петербург о поведении отрешенного от дел генерала.

Появление Ермолова в Орле не могло не вызвать у горожан живейшего интереса к нему. Из донесений Жемчужникова, приведенных Г. П. Штормом, можно узнать, что когда Алексей Петрович приехал из деревни в город вторично, чтобы назначить место для постройки флигеля, дивизионный командир с офицерами приготовился было чествовать

генерала, но он отказался. Не принял Ермолов и самого подполковника корпуса жандармов Жемчужникова. Принял лишь купцов да коротких знакомых отца. В задуманном флигеле, подчеркивал подполковник, генерал решил поместить свою очень богатую библиотеку.

Тогда же, в августе 1827 года, в Лукьянчиково приезжал Д. В. Давыдов, знаменитый поэт-партизан, двоюродный брат Ермолова. Родовое имение Давыдовых находилось в Ливенском уезде Орловской губернии.

«Я был у брата Алексея, — писал Денис Васильевич своему старому приятелю А. А. Закревскому, — он не грустен, не сердит и как будто выбитый с винта, на котором он вертелся тридцать восемь лет славной службы! Кажется, однако, что начинает кой-как привыкать к безмятежной жизни, начал заниматься приведением в порядок записок своих... Там же строит он маленькую хижину для себя и для своей библиотеки. Как часто о тебе говорили и, конечно, нигде о тебе дружественнее не вспоминали, как в Тифлисе и в Лукьянчикове». (Сочинения Дениса Васильевича Давыдова, приложение к журналу «Север» за 1893 год, в трех томах, т. 3, с. 166).

Таким образом, генерал был занят строительством двух домов — в городе и деревне.

А. Г. Кавтарадзе в книге «Генерал А. П. Ермолов», выпущенной Приокским издательством в 1977 году, к 200-летию славного земляка, привел слова: «При благоприятствовавшем мне постоянно счастью, в мои лета, и при моих силах, мог ли я ожидать, что буду жить в праздности, в глуши деревни престарелого отца моего».

Горькие слова перекликаются с донесением Жемчужникова 1828 года: «Генерал Ермолов живет уединенно, но иногда посещает театр, всегда в черном фраке и без орденов; так он был на балу у губернатора 31 декабря, что дало повод различным толкам; иные его осуждают, а многие и это приписывают величию его духа. Мрачный его вид, избличающий душевное беспокойство, явно противоречит хладнокровному тону, с коим он рассказывает приятности своей настоящей жизни, будто давно им желаемой...»

На некоторых моментах донесения, опубликованного Штормом, следует остановиться.

Поскольку в Орле тогда был театр С. М. Каменского, то Ермолов мог бывать именно там. Допустима возможность встречи двух генералов: оба сражались в молодости под Варшавой под командой А. В. Суворова. Известно, что потом, когда Ермолов из Орла переехал в Москву, то прослыл там большим поклонником сценического искусства. Не мог он и в Орле не заинтересоваться игрой актеров.

Правда, дела у С. М. Каменского в это время уже пошли под уклон. Деревни одна за другой уплыли из рук. Даже с Сабуровым пришлось расстаться. Одна Звягинка оставалась. Темнели и подгнивали колонны городского дома. Слуги и музыканты ходили в лохмотьях. Но занавес продолжал взвиваться. Граф в генеральском мундире, при всех орденах по-прежнему строго следил за игрой актеров. Афиши предупреждали: «Всеякие аплодисменты строжайше возбраняются и могут совершаться лишь по сигналу его сиятельства, владельца театра, или его превосходительства, господина начальника губернии...»

К осени 1828 года дом в деревне был построен. Ермолов поселился в нем с сыновьями Виктором, Клавдием и Севером. Написал бывшему своему адъютанту Н. В.

Шимановскому, приглашая его в гости. Обещал вместе с ним побывать в Орле, где гость может «победить какую-нибудь красавицу».

Письмо, опубликованное в третьей книге «Русского архива» за 1906 год, хотелось бы дополнить донесением наблюдательного подполковника, но кладезь Жемчужникова иссяк. Что случилось? Шторм выразил надежду, что донесения, им не обнаруженные, еще ждут своего часа в одном из архивов. А поскольку они еще не разысканы, задержим внимание на личности подполковника.

Михаил Николаевич Жемчужников в Орел приехал из елецкой деревни Павловки, где занимался хозяйством после жарких баталий 1812 года. От полного забвения его спасли дети Алексей, Александр и Владимир, создавшие вместе с двоюродным братом А. К.

Толстым бессмертного «Козьму Прутков», и Лев — художник, автор книги «Мои воспоминания из прошлого», впервые полностью изданной Ленинградским отделением «Искусство» в 1971 году.

Александр Жемчужников в воспоминаниях «Подымовское дело», опубликованных в «Русском архиве» 1861 года, рассказал, что они жили с отцом недалеко от приходского училища. Упомянут секретарь консистории С. А. Попов, о котором заботился генерал Ермолов. Из других источников мы узнаем, что в 1830 году М. Н. Жемчужников уже воевал в Пельше.

Был ли он в Орле в 1829 году? Если был, то где бесценные донесения той поры?

Их нет.

Зато, если верить публикации Б. Ермака и Б. Александрова в «Литературном альманахе» (Орел, 1939), то в Орле в мае 1829 года произошло удивительное событие. Оказывается, в то время, когда поэт ехал по нашему краю, во всех трех частях города полиция сбилась с ног, разыскивая Пушкина, чтобы объявить ему сенатское решение «обязать подпискою, дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику под опасением строгого по законам взыскания». Решение было принято после долгого разбирательства по поводу стихотворения «Андрей Шенье», которое кандидат Московского университета А. Леопольдов переписал с пометкой «по поводу 14 дек.».

4 июня, почти через месяц после отъезда поэта из Орла, пристав 3-й части доносил, что «чиновника Александра Пушкина... по тщательному моему и квартальных надзирателей розыскам в подведомственной мне части ныне не оказалось?».

Искали и не нашли. Это дало основание кое-кому предположить, что Пушкин вообще приехал к Ермолову прямо в Лукьянчиково, как Денис Давыдов.

Оригинальное предположение полностью противоречит свидетельству самого поэта. «...Из Москвы, — читаем в «Путешествии в Арзрум», — поехал я на Калугу, Белев и Орел и сделал таким образом 200 верст лишних, зато увидел Ермолова. Он живет в Орле, близ коего находится его деревня. Я приехал к нему в восемь часов утра и не застал его дома. Извозчик мой сказал мне, что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого, набожного старика, что он не принимает одних только городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен. Через час я снова к нему приехал».

Дом отца и ныне можно увидеть на берегу Оки за городским парком. На стене — мемориальная доска. Могла бы там состояться встреча генерала и поэта? Приведенные строки ясно говорят, что Алексей Петрович и Петр Алексеевич жили в разных домах. Полководец бывал у отца, значит, ходил к нему. Если бы они жили под одной крышей в Орле, то зачем тогда «бывать»? Да и вряд ли можно было поместить под одну крышу с отцом генерала с сыновьями и с богатой библиотекой. Кроме того, в Орле, часто горевшем, опасно было держать книги в деревянном доме. Понятна забота Ермолова о доме каменном, двухэтажном. Вот там и должны были они встретиться.

Этот дом, как утверждает книга «Здесь жил Пушкин», изданная в Ленинграде в 1963 году, стоял на Борисоглебской улице (ныне ул. Салтыкова-Щедрина), на берегу Орлика.

Сторонники этого адреса ссылались на свидетельство краеведа В. Н. Ляскового, получившего ценные сведения от Н. П. Киреевской, хорошо знавшей Пушкина...

Газета «Орловский край» 16 декабря 1916 года утверждала, что по дороге на Орел поэт заехал в Большую Чернь к Плещеевым и там прогостил несколько дней, о чем сохранилось много семейных преданий. С Петром Александровичем, хозяином имения, Пушкин мог быть знаком по Петербургу, поскольку тот учился в Благородном пансионе вместе с братом поэта Львом. Хорошо знал поэт по «Арзамасу» также отца хозяина, композитора и драматурга Александра Алексеевича Плещеева.

К числу орловских преданий относят и то, что было записано от старожила Малоархангельска в 1882 году, а в 1890 году опубликовано в «Русской старине».

Пушкин приехал в Малоархангельск поздно вечером и, сильно утомленный дорогою,

заночевал на постоялом дворе. Власти, узнав о его приезде, «провели ночь тревожно, в ожидании, быть может, ревизии». Рано утром чиновники во главе с городничим, в парадных мундирах, при орденах, «сочли своей обязанностью, по долгу службы и присяги, явиться на постоянный двор и представиться А. С. Пушкину, как начальству: не будет ли каких-либо приказаний».

Они вошли в переднюю и представились сначала слуге. Тот сказал, что «барин его почивает, а когда проснется — неизвестно, должно быть, нескоро, потому что сильно утомлен дорогою». Чиновники, сидя в передней, стали ждать.

«Услышав за стеною, в некотором роде, «шепот, робкое дыхание», поэт обратился за объяснениями к своему человеку, а тот доложил ему все подробно.

— Гони их в шею дураков! — закричал, неизвестно с чего рассердившийся Пушкин своему человеку, к неопisanному удивлению и еще большему ужасу малоархангельских властей, явно расслышавших грозный окрик и, так сказать, во исполнение его, мгновенно исчезнувших с постоялого двора.

Но когда первый страх прошел и когда Пушкин, напившись чаю, уехал из города без всяких последствий, малоархангельские власти не знали, куда деваться от радости, и поздравляли друг друга если с не вполне благосклонным приемом их Пушкиным, то с вполне благополучными проводами столь знаменитой и начальственной особы».

Писатель-орловец А. В. Германо, рассказав об этом в статье «Пушкин на Орловщине» («Орловский альманах», Орел, 1949, с. 179—180), писал: «Если действительно подобное происшествие было в Малоархангельске с Пушкиным, то возникает вопрос — не явился ли этот случай темой, подсказанной им Н. В. Гоголю для будущей комедии «Ревизор».

В наши дни в память об этом предании в Малоархангельске был открыт памятник великому поэту — дар родному городу местного учителя, талантливого скульптора Ивана Алексеевича Семеновского. Чуть откинув голову, приподняв цилиндр, поэт как бы замер в удивительном мгновении, созвучном его словам:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое!

Наверное, таким он был восторженно-радостным, когда входил в дом А. П. Ермолова 5 мая 1829 года.

2

«Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностью. С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественна. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом. Он был в зеленом черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе».

Поэт заметил, что полководец, «по-видимому нетерпеливо сносит свое бездействие». О Паскевиче говорил Ермолов язвительно, называя его, графа Эриванского, графом Ерихонским. Военные успехи своего преемника Алексей Петрович насмешливо сравнивал с победами библейского Навина, «перед которым стены падали от трубного звука».

Устами генерала Ермолова Пушкин развенчивал того, кого он должен был прославлять, как того ожидал царь.

«Пускай нападет он, — говорил Ермолов о Паскевиче, — на пашу, не умного, не искусного, но только упрямого, например, на пашу, начальствовавшего в Шумле, — и

Паскевич пропал».

Пропал Паскевич в глазах читателей вместе с военной политикой душителя декабристов. Гибель уготовил всесильный автор «Путешествия в Арзрум». Встреча в Орле имеет глубокий смысл в понимании идеи очерка. Если бы поэт своими словами развенчал военного, удар бы не был таким значительным. Он же избрал средство более надежное: о Паскевиче говорил самый в ту пору авторитетный военный специалист.

«Думаю, что он пишет или хочет писать свои записки», — читаем у Пушкина.

Загадочная строка. Почему к такому выводу пришел поэт? Уж не показывал ли Ермолов кое-что из написанного? Ведь о записках уже в августе 1827 года писал Д. В. Давыдов. За два года энергичный генерал мог бы многое написать.

От записок Пушкин естественно переходит к главному труду Н. М. Карамзина: «Он недоволен Историей Карамзина; он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа из ничтожества к славе и могуществу».

Затем разговор переключился на записки Курбского, от них, что вполне логично, перешел к современным порядкам, к засилью немцев в армии.

«О правительстве и политике не было ни слова», — эта строка явно рассчитана на цензуру. От темы о Курбском, осудившем казни Ивана Грозного, легко было перейти к словам о расправе над декабристами. Засилье немцев было частью политики царского правительства. Грибоедов, упомянутый только в том плане, что от его стихов, по словам Ермолова, «скулы болят», не мог не вызвать рассуждений о его судьбе.

Описание свидания с Ермоловым, как известно, в первой публикации «Путешествия в Арзрум» было обозначено многоточием. Теперь мы, располагая находками Г. П. Шторма в Центральном архиве древних актов, в частности, записью, сделанной под диктовку Ермолова и заверенной им, можем утверждать, что Пушкин был у генерала три раза, что первые слова, которые он сказал, войдя в дом полководца, это: «Мне стыдно бы было б, если б я по дороге в Кавказскую армию не повидался с Ермоловым». Когда же речь зашла о Карамзине, то Пушкин, по свидетельству Ермолова, заявил: «Меня удивляет его добродушие и простосердечие: говоря о зверствах Иоанна Грозного, он так ужасается, так удивляется, как будто такие дела и поныне не составляют самого обыкновенного занятия наших царей».

Шторм привел слова Ермолова из письма Д. В. Давыдова к П. В. Вяземскому: «Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство, кроме невольного уважения».

Пушкин Ермолову читал свои стихи! К этому выводу пришел Г. П. Шторм, исследуя архивные документы. На основании неопубликованной редакции «Записок» Дениса Давыдова исследователь сделал еще один вывод: поэт жил в нашем городе два дня.

Встреча с полководцем была сильным впечатлением Пушкина. Из Тифлиса он написал Ф. И. Толстому, что Ермолов «был до крайности мил». Сохранился черновик письма 1833 года: Пушкин писал Ермолову, утверждал, что его слава принадлежит России, просил чести быть издателем его записок или историком. Письмо в наши дни стало эпиграфом к историческому роману Олега Михайлова «Генерал Ермолов», выпущенному Военным издательством в 1983 году.

В 1831 году А. П. Ермолов переехал из Орла в Москву. Жил на Пречистенском (ныне Гоголевском) бульваре, в скромном деревянном доме. Однажды у героя Кавказа побывал в гостях П. И. Бартенев, будущий издатель «Русского архива». Гость заметил Алексею Петровичу, что его беседа в Орле с Пушкиным, конечно, была занимательна.

— Очень, очень и очень! — ответил «с одушевлением» Ермолов.

И еще добавил, что принимал поэта «со всем должным ему уважением».

Тогда же полководец, по словам Бартенева, сказал ставшую крылатой фразу, что «поэты суть гордости нации».

Человек, которому обязан Орел приездом Пушкина, скончался на Пречистенке 11 апреля

1861 года. Гроб установили на артиллерийский лафет и в сопровождении гренадеров Несвижского полка повезли в Орел. 15 апреля «Орловские губернские ведомости» поместили некролог, вспомнив время, когда, по словам М. Ю. Лермонтова,

...И испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.

16 апреля гроб с телом генерала прибыл в Орел. По желанию жителей был установлен в Крестовоздвиженской церкви. 18 апреля шел дождь со снегом, но люди толпами шли и шли проститься с полководцем. Похоронили его на Троицком кладбище у церкви, рядом с отцом, умершим в 1832 году. Чугунная граната со вставленной под круглым стеклянным шаром лампадой была ему первым памятником. Славянскими буквами было написано бронзой на граните: «Служащие на Гунибе кавказские солдаты». Ныне полководец смотрит с барельефного портрета таким, каким его увидел А. С. Пушкин.

«При виде великого героя русского, мужа силы и мудрости воинской, грозы Кавказа, ужаса врагов России, что скажу вам, печальные слушатели, немощный в слове, скудный в достойной хвале великому?.. — вопрошал на похоронах большой мастер красного слова, преподаватель Орловского Бахтина кадетского корпуса Е. А. Остромысленский и продолжал: — Где, где не летал ты, наш орел северный, в каких дремучих лесах, на горах и в ущельях не разгонял и не поражал ты стаи диких хищных птиц; все-таки... воротился ты в свое гнездо Орловское, — все-таки прилетел домой, к могиле отца своего и матери» (Михаил Высотский. «Историческое описание Орловского Троицкого кладбища со времени его возникновения». Орел, 1902, с. 112—113.)

На скромном холмике у церковной стены теперь часто можно увидеть цветы. Вспыхнули однажды алым пламенем цветы латышской поэтессы Мирдзы Кемпе. Свое восхищение северным орлом она передала в стихах, воспев его подвиги и нетерпение поэта, спешившего в Орел на встречу с полководцем...

Цветы журналиста В. И. Воробьева — его статьи о Ермолове, составленная им библиография, в которую он собрал, наверное, все, что появилось в печати о славном земляке.

...До войны жила в Орле женщина, которая с особым пристрастием собирала все, что известно о пребывании Пушкина в нашем крае.

— Знаете, — говорила она взволнованно работникам краеведческого музея, — в альбом моей бабушки, Елизаветы Николаевны Ушаковой, Александр Сергеевич написал стихи:

Вы сами знаете давно,
Что вас любить немудрено.
Что нежным взором вы Армида,
Что легким станом вы Скульфида,
Что ваши алые уста,
Как гармоническая роза...

Александр Николаевне Ивановой было за семьдесят, но с молодым чувством продолжала говорить о Пушкине, о его стихах, написанных в январе далекого 1829 года...

Как нам известно из примечаний к стихам поэта, был у Е. Н. Ушаковой еще один альбом: Пушкин оставил множество рисунков, записей и даже поместил список женщин, которыми увлекался.

Особое место среди них принадлежит той, которая вызвала к жизни:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

«Малый энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона 1907 года назвал Анну Петровну Керн, во втором браке Маркову-Виноградскую, писательницей, привел годы жизни (1800—1880) и перечислил публикации в «Библиотеке для чтения» (1859), «Русском архиве» (1884), «Русской старине» (1870) и других журналах, впоследствии собранные в одну книгу.

В центре Орла на одном из домов прошлого века далеко видна женская головка. Говорят, в ней увековечена Анна Керн, мемуары которой очень растрогали и возвысили душу архитектора. С высоты второго этажа она смотрит на юг, ждет возвращения поэта с Кавказа в город, где...

3

«Я родилась в Орле, в доме моего деда Ивана Петровича Вульфа, который там был губернатором... Я родилась под зеленым штофным балдахинном с белыми и зелеными страусовыми перьями по углам 11-го февраля 1800 года...»

Это строки из книги «Воспоминания. Дневники. Переписка» А. П. Керн (Марковой-Виноградской), изданной в Москве в 1974 году к 150-летию А. С. Пушкина.

Свет романтической славы чудного мгновения играет в окнах гостиницы «Русь на месте давно сгоревшего губернаторского дома. Берег Оки хранит память о тропинках, по которым проходила счастливая дочь губернатора с крохотной девочкой на руках.

Первая весна Анны Петровны Керн была орловской весной. Небо звенело перелетными птицами. Воды Оки очищались ото льда. В липах шумел ветер. В губернском доме было весело. Перед назначением в Орел И. П. Вульф и его жена Анна Федоровна, урожденная Муравьева, сыграли две свадьбы: выдали дочь Екатерину за Петра Марковича Полторацкого и женили сына Николая на Прасковье Александровне Вындольской, ставшей впоследствии (во втором замужестве) Осиповой, известной хозяйкой Тригорского.

«После этих свадеб, читаем у А. П. Керн, дедушка получил место губернатора в Орле и поехал туда с бабушкой и двумя парами новобрачных».

В конце 1799 года у Николая Вульфа родилась дочь Анна. Дочь Петра Полторацкого тоже назвали Анной. Обе Анны, когда вышли из младенческого возраста, крепко сдружились и обедали за маленьким столиком прежде взрослых. Дедушкина страсть птицы. Канареек было так много, что младшая внучка потребовала одну из них изжарить. Ей подали на тарелке воробья. Но это произошло уже не в Орле, а в тверском селе Бернове. Няня Пелагея Васильевна кормила будущую Анну Керн сливками и усыпляла сказками. Иногда приезжал близкий родственник М. Н. Муравьев с сыновьями — Никитой и Александром, будущими декабристами.

«У бабушки и у дедушки я прожила с родителями до трех лет, вспоминала А. П. Керн, — и потом мы поехали в Лубны, где отец мой строил второй дом на чрезвычайно живописном месте...»

Петр Полторацкий был мастер шутить. Самую злую «шутку» он сыграл с собственной дочерью. Заметив, что за нею ухаживает командир дивизии Е. Ф. Керн, пришел в восторг и загорелся желанием породниться с генералом, героем войны 1812 года. Свадьбу сыграли

8 января 1817 года: невесте еще не исполнилось семнадцать, жениху шел пятьдесят второй год.

Потянулась мучительно-тоскливая жизнь генеральши. Ей было девятнадцать лет, когда она приехала в Петербург и на вечере у Олениных впервые увидела А. С. Пушкина. Было весело. Разгадывались шарады. Сидя на стуле среди зала, И. А. Крылов читал:

Осел был самых честных правил...

Интересно, что эта строка из басни стала начальной в романе «Евгений Онегин»: только «осла» поэт заменил «дядей»:

Мой дядя самых честных правил...

«В чаду такого очарования, — вспоминала А. П. Керн, — мудро было видеть кого бы то ни было, кроме виновника поэтического наслаждения, и вот почему я не заметила Пушкина. Но он вскоре дал себя заметить».

Позднее в игре Анне выпала роль Клеопатры. Она держала корзину цветов. Пушкин посмотрел на цветы и спросил ее, указывая на Александра Полторацкого:

А роль змеи, как видно, предназначается этому господину?

Она нашла это дерзким и, не ответив, ушла.

Потом все сели за маленькие столики ужинать. Пушкин уселся близко и попытался обратить на себя внимание словами: «Можно ли быть такой хорошенькой?» Между ним и Полторацким позже завязался шуточный разговор, «кто грешник и кто нет, кто будет в аду и кто попадет в рай». Поэт заявил, что в аду много будет хорошеньких и с ними можно играть в шарады. Попросил Полторацкого спросить у мадам Керн, хотела ли она попасть в ад. «Я отвечала очень серьезно и несколько сухо, что в ад не желаю». Пушкин ответил, что он раздумал и в ад не хочет, хотя там будет много хорошеньких женщин. Ужин подошел к концу.

«Когда я уезжала и брат сел со мною в экипаж, — вспоминала Анна Петровна, — Пушкин стоял на крыльце и провожал меня глазами».

Она привела первую строку стихотворения о чудном мгновении и целую сцену появления Татьяны, жены генерала, из «Евгения Онегина», угадав в пушкинской героине себя...

Не виделись они шесть лет. Живя в Полтавской губернии, за это время она с жадностью прочла «Кавказского пленника», «Бахчисарайский фонтан», «Братьев-разбойников».

Получала письма от Анны Вульф из Тригорского. Однажды прочла: «Ты произвела сильное впечатление на Пушкина во время вашей встречи у Олениных; он всюду говорит: она была ослепительна». Потом в ее письме появилась приписка из Байрона рукою Пушкина: «Промелькнувший перед нами образ, который мы видели и никогда более не увидим». Поэт писал по-французски. Написал он ей через соседа-помещика Аркадия Родзянко, затем получил шуточное письмо от него со вставками А. П. Керн.

В июне 1825 года они увиделись в Тригорском.

«Вот как это было, — писала А. П. Керн. — Мы сидели за обедом и смеялись... Как вдруг вошел Пушкин с большой, толстой палкой в руках. Он после часто к нам являлся во время обеда, но не садился за стол; он обедал у себя, гораздо раньше, и ел очень мало. Приходил он всегда с большими дворовыми собаками... Тетушка, подле которой я сидела, мне его представила, он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость видна была в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили, да и трудно было с ним вдруг сблизиться; он был очень неровен в обращении:

то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен, — и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту». Спустя многие годы ей помнилось, что «он не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренно и был неописанно хорош, когда что-нибудь приятное волновало его». И еще «Пушкин был невыразимо мил, когда задавал себе тему угощать и занимать общество».

То, собрав всех в кружок, он увлекательно рассказывал сказку про черта, который ездил на извозчике на Васильевский остров, то однажды явился в Тригорское с большой черной книгой и стал читать «Цыган». Как он читал!

«Впервые мы слышали эту чудную поэму, — писала А. П. Керн, — и я никогда не забуду того восторга, который охватил мою душу!.. Я была в упоении как от текучих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаявала от наслаждения; он имел голос певучий, мелодический и, как он говорит про Овидия в своих Цыганах:

И голос шуму вод подобный.

Через несколько дней после этого чтения тетушка предложила нам всем после ужина прогулку в Михайловское. Пушкин очень обрадовался этому, и мы поехали. Погода была чудесная, лунная июньская ночь дышала прохладой и ароматом полей. Мы ехали в двух экипажах: тетушка с сыном в одном; сестра, Пушкин и я в другом. Ни прежде, ни после я не видала его так добро- душно веселым и любезным...»

В Михайловском они не вошли в дом, а сразу отправились в сад. Корни старых деревьев вились по дорожкам, что заставило Анну Керн спотыкаться. Пушкин подал ей руку и «побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться». И все вспоминал встречу у Лениных.

На другой день она уезжала в Ригу. Он пришел утром и принес ей экземпляр главы «Евгения Онегина. Между страницами она обнаружила вчетверо сложенный почтовый лист бумаги. Развернула и прочла:

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты..

«Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять...»

Бесценное стихотворение она сообщила А. А. Дельвигу, и тот его опубликовал в «Северных цветах» 1827 года. Листок долго берегла, потом отдала М. И. Глинке: он написал романс и, исполнив его, привел в восторг Анну Петровну.

Письма — страстные, веселые, полные огненного чувства, охватившего душу поэта, она хранила при себе долго. Лишь в 1870 году решила с ними расстаться. В 1879 году они были опубликованы в «Русской старине».

Он писал ей о глубоком и сильном чувстве своем, умолял писать ему, любить, звал в Михайловское, обещал быть в понедельник веселым, во вторник — восторженным, в среду — нежным, в четверг — игривым и всю неделю у ее ног. Читал том Байрона, полученный от нее, и тяготился, как никогда, своим изгнанием.

Она радовалась его возвращению из ссылки, была близка сестре и матери поэта.

Встретившись в Петербурге, они вспомнили Тригорское. Он подарил ей «Цыган» с надписью: «Ее превосходительству А. П. Керн от господина Пушкина, усердного ее

почитателя». Через несколько дней пришел и, присев на маленькую скамеечку, написал для нее:

Я ехал к вам. Живые сны
За мной вились толпой игривой...

Анна Петровна запомнила, как гордилась своим сыном Надежда Осиповна, как радовалась, когда он оставался обедать у родителей своих, печеной картошкой заманивала... Видела радость свидания Пушкина с Дельвигом: наглядеться не могли друг на друга.

В 1832 году, когда умерла мать Анны Петровны, Пушкин приехал и «употребил все свое красноречие», чтобы утешить ту, которую обессмертил в стихах. Она вспоминала: «Он предлагал мне свою карету, чтобы съездить к одной даме, которая принимала во мне участие; ласкал мою маленькую дочь Ольгу, забавляясь, что она на вопрос: «Как тебя зовут?» — отвечала: «Воля!» — и вообще был так трогательно внимателен, что я забыла о своей печали и восхищалась им, как гением добра. Пусть этими словами окончатся мои воспоминания о великом поэте».

Но это слово не оказалось последним. Продолжала она вспоминать о нем и в других мемуарах. Незадолго до смерти узнала о том, что в Москве собираются открыть памятник поэту. Жила она в скромно обставленной комнате на Тверской-Ямской. Там-то и посетил нашу землячку артист О. А. Правдин, воспоминание которого привел Б. Модзалевский в очерке «Анна Петровна Керн», опубликованном в третьем томе роскошного издания А. С. Пушкина 1909 года под редакцией С. А. Венгерова.

Есть предание о встрече ее гроба с памятником поэта, что позволило Павлу Антокольскому воспеть в стихотворении «прах смертной старухи» и «бессмертную бронзу».

Правдин же рассказал следующее: «дело было так... Анна Петровна сильно захворала, так что за ней усилили уход и оберегали от всего, что могло бы ее встревожить. Это было, кажется, в мае. Был очень жаркий день, все окна были настежь. Я шел к Виноградским. Дойдя до их дома, я был поражен необычайно-шумливой толпой, собравшейся на Тверской-Ямской, как раз перед окнами дома, в котором жили Виноградские... 16 крепких битюгов, запряженных по четыре в ряд, цугом, везли какую-то колесную платформу, на которой была помещена громадная, необычайной величины, гранитная глыба, которая застряла и не двигалась. Эта глыба была гранитный пьедестал памятника Пушкину. Наконец, среди шума и гама, удалось-таки сдвинуть колесницу, и она направилась к Страстному. Я поднялся к Виноградским. Оказалось, что скандал на улице начался часов в 9—10 утра, все жильцы всполошились, предполагая, что в доме пожар. Больная также встревожилась, стала расспрашивать и когда, После настойчивых ее требований (ее боялись волновать), ей сказали, в чем дело, она успокоилась, облегченно вздохнула и сказала с блаженной улыбкой: «А наконец-то! Ну, слава богу, давно пора!...» До самой смерти Анна Петровна интересовалась ходом постройки и охотно слушала все, что ей об этом рассказывали». (С. 605—606)

Она и сама силой любящего сердца, образованного ума и литературного дарования воздвигла ему памятник в русской мемуарной литературе

На тверской земле, у села Старая Путня — ее могила. Зимой 1942 года там был фронт. Во время затишья между боями к ограде пришли трое — техники бомбардировочного полка. — За этой оградой покоится Анна Петровна, взволнованн сказал своим товарищам Иван Булгаков. — Это она вдохновила Пушкина на лучшее стихотворение о любви.

И добавил с гордостью:

— В нашем Орле родилась.

После войны Иван Никифорович еще раз приехал на могилу А. П. Керн. Потом — еще и еще. Трудно объяснимая сила вновь и вновь приводила его, заслуженного старожил Орла, кавалера боевых и трудовых орденов, к тому месту, где на камне Пушкинские строки о мгновении чудном и вечном.

А всему начало старинный пушкинский том под редакцией С. А. Венгерова, из которого однажды в детстве узнал И. Н. Булгаков об удивительной женщине, ставшей гением чистой красоты.

Каждый раз, когда я прохожу мимо места, где она родилась, душу охватывает волнение... Знал ли тогда, в мае 1829 года, великий поэт, что лишние версты привели его в город, где она увидела свет?

Знал ли, что ехал по земле своих предков и множества хороших знакомых?

4

На орловских страницах «Бориса Годунова» первым обозначен Севск, где самозванец спрашивает пленного о делах в Москве, а затем в лесу рассуждает о неудачном сражении, о храбрости Курбского:

Я видел, как сегодня в гущу боя
Он врезался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкие колосья, облепили...

Затем упомянуты Кромы. Царь говорит Басманову:

Он побежден, какая польза в том?
Мы тщетною победой увенчались.
Он вновь собрал рассеянное войско
И нам со стен Путивля угрожает.
Что делают меж тем герои наши?
Стоят у Кром, где кучка казаков
Смеются им из-под гнилой ограды.

В одиннадцатом томе «История государства Российского» Н. М. Карамзина живо описана битва, в которой «Лжедмитрий сел на борзого, карего аргамака, держа в руке обнаженный меч, и повел свою конницу долиною», а затем вынужден был бежать в Севск, оттуда — в Рыльск и Путивль. Рассказал Карамзин о расправах царских воевод в Добрыничах и о том, как отважный Корела с казаками засел в Кромах и с помощью жителей устоял перед многочисленным войском Федора Шереметева.

Добрая половина книги Г. М. Пясецкого «Историческое описание города Кром Орловской губернии» (Кромы, 1890) могла бы послужить комментарием к пушкинским словам о кучке казаков у гнилой ограды.

Было время, когда, по словам Пясецкого, под Кромами «суждено было исполниться той великой драме, от которой едва не померкла счастливая звезда нашего отечества».

Под Кромами погиб Афанасий Иванович Пушкин, один из предков великого поэта.

Другой предок сложил голову в схватке с поляками в Москве в 1611 году, третий

командовал отрядом у Д. М. Пожарского в битве под Орлом в 1615 году. Пушкин писал в «Моей родословной»:

Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Петр Михайлович Пушкин был достойным продолжателем рода, уходящего корнями в глубину русской истории, восходящего к легендарному Ратше, к Гавриле Олексичу — славному витязю Александра Невского. В 1648—1656 годах он служил воеводой во Мценске, Козлове и Олонце.

Наш край для него был родным. На реке Оке при впадении в нее ручья Бобрика находилось Тагино — вотчина Петра Михайловича. На высоком берегу стоял дубовый острог с двумя башнями, окруженный глубоким рвом. В остроге находились две железные пушки, а к ним два пуда зелья и 18 ядер.

Из очерка академика С. Б. Веселовского «Род и предки А. С. Пушкина в истории» («Новый мир», 1969, № 1—2) можно узнать, что после смерти Петра Михайловича Тагино перешло в руки Марфы Федоровны, вдовы его сына Михаила. Вдова, приняв вотчину, попыталась увеличить оброк, но мужики ей оказали неповиновение. Пришлось обращаться за помощью к орловскому воеводе Тургеневу, а там жаловаться в Москву. Неумная вдова довела бы дело до кровопролития, не вмешайся Никита Борисович Пушкин, внук Ивана Михайловича, убитого в 1611 году. Он подал в Разряд челобитную, попросил не наказывать мужиков и убедил, что Тагино должно принадлежать ему, ближайшему родственнику Петра Михайловича. Вдова уехала, получив три тысячи рублей и имущество мужа. Никита Борисович приехал в Тагино и принял под свою руку и острог с пушками, и 230 дворов крестьянских, и хозяйство вотчинника, в котором было 169 лошадей, 35 жеребят, 26 сох, 27 кос, 46 серпов...

В пору проезда А. С. Пушкина через Орел острога, разумеется, не было, а Тагино принадлежало его дальним родственникам Чернышевым.

С Захаром Григорьевичем Чернышевым (1796—1862), внуком фельдмаршала графа И. Г. Чернышева, поэт встретился в том же 1829 году на Кавказе. Один из современников вспоминал: когда Пушкин в палатке своего брата Льва с воодушевлением читал и переводил Шекспира, вошел Захар Чернышев, знавший английский язык, как родной, и признал чтение неправильным, а перевод похвалил.

На плечах нашего земляка в эту пору уже не было эполет ротмистра лейб-гвардии гусарского полка. После разгрома восстания декабристов он, член Северного общества, был сослан в Сибирь, затем определен в рядовые Нижегородского драгунского полка.

Пушкина, наверное, взволновала встреча с родственником. Ведь он через его сестру Александру (1804—1832), ставшую женой декабриста Н. М. Муравьева, отправил в Читу свое знаменитое:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье.
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Передавая послание, Пушкин горячо говорил о своих друзьях, сосланных в каторжные норы Сибири. Восхищенный подвигом их жен, он так крепко сжал руку Александре Григорьевне, что она не могла продолжать письмо, которое писала перед его приходом.

Отвезла она и стихотворение, адресованное лицейскому другу поэта И. И. Пущину, который потом вспоминал:
«В самый день моего приезда в Читку призывает меня к частоколу А. Г. Муравьева и отдает листок бумаги, на котором неизвестною рукою написано было:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Псков, 13-го декабря 1826.

Отрадно отозвался во мне голос Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый раз посетил его в изгнание. Увы, я не мог даже пожать руку той женщине, которая так радостно спешила утешить меня воспоминанием друга...

Наскоро, через частокол, Александра Григорьевна проговорила мне, что получила этот листок от одного своего знакомого перед самым отъездом из Петербурга, хранила его до свидания со мною и рада, что могла наконец исполнить порученное поэтом» (И. И. Пущин. «Записки о Пушкине. Письма», М., 1979, с. 80).

Все, кто знал А. Г. Муравьеву, отзывались о ней с глубочайшим уважением. В 1832 году она простудилась и слегла. Перед смертью попросила куклу дочери и поцеловала вместо нее: не захотела будить четырехлетнюю Нонушку...

Многие годы над ее вечным покоем горела лампада, зажженная декабристами, называвшими ее ангелом-хранителем.

Скончался в Сибири и ее муж, названный в десятой главе «Евгения Онегина» «беспокойным Никитой». Арестовали его в селе Тагино...

По дороге на Орел Пушкин мог посетить Тимофеевское (ныне Фандеево) — родное гнездо Кривцовых. Поэт хорошо знал Николая Ивановича Кривцова. В 1818 году, провожая его в Англию, Пушкин подарил ему «Орлеанскую девственницу» Вольтера, надписав на книге «другу от друга».

Тогда же были написаны и стихи:

Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебе дарит
На скучный путь и на разлуку
Святую библию харит?
Прости, эпикурец мой!
Останься век, каков ты ныне,
Лети во мрачный Альбион!
Да сохранит тебя в чужбине
Христос и верный Купидон!
Неси в чужой предел пената,
Но, помня прежни дни свои,

Люби недевственного брата,
Страдальца чувственной любви!

Несколько раньше поэт, обращаясь к другу, писал:

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг.

Кривцов был на восемь лет старше Пушкина. Он участвовал в Отечественной войне 1812 года, потерял ногу в бою. Поэт написал ему три письма. Последнее было послано из Москвы в 1831 году и содержало горечь откровенных признаний перед женьбой: «Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастья мне не было... Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью».

Сделав выписку из десятого тома Полного собрания сочинений А. С. Пушкина, изданного «Наукой» в 1962—1966 годах, мы обратимся к другим источникам, чтобы расширить круг спутников поэта.

Открываем книгу М. Гершензона «декабрист Кривцов и его братья», изданную в Москве в 1914 году, и находим в самом конце 265-й страницы, набранные мелко волнующие строки: «Смерть Пушкина была для меня очень чувствительна; мы были так давно знакомы, и он всегда был так добр ко мне, что эта потеря, помимо национального чувства, заставившего меня оплакивать смерть нашего единственного поэта во цвете лет, была для меня настоящей скорбью».

Писал А. И. Тургеневу Навел Иванович Кривцов. Как давно он познакомился с Пушкиным? Может, в 1817 году, когда приехал в столицу по вызову старшего брата Николая и поселился с ним в одном доме? Вместе с ним был и Сергей, будущий декабрист. Братья в ожидании отъезда на учение в Швейцарию задержались в Петербурге на все лето. Осматривали достопримечательности города, ходили в Публичную библиотеку. Ждали, когда Николай Иванович скажет, что пора ехать. В эту пору лицейская жизнь Пушкина кончилась, и он познакомился с Н. И. Кривцовым. Вполне возможно, что поэта видели оба его младших брата...

Орловский вице-губернатор Василий Николаевич Семенов (1801—1863) встречался с Пушкиным и в юные, и в зрелые годы. Он на три года позже кончил лицей. Сводили их в один класс занятия по музыке. Когда Семенов был цензором, то ему приходилось подписывать к печати и произведения лицейского товарища. Они встречались. Однажды Пушкин пришел на обед к Смирдину и увидел Василия Николаевича сидящим между Гречем и Булгариным. Не удержался и воскликнул:

— Семенов, да ты, как Христос на Голгофе!

Сравнение с Христом, распятым между двумя разбойниками, вызвало смех.

Весной 1836 года Семенов ушел из цензоров. Литераторы дали обед. На ответном обеде у Василия Николаевича Александр Сергеевич много острит и смеется.

Болью отозвалась в душе В. Н. Семенова весть о дуэли. Он поспешил к дому поэта...

В воспоминаниях нашего земляка В. П. Бурнашева (1812—1888), автора занимательных книг для народа, нас глубоко волнуют страницы о Пушкине. Незадолго до смерти поэт, увидев сильное освещение в доме Н. Н. Греча, заехал к нему и попал на именины хозяйки. Не отказался от бокала шампанского и попросил юного Колю, сына Греча, прочитать

отрывок из «Бориса Годунова». Мальчик восхитил мастерским чтением. Пушкин предсказывал ему артистическое будущее. Надевая медвежью шубу и меховые сапоги, пожаловался: «Все словно бьет лихорадка. Все как-то везде холодно и не могу согреться, а порой вдруг невыносимо жарко. Нездоровится что-то в нашем медвежьем климате. Надо на юг, на юг...» (Русский архив. 1872, .Г 7, с. 1790).

Коля пожелал встретиться с поэтом «в цветущих долинах» юга.

— Гора с горой не сходится, — грустно улыбнулся Пушкин, — а человек с человеком сойдется.

Встреча оказалась последней. Коля с того вечера схватил простуду, слег и умер. Послали сказать Пушкину. Слуга ответил, что его барин все эти дни «словно в каком-то расстройстве», то уедет куда-то, то «свищет несколько часов сряду, кусает ногти, бегаёт по комнатам».

В день похорон Коли он дрался на дуэли...

Придя на Мойку, Бурнашев вошел в полутемную комнату и увидел лицо поэта, озаренное свечами.

«Великолепные курчавые темные волосы, — вспоминал он, — были разметаны по атласной подушке, а густые бакенбарды окаймляли впалые щеки до подбородка, выступая из-под высоко завязанного черного широкого галстука. На Пушкине был любимый темно-коричневый сюртук, в котором я видел его в последний раз, при жизни его, в ноябре месяце 1836 года, на одном из Воейковских вечеров». (Там же, с. 1791.)

Бурнашеву показали стихотворение М. Ю. Лермонтова «На смерть поэта». Он списал его. Молодые люди с гневом говорили о Дантесе, считая, что его надо четвертовать...

В Орле весть о смерти поэта вызвала глубоко горестное чувство у музыканта А. П. Есаулова. Андрей Петрович вспомнил, как он, терзаемый бедностью, умирал с голода, а к нему приехали А. С. Пушкин и С. А. Соболевский. Помогли деньгами советом. В одном из писем П. В. Нащокину Александр Сергеевич кланялся Андрею Пётровичу, просил прислать ему романс «Прощание», исправленный во втором издании.

В Орле Есаулов любил выходить вечером на берег Оки, играть на скрипке, а в кругу друзей — петь:

Бегут, меняясь, наши лета...

И:

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать...

Юным лицеистом вспоминался поэт выпускнику Севской семинарии Александру Ивановичу Галичу (1783— 1848). Галичу не было тридцати, когда он, восторженный поклонник философии Шеллинга, заменив заболевшего Кошанского, сделал уроки словесности живыми и веселыми. Простой и общительный, он быстро завоевал расположение лицеистов и стал человеком, достойным пушкинских строк:

Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И станут сами цари
Завидовать студентам.

Его беседы о литературе длились часами. Он вдохновил юного Пушкина на создание «Воспоминаний в Царском Селе».

Любил, взяв в руки томик Корнелия Непота, говорить:

— Теперь потреплем старика.
Вошло во вторую главу «Евгения Онегина»:

Прими ж мои благодаренья.
Поклонник мирных Аонид,
О ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика!

В 1821 году А. И. Галича обвинили в атеизме, в революционных замыслах и лишили права преподавать в университете...

Когда Пушкин, вернувшись из ссылки, читал у Веневитиновых «Бориса Годунова», там же присутствовал и наш земляк Семен Егорович Раич (1792—1855) — переводчик «Освобожденного Иерусалима Тассо, издатель «Новых Аонид», «Северной лиры», а также — «Галатеи», где поместил «Кавказского пленника» и стихотворения поэта. Раич родился в кромском селе Высоком, учился в Севской семинарии, где расстался с прежней фамилией — Амфитеатров. Учил он Ф. И. Тютчева. В Благородном пансионе среди его воспитанников был М. Ю. Лермонтов. Маленький, тщедушный, смуглый, он отличался благоговейным отношением к поэзии. Когда ему издатель «Библиотеки для чтения» предложил гонорар, он отказался гордо:

— Я не торгаш и не продаю своих вдохновений.

Уверял, что Пушкин в дружеском разговоре поддерживал такое же отношение к писательскому труду, что, однако, не помешало поэту заявить:

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

...Листая журнал «Столица и усадьба», я обнаружил в номере за 15 февраля 1916 года вынесенную на обложку цветную иллюстрацию к «Пиковой даме». За зеленым столом, в кругу мужчин в париках, разгоряченных карточной игрой, художник А. Н. Бенуа изобразил женщину в пышном платье, с необыкновенной причудливой прической позапрошлого века.

В очерке «Оригинал «Пиковой дамы» Н. Лернер рассказал о Наталье Петровне Голицыной, урожденной Чернышевой. Родилась она в 1747 году и пережила своего гениального родственника, заставившего ее в повести умереть, затем явиться к Германну и назвать три карты. Историю с картами автору «Пиковой дамы» рассказал ее внук князь С. Г. Голицын-Фирс: это ему, по его словам, бабушка помогла отыгратися, заполучив тайну от известного авантюриста Сен-Жермена в Париже.

Н. П. Голицына была орловской помещицей. Она гордилась фамилией, полученной от мужа, но не забывала и девичью. Когда ей, начавшей придворную жизнь фрейлины еще при Елизавете Петровне, представили дальнего родственника, будущего военного министра А. И. Чернышева, пытавшегося завладеть имением осужденного З. Г. Чернышева, она не ответила на поклон царского любимца и даже громко заявила, что знает только одного Чернышева, того, что сослан в Сибирь.

Подчеркнув свое родство с декабристом, с человеком, посягнувшим на устои самодержавия, гордая дама проявила не только свойственную ее характеру твердость, но и мужество.

Уже одним этим поступком она заслужила внимание к ней Пушкина, отметившего в «Дневнике» сходство героини с оригиналом.

«Она была собой очень нехороша: с большими усами и с бородой», — писал один из современников.

Возникал вывод: зловещее лицо старухи соответствовало народным представлениям о ведьме, чем и воспользовался Пушкин, изобразив ее обладательницей загадочных, потусторонних сил. В то же время ее молодости он приписал красоту. С портрета, приведенного в «Столице и усадьбе», смотрит привлекательная женщина в открытом платье, с венком косы на голове, с чистым и умным лицом. Если учесть, что Наталья Петровна была умной, привлекательной, умела держать себя в обществе, то можно понять, почему она состояла фрейлиной при пяти императорах и вызывала интерес при дворе Марии-Антуанетты.

Ее уважали. К ней спешили на поклон. Она всех принимала сидя. Вставала лишь перед царем.

Повелевай ты нашими судьбами!

Мы все твои, тобою мы живем, -

писал, обращаясь к ней, В. Л. Пушкин.

Когда она прочла поэму его племянника «Кавказский пленник», то отозвалась очень благоприятно...

Наш земляк Петр Александрович Григоров (1804— 1851) — уроженец Елецкого уезда — на всю жизнь запомнил встречу с любимым поэтом под Одессой и сам оставил глубокую память о себе.

Дело было так. Прапорщик Григоров, находясь в лагере, задумчиво ходил около своих орудий. Вдруг видит:

с большой дороги, подняв облако пыли, катит коляска. В нескольких шагах остановилась. Из коляски вышел молодой человек небольшого роста, чернокудрявый, с быстрыми, умными черными глазами. Поклонился и спросил полковника. Григоров ответил, что его в лагере нет, он — в деревне. Объяснил, как лучше проехать. Затем, почувствовав внезапную симпатию к незнакомцу, спросил, с кем имеет честь разговаривать.

— Пушкин, — ответил незнакомец.

— Какой Пушкин? — воскликнул офицер.

Незнакомец улыбнулся и назвал себя полным именем.

— Вы Александр Сергеевич Пушкин, вы наш поэт, наша гордость, честь и слава? — пришел в восторг Григоров. — Вы сочинитель «Бахчисарайского фонтана», «Руслана и Людмилы»?

Восторженный прапорщик обернулся к солдатам:

— Первое орудие, пли!

Грянул выстрел.

— Второе орудие, пли!

Еще — салют в честь великого поэта.

Через многие годы П. А. Григоров с гордостью рассказывал об этом Н. В. Гоголю.

В лагере возник переполох. Прапорщик был наказан...

Есть на Орловщине старинное село Кочеты. Там жила Т. Л. Сухотина, дочь Л. Н.

Толстого, автор интересных мемуаров. Великий писатель земли русской часто приезжал из Ясной Поляны в Новосильский уезд, в усадьбу с прудом и садом. Радушно встречал гостя его зять Михаил Сергеевич.

Отца Михаила Сергеевича звали Сергеем Михайловичем (1818—1886). В 1833 году Сережа Сухотин и его брат Федя покинули родные Кочеты и поехали в Петербург.

«Лето было жаркое, — читаем в девятом номере «Русского архива» 1894 года

«Автобиографическую заметку» С. М. Сухотина, — и мы с братом часто ходили купаться

в купальню, что против Летнего сада. Однажды увидели мы между купающимися кудрявую черную голову человека, который нас поразил своей необычайной, замечательной физиономией. Он подплыл к нам и стал учить плавать по всем правилам искусства. Это был Пушкин, имя которого произнес вошедший в купальню князь Петр Александрович Вяземский. Мы были в восторге и целый день потом говорили об этом счастье: такое чарующее влияние имел Пушкин на молодежь» (С. 71—72).

В 1837 году Сухотин учился в Школе гвардейских прапорщиков, когда пришло известие о смерти Пушкина. Воспитанники были так огорчены, что многие проливали слезы. В назначенное время никто не лег спать. Толпились и горячо обсуждали горестное известие. Пришел дежурный офицер и приказал разойтись. Ему ответили дерзко. Проводили свистом и криками. На другой день генерал Шлиппенбах строго отчитал юнкеров и велел целый месяц не выпускать со двора.

«Так мы заплатили за наш энтузиазм или волнение, вызванное вестью о смерти обожаемого нами Пушкина», — писал С. М. Сухотин...

Среди тех, кто имел счастье видеть великого поэта и разговаривать с ним, в книге Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» значится имя историка, уроженца Орла Тимофея Николаевича Грановского (1813—1855).

«Меня только что представили Пушкину с очень лестной для меня рекомендацией», — писал он сестре 10 февраля 1835 года. Довелось ему быть на обеде у П. А. Плетнева 15 января 1837 года вместе с Пушкиным, которого он в письмах к сестре назвал «величайшим нашим поэтом»...

Летом 1835 года шли пешком от дачи на Черной речке до Петербурга вдвоем — Грановский и Пушкин. Разговор, который они вели, орловец-историк относил «к приятнейшим в своей жизни».

Еще одно имя из ученого мира — Николай Герасимович Устрялов (1805—1870) — академик, автор многотомных трудов по истории России и Петра Первого, уроженец села Богородицкое Малоархангельского уезда Орловской губернии, сын управляющего имением князя И. Б. Куракина, выпускник Орловской гимназии (1820), в юности писавший стихи. С Пушкиным профессор Н. Г. Устрялов увиделся на обеде у книгоиздателя А. Ф. Смирдина (1832), на учредительном собрании «Энциклопедического лексикона» Плюшара у Н. И. Греча (1834), после чего в «Дневнике» поэта появилась запись: «Устрялов сказывал мне, что издает процесс Никонов. Важная вещь». Пушкин интересовался трудами историка, имел в своей библиотеке «Сказания современников о Димитрии Самозванце» (СПБ, 1831—1834), «Сказания князя Курбского» (СПЕ, 1833), с дарительной надписью автора книгу-диссертацию «О системе прагматической Русской Истории» (СПЕ, 1836). После смерти поэта Николай I поручил Устрялову написать «Историю царствования Петра Великого» (СПЕ, 1858—1863, т. 1—4, 6).

Петр Васильевич Киреевский (1808—1856), долгое время живший в Киреевской слободке под Орлом, встречался с Пушкиным в Москве, в салоне своей матери Авдотьи Петровны Елагиной (1789—1877), племянницы В. А. Жуковского. Присутствовал на чтении Пушкиным «Бориса Годунова» у Веневитиновых, был на обеде у А. С. Хомякова (1826). Поэт в черновой рукописи «Полтавы» оставил портретный набросок нашего земляка. Пушкин передал (1833) П. В. Киреевскому (через С. А. Соболевского) тетрадь с записями народных песен, среди которых была одна, сочиненная самим поэтом.

Автор «Русского архива» П. И. Бартенев записал от П. В. Киреевского его рассказ о встрече с Пушкиным на даче поэта в Петербурге: «Пушкин с великой радостью смотрел на труды Киреевского, перебирал с ним его собрание, много читал из собранных им песен и обнаруживал самое близкое знакомство с этим предметом».

Не раз встречался с Пушкиным Иван Васильевич Киреевский (1806—1856), брат упомянутого, издатель журнала «Европеец», известный критик-славянофил. Поэт был знаком с его женой Натальей Петровной Арбеновой (1809—1900). Это она после смерти братьев Киреевских стала владелицей Киреевки (Киреевской слободки) под Орлом.

Окончив Московский университет (1882), стал ее соседом Валерий Николаевич Лясковский (1858—1938), купивший на деньги отца-профессора в семи верстах от Орла по Наугорской дороге небольшое имение Дмитровское-Истомино. Валерий Николаевич навестил соседку. «В скромном усадебном доме, — читаем в очерке А. И. Понятовского «Лясковский Валерий Николаевич» (в кн. «Писатели Орловского края», Орел, 1981), — было еще много старины, хранилась уникальная библиотека по истории и культуре славянских народов, а в ящиках письменного стола лежали письма В. Жуковского и А. Пушкина. Все это не могло не заинтересовать Лясковского как исследователя, и, примерно, в 90-е годы он покупает Киреевку со всем имуществом в доме... Благодаря разысканиям Лясковского, нам теперь известно, где жил в г. Орле генерал А. П. Ермолов». Дом на ул. Салтыкова-Щедрина, 8, к сожалению, снесли. В память о встрече поэта и полководца на новом здании красуется мемориальная доска...

По дороге на Волхов, в Большой Черни жили Плещеевы, точнее — Александр Алексеевич, драматург, родственник Н. М. Карамзина по его первой жене (Елизавете Ивановне Протасовой), друг В. А. Жуковского, и его сын Петр, с которым поэт, по словам газеты «Орловский край» (1916), «быстро сошелся». «О пребывании Пушкина в имении Чернь, принадлежащем семейству Плещеевых, — читаем в словаре Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» (Л., 1989), — сохранилось много семейных преданий». В Волхове Пушкин мог посетить Спасо-Преображенский собор. Там покоится воевода Иван Иванович Ржевский — предок поэта. Местный краевед Александр Венедиктов в книге «России сердце не забудет» (Тула, 1990) подробно рассказал о храбром земляке, павшем 3 августа 1678 года при защите Чигирина от турок и крымских татар, похороненном 10 сентября в городе, где прошли его детство и юность и где, став воеводой, он строил собор.

Знаменитая Сабуровская крепость на берегу реки Цон могла видеть юного Колю Ржевского, приехавшего навесить своего дедушку, грозного генерал-фельдмаршала М. Ф. Каменского. Коля учился с Пушкиным в лицее. Рано умерший, он упомянут (не называя фамилии) в стихотворениях «19 октября» (1825), «Чем чаще празднуют лицей» (1831). Его мать Мария Михайловна, дочь полководца, могла быть знакома с Пушкиным. Близким другом поэта была Елизавета Михайловна Хитрово (1783—1839), дочь М. И. Кутузова, похороненная, как утверждает газета Знаменского района «Земля родная» (1998), на семейном кладбище Хитрово в селе Муратово, бывшего Болховского уезда. Встречались с поэтом поэт-партизан Д. В. Давыдов, орловский губернатор В. И. Сафонович — автор Записок, помещик д. Н. Свербеев и другие.

В пушкинском «дневнике» упомянут Скарятин — участник убийства Павла Первого: он снял с себя шарф, прекративший жизнь императора.

Помещик Орловской губернии, отставной полковник Я. Ф. Скарятин умер в 1850 году. Пушкин был знаком с его сыновьями Григорием и Федором: оба привлекались по делу декабристов, а последний, художник, был арестован и отправлен «под личный и строгий надзор» своего дяди А. Г. Щербатова...

Широко известен и даже знаменит романс М. И. Глинки на пушкинское «Я помню чудное мгновенье». Иную музыку слышал поэт, музыку Николая Александровича Мельгунова (1804—1867), писателя и композитора, уроженца села Петровского Ливенского уезда, печатавшего многие свои произведения под псевдонимом «Н. Ливенский». Встречались они в Москве и Петербурге. Романс был опубликован в 1832 году...

Несколько раз упомянуты в «дневнике» Бобринские. Однажды приехал Пушкин в Аничков дворец в треугольной шляпе с плюмажем и чуть не попал впросак. Спасибо, старая графиня Бобринская выручила: остановила на лестнице и напомнила, что сегодня надо быть в круглой шляпе. Сын же ее немедленно послал за круглой шляпой. С благодарностью поэт сделал запись в «дневнике», добрым словом помянул старую графиню, которая всегда выручает его.

Графиню звали Анной Владимировной, ее сына — Алексеем Алексеевичем.

Фамилия, основателем которой был внебрачный сын Екатерины Второй и Г. Г. Орлова Алексей Григорьевич, возведенный Павлом Первым в графское достоинство, прочно осела на землях Тульской губернии. В тульском селе Богородицком в 1804 году у Анны Владимировны и Алексея Григорьевича родился еще один сын. Назвали Василием. В детстве Василий Бобринский пережил грозу 1812 года. Пришло время, и стал он гвардейским поручиком. Перед сыном богатого землевладельца открывалась большая карьера. Но она не состоялась. В 1824 году молодой офицер вступил в Южное общество. На совещании заговорщиков он предложил 10 тысяч рублей на создание за границей типографии, которая печатала бы революционную литературу. Предложение понравилось всем.

После разгрома восстания декабристов следственная комиссия отнесла В. А. Бобринского к восьмому разряду. Ему грозило лишение чинов, дворянства и бессрочная ссылка на поселение.

От ареста спасло пребывание за границей. Царь 19 июня 1826 года распорядился учредить за ним секретный надзор. Это не испугало Василия Алексеевича. Некоторое время спустя он выдвинул проект освобождения крестьян. Реформа 1861 года его не удовлетворила...

Государственный архив Тульской области бережно хранит документы, связанные с жизнью декабриста. Среди бумаг можно увидеть и герб графов Бобринских, и родословную, из которой узнаем, что во втором браке Василий Алексеевич был женат на Софье Прокофьевне Соковниной, имел от нее сына Алексея и дочь Софью.

Этот брак в 1830 году породнил декабриста с моим родным краем. В Орловском уезде Бобринским принадлежали Альшань, Альшанские выселки, Фоминка и Кнубрь.

Главный дом, окруженный садом, в Альшани стоял на холме. В 1782 году, как утверждают документы Государственного архива Орловской области, здесь жил лейбгвардии поручик Федор Прокофьевич Соковнин. Затем имение перешло в руки юной Софьи. Ей было 18 лет, когда она стала женой отставного гвардейского поручика, находившегося под надзором. И Василий Алексеевич, и Софья Прокофьевна, как утверждает в своей книге Л. А. Черейский, входили в круг добрых спутников великого поэта.

В Альшани над ручьем сохранилось здание церкви, построенной в 1844 году на деньги Бобринских. Близ Фоминки, среди полей моего детства, холмится сирень на месте хутора София, названного, видимо, в честь жены или дочери декабриста.

Похоронен он в родном краю. А здесь имя долго хранилось в названии Бобринской степи, ныне распаханной.

— Туча в степь ушла, — говорила бабушка Ефросинья, — дождя не будет.

И поднималась над полем радуга такая высокая, что, казалось, доставала многоцветно сверкающим концом дуги до верховьев Оки, до села Тагино, где когда-то собирались первые революционеры России, где еще ранее жили предки Пушкина...

Ярче радуги светит моему сердцу имя гения, донесенное с помощью книг до мест, где каждый холмик знаком, каждая тропинка исхожена босиком.

5

«В начале 1837 года я, будучи третьекурсным студентом С.-Петербургского университета (по филологическому факультету), получил от профессора русской словесности, Петра Александровича Плетнева, приглашение на литературный вечер...

Войдя в переднюю квартиры Петра Александровича, я столкнулся с человеком среднего роста, который, уже надев шинель и шляпу и прощаясь с хозяином, звучным голосом воскликнул: «Да! да! хороши наши министры! нечего сказать!» — засмеялся и вышел. Я успел только разглядеть его белые зубы и живые, быстрые глаза. Каково же было мое горе, когда я узнал потом, что этот человек был Пушкин, с которым мне до тех пор не

удавалось встретиться; и как я досадовал на свою мешкотность! Пушкин был в ту эпоху для меня, как и для многих моих сверстников, чем-то вроде полубога...

Пушкина мне удалось видеть всего еще один раз — за несколько дней до его смерти, на утреннем концерте в зале Энгельгардт. Он стоял у двери, опираясь на косяк, и, скрестив руки на широкой груди, с недовольным видом посматривал кругом. Помню его смуглое небольшое лицо, его африканские губы, оскал белых крупных зубов, висячие бакенбарды, темные желчные глаза под высоким лбом почти без бровей — и кудрявые волосы... Он и на меня бросил беглый взор; бесцеремонное внимание, с которым я уставился на него, произвело, должно быть, на него впечатление неприятное: он словно с досадой повел плечом — вообще он казался не в духе — и отошел в сторону. Несколько дней спустя я видел его лежавшим в гробу — и невольно повторял про себя:

Недвижим он лежал... И странен
Был томный мир его чела...»

Обширную выписку из «Литературных и житейских воспоминаний», открывающих четырнадцатый том академического И. С. Тургенева (М. — Л., 1967, с. 11—13), можно дополнить множеством примеров из творческой жизни знаменитого орловца, говорящих о его удивительной, благоговейной верности солнцу русской поэзии.

Тургенев всю жизнь находился под благотворным влиянием пушкинского творчества, его славного имени. Молодым литераторам он наказывал беречь наш прекрасный русский язык — достояние, переданное предшественниками, «в челе которых блистает опять-таки Пушкин». Вспоминал, как Кольцов не посмел читать стихи свои в первые минуты после ухода Пушкина от Плетнева. Резко отчитывал своего земляка Д. И. Писарева за нигилистический выпад против поэзии великого учителя, напоминая ему отношение к ней Белинского.

Книги Пушкина — верные спутники тургеневских героев.

В «Рудине» Наталья получает письмо, а в нем поговоркой блещет: «Влажен, кто смолоду был молод...» Наталья сжигает письмо и открывает пушкинский том. Автор поясняет: она часто загадывала по Пушкину. В «Дворянском гнезде» Лаврецкий поднимает записку и обнаруживает в ней строку из «Цыган»: «Старый муж, грозный муж». В «Асе» героиня задумчиво читает созвучные ее настроению строфы «Евгения Онегина», говорит о своем желании быть похожей на Татьяну. Для Джеммы в «Вешних водах» имена Пушкина и Глинки звучат «чем-то родным». Варя из рассказа «Андрей Колосов» вспоминает, как близкий ее сердцу человек, сидя рядом на скамейке, читал Пушкина. В «Якове Пасынкове» главный герой любимого поэта ставит выше Лермонтова и называет чудом строки: «Снова тучи надо мною собралися в тишине», «В последний раз твой образ милый дерзаю мысленно ласкать». Героиня «Первой любви», устав от излишней докучного поклонника, «заставляла его читать Пушкина, чтобы, как она говорила, очистить воздух». Пушкинские образы становятся необходимой частью художественной ткани произведений. В сюжет «Клары Милич» включено «Письмо Татьяны». Героиня читает его со сцены «восторженно и смело». Пушкинскими словами она объясняется с Аратовым. Тот, потрясенный ее чтением, оставшись наедине, открывает Пушкина и мысленно спорит, считая, что она не поняла слов Татьяны. Рисуя образ Марии Полозовой в «Вешних водах», Тургенев вспоминает «святыню красоты», чтобы ярче выделить совсем иное, очень земное обаяние «мощного, не то русского, не то цыганского, цветущего женского тела».

Пунин в рассказе «Пунин и Бабурин», очарованный Херасковым, на вопрос, читал ли он Пушкина, «вознес руки выше головы» и ответил:

«Пушкин? Пушкин есть змея, скрытно в зеленых ветвях сидящая, которой дан глас

соловьиный!»

Бедный Пунин «боялся, как дети боятся буки», встречи с поэзией вольнолюбивой и страстной.

Целые сцены вызывает эта поэзия в «Отцах и детях». Николай Петрович восхищение весной передает стихами Пушкина. Базаров настойчиво убеждает Аркадия растолковать дяде, что в наше время нельзя быть романтиком, советует дать ему почитать «что-нибудь дельное». Аркадий отнимает у дяди «Цыган» и подкладывает ему «пресловутую брошюру Бюхнера, девятого издания».

Между Базаровым и поклонниками поэта вспыхивает спор. Человек, для которого природа не храм, а мастерская, весело приписывает Пушкину несуществующие строки: «Природа навевает молчанье сна», «На бой, на бой! за честь России». Аркадий возмущен. В «Нови» уездный лекарь, любитель ученых терминов выше ставит Кукольника, поскольку в нем много «протоплазмы». Зато любимые автором Марианна и Нежданов — восторженные почитатели Пушкина. В «Фаусте» имя русского гения стоит в одном ряду с именами Гете, Шиллера и Шекспира. «Воспоминания о Н. В. Станкевиче» «содержат эпизод разговора с одним современником», который любил Пушкина так же страстно, как и Гоголя.

В речи на обеде в «Эрмитаже» в 1879 году Тургенев говорил о новых Пушкиных и Гоголях, как о явлениях, которых «надо ожидать с смирением и как дара».

Строка из «Памятника» («Услышишь суд глупца...») стала названием одного из стихотворений в прозе и его темой. Получилась волнующая исповедь перед лицом великого певца, всегда говорившего правду. Высоко ценя поэзию Ф. И. Тютчева, Тургенев подчеркивал, что на нем лежит печать пушкинской эпохи.

В 1877 году Иван Сергеевич начал готовить к печати письма, полученные от Натальи Александровны Меренберг. Письма Пушкина! Тургенев явно волновался, просматривая, обдумывая, перечитывая каждую строку. Увидев дочь поэта, удивился ее большому сходству с отцом.

Один из февральских вечеров 1864 года Иван Сергеевич провел в Петербурге у госпожи Марковой-Виноградской (А. П. Керн). Написал Полине Виардо, что она в молодости, должно быть, «была очень хороша собой», что письма Пушкина хранит, как святыню. Анна Петровна показала гостю свой портрет в 28 лет («...беленькая, белокурая, с кротким личиком, с наивной грацией, с удивительным простодушием во взгляде и улыбке... немного смахивает на русскую горничную вроде Варюши»).

Наступил 1880 год — время больших хлопот Тургенева и наивысшего проявления им любви к человеку, однажды встреченному у профессора Плетнева. Россия лежала в сугробах. Морозный январский ветер обжигал лицо. Писатель, не дожидаясь весны, покинул Париж и вскоре прибыл в Петербург. Он не мог сидеть за границей в то время, когда в России идет подготовка к большому торжеству — к открытию памятника Пушкину в Москве.

Подагра на некоторое время уложила Ивана Сергеевича в постель, и он с грустью написал об этом Марии Гавриловне Савиной.

Прошел февраль. В марте Тургенев узнал, что А. М. Опекушин, автор памятника, намерен ему прислать уменьшенную копию в подарок. Поспешил послать скульптору благодарственное письмо.

В апреле написал главному организатору торжеств Я. К. Гроту: попросил уведомить, когда именно состоится открытие памятника.

И выехал в Москву. Оттуда написал Л. Н. Толстому: надо «свидетельствовать и потолковать». Встретились в мае. Тургенев уговаривал Толстого принять участие в торжествах. Но Лев Николаевич был неумолим. Впоследствии в письме в редакцию «Русских ведомостей» объяснял свой отказ тем, что «такого рода чествования» считал неестественными и не отвечающими его душевным требованиям.

Видимо, нелегко было Ивану Сергеевичу смириться с отказом.

Приехав в Спасское-Лутовиново, он увидел парк в роскошном уборе мая и услышал странную легенду о себе. Оказывается, после взрыва в царском дворце, устроенного заговорщиками, прошел слух, что император велел на голову Тургенева надеть двенадцатифунтовую чугунную шапку, а самого — замуровать в каменный столб. Писатель написал об этом М. М. Стасюлевичу и заметил с раздражением, что слухи — следствие семян, посеянных господами Катковыми.

В парке заливались птицы. На втором этаже усадебного дома, за столом, задернутым зеленой тканью, Иван Сергеевич работал. В Москве ему предложили написать о Пушкине популярный очерк. Нет, для очерка времени мало. Он решил подготовить речь для московских торжеств.

Работал с воодушевлением. 11 мая известил Стасюлевича, что речь готова. Прочитал: вышло на целых полчаса. Стал сокращать. Сокращая, вспомнил, что главным истолкователем поэта был Белинский. Добавил о нем. Наконец, и сокращения, и вставки сделаны. Еще раз прочитал...

Перечитаем и мы некоторые места, открыв пятнадцатый том академического Тургенева: «Пушкин был первым русским художником-поэтом... Он первый, наконец, водрузил могучей рукою знамя поэзии глубоко в русскую землю; и если пыль поднявшейся после него битвы затемнила на время это святое знамя, то теперь, когда эта пыль начинает опадать, снова засиял в вышине водруженный им победоносный стяг. Сияй же, как он, благородный медный лик, воздвигнутый в самом сердце древней столицы, и гласи грядущим поколениям о нашем праве называться великим народом потому, что среди этого народа, в ряду других великих, и такой человек! И как о Шекспире было сказано, что всякий, вновь научившийся грамоте, неизбежно становится его новым чтецом — так и мы будем надеяться, что всякий наш потомок, с любовью остановившийся перед изваянием Пушкина и понимающий значение этой любви, тем самым докажет, что он, подобно Пушкину, стал более русским и более образованным, более свободным человеком!» (С. 66, 76).

Дни торжества приближались. Вторая половина мая была удивительна. Ни одного облачка на небе. Иван Сергеевич бродил по аллеям...

Ветер шумел и шумел в липах старинного парка. Статные и высокие ели, скрывшие в глубине стволов круги восемнадцатого века, глухо вздыхали. Мысли возвращались к предстоящему торжеству.

Но, приехав в Москву, Тургенев узнал, что открытие памятника отложили. Внезапный приступ болезни уложил писателя на пять дней в постель. Лучше ему стало к самому началу торжества...

Утро 6 июня было облачным, дул холодный ветер.

Ровно в десять часов утра в главной церкви Страстного монастыря началась заупокойная литургия только для высокопоставленных лиц. В час дня все двинулись к памятнику.

Допускались только по приглашительным билетам. На помосте, обтянутом красным полотном, уселись в кресла принц Ольденбургский, губернатор и другие почетные лица.

Как писала «Нива» 1880 года, в это время «публика была всюду, откуда только мог видеть глаз — на окружающих улицах, в окнах, на крышах домов».

Когда грянула музыка, и хор запел «Славься! из оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя», из-за туч выглянуло солнце.

Упало покрывало.

Тургенев увидел Пушкина. Историк М. М. Ковалевский никогда не видел Ивана Сергеевича «более умиленным». Он вспомнил в эту минуту, что Тургенев видел поэта в гробу и носил его локон при себе.

По площади катилось «ура!». С глубоким волнением смотрел на отца Александр Александрович Пушкин. Заметили, что когда упало покрывало, из глаз старшего сына поэта хлынули слезы.

Канаты, преграждавшие доступ к памятнику, исчезли. Народ устремился к Пушкину!

Вечером в зале дворянского собрания был концерт, один из трех, посвященных Пушкину. Особенно шумными аплодисментами встретили Тургенева. Он подошел к рампе и стал читать:

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

На третьей строке его охватило сильное волнение. Он растерялся. С ужасом заметил, что дальше не может читать. Закончил стихотворение вместе с залом...

В субботу, 7 июня, в том же зале заседало Общество любителей российской словесности. Тургенев свою речь произнес с большим воодушевлением. Значительная часть речи, где Пушкин был назван учителем, вызвала, по свидетельству Кони, бурную овацию. «Нива обошла ее молчанием.

Мечта великого писателя, что потомок станет свободным человеком, не находила отражения в официальной печати. Но зерно правды о Пушкине было посеяно...

Пришел 1899 год. Россия отмечала столетие своего гения.

В Петербурге за длинным столом консерватории сидели великий князь, поэт и драматург Константин Романов и вице-президент Академии наук Л. Н. Майков. Выступал с речью А. Ф. Кони. Все шло торжественно и спокойно.

В Москве в Большом зале Благородного собрания о личности и творчестве поэта говорил академик А. Н. Веселовский. И тут все проходило в полном согласии с официальным направлением.

Но вот к трибуне вышел Вячеслав Евгеньевич Якушкин, известный своими трудами о Пушкине, внук известного декабриста.

— Спасшийся от декабрьской бури Пушкин, — заявил он, — сохранил свои общественные идеалы, не изменил им.

Весь его доклад был построен в том же духе.

Это прозвучало, как гром среди ясного неба. Зал наградил смелого пушкиниста аплодисментами, а власти — немедленной высылкой из Москвы в Ярославль.

«Нива 1899 года промолчала об этом. В отчет о торжествах вошла лишь скупая строка: «Второю была речь В. Е. Якушкина об общественных взглядах Пушкина».

«Журнал для всех в эту пору опубликовал стихотворение Ивана Бунина. Поэту было 29 лет. Он еще был на пути к славе всероссийской. Восторженное преклонение перед великим учителем звучало в бунинском стихотворении:

Поэт нам дорог тем, что он
О счастье нам напоминает
И сумрак жизни озаряет,
Как солнце хмурый небосклон.
Дни славы Пушкина — желанный
И светлый праздник. Сколько раз
Его мечты во мгле туманной,
Как солнце, радовали нас!
И этот миг, когда венчает
Его вся Русь, — еще тесней
С его душою нас сближает
И в жизнь, и в счастье, и в людей
Нам веру гордую вселяет!

Бунин настолько сильно любил Пушкина, что в детстве даже подражал ему в почерке. Одна из глав романа «Жизнь Арсеньева» — признание в любви к солнцу русской поэзии. «Пушкин был для меня в ту пору подлинной частью моей жизни», — читаем в романе. «Вот я просыпаюсь в морозное солнечное утро, — вспоминал Бунин, — и мне вдвойне радостно, потому что я восклицаю вместе с ним: «Мороз и солнце, день чудесный», — с ним, который не только так чудесно сказал про это утро, но дал мне вместе с тем и некий чудесный образ:

Еще ты дремлешь, друг прелестный...

Вот весенние сумерки, золотая Венера над садом, раскрыты в сад окна, и опять он со мной, выражает мою заветную мечту:

Спеши, моя краса,
Звезда любви золотая
Взошла на небеса!

Вот уже совсем темно, и на весь сад томится, томит соловей:

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?..

А там опять «роняет лес багряный свой убор, и страждут озими от бешеной забавы» той самой, которой с такой страстью предаюсь и я:

Как быстро в поле, вкруг открытом,
Подкован вновь, мой конь бежит,
Как звонко под его копытом
Земля промерзлая стучит!

Ночью же тихо всходит над нашим мертвым черным садом большая мглисто-красная луна — и опять звучат во мне дивные слова:

Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла, —

и душа моя полна несказанными мечтами о той, неведомой, созданной им и навеки пленившей меня, которая где-то там, в иной, далекой стране, идет в этот тихий час — к берегам, потопленным шумящими волнами...»

Главой романа стало то, что было в 1926 году статьей «думая о Пушкине», где автор подчеркивал, что Пушкин вошел в него, как Россия, где: «А вот изумительно чудесный летний день дома, в орловской усадьбе. Помню так, точно

это было вчера. Весь день пишу стихи. После завтрака перечитываю «Повести Белкина» и так волнуюсь от их прелести и желания тотчас же написать что-нибудь старинное, пушкинских времен, что не могу больше читать. Бросаю книгу, прыгаю в окно, в сад и долго, долго лежу в траве, в страхе и радости ожидая того, что должно выйти из той напряженной, беспорядочной, нелепой и восторженной работы, которой полно сердце, и чувствуя бесконечное счастье от принадлежности всего моего существа к этому летнему деревенскому дню, к этому саду, ко всему этому родному миру моих отцов и дедов и всех их далеких дней, пушкинских дней...»

Закрываю девятый том Собраний сочинений И. А. Бунина издания 1967 года и долго размышляю о судьбе восторженного поклонника Пушкина, ставшего классиком русской литературы. Не в этом ли признании — главный ключ к открытию секрета творческого взлета писателя, академика и нобелевского лауреата? Не верность ли пушкинским традициям сразу же помогла ему найти верное направление и спасла от творческого падения на чужбине?..

В Орле — городе юности и любви Ивана Бунина — в 1899 году была открыта библиотека имени А. С. Пушкина. В зале Дворянского собрания на берегу Оки звучали речи. Телеграфист выстукивал телеграмму сыну поэта Г. А. Пушкину. «Орловские епархиальные ведомости опубликовали стихотворение Ильи Ливанского, в котором автор вспомнил открытие памятника в Москве:

Но ты, поэт наш несравненный,
С тех пор еще мне ближе стал,
Когда твой образ вдохновенный
К себе в Москве всех приковал...
Я помню, как в одно мгновенье
Задумчивый твой строгий лик
Привел всех в радость, в восхищенье
И в душу каждого проник.

На памятнике, как известно, была помещена строфа, отредактированная В. А. Жуковским. В Орле на праздновании столетия поэта она прозвучала в первоизданном виде:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Только «в мой век» исправили. Прочли: «в наш», отчего строки стали созвучными времени празднования столетия.

В это время в редакции «Орловского вестника», где несколько ранее работал И. А. Бунин, сидел за столом человек, которому удалось продолжить смелую речь В. Е. Якушкина.

6

Михаил Константинович Лемке (1872—1923) опубликовал в «Орловском вестнике» более трехсот статей на разные темы. Будущий историк русской литературы резко критиковал порядки в Орле, печатаясь под псевдонимом «Не Козьма Прутков». Местными властями его критика, разумеется, принималась в штыки.

Автор переехал в Петербург. Там ему удалось заглянуть в архив Третьего отделения — высшей полиции, учрежденной царем после восстания декабристов. В итоге была написана книга «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.».

Мне в Орле встретилось второе издание 1909 года.

«Муки великого поэта» — так назвал автор четвертый раздел книги, начав его словами: «Одиннадцать лучших лет своей жизни великий поэт, Александр Сергеевич Пушкин, был, можно сказать, в ежедневных сношениях с начальством III Отделения. Бенкендорф, Фок и Мордвинов — вот кто были приставлены к каждому его слову и шагу... На его долю выпали такие муки, которых не испытывал тогда ни один русский писатель» (С. 467).

В печати царило мнение, будто Николай Первый осыпал милостями поэта и возвышал над всеми литераторами. М. К. Лемке привел строки из статьи П. Е. Щеголева «П. Г. Каховский», опубликованной во втором номере журнала «Былое» 1906 года: «Государь выдавал себя не за того, кем он был на самом деле; государь играл».

Двуличный император актерствовал перед К. Ф. Рылеевым, посылая деньги его жене. Заигрывал он и перед Пушкиным, стремясь «приручить льва».

На словах он был милостив, а на деле...

Лемке привел полностью в своей книге письмо Бенкендорфа, в котором шеф жандармов отчитал Пушкина за то, что тот посмел читать «Бориса Годунова», не показав его предварительно царю. Поэту пришлось давать объяснение.

Известна нелепая резолюция коронованного цензора на гениальную трагедию: переделать в роман «наподобие Вальтер Скотта». Лемке привел резолюцию, а в качестве приложения поместил «Замечания на комедию о Царе Борисе и Гришке Отрепьеве». Автор «Замечаний», написанных по заданию царя, писал, что «литературные достоинства гораздо ниже, нежели мы ожидали», что «некоторые места должно непременно исключить», что в новом произведении поэта «все — подражание, от первой сцены до последней». Выбросить предлагалось и слова юродивого о царе Ироде, и сцену в корчме, и монолог Бориса.

Ныне доказано, что автор «Замечаний» — Ф. В. Булгарин. Он не только преграждал путь «Борису Годунову», но и не постеснялся воспользоваться некоторыми сценами для написания своего исторического романа «Дмитрий Самозванец» в четырех частях (Спб., 1830). Творение редактора «Северной пчелы» было издано на отличной бумаге, с иллюстрациями, и хблестало» таким слогом: «Любовь испытывается жертвами... Кто любит, тот охотно пожертвует собою для блага любимого предмета... Отказываюсь от себя, даю тебе свободу — но ты должен обвенчаться со мною — не для меня, а для детища, которое ношу в утробе». (Часть II, с. 179—180).

Как же все это далеко от гениального пушкинского:

«Она! Вся кровь во мне остановилась».

Человеку, ставшему на пути «Бориса Годунова», Лемке выделил в своей книге целую главу. Рассказал, как Фаддей Булгарин, выходец из Польши, сначала служил в русской армии, потом на улицах Ревеля просил милостыню «в литературных, а иногда и в стихотворных выражениях». В 1812 году служил в армии Наполеона. В 1814 году попал в плен к пруссакам. После обмена пленными оказался в Париже. Оттуда приехал в Петербург и взялся за перо. Верный исполнитель царской воли, он доносил на лучших писателей своего времени. Будущий объект пушкинской сатиры представлял собой, по мнению современников, пеструю смесь Фамусова, Молчалина, Скалозуба, Загорецкого и Репетилова. О нем ходила эпиграмма:

Двойной присягою играя,
Поляк в двойную цель попал:
Он Польшу спас от негодяя
И русских братством запятнал.

Когда стала известной пушкинская эпиграмма «Не то беда, что ты поляк», где Фаддей был назван Видоком Фигляриным, Булгарин посоветовался с кем надо и поместил ее в своем соединенном журнале «Сын Отечества и Северный Архив», поставив в ней полное свое

имя и приложив пояснение: «В Москве ходит по рукам и пришла сюда, для раздачи любопытствующим, эпиграмма одного известного поэта. Желая угодить нашим противникам и читателям и сберечь сие драгоценное произведение от искажения при переписке, печатаем оное».

Этот эпизод М. К. Лемке привел в книге «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия» (Спб., 1904, с. 389).

Тяжелы были муки поэта. Лемке поведал читателям, как Пушкину вернули «Медного всадника» с вопросительными знаками царя, как «История Пугачева» превратилась в «Историю Пугачевского бунта», как тайно от народа хоронили поэта и строго отчитывали того, кто посмел напечатать: «Солнце русской поэзии закатилось! Пушкин скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!..»

На последнюю страницу книги о николаевских жандармах и муках великого поэта М. К. Лемке вынес монолог предка А. С. Пушкина из «Бориса Годунова»:

Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержать венец на умной голове!
И поделом ему!..

Михаил Константинович писал книгу под живым впечатлением грозы 1905 года, когда он, внук адмирала, на улицах Петербурга, встречая восставших рабочих, снимал фуражку и кланялся их красным знаменам. Он редактировал журнал «Книга», выпустил два Полных собрания сочинений с обширными комментариями: Н. А. Добролюбова в четырех томах и А. И. Герцена — в двадцати двух. Известны его труды по истории революционного движения.

В Орле, кроме перечисленных изданий, мне довелось обнаружить «Эпоху цензурных реформ 1859—1865 годов» (Спб., 1904). В книге описано время М. Е. Салтыкова-Щедрина и Л. Н. Толстого, но и встречается имя Пушкина. В одном месте автор восхищается великим поэтом и его плеядой, которая блистала, в другом вспоминает пушкинские стихотворения «Вольность» и «Кинжал», в третьем недоумевает, что П. А. Плетнев, друг Пушкина, отозвался о М. Н. Каткове с похвалой. Лемке считает это недопустимым, невольно как бы переключаясь с Тургеневым, с его принципиальным поведением на московском обеде 1880 года.

Толстый том в 850 страниц на серой бумаге 1920 года назван интригующе «250 дней в царской ставке». Это дневник, который вел Михаил Лемке во время первой мировой войны, находясь в ставке главного командования русской армии. Вел тайком. Можно лишь удивляться смелости и трудолюбию автора.

Лемке оказался свидетелем крушения старого мира и рождения нового. На его глазах пал венец с головы последнего царя. Радостно встретив Октябрь, писатель вступил в партию большевиков, стал профессором Педагогического института имени Герцена в Петрограде. Встретился с В. И. Лениным.

Как пишет М. Г. Вандалковская в книге «М. К. Лемке историк русского революционного движения» (М., 1972), среди трудов нашего земляка центральное место занимает подготовка к изданию Полного собрания сочинений А. И. Герцена: 30 лет собирания материалов, включение в научный оборот неизвестных источников.

Что касается книги «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», то она получила высокую оценку сразу же после выхода в свет первым изданием. Например, в январском номере «Вестника Европы» 1908 года отмечалась важность книги, как единственного источника сведений о деятельности III отделения: «Полными пригоршнями автор черпает из архивов».

И не только из архивов. Пушкинская глава впитала в себя немало материалов, рассеянных

в разных изданиях. Сведенные вместе, интересно прокомментированные. Они представляли собой нечто новое. Так, рассказывая о поездке поэта на Кавказ, автор ярко показал неблагоприятную роль шефа жандармов. Еще в марте узнал он о предполагаемой поездке, а царю доложил лишь в июле, чтобы создать впечатление, будто узнал «случайно». Разгневанный император потребовал от тифлисского губернатора «призвать к себе Пушкина и спросить, по чьему позволению он предпринял поездку». «Северная пчела» Булгарина подливала масла в огонь доносительной заметкой о поездке Пушкина на юг.

Страницы книги М. К. Лемке дают возможность лучше представить настроение поэта, когда он ехал через Орел.

Время воздаст каждому свое. Густую тень оно бросило на личность Булгарина, подтолкнув в реку забвения его добротные изданные книги, печатью проклятья заклеило имена Николая Первого и его верного слуги Бенкендорфа.

Время ярчайшими лучами высветило имя поэта — веселое, взрывчатое имя русского гения. Люди разных поколений, читая Пушкина, приняли к сердцу его книги. Приняли и муки, восплавав страстным негодованием против тех, кто преследовал и травил его.

М. К. Лемке был одним из первых, кто из архивных недр III отделения вынес правду на свет.

В советские годы подобные публикации хлынули потоком.

7

В это зимнее утро липы села Ильково, что стоит по дороге из Орла на Мценск, были удивительными, опушенные сверкающим инеем, окруженные белым простором полей. По глубокому снегу прошли мы к тому месту, где возвышалась мраморная стела с барельефным портретом Ивана Алексеевича Новикова. Нашему воображению предстала изба, крытая соломой: в ней родился и провел детские годы писатель.

Дата его столетия подсказала Орлу провести вечера в музее И. С. Тургенева, в областной библиотеке имени Н. К. Крупской, в клубе книголюбов имени Н. С. Лескова, Мценску — назвать улицу именем земляка, отметить мемориальной доской дом, где он учился.

Гостями Орла и Мценска стали Марина Николаевна Новикова-Принц и ее брат Ростислав Николаевич, приемные дети Ивана Алексеевича.

В роскошном царстве русской зимы говорили и говорили мы о писателе, для которого жизнь Пушкина была волнующей частью собственной жизни. С детства, озаренного пушкинским томом, до последних дней провел Иван Алексеевич возвышенную и нежную любовь к поэту. Написал «Пушкин в Михайловском», «Пушкин на юге», приступил к роману «Пушкин в Москве», но, когда речь заходила о дуэли и смерти, он темнел и прерывающимся от волнения голосом говорил:

— Этого я описать не могу. Не могу...

Как будто боялся, что собственное сердце не выдержит, взорванное последними словами поэта: «Жизнь кончена. Тяжело дышать... давит».

Сложно уловить и разгадать движения души великой. Для этого мало быть горячим собирателем и пытливым исследователем. Этими качествами наш земляк обладал вполне. Но он не только собирал, изучал, исследовал. Он жил Пушкиным!

Можно случайным совпадением считать такой факт его биографии, что первый рассказ «Сон Сергея Ивановича» был написан в юбилейном пушкинском 1899 году. Но не случайно обращение к образу Пушкина на всем творческом пути писателя.

Весной 1917 года, в Орле, И. А. Новиков написал стихотворение «Родина». Ильковские поля, ильковские ракиты и липы подсказали ему:

Эта верная, родная,
Неотрывная земля!
По тебе, в годах шагая,
Мерил я твои поля.

Вспомнил, как с косою ходил в луга, как «правил плугом борозду», и:

Чуть весна, опять к опушке
Слушать говор вешних птиц,
А в руках уж, верно, Пушкин —
Пенье дорогих страниц!

Страницы пели созвучно вешнему ветру родных полей, звону птиц и хору воспоминаний об утренней поре жизни. Встречей с отчим краем было навеяно тогда же и стихотворение «Освобожденная земля»:

Родной мой край! С какой любовью
Тебя свободная рука,
И плуг, и заступ, и кирка
Озолотят богатой новью!
На праздник солнца и земли.
Зерна благословляя роды,
Ворвался радостно внемли —
Непобедимый ветер свободы.

«Непобедимый ветер свободы» придал окрыленность творчеству писателя. Он обрел силы для выражения сокровенных дум, для написания главной книги.

Мысль написать роман о Пушкине была подсказана поездкой в Михайловское в августе 1924 года. Иван Алексеевич живо представил все, что было на берегах Сороти сто лет назад. Под ногами была земля, по которой ходил Пушкин. Густо пахло хвоей, как и при нем. Воздух, которым он дышал, свежо ласкал лицо.

Несколько лет ушло на собирание материалов, на изучение пушкинской эпохи.

В 1934 году писателю было 57 лет, но удивительно молодо билось сердце. Вдохновение, посетив его в Михайловском, не отпускало. Он спешил вместе с Пушкиным пережить его прощание с Одессой, прощание с красавицей яхтой, что отплывала, серебрясь парусами:

«Ему и отсюда грезилось воздушное белое платье графини Елизаветы Ксаверьевны, гордая ее легкая шея и крестик, который он целовал, смеясь, что она его сделает добрым католиком. «Но я уж давно православная!»

возражала она; тогда он целовал мимо креста... Свежий ветер дул с моря, и яхта лавировала. Будет ли легок ей путь?»

Я выписываю эти строки из второго тома собрания сочинений И. А. Новикова (М., 1967) и вспоминаю устный комментарий к ним Марины Николаевны Новиковой-Принц. О поэте писал поэт, о любви — влюбленный.

— В образе Елизаветы Ксаверьевны он видел свою жену, мою маму, — поясняла Марина Николаевна. — Ведь и роман посвящен ей, Ольге Максимилиановне Новиковой.

Рассказывала, что встретились они в Орле. Любили бродить по улицам старого города, слушать шум ветвистых лип на берегу дворянского гнезда. Жили в городе Тургенева и Лескова! Это не могло не вызвать светлых и радостных дум. Нередко проходили мимо бывшего губернаторского дома, где родилась А. П. Керн. И венчались в Петропавловском соборе, почти рядом с местом, где стоял дом рождения милой вдохновительницы Пушкина, его чудного мгновения...

Он думал о ней, когда еще только начал писать своего «Пушкина в Михайловском», с трепетом ждал, когда она войдет в роман и заговорит. О чем заговорит? Как увидит ее поэт?

В роман она вошла легко и просто. Он, почтенного возраста русский литератор, смотрел на нее глазами Пушкина и чувствовал: сердце бьется молодо-молодо, как у него, двадцатилетнего. Нет, он еще был моложе, когда вошел в дом П. А. Осиповой и увидел ее:

«Как бы внезапный молодой ветер овеял его, и он совсем забыл о своих двадцати шести трудных годах. Опять перед ним возникало, двоясь и сливаясь в одно, воздушное и чистое видение юности...»

В ответ на глубокий поклон и Керн наклонила приветственно голову, так что стал видней тугой узел прически, подымавшейся тяжелой короной. Все лицо ее вспыхнуло милой застенчивостью, и колыхнулись волшебным для Пушкина завитки белокурых волос у розового маленького уха.

— Наконец-то я вижу вас! — промолвила она...

А потом — поездка в Михайловское. Через сто и многие сотни лет будут люди, очарованные Пушкиным, глазами сердца видеть этот путь, повторять вместе с ним: «Анна Петровна отдавалась очарованию ночи. И она слушала Пушкина, как слушают музыку, даже тихонько, покачиваясь в такт его речи, которую можно было бы назвать коварной и завлекательной, когда бы насквозь не была она доверительной и чистосердечной...»

Ему казалось сейчас, что самое время побеждено, что через толщу минувших лет он снова обрел молодые, чистые чувства».

Наконец, самое главное:

«Пушкину удалось увидеть Керн на минуту наедине. Он исполнил ее пожелание и поднес ей «Онегина», но меж неразрезанных листов его она усмотрела вчетверо сложенный лист почтовой бумаги. Рука его дрогнула, когда он передавал эти стихи, написанные им ночью. Они у него вылились без напряжения и были легки, как дыхание... Керн на него поглядела, но ей невозможно было прочесть его скрытую думу. Тогда она развернула листок и стала читать. Стихи эти шли к самому сердцу.

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Грудь ее дышала неровно и часто, зарозовело лицо.

— Как я вам благодарна! Как восхитительно это! И она прижала листок к груди».

Можно бы на этом и расстаться, но писатель еще долго не отпускал удивительную гостью романа, долго не позволял ей исчезнуть за невидимой чертой сюжета: ведь она, он не сомневался в этом, любила Пушкина. Она не могла не ответить жарким, взаимным чувством.

«Пушкин в Михайловском» вышел в 1936 году. Тогда же был написан рассказ «Камера номер четырнадцать». Эпиграфом взял предсмертные слова поэта: «Как жаль, что нет теперь здесь ни Пушкина, ни Малиновского. Описал сибирскую зиму, безветренную и колючую, томительное однообразие дней Ивана Пушкина и воспоминания, вызванные драгоценным приветствием друга, переданным через частокол отважной Александрой Муравьевой. Стихи перечитывал Пущин, и слезы застилали глаза.

Сюжет был выбран удачно. Связь с декабристами удалось показать через самое

задушевное, через верность дружбе от лицейских дней до смертного часа.

А кто еще был особенно дорог ему? Конечно, няня, та прославленная им на века крестьянка, которую называл он мамой. В 1939 году И. А. Новиков написал рассказ «Свидание с няней». Бродит Анна Родионовна по дому, тоскует о нем: увезли Александра Сергеевича к царю, и все будто вымерло в Михайловском. Но вот раздастся звон бубенцов и, как молодая, она выбегает на крыльцо, крича:

— Пирог выносите! Свечи на окнах зажечь!

Забывает поэт и встречу с царем, и блеск его коронации, и даже всех милых женщин: «Он дома, он дома... деревня, родная земля!

Читаешь рассказ и невольно думаешь: да это же «деревня, родная земля!» вырывалось из души автора при встрече с орловским, ильковским раздольем. Писатель с радостью находил в пушкинской жизни страницы, созвучные своим переживаниям. Вот откуда глубокий лиризм, изумляющая достоверность описаний.

«Деревня, родная земля!» — эти слова можно поставить эпиграфом к рассказу Новикова «Часок в Захарове», где юный Пушкин показан в воспоминаниях о милом подмосковном приволье.

Исследуя развитие чувства Родины в творчестве Пушкина, наш земляк пришел к новой теме. Сразу же, закончив «Пушкина в Михайловском», он взялся переводить Слово о полку Игореве»:

Не ладно ли было бы,
Братия,
Песню нам начать
Ратных повестей
Словесами старинными...

В 1940 году перевод был опубликован, но в каждом новом издании читатель обнаруживал следы дальнейшей работы.

В 1941 году в боях под Москвой, как об этом потом узнал писатель, лейтенант обнаружил в развалинах книгу с текстом поэмы и громко прочитал: «Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы». «Слово» звало в новый бой...

Героика древней Руси захватила писателя. Следующим произведением на пути переводчика была «Задонщина». Затем пишутся «Русские героические повести», «донские стихи».

Лунная ночь на Дону «в росах, звездах, соловьях» навеяла строки о давней поре, когда «Русь дышала юная на заветных рубежах», когда певец с воинами в одном строю шел в бой «за родную землю Русскую, за отцовские поля». Радость приливала при виде легких волн славной казачьей реки, при виде древних холмов Отечества.

«Донские стихи» писались в пору расцвета славы «Тихого дона» — героического и драматического шолоховского повествования о России, охваченной пламенем революции. Иван Новиков, обращаясь к мужеству предков, будто предчувствовал, что на этой земле вновь закипят бои, и потомки воинов князя Игоря, потомки героев Куликовской битвы будут сражаться за Родину.

И сошлись тучи невиданной грозы...

В пору вражеского нашествия Иван Алексеевич работал над романом «Пушкин на юге». Находясь в Каменске-Уральском, он провел множество пушкинских вечеров. На собранные деньги был сделан самолет «Александр Пушкин». Капитан Горохов, сражаясь на нем, получил звание Героя Советского Союза. Фотография пилота навсегда вошла в кабинет писателя, в солнечный пушкинский мир, которым он жил до последнего часа. На одном из вечеров, посвященных 100-летию И. А. Новикова, школьник читал:

Свежесть ручья в колыпании пушкинской строчки;
Снежная скатерть у Фета в берез оторочке;
Тютчевский полдень в грозу, и просторы глухие —
Блоком воспетые — многострадальной России...

Стихотворение родилось в январе 1943 года. В том же году завершился «Пушкин на юге». Последняя глава «Салют» рассказывала, как прапорщик Григоров пушечной пальбой чествовал поэта:

«Он машинально начал разглядывать пушки.

— Эй, кто такой? — послышался окрик.

Пушкин взглянул. Издали быстро к нему приближался молодой офицер.

— Что вы здесь делаете? Кто вы?

— Я Пушкин, — просто сказал он.

Офицер отдал ему честь и быстро побежал прочь, махая рукой и что-то крича. Весь лагерь встревожился. Пушкин несколько отошел, так как все бежали прямо к орудиям.

— Смирно! — закричал офицер. — Слушать команду! К орудиям! Приготовиться к стрельбе! Пли!

Грянул залп. Офицер с сияющим, красным от возбуждения лицом подошел к Александру.

— Честь имею представиться, дежурный офицер Григоров.

Пушкин, улыбаясь, пожал ему руку.

— А зачем вы палили?

— В вашу честь, Александр Сергеевич! В честь любимого поэта России».

Знал ли Иван Алексеевич, что восторженный почитатель Пушкина был его земляком?

Наверное, знал. Во всяком случае, роман завершился в том году, когда Москва первым салютом приветствовала освободителей Орла и Белгорода. Так два салюта из разных времен слились в одну громозвучную музыку во славу и честь гениальной одаренности русского народа. Завершена диалогия. Вернулась к миру страна. А ему, старому писателю, все сиял и сиял образ любимого поэта. Летом 1946 года он написал стихотворение «Наедине с собой» с эпитафией из Пушкина:

Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.

В бело-золотой березе, ронявшей листья, увидел отражение собственной судьбы:

Не умиляясь, не горюя,
Дышу и жду, когда в поток
Бегущей жизни оброну я
Последний пушкинский листок.

И в других стихах — верность ему. В пушкинской строчке видел он и свежесть ручья, и трепет осенней березы, и дыхание русских полей. На улицах города представал глазам идущий «весело и мудро» «Пушкин-человек». Снегопад навевал думы о детстве и любимом поэте. Во сне преследовали две музы «в виде голубей», посещавшие Пушкина в Михайловском. Не раз вспоминалось, как читал его стихи на вечерах в Каменске-Уральском, как рождалось крылатое воплощение всенародной любви к великому поэту:

Так, русские, мы и наш русский поэт,
Чьей музы не гаснет пленительный свет,
Победный предчувствуя вольный полет,
Совместный сковали ему самолет.

Писатель приступал к третьему роману «Пушкин в Москве». Обозначились контуры главы о возвращении из ссылки, что нашло отражение в стихотворении «Рождение «Пророка»:

Он руку жмет заре с востока.
Он ловит солнца первый свет —
И вот глаголами «Пророка»
Насытил тишину поэт.

В 1951 году появилась в печати большая работа писателя «Пушкин и «Слово о полку Игореве». Это не было отступлением от задуманного третьего романа, который так и остался ненаписанным. Исследование родилось из долгих размышлений о творческом движении Пушкина. Эпиграфом исследования стало лирическое признание автора:

Как и обычно: с Пушкиным вдвоем
И с редкостным изданьем «Слова»
Мы вместе дышим, думаем, поем
И пьем из родника Былого.
О — древнее, — как молодо оно!
Как гусли вторят в нем поэту!
Хвала ему, и Пушкину, и лету,
Что жизнью до краев полно!

За три дня до дуэли Пушкин говорил о древнерусской поэме. Новиков предполагал, что с размышлениями поэта о собственной судьбе перекликались слова князя Игоря: «Лучше убитым быть, нежели полоненным быть!» Терзаемый предчувствием конца, он обращался к самому дорогому из поэтических творений. Оно сопровождало его всю жизнь. Под могучим воздействием «Слова» было создано стихотворение «Воспоминания в Царском Селе». Исследователь, вчитываясь в два произведения, приходил к выводу: творение лицеиста — воинская повесть, а безымянный автор «Слова» — его гениальный собрат. К новиковскому исследованию невольно хочется присоединить тот факт, что «Воспоминания» заказал-присоветовал лицеисту его преподаватель А. И. Галич, детство которого прошло в Трубчевске, в тех орловско-брянских местах, откуда родом, по мнению некоторых ученых, гениальный автор «Слова». Не удивительно, что в наши дни был открыт в этом городе памятник Бояну — «славному соловью старого времени». Чувством Родины, чувством глубинных связей с былинами седых времен не могли не дышать разговоры Галича с юным Пушкиным. И всплывали, быть может, в этих разговорах названия, дорогие сердцу Галича: Трубчевск, Севск, Карачев. От них недалеко до Путивля Ярославны, Новгород-Северского, Чернигова. Оживали места, овеянные шумом дивно-торжественных Брянских лесов, где и Соловей-разбойник молодецким посвистом округу в трепет приводил, и славный Илья Муромец на коне проезжал, и зловещая тень Кудеяра падала на светлоокий лик десны-красавицы...
«Весеннее солнце играло в струях широкой десны, катившей к Чернигову свои полные воды. Свежие, влажные ветры издалика плыли от дона. Луга были зелены, но зелень сама

еще не колыхалась, лишь на горизонте заметно над травами зыбился воздух, прогреваемый солнцем.

Так и тянет выписывать одну картину за другой из повести И. А. Новикова «Сын Тысяцкого», из этой живописной поэмы о предполагаемом авторе «Слова о полку Игореве». В ней пел Тимофей, изредка касаясь гуслей, и никто не мог проронить ни слова. Перед воинами расстилалась широкая русская степь. Каждое слово ложилось на сердце. Частые слезы Ярославны капали «в ее мед в хрустале».

«Эта песня была как бы о каждом из них и в то же самое время о всех: песня о Русской земле», — слова повести можно отнести и к Пушкину. К нему же — клик: «Вот оно — сердце, что трепещет, как птица; вот она жизнь человека!»

Но духовное родство двух гениев в повести лишь можно угадывать. В исследовании «Пушкин и «Слово о полку Игореве» оно раскрыто доказательно на обнаруженных созвучиях образов, на верности поэта исторической теме.

Рассматривая это родство. Новиков приходил к выводу, что Пушкин «стремился постигнуть самое содержание народности, которое он столь кратким образом выразил в единственной строчке из своего выступления к «Руслану и Людмиле»: «Там русский дух... там Русью пахнет!»

Смерть писателя 10 января 1959 года прервала работу над романом «Пушкин в Москве» в самом начале. Отрывки увидели свет в 1962 году в «Орловской правде» и в журнале «Москва»...

— Мне бы хотелось встать на колени на этой земле, эти слова прозвучали как благодарность Ивану Алексеевичу за его верность А. С. Пушкину. Произнес их летом 1977 года под старыми ильковскими липами Г. Г. Пушкин. Правнук великого поэта навестил край Тургенева, край своих далеких предков, родное село Ивана Алексеевича — давнего друга. В Орле поклонился могиле А. П. Ермолова. В свое время И. А. Бунин писал:

«Помню жуткие, необыкновенные чувства, которые испытал однажды (в молодости), стоя в церкви Страстного монастыря возле сына Пушкина, не сводя глаз с его небольшой и очень сухой, легкой старческой фигуры в нарядной гусарской генеральской форме, с его белой курчавой головы, резко-белых, чрезвычайно худых рук с костлявыми, тонкими пальцами и длинными, острыми ногтями». (Бунин И. А. Собр. соч. в 9 томах. М., 1965—1976, т. 9, с. 270).

Герой Освободительной войны в Болгарии, генерал А. А. Пушкин в 1913 году был еще жив, когда у его сына Григория, впоследствии красного командира, родился сын. Трудно было объяснить радостное волнение, охватившее нас. С нами беседовал, с нами бродил по Орлу и Мценску не просто пожилой москвич, бывший типографский рабочий, а человек, в жилах которого кровь Пушкина! В его голосе, походке, обаятельной простоте мы искали что-то от личности, заворожившей читающий мир.

Григорий Григорьевич с улыбкой вспоминал эпизод из фронтовой жизни. Немец, взятый им в плен, вытянулся по команде «смирно» и заявил:

— Всю жизнь буду гордиться, что меня взял в плен правнук Пушкина!

Первая встреча с потомком Пушкина была в библиотеке имени великого поэта. Зал замер, услышав:

— Моя прабабушка Наталья Николаевна говорила, что имя Пушкина принадлежит народу.

Мгновенно стало очень близким, почти осязаемым то, что мы знали из книг...

Под ильковскими липами вспомнил он одну из встреч с писателем Новиковым. Иван Алексеевич приехал поздравить Григория Григорьевича и Марию Ивановну с рождением сына. Подхватил на руки маленького Сашу и воскликнул растроганно:

— Это лучшая мне награда за все, что я написал о Пушкине!

...Долго мы стояли в тишине ильковского сада, у мраморной стелы с барельефным портретом. С полей набегал легкими волнами ветер. дорога наша лежала во Мценск, где

один из Пушкиных служил воеводой, в тургеневское Спасское. Я представлял себе давнее утро ильковского сада и на пороге избы мальчика с книгой, открытой, как мир:

У лукоморья дуб зеленый.
Златая цепь на дубе том.

8

«Пушкин в первых прижизненных изданиях поражает своей суровой ясностью и простотой. «Онегин» первого издания, в скромных на вид маленьких тетрадочках-главах, в простых и таких милых обложках, иногда может совершенно по-новому быть прочитан вами. Как-то вот между вами, читателями, и гениальным создателем этого произведения ничто не стоит. Ничто не мешает, не отвлекает. Ни рисунки, ни примечания, ни предисловия. Вот просто — слово Пушкина и вы — его читатель. Доказать это трудно. Тут немножечко, может быть, от поэзии, но ведь и «Евгений Онегин» не проза...» Строки, выписанные мною из «Рассказов о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского (М., 1959, с. 11—12), можно поставить эпиграфом к воспоминаниям о самом увлекательном поиске.

Все началось с того, что я с превеликим интересом прочитал библиофильское повествование Н. П. Смирнова-Сокольского «Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина» (М., 1962).

Нет необходимости говорить, насколько сильным было желание разыскать в бурном и безбрежном книжном море сказочный остров сокровищ — прижизненного Пушкина. Первым делом зашел в Речной переулок, в старенький домик старого знакомого Ф. Я. Студенникова. Радость рыться в его запасах неожиданно умножилась. В руки попал крохотный томик. На твердый переплет была вынесена обложка. В строгой наборной рамке стояло:

«Граф Нулин. Сочинение Александра Пушкина».

Ниже:

«Санктпетербург. 1827».

На задней части переплета в такой же рамке я увидел типографскую виньетку (букет) и текст: «Продается в С.Петербурге во всех книжных лавках, по 2 рубля 50 коп, за экземпляр. За пересылку в другие города прилагается 50 копеек». На шмуцтитуле значилось название поэмы, на следующем листе — название, имя автора, год и место издания: «В типографии департамента народного Просвещения». На обратной стороне указывалось, что книга издана «с дозволения Правительства».

Половину первой страницы занимало название, а дальше — знакомые строки:

Пора, пора! рога трубят;
Псари в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят,
Борзые прыгают на сворах.
Выходит барин на крыльцо,
Все, подбочась, обзрывает...

Никогда еще так празднично не трубили мне знакомые с детства рога, никогда я не обзирал с таким наслаждением находку. Восхищался. Показывал друзьям. Поставил на полку и дополнил изящным издание «Графа Нулина» 1959 года, украшенным рисунками Н. Кузьмина.

Моя находка спорилась с примечаниями академического десятилетия 1963 года, где утверждалось, что поэма вышла в 1828 году. В чем дело? Оказывается, как пишет Смирнов-Сокольский, «Граф Нулин» был отпечатан все-таки в 1827 году, но его продажу поэт на время отложил. Не хотел мешать распространению «Северных цветов» Дельвига, где была помещена поэма вместе с отрывком из «Бала» Баратынского...

Насторожило в моей находке лишь качество бумаги и слишком мелкий шрифт текста. Одна обложка не вызвала сомнений в подлинности первого издания. Однако и она не устояла перед встречей с экземпляром с указанием, когда именно было сделано точное воспроизведение книги...

И вот, когда я уже терял надежду взойти на вершину книгособирательства, мне повезло удивительно просто: обменным путем пожаловали в мой дом милые «Братья разбойники» — второе издание 1827 года, тонкая брошюрка с перечеркнутой букинистом ценой в 42 копейки, с волнующей строгой рамкой на лицевой стороне обложки, с виньеткой на титульном листе. Узнал: весь тираж был на время не допущен автором к продаже. Поэт сам вместе с С. А. Соболевским отвез книги на квартиру И. В. Киреевскому.

Сам! Учащенно забилося сердце, когда я узнал об этом...

Книги пролежали до 1915 года. От Сергея Ивановича Киреевского, сына критика, они поступили к букинисту И. М. Фадееву.

Праздник встречи с книгой, которой касались руки Пушкина, всегда со мной!

В Орле мне известны еще два владельца прижизненных изданий: музей И. С. Тургенева хранит «Стихотворения Александра Пушкина» в двух частях 1829 года, а областная библиотека имени И. А. Бунина — «Историю Пугачевского бунта» 1834 года.

С праздничным чувством я поместил среди заветных книг моей библиотеки «Российскую хрестоматию, или отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах» Ивана Пенинского 1833 года. Первый выпуск состоит из отрывков прозы Ломоносова, Батюшкова, Жуковского, Карамзина. Четыре страницы для меня блистают золотом: Пушкин! Помещен отрывок под названием: «К. Д. о Тавриде».

«Из Азии переехали мы в Европу на корабле... Из Феодосии до самого Юрзуфа ехал я морем. Всю ночь не спал; луны не было: звезды блистали; передо мною в тумане тянулись полуденные горы...»

Строки письма к А. А. Дельвигу, напечатанные впервые в «Северных цветах», затем предисловием к третьему изданию «Бахчисарайского фонтана» в 1830 году, представляют собой воспоминание о Крыме.

«Российскую хрестоматию» мог читать поэт. Она была ему знакома до мельчайших особенностей текста, где автор в прозу включил стихи:

К чему холодные сомненья?
Я верю, здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
дымились жертвоприношенья.

В 1914 году, к столетию напечатания первого произведения поэта «К другу стихотворцу» в журнале «Вестник Европы», в Москве вышла тиражом в 600 экземпляров книга Н. Синаевского и М. Цявловского «Пушкин в печати». Изданная на прекрасной бумаге, она стала мне надежным спутником в мир Пушкинианы.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.

Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.

Как бы хотелось это прочитать в первом издании!

Я открываю суворинское издание в восьми томах 1903 года под редакцией П. А. Ефремова и нахожу хорошо скопированный титульный лист «Цыган» 1827 года, напечатанных в типографии Августа Семена. Приведена виньетка (опрокинутая чаша, змея, кинжал), вызвавшая переполох в III отделении. Комментируя поэму, Ефремов рассказал, что при выходе «Цыган» возникло подозрение в неблагонадежности автора. Генералу Волкову было велено произвести секретное дознание: не Пушкин ли доставил виньетку в типографию, не сам ли нарисовал ее. Генерал допросил издателя. Тот сказал, что виньетка в числе других куплена за границей, оттиск с нее можно даже встретить в альбоме, преподнесенном царю. Великолепный экземпляр альбома доставили в III отделение и, обнаружив там виньетку, успокоились. Комментарий убедительно говорит о пользе собирания прижизненных изданий, повышает интерес к особенностям оформления.

Продолжение комментария нахожу в других книгах.

В эпилоге «Цыган» автор делился воспоминаниями о том времени, когда и сам он бродил вместе со своими героями:

В походах медленных любил
Их песен радостные гулы
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

Почему Мариулы? Ведь главная героиня — Земфира. Впрочем, набрасывая программу поэмы, автор хотел подругу Алеко назвать Марианной. Марианна и Мариула сродни Марии, а уж это имя было любимым. В «Полтаве» историческое лицо Матрена под пером автора становится Марией, в «Дубровском» встречает нас Маша Троекурова, в «Капитанской дочке» — Маша Миронова. Это же имя носила дочь поэта, внешние черты которой Л. Н. Толстой придал Анне Карениной, добрая и мужественная Мария Александровна, входившая в 1918 году в кабинет А. В. Луначарского, сидевшая в черном платье у памятника отца...

Всегда занимает жизненный материал, положенный в основу произведения. Еще И. С. Тургенев интересовался героиней «Цыган», называл Мариулу возлюбленной поэта. Приложением к третьему тому «Настольной иллюстрационной энциклопедии» В. В. Битнера, изданной в 1907 году, даны номера «Энциклопедического журнала»: в одном из них я обнаружил очерк «Роман Пушкина с цыганкой», написанный по рассказам Екатерины Захарьевны Стампо, которая не раз видела поэта в доме отца в Кишиневе. Однажды Александр Сергеевич поехал в Долну, а оттуда лесом в Юрчены. Там-то в таборе он и увидел дочь старого цыгана, красота которой поразила поэта.

Е. З. Стампо так описывала ее:

«Я прекрасно помню эту девушку; ее звали Земфирой; она была высокого роста, с большими черными глазами и вьющимися, длинными косами. Одевалась Земфира по-мужски, носила цветные шаровары, баранью шапку, вышитую молдавскую рубаху и курила трубку. Была она, действительно, настоящая красавица».

Пушкин прожил более двух недель в Юрченах.

«По целым дням, — вспоминала Стампо, — он и Земфира бродили в стороне от табора, и брат видел их держащимися за руки и молча сидящими среди поля».

Дальше события развивались, как и в поэме потом. Однажды утром она исчезла из шатра. Бежала в Варзарешты, обиженная ревностью поэта, заподозрившего ее в склонности к

молодому цыгану. Страшная весть застала Пушкина уже в Одессе: Земфиру зарезал цыган. В поэме виновником ее гибели выступил не человек, близкий по духу и образу жизни, а пришелец из душных городов. Правда искусства оказалась выше правды действительного случая.

В Юрченах и сейчас могут показать дом, где встречались Пушкин и Земфира...

Долгое время сами цыгане не могли прочитать знаменитую поэму на своем языке. Лишь в наше время нашелся человек, устранивший эту несправедливость.

Александр Вячеславович Германо (1893—1995), сын чеха и моравской цыганки, родился под Орлом в селе Старцево-Лепешкино через три месяца после смерти отца, приехавшего сюда в поисках работы. Рос и воспитывался под присмотром матери и старшей сестры Анны. Учился в Киевском коммерческом институте. В 1915 году в сборнике «Орловцы — жертвам войны» напечатал первый рассказ. В 1921 году в Орле выпустил сборник рассказов «Былые зарницы». Писал пьесы, очерки, фельетоны, деятельно участвовал в литературной жизни края. Инсценировал «Песню о Соколе» Горького: спектакль шел около трехсот раз.

В 1926 году уехал в Москву и там, выполняя решение Наркомпроса РСФСР, создал алфавит для цыган и сам стал писать на языке Земфиры. Основоположник цыганской письменности, он был автором учебников и пьесы «Жизнь на колесах», исследователем цыганского народного творчества и одним из основателей театра «Ромэн». Он же перевел на цыганский язык поэму о трагической судьбе прекрасной Земфиры и другие произведения русского гения.

В сборнике «Цыганские стихи» (Орел, 1941) писал, обращаясь к Пушкину:

Нет, ты не побежден столетием суровым,
Над миром,

как металл, звенят твои слова.

Сердца живых людей
ты зажигаешь словом,

И сам ты жив, поэт,
пока

строка

жива.

Стреляла в грудь певца

коварная эпоха,

Свинцом прошла

сквозь все горячие сердца,

И содрогнулся мир

от пушкинского вздоха,

От страшного его,

от раннего конца.

(Перевод Л. Длигача)

Библиофильский комментарий к «Цыганским стихам». Они встречаются очень редко, поскольку вышли перед самой войной и почти весь пятитысячный тираж погиб под бомбами...

Строки созвучны утверждению орловского поэта Александра Астанина, павшего на войне:

Мы сумели отбить у врага пистолет,
Тот, которым был Пушкин застрелен.

Два вражеских нашествия потрясли Орел, и все-таки уцелела такая редкость, как «Новые стихотворения Пушкина и Шавченки», изданные в 1859 году в Лейпциге Вольфгангом в VIII томе «Русской библиотеки».

В год ее выхода в свет Т. Г. Шенченко писал из Петербурга в Дрезден нашей землячке Марко Вовчок, что его не пускают домой и «печатать не дают». Тогда же обратился к ней со стихотворным посланием:

Моя ты зоренька святая!
Моя ты сила молодая!
Гори, сияй и надо мной,
И сердце оживи больное,
Усталое, немолодое...

Страстно мечтал поэт увидеть свои думы напечатанными. Но не могла цензура разрешить к изданию пламенные строки «Заповита»:

Поховайте, то вставайте,
Кайданы порвите,
И вражою, злою кровью
Волю окропьте.

Со страниц небольшого, отпечатанного на тонкой бумаге сборника они звучали в лад пушкинским стихам:

Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой! Сегодня рассуждать задумал я с тобой. В редакторском слове о произведениях великого Кобзаря говорилось: «Следующие стихотворения были нам присланы, на малороссийском языке, с примечанием, что стихи Шенченко — выражение всеобщих, накипевших слез, не он плачет о Украине — она сама плачет его голосом».

Соседство не было случайным. В дневниковых записях Т. Г. Шевченко можно встретить немало сведений, говорящих о его глубоком внимании к творчеству гениального русского поэта. В одном месте он пишет, что «построил каркас поэмы вроде «Анджело Пушкина, в другом — восторгается сценической переделкой «Станционного зрителя», в третьем — вспоминает, как читал одной знакомой «Сцены из рыцарских времен», а она — «Каменного гостя» и как доволен был «таким теплым, прекрасным окончанием холодно начавшегося дня», в четвертом — рассказывает о гениальном чтении М. С. Щепкиным монолога из «Скупого рыцаря».

Были они братьями по духу, по состраданию к угнетенным, по вольнолюбивым стремлениям. Это, видимо, понимал издатель, поместивший стихи двух великих поэтов рядом.

Однажды, дело было 16 мая 1919 года, писатель Иосиф Калинин, находясь в родном Орле, купил в магазине «Гавриладиу» со вступительной статьей и примечаниями Валерия Брюсова. Выпущенная книгоиздательством «Альциона» поэма Пушкина встречалась с читателем второй раз: первое издание 1918 года разошлось в три дня. Калинин на титульном листе обозначил свое имя и фамилию, указал время и место приобретения книги. Будущего автора романа «Мощи», созданного на орловском материале, заинтересовала сильно поэма, уцелевшая в списках. Он берег ее и не решился взять с собой, покидая Орел. Книга хранилась у матери. Ко мне попала из собрания Ф. Я. Студенникова.

Известно, что один из списков был в руках Н. П. Огарева, и он опубликовал его в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия» в Лондоне в 1861 году. В наши дни появились публикации, отрицающие авторство Пушкина...

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ.

Ныне всем известны эти строки пушкинской «Сказки». Не менее знакомы:

Недвижный страж дремал на царственном пороге...

Эти и другие стихи увидели свет в 1859 году в пятой книжке «Полярной звезды», издаваемой А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Лондоне. Четвертая книжка 1858 года содержала стихи, которые потом вошли в сборник «Новые стихотворения Пушкина и Шавченки», изданный в Лейпциге.

Обе книжки альманаха неведомыми путями попали в Орел, долго хранились в чьих-то тайниках, в движении через трудные годы потеряли обложки с портретами казненных декабристов, но сохранили в неприкосновенности текст, в том числе — первых публикаций пушкинских строк.

Разные издания Пушкина, дополняя друг друга, помогают лучше узнать особенности его жизни и творчества. Хороши богатством комментариев все восемь томов, изданных «Просвещением» в 1896 году под редакцией О. П. Морозова и В. В. Каллаша, прекрасен переплетенный в одну книгу двухтомник для юношества, выпущенный к столетию поэта. Тогда же, в 1899 году, были изданы «Сочинения» в трех томах с портретом автора и рисунками художников В. А. Серова, А. С. Архипова, А. Н. Бенуа, А. М. Васнецова, М. А. Врубеля, И. Е. Репина, В. И. Сурикова, И. И. Левитана, К. А. Коровина... Богато иллюстрированный Пушкин!

И все-таки перед этим изданием не теряет своих пленительных достоинств «Иллюстрированная Пушкинская библиотека» Павленкова. У меня — «Полтава», «Повести Белкина», «Енгений Онегин», «История Пугачевского бунта» и «Капитанская дочка», изданные в разные годы и собранные неизвестным мне Я. О. Г. 21 марта 1892 года в один переплет.

Суворинский Пушкин 1903 года в восьми томах не имеет иллюстраций, но он исключительно интересен примечаниями П. А. Ефремова. Из них составлен весь последний том. Мало! Щедрый редактор их рассеял и по другим томам. Особенно повезло письмам поэта. Приведем одно из них: «Когда описывали и опечатавали комнату покойного поэта, то бывший лицеист П. И. Миллер, служивший тогда у Бенкендорфа, взял это письмо «на память из сюртука, в котором Пушкин стрелялся. Так утверждает П.

И. Бартнев, но невероятно, чтобы Пушкин носил такое письмо в кармане с 21-го ноября по 27-е января или положил бы его в карман, отправляясь на дуэль».

Речь идет о письме Бенкендорфу 21 ноября 1837 года. Интереснейшие сведения и подробности — на каждом шагу. Когда ко мне стали попадать тома «Сочинений» А. С. Пушкина, изданные в 1881 году Я. А. Исаковым, я охотно нашел им место в своей библиотеке: ведь редактор-то Ефремов! Именно это издание интересовало И. С. Тургенева в сентябре 1882 года, когда он просил прислать ему Пушкина.

Из советских изданий большой радостью стали тома из самого Полного собрания сочинений в 20 книгах, начатого в 1937 году и завершено справочным томом в 1959-м. Откроем шестой, в котором 698 страниц, и все занимает «Евгений Онегин»: 205 — основной текст, остальное — варианты и примечания. Лучшего издания не было и нет... Хорош иллюстрациями и примечаниями шеститомник 1937 года, тоже академический, под редакцией Ю. Г. Оксмана и М. А. Дявловского, выпущенный «к столетию со дня гибели». Той же печальной дате посвящено издание отдельными книжечками шести произведений с рисунками с гравюр А. И. Кравченко. В одну коробку-переплет вложены «Каменный гость», «Египетские ночи», «Пир во время чумы», «Медный всадник», «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь»...

Обширна Пушкиниана советского времени. Немало в ней материалов о причинах роковой дуэли, о преследовании поэта. Одна из работ «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина», изданная в числе трудов Пушкинского дома в 1924 году, принадлежит перу трех авторов: Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского.

В книге сделана попытка определить автора анонимного пасквиля, представлены вниманию читателя фотокопии текста условий дуэли на французском языке, приведена запись беседы редактора «Русской старины» М. И. Семева с графиней Н. А. Меренберг в 1886 году.

«В два часа, — писал Семева, — посетил графиню Меренберг, рожденную Наталию Александровну Пушкину. Это высокая, видная дама, с каштановыми волосами, синими глазами и с громким голосом. Она очень приветлива в своем обращении. Вот сущность ее ответов на мои вопросы:

«Я родилась за несколько месяцев до кончины отца, именно весной 1836 г. в Петербурге, где и выросла и жила до 16-летнего возраста. Все, что знаю об отце, это уже по рассказам моей матери. Причины дуэли отца мать моя исключительно объясняла тем градом анонимных писем, пасквилей, которые в конце 1836 г. отец мой стал получать беспрестанно.

Едва только друзья его В. А. Жуковский, князь П. А. Вяземский успокоят отца моего, — он вновь получает письма и приходит в сильнейшее раздражение» (С. 127— 128).

Дочь поэта рассказала, что она часто бывала в доме, где умер отец, издание его сочинений 1838—1842 годов находила небрежным. Запись обрывалась на половине фразы о том, что царь сыновей поэта «записал немедля в пажи»...

Была помещена в книге статья Б. Томашевского «Мог ли иностранец написать анонимный пасквиль на Пушкина?» На основании анализа «диплома» автор приходил к отрицательному ответу.

Поиски главного виновника продолжаются и сейчас. «Временник Пушкинской комиссии» (Л., 1977) поместил интереснейшее сообщение Н. И. Мацкевича «Из неизданных воспоминаний о Пушкине его племянника». Автору публикации попал в руки шестой том из Полного собрания сочинений А. С. Пушкина 1872 года, принадлежавший ранее сыну поэта Александру Александровичу. Поперек текста многие страницы тома исписал Анатолий Львович Пушкин, племянник поэта. Записи сделаны на английском языке. В записях — признание Александра Второго, что «двор не мог предотвратить гибель поэтов, ибо они были слишком сильными противниками самодержавия». И еще — рассказ о встрече юного А. А. Пушкина с умирающим В. А. Жуковским:

«После паузы Василий Андреевич заговорил о закате своей жизни и, пристально

всматриваясь в Александра Александровича, сказал, что он имеет сообщить ему нечто более важное, но просит уверить его честным словом, что он никому не скажет об этом. Корнет Пушкин обещал выполнить просьбу, и Жуковский открылся Александру Александровичу, сообщив, что он сам был царедворцем, но чувствовал свою поднадзорность у Бенкендорфа и боялся его. Сейчас, осознав все это, он открывает истину для потомства, заключающуюся в том, что в смерти Пушкина повинен не только шеф жандармов, но и распорядитель судеб России — государь. Поэт убит человеком без чести, дуэль произошла вопреки правилам — подло...» (С. 41-42).

Правда, к которой когда-то прикоснулся пытливым М. К. Лемке, обогатилась новыми горькими страницами. Горечь той же правды — в статье Б. Л. Модзалевского, опубликованной в январском номере журнала «Былое» за 1918 год, сбереженном одной жительницей Орла.

В статье речь идет о том, как после ссылки агенты следили за каждым шагом поэта. В одном из приведенных донесений шпик, расставляя знаки где попало, называл Жуковского Жулковским, а роман «Евгений Онегин» — «Таней». Другой агент вполне разумно предсказывал: «Мысль и дух Пушкина бессмертны. Его не станет в сем мире, но дух, им поселенный, навсегда останется, и последствия мыслей его непременно поздно или рано произведут желаемое действие».

Февральский номер «Былого» за 1918 год поведал о надзоре в Михайловском. Как писал А. Шилов в статье «К биографии Пушкина», в июле 1826 года в Псковскую губернию генерал-лейтенант Витт послал коллежского советника Бошняка для «возможно тайного и обстоятельного исследования поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению к вольности крестьян». Если подозрения подтвердятся, то поэт должен быть арестован и отправлен «куда следует». Ловкий агент, путешествуя под видом ботаника, расспрашивал многих, но ничего предосудительного не узнал. Так и вернулся на станцию ни с чем. Пришлось отпустить жандарма...

Третьим изданием вышла в 1918 году книга очерков «Дорогие места» под редакцией И. А. Белоусова, поэта и друга И. А. Бунина. Открываем и сразу же попадаем в Захарово — село раннего детства Пушкина, потом в Гурзуф, полный музыки моря и стихов, и, наконец, в Михайловское. Очерк «В Пушкинском уголке» рассказывает о встречах с людьми, знавшими поэта.

— Хороший был барин, — рассказывал крестьянин Иван Павлов, — на редкость барин был, да и вся семья их такая была... Жил он как, спрашиваете? А жил он один, с господами не вязался, на охоту не ходил, крестьян любил. По ярмаркам, бывало, ходит, соберет старцев — старцами в ту пору нищие-то калеки назывались — ну и заставляет их петь. Слушает, как они поют, в ину пору и сам им подпевал.

Старенькая Акулина Ларионовна вспоминала, как она в детстве с Пушкиным белые грибы в роще собирала. Набрал он целую корзину, да и все их отдал ей...

Михайловское, Тригорское, Петровское — все это я увидел впервые, участвуя в Пушкинском празднике 1977 года. Свет его поэзии лежал на всем: на серебристых водах озера и зеленых кронах деревьев, на тропинках и полянах, на каждом лице, радостно-удивленном от свидания с краем, где все звенит его стихами.

В музее под стеклом сразу же бросилось в глаза:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты...

Я с глубоким волнением подумал о родстве поэзии Пушкина с краем Тургенева и Фета, с городом гения чистой красоты и гения северных дружин, с городом, освобождение

которого приветствовала первым салютом Москва, подарившая поэту жизнь. В день рождения поэта его стихами звенит старинный парк на берегу Оки в Орле. Поэзия Пушкина властно захватывает нас, будит множество воспоминаний, уводит в такой родной мир, что становится невозможным сдерживать волнение. В этом мире блещут на солнце воды Сороти, молодо шумят михайловские сосны, сыплет живыми изумрудами Черное море, гремят пушки Полтавы; и стремительно проносится тень Петра, в бурной степи бредет, охваченный мятежными думами, Емельян Пугачев, в глубине долгого зимнего вечера чародейно царит дивная русская сказка... Звучат стихи. И, словно очарованные ими, замирают в тишине летнего вечера каштаны и клены. Старый дуб с роскошно-царственной кроной, современник Тургенева и Лескова, видевший на аллеях парка Льва Толстого и Ивана Бунина, кажется переселенным сюда из пушкинского лукоморья. Звучит слово о поэте. И обязательно в этом слове находит место упоминание о встрече А. С. Пушкина и А. П. Ермолова в Орле, яркой звездочкой вспыхивает имя Анны Керн... Начинает казаться, что совсем недавно, еще вчера, поэт смотрел на этот холмистый берег, на это небо, усеянное облаками, торопливо шагал по земле своих и наших предков, катил в кибитке по весенней дороге на юг. Радостно думать, что и потомки наши, приняв от нас бережливое и возвышенное отношение к русской классике, будут представлять себе очень недавней известную по книгам встречу в Орле. Велико очарование словом.

Иван Тургенев

Материнские корни И. С. Тургенева его биографу Юрию Лебедеву напомнили сказку: «Жили-были дед да баба, у них не было детей, и вот взял старик липовое полено и вырезал из него мальчика по имени Лутонюшка».

И еще липовые аллеи Спасско-Лутовиновского парка.

Иван Лутовинов, давний предок писателя, «верстаный, — как утверждает Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, — помещным окладом в 1572 году», был основателем рода, внесенного в родословные книги Курской, Новгородской, Орловской, Полтавской, Тверской и Тульской губерний. Сохранилось предание, что Иван Грозный не только подарил земли за верную службу, но и ту икону, что доныне висит в углу музейного усадебного дома.

Прапрадед Марк Тимофеевич Лутовинов получил в 1669 от царя Алексея Михайловича ключи от Мценска и служил в этом городе воеводой...

Иван Андреевич, прадед писателя, имел трех сыновей и пять дочерей. Его сын Петр в своем Петровском увлекался садоводством, научил крестьян прививать к лесным дичкам сортовые яблони и груши. В 1786 году женился на Екатерине Ивановне Лавровой и через год умер, не дожив двух месяцев до рождения дочери Варвары.

До 8 лет девочка жила в Петровском. Когда же мать вышла за соседа Сомова, тоже вдовца с двумя дочерьми, пришлось переехать в Холодово. После того как дочери Сомова вышли замуж, а Екатерина Ивановна умерла, положение Вари в доме отчима стало невыносимым. Однажды зимой (1810), полуодетая, она выскочила в окно и, пройдя сорок верст, явилась в Спасское к дяде Ивану Ивановичу. Встретил он племянницу без особой радости. Стали возникать стычки. Отношения обострились во время войны 1812 года.

Варя, охваченная патриотическим воодушевлением, помогала раненым, которых везли через Спасское в Орел. Смело спорила с дядей. Однажды — это случилось 8 октября 1813 года — дядя выгнал племянницу и пригрозил оставить без наследства. В тот же день барина хватил удар. Решением Мценского уездного суда Варвара Лутовинова стала владелицей пяти тысяч душ в Орловской губернии и еще в четырех других. Была жестокой и своевольной, что заставило в минуты раскаяния написать в дневнике: «Матушка, дети мои! Простите меня! И ты, о Боже, прости меня, ибо гордыня, этот смертный грех, был всегда моим грехом».

В 1815 г. в Орле расквартировался гусарский полк. Известный на всю округу Спасский конный завод заинтересовал военных. К одинокой хозяйке богатого имения прибыл за лошадьми двадцатидвухлетний красавец-поручик с солдатским Георгием на груди, полученным за храбрость в Бородинском сражении. Это был Сергей Николаевич Тургенев (1793—1834), отец которого, тульский помещик из Чернского уезда, жил в ветхом доме под соломенной крышей в своем Тургенева, в 18-ти верстах от Спасского, и имел 140 душ крестьян. Николай Алексеевич так уговаривал сына жениться на богатой Лутовиновой, что стал на колени. Вскоре в записной книжке Варвары Петровны появилась запись: «1816-го Года 14-го Генваря — Я вышла за муж — Свадьба моя была в Спасском в 12 часов утра. В пятницу. Варвара Тургенева».

Роду Тургеновых начало положил мурза Лен Турген, приехавший служить Василию Темному из Золотой Орды и после крещения ставший Иваном. Вошел в историю Петр Дмитриевич Тургенев, козельский сын боярский: был послан в 1551 году к ногайским мурзам, чтобы уговорить их не помогать казанскому царю, и потерпел «великое поругание» от князя Юсуфа, отца казанской царицы Сююнбеки. Затем стоял с полком в Астрахани (1554—55), воеводствовал в Рыльске (1559) и Дедилове (1563). Иван Васильевич был ясельничим у Грозного, (1550—1556), Петр Никитич казнен за обличение Лжедмитрия (1606). Служили Тургеновы воеводами — Дмитрий Васильевич в Каргополе (1589), Денис Васильевич в Торжке (1636—1638) и Тамбове (1643), Василий Борисович в Орле (1657), Тимофей Васильевич в Царицыне, где и был убит Стенькой Разиным (1670), Акинфий Андреевич в Рыльске (1698), Иван Миронович Большой в Туле (1737).

Свадьба в Спасском два рода соединила. Первый ребенок оказался сыном. Счастливая мать записала: «1816 Года 4-го Ноября в 5 часов с четвертию по полудни. Родился сын Николай, ростом 12-ти вершков. — в Орле в доме Петра Михайловича Каменского — в Субботу. Крестили 14-го числа Ноября — батюшка Николай Алексеевич Тургенев и Матушка Катерина Ивановна Сомова». Владельцем дома был внебрачный сын генерал-фельдмаршала М. Ф. Каменского, долгое время вынужденный носить фамилию в перевернутом виде — Менкаский, добрый знакомый Варвары Петровны, с которым она вела переписку и за которого чуть замуж не вышла. Следующая запись: «1817-го Года 21 Сентября Выкинула двух месяцев Ребенка».

И наконец: «1818-го Года 28-го Октебря — в Понедельник Родился сын Иван — Ростом 12-ть вершков в Орле в своем доме, в 12-ть часов Утра. Крестили 4-го числа Ноября — Федор Семенович Уваров. — с Сестрою Федосьею Николаевной Тепловой».

Сохранилось предание в семье московского врача В. В. Ассмана, уроженца Орла: Эмма, родная тетка его деда Августа Ассмана, была в ту пору известной в Орле повивальной бабкой. Она-то и принимала роды у жены полковника С. Н. Тургенева в тот знаменательный день...

Предание, записанное Н. С. Лесковым, отраженное в его заметке «Тургеневский бережок» («Орловский вестник», 1893, 26 августа, 228), дает представление о первой весне великого орловца, его сне в подвижной колыбели над Окою.

Прошло два года. Повяло новой весной. В записной книжке Варвары Петровны появилась запись: «1821-го Года 16-го Марта Родился сын Сергей Ростом в 1 1/2 вершков в Орле в Своем доме, в Середу в 5 часов утра. Крестили 22-го числа Марта Николай Васильевич Киреевский с Марьею Михайловной Карповой — другая пара Воин

Иванович Губарев, с Авдотьею Ивановной Лагриной »

Третий сын страдал эпилепсией, умер в 16 лет.

Тогда же супруги Тургеневы со всеми тремя сыновьями решили переехать в Спасское. Лето (1821) они встретили в усадьбе, основанной И. И. Лутовиновым в конце XVIII века рядом с церковью Спаса Преображения и могилами предков. Двухэтажный дом в виде подковы был таким огромным, что показался детям, по словам Тургенева, «целым городом». Здесь прошли детские годы писателя. Б. В. Богданов, старейший работник Тургеневского музея, в книге «душа моя, все мысли мои в России» (М., 1989) так рассказал об этом: «В буфетной, у горничных, у музыкантов он слушал сказки, учился разгадывать загадки, запоминал пословицы и поговорки. Старые дворовые рассказывали ему страшные истории о прежнем барине Иване Ивановиче, о том, что он и теперь ходит по ночам на Варнавицкую плотину и ищет разрыв-траву, чтобы выбраться из могилы; о жестоком управителе, убитом крестьянами в овраге возле Ивановского пруда, и о том, что овраг тот зовется поэтому Злодеевым Верхом. Мальчика манил парк с его запутанными извилистыми тропинками, полянами, заросшими лютиками, незабудками и земляникой, тенистыми липовыми аллеями и укромными потаенными уголками. Он учился у крепостных охотников распознавать птиц по голосу, различать породы деревьев, узнавать цветы и травы».

Ивану было четыре года, когда вышедший в отставку полковник Тургенев отправился с семейством своим в заграничное путешествие. Путь лежал через Берлин, Дрезден, Карлсбад, Цюрих и Берн на Париж. В Берне в зоопарке Ваня залюбовался медведями, переполз через барьер и... Отец успел подхватить мальчика за ногу. В Париже жили полгода, посещая театры, концерты, Лувр. Среди слуг был домашний доктор А. Е. Берс, отец жены Л. Н. Толстого Софьи Андреевны. Сергей Николаевич в поисках хороших гувернеров заезжал в Швейцарию.

В спасском доме Варвара Петровна усаживала детей за круглый стол и устраивала чтение по очереди русских и французских книг. Ваня слушал внимательнее всех. Рано овладел тремя языками — французским, английским и немецким. Когда матушка заставляла рассказать об интересном случае, он преображался. Любил смешить. Играя в буриме, придумывал на готовые рифмы стихи. Старший брат хмурился и называл его «сочинителем». Писатель потом запомнил игру в острова, где ему досталась роль короля. «Острова, — вспоминал Тургенев, — вели между собою войны. Происходили битвы, одерживались победы. Раз мне пришлось, помню, писать историю островов и я написал вот такую толстую тетрадь».

«По вечерам, когда съезжались гости, дети любили слушать их воспоминания о славных днях 1812 года, — читаем в книге Ю. В. Лебедева «Тургенев» (М., 1990). — Дом Тургеневых часто навещали офицеры, приятели отца. Рассказы о Бородинском сражении, о пожаре Москвы, о патриотическом подъеме русского народа и бесславном бегстве французов, о герое партизанской войны Денисе Давыдове и легендарной старостихе Василисе будоражили впечатлительного Ваничку. Детское сердце наполнялось чувством гордости за свою Родину, за храброго отца, который, рискуя жизнью, спас в одном сражении своего командира, генерала Родиона Егоровича Гринвальда. Этот человек всегда был желанным гостем в доме Тургеневых».

Описывая в «Дворянском гнезде» воспитание Феди Лаврецкого, автор многое взял из своего детства. В одном из писем к студенческим друзьям М. А. Бакунину и А. П. Ефремову поведал, как с дворовым человеком в Спасском рылся ночью в книжных шкафах. Потом целый день листал «Книгу эмблем» и «лег спать с целым миром смутных образов в голове». Дворовому это был Леонтий Серебряков — досталась «Россиада» Хераскова. В повести «Пунин и Бабурин» Тургенев описал чтение героической поэмы в глубине сада: «Эти деревья, эти зеленые листья, эти высокие травы заслоняют, укрывают нас от всего остального мира; никто не знает, где мы, что мы а с нами происходит важное, великое, святое дело».

Другим приятелем был Ваня Кубышкин. Вместе играли в укромных уголках сада, вместе убегали в село, слушали пение девушек, наблюдали хороводы. Музыкальным слухом потом дивил Полину Виардо.

Мать в быту подражала царям. Имела своих «министров», свою «полицию». В расправах даже детей своих не щадила. «Драли меня... за всякие пустяки, чуть не каждый день...», — с горечью рассказывал писатель. В праздничные дни хозяйка была щедра и добродушна. Например, 15 сентября, в день святого Никиты, съезжались гости. Звучала музыка, водились перед домом хороводы. Охотники рыскали по полям. А вечером — дом в огнях, бал с маскарадом, домашний спектакль. Приезжали А. А. Плещеев и В. А. Жуковский. Василий Андреевич запомнился в роли волшебника. Был у Тургеневых оркестр крепостных музыкантов, был свой балет, знаменитый на всю округу.

Ване было 7 лет, когда он услышал о восстании на Сенатской площади. Родственник С. И. Кривцов попал в Сибирь. Михаил Филиппович, глухой камердинер Варвары Петровны, находился с солдатами на Сенатской площади, видел картину расстрела. За Сергеем Николаевичем было установлено секретное наблюдение: он состоял в родстве с Николаем Ивановичем Тургеневым и его братом Александром...

В Москве на Самотеке Тургеневы купили дом (1827). Переехали. Николая и Ивана отдали в пансион Вейденгаммера, сами же уехали на два года за границу поправлять здоровье Сергея Николаевича. Вернулись в 1829 г. и перевели детей в пансион Краузе. Надзиратель увлекательно пересказывал роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский». Вспомнился предок Петр Тургенев, смело обличавший самозванца. Автор романа оказался другом отца, стал частым гостем Тургеневых. О Загоскине потом писал, что «нельзя было не любить Михаила Николаевича за его золотое сердце, за ту безыскусственную откровенность нрава, которая поражает в его сочинениях». Пока родители были за границей, своих племянников воспитывал Н. Н. Тургенев. Любил вспоминать войну. За храбрость в Бородинском сражении был награжден знаком отличия военного ордена, произведен в поручики. Потряс Париж (1814) необыкновенной физической силой. Научил хорошо ездить верхом, метко стрелять. Много от дяди взято для «Записок охотника» (Чертопханов).

Летом 1831 г. Тургенев вышел из пансиона. Началась подготовка в университет. Русскую словесность преподавал Д. Н. Дубенский, автор исследования «Слова о полку Игореве», лекции по истории читал И. П. Ключников, друг Белинского и Станкевича. Летом 1833 г. Тургенев пережил несчастную любовь к княжне Екатерине Шаховской, соперником оказался отец. Пережитое отразилось потом в повести «Первая любовь». В сентябре выдержал экзамены на словесный факультет Московского университета; из 167 было принято 25. В 1834 г. Николай Тургенев поступил в Петербургское артиллерийское училище. Мать лечилась за границей, отец с детьми переехал в столицу. Иван Тургенев перевелся на философское отделение Петербургского университета. Начал сочинять. Написал оду на открытие Александровской колонны 30 августа 1834 г., приступил к романтической поэме «Стено». А через два месяца, 30 октября 1834 г. на руках И. С. Тургенева умер отец. В «Дневнике лишнего человека» писал: «Я весь отяжелел, но чувствовал, что со мною совершается что-то страшное... Смерть тогда заглянула в лицо и заметила меня». Зимой 1834 г. ходил в Зимний дворец к В. А. Жуковскому. Мать навязала «красивую бархатную подушку» в подарок знаменитому поэту, воспитателю наследника русского престола.

В 1835 г. познакомился с Т. Н. Грановским, студентом выпускного курса. Будущий историк прочел отрывок из своей поэтической драмы «Фауст». Читали Бенедиктова. В университете из профессоров заинтересовал П. А. Плетнев. Знали, что он — друг А. С. Пушкина, ему посвящен «Евгений Онегин». Показал Плетневу «Стено». Тот «отечески пожурил», но заметил, что «во мне что-то есть!»? Довелось на третьем курсе слушать лекции Н. В. Гоголя по истории. Спрашивал за него профессор И. П. Шульгин. Экзамен по истории средних веков сдал неудовлетворительно. Вышел из университета (1836) не

кандидатом, к чему стремился, а действительным студентом. Был на премьере «Ревизора» в Александринском театре 19 октября 1836 г., слушал первое исполнение «Жизнь за царя» (27 ноября 1836 г.).

Однажды в передней квартиры П. А. Плетнева «столкнулся с человеком среднего роста, который, уже надев шинель и шляпу и прощаясь с хозяином, звучным голосом воскликнул: «Да! да! хороши наши министры! нечего сказать!» — засмеялся и вышел». Успел разглядеть «его белые зубы и живые, быстрые глаза». Это был Пушкин, который, по словам Тургенева, для него и многих его сверстников стал «чем-то вроде полубога». Второй раз увидел великого поэта на утреннем концерте в зале Энгельгардт: «Он стоял у двери, опираясь на косяк, и, скрестив руки на широкой груди, с недовольным видом посматривал кругом». Запомнил «его смуглое небольшое лицо, его африканские губы, оскал белых крупных зубов, висячие бакенбарды, темные желчные глаза под высоким лбом почти без бровей — и кудрявые волосы». На Тургенева поэт «бросил беглый взор» и «отошел в сторону». Через несколько дней Тургенев увидел Пушкина в гробу. Попросил слугу поэта срезать с головы покойного небольшой локон волос и хранил в специальном медальоне. Прочитал лермонтовское «На смерть поэта»?..

В том же 1837 г. Тургенев получил степень кандидата философских наук. Экзамены сдавал весной. Последний был отложен по причине болезни профессора Н. Г. Устрялова. Известный историк был земляком Тургенева, родом из Орловской губернии, выпускником Орловской гимназии.

Лето провел Тургенев в Спасском. Был весел. Забавно учил греческому произношению маленькую Вареньку, воспитанницу матери. Охотился вместе с крепостным егерем Афанасием Алифановым (прототип Ермолая). В конце августа упал с охотничьих дрожек и вывихнул руку. Руку выправили, но пришлось задержать отъезд в Петербург. Вернулся лишь зимой.

9 марта 1838 г. был на литературном вечере у П. А. Плетнева. Потянулся душой к А. В. Кольцову. Подвез его на своих санях. Поэт был молчалив. «На углу переулка, в котором он жил, он вышел из саней, — вспоминал Тургенев, — торопливо застегнул полость и, все покашливая, и кутаясь в шубу, потонул в морозной мгле петербургской январской ночи...»

15 мая 1838 г., отслужив напутственный молебен в Казанском соборе, Варвара Петровна простилась с сыном. Когда пароход «Ижоры» отчалил к Кронштадту, с нею случился обморок. Из Кронштадта в Германию плыл на корабле «Св. Николай». В дороге произошел пожар.

К счастью, прибыли шлюпки. Пассажиры были спасены, в том числе П. А. Вяземский и жена Ф. И. Тютчева с детьми.

В Берлине Тургенева встретил Т. Н. Грановский, познакомил с другом своим Н. В. Станкевичем. Началось слушание лекций в Берлинском университете. В мае 1839 г. получил известие от матери, что в Спасском сгорел усадебный дом. Поехал домой и увидел черный полукруг пепелища, обугленные деревья. Мать, потрясенная пожаром, стояла на веранде уцелевшего флигеля. Уцелела, к счастью, библиотека, до середины сентября Тургенев находился в деревне, отводя душу на охоте с верным крепостным егерем Алифановым. Затем около двух месяцев провел в Петербурге, где его уже заметили по двум стихотворениям в «Современнике» 1838 года: «Вечер» — в первом номере, «К Венере Милосской» — в четвертом. В декабре 1839 г. дважды видел М. Ю. Лермонтова: в доме княгини Шаховской и на балу в дворянском собрании, но подойти не решился. В середине января 1840 г. выехал из столицы в Италию.

Провел в Вене девять дней, в Риме со Станкевичем ходил по развалинам Колизея, стоял перед статуей Аполлона в Ватикане. Потом был Неаполь. В Генуе из кондитерской навстречу выбежала перепуганная девушка необыкновенной красоты и позвала помочь брату, упавшему в обморок. В «Вешних водах» героиня названа Джеммой. Прибыл в Берлин. Узнал, что на севере Италии умер Н. В. Станкевич. Нашел друга в лице М. А. Бакунина. Поселились на одной квартире. Днем слушали лекции, вечером — музыку,

навеща Варвару Александровну, сестру Бакунина: умная, обаятельная, она прекрасно играла на фортепиано сонаты Бетховена. Читали «Фауста» Гете. В 1840 г. приехал А. И. Тургенев, друг и родственник отца, брат Николая Ивановича, декабриста, автора книги «Опыт теории налогов», направленной против крепостного права. Александр Иванович при встрече напомнил девиз в гербе рода: «И без страха обличаху» — слова Палицына о предке, обличителе самозванца. Весной 1841 г. И. С. Тургенев, закончив слушание лекций, уехал. На прощанье дал слово М. А. Бакунину навестить его Премухино. «Примите его как друга и брата, — написал сестрам Бакунин... Я знаю, вы его полюбите». В Петербурге Тургенев показал Плетневу новые стихи. Два из них («Старый помещик» и «Баллада») в 1841 г. увидели свет в «Современнике». В Москве встретился с матерью. Спасское лето сблизило с А. Е. Ивановой, осень в Премухине свела с Т. А. Бакуниной. Авдотья Ермолаевна Иванова, кроткая белошвейка по вольному найму, полюбила барина. И он был готов жениться. «Прокляну! Лишу благословения и наследства!» — бушевала Варвара Петровна и повелела выгнать белошвейку из Спасского. В Москве родилась у нее дочь Пелагея, очень похожая на отца. Девочку отняли и поселили в Спасском под присмотром Ф. И. Лобанова. Но это случилось потом. Тогда же, осенью сорок первого, он бежал от материнского гнева в Премухино. По дороге тяжелые думы обернулись словами: «Утро туманное, утро седое...»

Сестры Бакунины окружили его теплом и вниманием, заслушивались, братом называли. Татьяна Александровна призналась в любви. Роман длился около полутора лет. Некоторыми ее чертами писатель наделил героиню рассказа «Татьяна Борисовна и ее племянник». Остался след в стихах: «Нева», «Осень», К***, «Осенний вечер» и др. В апреле — мае 1842 г. Тургенев сдал магистерские экзамены по философии и латинской словесности в Петербургском университете, в 1843 г. был зачислен на службу в Министерство внутренних дел, но в апреле 1845 г. уволился. Более нигде не служил. В апреле 1843 г. вышла первая книга — поэма «Параша» за подписью «Т. Л.». Уезжая в Спасское, передал книгу В. Г. Белинскому. В Спасском, получив майскую книжку «Отечественных записок», прочитал отзывы о своем произведении: «один из прекрасных снов на минуту проснувшейся русской поэзии», «глубокая идея», «стих обнаруживает необыкновенный поэтический талант». Похвала окрылила. Родились поэмы «Разговор» и «Помещик», повесть в стихах «Андрей», повести в прозе «Андрей Колосов», «Бреттер», «Петушков».

Тургенев и Белинский встречались, спорили, дружба крепла. Вместе отдыхали потом в Зальцбурне (май 1847 г.). Память о друге писатель хранил всю жизнь...

«Нарашу» похвалила строгая мать. Испытанием стала для нее женитьба старшего сына Николая на камеристке А. Я. Шварц: обвенчались тайно (1842).

28 октября 1843 г. Тургеневу исполнилось 25 лет. В этот день на охоте под Петербургом познакомился с французом Луи Виардо. Остановился Луи с женой-певицей в доме против Александринского театра. Там и состоялось 1 ноября знакомство Ивана Тургенева и Полины Виардо. Ей шел двадцать третий. Петь научил отец, знаменитый испанский тенор Мануэль Гарсия. «Первые уроки, — рассказывал Б. К. Зайцев в «Жизни Тургенева» о Полине, на парусном судне, шедшем в Мексику с голоса, без рояля. Ноты писал сам отец». Красотой не славилась. Но глаза имела пламенные и выразительные, волосы черные, как смоль, характер властный. «Древняя кровь, древние страсти кипели в ней», — писал Зайцев. «Имя свое Полина получила по крестной матери, княжне Прасковье Андреевне Голицыной», читаем у Лебедева. Варвара Петровна встревожилась, узнав о роковом увлечении сына. В Москве побывала на одном из концертов. Призналась: «Хорошо проклятая цыганка поет». В 1845 г. Тургенев, оставив службу, вместе с супругами Виардо впервые посетил Францию, встретился в Париже с Н. И. Тургеневым. Тот с воодушевлением слушал рассказы о богатых творческих возможностях русского народа, вынесенные из охотничьих наблюдений. «Вот предмет для литературного изображения! — говорил горячо. — Почему бы вам не продолжить Гоголя?»

Вернувшись на родину, Тургенев в кружке Белинского встретил Ф. М. Достоевского. В 1846 г. опубликовал в «Петербургском сборнике» повесть «Три портрета», поэму «Помещик». Познакомился с И. А. Гончаровым у Белинского, слушал чтение автором «Обыкновенной истории». Весной поехал в Спасское. Мать всех дворовых вывела встречать: мужчины стояли у подъезда, женщины — на балконе мезонина. Раздались крики: «Ура! Иван Тургенев!» Возмутился и повернул обратно. Николай Николаевич догнал и вернул племянника. Отношения с матерью не наладились. В конце 1847 г. он уже был в Берлине. В том же январе «Современник» в отделе «Смесь» опубликовал очерк «Хорь и Калиныч». Очерк заметили и выдвинули на первый план. «Не удивительно, — писал Белинский, — что маленькая пьеска «Хорь и Калиныч» имела такой успех: в ней автор зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил». В Париже Тургенев напряженно работал. «Никогда еще мысли не приходили ко мне в таком изобилии», — признавался Полине Виардо. Создавал очерк за очерком, рассказ за рассказом. Он писал великую книгу о России, которой суждено стать в один ряд с «Мертвыми душами». Первым изданием вышли «Записки охотника» в 1852 г. К этому времени в жизни автора произошли грустные события. Умер Белинский (1848). Умерла мать (1850). Умер Гоголь (1852). Тургенев написал статью, где любимого писателя назвал великим человеком, который «своим именем одним означил эпоху в истории нашей литературы», но «Петербургские ведомости» не опубликовали. Поместил в «Московских ведомостях», за что попал на месяц под арест. Там он написал «Муму», а выйдя на волю, прочитал друзьям. По дороге в родные места остановился в Москве. Историк И. Е. Забелин показывал писателю, попавшему в немилость, «кремлевские древности». В Спасском летом охотился, осенью поехал в Москву к дяде Николаю Николаевичу. Засмотрелся на брюнетку Феоктисту, служанку дядиной племянницы Е. А. Тургеневой. Влюбился и выкупил на волю за 700 рублей. Увлечение оказалось недолгим, но Феоктисту потом узнали в Фенечке («Отцы и дети»). В марте с фальшивым паспортом ездил в Москву, чтобы повидаться с Полиной Виардо, выступавшей там. В Спасском много читал из истории России. Прочел «Сказания русского народа И. Сахарова, «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» И. Снегирева, «Быт русского народа» А. Терещенко, восторгался былинами Кириши Данилова, народными русскими песнями. В июле 1853 г. написал П. В. Анненкову, что «был на берегах Десны, видел места, ни в чем не отличающиеся от того состояния, в котором они находились при Рюрике», «видел сосны вышиною с Ивана Великого». В Спасском написаны повести: «Дневник лишнего человека», «Два приятеля», «Затишье», «Переписка», «Яков Пасынков». С увлечением работал над романом «Два поколения». В. П. Боткин нашел его излишне дидактичным, растянутым и вялым. Уничтожил, лишь опубликован отрывок под названием «Собственная господская контора». Так называемый «флигель изгнанника» в Спасском принимал гостей. 9 марта 1853 г. приехал М. С. Щепкин, привез новую комедию А. Н. Островского «Не в свои сани не садись». С наслаждением прочли, вспомнили Гоголя. Тургенев восхищался третьей главой второго тома «Мертвых душ». Вечером при свечах читал свою повесть «Два приятеля». Изложил план побега... 29 мая того же года Тургенева навестил А. А. Фет. Разговорились об искусстве, заспорили о содержании второй части «Фауста». Гость прочел переводы из Горация, которые хозяин нашел прекрасными. Фет в Новоселках выслушивал от отца: — Ох, напрасно, напрасно ты заводишь это знакомство! Ведь ему запрещен въезд в столицы, и он под надзором полиции. В последний год рано началась зима. Семейство Тютчевых, жившее в большом доме, уехало. К зиме Тургенев убедился, что вести хозяйство не может: там пшеницу продешевил, там лошадей купил не тех. В одиночестве выручал Пушкин. С молодым соседом Василием Коротеевым время проводил за шахматной доской. А приехал П. В. Киреевский, собиратель народной поэзии, наговориться не мог. Бывал у него в

Киреевской слободке, назвав его человеком «хрустальной души» в одном из писем. В ноябре 1853 г. И. С. Аксаков заехал по дороге на юг. Читал свои стихи, рассказывал о Москве, Петербурге. Вскоре, 23 ноября 1853 г., получил письмо от графа Орлова «с объявлением свободы и позволения въезжать в столицы». Спасская ссылка длилась два года. 13 декабря редактор «Современника» Н. А. Некрасов давал обед в честь «спасского изгнанника». Зимой Тургенев провел в Петербурге. Ввел А. А. Фета в круг редакции, познакомился с ф. И. Тютчевым и уговорил его издать собрание стихотворений, написал о нем статью для «Современника». В марте в журнале увидела свет повесть «Муму». В доме дальнего родственника А. М. Тургенева заинтересовался его дочкой Ольгой. Она играла на фортепиано, была начитана. «Муму» вызвала у нее слезы. Тургенев заговорил у Аксаковых в Абраамцево о своем намерении жениться. Но и это чувство быстро перегорело. Ее образ воскрес в «Дыме», в облике Татьяны... Осенью 1854 г. в Спасское приехал Н. А. Некрасов. Много времени проводили на охоте. Тургенев обдумывал «Рудина», Некрасов начал поэму «Саша», которую посвятил хозяину Спасского. Болея горлом, поэт говорил шепотом, собирался за границу.

На зиму Тургенев уехал в Петербург. В январе 1855 г. был на праздновании юбилея Московского университета. 18 февраля 1855 г. умер Николай I. Тургенев пошел к Зимнему дворцу, спросил часового: «Правда ли?» Не плакал. Николаевская эпоха кончилась. Летом к Тургеневу в Спасское приехали Д. В. Григорович, А. В. Дружинин, В. П. Боткин. Когда они уехали, писатель взялся за «Рудина». В перерывах ездил в Покровское, читал написанное Марии Николаевне Толстой и ее мужу, Перед отъездом в Москву впервые написал Л. Н. Толстому, благодарил за посвящение «Рубки леса», писал о высоком уважении к таланту, советовал: «Очень было бы хорошо, если б Вам удалось выбраться из Крыма — Вы достаточно доказали, что Вы не трус, — а военная карьера все-таки не Ваша. Ваше назначение быть литератором, художником мысли и слова». Вскоре узнал о падении Севастополя. Второй удар — смерть Т. Н. Грановского. Был на похоронах. Привез в «Современник» «Рудина». Потом читал, выслушивал замечания, вносил поправки. 19 ноября в Петербург нагрязнул Л. Н. Толстой и с вокзала явился к Тургеневу. Через несколько дней зашел Фет и увидел в углу полусаблю с анненской лентой. Слуга пояснил, что граф Толстой «в гостиной ночуют», а Иван Сергеевич «в кабинете чай кушают». Тургенев, боясь разбудить спящего, рассказал шепотом, что гость «вернулся из Севастополя с батареи, остановился у меня и пустился во все тяжкие. Кутежи, цыгане и карты всю ночь, а затем до двух часов спит как убитый». Тургенев был на 10 лет старше и как добрый наставник заботился о Толстом. 31 мая 1856 г. Толстой навестил Тургенева в Спасском. Охотились, развлекались, играли в шахматы. Ездили в Покровское к Марии Николаевне Толстой. Обычно Тургенев приезжал к ней с томиком Пушкина, учил ценить поэзию. Прочел свою повесть «Фауст», где на пути героя встала Вера Николаевна Ельцова, как перед автором она, М. Н. Толстая. Спустя годы, ставшая монахиней, она сказала, указав на фотографию Тургенева: «Если бы он не был в жизни однолюбом и так горячо не любил Полину Виардо, мы могли бы быть счастливы с ним, и я не была бы монахиней, но мы расстались с ним по воле Бога: он был чудесный человек, и я постоянно о нем вспоминаю». В Париже (1856) Тургенев первым делом навестил в пансионе госпожи Аран дочь Полину. Около шести лет прошло с тех пор, как он посадил ее, восьмилетнюю, на пароход и отправил на чужбину. Писал ей, а теперь убедился с горечью, что девочка забыла родную речь. Осень провели вместе в Куртавнеле. На неделю отлучился повидать Герцена в Лондоне. Говорили о политике Александра II. Герцен похвалил роман «Рудин». Прибыл Н. П. Огарев. Вместе обсуждали издание газеты «Колокол». Тургенев согласился быть тайным корреспондентом. В Куртавнеле радовался успехам дочери в домашнем спектакле, охотился с Луи Виардо. Приехал Фет. Шумно спорили. Тургенев признался, что дочь не нашла счастья в чужой семье, ее считают «мальчиком в юбке»,

«сумасшедшей», «злой». По совету друга велел дочери подписываться «П. Тургенева». Ухудшились отношения с Полиной Виардо — она увлеклась дирижером Юлиусом Ритцем. Затем покачнулось здоровье и пришлось ехать лечиться в немецкий городок Зинциг. Однажды вечером, возвращаясь с прогулки, увидел грядку конопли. Запах напомнил родное. Страстно затосковал по русской земле. Родилась повесть «Ася». Прочитав, пришли в восторг Некрасов, Чернышевский, Панаев, Григорович. Ездил в Рим (1857), вернулся (1858) в Россию. На обеде в ресторане Дюпон чествовали Александра Иванова, привезшего из Италии завершённую картину «Явление Христа народу». Встретился с Некрасовым. Тот заговорил о новом сотруднике Н. А. Добролюбов: напоминает Белинского. Пospешил в Спасское, оттуда в Орел, торопился на выборы в губернский комитет по проведению крестьянской реформы, но опоздал. С горечью писал, что избрали «самых озлобленно-отсталых», Как-то, гуляя по Орлу, вышел на крутой берег Орлика, увидел высокие липы, заросли сирени, бузины, орешника. Здесь — начало «дворянского гнезда», В судьбе Лизы Калитиной потом увидели Евдокию Коротневу, жившую над Орликом. Называли и другие имена. Биограф Ю. В. Лебедев напомнил, что тогда же «состоялось трехдневное свидание с Марией Николаевной Толстой в Ясной Поляне — грустное свидание, всколыхнувшее старые, угасшие мечты. Лучистые глаза ее уже не светились былым ласкающим блеском. Была в них какая-то отрешенность и отдаленность от мирских дел и земных тревог. Тихий, светлый образ Лизы Калитиной все более детально и подробно прояснялся...» В Лаврецком узнали болховского помещика-книголюба Барышникова. Но более всего было от самого автора... Фет, приехавший в Спасское 8 июля и переживший с Тургеневым дивные охотничьи зори в лесах Жиздринских и других местах, усмотрел в Топках сходство имения с заброшенной усадьбой Лаврецкого: «Описание старого флигеля, в котором мы остановились, верное в тоне, весьма преувеличено пером романиста». Тургенев толковал с дядей о переводе крестьян на оброк, ездил в Тулу, в Орел по делам предстоящей реформы. Люди, близкие ко двору, ему сказали, что желание освободить крестьян у царя окрепло после чтения «Записок Охотника». Дописывал «дворянское гнездо». Писал юному А. Н. Апухтину. Отвез рукопись романа в Петербург. Читал П. В. Анненков вслух. Восторженно приняли Некрасов, Дружинин, Писемский, Гончаров, Панаев. Автор, страдая бронхитом, читать не мог. В первом номере «Современника» за 1859 г. «Дворянское гнездо» увидело свет. Салтыков-Щедрин был потрясен. Писарев поставил в один ряд с «Евгением Онегиным», «Героем нашего времени», «Мертвыми душами»...

В апреле Тургенев выехал за границу, в мае встретился в Лондоне с Герценом, в середине сентября вернулся в Спасское, сел за роман «Накануне». Источником послужила не дошедшая до нас рукопись-повесть соседа по имени Василия Каратеева. Отправляясь в Крым офицером Орловского ополчения, он предложил распорядиться по своему усмотрению написанным. Поведал о девушке, полюбившей болгарина. Звали его Николай Катранов. Окончив Московский университет, он уехал с русской женой Ларисой в Болгарию. Скончался в Венеции от туберкулеза (1853). Писал стихи, занимался переводами, горел мечтой об освобождении своего народа. Тургенев пытался опубликовать рукопись Каратеева в журнале, но ее не взяли. Узнав о смерти соседа (1859), вновь перечитал ее. Работал над романом, параллельно — над очерком «Гамлет и дон Кихот». «Накануне» был напечатан в январском номере «Орловского вестника» Н. А. Добролюбов отозвался блестящей статьей «Когда же придет настоящий день?» Тургенев нашел ее резкой и просил Некрасова не печатать. При встрече сказал: «Выбирай: или я, или Добролюбов!» Некрасов не послушал. Тургенев оставил «Современник».

Новое осложнение: И. А. Гончаров стал подозревать, что Тургенев, работая над романами, использует услышанное от него. Так, в «Накануне» увидел в Шубине Райского из задуманного «Обрыва», в Елене Стаховой — Веру. 29 марта 1860 г. на квартире Гончарова был суд. Он признал произведения созданными «на одной и той же русской

почве», совпадения «в некоторых мыслях и выражениях» случайными.

В апреле выехал за границу, в июле встречался с Герценом в Лондоне. Много задумывался о взаимоотношениях поколений. Возникали конфликты с взрослеющей дочерью. В августе во время морских купаний в г. Вентноре на острове Уайт составил список действующих лиц романа «Отцы и дети». 30 июля 1861 г. закончил роман в Спасском. 27 мая того же года в гостях у Фета в Степановке произошла ссора с Л. Н. Толстым. Все началось с того, что хозяйка спросила Тургенева, доволен ли он английской гувернанткой своей дочери.

Тот, как вспоминал Фет, «стал изливаться в похвалах». Сказал, что теперь она требует, чтобы дочь «забирала на руки худую одежду бедняков и, собственноручно вычинив оную, возвращала по принадлежности». Толстой нашел эту сцену неискренней, театральной. Тургенев вспыхнул. Пригрозил: «Так я вас заставлю молчать оскорблением». Говорили даже, будто крикнул: «Замолчите! Или я вам дам в рожу!..»

Назревала дуэль. Но письменное извинение Тургенева предотвратило беду. Хотя отношения прервались надолго...

«Отцы и дети» вышли в февральском номере «Русского вестника» (1862). Следующий роман «Дым» появился в том же журнале в апреле 1867 г. В ту пору главным событием личной жизни была свадьба дочери. В 1865 г. она вышла за управляющего Гастона Брюэра, который затем стал владельцем стекольной фабрики в Ружмоне. Сам Тургенев поселился в Баден-Бадене, купив участок земли, прилегавший к вилле Виардо. Построил дом в стиле Людовика XIII, с мансардами, трубами, высокими крышами. У Виардо на музыкальных вечерах слушал игру А. Рубинштейна и Брамса, романсы хозяйки на стихи Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Фета, сочинял либретто для ее оперетт «Слишком много жен», «Последний колдун», в котором играл роль безмолвного паши. С хозяином охотился в Шварцвальдских лесах. «Дым» не принес ожидаемой славы. Посыпались эпиграммы: «Талант он свой зарыл в «Дворянское гнездо» и др.

Франко-прусская война привела к тому, что семья Виардо, а вместе с ними и Тургенев уехали в Лондон. Домом завладел московский банкир Ахенбах, купил у Виардо вместе с их виллой. Когда супруги Виардо вернулись в Париж, поселились на улице Дуэ, на втором этаже занял две комнаты Тургенев. В местечке Буживаль он построил рядом с виллой Виардо дачный домик. С 2 апреля 1874 г. Тургенев, Э. Гонкур, Доде, Золя, Флобер стали устраивать «обеда пяти». Лето проводил в России. 8 и 9 августа принимал в Спасском баронессу Ю. П. Вревскую, которой потом посвятил одно из «Стихотворений в прозе», писал ей в Болгарию, где она была сестрой милосердия в лазарете.

Семидесятые годы — новый творческий подъем. «Записки охотника» дополнил тремя рассказами — «Конец Чертопханова», «Живые мощи», «Стучит». Написал близкие по духу им повести «Пунин и Бабурин», «Бригадир», «Часы», «Степной король Лир».

Интерес к загадочным явлениям в человеческой психике привел к по-вестям: «Собака», «Казнь Тропмана», «Странная история», «Сон», «Клара Милич», «Песнь торжествующей любви». Сошелся с П. Л. Лавровым, дружеские чувства питал к Герману Лопатину, П. А. Кропоткину, С. М. Степняку-Кранчинскому, порвал с М. Н. Катковым и «Русским вестником». Хождение в народ отразил в романе «Новь», который был напечатан в «Вестнике Европы» за 1877 г. Упреки посыпались со всех сторон. Осуждал и Лопатин, но впоследствии сказал: «Он знал, что мы потерпим крах, и все же сочувствовал нам».

В апреле 1876 г. восстали болгары. Турки разорили 60 местечек, развернули беспощадную резню, убив 12 тысяч человек. В Орле комитет для вспомоществования славянским семействам Болгарии собрал около 4 тысяч рублей. В вагоне на пути из Москвы в Петербург Тургенев написал «Крокет в Виндзоре», где показал «целые сотни голов, обрызганных кровию черной». Стихотворение облетело Россию, было напечатано в Болгарии, переведено на немецкий, французский и английский языки. Отвечая брату Николаю, Тургенев пояснил, что написал «под влиянием вычитанных из газет болгарских ужасов». Восхищался мужеством Ю. П. Вревской, с которой перед ее отъездом встречался

в Павловске, на даче Я. П. Полонского. Она сказала о тяжелой болезни Некрасова. Состоялось их последнее свидание. С немалым огорчением узнал о его смерти. Вскоре (1878) пришла весть о «милой Вревской»: «Она получила тот мученический венец, к которому стремилась ее душа».

Тургенев оживленно переписывался и встречался с М. Е. Салтыковым-Щедриным, восхитился «Благонамеренными речами», подтолкнул написать роман «Господа Головлевы». «Очень люблю этого человека», говорил Анненкову. Высоко оценил Г. И. Успенского. В апреле 1878 г. получил письмо от Л. Н. Толстого, который предлагал дружбу. Плакал, читая. В ответном письме крепко жал протянутую руку, душевно радовался «прекращению возникших между нами недоразумений». В августе этого же года встретились в Туле, поехали в Ясную Поляну. Тургенев декламировал «Медного всадника». Толстой немного спорил, осуждая Петра I за деспотизм и произвол. С Софьей Андреевной шел разговор о русской деревне. «Нигде так хорошо не работается», — сказал Тургенев. Был возбужден, подвижек, читал рассказ, играл в шахматы. Вернувшись из Спасского, написал Толстому, что рад: «Возникшие между нами недоразумения исчезли бесследно, как будто их никогда не было».

В начале 1879 г. умер брат Николай. Чуть позже, 15 февраля, в Москве группа профессоров устроила торжественный обед. М. М. Ковалевский поднял тост «За любящего и снисходительного наставника юности». Тургенев разрыдался. Шквалом аплодисментов встретили студенты, когда он появился в физической аудитории университета. Студент-медик П. Викторов, приветствуя, сказал, что появление «Записок охотника» «неразрывно связано с историей крестьянского освобождения». Писателя чествовали в Благородном собрании в Москве. В Петербурге в те памятные дни состоялось знакомство с М. Г. Савиной — актрисой Александринского театра. Она пригласила его на «Месяц в деревне», где играла Верочку. Успех был великий. Тургенев на сцену не вышел, кланялся из ложи. Савина вспоминала, как он, придя в уборную, «с широко открытыми глазами подошел ко мне, взял меня за обе руки, подвел к газовому рожку, пристально, как будто первый раз видя меня, стал рассматривать мое лицо и сказал: «Верочка... Неужели эту Верочку я написал?!.. Какой у вас большой талант!» В зале Благородного собрания вместе читали «Провинциалку». Публика вызывала. «Овации казались нескончаемыми», — вспоминала Савина. Тургенева забросали лаврами. Потом выступал Достоевский. Овации стали бурными. Ему тоже вручили букет роз. Тем же летом Оксфордский университет произвел Тургенева за «литературные заслуги» в доктора естественного права. «Честь великая, — удивлялся писатель, — едва ли я не первый русский, ее заслуживший, — но как, почему!» Оказалось, за содействие «Записками охотника» освобождению крестьян. Вручали приветственные адреса и лавровые венки. Шли и шли к нему в гостиницу «Европейская»?.. Власти встревожились. Прибыл флигель-адъютант императора и вежливо спросил, когда Иван Сергеевич намерен «отбыть за границу». Отбыл.

Летом 1879 г. в Париже Тургенева навестил А. Ф. Кони. Запомнил потертую куртку хозяина двух комнат, пыль на рояле, оторванную штору. В ресторане за обедом писатель с грустью говорил:

— Да, да, женитесь, непременно женитесь! Вы себе представить не можете, как тяжела одинокая старость, когда ждешь ласки, как милостыни... Не обрекайте себя на безотрадное будущее!

В феврале 1880 г. Тургенев приехал в Петербург. Столица после неудачного покушения на Александра II замерла. Писателя мучила подагра. Друзья намекнули, что он на подозрении. Советовали не выступать. Используя знакомства, добился разрешения «читать публично». Но уже ни венков, ни адресов не было. Запомнил встречу на квартире Г. И. Успенского с сотрудниками «Русского богатства». Речь его, как вспоминал С. И. Кривенко, «пилась почти безостановочно». Юноша Русанов (видимо, орловец Н. С. Русанов) спросил:

— Вы, Иван Сергеевич, давно живете во Франции и хорошо знаете и ее настоящее и прошлое, вы, конечно, знаете и Россию. Каково же ваше мнение о теперешнем положении вещей у нас, и не думаете ли вы, что у нас на носу революция?

— Я не пророк в своем отечестве и не могу претендовать на предсказание, — ответил Тургенев. Разговор ужесточился. Стал рассказывать о встречах с крестьянами. На вечере у издателя журнала «Слово» К. М. Серебрякова заговорил о том, как меняется народный характер. Полного единения с молодежью не получилось. Л. Е. Оболенский увидел в нем «чистокровного русского старого барина», человека «совсем иного мира, иных привычек, вкусов...» Писатель ходил в театр, восхищался М. Г. Савиной. «Изо всех моих петербургских впечатлений самым дорогим и хорошим остается вы!» — сказал, уезжая из столицы. В Москве готовилось великое торжество — Пушкинский праздник. Юбилейный комитет, в состав которого введен был Тургенев, поручил ему написать небольшую брошюру о значении Пушкина, которую будут раздавать участникам праздника. В марте благодарил в письме А. М. Опекушина, автора будущего памятника поэту, за намерение прислать уменьшенную копию в подарок. В апреле писал главному организатору торжеств Я. К. Гроту, прося уведомить, когда именно состоится открытие памятника. Из Москвы написал Л. Н. Толстому: надо «свидетельствовать и потолковать». Встретились в мае. Уговаривал принять участие в торжествах, но Толстой был неумолим. Впоследствии в письме в редакцию «Русских ведомостей» отказ объяснял тем, что «такого рода чествования» считал неестественными и не отвечающими его душевным требованиям. Тургенев отправился в Спасское-Лутовиново. Увидел парк в роскошном уборе, услышал странную легенду о себе. Оказывается, после взрыва в Зимнем дворце, устроенном заговорщиками, прошел слух, будто император велел на голову Тургенева надеть двенадцатифунтовую чугунную шапку и замуровать в каменный столб. Написал об этом М. М. Стасюлевичу и заметил с раздражением, что слухи — следствие семян, посеянных господами Катковыми.

В парке заливались птицы. На втором этаже усадебного дома, за столом, покрытом зеленой тканью, писал о Пушкине. Быть может, вспоминал при этом, как увидел впервые своего кумира...

Утро 6 июня 1880 г. в Москве было облачным, дул холодный ветер. Солнце выглянуло из-за туч, когда хор запел «Славься!» и с памятника упало покрывало, когда на глазах Александра Александровича Пушкина, сына поэта, блеснули слезы, а по площади прокатилось «ура!» Праздник продолжался в актовом зале университета. Ректор Н. С. Тихонравов объявил об избрании в почетные члены университета академика Я. К. Грота, П. В. Анненкова, затем назвал имя И. С. Тургенева. По словам А. Ф. Кони, в этот момент «точно электрическая искра пробежала», «взрыв рукоплесканий и приветственных кликов внезапно возник в обширной зале и бурными волнами стал носиться по ней. Тургенев встал, растерянно улыбаясь и низко наклоняя свою седую голову».

В субботу, 7 июня, заседало Общество любителей российской словесности. Тургенев с большим воодушевлением сказал речь. Признал народный и национальный характер поэзии Пушкина, но признать его всемирное значение не решился. Триумф выпал на речь Достоевского, произнесенную 8 июня. «Пушкин, — сказал тот, умер в полном развитии своих сил и, бесспорно, унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». Аксаков обнимал Достоевского, Тургенев двинулся к нему с распростертыми объятиями, хотя и потом продолжал спорить.

Новый 1881 год Иван Сергеевич встретил в Париже. В первый же день написал два письма: одно П. В. Анненкову, другое М. М. Стасюлевичу. В «Отечественных записках» нашел «весьма замечательными» очерки Глеба Успенского. В письме Е. С. Гаршиной, матери писателя, пообещал в феврале приехать в Петербург, а там, в Москву и затем в деревню. Был озабочен, как лучше обеспечить дочь, ставшую госпожой Брюэр, разделял заботы супругов Виардо о предстоящей свадьбе их Марианны. Подагра и ее обручение задержали отъезд на родину. «В апреле я буду в деревне», — пообещал С. А. Толстой.

Приступ подагры и свадьба Марианны снова задержали. А душа летела в Спасское. Управляющему Н. А. Щепкину написал, велел отделать заново дом, запросил справку, правда ли, что недалеко от Кром находится имение, где будто «открылись громадные железные руды». Просил не жалеть денег на ремонт дома, чтобы он был прочным и теплым, обставленным мебелью как следует. Зазывал в Спасское М. Г. Савину, обещая приехать туда к Николину дню. Подагра передвинула срок. Приехал только 31 мая. «Я со вчерашнего дня здесь», — писал 1 июня М. М. Стасюлевичу. Разболелась поясница. Писал, что «погода ужасная (нынешней ночью такая была буря — что казалось, крыша слетит с дома) - а все-таки рад, что попал в «пристанище»... Здесь все тихи. Мужички уже успели посетить меня...» 10 июня ездил в Москву. 14-го написал М. Г. Савиной: «Приеду в Спасское, устрою там немедленно Вашу комнату и буду ждать от Вас уведомление, когда выехать к Вам навстречу в Мценск». 15 июня из Спасского написал д. В. Григоровичу: «Холод, как зимой». Просил передать Савиной, что «ее комната в лучшем виде». Через неделю пригласил в гости Л. Н. Толстого, просил привезти свои сочинения. Получив 4 июля ответ с обещанием приехать, обрадовался: «Известите меня о дне и часе Вашего прибытия в Мценск, чтобы выслать лошадей...». День 14 июля 1881 г. не отмечен ни одним письмом. Перо отдыхало. В этот день приехала долгожданная Мария Гавриловна. Пять дней гостила. 17 июля в Спасском праздновали 15-летие свадьбы Полонских. Был обед с речью Тургенева, был праздник крестьян с угощением, песнями и плясками. Савина подпевала, едва не пустилась в пляс. «Ишь, расходилась цыганская кровь», — шептал хозяин Полонскому. Вечером требовал играть на пианино мазурку. Плясал со всеми вместе. В один из вечеров читал на балконе дорогой гостье «Песнь торжествующей любви». Отрываясь от рукописи, ловил устремленные на него взоры, «эти взоры, которые и жгут и ласкают, даже когда их не видишь». Поцеловал ее в губы. Позже вспоминал поцелуй, «который чуть не сжег его на балконе спасского дома». Когда она уехала и прислала телеграмму, он ответил: «Комната, в которой Вы жили, так навсегда и останется Савинской». Не только комната, но и пруд получил имя той, что слушала здесь соловьев.

В то лето сдержал слово и Л. Н. Толстой, приехавший в Спасское 9 июля. Явился ночью в блузе, подпоясанной ремнем, седой и смуглый, показался Полонскому мужиком. В разговоре с Тургеневым был мягким, добрым, уступчивым. Наступила осень. Тургенев заговорил о том, что хорошо бы «водвориться в России, отвыкнуть от Франции и французов, которых он не раз называл копеечниками». По пути заехал в Ясную Поляну, попал на день рождения Софьи Андреевны. Стали вспоминать интересные случаи. «Самыми счастливыми мгновениями жизни я считаю мгновения любви», — сказал Тургенев. Последнее лето в Спасском, начатое веселым праздником на поляне перед домом, озаренное встречами и полное забот, уходило в прошлое. Он еще не знал, что оно последнее. В феврале 1882 г. собирался выехать в Россию через месяц. В конце мая спросил доктора, сколько шансов на поездку в Спасское. «Столько же, сколько на полное выздоровление, — ответил доктор, — 20 из 100». Не поехал. В сентябре написал крестьянам, пообещал приехать на следующее лето. Советовал воздерживаться от пьянства, жалел, что «дети мало посещают школу». Лето 1883 г. провел в постели. 29 июня написал Л. Н. Толстому, призывая: «друг мой, вернитесь к литературной деятельности! Ведь этот дар Вам оттуда, откуда все другое... друг мой, великий писатель русской земли, внимайте моей просьбе!»

Он мужественно боролся с недугом, но все чаще погружался в настроение, с которым ранее писал Полонскому:

«Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу».

Дней за пятнадцать до своей кончины, — вспоминала Полина Виардо, — он велел позвать меня к постели. Он сказал мне со слезами на глазах, что хочет просить у меня большой услуги...»

Продиктовал рассказ «Конец» о помещике, который и после реформ был груб с крестьянами: его нашли на дороге с проломленной головой. Просил похоронить на Волковом кладбище подле Белинского. Высшим желанием было — лечь у ног Пушкина. Но... Я не заслуживаю такой чести», — прошептал. В бреду, прощаясь, говорил только по-русски. Последние слова: «Прощайте, мои милые, мои белесоватые...»

Прощался с родными орловскими просторами.

...В одну из поездок в Ленинград я побывал на Волковом. Увидел могилу А. Н. Апухтина с роскошным памятником. Увидел вечный покой Леонида Андреева, перевезенного из Финляндии. Тронут был простотой, как на сельском погосте, холмиков отца и сына Лесковых.

Тургенев покоился под громадой — плитой из черного мрамора.

Так уж вышло: но именно на этой плите лежала алая роза.

Афанасий Фет

1

В ту восхитительную пору, когда соловьиный май прощается с нами, а с горы спускается в цветном сарафане лето, шумит-гремит на Орловщине Фетовский праздник поэзии. Ликуют Новоселки — родина поэта. Говорит стихами и звенит песнями Степановка. Там он выстроил дом, вырыл пруд, сад посадил и прожил с Марией Петровной из рода Боткиных долгие годы, пока не купил под Курском Воробьевку. С букетами цветов спускаются поэты под холодные своды Клейменовской церкви, где покоятся под тяжелыми плитами супруги Шеншины.

Фет — единственный из золотого созвездия писателей-орловцев, кто остался навечно в родной земле.

Он жил среди мужиков, дружил с Толстым и Тургеневым, благоговейно внимал каждому слову Тютчева, чувствовал незримую связь между собой и звездами, любил, был любим... В январе 1864 года Фет в последний раз встретился с Тютчевым, которого называл одним из величайших поэтов на земле.

«Федор Иванович, — восторженно отмечал Афанасий Афанасьевич, — болезненно сжимался при малейшем намеке на его поэтический дар, и никто не дерзал заводить с ним об этом речи. Но как ни скрывайте благоуханных цветов, аромат их слышится в комнатах. Его восхищали мягкие до женственности очертания лица Тютчева. Глядя, как он в помятой шляпе бредет по тротуару, задумчивый, не замечающий, что рукав волочится по земле, Фет угадывал в земляке любимца муз, живущего и действующего по Лермонтову:

Я не с тобой, а с сердцем говорю.

В Москве они встречались три раза в неделю. Радостный Фет спешил на Тверскую, стучал в номер гостиницы и за чашкой кофе, слушая меткие замечания Тютчева, упивался ими. Прочитал однажды свое стихотворение, услышал восклицание «Как это воздушно!» и ощутил в сердце трепет. Он и сам считал Тютчева воздушным воплощением поэта.

И вот теперь, в первом часу ночи, получив от него записку с приглашением проститься, кликнул извозчика и покотил, не замечая по дороге ни огней, ни теней.

Федор Иванович, потрясенный великим горем — смертью любимой, полулежал на диване, покрытый темно-серым пледом. Фету показалось, что его лихорадило. Он молча пожал Тютчеву руку и молча сел рядом. Тончайшие лирики, умевшие понимать друг друга без слов, они не могли доверить обычной речи все то, что их волновало.

Быть может, в эти минуты перед Фетом мелькнула тень Марии Лазич. Встреченная на Украине в пору армейской службы, она была хороша, умна, образованна, любила, как и он, музыку и стихи. Клавиши под ее пальцами рождали звуки, достойные поэзии:

Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью.
Полны они гордой разлуки,
Дрожат небывалой любовью.

Ей — знаменитое «Шепот, робкое дыханье». О ней — горькие строки воспоминаний: «Так в последний раз легла она в белом кисейном платье и, закурив папироску, бросила, сосредоточивая внимание на книге, на пол спичку, которую считала потухшей. Но спичка, продолжавшая гореть, зажгла спустившееся на пол платье, и девушка только тогда заметила, что горит, когда вся правая сторона была в огне... думая найти облегчение на чистом воздухе, девушка выбежала на балкон. Но при первом ее появлении на воздух пламя поднялось выше ее головы... Всякая медицинская помощь оказалась излишней, и бедняжка, протомясь четверо суток, спрашивала — можно ли на кресте страдать более, чем она?»

Ей через многие годы:

В тиши и мраке таинственной ночи
Я вижу блеск приветный и милый,
К в звездном хоре знакомые очи
Горят в степи над забытой могилой.

Трава поблекла, пустыня угрюма,
И сон сиротлив одинокой гробницы,
И только в небе, как вечная дума,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И снится мне, что встала из гроба,
Такой же, какой ты с земли отлетела,
И снится, снится: мы молоды оба,
И ты взглянула, как прежде глядела.

И это:

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокий,
Еще горит в моей крови.

...Фет молча пожал руку Тютчеву и молча вышел. В «Моих воспоминаниях» потом писал: «Мир праху твоему, великий поэт! Тень твоя может утешиться! Недаром ты так ревниво таил свой пламень, ты навсегда останешься любимцем избранных. Толпа никогда не будет в силах понимать тебя!»

Писал о нем, думал о себе, о судьбе своих книг. Был убежден, что и ему уготована та же судьба...

Зимним путем, возвращаясь в Степановку из Орла, думал о Тютчеве, вспоминая собственное:

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна.

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

Строки вырвались из сердца, когда ему шел 21-й год. Они и теперь, когда ему вдвое больше, созвучны настроению. Поэт по-прежнему чувствует себя одиноким путником в метельном пространстве жизни. Но тогда, в молодости, острее воспринималось все: и стремительный полет ласточки, и краса березы, убранной морозом, и дальний благовест деревенской церкви. Вспыхивало жаркое признание, навеянное ощущением глубочайшего родства с родной природой:

Я русский, я люблю молчанье дали мразной,
Под пологом снегов как смерть однообразной.
Леса под шапками иль в инее седом,
Да речку звонкую под Темно-синим льдом.

Однажды Вечером (случилось это в мае 1873 года) племянник Петя Борисов задал ему самый мучительнотрудный вопрос:
дядечка, я никак не могу уяснить себе, почему ты не Шеншин, когда ты, подобно дядям Васе и Пете Афанасьевич и родился в маминых Новоселках? Как сюда замешался Фет, и почему Фет мне родной дядя?
Вкрадчивый голос Пети дрожал от волнения, охватившего душу мальчика. Еще более был взволнован Фет.
— Милый друг мой, — начал он, — это такая сложная история...
Он так и не смог в тот майский вечер открыть завесу тайны, занимавшей его всю жизнь. Не мог или не захотел? Наверное, то и другое. Слишком далеко находились ключи от фамильной Тайны. Чтобы разыскать их, надо сесть в санный возок вместе с отставным штабс-ротмистром Афанасием Неофитовичем Шеншиным и его верным слугой Ильей.

2

Было ему, дворянину Орловской губернии, за сорок. Здоровье потребовало лечения. Вот и потянуло на исходе 1819 года к живописным берегам Рейна.
— Господи! — ворчал Илья, посматривая в туманную глубь горизонта, откуда выбегали один за другим верстовые полосатые столбы. — Неужто у нас в России нет своих целебных вод?
— Таких нет, — коротко отвечал суровый Шеншин.
— Знамо дело, что нет, — слышался голос слуги. — Там у них — заграница. Там, небось, доктора способнее наших.
— И доктора способнее.
Строгое лицо Шеншина было неподвижно. Мелькнула усмешка в глазах и пропала.

Вздыхнул Илья. Ему бы поговорить да скуку развеять. Ан, нет. Вот и гляди на унылую дорогу, версты считай. Напасть и только. Сидел бы сейчас в людской в Новоселках, ляды точил, а то и песни пел. Эх, дорога-дорога. Даже петь не хочется.

Афанасий Неофитович понимал настроение слуги, но у него было свое желание: побыть наедине с воспоминаниями.

Думая о той стране, куда лежал путь, Шеншин невольно ворошил в памяти события давние, видел перед собой военные дороги уланского полка, ликование немецких городов, освобожденных от французов. Счастливые лица, улыбки, цветы. Кипели думы. Росло нетерпение увидеть знакомые края.

...В Веймаре престарелый Гете радовался рождению внука и изданию многотомного собрания сочинений, находил высокое наслаждение от вечно юных поэм Гомера и мелодий Шуберта, приветствовал ослепительно-яркую звезду Байрона и вдумчиво трудился над второй частью «Фауста».

В Бонне молодой Гейне изучал в университете юридические науки, переживал бурное чувство к пленительной Амалии и писал стихи для будущей «Книги песен».

На берегах Невы двадцатилетний Пушкин находился во власти очарования Анной Керн после встречи у Олениных и с веселым нетерпением создавал «Руслана и Людмилу». В Дармштадте, главном городе Гессен-Дармштадтского герцогства, как раз в эту пору гостю из России не нашлось места в гостинице.

— Хорошее время на Рейне — осень, — сыпал словоохотливый хозяин. — Отличное время — лето! Господин напрасно выбрал зиму. Зимой у нас — калыт, совсем холодно. — У нас тоже не жарко, — усмехнулся Шеншин, глядя с высоты своего роста на бойкого немца.

— О, русский мороз, русский мороз! — замахал руками хозяин гостиницы. — Сам великий Наполеон бежал от него.

— Что верно, то верно, — заметил Афанасий Неофитович. — Только морозу, как мне помнится, здорово помогли русские солдаты.

Немец поспешил иронией приглушить восторгами:

— Русский солдат — герой! Вы воевали? Вы — тоже герой!

Шеншин поморщился и вздохнул:

— Только где этому «герою» заночевать?

Немец изобразил на лице величайшее сожаление и посоветовал обратиться к главному военному комиссару герцогства, советнику Беккеру.

Карл Беккер, увидев у ворот своего дома карету, вышел навстречу, назвал себя высокому русскому, который сразу же извинился, что вынужден беспокоить господина комиссара. Объяснив свое положение, Шеншин заметил:

— Я, следуя учению великого Руссо, люблю простую жизнь. Так что большие апартаменты мне ни к чему.

— Превосходно! — похвалил Беккер. — В таком случае — мой дом к вашим услугам.

— Илья! — обернулся Шеншин к слуге. — Можешь карету освобождать от наших чемоданов. Приехали.

Обрадованный слуга занялся своим делом, Афанасий Неофитович — своим: прошел вслед за хозяином в дом и вскоре был представлен семье советника.

— Иоганн Фет, — назвал себя мужчина с худым, нервным лицом.

Держался он горделиво, поскольку, как потом выяснилось, был внебрачным сыном одного из членов семьи великого герцога и воевал в армии Наполеона. Последнее обстоятельство он охотно выпячивал и ставил себе в заслугу.

С достоинством держалась и его жена Шарлотта — невысокая, кареглазая дочь комиссара, происходившая по отцу из старинной бюргерской семьи, по матери — из дворянского рода фон Галери.

Эрнст, брат Шарлотты, с явным любопытством рассматривал гостя из России.

Он и за обеденным столом постарался сесть поближе, чтобы расспросить подробно

Шеншина, откуда он родом, есть ли у него крепостные крестьяне.

— Есть, — отвечал на последний вопрос Афанасий Неофитович. — Вот, к примеру, Илья — один из них, верный мой слуга и спутник в путешествиях. Вместе будем пользоваться вашим гостеприимством.

Вопрос о крестьянах не очень был по душе ему, хорошо знавшему, что в герцогстве крепостного права нет. Спасибо, Эрнст больше не донимал. Но тут счел нужным подать голос Фет.

— Вы правильно поступили, — сказал снисходительно, — что покинули свое захолустье. Наш Дармштадт...

Шеншин насторожился. Слово «захолустье» резануло его.

— Второй раз оставляю, — сказал он, прерван вторую фразу в самом начале. — Первый раз сие случилось, когда мы дружными усилиями очищали Европу от Бонапарта.

— Наполеон — великий полководец! — вспыхнул Фет.

Шарлотта покраснела и опустила голову. Советник смутился. Беккеру стало неловко за невыдержанного зятя.

— Согласен, — спокойно продолжал Шеншин. — Однако есть у нас пословица: «И на старуху бывает проруха».

Помедлил и отчеканил:

— Светлейший князь Михайла Илларионович Кутузов, достойный ученик Александра Васильевича Суворова, сумел-таки великому вашему корсиканцу наломать бока и вышвырнуть вон за пределы России.

За столом стало тихо. Фет искал слова и не находил.

— Господа! — поспешил хозяин. — Не угодно ли будет поднять бокалы за нашего уважаемого гостя.

Шарлотта подняла голову и внимательным взглядом смутила русского. Гость торопливо выпил свой бокал.

— Прекрасное вино! — похвалил он.

— Гордость Дармштадта, — подхватил хозяин. — В нем аромат винограда, выращенного на берегах Рейна. К столу великого герцога его подают наравне с лучшими винами Франции.

Шарлотта, большая любительница книг, перевела разговор на литературу.

— Во дворце герцога, — сказала она, — богатая библиотека. Есть редкие издания Шиллера и Гете.

Афанасий Неофитович внимательно слушал. А у вас в России есть поэты? — спросила с улыбкой.

Фет, равнодушный к поэзии, нахмурился. Хотя голос жены был обращен не к нему, а к русскому...

Шеншин больше любил музыку, но и поэтическое слово в его душе находило отзвук.

— Русские, сударыня, не хуже чувствовать умеют, заговорил он, все больше оживляясь под пристальным взглядом хорошенькой собеседницы. — Во времена Елизаветы Петровны взошла звезда Ломоносова, при Екатерине Второй первое место на Олимпе занял Державин. Вся российская армия знает имена Василия Жуковского и Дениса Давыдова, славного гусара и первого партизана. В почете Карамзин, сменивший титул стихотворца на звание историографа государства Российского.

Шеншин говорил с воодушевлением, пристально глядя в глаза Шарлотте. У нее кружилась голова и сладко замирало сердце от русских имен, от голоса собеседника, от могучей силы, исходившей от него.

Шарлотта вновь почувствовала себя шестнадцатилетней девушкой с букетом алых роз, какой была в 1813 году при вступлении русских войск в ее родной Дармштадт...

Дармштадт — главный город герцогства — стоял в окружении садов и парков. Зима здешних мест походила на русскую весну: термометр показывал около двух градусов тепла.

Шеншин говорил о морозах под Мценском, вызывая в глазах Шарлотты испуг.

— Как же люди живут? — спрашивала.

— Так и живут, весело отвечал Афанасий Неофитович. — На санках с гор катаются. Дети снежных баб лепят, в снежки играют.

— А медведи у вас есть? — спросил Эрнст.

— Есть! Один стоит перед вами.

Эрнст захохотал.

Засмеялась и Шарлотта, представив себе высокую фигуру Шеншина в мохнатой шапке, шубе в белом от инея русском лесу.

Ему же вдруг захотелось подхватить ее на руки и понести по узким улицам старинного города, по холмистым берегам Рейна, чем-то похожего на Зушу в зеленых берегах под Мценском.

...Герцогство, где с помощью врачей поправлял здоровье отставной штаб-ротмистр русской армии, в XVI веке именовалось Гессенским. Родоначальником великих терцогов был ландграф Георг Благочестивый (1567—1596). Его сменил младший сын Филипп Великодушный. Затем на престол сел его сын Людвиг V. Во время Тридцатилетней войны селения герцогства терзали пожары, посевы гибли под копытами бешено скачущих коней.

Много еще было потрясений, пока это маленькое государство не стало именоваться Гессен—Дармштадтским. В 1607 году здесь был открыт университет. Ландграф Людвиг IX (1768—1790), подражая Фридриху Великому, развивал школьное дело, экономику и финансы, сделал свою столицу культурным центром. Затем, встав под знамена Наполеона, гессенские солдаты участвовали во всех его войнах. Воевали, пока не пришли сюда русские.

Выслушав историю герцогства из уст советника, Шеншин стал внимательнее к событиям. В марте 1820 года Беккер принес из дворца важную новость:

— Великий герцог даровал своему народу конституцию!

— Слава герцогу! — воскликнул Фет и не преминул уколоть русского. — У вас, господин Шеншин, вероятно, еще далеко до конституции?

— Находясь на приличном расстоянии от России, никак не могу удовлетворить ваше законное любопытство, — усмехнулся Шеншин. — Присмотримся к вашим делам, глядишь — у себя заведем конституцию. Мы, русские, люди не гордые. Учиться любим. Ученых уважаем.

Вскоре гессенцы, недовольные конституцией, начали нажимать на великого герцога. Страсти в городе закипали все больше. Пришлось вторую конституцию даровать. Это произошло в декабре.

Афанасий Неофитович к этому времени был далеко от Дармштадта. В доме Карла Беккера надолго поселились печаль и уныние. Иоганн Фет не находил себе места. Если бы Наполеон бежал с острова Святой Елены, явился в Дармштадт и позвал в поход на Москву, Фет, его верный солдат, первым бы взял в руки ружье. Встал бы под знамя императора Франции и попросил как великой милости:

— Сир! Дай мне власть над подлым городом Мценском и всей округой, где живут Шеншины!

У каждого гнева — своя причина.

Имел причину и гнев Иоганна Фета, незаконного сына члена семьи великого герцога... Когда советник стал замечать, что его дочь все чаще уходит на прогулку с русским гостем, он не на шутку встревожился. Порывался серьезно поговорить с господином Шеншиным, но тот оставался непроницаемо-спокойным и всем поведением создавал границу, через которую перешагнуть отец Шарлотты не решался. В ненастные дни он

уединялся в своей комнате и подолгу читал. Но вот засияло небо над Рейном, небо весны 1820 года, когда они стали исчезать вдвоем.

Однажды, вернувшись с прогулки, Шарлотта ощутила в доме беспокойство. Незадолго до ее прихода Иоганн Фет ворвался к тестю и, пылая гневом, закричал:

— Этот русский медведь ведет себя в вашем доме, как в собственной берлоге!

— Плохо умеешь стоять за свое счастье, — упрекнул Беккер, намекая на давний разлад супругов.

Фет не слышал. Он продолжал, чуть не плача:

— Чует сердце — обольстит он нашу Лорелею.

— Прости, дорогой зять, — поправил советник. — Лорелея, как известно, сама обольщала и отправляла рыбаков на дно Рейна! Не так ли?

— Это в легенде. А в вашем доме все наоборот, — продолжал бушевать Фет.

«Все наоборот в твоём происхождении, — мысленно парировал Беккер. — Я-то от честных бюргеров, а ты кто? Незаконный сын!»

Подумал это, а сказал другое:

— Ладно. Я поговорю с дочерью.

Когда Шарлотта вернулась с прогулки, отец пригласил ее к себе и выложил все, что считал нужным. Посоветовал одуматься и не оставаться наедине с русским.

— Отец, — сказала Шарлотта, — я встретила человека, которого ждала всю жизнь.

— А Иоганн? А маленькая Каролина?

— Дочь я люблю. Вырастет — расскажу ей, что с самого начала наш брак с господином Фетом был неудачен. Мы — разные люди, чужие друг другу.

— Боже! — простонал Беккер. — Что я слышу? Одно утешение, что мать не дожила до такого позора.

— Почему «позор»? Мать, я верю, благословила бы меня в дальний путь.

— В какой путь?

— В Россию.

Советник схватился за голову.

Он еще долго что-то говорил о долге, чести, совести. Но дочь уже ничего не слышала. Шарлотта прислушивалась к той новой жизни, которая была в ней и с каждым днем все ощутимее давала о себе знать.

— Что будем делать? — спросила она Шеншина.

— Ехать! Ехать немедленно, — ответил тот.

Незадолго до отъезда Афанасий Неофитович пришел в кабинет к советнику:

— Господин Беккер! Ваша дочь и я любим друг друга. Она уезжает со мной. Я понимаю, как тяжело вам, отцу, слышать это, но...

— Да, мне очень тяжело, — глухо сказал советник.

— Вас должно утешить, что Шарлотта, наконец, обретет счастье, которого она заслуживает.

Беккер молчал, опустив голову. Стало так тихо, что отчетливо слышался в соседней комнате стук часов, а за окном шум каштана.

— Каждый человек, — продолжал Шеншин, — имеет право быть счастливым. Разве не этому учит в своих книгах великий Руссо?

«Не был Руссо на моем месте», — горестно подумал советник.

Он почувствовал себя, как в пору далекого отрочества, когда, купаясь в Рейне, однажды попал в водоворот и чуть не захлебнулся в пучине. Тогда удалось выплыть. Теперь же пучина властно тянула его вниз, на самое дно.

— У нее же дочь, маленькая Каролина. Что будет с нею?

— Я подумал о Каролине.

— «Подумал». Неужто отнимите у меня последнюю радость?

— Не тревожьтесь сударь. Каролина останется. А это на ее воспитание.

Афанасий Неофитович положил на стол туго набитый мешочек.

— Что это?
— Деньги. Десять тысяч гульденов.
— Плата за дочь? — вспыхнул советник. — Это у вас в России людей продают и покупают. У нас, слава Богу, с 1811 года нет крепостного права!
— Господин Беккер! — живо возразил Шеншин. — Я уважаю человеческое достоинство всех членов вашей семьи и никогда бы не посмел примешивать деньги к тем чувствам, которые питаю к Шарлотте. Деньги для Каролины, только для нее.
Советник сидел в кресле и молча смотрел на деньги. Смотрел и ничего не видел...
Придя в комнату Шарлотты, Афанасий Неофитович застал ее в глубокой задумчивости. Она грустно смотрела в окно. Обернувшись, спросила:
— Что сказал папа?
— Принял деньги.
Помолчав, добавил:
— Надеюсь, Каролина, когда вырастет, поймет. Пусть тогда мой скромный дар убедит ее, что русские люди умеют не только похищать красивых женщин.
Он улыбнулся и крепко обнял ее.
Карие глаза Шарлотты наполнились слезами.

4

Илья, исходивший лютой тоской по Новоселкам, просиял, когда услышал:
— Нанимаем карету, укладываем чемоданы.
— Слава тебе, Господи! — широко перекрестился.
— Едем втроем.
— Понятно. Не оставлять же ее господину Хвету.
— Ну-ну! — прикрикнул Шеншин.
Про себя подумал Илья: «Ужели дома нельзя невесту сыскать? Своих красавиц — хоть пруд пруди!»
Подумать подумал, а язык придержал. Что ни говори, а эта тихая немочка с карими глазами и ровным носиком им, мужикам, теперь — госпожа. Вон царица Катерина тоже немкой была, а всем государством Российским правила. Первые наши полководцы перед ней в струнку стояли. И мы теперь Шарлотте-матушке будем верой-правдой служить. Видно, так Бог велит...
Как переживал отъезд бывшей жены Иоганн Фет, мы легко можем вообразить, доподлинно известно: узнав о деньгах, он поставил перед советником вопрос ребром: «Гульдены мои!»
Эрнст расцеловал сестру и пообещал приехать в гости.
Беккер новому зятю письмо послал со словами:
«Употреблением ужаснейших и непонятнейших средств прельщения лишена она рассудка».
— Экий папаша непонятливый! — сказал Шеншин.
А, может, и ничего не сказал. Сунул письмо в ящик стола и забыл о нем. Не до того было...
Все это случится в октябре.
В сентябре же они, сидя в карете, катили все дальше и дальше от прекрасных берегов Рейна к более прекрасным берегам Зуши, покинув Дармштадт с его старинным университетом и двумя конституциями.
Катили через Польшу, где увидели древний Краков и залюбовались копиями Велички, особенно подземным храмом, высеченным из сверкающих соляных столбов. Всю жизнь вспоминала Шарлотта этот храм, сыну о нем рассказывала.
Ехали по мокрым дорогам России, видели хаты, крытые соломой, золотые копны ржи в полях, слушали звон церквей в больших и малых городах. И все им казалось красивым,

поскольку не ехали они, а летели на крыльях любви.

Чем ближе родные места, тем больше и увлеченнее рассказывал Афанасий Неофитович о древнем Мценске, о Новоселках, о широко разветвленном роде Шеншиных.

— У нас даже поговорка есть, — сказал с улыбкой.

— Какая?

— «На каждый аршин — свой Шеншин». Так что в России у тебя будет много родни. Он бережно кутал жену. Она, слыша высоко в небе трубные клики журавлей, с грустью думала: «Ну, вот... Птицы в теплые страны летят, а я наоборот».

Добирались до Новоселок почти месяц.

— Мы дома! — весело крикнул Илья.

Снял шапку, спрыгнул с козел и низко поклонился родной земле. Потом распахнул дверцу и с поклоном Шарлотте:

— Добро пожаловать, госпожа!

Первым вышел Афанасий Неофитович. дворовые мигом окружили его.

— С приездом! — послышались голоса. — С благополучным прибытием.

— Спасибо, — кивнул Шеншин и обернулся к карете, чтобы помочь выйти жене. Дворовые замерли в удивлении, увидев невысокую женщину, которая улыбнулась им и ничего не сказала.

— С прибытием, ваша милость, — поспешил к ней повар Игнат, служивший еще отцу хозяина. — К вашему приезду и комнаты убраны, и обед готов.

Она ответила улыбкой, хотя плохо понимала, что говорил ей старый человек с шапкой в руке, с обнаженной седой головой на холодном осеннем ветру.

— Похвально, — сказал Афанасий Неофитович и повел жену в дом.

Дворовые, толпясь у порога, шумно обсуждали приезд барина:

— Ай да Афанасий Неофитович! Уехал один, а вернулся вдвоем.

— Похоже, втроем. Барыня-то вон какая толстая.

— Вчетвером! — крикнул Илья. — Меня забыли.

— Кто же тебя забудет теперь? За границей побывал! А ну, рассказывай, Илья Афанасьевич.

— Отчего ж не рассказать? Мы — люди не гордые.

Хватило рассказов Ильи на весь долгий осенний вечер в людской и на многие другие вечера. Говорил и говорил про немецкий город Дармштадт, про берега Рейна, усаженные виноградниками, про то, как с барином увозили от живого мужа жену-красавицу.

— Где там ихнему господину Хвету до нашего Шеншина! — смеялся Илья. — Как увидела русского богатыря наша барыня, так и прикипела к нему.

...Ровно через месяц 23 ноября 1820 года в главном флигеле усадьбы раздался голос ребенка.

Назвали его в честь отца Афанасием.

Крестить повезли в соседнее Ядрино, где была церковь и где жил Петр Неофитович, один из братьев Шеншиньтх. Старый холостяк очень обрадовался рождению племянника и пожелал стать его крестным отцом.

Через два года, когда маленький Афанасий бегал и учился разговаривать сразу на двух языках русском и немецком, его родители обвенчались.

Прежде чем пойти к венцу, жена Афанасия Неофитовича перешла из одной веры в другую. Крестным отцом стал все тот же Петр Неофитович.

— Поздравляю, крестница! сказал ядринский холостяк, целуя руку жене брата.

«Данке шеен», — хотела ответить новокрещенная, но медленно, почти напевно вытянула:

— Спасибо!

После крещения и венчания Шарлотта-Елизавета Карловна Фет, урожденная Беккер, стала Елизаветой Петровной Шеншиной, русской дворянкой.

Строгий критик, склонивший голову, полную мыслей, над нашим повествованием, может упрекнуть автора в художественных домыслах, но мы в свою пользу всегда готовы указать на блистательные примеры из практики фетоводов, облеченных учеными званиями, и, тем не менее, способных повторителей околесицы, будто некий корчмарь хорошенько угостил русского путешествующего дворянина, а на второе подал собственную жену, запросив за нее изрядную сумму. Поскольку в эту выдумку никто не верит, пришлось спешно сочинять другую.

«Новорожденный, — читаем в очерке Б. Я. Бухштаба к «Стихотворениям и поэмам» А. А. Фета, изданным в Большой серии «Библиотеки поэта» в 1986 году, — был назван Афанасием, окрещен в православие и — вероятно, за немалую взятку — записан законным сыном Шеншина».

Опираясь на хрупкое слово «вероятно», не трудно с хозяина Новоселок снять обвинение во взяточничестве.

«Чьим же сыном был Фет? — вопрошает автор очерка. — Сам он в разное время, разным лицам и при разных обстоятельствах называл своим отцом то И.-П. Фета, то А. Н. Шеншина. Первое представляется более вероятным...»

Далее идет ссылка на письма матери Фета, местонахождение которых «в настоящее время неизвестно», и на признание поэта своей невесте М. П. Боткиной.

Писем матери нет. Кроме того, у противников версии, поддержанной Бухштабом, всегда в запасе аргумент: она долго болела психически: этот недуг и свел ее в могилу, несмотря на многие хлопоты сына. Признание молодого Фета впоследствии не раз было опровергнуто им самим. Одно из опровержений нашел убедительным император Александр Второй. Поэту разрешено было носить фамилию А. Н. Шеншина, который никогда не отрекался от сына. Что касается дармштадтского Фета, то, когда к нему обратились с просьбой признать сыном мальчика, лишенного фамилии после вмешательства Орловской консистории, он ответил категорическим отказом.

В мемуарах Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» можно прочесть: «Поэт Фет, Афанасий Афанасьевич Шеншин, кроме хороших стихов, писал нехорошие статьи в журнале Каткова. Он обличал нигилистов и евреев, в которых видел первопричину зла. Племянник Фета, Н. П. Пузин, рассказывал мне, что поэт узнал из письма-завещания своей покойной матери, что его отцом был гамбургский еврей. Мне рассказывали, будто Фет завещал похоронить письмо вместе с ним, видимо, хотел скрыть от потомства правду о своей яблоне. После революции кто-то вскрыл гроб и нашел письмо».

История с письмом подана на уровне легенды. Содержание и того хлеще. Откуда взялся Гамбург? Может, выплыл из кошмарных видений больной женщины? Впрочем, где, наконец, само письмо? Диву даешься, когда видишь знаменитого литератора в роли передатчика слухов на уровне упомянутой выше корчмы.

Наверное, пришло время довериться самому Фету — его воспоминаниям и стихам... Увидишь, как солнце встает, разгораясь все ярче, и вспомнишь:

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало.

Услышишь в глубине сада соловьиное пение — с пересвистами, со шелканьем, со всем набором звучных колен-переливов. Повеет ароматом цветущих трав, и юность, давно

улетевшая юность, обернувшись ласточкой, промелькнет над зеленым косогором, где когда-то был сад:

Приветствую тебя, мой добрый, старый сад,
Цветущих лет цветущее наследство!
С улыбкой горькою я пью твой аромат,
Которым некогда мое дышало детство.

Это было, было совсем рядом, в нашем краю:

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немойю,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, лугами
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись. как дым, облака.

И это:

Я жду... Соловиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне и брильянтах.
На тмине горят светляки.

Я жду... Темно-синее небо
И в мелких и в крупных звездах,
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.

Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатила на запад...
Прости. золотая, прости!

И:

Люблю я приют ваш печальный,
И вечер деревни глухой.
И за лесом благовест дальний,
И кровлю, и крест золотой.

Люблю я немятого луга
К окну подползающий пар.
И тесного, тихого круга
Не раз долитой самовар...
Фет писал о родном гнезде:

«Когда по смерти деда Неофита Петровича отцу по разделу достались: лесное в 7 верстах

от Мценска Козюлькино, Новосильское, пустынное Скворчее и не менее пустынный Тим, — отец выбрал Козюлькино своим местопребыванием и, расчистив значительную лесную площадь на склоняющемся к реке Зуше возвышении, заложил будущую усадьбу, переименовав Козюлькино в Новоселки».

Спустя годы деревня осталась с прежним названием, а слово «Новоселки» приросло к месту, где была усадьба и где в 1976 году состоялся первый Фетовский праздник поэзии... Усадьбу Афанасий Неофитович планировал так: два флигеля, а между ними дом. Потом, сделав с помощью «наемных хохлов» насыпь и построив правый флигель для слуг, левый — для хозяев, было решено дом не строить: средства иссякли.

Долгое время хватало двух флигелей. Левый прозвали хоромами. Здесь был кабинет хозяина, рядом — комната хозяйки, детская, буфет, столовая, лакейская. Утром вставала Елизавета Петровна, открывала деревянные сундуки с висячими замками, выдавала повару сахарный горошек, корицу, гвоздику. Иногда при этом угощала сына изюмом и черносливами. Сын радовался. Отец, начитавшись Руссо, запрещал есть сахар, а тут — такое лакомство.

«Образ отца, возникший передо мною с раннего детства, — вспоминал поэт, — мало изменился впоследствии. Круглое, с небольшим широким носом и голубыми открытыми глазами, лицо его навсегда сохранило какую-то несообщительную сдержанность. Особенный оттенок придавали этому лицу со тщательно выбритым подбородком небольшие с сильной проседью бакенбарды и усы, коротко подстриженные».

Примерно таким он был, когда приехал в далекий город за своим счастьем.

Нашел сразу два — жену и сына, ставшего великим русским поэтом.

6

Первое в памяти: кудрявый, темно-русый мужчина в светло-синем халате на черном калмыцком меху подбрасывает в потолок. Потом узнал: это был Эрнст Карлович Беккер, брат матери. Он приезжал из Дармштадта в Новоселки. Фету было полтора года. Он не запомнил переезд в Мценск, в наемный дом с мезонином. Помнил сестру Анюту, годом моложе, и брата Васю, моложе на два года, болезненного мальчика. Сестренку очень любил. Набрасывался целовать ее пухленькие ручки и ножки. Однажды укусил. Девочка в крик. Мать вбежала, заплакала. Взяла и сама укусила сына, чтоб не кусался.

Подействовало. Отец, служивший уездным предводителем дворянства, запомнился сдержанным, тщательно выбритым, в бакенбардах с сильной проседью, с усами, коротко стриженными. Мать — стройная, невысокая, темно-русская, с карими глазами и правильным носиком. Старалась угодить мужу. С годами полнела и все чаще болела. Отец, начитавшись Руссо, отрицал сахар и духи. К нему через залу, где играли дети, каждый день проходил с бумагами секретарь Борис Антонович Овсянников. Он обещал Афанасию сделать санки, выкрасить, высушить, покрыть лаком и обить сукном, но все осталось на словах.

В доме напротив — сером, деревянном — помещались музыканты артиллерийской батареи. Будущий поэт выбегал за калитку и с наслаждением слушал музыку. В гости приходил генерал Алексей Петрович Никитин. Его дочь Лиза приходила с гувернанткой к Анюте, однажды подарила куклу.

— Вам, батюшка барин, — говорил слуга Илья Афанасьевич, — скоро надо будет учиться, пойдете в полк, станете генералом, как Алексей Петрович.

Весной он сделал мальчику дудку из сочной коры ветлы. Фет дул в дудку и бил в барабан, подаренный дядей Петром Неофитовичем. Говорил слуга о путешествии за границу.

Мать, вспоминая, описывала увиденные в Польше каменоломни Велички, храм, высеченный из соли, великолепно мерцающий при освещении. Запомнилось, как отец вальсировал с четырехлетней малышкой, быстро кружил ее... Запало в душу, как умирала

Анюта. На щеках играл румянец, голубые глаза смотрели с улыбкой, лицо было неподвижно. К вечеру затихла. Отец упал в обморок. Переехали в Новоселки. Зимой вернулись во Мценск. Жили в другом доме, купеческом. дядька Филипп Агафонович, служивший еще деду, сказал:

— Царские похороны!

Взял Фета на плечи и понес в собор, через толпу. Городничий крикнул:

— Дурак! Ребенка в такую тесноту несешь.

Дядька вышел наружу и поставил мальчика на паперти. Фет увидел у ярких костров солдат — ружья в козлах красиво сверкали. Захотелось быть солдатом. Двинулся к ним. Слуга подхватил барчука. На другой день видел, как мать, стоя у окна, вытирала слезы платком. Отец вышел в мундире, при сабле, с уланской шапкой на голове. На улице появились сани с катафалком под балдахином. Коня в черном вели следом. Царя Александра Первого в гробу повезли дальше.

Жизнь в Новоселках шла своим порядком. На сундуках в девичьей, держа в руках донца и гребни, усаживались горничные. При свечах пели песни, сказки рассказывали. Про жар-птицу, про царя и царицу. Мальчик вскакивал в пятом часу утра и шел в длинной ночной рубашке из затемненной детской в просвет между половинками дверей.

Прасковья сидела, пощупывая левой рукой тонкий лен, отводя правой вертящееся веретено. Фет садился на скамейку, прятал ноги в рубашку и просил:

— Прасковья, сказочку.

Она молчала.

Он брал ее за подбородок и, повернув к себе, умолял:

— Прасковья, сказочку!

— Ну, хорошо.

Слушать готов был часами.

Однажды подслушал в ту далекую пору:

«Сам приказчик Никифор Федорович, вернувшись из Мценска, рассказывал:

— Всех бунтовщиков переловили и в тюрьму посадили.

Речь шла о декабристах...

Приходила в гости Александра Николаевна Зыбина. В светло-сером шелковом платье, она садилась в кресло. Будущий поэт устраивался на коленях, подскакивал, держа, как вожжи, ее жемчужное ожерелье. Верхом или на дрожках, с Георгиевским крестом в петлице, приезжал из Ядринки дядя Петр Неофитович. Отец ездил в Скворчье, в Тим, в Петербург...

Учили читать: мать — по-немецки, дворовый Афанасий, умеющий ворковать голубем, — по-русски. На прогулке с Филиппом залез на верхушку дерева. Еле уговорил слезть перепуганный дядька. А потом увлек рассказом, как дедушка на охоте был, волк на него кинулся, искусал руку, а он кинжалом в глотку заколол зверя. Дядька при дедушке Неофите Петровиче был на войне. Косу носил.

Из Подбелевца приезжал Михаил Николаевич Мансуров с семьей. Его жена привозила книги. Отец выписывал «Московские ведомости» и «Вестник Европы». Гостили у Зыбиных. Их дом с двухэтажными балконами примыкал к саду, аллея к калитке церковной ограды. Ядринская церковь была приходом для Новоселок. В храме, расписанном крепостным художником, хороши были ангелы. В десяти верстах, в Фатьяновке, жили Борисовы в деревянном доме с высокой тесовой крышей, фасадом в сад.

Афанасию исполнилось 10 лет. Отец подарил скрипку. В журнале прочитал и выучил наизусть стихотворение В. А. Жуковского, из рукописной книжки у Борисовых — «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан». С великим наслаждением прочел Пушкина. На первом листе книжки в черном кожаном переплете было написано: «1790 года декабря 11-го взяли штурмом город Измаил, где убит сея книги хозяин, товарищ и однокашеч мой приятель Иван Кузьмич секунд-майор Воинов, а я в ногу ранен».

Раз в год приезжал Василий Петрович Шеншин, живший зимой в Орле, летом в Клейменове, где близ церкви, под белым надгробным камнем покоился его предок Петр Афанасьевич, умерший в 1709 году, бывший воевода, ездивший на лошадях, подкованных серебром. К приезду дорогого гостя выплаивали телят, добывали дичь и свежую рыбу. Отец спешил открыть дверцу кареты, мать — руку ему поцеловать. Детей одаривал апельсинами дедушка Василий. Потом ездили в Клейменово благодарить хозяина за оказанную честь. В праздник спешили в Ядрино. В доброй Воде навещали дядю Ивана Неофитовича, в Болховском уезде — тетку Любовь Неофитовну, на Оптухе под Орлом — тетку Анну Неофитовну Семенович...

Афанасию было 14 лет, когда он разлучился с отчим краем. Учился в немецком пансионе Крюммера в г. Верро (1835—1837), затем в пансионе М. П. Погодина в Москве, в Московском университете, закончив его в 1844 году.

Уехал Шеншиным, во время учебы стал Фетом.

Как это случилось?

Однажды директор пансиона пригласил в кабинет воспитанника Шеншина и подал ему письмо:

— Это тебе.

На конверте рукой отца было написано: «Аф. Аф. Фету». В письме отец извещал сына, что имя на конверте принадлежит ему. Фет задумался. Может, дядя откроет тайну?

Написал Петру Неофитовичу. Поставил подпись: «А. Фет». Через месяц тележная почта доставила из Мценска ответ:

«Я ничего не имею сказать против того, что, быть может, в официальных твоих бумагах тебе следует подписываться новым твоим именем; но кто тебе дал право вводить официальные отношения в нашу взаимную кровную привязанность? Прочитавши письмо с твоей новой подписью, я порвал и истоптал его ногами; и ты не смей подписывать писем ко мне этим именем».

Студентом Фет навещал дом. Дядя указывал на голубой сундук в кабинете:

— Не беспокойся, о тебе я давно подумал, и вот здесь лежат твои сто тысяч рублей.

В 1842 году приехал Фет в Новоселки и нашел для себя письмо из Пятигорска, где лечился Петр Неофитович: он приглашал племянника, сообщал, что приискал ему место адъютанта у приятеля-генерала. В комнате с закрытыми ставнями умирала мать. Надо было ехать не в Пятигорск, а за границу. Отец просил получить по расчету о наследстве деньги матери. Поехал. Дядя Эрнст, разбитый параличом, сидел в кресле. Новая фамилия племянника ему не нравилась.

— Как ты пришел к этому имени? — спросил сердито.

Более месяца возился Фет с адвокатом. Когда же приехал в Петербург и встретил И. П. Борисова, то узнал от него, что дядя в Пятигорске умер, деньги пропали...

В студенческие годы Фет жил в семье Григорьевых. Аполлон стал горячим поклонником его стихов. Одобрил и Н. В. Гоголь. В 1840 году вышел «Лирический Пантеон» — первая книга. Своим человеком стал поэт у профессора словесности С. П. Шевырева.

Однажды сидели и беседовали. Слуга доложил о приходе посетителя. «В комнату вошел, — читаем в «Моих воспоминаниях» (М., 1890), — высокого роста молодой человек, темно-русый, в модной тогда «листовской» прическе и в черном, доверху застегнутом сюртуке».

Фет не заинтересовался гостем. Когда он ушел, Шевырев заметил:

— Какой странный этот Тургенев: на днях он явился с своей поэмой «Параша», а сегодня хлопочет о получении кафедры философии при Московском университете.

Вскоре Фет приехал домой, в Новоселки. Отец был занят устройством имений; в гости ездил редко. Жил во флигеле, в доме — Надя. Другой флигель выделил Афанасию. В восемь утра хозяин вставал и в красном бухарском халате, в черной шелковой шапочке выходил на крыльцо. Завтрак запрещался. Обедали в два часа. Чай в семь, в девять ужин со свежим супом и свежими блинами. Дочерям не позволялось гулять без вуали и

ливрейного лакея даже в саду. К ужину должны быть дома. Надя знала стихи брата, всем другим они были неизвестны. Отец считал Державина великим поэтом, Пушкина безнравственным писателем.

Однажды у крыльца прогремела и остановилась карета. Вбежала Надя.

— Я привезла поклон, — весело объявила брату. — Шеншины убедительно просят нас с тобой приехать. Будет Тургенев! Он обрадовался, что ты здесь. Сказал: «Ваш брат — энтузиаст, а я жажду знакомства с подобными людьми».

— Мне сказывали, — продолжала Надя, — что он поневоле в Спасском, так как ему воспрещен въезд в столицы.

На следующее воскресенье брат с сестрой поехали в Волково. Тургенев после встречи в Москве сильно изменился. Лицо было молодым, а волосы поседели. Дамы, заметил Фет, «льнули к нему, как мухи к меду». до обеда серьезно поговорить не пришлось. После обеда разговорились. Тургенев попросил прочитать новые стихи, сделал замечания. Пригласил в Спасское.

В Новоселках Фет ничего не сказал отцу. Только, собираясь в Спасское, сказал. Отец нахмурился:

— Ох, напрасно ты заводишь это знакомство... Он под надзором.

— Эти обстоятельства, — возразил сын, — меня не касаются, ведь порядочное общество тем не менее его не чуждается.

Спасское удивило множеством лакеев. Разговор был исключительно литературным. Тургенева восхитили переводы од Горация.

— Продолжайте, продолжайте! — требовал он. Прослушав комедию, «дружелюбно посмотрел в глаза»:

— Не пишите ничего драматического. В вас этой жилки совершенно нет.

Позвали к обеду. Обедали в доме. Затем пошли в гостиную пить кофе. Тургенев прилег на диван-самосон, Фет разговорился с женой и сестрой управляющего Н. Тютчева. В разговоре сказал:

— По своим духовным качествам русская женщина — первая в мире.

Тургенев внезапно оживился, спустил ноги с дивана и воскликнул:

— Вы тут сказали такое словечко, при котором я улежать спокойно не мог!

В Новоселках отец встретил сына благодушно:

— Мешать не стану.

Попросил только никогда не писать Тургеневу.

Фет промолчал. Он вскоре уехал продолжать военную службу, начатую в 1845 году...

7

Службу начал унтер-офицером в кирасирском «Военного Ордена» полку, затем был произведен в корнеты (1846), в поручики (1849), в штабс-ротмистры (1851), 2 мая 1853 года прикомандирован к лейб-гвардии уланскому Его Величества полку и 28 января 1854 года произведен в поручики.

Получив в канцелярии долгожданный пакет с бумагой о переводе в гвардию, Фет написал отцу: надеялся получить деньги на подъем, просил разрешения навестить его. Афанасий Неофитович к этому времени из Новоселок перебрался в Клейменово, в старое дедовское имение. Он, отвечая, приказал заехать в Харьков за братом. Поехал на перекладных. Дождался в Харькове конца экзаменов брата и через двое суток прикатил в Клейменово. В доме было пусто. Отец с Надей уехал в Новоселки. Фет посоветовал брату отдохнуть, но тот отказался. Сели на коней и поскакали. Через полтора часа были в Новоселках. Фет легко спрыгнул у крыльца, брат слез с трудом, напоминая заржавленный циркуль, у которого не смыкаются ножки.

— Что же ты его не поберег? — строго спросил отец.

— Он был так настойчив...

— Вперед наука: не спросясь броду, не суйся в воду.

Отец был рад переводу сына в гвардию.

Вспомнился Иван Петрович Борисов, живший в Фатьянове, в восьми верстах от Новоселок. Дважды сватал Надю, дважды получал отказ. После чего с горя на Кавказ уезжал. Письма горькие писал Фету...

Поехали с отцом в Коренную пустынь. Он имел Грайворонку в Курской губернии. Был праздник. Ветер дул, относя пыль экипажей, волнуя пестрые ленты женских головных уборов. Ласточки носились над землей.

Верст двадцать оставалось до Коренной пустыни. Ехали через лес. Не знал поэт, что находился в местах будущей своей усадьбы. Увидел шествие народное, запомнил бесконечную реку непокрытых голов, конных жандармов, сдерживающих людские волны, духовенство в блестящих ризах, катафалк с иконой. Под навесом широкого двора, где остановились наши путешественники, оглушительно ржали не привыкшие к новому месту грайворонские жеребцы.

Поехали в монастырь, что на берегу Тускари, слушали обедню, спускались по каменной лестнице к святому колодцу, бросали на дно серебряные монеты. Потом Фет с братом отправились на ярмарку. Там лоснились на солнце крупы лошадей. Степные, дикие кони беспокойно двигались в загородках из крепких жердей. В стороне, за табунами, висели на крепких столбах с перекладинами колокола. Проверяли все. Звон стоял на всю округу. Шум. Состязание рысаков. Торги рыбой и бакалейными товарами. Вдоль галантерейных рядов разгуливали нарядные дамы. Тут же гусары в полной форме с саблями до земли. «Выставка невест», — усмехаясь, подумал поэт.

Половину лошадей отец распродал. Сделали закупки и вернулись в Грайворонку. Фет, получив от отца триста рублей, на перекладных пустился в Москву, по железной дороге — до станции Волховской, оттуда — в полк. Служба продолжалась. Готовились к смотру. Следовало надеть белый мундир. А тут еще подъехал адъютант полка с новостью:

— Вы назначены ординарцем к государю-императору.

Фет вздрогнул. Ординарец — лучший ездок. Ездит на красавце-коне. Весь в новом с головы до пят.

— Доложите генералу, — ответил, — пусть меня отдадут под суд. наряжают в какую угодно службу не в очередь, но в ординарцы к государю в таком виде я не пойду. Сошло. Однажды с ранней зари до пяти часов промаялся с эскадроном в полях без обеда. Попал под сильный дождь на всю ночь. Разводить огонь и курить запрещалось. Шинель осталась на запропавшей фуре. Один солдат предложил свою шинель.

— А ты? — спросил Фет.

Попону на себя накину.

Промок до костей и попал в госпиталь. Целый месяц жил один в старинном замке, навещаемый инвалидом-фельдшером и военным врачом. С высокого берега, из берестяной беседки, исписанной карандашом, смотрел на зеркальный пруд. Водоросли казались зеленым лесом, форели с распущенными плавниками — птицами над долиной. В комнате от тоски спасал Гораций. Переводил оды из второй и третьей книг. Приходил в отчаяние при затруднениях но продолжал упорно. За месяц в Лопухинке перевел две последние книги. две первые переводил 15 лет.

Полк нашел в Волхове, в массивном каменном доме. Жил трудно. Под предлогом, будто врач предписал, целый месяц питался тремя булочками и тремя крынками молока в день. Зима. По льду степные рысаки довели в санях до станции, оттуда поездом поехал в Петербург. Остановил извозчика в Колокольном переулке, стал спрашивать городского, где живут Некрасов и Панаев. Навстречу — коляска, в ней — барин в щегольской шляпе: — Я — Панаев. Позвольте узнать ваше имя?

Фет назвал.

Барин обрадовался:

— Прошу к Некрасову. Он через полчаса будет дома.

Некрасов был приветлив:

— Мы обедаем в пять часов. Приходите, пожалуйста, запросто.

К пяти приехал и был представлен хозяйке А. Я. Панаевой. Невысокая, безукоризненно красивая, привлекательная брюнетка протянула руку. Запомнил ее темное платье, отделанное дорогими кружевами и гипюрами, в ушах крупные бриллианты. Бархатный голос звучал капризом избалованного мальчика.

— Дамское общество меня утомляет, говорила. — У меня в гостях одни мужчины.

После долгих лет увидел В. П. Боткина, умевшего быть и резким, и елейно-сладким.

Познакомился с А. В. Дружининым. Разговорился с веселым М. Н. Лонгиновым, П. В. Анненковым, И. А. Гончаровым. Вошел, улыбаясь, М. А. Языков. Расселись на мягкой мебели. Анекдоты. Шум. Смех.

— Господа, сказал Некрасов, — четверть шестого. Если мы будем ждать Тургенева, то он заморит нас с голоду. Хозяйка просит пожаловать к столу.

Ели суп, когда вошел, извиняясь, Тургенев. Ему подали бульон.

Фет с радостью принял приглашение к себе, в дом Вебера на Большой Конюшенной.

Встречались по утрам. Тургенев обрадовался завершению переводов Горация, похвалил новое стихотворение «Днепр в половодье», познакомил с Краевским — тот попросил стихов для Отечественных записок». А как быть с обещанием «Современнику»? Тургенев успокоил: приняв предложение Некрасова, можно «дать что-либо» и Краевскому. Дал рассказ «Каленик». Узнав, Некрасов возмутился и заявил, что тогда будет печатать Фета не подряд, а по выбору. Тургенев сказал, что за оды Горация от Краевского автор получит 500 оттисков и тысячу рублей. Сумма показалась огромной. Фет согласился.

Пришел февраль. Время пребывания в столице кончилось. Отец спросил, сколько денег прислать на новую экипировку. Подсчитал: семьсот рублей хватит.

На смотре Фет прищипорил коня и проскакал аллюром перед главнокомандующим.

— Славно ездит! похвалил великий князь.

Прыжок через барьер был также удачен.

— Благодарю, господа! — сказал великий князь. — Поздравляю с переводом в гвардию.

Радостный, вернулся в гостиницу. А там — гость из Мценска. Приехал приказчик миллионера Смирнова, привез деньги на обмундирование. Обеды у Панаевой и Тургенева продолжались. Тургенев острил, читая эпиграммы на Кетчера и Анненкова. Боткин и Лонгинов читали юмористические поэмы. Тургенев настаивал на издании нового сборника Фета. Брался редактировать.

Но служба есть служба. И вот Фет на коне по сугробам, при 25-градусном морозе, в походе. Вернулся. Повез в Зимний дворец штандарты и серебряные трубы. Перед новым смотром забежал к Панаеву, отобедал и опоздал на смотр.

— Я понять не могу, — распекал офицера генерал. — Если бы мне сказали, что сегодня не понедельник, а пятница, и ночь, а не день, то я скорее бы этому поверил, чем тому, что вас не было на своем месте на смотре. Отдайте вашу саблю адъютанту!

Утром полк вышел в поход. Фет одиноко переживал свой арест. А тут полковую печать чуть не потерял. На другой день генерал выслушал доклад Фета и:

— Возьмите вашу саблю и приходите обедать.

Сабля лежала под штандартом.

Февраль сменился мартовской оттепелью. То мелкий снег, то дождь. Однажды из саней Фета выбросило в грязную воду.

— Вот и его благородие лежит, — сказал драгун.

Помог подняться. Служба продолжалась.

Отец зимою жил в Орле, задавал балы. Один бал начал с Надей, несмотря на свои 84 года. Сын Василий, срезая ему мозоль, зацепил за живое: вспыхнул антонов огонь. Теперь ему резали ногу. Терпел, лишь спрашивал: «Ну, да скоро ли там? После операции стало

лучше, потом хуже. Звал Афанасия в отпуск. Но тот не мог: шла война. Вскоре подали письмо с траурной печатью...

Жизнь продолжалась.

«Что вы мне пишете о Гейне? — писал Тургенев. — Вы выше Гейне. потому что шире и свободнее его».

Предлагал издать новое собрание стихотворений. Фет согласился. Дело закипело. Почти каждую неделю приходили письма от Тургенева с подчеркнутыми стихами, с требованием исправлений...

В январе 1856 года Фет взял отпуск на 14 месяцев и приехал в Петербург. Позвала в дорогу весть от Тургенева, что сборник стихов на днях будет сдан в типографию.

Приехал, вечером вошел в кабинет Некрасова и увидел там весь литературный кружок в сборе.

— О! О! О! — раздалось.

Дружинин громко произнес строку, спасенную разъяснениями от Тургенева: «На суку извилистом и чудном».

Тургенев заговорил о стихах земляка...

На другой или третий день после шумного праздника вышла книга. Перевод Горация был посвящен царю. Чиновник известил поэта, что посвящение принято и отмечено подарком: рубиновым перстнем. Вскоре в зале гостиницы чествовали шампанским И. С. Тургенева. Фет, положив записную книжку на коленях, написал, а затем прочел

Поднять бокал в честь дружного союза
К Тургеневу мы ныне собрались.
Надень ему венок, шалунья муза,
Надень и улыбнись.

Через две минуты Тургенев ответил:

Все эти похвалю едва ль ко мне придутся,
Но вы одно за мной признать должны:
Я Тютчева заставил расстегнуться
И Фету вычистил штаны.

Хохот был гомерическим.

Отпуск кончился и снова — в поход. По лесной тропе, по дороге в полях, на верном Глазунчике. Здоровье стало расстраиваться. Начал хлопотать об отпуске на 11 месяцев. Добился своего и поехал в Карлсбад, оттуда — в Париж. Там — прямо к Тургеневу. Иван Сергеевич сидел за рабочим столом и сперва не узнал Фета в штатском. Узнав, бросился обнимать:

— Вот он!

Вместе пошли в театр. Вместе — к Полине Виардо.

Стал свидетелем разговора Ивана Сергеевича с дочерью:

— Полина! Неужели ты ни слова русского не помнишь? Ну как по-русски «вода»?

— Не помню.

— А хлеб?

— Не знаю.

— Это удивительно!

Рассказывая о дочери, Тургенев вспомнил, как она маленькой жила в Спасском.

Заговорили о Кольцове. Вспыхнул и разгорелся до ожесточения спор. Тургенев привез из Баден-Бадена книжку Мериме и на первом листе написал: «Врагу моему А. А. Фету на память пребывания в Петербурге в январе 1864 г.». В Куртавнеле так спорили о русской деревне, что одна дама воскликнула: «Боже мой! Они убьют друг друга!» Когда Тургенев

вскричал: «Батюшка! Христа ради не говорите этого!» и повалился Фету в ноги, дама воскликнула: «Вот они убили друг друга!»

На третий день Фет уехал в кабриолете, затем пересел в дилижанс. С ним была Надя. Увидел Рим, Неаполь, Дрезден и, вернувшись в Париж, слушал в концерте Полину Виардо: пела она «какие-то английские молитвы». Вдруг подошла к роялю и запела по-русски: «Соловей мой, соловей». Душа Фета наполнилась восторгом. С трудом сдерживал себя, чтобы не сделать от волнения безумную выходку. Тургенев сидел на передней скамье и склонял лицо на ладони с переплетенными пальцами...

домой Фет ехал через Дрезден, Варшаву, Киев. Наконец, тарантас через «океан снегов и ухабов» прибыл во Мценск, остановился против постоянного двора. С почтового тракта надо было свернуть в Новоселки. Ямщик запросил 10 рублей. Пришлось дать. Долго тащились по глубоким снегам. На ухабе лошади стали. Фет и Надя вышли и пешком дошли до крыльца. Встретили Любу с мужем. Прикатил Иван Петрович Борисов. Худой, жаловался на лихорадку. Уехал.

— Навести его, — посоветовала Надя.

Фет запряг Звездочку, сани застелили соломой, укрыли ковром. Поехал в Фатьяново. деревянный дом стоял с закрытыми ставнями. Подкатил к флигелю. Борисов сидел в креслах перед камином в старом военном пальто и турецких туфлях. Обрадовался, узнав, что навестить Надя присоветовала. В глазах, опущенных черными ресницами, мелькнули слезы: он любил Надю. К вечеру просил Фета ехать домой, не оставлять Надю одну. Фет заночевал. А наутро приехал от Любы человек с запиской: «С Наденькой происходит что-то необычайное. Приезжай поскорее».

Поспешил. Увидел сестру за столом в возбужденном состоянии, глаза неестественно блестели. Решили везти в Орел. Там с месяц Надя лечилась. Не выздоровела. Пришлось везти в Москву. Устроил лечить и поехал к В. П. Боткину. Тот позвал обедать и представил Марье Петровне, младшей сестре:

— Познакомься! Мой старый приятель.

На Пасху встретились вновь. Уезжая за границу, Боткин просил заходить почаще. Мария Петровна занимала на антресолях три комнаты с роялем. Пили чай. Раз опоздал к обеду, объяснив, что часы отдал в починку. Она предложила:

— Возьмите мои, пока ваши не вернутся от часовщика.

Борисов удивился, увидев у Фета дамские часы.

Мария Петровна показалась Фету одинокой, как он сам. Это сблизило. Однажды после долгого разговора об одиночестве Фет сказал:

— Нельзя ли нам помочь друг другу, вступая в союз, способный вознаградить человека за все стороннее безучастие?

— Я принимаю ваше предложение, — ответила она, — хотя у меня ничего нет, кроме небольшого капитала.

— У меня ничего нет, — вздохнул Фет.

Свадьбу отложили до сентября.

8

Свадьбу играли в Париже. У невесты шаферами были братья, у жениха — Тургенев. Чтобы не тратиться на фрак, Фет надел уланскую форму. Зло смотрел на Ивана Сергеевича, когда тот, хохоча, надевал на него венец из искусственных цветов. Из посольской церкви двинулись на свадебный обед. За столом сидело 12 человек. Под конец обеда Тургенев воскликнул:

— Я так пьян, что сейчас сяду на пол и буду плакать.

Обед обошелся жениху в триста франков.

Осень 1857 года молодые встречали в Москве. Дни проходили за переводами Шекспира. Однажды приехали Надя и Борисов. Он сиял. Сыграли свадьбу в доме Фета и укатили в

Фатьяново. затем перебрались в Новоселки. Звали к себе. Поехали. По дороге навестили Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Брат его, Николай Николаевич, некоторое время спустя приезжал в Новоселки. Фет вспоминал, как после завтрака с женой стали читать вслух, раздавался лязг железа по камням у подъезда, затем поднялся к ним на антресоли гость, который рассказывал о брате:

— Левочка усердно ищет сближения с сельским бытом, занимается гимнастикой. Пашет, широко расставляя руки, как Микула Селянинович.

Николай Николаевич ездил на тройке серых лошадей, в желтой карете. К нему в Никольское поехали на Троицу. Утро было прекрасное. Жаворонки звенели над овсами и озимью. В доме — турецкие диваны, старинные стулья и кресла. На оленьих и лосьих рогах висели черкесские ружья.

Дома вечером получил письмо от Льва Николаевича, тот обнимал и находил погоду чудесной, описывал чудный день с цветущей черемухой.

Шло лето 1858 года. Из Грайворонки приезжал брат Петруша. Н. Н. Толстой остановился во флигеле. Утром говорил:

— Всю ночь не спал. Раскрыл окно и слушал птицу. Знаю щегла, соловья, дрозда, синицу, малиновку, а такую не слышал.

Лев Николаевич приехал. На Зуше Борисов нашел у левого берега место поглубже — устроил купальню.

Однажды вернулись от реки. Услышали у крыльца грохот экипажа. Из тарантаса вылезла плечистая, рослая фигура. Тургенев с лицом, черным от пыли. Очистился и через полчаса сидел в гостиной, рассказывал о переустройстве жизни в Спасском. Передал привет от Полины Виардо: она положила на музыку несколько стихотворений Фета и поет, правильно выговаривая русские слова. Ночевал Тургенев в новом флигеле. Утром пил чай и, уезжая, звал в Спасское. В июле поехали. Затем Фет и Тургенев отправились в полесье Жиздринского уезда. Ночевали в Болхове, на другой день к вечеру прибыли в Павлодар. Туча с грозой загнала к Апухтиным. За окном во тьме бушевал ливень. Вошел молодой хозяин. Поздоровался с Тургеневым, а Фету сказал:

— Я с вами давно знаком по литературе.

Было 11 часов — время почти ночное. Но хозяйка пригласила на ужин. Появился суп, всего пять блюд, как в Новоселках. Молодой Апухтин проводил гостей в их комнаты. Утром пили чай, кофе и, по просьбе хозяйки, остались завтракать: грибки, жареная печенка в сметане, молодой рассыпчатый картофель, телячьи котлеты в сочном бульоне. Слуга внес бутылку Редера и наполнил бокалы. Хозяйка подняла бокал за гостей. Колокольчик побрякивал у крыльца. Протестовали, но пришлось закуску взять и на дорогу. Тургенев, сидя в тарантасе, говорил о широком русском гостеприимстве. дорогой трясло, чуть не выпадали. Наконец приехали к месту охоты, после которой отдыхали. Днем не спалось.

— А что если б дверь открылась и вошел Шекспир? — спросил Тургенев. — Что бы вы делали?

— Я старался бы рассмотреть и запомнить его черты, — ответил Фет.

— А я упал бы ничком да так бы на полу и лежал.

Ночью спалось хорошо. Встали в пять утра. Умывались холодной водой из колодца... Поехали в Топки Малоархангельского уезда. Дичи было полно. Тургенев выходил к крестьянам. Старый флигель потом узнал Фет в «Дворянском гнезде». В сентябре стреляли вальдшнепов в окрестностях Спасского. В октябре Фет с женой поехал в Москву. В марте (1859) поставил тарантас на полозья и с трудом дотащился до Серпухова. В Ясной Поляне встретил радушно Л. Н. Толстой, двух лягавых щенков подарил. Поздно ночью добрались до Мценска. Узнал на постоялом дворе: вода появилась на Зуше, в тяжелой карете не проехать. Все-таки решили ехать. Вода шумела.

— Федот! — кликнул паромщика Фет. — Можно тройкой переехать на Новосельскую сторону?

— Можно.

— Боюсь, — ворчал ямщик, — тройку утоплю.

Слез с козел. Сел Федот. Проехал до половины реки. Ямщик занял свое место. Выехали по воде на другой берег. Тут внезапно повалил снег, поднялась метель. Сбились и в Ядринку попали: оба подъезда к мосту затоплены, мост горбом чернел посредине. Еле выбрались. В Новоселки приехали в три часа утра...

И вновь лето пришло. Июнь в цветах. Фет сговорился с Н. Н. Толстым поехать на тетеревов в Щигровский уезд. Тургенев собирался, да не приехал. Третьим взяли Петра Афанасьевича, брата. Погода была прелестной. В Болхове переночевали на постоялом дворе — и дальше. Охотились под Щиграми. Вернувшись домой, Фет застал письмо Тургенева: «Я нахожусь в городишке Виши, в срединной Франции... Часто думаю о России, о русских друзьях... Что-то вы поделяваете? Чай, поглощаете землянику возами... А Муза? А Шекспир? А охота?»

Фет жил с женой в новом флигеле между домом и кузней. Борисов читал Наде «Русский архив», «Историю Петра Великого» Устрялова. Им нравилось. Фет впадал в тоску, читал вслух «Илиаду» в переводе Гнедича. В феврале 1860 года Тургенев писал из Петербурга: «Милый Аф. Аф., переписываться с вами для меня потребность, и на меня находит грусть, если я долго не вижу ваш связно-красивый, поэтически-безалаберный и кидающийся с пятого этажа почерк».

Тогда же Л. Н. Толстой написал, радуясь, что его друг собирается купить землю и заняться хозяйством: «Нашему полку прибудет, и прибудет отличный солдат».

В конце марта:

«Как вы обрадовали меня вашими планами... Но обрадовали не одного меня, но и всех наших, начиная от тетушки и даже до пьяного монаха». Фет с женой с осени купили старинный четырехместный дермез с раскидными постелями, с большим зеркалом. Весной (1860) четверка почтовых лошадей привезла карету.

Подготовка к новому образу жизни шла полным ходом.

В «Моих воспоминаниях» Фет рассказал, как в конце июля 1860 года поехал охотиться на берега реки Неручь. Там, в сельце Ивановском, жила сестра Люба с мужем, А. Н. Шеншиным. После обеда, за чашкой кофе Александр Никитич объявил:

— Мне кажется, что я нашел как раз, что тебе нужно, в трех верстах от нас.

Оседлали лошадей и поскакали. В открытой степи Фет увидел зеленую купу деревьев. По жнивью бродил скот. Потом пошел мягкий, распаханый чернозем, «пушисто хлюпавший под копытами».

— Вот мы уже и на твоей будущей земле, — сказал зять, — вон та высокая соломенная крыша влево от лесочка — твой будущий дом.

В доме была небольшая передняя с дверью направо в кабинет, налево — в спальню, напротив — в столовую, из нее — в гостиную.

Хозяина пригласили в Ивановское для переговоров. Фету пришлось ехать в Москву за деньгами. На купленной земле он почувствовал себя Робинзоном. «Что делать?» — раздумывал. В 14 лет покинул Новоселки — поехал в пансион учиться. С подробностями сельского хозяйства не знаком. Из Степановки стал часто ездить к зятю за советом. Вспоминалась поговорка: «Хозяин вокруг двора обойдет — копейку найдет». Зимой ударили морозы свыше 30 градусов. Фет жил в Москве. Вот февраль блеснул первыми сосульками. Фет оставил жену в Москве, а сам покатил в Степановку. Александр Никитич помог перевезти мебель, найти кровельщика для переделки крыши. Крестьяне привезли паркет для трех Комнат. Потом Тургенев удивлялся: «Ни у одного немецкого профессора нет паркета, а тут...»

Ночевал у зятя. Как-то выдалась дождливая ночь. Наутро поспешил в Степановку: потолок в столовой протек; хорошо, что мебели там не оказалось.

Находился в Ивановском и в тот памятный день, когда в церкви читали манифест об освобождении крестьян. Ждали конца обедни. Пришел ключник.

— Ну, что же вам читал священник? — спросил Александр Никитич.

— Да читал, чтоб еще больше супротив прежнего слушаться. Только и всего, — ответил ключник.

Дом в Степановке обрел жилой вид. В мае он стоял под железной крышей с оштукатуренными стенами и потолком. Вскоре жена приехала в коляске из Москвы. Рассказывала, что ее спутником до Ясной Поляны был Л. Н. Толстой. Он кутался в шинель Фета и шутил, что теперь напишет лирические стихотворения. Мария Петровна занялась домом, Афанасий Афанасьевич — устройством конной молотилки, купленной в Москве.

Пришло письмо от И. С. Тургенева. Иван Сергеевич писал, что предложил Толстому «совокупными силами ударить на вас в вашей Степановке, пока еще поют соловьи?». В письме — записка от Толстого. Ждал с нетерпением. И вот из-за рощи показалась коляска. — Мы все смотрим, где же это Степановка, — говорил Тургенев, здороваясь с хозяевами, — и вот оказывается, что есть только жирный блин и на нем шиш, и это есть Степановка. Сели за стол. Выпили Редера со льдом. Фет гордился льдом из пруда, выкопанного в изложине прошлой осенью. После обеда отдыхали в рощице на высокой траве. Мария Петровна разместила гостей на ночь: одного в гостиной, другого в библиотеке. Тургенев шутил:

— А сами хозяева, вероятно, будут ночевать между небом и землей, на облаках?

В восемь утра сошлись в столовой. Мария Петровна заняла верхний конец стола, у самовара, Фет расположился в другом конце. Тургенев сел по правую руку хозяйки, Толстой — по левую. Разговорились.

Мария Петровна спросила Тургенева, доволен ли он английской гувернанткой своей дочери. Иван Сергеевич рассыпался в похвалах:

— Англичанка просила определить сумму для благотворительных целей. Теперь требует, чтобы моя дочь забирала на руки худую одежду бедняков, чинила и возвращала.

— И это вы считаете хорошим? — нахмурился Толстой.

— Конечно, это сближает благотворительницу с насущной нуждой.

— А я считаю, что разряженная девушка, держащая на коленях грязные и зловонные лохмотья, играет неискреннюю, театральную сцену.

— Я вас прошу этого не говорить! — вспыхнул Тургенев.

— Отчего же мне не говорить того, в чем я убежден? — возразил Толстой.

Не успел Фет крикнуть: «Перестаньте!», как Тургенев выпалил: «Так я вас заставлю замолчать оскорблением!».

Вскочил из-за стола. Схватив себя руками за голову, заходил по комнатам. Вернулся. Извинился и ушел. Фет поспешил заложить коляску для Тургенева. Уехал и Толстой. Вспыхнувшая ссора едва не привела к дуэли. Фет пытался примирить.

Пришел 1862 год. Пришло письмо от Тургенева: «Милая моя Маша и дражайший мой Фет!» Называл Степановку благословенной. В половине мая неожиданно приехал Боткин. Затем появился Тургенев. Повар Михайла старался. На столе появилось красное вино. Тургенев говорил о народных школах. Он видел Россию каким-то паралимпичным телом, которое надо буравить всяческими бурами, в том числе грамотностью. Фет смеялся, представляя, как Россию буравят все первым попавшим в руки гвоздем, не зная, какое действие произведет гвоздь в нем. Вспоминал слова Л. Н. Толстого: «Всякая наука хороша и прочна, когда основана на органическом запросе». Подумал: «Эдак через грамотность все пойдут от сохи в начальники».

На другой день Тургенев, привезший в своем экипаже Боткина, уехал, а Василий Петрович прожил два месяца. Тургенев письмом из Спасского позвал Фета на охоту. Охота в Жиздринском уезде оказалась неудачной.

Тургенев уехал. В конце августа писал из Баден-Бадена: «Край чудесный, зелени пропасть, деревья старые, тенистые, изумрудным мхом покрытые...» В сентябре просил: «Напишите мне несколько слов об охоте, о хозяйстве, о Степановке, о Спасском». В

октябре Л. Н. Толстой отозвался: «Фетушка, дяденька и просто милый друг Афанасий Афанасьевич! Я две недели женат и счастлив, и новый, совсем новый человек». В январе 1863 года Тургенев звал в Баден-Баден, писал, что Полина Виардо положила на музыку и поет «Шепот, робкое дыханье», «Тихая звездная ночь», «Я долго стоял неподвижно». Назвал отличной мысль издать сочинения и переводы. Просил: «Дайте нам также продолжение ваших милейших деревенских записок; в них правда, а нам правда больше всего нужна — везде и во всем».

9

Однажды в феврале (1863) Фет с женой побывал в Ясной Поляне. Была морозная месячная ночь. Тройка свернула с шоссе, двинулась проселком, затем березовой аллеей. Навстречу — тройка.

— Возьми правей! — крикнул Фет своему кучеру.

Узнал по голосу седока встречной тройки:

— Это вы, граф? Куда вы?

— Боже мой! Афанасий Афанасьевич! — раздался голос Толстого. — А мы с женой выехали прокатиться. Мария Петровна здесь?

— Здесь.

— Ах, как я рада! — воскликнул молодой серебристый голос».

Это была Софья Андреевна.

Встреча была отрадной.

А в Степановке — хлопоты. Из Орла везли строевой лес для задуманного двухэтажного дома, с Неручи камень. Фет размышлял о коридоре в 8 аршин, о стеклянной террасе, о комнате для библиотеки. При вести о восстании в Польше готов был вступить в полк. Летом неожиданно приехал брат Петр Афанасьевич. Заговорил о мельнице на реке Тим: — Ты бы бесконечно одолжил меня и развязал руки, взяв мельницу вместо 22 тысяч, которые я должен.

Фет согласился. Поехали вместе в Орел. Среди забот был и наказ Толстого: купить «пудов 20 разных веревок, возжей». Потом на пути в Москву заехал в Ясную Поляну. Лев Николаевич стоял у пруда и «распоряжался вытягиванием невода», чтобы караси не ускользнули. По воде били веревками и оглоблей.

— Ах, как я рад! — воскликнул Толстой, «деля внимание» между Фетом и карасями. — Мы сию минуту! Иван! Иван! Круче заходи левым крылом! Соня, ты видела Афанасия Афанасьевича?

«Она в белом подбежала по аллее с огромной связкой тяжелых амбарных ключей на поясе».

Обед был с карасями.

В Москве Боткин повез поэта к Каткову. Тот вручил «Что делать?» Чернышевского. Фет согласился написать рецензию. В Степановке стал читать. Из Новоселок Борисов прислал нарочного: Надя, жена, заболела. Фет увидел сестру в тяжелом состоянии: пышные волосы, яркий румянец щек, темные глаза, горящие «фосфорическим блеском». Мужу говорила «самое обидное, самое невыполнимое». Фет потом вспоминал, что они с Борисовым «сидели, как приговоренные к смерти». Маленького Петю нельзя было оставлять. Фет взял племянника в Степановку. Борисов повез Надю лечить в Москву, оттуда в Петербург.

Пройдут годы. Вырастет Петя Борисов. Будет радовать умом дядю. А потом разделит трагическую судьбу матери...

Пришел 1864 год, отмеченный многими встречами. В Петербурге в январе состоялось последнее свидание с Ф. И. Тютчевым. На похоронах А. В. Дружинина увидел Н. А. Некрасова: запомнил выражение его серых глаз, прошел, не кланяясь никому, торопливо бросил горсть песку в раскрытую могилу и уехал. В кладбищенской гостинице Фет прочитал стихи Тургеневу.

— Вы видите, я плачу, — сказал Иван Сергеевич, — это лучшая похвала стихотворению. Одну строку предложил исправить. Фет не сразу согласился.

В Орел доехал на дилижансе, оттуда поспешил в Степановку. В самый разгар весны пришло письмо от Тургенева: «Ну, а Степановка все на том же месте и процветает? Что посаженные деревья? А пруд? Бог даст, всю эту благодать я увижу в нынешнем году. В июне, когда уже Боткин жил в Степановке, прислал шуточное «Соборное послание двум обитателям Степановки от смиренного Иоанна».

По делу о Тимской мельнице пришлось Фету ехать в Петербург. А В. П. Боткин говорит: Здесь был Алексей Константинович Толстой. Он желает с тобой познакомиться.

Поехал поездом, а там, на лошадях, посланных А. К. Толстым, до Пустыньки три версты. На берегу речки, в доме, построенном Растрелли, застал А. М. Жемчужникова. Проникся уважением к А. К. Толстому. С графиней прогуливался по саду. Вечер провел за ломберным столом. Через два дня Фет был в Москве. Заехал в Новоселки, где Петя Борисов всех очаровал: рано от детских книжек пришел к «Илиаде» в переводе Гнедича. Встретил в доме приехавшего из Подбелевца Сергея Мартыновича, своего дядьку в пору жизни в Новоселках. Старик узнал Фета, сказал, что теперь охота плоха.

И снова — Степановка. С окончанием озимого посева и молотбы поехал с женой в коляске, с поваром Михаилом на козлах, на Тим. Там познакомился с мировым посредником С. С. Клушиным, милым человеком. Занимался разверстыванием земли с крестьянами.

Пролетел сентябрь. Похолодало. Шел проливной дождь, когда возвращались в Степановку. В ноябре Боткин из Петербурга прислал письмо. Упомянул Ф. И. Барыкова. Фет вспомнил седого старика в венгерке с бравдбурами, хозяина имения «Гремучий ключ» на Неручи. Когда у него гостили с Боткиным, Федор Иванович показывал на берегу сосны и ели, потом сказал: «Теперь позвольте показать вам замечательный источник, давший название селению».

Из рощи спустились в ложбину-ущелье и увидели: по широкому желобу бежала быстро вода, падая «с громким плеском с двухаршинной высоты».

Барыков угощал табаком, который выращивал сам. Теперь он, по просьбе Боткина, прислал табаку да еще приложил 50 елок, сосен и лиственниц. Фет посадил их в Степановке — деревья разрослись.

Не успела зима закрепить дороги, как Фет с женой сели в кибитку и в путь. Три недели жили в Новоселках, ждали снег. Увидели утром, что выпал свежий, глубокий, и засобирались ехать дальше. Ночевали в Спасском. Приехали в Москву. Толстой в письме от 23 января 1865 года упрекал, что не заехали. В мае прибыли в Новоселки, оттуда в Степановку. Тургенев обещал приехать на именины Марии Петровны, но заболел. 21 июля небо было в тучах. Гром. Сверкала молния. Ждали гостей. Легли спать не дождавшись. В два часа ночи Николай Николаевич Тургенев прибыл. Мария Петровна вышла встречать с зажженными свечами. Именины состоялись. Потом поехали в Никольское в тарантасе. Переезжали Зушу. Фет с женой сошли на горе, а лошади понесли: кучер вылетел в траву, подушка с козел за ним. И тут вдруг тройка остановилась. В Никольском Фет (по намекам дам) упросил Л. Н. Толстого прочитать из «Войны и мира». Вспоминал: «Через две минуты мы уже были унесены в волшебный мир поэзии, и поздно

разошлись. унося в душе чудные образы романа».

В уезде влиятельные люди стали предлагать Фету баллотироваться в гласные. Первым заговорил об этом предводитель дворянства В. А. Шеншин. Избрали значительным большинством. Теперь можно и в мировые судьи. В марте 1866 г. Тургенев в письме критиковал вторую часть «Преступления и наказания» Достоевского и начало «Войны и мира» Толстого. Боткин писал в июне, вспоминая Степановку, сенокос, знойный, степной, струистый воздух и томящий жар. Толстой в июле сообщал, что ездил с Дьяковым к Шатилову, называл поездку приятной и поучительной, предлагал между 28 июля и 3 августа поехать к Киреевскому в Шаблыкино. Тургенев в письме утверждал, что Кутузов и Багратион у Толстого списаны с современных генералов, сообщал, что с увлечением читает четырнадцатый том Соловьева.

Фет увлеченно занимался хозяйством. Поехал на Тим, купил 500 дубов. Зимой их доставили в усадьбу. Пришел декабрь. По первому санному пути Фет и Мария Петровна поехали в Москву. Остановивались в Новоселках, в Спасском. В Москве ничего особенного не произошло. Вернулись в Степановку.

Вот и весна 1867 года. Стаял снег. Вдоль межи ржаного поля ехали на шарабане Фет и Мария Петровна. Поэт грустно смотрел на поле, «усеянное серебряными звездами».

Передал вожжи жене, слез и стал кнутовищем выкапывать ржаные кусты. Увы! Всюду — безжизненный корень «вроде набеленной нитки». Урожая не будет...

Толстой, обеспокоенный творческим молчанием Фета, написал ему 27 июня из Ясной Поляны: «Я от вас все жду, как от 20-летнего поэта, и не верю, что вы кончили. Я свежее и сильнее вас не знаю человека». Письмо посылал во Мценск, зная, что его друг там на выборах.

На выборах Фет стал говорить речь, но «власть имущие употребляли всевозможные усилия для того, чтобы речь моя не была в зале слышна. Ноги задвигались под столами и стульями жестокий кашель напал на всех». И все-таки выбрали. Фет поехал в Москву, заказал мундир, купил нужные книги и бланки. Получил и цепь третьего мирового участка. Стал мировым судьей. Разбирал дела о краже бревен, о разделе отца с сыном, о лошади пропавшей.

Однажды приходит старый кучер и просит развести его дочь с мужем:

— Разведи, судья милостивый!

— Меня хоть в Сибирь, — умоляет красивая брюнетка, — а с ним я жить не желаю.

Поэт с цепью на шее задумался.

— А ты желаешь жить с женой? — спросил он молодого столяра.

— Очень желаю.

Фет вспомнил слова кучера: «Истязает. Купил корову и заставляет доить».

— У отца твоего была корова? — спросил молодайку.

— Никогда не было.

— Так муж завел тебе корову, — сказал судья, — а ты это называешь мученьем. Если тебя отец ни до чего не допускал, тем хуже, а ты должна слушаться мужа, а не отца.

— От него-то вся беда! — воскликнул столяр.

— А ты гони его вон!

— Как? Меня-то! — не выдержал кучер.

— Известно, тебя-то, — хмуро пояснил судья.

— Как же это так?!

Кулаком по шее! — отрубил Фет. — Ты отдал добровольно дочь в чужой дом, а в чужой дом можно заходить только угождая хозяину, а супротивника закон дозволяет наладить в шею. В последний раз говорю вам: не желаете ли подобру-поздорову помириться?

— Меня куда угодно, но только не с ним жить, — стояла на своем брюнетка.

— Это, матушка, дело твое! Я вызвал вас только для Мировой, — сказал Фет.

И пообещал передать дело на волостной суд. Предупредил, что там могут высечь.

Задумалась молодая. Через полтора месяца помещица, гостя у Фета, сказала:

«А уж как вас столяр с молодой женой благодарят... Как голуби живут».

Цепью мирового судьи Фет был прочно прикован к нуждам людским. То едет в Золотарево на поиски тех, кто повредил мост. На постоялом дворе пропали железные шкворни, на купеческой ферме — колеса. Кто виноват? Осенним мокрым вечером Степановку осадили рабочие, строившие железную дорогу. Триста человек не получили за свой труд ни копейки. Обманул подрядчик. Фет отослал несчастных в Орел, в окружной суд. Сам ездил в главную контору. Удалось выхлопотать по 54 копейки на каждого. Тяжко на душе.

А тут еще голод навалился. Стали выпекать хлеб, похожий на засохшие комки чернозема. С мякиной, с лебедой. «Лебеда не беда», мрачно шутил старшина во Мценске. Фет поехал в Москву. Застал там Толстых. Лен Николаевич писал «Войну и мир», находился во власти великого замысла. Фет заговорил о голоде. Сказал, что решил устроить литературный вечер в пользу голодающих своего участка.

Толстой выступать отказался. Дал отрывок из «Войны и мира». Загорелась артистка Васильева, даже клуб для вечера нашла. Пров Садовский, наш земляк, вызвался читать. Нашлись и другие люди. Перед началом чтений Фет встал за прилавок. Билеты покупали вяло. Удалось набрать 33000 рублей. Фет на вечере читал «Германа и Доротею», Садовский и Васильева — из «Мертвых душ», князь Когушев вызвал гром аплодисментов отрывком из «Войны и мира». Вырученные деньги были розданы по спискам старшим. До недавнего времени в селе долгом стоял черный сруб бывшей больницы, которую народ назвал Фетовской: еще одно доброе дело поэта.

Нравились поэту и его жене поездки в Ивановское в санях без кучера. Лошадь пускали и она сама по Млечному Пути привозила к рощице. Засиживались в гостях до вечернего чая. Одно воскресенье проводили в Ивановском, на второе в Степановке принимали Шеншиных, на третье опять собирались в дорогу. Умная лошадь даже в метель ни разу не сбилась. Александр Никитич и Любовь Афанасьевна часто брали с собой маленького сына и гувернантку.

Осенью 1868 года в Орле Фет ночевал в почтовой гостинице. В коридоре встретил А. К. Толстого. Бросились обнимать друг друга.

— Вы не завтракали? спросил Алексей Константинович. — Чем же вас угощать?

Фет назвал кофе.

— Самого лучшего кофе! — крикнул слуге Толстой.

Полилась задушевная беседа.

А. К. Толстой писал в декабре (1868) из Черни. В феврале (1869) извещал, что посылал нарочного в Брянск с телеграммой в Змиевку. Все звал в Красный Рог. И в марте звал. В мае заманивал на глухарей и перепелов, обещал прочитать «Царя Бориса» и три новые баллады. Писал: «Мы намерены считали, кто из современных иностранных и русских писателей останется и кто забудется. Первых оказалось немного, но когда было произнесено ваше имя, мы в один голос закричали: «Останется, останется навсегда! Летом Фет и Борисов поехали поездом на Брянск. На одной из станций поезд стоял долго. Фет посреди зала 1 класса задержался. Вдруг мягкое тепло охватило руку. Глянул: желтый медвежонок, усевшись на задние лапы, смотрит вверх сероватыми глазами и самозабвенно сосет палец. Раздался звонок. Фет покинул Зверя. В Брянске гостей ждала тройка, запряженная в коляску-тарантас. до Красного Рога ехали, любясь Хвойными лесами, полями. Вылетали огромные дикие утки. На вершинах деревьев отдыхали мощные орлы. Толстые встретили с радостью. Гости поместили в отдельный Флигель. В кабинете графа шла беседа с шутками в духе Пруткова. В салоне графини звучал рояль и раздавалось пение. Удачно охотились, а вечером слушали «Федора Иоанновича» и «Царя Бориса». Спустя годы (1873) Фет получил от автора поэму «Сон Попова»...

В Степановку пришло известие о смерти Нади. Вспомнились страдания матери. В Петербург возили больного Владимира Петровича Боткина, но спасти не удалось. Л. Н.

Толстой, только что закончивший «Войну и мир», писал сочувственно в октябре: «А у вас в семействе смерть за смертью». Боткина похоронили в Москве. Тургенев в ноябре из Баден-Бадена тревожился, что тяжело заболел Петя Борисов. В декабре обещал: «В половине апреля пушусь в Русь православную. И тогда-то будет под лад соловьиного пения стоять гул и стон спора на берегах и в окрестностях Зуши». Писал, что в Степановке Фет ничего не откроет нового, только — в поэзии. Фет задумывался...

11

12 июня (1870) Фет приехал во Мценск на мировой съезд и увидел на скамейке среди публики Тургенева. С ним был англичанин Ральстон. Тургенев потом, указывая на гусей, выходящих из Зуши, говорил: «Какие это жалкие и запачканные гуси! В целой Европе не найдете таких несчастных гусей». 14 июня был крестьянский праздник в Спасском. Фет приехал, когда все уже кончилось. Только толпа ревела и требовала водки. Тургенев послал за нею во Мценск...

В октябре Мария Петровна ездила в Москву на годовые поминки В. П. Боткина. Вернулась и заболела. Фет метался то в Змиевку, то в Орел. Выздоровела. Однажды ночью в Степановке постучали в окно спальни. Фет отодвинул занавеску: у террасы стояла тройка в хомутах. Фету Касьян привез письмо: «Ивану Петровичу плохо; сейчас приезжай в Новоселки. Брат твой Петр». Фет поехал поездом. Во Мценске узнал: Борисов скончался. Похоронили в Верхнем Ядрино. В Новоселках надо было отпустить повара, слугу, кучера, продать лошадей и запереть дом.

В декабре Мария Петровна уехала в Москву. Фет остался возиться с бумагами об опеке над именем Борисовых. В Становом Колодце неожиданно умер Александр Никитич Шеншин. Фет заболел. Лежал в обмороке. В Москве сделали операцию. Перед отъездом зашел к Шеншиным. Пригласил племянницу Олю в Степановку. Петя Борисов вопросом о происхождении заставил вспомнить пережитое. Разбирал бумаги, Фет обнаружил Предписание Орловской консистории мценскому протоиерею: «Отставной штабс-ротмистр Афанасий Шеншин, повенчанный в лютеранской церкви за границей с женой своей Шарлоттой, просит о венчании его с нею по православному обряду...» Предписывалось обвенчать. Документ был датирован сентябрем 1820 года.

«Изумленные глаза мои, писал Фет, — мгновенно прозрели. Тяжелый камень мгновенно свалился с моей груди; мне не нужно стало ни в чем обвинять моей матери: могла ли она, 18-летняя вдова, обвенчанная с человеком, роковым образом исторгнувшим ее из дома ее отца, предполагать, что брак этот где бы то ни было окажется недействительным?»

Фет родился до перехода матери в православие, до нового ее бракосочетания...

26 декабря 1873 года Александр Второй дал Сенату указ о присоединении отставного гвардии штабс-ротмистра А. А. Фета к роду отца его Шеншина со всеми правами, званием и роду его принадлежащими.

Петя Борисов ликовал.

Пришло поздравительное письмо из Киева от Каролины Петровны Матвеевой (Фет).

Сестра приглашала в гости. Поехал. В кабинете мужа Каролина говорила о загранице.

Русским владела плохо, знала немецкий, английский, итальянский, французский.

Последние 5 лет жила во Флоренции. Знание языков вызвало у иезуитов подозрение: приняли за русского агента. Пришлось уехать. Обнимая брата на лестнице, благодарила, что исполнил последнее желание — приехал. Последнее? Через месяц получил из Киева письмо с черной печатью: умерла...

В конце 1873 года Фет с женой, племянницей Олей, ее компаньонкой и гувернанткой поехали в Москву. Вернулись домой: Фет занялся своими делами, Оля уроками.

Гувернантка ей нравилась все меньше и меньше. Попросила уволить ее. Фет поехал в

Москву за новой наставницей для племянницы. Знакомый пастор обещал найти. Фет вернулся в Степановку. Через месяц — телеграмма: едет. Послал в Змиевку экипаж и там «получили многоопытную особу»: черные, как смоль, волосы, увенчанные широкой лопатой гребня, в ушах — подвески, на пальцах — перстни. В Степановке выяснилось, что носит парик. Фет вскоре убедился, что иностранки уступают русским в основах образования. Увидел: правил французской грамматики не знает, музыки — тоже. Пришлось проститься. Фет на лестнице, страдая одышкой, пытался высказать замечания, но она говорить не дала. Уехала. Француженку сменила полька. Ее Фет взял из конторы сам, не доверяя рекомендациям. Самоуверенная. Петя Борисов поймал ее на неточности выражений. Сказал дяде.

— Не мешай воспитанию сестры, — попросил Фет. — Подумай, каково мне бегать по Москве за новыми гувернантками.

Тургеневу сказали, что Фет пускает слухи, будто тот заражает юношей жаждой идти в Сибирь. В Степановку пришло сердитое письмо. Фет ответил. Тургенев еще раз написал сердито, даже съязвил в конце: «Как Фет, вы имели имя, как Шеншин, вы имеете только фамилию». Переписка оборвалась.

С Толстым продолжались дружеские отношения. После Крещения (1875) ездил к нему в Ясную Поляну. Брат Петр Афанасьевич очень интересовался движением в Герцеговине и Черногории. В марте взял тысячу рублей и объявил, что едет в Орел. Кучер вернулся со станции один. «Петр Афанасьевич сами вам будут писать», — сказал Фету. Брат извинялся. Уехал в славянские земли. Пристройка для него была доведена до конца. Вход в дом с подъезда превратился в широкую галерею. Одна из дверей вела в бывший кабинет поэта, превращенный в судебную камеру со скамьями для присутствующих. Из коридора вверх поднималась неширокая лестница в большую залу в два света с балкончиком. Мебель привезли из Грайворонки.

Зиму Фет с женой провели в Москве. Жили в гостинице «Париж» на Тверской. Искали француженку для Оли. Наконец нашли хорошо игравшую на рояле. Остальные предметы взял на себя Фет.

Однажды в камеру мирового судьи пришел конверт с печатью канцелярии варшавского генерал-губернатора. В бумаге сообщалось, что содержащийся в местах заключения молодой человек без письменного вида назвал себя дворянином Петром Шеншиным и указал на Фета как на родного брата. Пришлось послать двоих в Варшаву с деньгами и удостоверениями выручать Петра Афанасьевича. Поехал Федор Федоров с Матвеем, слугой. Привезли. Теперь он шумно плескался в ванной. Рассказывал, как с молодым итальянцем следил с обрыва за перестрелкой между черногорцами и турками. Одна пуля попала в березку между ними.

В мае 1876 г. поехал в Грайворонку. До Ливен — поездом. Узкоколейка до Верховья раздражала черепашью ходом: 15 верст в час. Обрато в Ливны — на тройке. Пыльная дорога с боковым ветром была гладкой, как шоссе. В Ливнах до поезда оставалось целых полтора часа. Пошел по площади, вошел через калитку церковной ограды и очутился перед храмом, окруженным большим и тенистым кладбищем. Увидел старинные надгробные памятники. Купцы не жалели чугуна, гранита, мрамора. Фет читал надписи. Возвращаясь, наткнулся на обелиск из серого песчаника. На одной из четырех сторон глубоко врезаны слова: «Здесь погребено тело крестьянской девицы Марии». И: «Вот тебе друг мой последний от мене нарят». Внизу: «отставной унтер-офицер». «Никогда ни одна могильная надпись не производила на меня такого задушевно-нежного впечатления», — писал Фет. Сообщил Толстому. Тот 18 октября 1876 года ответил: «Вот тебе друг...» — прелестно! Я это рассказывал раза два — и всякий раз голос у меня срывался до слез». В декабре Лен Николаевич писал, восхищаясь стихами друга. Тогда же Фета назначили заведующим военно-конным пунктом при Городищенской волости. Приказал лошадей пригнать в Степановку. Во Мценске, по окончании заседания съезда. Фет смотрел из окна, как офицеры принимали выбранных ими лошадей.

Была зима с глубоким снегом. Брат Петр занимался выездкою молодых лошадей. Однажды взял тысячу рублей и объявил, что едет по делу в Орел. А прислал письмо из Киева. Назвал адрес киевского приятеля, который «постоянно будет знать о месте его нахождения». Сам же решил уехать в Сербию. Приятель сообщил в Степановку, что он купил себе верховую лошадь и на смотре в Белой Церкви попросил у главнокомандующего позволения поступить волонтером в казаки. Это известие было последним. Посылали в полк одежду и деньги. Пришли обратно. Даль, куда скрылся веселый Петр Афанасьевич, молчала. Как в казаки? Каким чином?» — спрашивал в апреле (1877) Л. Н. Толстой. Но что ответить?

В середине лета он приехал в Степановку вместе с Н. Н. Страховым, будущим биографом Фета. Лен Николаевич подсел к роялю и играл в четыре руки с гувернанткой Оберлендер. Переиграли чуть ли не всего Бетховена. «Она всякие ноты читает, как вы стихи», — говорил Толстой.

В августе Фет поехал в Москву. Оля — тоже. Ее мучила зубная боль. Зачастила в пансион госпожи Эвениус. Фет собрался домой, а племянница попросила разрешить ей остаться на время в Москве. Фет уехал один. Оля медлила с приездом. Писала все реже, все короче. Наконец, хозяйка пансиона уведомила, что осталась насовсем.

Фет почувствовал себя в «атмосфере недоброжелательства». Мирная, обросшая зеленью Степановка стала ему «ненавистна». Он задыхался в ней. Уехал с женой в Ливны, оттуда — в Грайноронку. Там, на степном просторе, дышать стало легче. О возвращении в Степановку не хотелось и думать. Сказал об этом в Грайворонке, в столовой за круглым столом.

— Надобно избавиться, — подхватил И. А. Ост, деловой человек.

— Каким образом? — оживился Фет.

— Уж вы поручите мне...

Фет подумал о жене: как-то она отнесется к перемене мест?

— В Степановке, — сказал он, нет дерева, нет куста, который не был посажен мною при помощи Марии Петровны. Захочет ли она?

Тревога была напрасной. Жена согласилась. Фет решил, что новое имение должно находиться в черноземной полосе, с лесом, рекой, каменной усадьбой, близ железной дороги. Ост уехал. Через два дня прислал телеграмму: «Подходящее имение близ Московско-Курской чугунки 850 десятин за 100 тысяч нашел. Отвечайте Курск».

Это была Воробьевка, которой выпало стать частью биографии великого поэта. Он увидел парк, лес, каменный дом и остался доволен. Затем поехал в Орел и здесь, в гостинице за самоваром, услышал от «мага и волшебника» И. А. Оста, что Степановка продана за 30 тысяч. Лошади и коровы до конца мая оставались там, а потом им путь лежал в Воробьевку. Урожай поступал в руки Фета. Мария Петровна взялась хлопотать о перевозке на наемных подводах посуды и мебели в Воробьевку, купленную на имя госпожи М. П. Шеншиной.

Через некоторое время, когда Ольга Васильевна Шеншина, племянница Фета, собралась замуж, они встретились в Орле, в гостинице. Встретились и помирились. Вчерашняя Оленька стала госпожой Галаховой, женой орловского вице-губернатора. Судьбе угодно было сделать ее наследницей И. С. Тургенева и А. А. Фета. Навещала Спасское и Клейменово, жила в Орле, отдыхая на диване «самосон», принимавшем в свои объятия классиков русской литературы. Однажды на этом диване Фету явилась мысль перевести «Фауста» Гете.

В один из Фетовских праздников поэзии приехал из Парижа Георгий Трубников, правнук Ольги Васильевны, культурный, деловой человек. Пригласили его в Степановку. Увидел наш гость зеленую поляну с народом, услышал русские стихи и русские песни. Говорил о своих предках, о сердечной привязанности к России, к Орловщине...

дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Приветствуют вас звезд золотые ресницы, и месяц, плывущий по лазурной пустыне, и

плачущие степные травы, и розы весенние и осенние, приветствует вас густолистый развесистый лес, и блеском вечерним овеянные горы, и милое окно под снежным каштаном. Приветствуют вас голубые и черные ангелы, глядящие из — под шелковых ресниц... Приветствуют вас все крылатые звуки и лучезарные образы между небом и землею. Кланяется вам также и меньшая братия: слепой жук, и вечерние мошки, и кричащая коростель, и молчаливая жаба, вышедшая на дорогу, — так писал известный русский философ В. С. Соловьев не менее известному поэту А. А. Фету, сумевшему стихами передать божественную красоту природы...

Однажды я долго шел летней дорогой в Клейменово и там, под сводами склепа старой церкви, впервые увидел плиты с именами Фета-Шеншина и его жены Марии Петровны. В подвальном полумраке было холодно. В церкви висели иконы. Старый священник показал мне за алтарем столик, принадлежавший, по-видимому, И. С. Тургеневу...

Ныне село стало одним из мест, где также проводится Фетовский праздник поэзии. В храме поются молитвы, возносится слово в память о нем, волшебнике русского слова.

Царский венец

1

Царское Село, знаменитое лицейской юностью А. С. Пушкина, а потому впоследствии ставшее городом его имени, издавна было одним из любимых дачных мест Санкт-Петербургской губернии. Множество садов, прекрасный старинный парк на 662 десятины, дворцы и памятники времен Елизаветы Петровны и Екатерины Второй, возвышенное приволье земли, подаренной Петром Первым жене, — все это радовало взор и манило к себе. Полюбила эти места Мария София Фридерика Дагмара, дочь датского короля, ставшая в России Марией Федоровной и женой великого князя Александра Александровича. 6 мая 1868 года у нее родился первенец, которому положила судьба стать последним императором великой страны, омываемой с одной стороны Балтикой, с другой — белопенными волнами Тихого океана. Новорожденного назвали Николаем в память о суровом прадеде, запятнавшем себя кровью декабристов. Дед и отец носили имя победителя Наполеона. Оба они в 1877 году отправились воевать. Гремели пушки на Балканах. Русские солдаты, проявляя чудеса храбрости, поливали своей и турецкой кровью дорогу к освобождению братьев-болгар от пятисотлетнего ига. Шипка, Плевна, Горный Дубняк — эти слова в ушах юного Николая звучали, как музыка. Пылкое воображение рисовало картины сражений, где на белом коне Скобелев скачет и тут же рядом дед — император, отец — командир Руцукского отряда, дядя Николай Николаевич — главнокомандующий всей армией нашей. Когда они вернулись, хотелось слушать и слушать рассказы.

Родители позаботились дать наследнику отличное образование. Воспитателем был назначен генерал-адъютант Г. Г. Данилович. Первые восемь лет решено было отдать гимназическому курсу, остальные четыре года — высшим наукам. Наук оказалось так много, что добавили еще один год. Николай рано пристрастился к чтению, в 14 лет начал вести изо дня в день записи о главных событиях своей жизни.

Среди преподавателей были люди опытные, известные. Будущий император изучал каноническое право в связи с историей церкви и религии (И. Л. Янышев), статистику, политическую экономию и финансовое право (Н. Х. Бунге), международное право (М. Н. Капустин), политическую историю (Е. Е. Замысловский). Знаменитый Константин Петрович Победоносцев — профессор гражданского права Московского университета, сенатор, член государственного Совета, обер-прокурор Святейшего Синода горячо

выступал против западноевропейских идей и политических учреждений. Композитор Цезарь Антонович Кюи, автор опер «Кавказский пленник», «Анджело», «Ратклиф», «Пир во время чумы», а также профессор фортификации, известный трудами об обороне и атаке крепостей, прививал интерес к военно-инженерному искусству. Военную статистику читал генерал от инфантерии Николай Николаевич Обручев, о боевой подготовке войск говорил генерал-адъютант, профессор, военный писатель Михаил Иванович Драгомиров. Его «Очерки анстро-пруссской войны», труды по тактике были широко известны. В войне с турками, командуя 14-й дивизией, Драгомиров первым перешел Дунай. Участвовал в той войне и Обручев. Академик Николай Николаевич Бекетов преподавал химию. Иван Бунин назвал его знаменитым и вспомнил забавный случай, когда старичок, сидевший с ним рядом в Академии наук, сказал ему: «Опоздал я сегодня — страшный на дворе дождь. А помните, ваше превосходительство, точно такой же ливень, когда мы хоронили Ивана Андреевича.

Промок я тогда и простудился... а вы?» Сосед имел в виду похороны Крылова в 1844 году. Сам он родился в 1827-м.

Отец Николая, как отмечала «Военная энциклопедия» И. д. Сытина, приказал обратить особое внимание на преподавание родной истории и литературы. Приказ упал на добрую почву: дневник Николая II усеян именами русских писателей, читал он книгу за книгой до последних дней жизни. Внимательно следил за деятельностью основанных при отце Исторического имени Александра III общества и Императорского Русского Военно-Исторического общества, широкое развитие нашли губернские ученые архивные комиссии.

Отец был строг. Изучая пехотную службу, сын должен был побывать дважды на сборах в Преображенском полку, исполняя обязанности то младшего офицера, то командира полка. Затем два сбора в кавалерии, среди гусар. Послужил и в артиллерии. Познакомился с морской службой. Стал полковником и августейшим атаманом казаков. Кроме того, положил начало сооружению Сибирской железной дороги, совершил в 1890 году путешествие на дальний Восток, через Вену и Триест, а затем морским путем в Грецию, Египет, Индию, Китай и Японию.

После войны с турками, получившей название Освободительной, сильное и тяжелое впечатление оставила смерть деда. Внуку на всю жизнь запомнился день 20 марта 1879 года, когда государь вернулся с прогулки бледный, как полотно: некий Соловьев в него выстрелил несколько раз. Александра Второго спасло то, что он убегал зигзагами. Соловьев прежде, чем его схватили, успел ранить полицейского. Толпа растерзала бы его, не окажись рядом император. Преступник пригодился для казни, которая состоялась 28 июня.

— Смерть за смерть! — решили заговорщики. Они собрались под Липецком и постановили взорвать царский поезд.

Готовились основательно. В трех местах заложили мины. Когда поезд приблизился, Перовская дала сигнал, Желябов зажег фитиль. Взрыв! Под откос повалился товарный поезд. Царь перед самым отъездом из Ливадии пересел в другой.

19 февраля 1880 года, как раз в день отмены крепостного права, в Зимнем дворце взорвал бомбу Халтурин. Думал расправиться с царской семьей — отправил на тот свет 11 солдат. Несколько ранее в Харькове в открытой коляске был застрелен генерал-губернатор князь Дмитрий Кропоткин. Затем убили жандармского полковника Корфа.

Царь назначил диктатором армянина графа Лорис-Меликова. Тот обещал справиться с нигилистами.

Не успел.

В марте 1881 года первая страница «Сына Отечества» шла в черной рамке.

«Еще вчера, — писала газета 7 марта, — вся столица оделась в глубокий траур; дома увешаны черными флагами: окна, балконы, подъезды, фонари — все покрыто было траурной одеждой и не только официальные и служащие лица облеклись в траур, но и

большинство частных лиц надели на себя черное платье. Сегодня с раннего утра столица представляла собой горестную вдовицу, готовящуюся идти на вынос тела Монарха, бывшего возлюбленным Монархом всего русского народа, его незабвенным Отцом и Благодетелем, призвавшим его к новой лучшей жизни... Как только раздался первый удар колокола, вся масса народа мгновенно сняла с голов шляпы и шапки и сотворила многократное крестное знамение, творя вечную память почившему Царю Батюшке. Когда затем показалась сама печальная колесница — на глаза стоявших являлись слезы, слышались рыдания, многие не просто творили крестное знамение, но падали на землю, несмотря на то, что под ногами были грязь и лужи воды. «Вечная память Царю-Освободителю!», «Вечная память Царю-Благодетелю!», «Вечная память Царю-Мученику за землю русскую» — вот что слышалось громко и явственно в массах собравшегося народа».

4 марта, в среду, в Казанском соборе преосвященный Нестор служил панихиду. Перед этим сказал «прочувственное слово». После службы оглашен был манифест о восшествии на престол Александра III, прихожан привели к присяге.

Город был в трауре. Гремели пушки, слышался перезвон колоколов, на флагштоке Петропавловской крепости взвился черный флаг. Гроб вынесли на руках члены семьи убитого императора. Колесницу везли 8 лошадей.

Присягали 5 марта императору Александру Александровичу и наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. У решетки, на месте покушения, лежали цветы и стоял образ Божией Матери в черной рамке. Болгары шли поклониться праху монарха, «даровавшего их отчизне свободу».

Что же случилось 1 марта? Как все произошло?

«Когда раздался первый взрыв, — вспоминал на страницах газеты «Порядок» капитан Кох, начальник охраны царя, — я выскочил мгновенно из саней и остановился на секунду, чтобы осмотреться вокруг и убедиться, что случилось с императором. Завидя, что государь выходит из полуразрушенной кареты и что около него находится несколько лиц, в том числе ближе других полковник Дворжицкий, я побежал по направлению к Его Величеству. Но не успел отбежать от своих саней шагов на десять, — а сани мои были в расстоянии от царской кареты в шагах тридцати, — я заметил бегущего мне навстречу, по тротуару Екатерининского канала, в направлении к Невскому проспекту, молодого человека, в костюме, напоминающим молодого приказчика, с опущенною в правый карман рукою. Я моментально бросился на него, схватил левою рукою за воротник пальто, а правою обнажил шашку для отклонения нового покушения и ограждения преступника от расправы набегавшей разъяренной толпы. Одновременно несколько людей схватило также преступника, и он был буквально прижат к решетке Екатерининского канала. Я обратился тотчас к преступнику, которому на вид было не более 20 лет, с вопросом: — Это ты произвел взрыв?

— Я, ваше благородие, я произвел взрыв, — ответил преступник, взглянув в мою сторону. Далее, писал Кох, события развивались так. Бодрым шагом подошел царь и спросил:

— Этот?

— Называет себя мещанином Грязновым, ваше величество, — доложил капитан.

— Хорош! — сказал император.

Это его слово было последним. Едва он повернулся и направился к своему экипажу, как раздался второй взрыв.

«Придя немного в себя, — вспоминал Кох, — но вовсе еще оглушенный, и, чувствуя сильную головную боль, я побежал бессознательно по направлению к царскому экипажу, с шинелью, истерзанною в клоки, с оторванною саблею, без шапки и без, неизвестно куда с мундира, отлетевших орденов. Царский кучер Фрол на мой вопрос о государе, ответил: «Государь ранен». Взглянув затем левее экипажа, глазам моим представилась следующая ужасная картина. Государь, опустив руки как будто машинально на плечи лиц, поддерживавших его, был мертвенно бледен. Голова держалась совершенно прямо, но по

лицу струилась кровь. Глаза открыто выражали глубокие страдания. Обе ноги были обнажены и окровавлены, кровь ручьями лилась на землю».

5 апреля «Сын Отечества» рассказал о казни. В последний вечер к осужденным пришел священник. Рысаков долго беседовал с ним, приобщился Святых тайн. Его видели плачущим и читающим Евангелие. Михайлов тоже исповедался. Кибальчич дискутировал, от причастия отказался. Не приняли духовника Желябов и Перовская. В 11-м часу легли спать. Спали спокойно. Только Рысаков провел ночь тревожно. В 6 утра их разбудили. Предложили чай. После чая все переоделись в казенное: белье, серые штаны, полушубки — поверх черный армяк, в сапоги, фуражку с наушниками. Перовскую обрядили в платье «тиковое с мелкими полосками», в полушубок, в черную арестантскую шинель. Привезли на место казни. Рысаков и Михайлов были смертельно бледными, остальные казались спокойными. На лице Кибальчича — невозмутимое спокойствие и душевная покорность. Желябов «шевелил руками и часто поворачивал голову в сторону Перовской». На лице Перовской блуждал легкий румянец, глаза лихорадочно скользили по толпе...

«Первым был казнен Кибальчич; признаки жизни виднелись около двух с половиной минут. Затем на черную лесенку ввели Михайлова; ему пришлось умереть медленно. Очередь Перовской. Она едва входит; колени у нее подкашиваются, но она делает последнее усилие: она уже полуживая и ее труп повисает совершенно безжизненно... Последним был повешен Рысаков...

Через 6 лет история повторилась. В Шлиссельбургской крепости за попытку убить царя были повешены Ульянов, Андреюшкин, Генералов, Осипанов, Шевырев. Их арестовали 1 марта. Только на этот раз покушение не состоялось: император уцелел. Не погиб он и во время крушения поезда в Борках. Вся семья оказалась под обломками. Царь-богатырь, ломавший подковы, встал и помог выбраться жене, детям. Случилось это в 1888 году, когда торжественно отмечалось 900-летие крещения Руси. У глубоко религиозного императора, любившего строить храмы, были все основания благодарить небо за чудесное спасение.

Высокий, с окладистой бородой и открытым взглядом, он был прост в отношениях с людьми, охотно беседовал с писателями и учеными, в голодный 1891 год учредил для помощи голодающим комиссию во главе с цесаревичем Николаем, во время холеры смело ходил по больницам и лазаретам.

Однако в последние годы становился все поозрительнее. Под конец даже повару не Доверял. Ел приготовленное женой.

2

Все эти обстоятельства не могли не оставить тяжелого следа в Душе наследника. В больших глазах Николая постоянно стояла грусть. Великий князь Павел Александрович решил настроить племянника на иной лад. Привел его в дом Кагана, поставщика на армию. До этого прошел слух о романтических отношениях Николая с Еленой Черногорской, будущей итальянской королевой. Теперь Елена отошла в сторону. Наследник заинтересовался Раисой, дочерью еврея-поставщика. Император, как писал один из историков, был вне себя от неслыханной наглости жидовской шайки». Выполняя его волю, начальник полиции пригрозил Каганам Сибирью, если они не прервут сношений с цесаревичем. Со сцены сняли оперу Галевица «Жидовка». Раису спешно отдали замуж. Попал в немилость и Павел, великий князь.

Молодое сердце влюбчиво. Вскоре балерина Матильда Кшесинская разожгла его. Но и этот роман был недолгим. В жизнь Николая властно входила та, которую он впервые

увидел на свадьбе великого князя Сергея Александровича, своего дяди. Наследнику в ту пору было 16 лет, ей, принцессе Аликс-Виктории-Елене-Луизе-Беатриче, — двенадцать. Николай подарил ей маленькую брошь. Девочка растерялась и поспешила подарок вернуть. Царевич обиделся и отдал брошь сестре Ксении. В 1889 году они встретились вновь: теперь ей было семнадцать, ему — двадцать один. Виделись на балах и ужинах. Однажды он пригласил ее на каток. В следующий приезд, летом, она гостила в имении Сергея Александровича — в Ильинском. Николай в это время находился в кругосветном путешествии. У нее, по словам американского историка Роберта К. Мейсси, «усиливалась уверенность в том, что она полюбила русского царевича. С самого начала их знакомства Николай был вежливым и деликатным. Ей нравились его задумчивость и обаяние, его зовущие голубые глаза». Принцесса видела русские поля и рощи, русских крестьян и думала о нем. думала о счастье своем. Нашла же свое счастье ее сестра Элла, выйдя за Сергея Александровича.

Летом 1894 года в Кобурге была свадьба их брата Эрнеста. На торжества приехали королева Англии Виктория с сыном, из Берлина — кайзер Вильгельм II, ее внук. Из Петербурга прибыли великие князья Владимир, Сергей и Павел с племянником Николаем. Цесаревич был в парадной форме. Она встретила его на платформе. Вечером вместе обедали, смотрели оперетту. Аликс блистала. На другой день Николай сделал ей предложение. Она расплакалась и прошептала: «Нет, не могу». Он продолжал настаивать и своего добился. На следующий день записал в дневнике: «Сегодня моя любимая. Обожаемая Аликс дала согласие». Родственники пришли в восторг. В церкви Святой Марии отслужили по этому случаю молебен. «Весь мир изменился для меня: природа, люди — все стало казаться добрым и любящим», — записал в дневнике Николай. Наутро он проснулся от цоканья подков: драгуны Ее Королевского Величества Виктории строем почетного караула проехали под окнами будущего императора России. За Николаем зашла Аликс, вместе отправились пить кофе к английской королеве: она залюбовалась молодой парой.

Когда расставались, шел теплый дождь. Николай увозил на пальце обручальное кольцо. Потом писал ей письма. В парке благоухали лилии, в душе царил она.

В июле на яхте «Штандарт» наследник прибыл к берегам Англии. Поезд примчал в Лондон. Аликс уже была там. Три дня провели они вместе в имении ее старшей сестры Виктории Баттенбергской. Бродили по лугам, собирали цветы, сидели под огромным каштаном: она вышивала, он читал вслух. В письме матери писал: «Каждую минуту я вскакиваю, чтобы поцеловать ее».

Рукой Аликс записано в его дневнике: «Мне снилось, что я влюблена. Я проснулась и узнала, что это — правда, на коленях я благодарил Бога за это счастье. Истинная любовь — это дар Божий. Каждый день она становится сильнее, глубже, полнее и чище».

Николай, по словам Мейсси, «счел необходимым открыть некоторые эпизоды из своей прошлой жизни». Она простила великодушно: «Что было, то было. Прошлое никогда не вернуть...»

Перед отъездом Николая в его дневнике появилась еще одна запись ее рукой: «Мы нашли свою любовь. Я связала ей крылья. Она никогда не исчезнет и не покинет нас. Она всегда будет звучать в наших сердцах».

Шел октябрь 1894 года. Шла последняя осень в жизни Александра Третьего. Император умирал. В Ливадии, в мраморном дворце он слабеющим голосом говорил сыну-наследнику:

«Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как нес его я и как несли его наши предки. Я передаю тебе царство Богом мне врученное. Я принял его тринадцать лет назад от истекающего кровью отца...

Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это он получил... бомбу и смерть...

Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России... В политике

внешней — держись независимой позиции. Помни, у России нет друзей. Нашей огромности бояться. Избегай войн. В политике внутренней прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в годину бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства».

Вскоре гроб с телом умершего императора прибыл в столицу и со всеми почестями был отправлен под своды Петропавловского собора.

21 октября 1894 г. Николай II вступил на престол.

14 ноября сыграл свадьбу. Аликс стала Александрой Федоровной, русской царицей.

Через год после свадьбы у них родилась дочь Ольга. Подрастая, она очень походила на отца. Голубоглазая, с широким русским лицом, длинными каштановыми волосами, девочка была сообразительна, эмоциональна и застенчива. Когда перед войной ее хотели выдать за румынского принца, отказалась, заявив отцу: «Я русская и хочу остаться в России».

В 1897 году родилась Татьяна. Запомнили ее высокой, стройной, с красивыми рыжеватыми волосами и серыми глазами. Была она энергичной, целеустремленной, особенно близкой отцу. Самой красивой оказалась Мария, третья дочь (1899): яркие губы, темно-голубые, как у матери, глаза, веселый нрав. Анастасия, четвертая дочь (1901), постоянно смешила всех, изображая разговоры взрослых. Обладала замечательным музыкальным слухом и актерскими способностями.

В 1904 году родился Алексей, наследник престола.

Царская семья жила в Александровском дворце. Царь просыпался рано. В окнах еще было темно, а он вставал и уходил в кабинет, где на одном столе его ждали бумаги, на другом карты России. Работал до обеда с коротким перерывом на чай. Личного секретаря не имел, все старался делать сам. Сам прочитывал многие документы, поступающие на его имя.

Слушал внимательно, не прерывая. Никогда не повышал голоса. Заканчивал рабочий день примерно в 8 часов. В знак окончания аудиенции подходил к окну или говорил: «Боюсь, что я утомил вас».

Воспитание в семье Романовых было спартанским. Великие княжны спали в просторных комнатах на жестких походных постелях. День начинался с холодного купанья.

Александра Федоровна не любила, чтобы руки дочерей были праздными. С девяти утра и весь день они занимались. После ужина отец им читал вслух Толстого, Тургенева или Гоголя. Слушали и в то же время вязали или шили.

Летом любили плавать на яхте «Штандарт» по Балтийскому морю. Бросив якорь в бухте Финляндии, выходили на берег, собирали грибы и ягоды. Одна из кают была рабочим кабинетом императора.

Они были счастливы, когда болезнь не терзала Алексея.

Они были бы счастливы, если бы не царский венец Николая Александровича, если бы не обрушилась на Россию великая беда.

На долю Николая Романова выпало привести корабль великой империи в кипящий невиданными потрясениями двадцатый век. Казалось, его величеству было чем гордиться: при нем Россия поднялась к небу на крыльях «Ильи Муромца» и других аэропланов И. И. Сикорского, при нем пролег через всю Сибирь рельсовый путь и родилась

Государственная дума. В то же время — неудачи под Порт-Артуром, гибель эскадры в Цусимском проливе, костры барских усадеб и баррикадные бои пятого года, почти лишенная побед война с немцами, приведшая к отречению от престола.

Вспоминая трагический исход Александра Второго, Николай не мог не задержать внимание на двух предсказательных моментах 1855 года. Во время присяги новому императору в Кремле сорвался «Реут» — колокол Ивана Великого и задавил 10 человек. В день коронации тот же колокол оборвался вторично, пробил три каменных свода, два деревянных потолка и убил 17 человек. Митрополит Филарет сказал: «Царствование будет хорошо, а конец неблагополучен».

Николай короновался 14 мая 1894 года. На Ходынке по случаю такого события 18 мая был

устроен праздник. Полиция недосмотрела, и народное гуляние обернулось давкой: погибло 1389 человек. Император был в ужасе. В дневниках А. В. Богданович, изданных в 1924 году под названием «Три последних самодержца», говорится:

«Когда царь приказал произвести следствие по Ходынскому делу, то сразу выяснилось, что в. кн. Сергей виноват. Тогда все три брата — Владимир, Алексей и Павел привезли царю свои отставки на случай, если Сергея будут судить». Генеральша Богданович оставила потомкам немало интересных сведений из жизни Романовых. «Когда царь ехал на обед к Радолину, — читаем у Богдановича, — народ ему кричал, что не на обеды он должен ездить, а «поезжай на похороны. Возгласы «разыщи виновных» многократно раздавались из толпы при проезде царя. Народ, видимо, озлоблен...»

Ночью на улицах были расклеены листы, называющие великого князя Сергея Александровича «ходынским царем». Главная вина оказалась на нем, генерал-губернаторе Москвы. Возмездие за недосмотр пришло 4 февраля 1905 года, когда Иван Каляев бросил бомбу в великого князя; Елизавета Федоровна, дочь гессенского герцога, стала вдовой. В том же году в Орловской губернии полыхало имение Сергея Александровича.

«В народе, — писала Богданович, — водворилось понятие, что молодая царица приносит несчастье».

Писала после случая с броненосцем «Император Александр III. При спуске корабля в июле 1901 года поднялся сильный ветер, тяжелый флагшток сорвался и полетел в публику: были убиты наповал два кадета и генерал Пирамидов. Все произошло на глазах царя и царицы. Александра Федоровна в испуге пошатнулась.

Впереди были новые несчастья. В историю вошло 9 января 1905 года.

«Господи! — записала в этот день генеральша. — В эту минуту в Петербурге творится ужасное: войска — с одной стороны, рабочие — с другой, точно два неприятельских лагеря. На Троицком мосту кавалерия, конногвардия и кавалергарды преградили им путь (рабочих было более 20 тыс. человек), дали залп, отбили несколько хоругвей, но поп ускользнул. Много было раненых и убитых. Третий залп (два первых были даны по Троицкому мосту) был дан возле дома градоначальника двумя батальонами Семеновского полка. Опять было много жертв».

Это было в январе. А в мае корабли Рождественского шли ко дну. В октябре Трепов распорядился «патронов не жалеть». Россия задыхалась в дыму междоусобицы, которую историки назвали первой русской революцией.

Бывший орловский гимназист П. А. Столыпин и хитрый сибирский мужик Григорий Распутин пытались спасти Россию, каждый по-своему: один поднимал крестьянство хуторами, другой во дворце завораживал своими рассказами царя и царицу; одного в театре застрелили, другого ночью прикончили. Историки одного отхлестали «стольпинским галстуком», другого утопили в пучине разврата. В наше время в мученике-премьере увидели выдающегося государственного деятеля и родственника М. Ю. Лермонтова. Распутин остался Распутиным. Смесью огня и холодного расчета, чувственности и мистического бреда он, по словам одного из историков, в салонах дразнил и поднимал упавшие нервы. В книге «Последний царь», изданной анонимно в Петрограде в 1918 году, о нем можно прочесть такое: «Вся вина Распутина в том, что он, служа царице, работал в пользу мира и в ущерб интересам Англии. На него взваливали всевозможные небылицы, чтобы очернить его в глазах народа, прежде чем устранить его путем убийства, ибо народ крепко стоит за своих святых. Неверно также, будто он смещал министров и сажал на места своих фаворитов. Распутин был только орудием».

Из той же книги: «Гришка Распутин, мужик из Тобольской губернии, в течение почти десяти лет имевший загадочное влияние на русского царя, мистически настроенного и страдавшего манией преследования, погиб, как Жорес, как Плеве, как Франц-Фердинанд австрийский, — от руки убийцы. И его кровь, как их, вопиет к небу...»

Генеральша Богданович привела в своих мемуарах слова одного из современников о царе:

«Он — сфинкс, которого разгадать нельзя», человек он слабовольный, но «взять его в руки невозможно, он всегда ускользает, никто влияния на него иметь не может, он не дается, несмотря на всю слабость его характера».

Царя называли жертвой происхождения, грехом своего рода. В жилах Николая Второго текла кровь таких противоречивых людей, как Петр III и Павел I: оба оказались задушенными заговорщиками. Задумывался он о судьбе Александра I, по преданию, не умершего в Таганроге, а бежавшего в Сибирь и прожившего там долгие годы под именем старца Федора Кузьмича. Николая и самого после отречения тянуло в Костромскую губернию, в край нецарственных предков. Невеселыми были думы о Николае Первом, не сумевшем сберечь Пушкина и Лермонтова, шагнувшем на трон через трупы декабристов, пившем под конец жизни из отравленной чаши позора Крымской войны. Не давала покоя трагическая судьба деда, вспоминались вспыльчивость, грубость, болезненное упрямство отца.

Был Николай одинок, скрытен и немногословен. Вечно находился, как писал один из современников, «между Сциллой придворной камарильи и Харибдой красного террора». Одинокая душа искала тепла в глубокой вере в Бога, в семье. Свою религиозность он прививал детям. Маленький Алексей лежал в колыбели, окруженный иконками, даже в руках у ребенка был образок. Тропой религиозности подошел к его сердцу Распутин. Малограмотному мужику удалось достичь такого доверия, о котором не могли и мечтать просвещенные министры, жившие между собой, как волки.

3

Грозный пятый год не только сменился реакцией, как мы привыкли считать. В 1906 году, против воли своей семьи, царь передал Крестьянскому банку 1800000 десятин удельной земли для продажи по дешевой цене. Кроме того, Крестьянский банк купил у помещиков два миллиона, да еще общины приобретали. К мужикам перешло около 10 миллионов десятин. Более шести с половиной миллионов рублей получили крестьяне в виде пособия. Так отомстил император крестьянам за пожары помещичьих усадеб. В то же время печально знаменитого министра Д. Ф. Трепова после его побед на войне с народом взял за плечи и вытолкнул из кабинета.

Распустив первую и вторую Государственные думы, он так обозначил задачи третьей в своем указе:

«Созданная для укрепления государства Российского Гос. дума должна быть русскою по духу.

Иные народности, входящие в состав державы Нашей, должны иметь в Гос. думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских.

В тех же окраинах государства, где население не достигло достаточного развития гражданственности, выборы в Гос. думу должны быть временно приостановлены...

От Господа Бога вручена Нам власть над народом Нашим, перед Престолом Его дадим Мы ответ за судьбы державы Российской.

В сознании этом черпаем Мы твердую решимость довести начатое Нами дело великого преобразования России...

От верных же подданных наших ждем Мы единодушного и бодрого, по указанному нами пути, служения Родине, сыны которой во все времена являлись твердым оплотом ее крепости, величия и славы».

О великих потрясениях думали революционеры, гремевшие кандалами в Сибири, в тюрьмах, подобных кошмарному Орловскому централу. Великой, во славе и могуществе, мечтал увидеть Россию П. А. Столыпин. Мотель Богров, сын купца, агент полиции,

оборвал эту мечту 1 сентября 1911 года в Киеве. Председатель Совета Министров сидел в театральной ложе с царем и царицей, прибывшими, как и он, на открытие памятника Александру Второму.

В этот вечер в театре царило приподнято-торжественное настроение. Первые ряды были заняты блестящей публикой: свитские генералы, министры, сановники. В антракте второго действия в двух шагах от царской ложи Столыпин разговаривал с военным министром Сухомлиновым. Человек во фраке подошел к нему и вынул револьвер... Богров, давший в полиции слово оберегать жизнь премьера, подошел к нему и разрядил револьвер дважды, предварительно вынув его из заднего кармана и прикрыв программой. Убийцу хватили шашкой по голове и вышибли два зуба. И все-таки он был доволен. Упал духом лишь тогда, когда узнал, что мать, потрясенная поступком сына, покончила с собой.

«Нива» (1911, № 36), вышедшая с портретом Столыпина в траурной рамке, с фотографиями премьера в кругу многочисленной семьи, дворца на Елагинском острове, где он «имел пребывание», писала, что Петр Аркадьевич «пал героем на своем посту, как солдат, не выпустивший из холодеющей руки вверенного ему знамени, пал, благословляя последним жестом царскую ложу, выражая радостную готовность умереть за царя и Россию». На одном из снимков журнала — крест св. Владимира, пробитый пулей. Столыпин снял с себя фрак, опасаясь заражения крови. К нему кинулись врачи. Жить ему оставалось четыре дня. Умер Столыпин в лечебнице доктора Маковского.

Выстрелы в театре оборвали торжество. Смерть на этот раз миновала Романовых, но прошла совсем близко, обдав ледяным дыханием.

Жизнь продолжалась. Пришел 1912 год. Умер в 96 лет фельдмаршал Д. А. Милютин, получивший Георгия 2-й степени и возведенный в графское достоинство за Плевну. Амундсен открыл Южный полюс. Тульский оружейный завод отпраздновал 200-летие. У его входа встал отлитый в бронзу Петр Великий. В Москве на площади храма Христа Спасителя состоялось открытие памятника Александру III по проекту академика А. М. Опекушина. На Открытие прибыл Николай II со своей семьей. В июне из Германии приплыл в Балтийский порт император Вильгельм II с принцем Альбертом. Густо стелился дым из труб «Гогенцоллерна в сопровождении крейсера «Мольтке». Гостей поджидали Императорские яхты «Штандарт» и «Полярная Звезда», линкоры «Павел I» и «Андрей Первозванный»...

Немецкие и русские моряки братались за два года перед тем, как топить друг друга в холодных водах Балтики.

Главным событием года Стали Бородинские торжества в память о войне 1812 года. На доме, где жил в Петербурге М. И. Кутузов, появилась памятная доска. Царица в белом платье, в белой широкой шляпе, рядом с наследником въехала в коляске, запряженной четверней, на поле русской славы. Царь на коне проехал перед войсками. Пятеро седых свидетелей и участников великих событий 1812 года, сидя на скамейке, наблюдали торжество. Самый старший из них — Антон Винтонюк 128 лет. Когда к ним подошел император, старики встали.

— Сидите! — приказал им Николай.

Стоя, беседовал с сидящими.

Накануне главного торжества царь посетил лагерь волостных старшин и представителей от крестьянства. Сказал им:

«Я счастлив, что вместе с вами провожу этот день знаменитой годовщины Бородинского боя, где ваши деды и прадеды бились со славным врагом и отстояли Родину, чему помогла вера в Бога, преданность царю и любовь к Родине. Надеюсь, что вы воспитаете и ваших детей в тех же заветах преданности и любви к матушке России».

Пять пушек ударили с Холма утром 28 августа. Литургия в Спасо-Бородинском монастыре, крестный ход к памятнику Бородинской битвы, молебствие перед иконой Смоленской Божией Матери по поводу избавления от нашествия французов, возложение

юбилейной медали на могилу Багратиона, возгласение вечной памяти Александру Первому и многая лета Дому Романовых — все глубоко волновало и Николая, и его семью, стоявшую на холме.

1913 год привел новые торжества. Кострома. Павловская улица. Здание в стиле древних русских теремов. 21 мая сюда приехал император. Внимательно осмотрел он музей — собрание редких предметов старины. Увидел щит со старинным оружием, древние иконостасы, коляску, в которой, по преданию, ездил Михаил Романов. Коляска была так мала, что в ней поместиться мог только один человек. Весь зал второго этажа был уставлен витринами с актами времен Романовых, увешан портретами царей славного Дома. Остановил внимание император на собрании икон и коллекции монет.

Из Костромы Николай плыл по Волге на теплоходе «Царевич Алексей». Корабль с двумя палубами плавно покачивался на воде, залитой солнцем.

В эти дни молодой И. И. Сикорский подарил России аэроплан «Русский витязь» весом 250 пудов, с четырьмя моторами в 100 сил каждый. «Нива» писала, что «это смелое создание русского гения рассчитано на беспосадочный перелет до 2500 верст» со скоростью до 100 верст в час.

Царю 25 мая в Кремлевском дворце от костромского дворянства был поднесен подарок грамота, писанная на тонком пергаменте скорописью начала XVII века. Посредине заставки художник изобразил Михаила Федоровича в момент коронования в древних бармах, в шапке Мономаха. Нижняя часть грамоты была обложена червонным золотом с узорными краями, внизу подвешены печати 50 губерний, исполненные из золота и драгоценных камней.

Со страниц «Нивы» представляли глазам россиян картины жизни Романовых. Вот наследник Алексей катит на велосипеде по Царскосельскому парку — в матросском костюмчике, в тельняшке, в бескозырке. Вот он с сестрой Анастасией катается в лодке. Вот великий князь Сергей Михайлович присутствует на стрельбах из пушек. Вот император на белом коне в Новом Петергофе, рядом — дочери: Татьяна, шеф Вознесенского уланского полка, Ольга — шеф Елисаветградского гусарского полка. Обе в форме своих полков, на конях.

События давней поры вдохновляли художников и поэтов во дни 300-летия дома Романовых на престоле. Поэтесса А. Д. Львова писала:

Внимая Минина глаголу,
Все нес народ России в дар,
И князь Пожарский произволу
Нанес решительный удар.
Сплотилась Русь! Взывая к Богу,
Она очистила дорогу
Самодержавному царю
И молодого Михаила
На трон, молясь, благословила...

Царь рассматривал подарки костромских дворян — оправленное в чеканное серебро блюдо из мамонтовой кости, ларец из литого серебра в древнерусском стиле XVII века с портретами Михаила Федоровича, Филарета Никитича, Марфы Ивановны, читал надпись: «Богом Венчанному Царю и Самодержцу Всероссийскому...» И ничто не говорило о зыбкости престола, о скором трагическом конце. И пяти лет не оставалось до того страшного часа, когда царю со всей семьей прикажут спуститься в подвал и там принять мученический венец.

Седой, в очках, генерал А. А. Пушкин, сын великого поэта России, в год романовских торжеств и рождения своего внука Григория сфотографировался для «Нивы» в кресле, у лампы с абажуром. На столе перед ним лежал дневник отца, раскрытый на первой странице. Григорий Григорьевич говорил мне, что его дед, услышав о войне с Германией, заволновался: надел мундир со множеством орденов, сел в кресло и скончался. Похороны героя Освободительной войны в Болгарии, командира Нарвского гусарского полка, награжденного за храбрость золотым оружием, прошли незаметно. Россия находилась в ударе патриотических чувств. Военные мундиры надели писатели Николай Гумилев, Александр Куприн, Алексей Толстой.

Император вышел на балкон и увидел кипящее людское море. Его приветствовали. «Господи! — думалось Николаю. — Как они любят меня и Россию, как все рвутся на войну, чтобы умереть или победить».

Царь был в полковничьем мундире при всех орденах, царица, стоявшая рядом на балконе Зимнего дворца, вышла к народу в белом платье, в широкой белой шляпе с высоким верхом. Людское море обнимало Александровскую колонну. В Москве такое же море наблюдали застывшие на века Пожарский и Минин. В древних соборах Кремля, в храме Христа Спасителя, расписанном лучшими художниками России, возведенном в память об изгнании французов из Отечества в 1812 году, возносились к небу молитвы о даровании победы русскому православному воинству.

Николай тогда, 20 июля 1914 года, выступил в Зимнем дворце с речью:

«С спокойствием и достоинством встретила ваша великая матушка Русь известие об объявлении нам войны.

Убежден, что с таким же чувством спокойствия мы доведем войну, какая бы она ни была, до конца.

Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не выйдет с земли нашей.

И к вам, собранным здесь представителям дорогих мне войск гвардии и Петербургского военного округа, и в вашем лице обращаюсь ко всей единой, единой, единой, крепкой, как стена гранитная, армии моей и благословляю ее на труд ратный».

В журналах появились портреты вождей русской армии: генерал от инфантерии Н. В. Рузский, генерал-лейтенант А. А. Брусиллов — будущий герой знаменитого прорыва, генерал-лейтенант Н. И. Иванов, начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Н. Янушкевич, генерал-адъютант П. К. Ренненкомпф, генерал-лейтенант Радко Дмитриев. Великий князь Николай Николаевич был назначен командовать всей армией нашей. Одну из первых битв в Галиции печать поспешила назвать великой. Австрийцы, отступив, бросили повозки, лазаретные линейки, ящики из-под снарядов. Русские входили в разрушенные деревни. В Петербург, переименованный в Петроград, стали прибывать раненые. Александра Федоровна святое дело милосердия взяла в свои руки. Художники рисовали Николая Николаевича на коне, в дыму сражений...

Не собирался отсиживаться в столице и государь. В сентябре он отправился на фронт.

Синий императорский поезд прибыл в небольшой железнодорожный поселок, окруженный густым лесом, в ставку Верховного главнокомандующего. Отсюда, из вагона, он стал управлять империей: принимал доклады министров, донесения из губерний. После обеда царь в присутствии великого князя руководил совещаниями по военным делам.

Посещал раненых. В шинели, в фуражке, с аккуратно подстриженной бородкой, он вошел в один из барачков, поздоровался, неторопливо обошел раненых, расспрашивая я:

— Ты где ранен? В каком бою? Ты какой губернии?

Степан Кузнецов, тяжело раненный в голову, страшно бледный, воспаленными глазами смотрел на царя.

На вопрос о самочувствии ответил:

— Теперь легче стало. Прежде никак не скажешь. Ни отца, ни мать назвать не мог. Имя твое, государь, забыл. А теперь лучше: сподобился увидеть государя.

Царь подал ему Георгиевский крест.

— Благодарю, спасибо, — сказал Степан и поцеловал награду.

Подпрапорщик Тимофей Кочубей на вопрос, большие ли были бои, ответил:

— Так точно, здоровые были бои.

— Лезли?

— Здорово лезли. Только мы их, ваше величество, всех прогнали, отбили всех до одного.

— Желаю тебе поправиться.

В городе Холме рядовой Дузь всю ночь не спал перед встречей с царем. Увидев императора, рассказал ему целую историю о столкновении с австрийцами. В Гродненском госпитале подпоручик Монтвилл попросил разрешения поцеловать руку.

— Это не полагается, — ответил Николай. Побывал он на фортах Гродненской крепости, осмотрел костел в Бржезницах. В Осовце посетил собор.

— Что ж вы, батюшка, — спросил священника, — не тревожились сильной стрельбой и бомбардировкой?

Никак нет, — ответил священник. — Когда стали близко ложиться снаряды, я пошел в храм.

Побывал царь в окопах и землянках, поговорил с солдатами. Увидев около одной землянки крестьянина с детьми, спросил:

— Это твой дом?

— Никак нет, ваше величество. Мой дом сожгли немцы. Они и собаку убили.

— Чем же она мешала немцам? — удивился император.

Велел пособие выдать крестьянину.

Когда Николай обходил разрушенный костел, поляки кричали ему «ура!» Царь приказал выдать три тысячи рублей на восстановление храма. При осмотре Гродненской крепости, стоящей в окружении хвойного леса, он осматривал батареи, спускался в землянки. Тут его встречали одни военные...

Второе путешествие (18 ноября — 19 декабря) позволило императору встретиться с подданными многих городов. В Туле он посетил оружейный завод. Рабочие встретили криками «Ура!» В Орле один крестьянин поднес хлеб-соль и растрогал словами:

— Твои орловские крестьяне готовы отдать на нужды войны хлеб до последнего зерна и все достояние. Спаси тебя, Христос!

Орел в ту пору был городом госпиталей, как в 1812 году. Посетив раненых, царь обнаружил среди них австрийцев и немцев.

— Надеюсь, — сказал император, — что не делается никакого различия в содержании раненых, и мы не поступаем так, как наши противники.

Помолчал и добавил:

— Да будет им за это стыдно!

В Курске царь обратил внимание на патриотизм жителей: дворянство ассигновало 75 тысяч рублей на оборудование госпиталя, даже крестьяне собрали 60 тысяч и открыли свой госпиталь. В Харькове говорил раненым:

— Садитесь, так вам удобнее.

— Не вставайте.

— Я вам приказываю сидеть.

— Не торопитесь уезжать. Вам надо поправиться!

В Тифлисе улицы были полны народом, матери поднимали детей, чтобы те увидели царя. Старушка сказала:

— Пусть Господь Бог пошлет тебе, царь-батюшка, столько счастливых дней, сколько

звезд на небе! Пусть в моих глазах навсегда останется твой лик.

Царь был в черкесске, в папахе — это очень нравилось жителям Кавказа.

В декабре 1915 года царский поезд остановился на станции Замирье. Императора встретил командующий Западным фронтом Эверт. Царь принял почетный караул, сел в автомобиль и покатил к войскам. Затем пересел на коня и понаблюдал, как прошли перед ним солдаты церемониальным маршем. Встретился с георгиевски⁴-ми кавалерами.

— Я не заключу мира, — сказал, — пока мы не изгоним последнего неприятельского воина из пределов наших.

С 23 августа 1915 года он назначил себя Верховным главнокомандующим вместо Николая Николаевича. Ставка находилась в Могилеве. Принято последнего царя называть бездарным и вообще никуда не годным правителем, но именно при нем в мае — июне 1916 года войска Юго-Западного фронта под командованием А. А. Брусилова прорвали австро-германский фронт и продвинулись на 80—120 километров, уничтожив и ранив свыше 1 миллиона солдат и офицеров противника, взяв более 400 тысяч пленных. К сожалению, эта победа оказалась последней. Россия, измученная войной, вошла в 1917 год, расколовший нашу историю надвое...

Однажды летом 1898 года на веранде, обвитой зеленым плющем, стоял в белом кителе император. Рядом — его жена в белом платье с короткими рукавами с маленькой Олей на руках. Художник 14. С. Галкин рисовал картину. Царица смотрела строго, царь — весело. Были они тогда молодыми, счастливыми. Теперь же два любящих сердца разрывались от боли: полученная по гессенской крови, у наследника обнаружилась болезнь, от которой он мучился и подолгу лежал в постели. Это в «Ниве» он в военной форме, как отец, смотрится юным воином. А в жизни мечется мать между врачами и хитроумным Распутиным: кто спасет.

Гемофилия при малейшем порезе, уколе и ушибе вела к обильному кровотечению. По мнению врачей, две трети больных умирает раньше одиннадцати, немногие переживают двадцатый год. Царь и царица ради спасения сына допустили к нему тибетского доктора Бадмаева, который, как писал в своих воспоминаниях французский посол Морис Палеолог («Распутин», М., 1923), не имея университетского диплома, занимался «лечением странным, с примесью колдовства».

«Царь и царица, — свидетельствовал посол, — несколько раз приглашали его к цесаревичу, когда обыкновенные врачи оказывались бессильными остановить у ребенка приступы кровотечения. Там он и познакомился с Распутиным. В одно мгновение шарлатаны поняли друг друга и заключили союз».

В марте Распутин с посохом в руке двинулся в Иерусалим к восхищению своих поклонников. Лето провел в Царицыне у монаха Иллиодора. Царица писала ему и телеграфировала. Кровотечения цесаревича стали все чаще. Мать была вне себя. Ее терзали нервные припадки, судороги, обмороки. «Царь, любящий свою жену и обожающий своего сына, чувствовал себя глубоко удрученным», — читаем у Палеолога. Однажды, когда царь с семьей отдыхал в Польше, Алексей на озере прыгнул из лодки на берег и ушиб себе бедро. Через две недели оно распухло, поднялась температура. Доктора определили кровяную опухоль. Температура дошла почти до сорока. В местной церкви усиленно молились, в Москве отслужили торжественную литургию перед иконой Иверской Богородицы.

Бледная, похудевшая Александра Федоровна сошла в салон и на тревожные вопросы ответила:

— Врачи не констатируют еще никакого улучшения, но лично я уже не беспокоюсь. Я получила сегодня ночью телеграмму от отца Григория, которая меня совершенно успокоила.

Царица прочла телеграмму: «Бог воззри на твои слезы и внял твоим молитвам. Не печалься. Твой сын будет жить».

Вдовствующая императрица Мария Федоровна пыталась открыть невестке глаза на

подлинное лицо старца. Предупреждала и сестра Елизавета Федоровна. — Это все клеветы, — отмахивалась царица. — Впрочем, на святых всегда клеветают. Впереди ее ждали новые испытания. Наши неудачи на Висле в январе 1915 года, когда немцам удалось захватить важную позицию и продвинуться к Варшаве, пошли слухи, что Распутин подкуплен Германией, что царица-немка предает Россию. «Александра Федоровна, — горячо защищал ее Палеолог, — ни душой, ни сердцем никогда не была немкой. Правда, она немка по происхождению, по крайней мере, с отцовской стороны, так как отцом ее был Людвиг IV, великий герцог Гессенский и Рейнский, но она англичанка по матери, принцессе Алисе, дочери королевы Виктории. В 1878 г., шести лет, она потеряла мать и с тех пор обычно жила при английском дворе. Ее воспитание, образование, умственное и нравственное развитие были совершенно английские».

Французский посол считал, что она стала «вполне русской», горячо любила Россию и чувствовала личное отвращение к императору Вильгельму, возложила на него ответственность «за эту ужасную войну».

После того, как в доме князя Юсупова Распутин был убит, опущен в прорубь, а затем вынут и сожжен, как три века назад его тезка, узнал Палеолог, будто сторонники Александры Федоровны замыслили Николая свергнуть, Алексея объявить императором при регентстве матери и предложить Германии мир. Князь Юсупов, рассказав об этом замысле В. М. Пуришкевичу, заключил:

— Я хотел бы иметь возможность рассчитывать на вас, Владимир Митрофанович, чтобы освободить Россию от страшного кошмара, в котором она мечется.

Пылкий Пуришкевич согласился. Убили 29 декабря. А 23 марта 1917 года Морис Палеолог записал:

«Вчера вечером гроб Распутина был тайно перенесен из царской сельской часовни в Парголово, в пятнадцати верстах от Петрограда. Там на прогалинке несколько солдат под командой саперного офицера соорудили большой костер из сосновых ветвей... Когда пламя сделало свое дело, солдаты собрали пепел и погребли его под снегом». Дул ледяной ветер. Пока горел костер, сотни мужиков толпились, наблюдая, как друга царя и царицы пожирает пламя...

5

К тому времени Николай Александрович и Александра Федоровна уже не были царем и царицей.

Несколько ранее, когда еще были, пламенные письма, полные любви, писали друг другу. Он: «Нежно любимая душка Солнышко... Бог даст, наша разлука не будет долгой. В мыслях я всегда с тобою, никогда не сомневайся в этом. От всего любящего сердца обнимаю тебя и девочек. Будь здорова и тверда, моя дорогая птичка, моя единственная и мое все! Спи спокойно и сладко. Твой навеки старый муженек Ники».

Она: «Дорогой мой. Из глубины моей любящей души шлю тебе самые горячие, сердечные пожелания ко дню твоих имени и благословляю тебя. Да будет Николай Угодник особенно близок к тебе и да хранит он тебя! Солнышко желает тебе всего, чего только может тебе пожелать преданное, любящее сердце. Крепости, стойкости, непоколебимой решимости, спокойствия, мира, успеха, больше солнца — и, наконец, отдыха и счастья после трудной, тяжелой борьбы! Мысленно крепко прижимаю тебя к сердцу и кладу твою милую усталую голову на мою грудь».

Он: «Дорогая моя. Большое спасибо за твое милое, доброе письмо, а также за вчерашние подарочки и за те, которые пришли сегодня с твоим письмом! Я упивался каждым нежным словом, написанным тобой».

Она: «Дорогой мой ангел... Сердце и душа горят тобой — любовь моя безгранична... Целую тебя без конца».

Читая письма и телеграммы конца шестнадцатого и начала семнадцатого годов, не перестаешь удивляться и восхищаться: рушился старый мир, открывалась пропасть и перед ними, а они...

Жена 22 февраля:

«Мой драгоценный!.. Вся наша горячая, пылкая любовь окружает тебя, мой муженек, мой единственный, мое все, свет моей жизни, сокровище, посланное мне всемогущим Богом! Чувствуй мои руки, обвивающие тебя, мои губы, нежно прижатые к твоим — вечно вместе, всегда неразлучны».

Муж 23 февраля:

«Мое возлюбленное Солнышко... Спокойной ночи, Бог да благословит твой сон! Спи спокойно, хоть я и не могу согреть тебя».

25 февраля 1917 года в мелодию любви Александры Федоровны ворвались иные звуки: «Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи... Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать».

2 марта 1917 года он краткой телеграммой известил, что приехал в Псков. Она в тот же день написала:

«Мой любимый, бесценный ангел, свет моей жизни. Мое сердце разрывается от мысли, что ты в полном одиночестве переживаешь все эти муки и волнения, и мы ничего не знаем о тебе, а ты не знаешь ничего о нас».

Послала крест Распутина, просила носить.

«Первое марта, проклятый и позорный день для России, — писал генерал Д. Н. Дубенский, — уже кончался, когда мы после 7 часов вечера стали подходить к древнему Пскову. Станция темноватая, народу немного, на платформе находился псковский губернатор».

Почетного караула не было. Царь на короткое время принял в своем вагоне губернатора. Ждали главнокомандующего Северным фронтом генерал-адъютанта Н. В. Рузского. Вскоре он показался — бледный, болезненный, с неприветливым взглядом из-под очков. Седой и согбенный, в резиновых галошах, прошел в одно из отделений вагона свиты и сел на угол дивана у двери.

— Николай Владимирович, — обратился к нему министр двора граф Фридерикс, — вы знаете, что его величество дает ответственное министерство. Государь едет в Царское. Там находится императрица и вся семья, наследник болен корью, а в столице восстание... Вы должны помочь государю наладить дела.

— Теперь уже поздно, — сказал Рузский. Я много раз говорил, что необходимо идти в согласии с Государственной думой и давать те реформы, которые требует страна. Меня не слушали. Голос хлыста Распутина имел большее значение. Им управлялась Россия...

Генерал говорил с яростью. Ему возражали.

— Теперь надо сдать на милость победителя, заявил Рузский.

Его пригласили к царю. Дубенский пошел к генерал-адъютанту К. Д. Нилову. Тот возбужденно, задыхаясь, говорил, что предателя Рузского надо арестовать и убить, что погибнет государь и вся Россия.

Рузский при встрече с царем настойчиво и резко доказывал, что для блага России ему следует отречься от престола. Встреча, решившая судьбу государства, произошла 2 марта в десятом часу утра. Если накануне, поздно ночью, царь говорил об ответственном министерстве, то теперь, выслушав доклад Рузского о ночных переговорах по телеграфу с генералами Алексеевым, Брусиловым, Эвертом, великим князем Николаем Николаевичем, командовавшими фронтами, Николай сказал, что согласен отречься, но желал бы это сделать в присутствии Родзянко, председателя Государственной думы.

В третьем часу царь пригласил Рузского и объявил, что акт об отречении в пользу сына подписан. Генерал положил телеграмму об отречении в карман и направился в штаб, чтобы отправить. Однако там ему подали телеграмму членов Думы Гучкова и Шульгина:

они извещали, что выехали в Псков.

Поезд их прибыл в десятом часу вечера. Когда Рузский вошел в вагон к царю, там уже А. И. Гучков докладывал о последних событиях. На Николая сильное впечатление произвело то, что его личный конвой перешел на сторону восставших.

— Что же мне делать? — спросил император.

— Вам надо отречься от престола, — сказал Гучков.

После долгого молчания Николай ответил:

— Хорошо, я уже подписал акт об отречении в пользу моего сына, но теперь я пришел к заключению, что сын мой не отличается крепким здоровьем, и я не желаю с сыном расстаться, поэтому я решил уступить престол Михаилу Александровичу.

Акт отречения отпечатали на машинке в двух экземплярах: один оставил у себя генерал Рузский, другой отдал под расписку Гучкову.

«Таким образом, — вспоминал потом в беседе с журналистом В. Самойловым Рузский, — в течение 24 часов Николаем последовательно было подписано три акта: в 2 часа ночи 2-го марта — манифест о «даровании ответственного министерства», в 3 часа дня — «отречение в пользу сына Алексея» и, наконец, в 10 часов вечера — «отречение в пользу Михаила Александровича».

Рузскому врезались в память слова императора: «Если надо, чтобы я отошел в сторону для блага России, я готов на это».

Генерал С. Н. Васильчиков, много беседовавший с Рузским, пришел к выводу:

«Для блага России государь принес в жертву не только себя, но и свою семью.

Уговорившие его на первый шаг его крестного пути не могли и не сумели сдержать своего обещания — жертва государя пропала даром. Из всех участников события один государь сознавал, что его отречение не только не спасет Россию, но будет началом ее гибели».

Тяжело переживал отречение генерал Нилов.

— Михаил Александрович, — говорил он, — человек слабый и безвольный и вряд ли он останется на престоле. Эта измена давно подготавливалась и в Ставке и в Петрограде.

Думаю теперь, что разными уступками можно помочь делу и спасти родину, по-моему, безумие. Давно идет ясная борьба за свержение государя, огромная масонская партия захватила власть и с ней можно только открыто бороться, а не входить в компромиссы.

Граф Фридерикс, старик 78 лет, его дом сожгли, а больную жену еле вытащили, бродил по вагону в орденах, с жалованными портретами трех последних императоров, как потерянный.

— Государь страшно страдает, — рассказывал он генералу Дубенскому, — но ведь он такой человек, который никогда не покажет на людях свое горе. Государю глубоко грустно, что его считают помехой счастья России, что его нашли нужным оставить трон. Ведь вы знаете, как он трудился за это время войны. Вы знаете, так как по службе обязаны были ежедневно записывать труды его величества, как плохо было на фронте осенью 1915 года и как твердо стоит наша армия сейчас, накануне весеннего наступления.

«Все кругом черно, как ночь, — писала мужу 3 марта Александра Федоровна, — но Бог над всем. Мы не знаем путей Его, ни того, как Он поможет, но Он услышит все молитвы. Я ничего не знаю о войне, живу отрезанная от мира... Можно лишиться рассудка, но мы не лишимся... Я вполне понимаю твой поступок, о, мой герой! Я знаю, что ты не мог подписать противного тому, в чем ты клялся на своей коронации. Мы в совершенстве знаем друг друга, нам не нужно слов, и, клянусь жизнью, мы увидим тебя снова на престоле, вознесенным обратно твоим народом и войсками во славу твоего царства. Ты спас царство своего сына, и страну, и свою святую чистоту, и (Иуда Рузский) ты будешь коронован самим Богом на земле, в своей стране».

Она обнимала его и заверяла, что не даст коснуться его сияющей души. И целовала, целовала, целовала...

Бывший император из Пскова выехал в Могилев, в Ставку. для приближенных он сохранял прежнее величие. В Киев Николай послал телеграмму матери Марии Федоровне,

прося ее приехать на свидание в Могилев. Вторую телеграмму отправил брату Михаилу, уведомляя о передаче ему престола. На одной из станций Николай вышел на прогулку. Был серый, ненастный день. Под ногами чавкала грязь. Спутником оказался генерал Мордвинов. Разговорились. Потом вспоминал...

— Ничего, ваше величество, — сказал генерал, — не волнуйтесь очень, ведь вы не напрашивались на престол, а, наоборот, вашего предка в такое же подлое время приходилось долго упрашивать, и, только уступая настойчивой воле народа, он, к счастью России, согласился нести этот тяжелый крест... Нынешняя воля народа, говорят, думает иначе... Что ж, пускай попробуют, пускай управляются сами, если хотят. Насильно мил не будешь, только что из этого выйдет.

Николай приостановился.

— Уж и хороша эта воля народа! — сказал с болью.

И быстро зашагал дальше.

Мордвинов спросил Николая о дальнейших его намерениях.

— Я сам еще хорошо не знаю, — печально ответил Романов. — Все так быстро повернулось... На фронт, даже защищать мою родину, мне вряд ли дадут теперь возможность поехать, о чем я раньше думал. Вероятно, буду жить совершенно частным человеком. Вот увижу свою матушку, переговорю с семьей. Думаю, что уедем в Ливадию. Для здоровья Алексея и больных дочерей это даже необходимо, или, может, в другое место, в Костромскую губернию, в нашу прежнюю вотчину.

— Уезжайте поскорее за границу, — посоветовал генерал.

Нет, ни за что, — ответил бывший царь. — Я не хотел бы уехать из России, я ее слишком люблю. За границей мне было бы слишком тяжело, да и дочери и Алексей еще больны.

— Что ж что больны, — начал Мордвинов, но их позвали на поезд.

Под вечер приехали в Оршу. В купе вошел Базили, чиновник Министерства иностранных дел, участвовавший в написании акта об отречении. Он передал Николаю какие-то срочные бумаги от генерала Алексеева.

В Могилеве, как вспоминал Мордвинов, их встретили торжественно. Утром 4 марта бывший император в столовой губернаторского дома пил чай. Был он бледен, но, как всегда, приветлив. Приехала из Киева Мария Федоровна. Для разговора наедине с матерью Николай выбрал деревянный пустой сарай. Дул сильный морозный ветер. Время тянулось необычайно долго для Мордвинова и других. Наконец Романовы вышли: мать с приветливо-доброй улыбкой, сын наружно спокойный. Сели в автомобили и покатали в губернаторский дом завтракать.

До девятого марта Мария Федоровна жила в поезде. Однажды Николай поехал к ней обедать. С собою взял Мордвинова.

За столом Мария Федоровна была приветлива, как всегда.

После обеда Николай еще долго оставался наедине с матерью. Вернулись они с Мордвиновым к своему поезду поздно вечером.

Пятого марта пришло известие, что Михаил Романов отказался от престола, пока этот вопрос не решит Учредительное собрание. Отказ не удивил Мордвинова.

«Я знал хорошо, — писал он, — скромную, непритязательную, совершенно нечестолюбивую натуру великого князя, при котором долго был адъютантом и с которым меня связывали когда-то самые искренние, дружеские чувства. Меньше всего он желал вступления на престол и еще, будучи наследником, тяготился своим «особенным положением» и не скрывал своей радости, когда с рождением у государя сына он становился «менее заметным». Вспоминаю один из разговоров моих с ним тогда на эту тему: «Ах, Анатолий Александрович, — с волнующей искренностью говорил он, — если бы вы знали, как рад, что больше не наследник. Я сознаю, что к этому совершенно не гожусь и был совершенно не подготовлен. Я этого никогда не любил и никогда не желал».

На многих домах Могилева появились красные флаги. Два, свисая до земли, украшали здание городской думы. Народ толпился у решетки сада, пытаясь увидеть в окнах

губернаторского дома бывшего царя и его мать.

В среду 8 марта Николай покидал Могилев. Утром в большом зале прощался с чинами штаба. Двое или трое упали в обморок, многие плакали. Николай говорил с глубоким сердечным волнением. Не закончив речи, вышел. Серб Леонткевич сказал Мордвинову, что он «не мог удержаться и поцеловал руку русского царя за все то, что он сделал для славянства и для родной Сербии». Леонткевич с отчаяньем повторял: «Россия без царя... это невозможно, этого никогда не будет».

В тот день Мария Федоровна уехала в Киев, ее сын — в Царское Село. На вокзале они расстались навсегда. Судьба вдовы Александра Третьего сложилась так, что она пережила сыновей и внуков.

6

Михаил Романов никогда не рвался к власти, но трон настойчиво преследовал его. Родился он великим князем, но в 1899 году, после смерти старшего сына Александра III Георгия, стал наследником престола. Рождение племянника Алексея отняло у него высокий титул, теперь он должен был именоваться «правителем государства». В 1912 году Николай Второй подписал указ правительствующему Сенату о передаче в опеку имущества младшего брата, затем лишил его звания «правителя». Более того, одно время запрещал ему въезд. А всему причиной было то, что великий князь женился на дочери московского адвоката Наталье Сергеевне Шереметьевской. Она вышла, разведясь со вторым мужем — офицером лейб-гвардии кирасирского полка, он пошел на нарушение закона о престолонаследии. Венчались тайно в Вене, в сербской церкви.

Гнев императора постаралась снять его мать, добрая Мария Федоровна. Михаилу разрешено было вернуться в Россию, опека с имущества была снята. Однако Наталья Сергеевна не могла носить фамилию мужа, стала княгиней Брасовой. Когда началась война, великий князь отправился на фронт: командовал «дикой дивизией», затем 2-м кавалерийским корпусом, получил Георгиевский крест.

Февраль застал его в Гатчине. Родзянко вызвал Михаила в Петроград и попросил связаться по прямому проводу с братом, уговорить его уступить думе и создать правительство доверия.

— Благодарю за совет, — ответил Николай, но поступил по-своему.

В тот же день 27 февраля великий князь решил уехать в Гатчину. Дороги оказались заблокированными. Поздно вечером Михаил направился в Зимний дворец. Там собрались последние защитники царя. Они предложили возглавить их отряд. Михаил отказался.

Пошел на Миллионную к князю П. П. Путятину и там пять дней скрывался.

3 марта в 10 утра сюда прибыли П. Н. Милюков, А. И. Гучков, А. Ф. Керенский и другие. Открыли совещание по случаю отречения Николая.

— Михаил Александрович не только может, но и должен принять престол, — утверждали Милюков и Гучков.

Керенский думал иначе.

— Я не вправе скрыть здесь, — сказал он великому князю, — каким опасностям вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол... Я не ручаюсь за жизнь вашего высочества.

Министра юстиции Временного правительства, будущего премьера России, поддержало большинство. Согласился и Михаил Романов.

В «Ниве» за 11 марта, украшенной портретами новых министров, вслед за актом об отречении Николая II был напечатан «Акт об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти» со словами: «Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский пре- стол в

годину беспримерной войны и волнений народа.

Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского».

«Призывая благословение Божие», великий князь просил граждан России подчиниться новому правительству, возникшему по почину Государственной Думы.

Апрельский номер «Солнца России» дал фотокопию отречения, написанного от руки. Мартовский номер того же журнала после множества снимков, посвященных событиям, поспешил поместить во весь лист рисунок «Вот как царствовал Николай Романов!» художника Дени (В. Н. Денисов): над горой черепов, близ виселицы восседал на троне с бутылкой в руке бывший император.

Рисунок отвечал призывам на митингах и собраниях, а также постановлению Петроградского исполкома, возглавляемого Н. С. Чхеидзе, арестовать царскую семью. Для успокоения общественного мнения А. Ф. Керенский опубликовал 10 марта в газетах интервью, в котором заявил:

«Николай Николаевич верховным главнокомандующим не будет. А что касается Николая II, то бывший царь сам обратился к новому правительству с просьбой о покровительстве. Сейчас Николай II в моих руках, в руках генерал-прокурора! И я скажу вам, товарищи, русская революция прошла бескровно, и я не позволю омрачить ее. Маратом русской революции я никогда не буду. Но в самом непродолжительном времени Николай II под моим личным наблюдением будет отвезен в гавань и оттуда на пароходе отправится в Англию».

Желание Александра Федоровича не бить лежачего противоречило исступленным крикам жаждущих крови. В воздухе, накаленном митингами, парили, подобно коршуну, слова: «смертная казнь»...

А они сидели в Александровском дворце Царского Села, окруженные сонмом слуг и приближенных, и на что-то надеялись. Дети, перенесшие в темной комнате корь, приходили в себя. Ждали обещанного отправления в Англию, но оно откладывалось. Сначала тайными переговорами занимался Милюков, затем — Терещенко. Лондон неожиданно заявил, что до конца войны въезд бывшего царя в пределы Британской империи невозможен.

Бывший император, как в книге «Царская Россия накануне революции» писал М. Палеолог, «все еще необычайно индифферентен и спокоен». «С спокойным, беззаботным видом он проводит дни за перелистыванием газет, за курением папирос, за комбинированием пасьянсов или играет с детьми. Он как будто испытывает известное удовольствие от того, что его освободили, наконец, от бремени власти».

Романовых посещал Керенский. «Он ничего. Он славный человек, с ним можно говорить», отзывалась об Александре Федоровиче Александра Федоровна.

Обстановка в стране между тем накалялась.

«Летом в первой половине июля, — писал князь Г. Е. Львов, — правительство пришло к убеждению, что нахождение царской семьи около Петрограда стало абсолютно невозможным, страна явно шла под уклон».

Царское Село, по словам Керенского, стало для Временного правительства «самым больным местом». Большевики, свидетельствовал премьер, «усерднейшим образом вели пропаганду среди солдат, несших охрану в Царском, и разлагали их».

Солдаты были недовольны, что офицер по старой традиции получал из царского погреба полбутылки вина. Однажды ехала машина и повредила ограду. Пошли разговоры, что царя хотят увезти. Учитель П. Жильяр, живший вместе с Романовыми, писал в своей книге «Трагическая судьба», что Керенский необходимость переезда Романовых объяснил близостью вооруженных столкновений, в результате которых первой жертвой станет

семья бывшего царя. Куда ехать?

— В Ливадию, — сказал Николай.

— В настоящее время это совершенно невозможно, — возразил Керенский.

Выбрали Тобольск, куда раньше царь ссылал революционеров. Выбрали, чтобы как-то успокоить бушующую стихию митингов, требовавших казни.

Перед отъездом в присутствии Керенского встретились братья Романовы. Николай и Михаил не виделись со времени переворота. Стояли друг против друга, брались за руки, трогали друг друга за пуговицы. Растерянные, расстроенные новой разлукой, быть может, навсегда, они молчали, не находя слов. Михаил попросил позволения проститься с детьми брата.

— Я не могу вам этого разрешить, — ответил Керенский.

Расставшись с братом, Михаил жил тихо и неприметно возле Гатчины. Там его застал Октябрь. Петроградский ВРК 13 ноября рассматривал вопрос о его переводе в Гатчину или Финляндию. Решили перевести в Гатчину под домашний арест. В декабре 1917 года Михаил Александрович пришел в Смольный, обратился к В. Д. Бонч-Бруевичу с просьбой узаконить его положение в Советской России. Получил от управляющего делами Совнаркома разрешение о свободном проживании. Заместитель наркома Госконтроля Э. Э. Гессен имел беседу с В. И. Лениным, сообщил о просьбе Михаила Романова разрешить ему носить фамилию жены, чтобы перейти на положение гражданина республики. Ленин ответил, что этим вопросом он заниматься не будет.

9 марта 1918 года Совнарком принял решение о высылке бывшего великого князя Михаила Александровича Романова и его секретаря Николая Николаевича Джонсона в Пермскую губернию «до особого распоряжения».

День прощания братьев (31 июля, понедельник) вошел такой записью в дневник Николая Романова:

«Последний день нашего пребывания в Царском Селе. Погода стояла чудная. Днем работали на том же месте; срубили три дерева и распилили вчерашние. После обеда ждали назначения часа отъезда, который все время откладывался. Неожиданно приехал Керенский и объявил, что Миша скоро явится. действительно, около 10 1/2 милый Миша вошел в сопровождении Кер(енского) и караульно(го) нач(альника). Очень приятно было встретиться, но разговаривать при посторонних было неудобно. Когда он уехал, стрелки из состава караула начали таскать наш багаж в круглую залу. Там же сидели Бенкендорфы, фрейлины, девушки и люди. Мы ходили взад и вперед, ожидая подачи грузовиков. Секрет о нашем отъезде соблюдался до того, что и моторы и поезд были заказаны после назначенного часа отъезда. Извод получился колоссальный! Алексею хотелось спать, — он, то ложился, то вставал. Несколько раз происходила фальшивая тревога, надевали пальто, выходили на балкон и снова возвращались в залы. Совсем рассвело. Выпили чаю, и, наконец, в 5 1/4 появился Кер(енский) и сказал, что можно ехать. Сели наши в два мотора и поехали к Александр(овской) станции. Вошли в поезд у переезда. Какая-то кавалер(ийская) часть скакала за вами до самого парка. У подъезда встретили И. Татищев и двое комиссаров от прав(и)Тельства) для сопровождения нас до Тобольска. Красив был восход солнца, при кот(ором) мы тронулись в путь на Петроград и по соедин(ительной) ветке вышли на Северн(ую) ж.-д. линию. Покинули Ц(арское) С(ело) в 6.10 утра». Царскосельские дни уходили в прошлое. Николаю, наверное, под стук колес, в душном и жарком спальном вагоне вспоминалось, как он простился в Могилеве 8 марта («сердце у меня чуть не разорвалось») с офицерами и казаками конвоя, как в морозный и ветреный день 9 марта поезд прикатил его в столицу и, наконец, увидел он семью: жена была здорова, а дети еще находились во власти кори в своей темной комнате, у Марии болезнь только начиналась. Поразило тогда обилие часовых внутри парка и внутри подъезда (<какие-то прапорщики»). Потом привык и спокойно занимался любимым делом: пилили и рубили деревья всей семьей. Читал «Историю Византийской империи» днем про себя, вечером вслух, книгу Кассо «Россия на Дунае», многотомное сочинение

Куропаткина «Задачи русской армии», трилогию Мережковского «Христос и Антихрист», творения французских и английских авторов в подлиннике, занимался с Алексеем историей и географией, аккуратно записывал наши успехи на войне: «28-го июня. Среда. Вчера был взят нами Галич и 3000 пленных и около 30 орудий. Слава Богу!» В тот день серый, с ветром спилили три елки, был урок истории с Алексеем, от чая до обеда читал...» Поезд уходил все дальше от Петрограда. Узники отлично питались в ресторане Восточно-Китайской железной дороги, на станциях, чтобы не привлекать внимание публики, должны были занавешивать окна. «Глупо и скучно», — возмущался Николай. Перевалили Урал. Рано утром проехали Екатеринбург. В Тюмени пересели на пароход «Русь». Всю ночь шла перегрузка вещей. «Бедный Алексей, — записывал Николай, — опять лег Бог знает когда! Стукотня и грохот длились всю ночь и очень помешали заснуть мне. Отошли от Тюмени около 6 час».

Августовская погода была серой, но теплой. Плыли по Туре, плыли по Тоболу, прошли мимо села Покровского — с палубы увидели дом Распутина. На берегу толпился народ. «Значит, знали о нашем прибытии», решил Николай. 8 августа, ясным ветреным утром, после завтрака пошли вверх по Иртышу. Пристали к правому берегу, сошли и, перейдя ручеек, полюбовались красивым видом. На следующий день стояла отличная погода, у Марии была лихорадка, у Алексея заболела рука, затем ухо. Вскоре хлынул дождь и поднялся ветер. Мария лежала в жару. 11 августа в 6 часов пришли в Тобольск. На другой день спустились по Иртышу, пристали к высокому берегу. Николай, долго стоявший на палубе, поднялся вместе со стрелками на голую сопку, любовался «чудным видом».

13 августа, в воскресенье записал:

«Встали пораньше, и последние вещи были немедленно уложены. В 10 1/2 я с детьми сошел с комендантом и офицерами на берег и пошел к нашему новому жилищу. Осмотрели весь дом снизу до чердаков. Заняли второй этаж, столовая внизу. В 12 час. был отслужен молебен, и священник окропил все комнаты св. водой. Завтракали и обедали с нашими. Пошли осматривать дом, в кот(ором) помещается свита. Многие комнаты еще не отделаны и имеют непривлекательный вид... Разложил свои вещи в кабинете и в уборной, которая наполовину моя, наполовину Алексея».

На другой день Николай разбирал старые фотографии о плавании 1890—1891 годов, прогуливался по саду, смотрел, как его дочери качаются на качелях.

7

Шли дни, наполненные чтением, прогулками, игрой в домино. Николай и здесь с удовольствием рубил дрова, перекапывал землю на парниках, жадно следил за новостями с фронта. В один из холодных, дождливых дней (1 сентября) прибыл новый комиссар Временного правительства В. С. Панкратов. Николай в это время усиленно занимался чтением: вслух — «Девятый вал» Данилевского, про себя — «В лесах» и «На горах» Мельникова-Печерского. Затем прочитал «Записки охотника» Тургенева и за томом том — все двенадцать Лескова.

К Панкратову относился с раздражением, но, узнав, что он — автор книги, попросил почитать. Василий Семенович, оказывается, за революционную работу долго сидел и описал свои переживания. Теперь его узником был тот, кому он обязан долгими годами заточения.

Панкратов впоследствии опубликовал свои воспоминания «С царем в Тобольске» («Былое», 1924, № 25—26).

«Октябрьский переворот, — писал он, — произвел гнетущее впечатление не только на бывшего царя, но и на свитских. Из газет они видели, что делается в Питере. Николай II долго молча переживал и никогда со мною не разговаривал об этом. Но вот, когда получили газетное сообщение о разграблении винных подвалов в Зимнем дворце, он первым спросил меня: «Неужели Керенский не может приостановить такое своеволие?»

— По-видимому, не может... толпа остается толпой.
— Как же так? Александр Федорович поставлен народом... народ должен подчиниться... не своевольничать... Керенский — любимец солдат... — как-то желчно сказал бывший царь».

Панкратов напомнил Николаю мобилизацию 1914 года, когда новобранцы громили винные лавки.

Романов помолчал и сказал:

— Но зачем же разорять дворец? Зачем допускать грабежи и уничтожение богатств?

Последние слова он произнес с дрожью в голосе, лицо его побледнело.

«По-видимому, плохо принимал Николай II это своеволие в марте 1917 г., размышлял автор воспоминаний, — но еще хуже представлял он его в октябре того же года. Для этого надо было бы узнать не одну военную историю, которую он преподавал сыну, а историю народа, историю толпы. Бунты Стеньки Разина, Пугачева, бунты военных поселений, очевидно, были забыты бывшим властелином».

Перед отъездом в Тобольск Панкратов говорил Керенскому, что в отряде надо читать лекции, чтобы солдаты не скучали, не распускались от безделья. С ним согласились. В Тобольске он организовал для солдат школу: читал лекции по естественной истории, географии, истории культуры. Выступал в Народном доме. Из Крыма приехал зубной врач, бывший лейб-медик семьи. Он поселился у Василия Семеновича, ходил вечерами в губернаторский дом врачевать Романовых. Рассказывал комиссару, что члены царской семьи «задыхались в однообразной дворцовой атмосфере, испытывали голод духовный», были рабами этикета. Для них и Распутин оказался свежим человеком. Врач заинтересовался книгой В. Панкратова «Возврат жизни», попросил почитать, а потом признался, что давал ее читать Романовым: те были в восторге.

Выяснилось, что они читали и воспоминания Панкратова о Шлиссельбургской крепости.

— Василий Семенович, — спросил однажды врач комиссара, — почему бы вам не согласиться быть преподавателем у детей Николая Александровича?

— Это как понять? — удивился Панкратов. — Вам поручено разведать или вы просто от себя?

— От себя я бы не решился, — смутился врач. — Откуда-то они узнали о ваших занятиях с солдатами, о ваших докладах в Народном доме.

— Согласиться на ваше предложение не могу просто по своему положению, — отрезал комиссар.

«Какая странная игра судьбы, — думал Василий Семенович. — Почти всю жизнь быть гонимым, считаться вредным человеком, врагом династии. Но вот условия меняются — и этот якобы вреднейший человек приглашается преподавателем детей бывшего самодержца».

Потом стало не до ученья. Пошли слухи, подогреваемые газетами, что царь бежал. На имя Панкратова посылались грозные письма с фронта, из Омска, Красноярска, Екатеринбургa. Грозили дивизию прислать в Тобольск, где Василий Семенович будто бы «распустил царскую семью», будто позволил даже Николаю бежать с одной из дочерей. Что делать? Пришлось печатать в газетах опровержение слухов, извещать, что Романовы охраняются «тем же отрядом особого назначения гвардейских стрелковых полков 1-го, 2-го и 4-го, которые сопровождали бывшего царя с семьею из Царского Села», что «в городе и уезде тихо».

Телеграмму в газеты подписали комиссар Панкратов, его помощник В. Никольский и комендант Е. Кобылинский.

Зима была холодной. Легли глубокие снега, усилились морозы. Николай выходил на прогулку в полковничьей шинели, его дочери — в коротеньких меховых кофточках. Пилили дрова, расчищали от снега крыльцо и дорожки. Однажды, увидев, как Мария сгребает с крыльца снег сломанной лопаткой, Панкратов заметил, что так неудобно работать.

— Другой лопаты нет, прикажите выдать, — сказала Мария.
— Почему же вы не скажете дворецкому? Плохо он заботится. Вероятно, думает, что для вас и этой достаточно, не находит вас серьезной работницей.
— Я люблю эту работу, но снегу мало.
Подшли Николай и Ольга.
— Однако я ожидал более суровых морозов, — заметил бывший император.
— Настоящая зима еще впереди, — ответил комиссар.
— Тогда какой же зябкий здесь народ! Как рано начинают кутаться в шубы.
Панкратов пояснил, что сибиряки — народ практичный: морозов не боятся, но не выносят и переходной сырой погоды. Одна из дочерей спросила о людях в странных костюмах мехом наружу.
— Это местные, — улыбнулся Василий Семенович. — Такие костюмы из оленьих шкур можно наблюдать у самоедов, эскимосов и якутов. Неужто не видели в иллюстрированных книгах?
Стал объяснять, как шьют кухлянки, чем они полезны.
— Вы много путешествовали? — спросил Николай.
— Был за границей, исколесил почти половину Сибири и Забайкалье.
Рассказал, как однажды в сибирском лесу стрельбой из револьвера обратил в бегство медведя.
Николай стал проситься на прогулку в город. Панкратов отказал.
— Вам нечего бояться, — настаивал бывший царь. — Вы думаете, я решусь убежать? Назначьте конвой.
Не знал Николай, что положение изменилось, что через военного комиссара передали приказание Омского областного Совета перевести Романовых в каторжную тюрьму. Шла предвыборная агитация в Учредительное собрание. Василий Семенович выступил с докладом в Народном доме.
Однажды утром пришел он в губернаторский дом с газетами и журналами, а одна из великих княжон спрашивает:
— Неужели правда, что Учредительное собрание вышлет нас всех за границу?
— Откуда у вас такие сведения? — удивился комиссар.
— В газетах пишут.
— Мало ли что пишут. Собрание еще не созвано.
— Лучше пусть нас вышлют еще дальше куда-нибудь в Сибирь, но не за границу.
— Вам не хочется уезжать из России?
Бывшая княжна ответила утвердительно.
Учредительным собранием интересовался и Николай. То и дело спрашивал о нем. Видимо, на что-то надеялся.
Собрание, как известно, заседало один день.
В конце января 1918 года уехал В. С. Панкратов. Николай продолжал изо дня в день записывать. Читал книги, пилил дрова, внимательно следил за погодой, за здоровьем детей, давал уроки Алексею. В феврале, узнав о возобновлении войны с Германией, записал: «...а на фронте, кажется, у нас нет ничего, армия демобилизована, орудия и припасы брошены на произвол судьбы и наступающего неприятеля! Позор и ужас!!
25 февраля: «Сегодня пришли телеграммы, извещающие, что большевики, или, как они себя называют, Совнарком, должны согласиться на мир на унижительных условиях герман(ского) прав(ительст)ва, ввиду того, что неприятельские войска движутся вперед и задержать их нечем! Кошмар!»
Читал «Анну Каренину», Лермонтова, «Вешние воды» Тургенева, участвовал с Ольгой и Марией в маленьком спектакле: поставили чеховского «Медведя», разгружал дрова, ходил в церковь. 13 марта: «В последние дни мы начали получать масло, кофе, печенье к чаю и варения от добрых людей, узнавших о сокращении у нас расходов на продовольствие. Так трогательно!»

15 марта: «Вспоминаются эти дни в прошлом году в Пскове и в поезде. Сколько еще времени будет наша несчастная родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что долгие терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать? А все-таки никто, как Бог! да будет воля Его святая!»

Запись сделана 2 марта по старому стилю, в годовщину отречения от престола.

17 марта: «днем много работали... Слышны были все время бубенчики на улице — тобольские жители катались в санях во всевозможных упряжках по случаю последнего дня Масленицы».

20 марта: «Наконец, после двухмесячного перерыва, попали снова в церковь к преждеосвященной литургии. Служил священник отец Владимир Хлынов, а не отец Алексей. Пели обыкновенные певчие, знакомые любимые наши напевы». Отец Алексей ранее, как вспоминал Панкратов, приказал дьякону провозгласить многолетнее здравие «их величеств государя императора, государыни императрицы». Дьякон провозгласил. Тобольский Совет назначил следствие. Разговоров было на весь город. Василий Семенович запретил служить для Романовых отцу Алексею...

Март подходил к концу. Как-то весь день бушевала вьюга. После завтрака Николай пилил, а дочери кололи дрова. Алексея кашель не пустил на улицу. Потом он слег. 8 апреля пришел Кобылинский и показал телеграмму из Москвы: в ней подтверждалось постановление отрядного комитета о снятии погон бывшим царем и его сыном. Николай решил погоны носить только дома. Записал: «Этого свинства я им не забуду!»

25 апреля после завтрака пришли комиссар Яковлев и Кобылинский. Яковлев объявил Николаю, что он должен его увезти из Тобольска.

— Я никуда не поеду! — резко ответил бывший император и ушел в свою комнату. Он был озабочен болезнью сына. В тот же день состоялся семейный совет в присутствии Кобылинского. Полковник предположил, что Николая хотят увезти в Москву, откуда прибыл за ним Яковлев.

— Я не отпущу его одного, заявила Александра Федоровна.

Когда Яковлев снова появился в губернаторском доме и спросил Николая, намерен ли он подчиниться распоряжению Советской власти о выезде из Тобольска, за мужа ответила жена:

— Да, он поедет, только я его одного не пущу, а с ним поеду и я.

— Когда ехать? — спросил Романов.

Ехать решили немедленно, ночью, пока не вскрылся Тобол. И Николай, и его жена были уверены, что собираются в Москву. На всякий случай она уточнила, окончательно ли решен вопрос.

— Да, — кивнул головой Яковлев, особоуполномоченный ВПИК, имеющий на руках предписание: везти в Екатеринбург.

«К четырем часам утра 26 апреля, — читаем в книге П. Быкова «Последние дни Романовых» (Свердловск, 1926), — на двор губернаторского дома поданы были подводы. Ехать весь перегон до Тюмени можно было только на местных тарансах коробках. Удалось найти лишь один крытый тарантас наподобие кареты.

В шесть утра пассажиры разместились по экипажам. С Николаем Романовым сел сам Яковлев, в крытую повозку сели Александра с Марией: остальные разместились в других коробках, и поезд двинулся в путь, окруженный конным отрядом Яковлева и восемью солдатами тобольской охраны с двумя пулеметами.

«Остальные» — это доктор Боткин, горничная Демидова, слуга Седнев, еще двое приближенных. Три дочери и сын остались. Их потом привезли...

«Погода была холодная с неприятным ветром, — писал Николай, — дорога очень тяжелая и страшно тряская от подмерзшей колеи. Переехали Иртыш через довольно глубокую воду. Имели четыре перепряжки, сделав в первый день 130 верст».

Наутро встали в 4 часа, должны были ехать в пять. но задержались: Яковлев разоспался, затем ожидал, когда подвезут потерянный пакет. Тобол перешли по доскам, 10 сажений плыли на пароме. В Покровском, где жил Распутин, перепрягали лошадей. Николай отметил, что «долго стояли как раз против дома Григория и видели всю его семью, глядевшую в окна». В Тюмени пересели в поезд. Гадали, куда повезут после Омска: в Москву или на Владивосток?

8

Приехали в Екатеринбург. Поместили в доме купца Ипатьева, предварительно выселив семью. Строго осмотрели вещи до мелочей, до последнего пузырька походной аптечки Александры Федоровны. «Это меня взорвало, — отмечал Николай, — и я резко высказал свое мнение комиссару».

Утром 1 мая проснулись и слышали музыку. Хотели выйти в садик — не разрешили. Собрались вымыться в ванне — водопровод не действовал, а воду рабочие не подвезли. Свежим воздухом яркого солнечного дня дышали через форточку.

На другой день Николай читал Библию, удалось выпросить час прогулки в садике. «При звуке колоколов, — писал Николай, — грустно становилось при мысли, что теперь Страстная и мы лишены возможности быть на этих чудных службах и, кроме того, даже не можем поститься». Завтрак узникам принесли в 2 часа, ужинали в девять. Сошлись в зале, читали Евангелие и легли спать.

В день Великой субботы — серый, холодный, со снежными шквалами — врач Боткин упросил начальство разрешить впустить священника и дьякона: отслужили заутреню в присутствии помощника коменданта и солдат караула. На другой день узнали от коменданта Авдеева, что в Тобольске пять дней назад Алексей выходил на улицу. «Слава Богу!» — воскликнул отец. На улице мороз до двух градусов, в комнатах холодно. Хотели затопить камин, но повалил густой дым — пришлось загасить пламя. Николай хотел послать детям в Тобольск план дома: Авдеев отобрал.

Строгости усиливались. То караул сменили, стали больше латыши. Командиры стояли на часах с шашками при себе и винтовками. То пришел какой-то «лупоглазый» и начал допрашивать, сколько у кого денег. То ограничили прогулки до часа. «Почему?» — спросил Боткин. «Чтобы было похоже на тюремный режим», — ответили ему.

В один из майских дней Николай записал: «Применение «тюремного режима» продолжалось и выразилось тем, что утром старый маляр покрасил все наши окна во всех комнатах известью. Стало похоже на туман... Ни одного лишнего солдата в саду не было. Караульный начальник с нами не заговаривал, так как все время кто-нибудь из комиссаров находился в саду и следил за нами и за часовым! »

«Дожил до 50 лет, даже самому странно!» — записал в день рождения. Было воскресенье. Отслужен молебен. Волновались, выехали ли дети из Тобольска.

Приезд детей был огромной радостью. Огорчил только Алексей: ушиб колено и всю ночь стонал, мешая спать. Боли терзали мальчика еще несколько дней.

Однажды в воскресенье (по старому стилю, 13 мая) в доме появился «черный господин, в кот(ором) мы признали врача». Это был, как потом выяснилось, Юровский. «Перед окнами Алексея, — записал Николай, — забор еще приподняли». Часовой выстрелил в дом, когда кто-то из узников выглянул из окна. другой раз раздался выстрел вниз, в караульном помещении.

«В сарае, где находятся наши сундуки, — записывал Николай, — постоянно открывают ящики и вынимают разные предметы и провизию из Тобольска. И при этом без всякого объяснения причин. Все это наводит на мысль, что понравившиеся вещи очень легко могут увозиться по домам и, стало быть, пропасть для нас! Омерзительно! Внешние отношения за последние недели также изменились: тюремщики стараются не говорить с нами, как будто им не по себе, и чувствуется как бы тревога или опасение чего-то у них.

Непонятно!»

Цвели сады, гремели грозы, хмурые дни сменялись жаркими. Бывший царь читал с увлечением том за томом Салтыкова-Щедрина, закончил «Императора Павла I» Шиллера. Татьяне минул 21 год, Марии девятнадцать. Алексей чувствовал себя лучше, но выходить не мог: отец выносил его на прогулку на руках...

Как вспоминал один из охранников. Николай «осторожно поднимал его, прижимал к своей широкой груди, а тот крепко обхватит руками короткую толстую шею отца... Так царь вынесет его из дома, усадит в специальную коляску, потом катает его по аллеям. Остановится, наберет камешков, сорвет для него цветов или веточек с деревьев — даст ему, а тот как ребенок кидается ими в кусты. В саду для них были гамаки, но ими пользовались только четыре царские дочери. Две из них блондинки с серыми глазами, среднего роста и очень похожие одна на другую. Они были всегда вместе, и обе, казалось, были всегда веселыми и разговорчивыми. Вторые две барышни не похожи одна на другую. Одна из них Татьяна, полная, на вид здоровая красивая брюнетка. Вторая, то есть старшая из всех, Ольга, выше среднего роста, худощавая, бледнолицая, на вид — болезненная, она также мало гуляла в саду...» (О. Платонов. «Царевнийцы» // «Литературная Россия», 1990, № 39).

Бывший император выходил на прогулку в полковничьей форме, в фуражке с кокардой. Александра Федоровна, высокая, стройная, шла, придерживая сбоку длинное темное платье.

Они еще не знали, что все обречены.

Команда, вооруженная винтовками, гранатами, четырьмя пулеметами, следила во все глаза за домом особого назначения, обнесенного двойным забором, с будками для часовых. Одного часового с будкой нарисовал Алексей: рисунок в наше время был опубликован в «Комсомольской правде»; его показали на выставке в Москве.

Екатеринбургом в то время правили ЧК и Уралсовет во главе с Белобородовым. В том и другом органе в качестве члена состоял Янкель Хаимович Юровский, внук раввина, сын мещанина, сосланного за кражу в Сибирь. Имея за плечами полтора класса образования, он с 1919 года возглавлял в Екатеринбурге ЧК, потом был директором Политехнического музея в Москве. Александр Григорьевич Белобородов с начальным образованием достиг в 1927 году поста народного комиссара НКВД.

В те екатеринбургские трагические дни Юровский был назначен комендантом вместо Авдеева, а Г. П. Никулин — заместителем. Их куратором стал Шая Исаакович Голощекин, выпускник зубоврачебной школы, никогда нигде не работавший, 6 лет бывший в ссылке с Я. М. Свердловым, секретарь ЦК партии по Уралу и Сибири. С 1924 года он трудился на посту первого секретаря компартии Казахстана. «В результате его деятельности, — читаем в очерке О. Платонова «Царевнийцы», — погибли сотни тысяч людей, а трупы штабелями складывали и снегом до весны присыпали, потому, как не было у людей сил долбить мерзлую землю».

В подготовке акции, для проведения которой создали специальную комиссию во главе с председателем Уральской областной ЧК Федором Лукояновым, Голощекин играл видную роль. В комиссию входили Г. И. Сафаров (Вольдин), имевший право посещать узников дома особого назначения вместе с Голощекиным, Л. С. Сосновский — партийный публицист, сторонник Троцкого, известный статьями, в которых травил Есенина и глумился над русской историей, Войков Пинхус Лазаревич — комиссар продовольствия Уралсовета, химик по образованию, впоследствии посол в Польше, убитый эмигрантом Ковердой, упомянутый в стихах Маяковским, Павел Быков и другие лица.

Главное лицо — Юровский. Это он проверяет драгоценности в ящичке Романовых, приказывает над окнами поднять тяжелые решетки, проводит занятия с командой, воспитывает у них ненависть к царственным узникам, готовит к решительному действию. Он же уезжает за город, выбирает место для захоронения трупов.

«Этот тип нам нравится все менее!» — записывает Николай и открывает восьмой том

любимого Салтыкова-Шедрина.

Последняя запись: «Алексей принял первую ванну после Тобольска; колено его поправляется, но совершенно разогнуть его он не может. Погода теплая и приятная. Вестей извне никаких не имеем».

Дочери после Тобольска очень скучали. Пытались во время прогулки разговаривать с охраной.

— Отгадайте, как зовут эту собачку? — спрашивала одна из них.

В ответ слышала грубость.

Они уходили молча в дом. Вскоре из окон доносились духовные песнопения. Пели еще что-то грустное, на мотив песни «Умер бедняга в больнице военной».

9

Михаил Романов жил в Перми. Первое время за ним был установлен гласный надзор милиции, а потом в ЧК вручили бумагу с предписанием ежедневно в 11 часов приходиться и отмечаться.

«Люди добрые, скажите, что это такое», — записал в своем дневнике Михаил.

Богатырь, гнувший подковы, метался, как в клетке, в одном из номеров гостиницы купца Королева.

«Я жил во втором этаже «Королевских номеров», — вспоминал бывший эмигрант Крумнис («Совершенно секретно», 1990, 9//Ю. Буранов, В. Хрусталева. «Похищение претендента»), — великий князь жил на третьем этаже, занимая с Джонсоном две небольшие комнаты, Я видел великого князя несколько раз в коридоре гостиницы и на улице. Он носил серый костюм и мягкую шляпу и палку. Всегда был в сопровождении Джонсона. Бросался в глаза контраст высокого роста великого князя и низкого г. Джонсона... Великий князь часто заходил в магазин Добринина, что на Сибирской улице, где беседовал с его доверенным о разных делах. Однажды доверенный Добринина спросил его, почему он, пользуясь свободой, не принимает мер к побегу. На это великий князь ответил: «Куда я денусь со своим огромным ростом. Меня немедленно же обнаружат». При этом он всегда улыбался».

В мае к нему приехала Наталья Сергеевна. Пошли в театр на «Мечту любви». Утренняя солнечная погода сменилась хмурой и холодной, даже снегом осыпало крыши и улицы. В это время узнали, что на Украине гетманом стал генерал Скоропадский, немцы заняли Ростов и Таганрог. Однажды прочитал Михаил в газете, что «Верховной следственной комиссией подготовлен ряд процессов видных деятелей старого режима. Процесс Николая Второго будет заслушан в первую очередь».

С беспокойством размышлял Михаил о судьбе близких. На имя А. В. Луначарского послал телеграмму об условиях содержания под стражей брата. В дневнике сделал записи о матери: немцы Марию Федоровну перевезли в Киев. «По-видимому, в Киеве кроме Мам также и все остальные, которые жили в Крыму», — писал Михаил.

В одной из записей рассказал о прогулке вместе с женой по городу: «Днем Наташа и я гуляли, были в Гостином дворе, затем пошли мимо церкви Воскресения на старое кладбище, обойдя его по Сибирской, возвратились домой».

Наутро он ее проводил на вокзал. «С отъездом Наташи стало так грустно, так пусто, и все как-то кажется по-другому, и комнаты стали другими».

В Москве, как пишут Ю. Буранов и В. Хрусталева со ссылкой на Р. Вильтона, «графиня Брасова виделась с В. И. Лениным и ходатайствовала о разрешении своему мужу выезда за границу, но безрезультатно».

Положение бывшего великого князя и его верного Джонсона оставалось прежним. Каждое утро ходили в ЧК отмечаться. 25 мая нагрянули гости: двое американцев бежали из Баку и

пробирались теперь во Владивосток. В этот день подняли мятеж пленные чехословаки. Их корпус численностью в 50 тысяч человек захватил Челябинск, Пензу, Томск. 28 мая Михаил записал в дневнике: «Пермь объявлена на военном положении. За последние дни отсюда посылали довольно много рот Красной Армии на разные внутренние фронты...» 5 июня: «На днях мы прочли, что на Дону образовалось свое Войсковое правительство, во главе которого стоит ген. Краснов, он также и войсковой атаман».

Поезда на Сибирь перестали ходить. В городе скопилось до 10 тысяч пассажиров, многие из них сочувствовали Белому движению. У Михаила в эти дни обострилась болезнь желудка.

«Сегодня боли были послабее и менее продолжительные, — записал 11 июня. — Утром читал. Днем я на час прилег. К чаю пришел Знамеровский (начальник Гатчинского жандармского управления, полковник, высланный в Пермь вместе с Михаилом. — *Прим. авт.*) и мой крестник Нагорский (правовед), он кушал с большим аппетитом, еще бы после петроградского голода. Потом я писал Наташе в Гатчину...»

В этот день Нагорский зашел еще раз — простился перед отъездом в Петроград. Днем срывался дождь, вечером снова посыпал.

Больше записей в дневнике не было.

Пермские «Известия» сообщили 15 июня 1918 года в заметке «Похищение Михаила Романова»: «В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по новому времени в «Королевские номера», где проживал Михаил Романов, явились трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили ему какой-то ордер на арест, который был прочитан только Джонсоном, секретарем Романова. После этого Романову было предложено отправиться с пришедшими. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фаэтон и увезли по Торговой улице...»

Далее рассказывалось, что в номера прибыли члены ЧК, разосланы были распоряжения о задержании Романова, на тракты выслали конные отряды милиции, но «никаких следов обнаружить не удалось».

Телеграмма о похищении Михаила Романова полетела в Москву. в Совнарком, в Петроград — Зиновьеву, в Екатеринбург.

Один из очевидцев ареста Романова и Джонсона заметил, как трое вооруженных красногвардейцев вывели их без пальто на улицу, посадили в «одинокий экипаж, запряженный серой лошадей», и увезли по направлению к Сибирскому тракту.

Тайна гибели бывшего великого князя и его друга-секретаря открылась не сразу. Летом 1964 года Н. А. Аликина, заведующая Пермским областным партархивом, имела разговор с А. В. Марковым, членом партии с 1906 года. Заинтересовалась его наручными серебряными часами необычайной формы. Андрей Васильевич пояснил, что часы он снял с руки Джонсона, секретаря Михаила Романова, после расстрела.

— С тех пор не снимаю с руки, — сказал ветеран. — Идут хорошо, ни разу не ремонтировал...

И рассказал подробно, как все было. Согласился написать воспоминания. Уверял, что ездил к Я. М. Свердлову, попал с его помощью к В. И. Ленину.

Организатор расправы — Гавриил Ильич Мясников — председатель Мотовилихинского Совдепа, член коллегии Пермской губ. ЧК. Участники злодеяния — Василий Алексеевич Иванченко, Николай Васильевич Жужгов, Иван Федорович Колпащиков, Иосиф Георгиевич Новоселов и уже упомянутый А. В. Марков, рассказавший в воспоминаниях, как они около 11 часов вечера подъехали в крытых фаэтонах к парадному: «Жужгов и Колпащиков отправились в номера, мы же с Иванченко остались на улице в резерве, но сейчас же потребовали подкрепления, так как Михаил Романов отказывался следовать, требовал «Малкова» (он плохо говорил по-русски)*, чтобы его вызвали по телефону. Тогда я, вооруженный наганом и ручной бомбой (коммунистом), вошел в помещение,

стража у дверей растерялась, пропустили беспрепятственно как первых двоих, так и меня.

Михаил не выговаривал <p> (В. К.).

Я занял место в коридоре, не допуская никого к телефону (оборвал провода), вошел в комнату, где жил Романов, он продолжал упорствовать, ссылаясь на болезнь, требовал доктора и Малкова. Тогда я потребовал взять его в чем он есть. На него накинули, что попало и взяли, тогда он поспешно стал собираться, спросил, нужно ли брать с собой какие-либо вещи. С собою вещи брать я отказал, сказал, что ваши вещи возьмут другие. Тогда он просил взять с собой хотя бы его личного секретаря Джонсона, — это ему было предоставлено, так как это было уже раньше согласовано между нами. После чего он наскоро накинул на себя плащ. Жужгов тотчас взял его за шиворот и потребовал, чтобы он выходил на улицу, что он исполнил. Джонсон добровольно вышел из комнаты на улицу, где нас ждали лошади. Михаила Романова посадили на первую лошадь. Жужгов сел за кучера, а Иванченко рядом с Михаилом Романовым. Я посадил с собой Джонсона, а Колпачиков за кучера, и таким образом в закрытых фаэтонах (к тому же моросил дождик) мы тронулись по направлению к Мотовилихе по тракту. (Платонов О. «Цареубийцы»...) Телефонные звонки в милицию, в губЧК и другие учреждения сделаны были после того, как похитители скрылись за городом.

«Сначала, — вспоминал Марков, — похищенные нами вели себя спокойно и, когда приехали в Мотовилиху, стали спрашивать, куда их везут. Мы объяснили, что на поезд, что стоит на разъезде, там в особом вагоне их отправим дальше... По дороге никто не попадался; отъехавши еще с версту от керосинового склада, круто повернули по дороге в лес направо. Отъехавши сажен 100—120, Жужгов кричит: «Приехали, вылезай!». Я быстро выскочил и потребовал, чтобы и мой седок то же самое сделал, и только он стал выходить из фаэтона — я выстрелил ему в висок: он, качаясь, упал. Колпачиков тоже выстрелил, но у него застрял патрон браунинга. Жужгов в это время проделал то же самое, но только ранил Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем. В то время у тов. Жужгова застрял барабан нагана (не повернулся вследствие удлинения пули от первого выстрела, так как пули у него были самодельные). Мне пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Мих. Романову, отчего он свалился тотчас же».

Трупы завалили прутьями и уехали. Зарывать ездили в другую ночь Жужгов с «надежным милиционером, кажется, Новоселовым».

Марков был комиссаром по национализации имущества буржуазии. Участвовал в расстреле 12 полицейских на Каме, в убийстве священников, архиереев, купцов, в грабежах и обысках. Все делалось по приказу ЧК и Ревкома.

«Будучи в командировке по работе в Москве в 1918 году, писал он, — я по делу пришел к товарищу Свердлову Я. М., он меня привел к В. И. Ленину, который спрашивал меня о ликвидации Михаила Романова, я рассказал ему, что сделано было чисто, он сказал: «Ну, вот и хорошо, правильно сделали».

Передавая свои воспоминания в Пермский партархив, просил никому не рассказывать о них до самой смерти: боялся мести монархистов.

Золотыми часами Михаила Романова завладел Иванченко, в Мотовилихе называли его именем улицы. В 1906 году выполнял поручения Я. М. Свердлова, в 1916-м сошелся с Белобородовым. Был в Перми начальником милиции. Образование — три класса. Жужгов в 1905 году участвовал в вооруженном восстании, находился в шайке «лесных братьев», донес после драки на одного из них — того повесили, был осведомителем полиции, в 1918-м стал помощником начальника милиции. Лично расстрелял десятки людей. В воспоминаниях рассказал, как чинил расправу над пермским архиепископом Андроником: «Я приказал ему копать могилу. Андроник выкопал сколько положено... Затем я сказал:

«давай ложись». «Могила оказалась коротка, он подрыл в ногах, лег второй раз, еще коротка — еще рыл — могила готова. Теперь дайте мне помолиться, я разрешил, он помолился на все стороны минут 10, я ему не мешал. Затем он сказал — я готов. Я сказал, что расстреливать не буду, а живым закопаю... Затем мы его забросали землей и произвели несколько выстрелов».

Жертвами стали 10 протоиереев, 41 священник, 5 дьяконов, 4 псаломщика, 36 монахов. Их топили, кололи штыками, рубили саблями, били прикладами, душили, заставляли рыть себе могилу. Жужгов охотно выезжал на расправы. В 1919 году его назначили заместителем начальника губернской милиции: за грубость, воровство казенного имущества, пьянство его исключили из партии.

Следы Жужгова затерялись. Его роль в расстреле подчеркнул в своих воспоминаниях И. Г. Новоселов, сделавший попытку отнять эту «честь» у Маркова...

«Откуда же поступил сигнал убить Михаила Романова? — читаем в очерке О. Платонова «Цареубийцы». — Мы полагаем, что он поступил от Свердлова — через Белобородова на Иванченко и, возможно, Мясникова. И Свердлов, и Белобородов знали этих людей в «боевом» деле и доверяли им.

В ту роковую ночь каждый был на своем месте: Малков находился в ЧК, Мясников, по словам Маркова, «ушел пешком» к гостинице, а потом, когда в номерах произошла заминка, «струсил и убежал». Мясников попал под критику Ленина, был в 1922 году исключен из партии, выслан в Германию, возвращен, бежал и долгие годы провел за рубежом, в сорок пятом вернулся домой, в сорок шестом закончил жизненный путь в тюрьме. Председатель коллегии ЧК А. В. Марков в одной из автобиографий писал, что «по поручению Пермского городского комитета партии большевиков вместе с товарищем Марковым А. В. и Трофимовым А. В. был организатором похищения из номера гостиницы Михаила Романова (брата Николая II) и его расстрела».

Они гордились своим участием в кровавом злодеянии.

14 августа 1918 года на стол председателя ВЦИК Я. М. Свердлова положили телеграмму из Перми: «В тюрьме находится прислуга Романовых, ходатайствует об освобождении. Телеграфируйте, как поступить».

«Относительно прислуги Романовых, ответил Яков Михайлович, — предоставляю поступить (по) вашему усмотрению согласно обстоятельствам».

21 августа телеграмму получили из Москвы, а в сентябре были расстреляны камердинер В. Ф. Чельшев, шофер Борунов и другие лица.

Жизнь Михаила Романова пытался продлить народ. Ходили слухи, что он находится в Омске, принял главенство над сибирскими повстанцами, призвал в манифесте свергнуть власть Советов, обещая собрать Земский собор и на нем решить, какая форма правления необходима России.

Слухи доходили и до Орла, где он жил когда-то, где сохранилась добрая память о нем. — Жив Михаил — русский царь! — шепотом говорила бабушка. — Идет отворять закрытые храмы.

Однажды, это случилось уже после войны, приехал к нам с Урала дядя Гаврик, сын ее сестры Анны. Говорил про бывший Екатеринбург, ставший для него родным.

— В школе, где я работаю, — рассказывал он, — выступал ветеран. — От него мы узнали, как царя расстреляли. Белые подходили. «Что делать с Николаем Романовым?» — спросили по прямому проводу Ленина. А он: «Поступайте с ним так, как он с рабочими 9 января». Ну, и казнили со всей семьей.

О Михаиле, помнится, речи не было. Я видел его мысленно высоким, белым, как ангел, медленно бредущим по нашему полю в сумраке ночи...

Расправа над ним была первым актом трагедии. Второй, самый страшный, состоялся в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года.

Вечером команда собралась в отдельной комнате. Юровский объявил, что делать. Затем вышел, вызвал Боткина:

— Ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Романовых из верхнего этажа в нижний.

Боткин пошел будить. Юровскому поверили. Первым спускался по лестнице Николай. Нес на руках сына Алексея. Александра шла под руку с Ольгой, старшей дочерью. Анастасия держала маленькую курносую собачку, шустрю любимицу семьи.

— Что же, и стула нет? — удивленно спросила бывшая императрица, окинув взором пустую комнату полуподвала. — Разве и сесть негде?

Юровский приказал принести два стула. На один села Александра Федоровна, на другой отец посадил больного сына.

На улице заработал мотор грузовика.

Напротив одиннадцати обреченных выстроились двенадцать вооруженных. Каждый знал свою цель.

Виноват — среди обреченных двенадцатой целью была она — маленькая, курносая. И судьба собачки, видимо, решалась там, куда ездил Голощекин.

По приезде из Москвы Голощекина, — свидетельствовал Быков, — числа 12-го было созвано собрание областного Совета, на котором был заслушан доклад об отношении центральной власти к расстрелу Романовых».

В 1935 году, за пять лет до своей гибели под альпийским топором сталинского агента, за пять лет до отчаянного на весь дом предсмертного крика, писал Троцкий в своем «дневнике»:

«Либералы склонялись как будто к тому, что Уральский исполком, отрезанный от Москвы, действовал самостоятельно. Это не верно. Постановление вынесено было в Москве...

В один из коротких наездов в Москву — думаю, что за несколько недель до казни Романовых, — я мимоходом заметил в Политбюро, что ввиду плохого положения на Урале следовало бы ускорить процесс царя. Я предлагал открыть судебный процесс, который должен был развернуть картину всего царствования...

Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

— Да, а где царь?

— Кончено, — ответил он, — расстрелян.

— А его семья где?

— И семья с ним.

— Все? — спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.

— Все! — ответил Свердлов. — А что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

— А кто решил? — спросил я.

— Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях».

«Оттенок удивления» у Троцкого прошел быстро.

«По существу, — продолжал он, — решение было не только целесообразно, но и необходимо. Суровость расправы показывала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтобы запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или полная гибель».

Далее спешил расписаться за массы рабочих и крестьян: они-де «никакого другого решения... не поняли бы и не приняли бы». Хвалил Ленина, его «способность думать и чувствовать за массу и с массой... особенно на великих политических поворотах».

А. Ф. Акимов служил в Кремле. То охранял Я. М. Свердлова, то В. И. Ленина. Однажды

Яков Михайлович послал его отправить телеграмму.

— Поосторожней отправляй, — сказал многозначительно.

Акимов понял: телеграмма очень важная.

«Когда телеграфист передал телеграмму, — вспоминал впоследствии Алексей Федорович, — я потребовал от него копию и ленту. Ленту он мне не отдавал. Тогда я вынул револьвер и стал угрожать телеграфисту. Получив от него ленту, я ушел».

Ленин, узнав о поступке Акимова, заставил его пойти обратно на Мясницкую и извиниться публично. Телеграмма, как потом рассказывал Акимов, содержала утверждение Совнаркомом и ВЦИКом решения уральцев о расстреле Романовых. «Итак, расстрел царской семьи был условлен с Москвой. И Москвой утвержден», — к такому выводу пришел Э. Радзинский в своей публикации «Расстрел в Екатеринбурге» («Огонек», 1990, №. 38).

«Нам говорят, — произнес Ленин 5 июля 1918 года на V Всероссийском съезде Советов, — что, когда в комиссии Дзержинского расстреливают — это хорошо, а если открыто перед лицом всего народа суд скажет: он контрреволюционер и достоин расстрела, то это плохо. Люди, которые дошли до такого лицемерия, политически мертвы. Нет, революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов».

Быков в своей книге «Последние дни Романовых» привел слова Ленина о том, что «в России надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых, чтобы отучить их преемников от организации черносотенных убийств и еврейских погромов».

«Арестованные, — вспоминал охранник из караульной команды Стрекотин, — стояли в два ряда, в первом — вся царская семья, во втором — их лакеи, наследник сидел на стуле. Правофланговым в первом ряду стоял царь. В затылок ему стоял один из лакеев. Перед царем, лицом к лицу стоял Юровский — держа руку в кармане брюк, а в левой держал небольшой листок, потом он читал приговор...

Не успел он закончить последние слова, как царь громко переспросил:

— Как? Я не понял. Прочитайте еще раз.

Юровский читал вторично, при последнем слове он моментально вытащил из кармана револьвер и выстрелил в упор в царя... Царица и дочь Ольга пытались осенить себя крестным знаменем, но не успели.

Одновременно с выстрелом Юровского раздались выстрелы групп людей, специально призванных для этого, — царь «не выдержал» единственной пули нагана, с силой упал навзничь. Свалились и остальные десять человек. По лежащим было сделано еще несколько выстрелов. Дым заслонил электрический свет и затруднил дыхание».

Пришлось открыть двери.

«После спуска в нижний этаж, — вспоминал П. З. Ермаков, — мы немного обождали.

Потом комендант предложил всем встать, все встали, но Алексей сидел на стуле. Тогда стал читать приговор-постановление, где говорилось: по постановлению Исполнительного комитета — расстрелять. Тогда у Николая вырвалась фраза:

«Так нас куда не повезут?» Ждать больше было нельзя, я дал выстрел в него в упор, он упал сразу, но и остальные также. В это время поднялся между ними плач, один другому бросались на шею. Затем дали несколько выстрелов и все упали».

Не все умерли сразу. Долго не падал Алексей. Несколько раз в него стреляли. Точнее, как вспоминал один из палачей, «наследник еще стонал. К нему подошел Юровский и два или три раза выстрелил в него в упор. Наследник затих». Сам Юровский вспоминал, что трех дочерей, фрейлину и Боткина пришлось пристреливать. Пули, к удивлению коменданта, отскакивали рикошетом и «как град прыгали по комнате... Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсаж». Оказывается, пулям мешали припрятанные драгоценности.

Охранники Клещев и Дерябин стояли на своих постах, предупрежденные о расстреле.

Дерябин видел, как Юровский махал рукой. Клещев слышал его слова: «Николай Александрович, Ваши родственники старались Вас спасти, но этого им не пришлось, и мы принуждены Вас сами расстрелять». Слышал выстрелы, женский визг, крики. Демидова металась, закрываясь подушкой — ее прикололи штыком. Анастасию тоже — штыком. Были убиты Николай Александрович, Александра Федоровна, Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, Алексей, доктор Боткин, повар Харитонов, лакей Трупп, комнатная девушка Демидова. Анастасия притворилась было убитой, но Ермаков встал на обе ее руки и выстрелил в грудь.

Из воспоминаний И. П. Мейера: «Когда мы вошли (в подвал), Войков был занят обследованием расстрелянных. Он поворачивал каждого на спину. У царицы он взял золотые браслеты, которые она носила до конца... Медведев влез на грузовик и складывал там мертвых. Когда все лежали наверху, Якимов принес еще маленькую собачку, которую великая княжна Анастасия несла с собой. Он ее взял за задние лапы и бросил мертвое животное на труп?».

Повезли через Верхний Иссецк, через две колеи железной дороги в густой лес. На поляне зажгли костер. Ермаков с Войковым стали раздевать трупы. Юровский положил фуражку: драгоценности складывались. Бриллиантов набрали «около полпуда». Их спрятали потом в подполье, через год достали и отвезли в Москву. Находили иконки, портреты Распутина, на бывшей царице — жемчужный пояс. Ненужное жгли. Трупы столкнули в шахту. Потом и трупы жгли, обливали серной кислотой...

«В три часа ночи, — вспоминал Медведев, — все было кончено. Юровский ушел в свою канцелярию, а я к себе в комендантскую комнату».

На столах увидел груды золотых и серебряных вещей.

А там, где совершилось злодеяние, осталось кабалистическое изображение из четырех знаков. Первый вариант расшифровки: «Здесь поражен в сердце глава церкви, народа и государства». «Приказание исполнено». Второй вариант: «Здесь по приказанию тайных сил царь был принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются народы».

11

На следующую ночь пролилась кровь в Алапаевске.

«20 мая 1918 г., — читаем у Быкова, — были туда привезены быв. вел. княгиня Елизавета Федоровна, быв. вел. кн. Сергей Михайлович, Елена, быв. сербская королева: сыновья быв, вел. кн. Константина Константиновича — Иван, Игорь и Константин и Владимир Налей, сын бывш. велик. князя Павла Александровича. Всех их поместили в новом каменном здании так наз. «Напольной школы», расположенной на окраине завода; здание было в спешном порядке оборудовано под жилье».

Сначала они жили свободно. Ходили без охраны в церковь, в поле, а с 21 июня был установлен тюремный режим. Прекратились передачи с воли, запретили прогулки за школьной оградой, удалили посторонних только при Елизавете Федоровне была оставлена монахиня Яковлева, при Сергее Михайловиче — служащий Ремез.

Сергей Михайлович послал в Екатеринбург председателю областного Совета телеграмму, в которой от имени родственников просил: «Не зная за собой никакой вины, ходатайствуем о снятии с нас тюремного режима».

В ответ пришла телеграмма на имя алапаевского комиссара юстиции Соловьева: «Объявите Сергею Романону, что заключение является предупредительной мерой против побега, ввиду исчезновения Михаила из Перми. Белобородов.

Еще раз солгали.

Им ничего не стоило придумать обоснование для новой расправы. «С приближением фронта, — писал Быков, и в связи с необходимостью посылки всех сил туда,

руководители алапаевской организации, учитывая требование масс, решили Романовых расстрелять.

Это было приведено в исполнение в ночь с 17-го на 18-е июля 1918 г. Трупы казненных были брошены в глубокую шахту в 11 верстах от Алапаевска, вблизи Верхне-Синячихинского завода».

В Алапаевске Иоанн, Константин и Игорь — сыновья великого князя Константина Константиновича Романова, известного в русской литературе под псевдонимом К. Р., имевшего дружественное знакомство с А. А. Фетом. Положенные на музыку стали бессмертными стихотворения К. Р. «Растворил я окно, стало грустно невмочь», «Серенада», «Умер бедняга в больнице военной». Сыну Иоанну посвятил он «Колыбельную песенку»:

Спи в колыбели нарядной,
Весь в кружевах и шелку,
Спи, мой сынок ненаглядный,
В теплом своем уголку!
В тихом безмолвии ночи
С образа, в грусти святой,
Божией Матери очи
Кротко следят за тобой.
Сколько участия во взоре
Этих печальных очей!
Словно им ведомо горе
Будущей жизни твоей.

Душа поэта, наверное, содрогнулась в ту кошмарную июльскую ночь, когда... «Шахта представляла собой колодец глубиной около 22 метров, — читаем у О. Платонова. Стены колодца, сложенные из толстых деревянных плах, тогда были еще крепки. Внутри колодца по средней линии в вертикальном направлении были устроены узкие мостки (палаты), соединяющиеся между собой лесенками.

У перекрестка уже стояли вооруженные люди, было выставлено оцепление. Великих князей повезли к шахте. Ссадив с телег, их стали жестоко избивать (позднее это установила медицинская экспертиза). Через шахту была перекинута доска-бревно. Убийцы выбрали для своих жертв особенно мучительный вид смерти. Великих князей заставили идти по этой доске и прыгать вниз в 20-метровый колодец. По рассказам чекистов, великий князь Сергей Михайлович оказал сопротивление. Он схватил за полу пиджака верхнесинячихинского большевика Плишкина и чуть-чуть не увлек за собой, оборвав полу его пиджака. Князя убили выстрелом в голову. Сбросив великих князей в шахту, «революционные мстители» забрасывают их ручными гранатами, а затем заваливают бревнами и разным хламом...»

Многие из них оставались еще живы. Крестьяне, проходя по дороге, прислушивались: из шахты доносилось пение — псалмы и молитвы. Слышались стоны. Палачи на другой день приехали, стали бросать вниз камни и бревна: пение псалмов и молитв продолжалось. На третий день председатель ЧК Говырин взял у фельдшера кусок серы. Серу зажгли и кинули на дно шахты. Верх завалили досками и бревнами, засыпали землей.

Белые, взяв Алапаевск, разыскали шахту. В октябре 1918 года поднимали трупы: Ф. С. Ремеза, Варвары, восемнадцатилетнего Палея, затем остальных. Тела Елизаветы Федоровны и Иоанна подняли наверх последними: великая княгиня там, в шахте, перевязала великому князю носовым платком голову. Прошло почти три месяца, но тела почти не тронуло тление. Их положили в гробы, поставили у Напольной школы, затем похоронили в склепе Алексеевского собора. Отступая, белые увезли гробы с телами

мучеников в Китай и там еще раз предали земле. Прах Елизаветы Федоровны и монахини Варвары позднее перевезли в Иерусалим, похоронили в усыпальнице русского монастыря Марии Магдалины в Гефсиманском саду.

В «Огоньке» 1990 года Э. Радзинский рассказал подробнее о Елизавете Федоровне, родной сестре царицы. Когда ее мужа, Сергея Александровича, московского генерал-губернатора, в куски разорвала бомба Каляева, она прибежала из Кремля и упала на камни площади, на тело убитого, голова и руки которого валялись среди обломков кареты, горько плакала. Пять дней перед погребением неустанно молилась, потом пошла в камеру к убийце и подала ему Евангелие.

— Я буду читать Евангелие, — сказал Каляев, — если вы, в свою очередь, прочтете записки о моей жизни — они заставят вас понять, почему я убил вашего мужа.

— Нет, я не буду читать ваших записок, — возразила она, — мне остается только молиться за вас.

Просила царя помиловать убийцу. Каляеву предложили написать просьбу о помиловании. Он отказался, заявив: «Я хочу и должен умереть, моя смерть будет еще полезнее для моего дела, чем смерть Сергея Александровича».

На могиле мужа она написала евангельские слова:

«Отче,пусти им: не ведают бо, что творят».

Распустила свой двор, основала известную делами на ниве милосердия Марфо-Мариинскую общину, многим больным и бесприютным помогла.

Чтобы убить Елизавету Федоровну и ее родственников, спутников по несчастью, алапаевские чекисты целый спектакль разыграли. Подняли по тревоге отряды, будто на школу белые напали, с оружием наперевес двинулись цепи.

Один из участников того боя Насонов вспоминал: «В цепи мы пролежали с полчаса, а затем мы подошли к самой школе... Комиссар Смольников стоял на крыльце школы, матерился и говорил нам: «Товарищи, теперь попадет нам от Уральского областного Совета за то, что князьям удалось бежать; их белогвардейцы увезли на аэроплане...»

Рано утром в Екатеринбург полетела телеграмма за подписью Абрамова. Перминова и Останина, будто на школу напала банда, «князьям с прислугой удалось бежать в неизвестном направлении». Белобородов телеграфировал Свердлову, Зиновьеву и Урицкому, что «князья были похищены». А в это время в глубине шахты умирала Елизавета Федоровна с иконой Спасителя на груди. Икону подарил государь перед отречением...

Еще четыре великих князя были расстреляны в Петропавловской крепости 29 января 1919 года. Говорят, один из них снял сапоги и, бросив их солдатам, сказал: Носите, ребята, все-таки царские...» Это был Николай Михайлович, историк, автор «Русских портретов XVIII и XIX столетий» в пяти томах и других трудов. За него просил Максим Горький, обращалась в Совнарком Академия наук. Однако в помиловании было отказано: всему виной — царская кровь, принадлежность дому Романовых.

Через 10 лет после уральской расправы приехал в Москву Юровский с предложением отметить важную дату. Ему передали приказание Сталина: «Помалкивайте!» Помалкивать следовало. Поскольку, как справедливо отмечает О. Платонов, «многие организаторы и исполнители убийства были сторонниками Троцкого», такие, как Сафаров, Сосновский, Белобородов, Дидковский, Голощекин. Последний был расстрелян 11 сентября 1941 года в Медведевском лесу под Орлом, перед приходом немцев.

Прошли годы. При Хрущеве по мере возрождения национального сознания усилился интерес к местам, где томились под арестом и погибли Романовы. При Брежневем Политбюро по докладу Щелокова, при активной поддержке Суслова, решило свести дом Ипатьева. Ельцин, в ту пору первый секретарь обкома, выполнил решение. Под Алапаевском, в пятидесяти метрах от шахты, где погибли князья, вырыли траншею для силоса, в школе, где они томились, устроили дискотеку, в комнате Елизаветы Федоровны, ныне причисленной к лику святых, открыли видеосалон. Именами убийц Голощекина,

Ермакова, Иванченко, Соловьева, Перминова назвали улицы.

Даже в Старинном Болхове, городе чуть ли ни сорока церквей и двух монастырей, Архангельской улице дали имя Войкова, того самого, который был полпредом в Варшаве и под новый 1927 год, ставший для него роковым, рассказывал историю бойни в доме Ипатьева, держа в руках перстень с рубином, переливающимся цветом крови: «Это была ужасная история. Мы все, участники, были прямо-таки подавлены этим кошмаром. Даже Юровский — и тот под конец не вытерпел и сказал, что еще несколько таких дней, и он сошел бы с ума».

«Кстати, в шахте, где были обнаружены некоторые вещи убитых, — пишет Вл. Солоухин в «Камешках на ладони», — нашли палец, отрезанный с явной целью Снять перстень...»

Настоящее имя Войкова — Пинхус Лазаревич Вайнер. Он — один из многих. Когда начали снимать фильм, то из-за океана прибыл актер, большой мастер играть лютых злодеев, на роль Юровского, которого Николай с первой встречи принял за врача.

Под его руководством действовали добровольцы-интернационалисты из 1-го Камышловского полка Андреас Вергази, Ласло Горват (убил Боткина), Виктор Гринфельд, Имре Надь, впоследствии репрессированный и реабилитированный в Венгрии, Эмиль Факете, Анзельм Фишер, Изадор Эдельштейн, охранники из местных жителей Ваганов, Медведев, Никулин.

Медведев получил за убийство мужские носки и женскую рубашку, украл 60 рублей, 3 серебряных кольца, несколько носовых платков.

Следственная комиссия белых установила: 19 июля 1918 года в отдельном салон-вагоне выехал в Москву Голощекин, вез три тяжелых ящика, грубо сколоченных, перевязанных веревкой. Спутникам говорил, что везет образцы снарядов для Путиловского завода. В Москве он с ящиками отправился на квартиру к Свердлову. По одной версии, в ящиках были золото и драгоценности, по другой, более страшной заспиртованные головы... Тайну расправы хранили крепко.

— Мир об этом никогда не узнает, — говорил Войков.

Многое рассказал следователь Соколов в своей книге «Убийство царской семьи», изданной за рубежом, и Быков в «Последних днях Романовых». Да и сами палачи не всегда держали язык за зубами, а под старость и вовсе ударились в воспоминания. После расстрела любили покрасоваться в военных мундирах Николая. Голощекин подарил казначейше исполкома Голубевой пуховую подушку царицы и женские ботинки на пуговицах, Дидковский — своей любовнице сапожки бывшей княжны, Сахаров, один из руководителей Уралчека, заполучил золотое кольцо Анастасии с бирюзой. Три вагона с вещами отвезли в Москву: жены наркомов, по свидетельству Бухарина, спешили завладеть драгоценностями Романовых.

Главной же драгоценностью, полученной, наконец, нами, гражданами России бурных девяностых годов, стало стихотворение, бережно хранимое старшей дочерью Николая Ольгой:

Пошли нам, Господи, терпение
В годину бурных мрачных дней
Сносить народное гонение
К пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
К Крест тяжелый и кровавый
С твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волнения.
Когда ограбят нас враги.
Терпеть позор в оскорбленье,
Христос Спаситель, помоги.

Владыка мира, Бог Вселенной,
Благослови Молитвой нас
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы —
Молиться за своих врагов.

Страх перед большой нравственной силой, исходившей от них, вынуждал поливать грязью их имена. Тем же непривлекательным чувством было продиктовано умолчание прощального приказа императора к любимым войскам:

«В последний раз обращаюсь к Вам, горячо любимые мною войска. После отречения моего за себя и за сына моего от престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и Вам, доблестные войска, отстоять Родину от злого врага... Исполняйте же Ваш долг, защищайте нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайте Ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка, службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в Ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит Вас Господь Бог и да ведет Вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий.

8-го марта 1917.

Ставка.

Николай».

Далеко от России, на берегу Атлантического океана находится французский рыбацкий городок Сен-Бриак. Одну из улиц городской совет назвал Шмен дю Гран дюк, что в переводе на русский означает дорога Великого Князя. Назвал в знак уважения к своему жителю Владимиру Кирилловичу Романову. Долгие годы его мать Виктория Федоровна, внучка Александра II и английской королевы Виктории, была председателем кружка местных художников: памятник на ее могиле — достопримечательность Сен-Бриака. «Когда покойный государь Николай II и вся его семья погибли, то линия Александра III кончилась, — рассказывал В. К. Романов гостю из России Жанне Вронской («Огонек», 1990, № 2. «Корона Российской империи»). — После него старшим членом нашей семьи был бы мой дед великий князь Владимир Александрович, то есть следующий брат Александра III. Моего деда уже не было в живых, и, когда эта трагедия произошла, мой отец, великий князь Кирилл Владимирович, оказался в положении старшего в семье, разумеется, не по возрасту, а по старшинству. Тем самым он стал главой дома Романовых. Его сменил я, как его единственный наследник в нашем роду».

Владимир Кириллович родился в августе 1917 года в Финляндии. В 1920-м Романовых через Германию переехали в Швейцарию, затем на юг Франции. Спаслись также Ксения и Ольга, сестры Николая Романова, великие князья Борис Владимирович, Андрей Владимирович, Дмитрий Павлович, Александр Михайлович, Гавриил Константинович, Георгий Константинович, мать покойного императора Мария Федоровна, дядя, бывший главнокомандующий Русской армией Николай Николаевич.

Собеседник Жанны Вронской отлично владел русским, немецким, французским, английским языками, окончил в Париже русскую гимназию, учился в Лондонском университете, с полгода работал на сталелитейном заводе в Англии. Во время войны, встречая пленных из Красной Армии, помогал им. Мнение Владимира Кирилловича: «Монархия — это единственная форма правления, совместимая с любой политической системой, поскольку предназначение монарха — быть высшим арбитром». Монарха, по

его словам, «можно сравнить с национальным флагом, который является символом государства». Владимира Кирилловича чрезвычайно радует растущий интерес в России к прошлому.

Его жена Леонида Георгиевна — из грузинского царского рода Багратионов...

Великий князь с великой княгиней 7 ноября 1991 года встретили в Санкт-Петербурге. Город праздновал возвращение имени, дарованного Петром Первым. Дорогих гостей приветствовали криками «ура!» Радио сообщило, что Их Высочества посетили храм, построенный в память о Царе-Освободителе Александре Втором, и Пискаревский мемориал, возложили цветы к могилам защитников Ленинграда...

Петропавловский собор усыпальница Романовых. Здесь, некоторое время спустя, нашел вечный покой Владимир Кириллович. Сюда, после долгого и пристального изучения, привезли с Урала обретенные там останки царской семьи. Для похорон выбрали день 17 июля 1998 года.

Великая княгиня Мария, дочь Владимира Кирилловича, стала главой Российского императорского дома. Вместе с сыном Георгием, наследником престола, навестила Россию. В краю предков, в древней Костроме она 1 июня 1993 года написала в предисловии к многотомному изданию «Дворянские роды Российской империи»: «Генеалогия всех сословий — дворянства, крестьянства и духовенства, мещан и казачества — равноценна и чрезвычайно важна для возрождения традиций российской духовности. В истории каждой семьи, словно в капле воды, отражается целый мир, вся трагическая и великая история нашей державы. И, наверное, только общество, способное сохранить свои корни, ценить и помнить своих предков, может рассчитывать на достойное будущее».

Обретение Родины

1

Петр Первый живо интересовался стариной. Очень хотел иметь историю Отечества. Дважды при нем печатали «Синописис» (синописис — греческое слово, обозначающее обозрение), впервые изданный в Киеве в 1674 году. По книге учились. Автором считали Иннокентия Гизеля, архимандрита Киево-Печерской лавры. Царь читал книгу, доведенную до чигиринских казаков, и откладывал в сторону. Не то!

— Надобно иметь историю с времен давних до наших дней, — говорил графу И. А. Мусину-Пушкину — сенатору, начальнику монастырского приказа. — Кто у нас сей труд осилит?

Иван Алексеевич назвал имя Федора Поликарпова.

— Так отпиши ему волю мою.

Мусин-Пушкин отписал. Присоветовал, как велел государь, первые пять лет дать в двух редакциях — краткой и пространной.

Поликарпов взялся за работу. Было это в 1708 году. Потом, как известно, случилась знаменитая Полтавская баталия, иные события завертелись. Но и в самой горячей суете государь не забывал своих повелений.

— Как там книга по русской истории? Пишется? — спросил Петр Мусина-Пушкина и тут же строго добавил: — Имею великое желание видеть труд законченным. Иначе... Намекни Федору о гневном государевом. Да напомни, что царь желает ведать Российского государства историю, — продолжал Петр, — а не о начале света и других государствах,

понеже о сем много написано. Надобно из русских летописцев выбирать и в согласие приводить прилежно.

Иван Алексеевич, дивясь мудрости государевой, отвечал низким поклоном и в тот же день (было это в 1712 году) написал Поликарпову, наставительно советуя иметь старание, дабы «получить немалую милость». Ввернул строку о гневе царском, от которого «да сохранит тебя Бог.

Понял Федор, что с царем шутки плохи, взялся за дело с усиленным старанием. Рукопись легла на стол императора. Прочитал Петр и махнул рукой: «Не то!»

И отписал граф И. А. Мусин-Пушкин Федору Поликарпову в январе 1716 года, что его история российская «не очень благоугодна была».

Царь же не одного Поликарпова поднял на ноги, имея великое желание собрать русскую старину. Распорядился собирать летописи, хронографы и другие материалы. Велел губернаторам «во всех монастырях, и епархиях, и соборах прежние жалованные грамоты и другие куриозные письма оригинальные, также исторические рукописные и печатные книги пересмотреть и переписать... и те переписанные книги прислать в сенат».

Он хотел иметь историю своего царствования. Привлек к этому Феофана Прокоповича, Шафирова, шведа Венедикта Шиллинга, барона Грюйсена. Печатал ведомости, реляции о главнейших баталиях. Сам исправлял и дополнял написанное. Побуждал синод сделать книгу, где изъяснить, «что непременный закон Божий, а что советы и предания отеческие».

Однажды (1716) приехал царь в Кенигсберг, главный город Пруссии, а там показали ему рукопись летописи Нестора из замка Радзивиллов.

Петр распорядился снять копию. Потом, когда Россией правила Елизавета Петровна, русские солдаты взяли Берлин и Кенигсберг (1760) вместе с драгоценной рукописью.

Издали ее в 1767 году под таким названием: «Летопись Несторона с продолжателями по Кенигсбергскому списку, до 1206 года». В издательском предисловии говорилось, что наша история нужна для россиян, «столько же надобно сие для чужестранцев».

«Можно Россию, — читаем далее, назвать колыбелью народов, сильную Римскую империю опровергнувших я на развалинах ее основавших новые царства, которые часто и донныне стоят неколебимо. С самых древнейших времен обитали в соседственных к России местах Славяне, народ многочисленный, от которого неоднократно трепетали Византийские императоры, и которому за 1000 лет подвластна была целая половина Европы. Из нынешней Малой России вышли готы, основавшие в Италии, Франция и Гишпания цветущие государства. От Волги. Ника и Кумы-реки шли угры, гунны и другие разные народы, которые с самого начала шестого века по рождестве Христове, во время великого переходения народов, потрясли Европу, и оную в нынешний ее вид претворили. Таким образом, История наибольшей части нынешних европейских государств восходит, наконец, к древней Российской: и многие народы принуждены искать первых своих прародителей в нашем Отечестве».

Русскими летописями, как указывал в своей «Истории русской литературы» А. Н. Пыпин (СПб, 1911), давно пользовались польские историки Длугош, Бельский, Кромер, Меховский. Стрыйковский. Собирал и изучал старину Феодосий Сафонович, составитель хроники, которая послужила главным источником киевского «Синописа».

«В «Синописе, — отмечал Пыпин, — мы не только читаем целые трактаты о древнейших временах русского народа, о которых ничего не знает наш начальный летописец... Автору «Синописа» известно, откуда происходят имя славян и русских; а прародителем «московских народов» был Мосох, упоминаемый в пророчестве Иезекииля, шестой сын Афета, внук Ноя, так что от него произошли Москва и вся Русь».

Над страницами киевского «Синописа» задумывались в XVIII веке М. М. Щербатов, выпустивший «Историю Российскую с древнейших времен в 7 томах. 15 книгах, и, разумеется. М. В. Ломоносов - великий русский патриот, автор «Древней Российской истории» в двух частях (1766), страстно защищавший в борьбе против так называемой

норманской теории самостоятельное развитие русского народа. В молодости Ломоносов совершил поездку в Киев. Случилось это летом 1733 года. Ехать мог через Калугу, Белев, Волхов, Карачев, Севск или через Тулу, Мценск. Орел, Обтуху (Оптуху), Кнубьх (Кнубрь), Чувардино, Дмитровку (Дмитровск), Севск. В любом случае не мог миновать древний край вятичей, где Илья Муромец, победив Соловья-разбойника, совершил главный свой подвиг. Около года будущий великий ученый провел на берегах Днепра. Ученье, начатое в Москве, продолжал в Киевской академии. Больше всего был занят изучением, как писал биограф М. И. Веревкин, «древних летописцев и других книг, писанных на словенском, греческом и латинском языках». Библиотека, основанная Петром Могилой (1596—1647), известным митрополитом Киевским и Галицким, была богатой, после пополнений, сделанных архиепископом Рафаилом Заборовским, тысячи томов насчитывала. Большой интерес вызвали книжные собрания Киево-Печерской лавры, Софийского собора, монастырских библиотек. Ломоносов мог видеть не только «Синописис» разных изданий, но и рукописи, положенные в его основание, подтверждающие древность русского народа. Находясь в центре Киевской Руси, Ломоносов получил большой заряд для размышлений об истоках русской культуры, о самостоятельности русской поэзии, о высокой роли в истории нашей Древнего Киева... «Синописис или краткое описание от различных летописцев о начале Славенского народа, о первых киевских князях, и о житии святого благоверного и великого князя Владимира всея Российского первейшего самодержца и его наследниках, дошед до благочестивейшего государя, царя и великого князя Федора Алексеевича самодержца всероссийского, в пользу любителей истории пятым тиснением изданное», — книга под таким пространством названием вышла в Санкт-Петербурге в 1762 году. Книга, повествуя о «начале древнего славенского народа, утверждает, что праведный Ной «по потопе трем сынам своим... определил: Симу сан Священства, Хаму иго работы, Афету достояние Царское, храбрость воинственную и расширение племени по имени его; Афет бо толкуется расширение, или расширителен». Далее — о земле, на три части поделенной. «И так оттуду ведати известно подобает яко Славенорусский Христианский народ имать начало свойственного родства своего от Афета Ноева сына, и честию благонароचितые породы своя. от него же яко от отца на своя чада ишедшего, от рода в род, аки неким венцем присноцветущия славы украшаем, величается. Далее о том, что «племя Афетово расширилось «на странах полуночных, восточных, полуденных и западных, прочих всех силою, мужеством и храбростью превзыде, страшен и славен всему свету бысть...»

Упражнясь в деле воинственном, наши предки «препитание и всякие потребьх свои» исполнили, и «от славных дел своих, неиначе же воинских, Славянами, или Славными зваться начата».

«Такожде, — продолжает автор «Синописиса», — и язык Славенский един от седмидесят и двух, от столпотворения по размещении языков ишедшим, им же даде Бог племени Афетову глаголати, от славы имени Славяном, Славенск наречеса». Князья носили имена Святослав, Мстислав, Ярослав, «припрятгарще к славе».

Храбростью и мужеством «крепко подвизающиеся» славяне воевали «противу древних Греческих и Римских Кесарей и всегда славную восприемлюще победу, во всяком свободе жиняху». Они помогали Александру Македонскому и его отцу Филиппу «покорити под власть света сего державу. Получили от Александра «грамоту на паргамине элатом написанную во Александрии. вольности и землю им утверждающ...» Август Кесарь, в парствование которого родился Христос, «не дерзаше с свободными и сильными славяны брани вести». Говорил: «Не подобает мне златою удицею рыбы ловити... Не хочу я больше изгубить, нежели обрести». Писал «одному из гетманов своих Лентулию», что «Славянов раздражать войною не дерзает».

Откуда русские? Из глубокой древности. Название достовернее всего «от рассеяния». Мосох. прародитель славянорусский, «по потопе лета 131 шел от Вавилона с племенем

своим». Лета 430-го князь Кий построил Киев. У князя были «гетман» Радим, Вятко, дулепа. От них — радимичи, вятичи, дулепы... Многие с интересом читали «Синописис». Внимательным читателем был еще один человек, имя которого Россия узнала через полвека с лишним после его кончины...

Майским утром 1700 года Андрей Яковлевич Хилков — ближний стольник Петра Первого, назначенный резидентом в Швецию, выехал из Москвы. Дорога дальняя — прибыл в Стокгольм 18 июля. Намерен был сразу же явиться к королю Карлу XII, но его дома не было: ускакал в город Ландскорн. Пришлось снова считать мили, а в каждой мили — десять верст.

Князь был молод, крепок телом и с виду пригож. Добрался до короля, который всю жизнь не слезал с коня. Передал его величеству нужные бумаги и повел искусно дело государево.

Все бы хорошо, да война случилась. И оказались люди русские вместе с резидентом своим в плену, под стражей строгой. На долгие годы растянулся плен. В Россию пришлось возвращаться в гробу. Тело князя 18 октября 1718 года привезли на галере к острову Аланту, оттуда в молодую столицу на Неве, там и погребли в монастыре Святого Александра Невского. Сотрудники Хилкова, делившие с ним плен, вернулись домой. Был среди них и тот, о ком речь впереди...

В 1770 году в Москве, при университете, иждивением книгопродавца и университетского переплетчика Христиана Ридигера была напечатана книга. На титульном листе было набрано: «Ядро Российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом князь Андреем Яковлевичем Хилковым в пользу российского юношества...»

Ученый Г. Ф. Миллер в предисловии описал род Хилковых и воскликнул в радости великой: «Коликакая сия честь, коликакая польза для России! Знатнейшие лица участие принимают в просвещении сограждан своих».

Выразил надежду, что книга «в недалгом времени требовать будет нового издания».

Так оно и вышло. «Ядро российской истории» через несколько лет повторили. Читатели открыли и ахнули:

на титульном листе стояло другое имя.

Оказывается, книгу написал не А. И. Хилков, а его секретарь Алексей Ильич Манкиев, умерший в 1723 году, деливший вместе с князем долгий шведский плен. Там-то в плену, в городе Вестерасе, и закончил свой труд на 400-й странице 7 апреля 1715 года. В последней главе А. 14. Манкиев описал «самодержавство царя Петра Алексеевича». До 1712 года довел. Признался, что славные дела государя «подробно исследовать и по достоинству описать надлежало», но автор, «будучи в Швеции в плену под жестоким арестом», «больше известий и записок не имел», а потому принужден «перо покинуть». Из Предисловия Г. Ф. Миллера можно заключить, что автор «Ядра...» имел у себя российские летописи, разрядные и родословные списки и в последние годы получал из России все, что требовалось.

А. Н. Пыпин высоко оценил «Ядро...», назвал его первой книгой по истории России после «Киевского синописиса».

«Ученость Манкиева, — писал он, — шире, чем у кого-либо из его предшественников.

Кроме твердого знания библейских книг, он хорошо знает географию, ссылается на целый ряд древних Источников...»

В первой главе упомянуты Ной и его сыновья: мы — от Афета или Яфета, у которого было семь сыновей. Мосох или Месех — родоначальник народов Московских, Русских, Польских, Вольтнских, Чешских, Мазоветских. Болгарских, Сербских и прочих, которые «словенский язык употребляют». Продолжая размышлять о происхождении русского народа, Алексей Ильич сослался на Библию, на пророка Иезекииля, который «в главах 38

и 39 князя Роса, Мосоха, Фовеля поминает». Перечислил Ксенофонта, Птоломея, Флавия и других, которые «сему согласуют». С гордостью писал о народе, который «начало свое ведет непрерывным порядком от Мосохачеловека, а не от притворных богов, как греки, персы и проч.». Зацепил римлян, которые «стыдились простого своего начатка и для того притворились, будто их народ от Ромула».

«А наши русские, славяне и прочие народы сарматские, — продолжал историк, — не летают по поднебесью для произведения предков своих, но истинною своею добродетелию не от богов, но от человека явно начало свое производят».

Мосох в переводе толкуется: растягивающий лук или расширяющий пределы. От него пошли россияне, роксоланы, россияны, Россия. От славы — многие имена.

«Российский народ, — писал Манкиев, — исстари в великом умножении и силе людей, изобилии и славе был...»

После вавилонского смешения языков предки наши ушли через Армянские горы и Скифские степи. У Черного моря селились...

О доблести и храбрости русских писали многие. Это мы громили в глубокой древности шведов, захватили для Новгорода медные церковные ворота. Мы разбили грозного Аттилу, помогали Филиппу Македонскому, а от его сына, славного Александра, получили грамоту, писанную золотыми буквами. «Одоакр, князь русский, — читаем в «Ядре», — взяв Рим, владел оным 14 лет».

Говоря о крещении Руси, А. И. Манкиев вспомнил Андрея Первозванного, который «чрез Черное море к устью Днепра-реки приплыл, а оттуда на то место, где наш Киев, пришел, на горах Киевских крест поставил, проповедуя там впредь быть благочестию».

Историк-патриот с уважением писал о Владимире Святом, крестившем Русь, воздавал хвалу Петру Великому, преобразователю Отечества. Его книга была в лад патриотической позиции М. В. Ломоносова, борца против засилья немцев в Академии. Один из них — Август-Людвиг Шлецер (1735—1809), сын пастора из Геттингена, ученик И. Д.

Михазлиса, профессора философии и восточных языков. Не зная русского языка, Шлецер приехал по приглашению Г. Ф. Миллера в Петербург (1760). Работал домашним учителем. Вскоре (1762) стал адъюнктом, затем (1764) профессором истории и наконец (1765) академиком. Начал карьеру (1761), представив в Академию наук «План занятий русской Историей», где заявил, будто русская история ведет начало с прихода Рюрика, что в древности русские жили «подобно зверям и птицам, которые наполняли их леса».

Характерными чертами той поры были мрак и беспробудное пьянство.

С резкой критикой «Плана занятий» выступил М. В. Ломоносов. Шлецер продолжал свое. Вернувшись в Геттинген, воспитал в том же духе сына Христина, и тот в 1810 году в Москве издал работу «О происхождении словен вообще и в особенности словен рос», где нашли выражение исторические взгляды отца.

2

«Праотцы Россиян есть славяне; первобытное их жилище, но токмо под другими названиями, было в Сирии и Финикии. Оттуда вышед, поселилися они в Пафлагонии, Колхисе и Каппадокии, а отсюда уже в разные стороны разошлись, и под разными именами основали себе жилища при Дунае, при Каспийском море, на Волге, в Польше, в Иллирии, на берегах Адриатического моря, в Германии и проч. От оных рассеянных Славян произошли многие, разного звания, колена...».

Это — начало «Нового ядра Российской истории» Ивана Нехачина, изданного в двух томах (1795) и в трех (1809). Автор продолжал дело А. И. Манкиева. Ссылаясь на неизвестные нам «Новгородские Записки», он говорил о древности русского народа. Христианство на Руси появилось «гораздо прежде великой княгини Ольги».

Как жили наши предки до IX века? Описать невозможно, а посему «довольно и сего знать, что они иногда были побеждаемы от Греков и Римлян, а иногда и им служили своей помощью и наводили на них страх и трепет». Около озера Ильмень, по Волхову жили Руссы, что на сарматском языке означает имеющие русые волосы. Старая Руса, их древний город, старше Новгорода, был в великой славе». Руссы, по словам историка, «переименованы в Россов, а Руссия... в Россию».

Иван Нехачин в числе источников использовал «Иоакимовскую летопись», которую принял В. Н. Татищев в своей «Истории Российской» и отвергли в наше время, отнеся ее в XVII век. Иоаким — новгородский епископ XI века, уводил в глубокую старину...

Что такое история?

«История в некотором смысле есть священная книга народов», писал в 1816 году Н. М. Карамзин, подчеркивая, что «имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска и Галича делаются любопытными памятниками и немые предметы — красноречивыми. Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами».

Карамзин создавал первые тома своей «Истории государства Российского», а в это время страсть к старине привела Г. Р. Державина к Александру Ивановичу Сулакадзеву, известному коллекционеру в Петербурге. О нем писали многие. В «Записках современника» С. П. Жихарева приведен рассказ А. Н. Оленина, директора публичной библиотеки. С усмешкой назвал Оленин черепки и бутылки, выдаваемые за посуду татарских ханов, найденную на развалинах Сарая, обломок камня, на котором будто бы отдыхал Дмитрий Донской после Куликовской битвы, «престрашную кипу бумаг из какого-нибудь уничтоженного богемского архива, Называемых... новгородскими рунами».

Державина интересовала «Боянова песнь».

— Пожалуйста! — сказал хозяин и подал ему свиток.

Поэт снял копию. В большой статье «Рассуждение о лирической поэзии или об оде» упомянул «недавнее открытие одного славенорунного стихотворного свитка I века».

Отрывок перевел:

Не умолчи, Боян, снова воспой:

О ком пел, благо тому.

Суда Велесова не убежать:

Славы Славянов не умалить.

Мечи Бояновых на языке остались:

Память Элогора Волхвы поглотили.

Одно воспоминание Скифу песнь.

Златым песком тризны посыплем.

В балладе «Новгородский волхв Злогор» волхва из рукописи Сулакадзева поэт объединил с преданием о происхождении Волхова.

Бывали у собирателя императоры Павел Первый и Александр Первый. Говорят, подлинные редкости он показывал избранным. Библиограф Ю. Д. Масанов, автор книги «В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок» (М., 1963), утверждал, что у Сулакадзева находилось немало ценных подлинных старинных рукописей. Но он усердно снабжал их приписками, якобы сделанными современниками описываемых в рукописях

событий».

Было у него, судя по каталогу, более двух тысяч древних рукописей.

Родился А. И. Сулакадзев в 1771 году в Рязанской губернии. Окончил Рязанскую гимназию. Знал языки:

латынь, древнегреческий, французский, немецкий, итальянский. Вместе с братом снимал копии с древних книг в Валаамском и других монастырях, вел раскопки в Новгороде, побывал на развалинах дворца татарских ханов в Сарае лет за сто до представителей Академии наук.

После смерти собирателя книги и рукописи хотел купить (1832) известный историк Н. Г. Устрялов. Вдова запросила 25 тысяч рублей. Покупка не состоялась. Продавали библиотеку отдельными партиями. Остатки поступили (1870) в книжную лавку Шапкина на Апраксинском дворе в Петербурге. Большую часть собрания купили библиофилы Н. П. дуров и Я. Ф. Березин-Ширяев. Часть рукописей хранится в главных библиотеках Москвы и Петербурга, Академии наук и других местах.

Одна из рукописей попала к А. А. Родных — автору «Истории воздухоплавания в России» (1912), где мы прочли:

«Самое древнее историческое предание, связанное с мыслью о летании по воздуху, относится ко временам Олега, князя Киевского, когда в 906 г. при взятии Царь-града была предпринята Олегом хитрость, и были пущены по ветру на воздух в неприятельский лагерь целые полки из позолоченной бумаги вооруженных людей на конях».

Летописец этот случай обозначил иной датой (907) и рассказал иначе: »И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли по полю к городу. Греки же, увидев это, испугались...»

Действие парусов на сухом пути Н. М. Карамзин назвал »баснословием».

Неужто более прав автор рукописи из собрания А. И. Сулакадзева, которого хорошо знал историк, тоже заказавший себе копию «Бояновой песни» (или гимна)?

В наши дни исследователь А. И. Асов на страницах журнала «Наука и религия» дал высокую оценку деятельности А. И. Сулакадзева, перевел творение Бояна:

Пьющие мед в гостных палатах
роды князя Словена Старого,
те, что изгнали лютую мглу
от Непры-реки,
слушайте песнь Бонна!
Будьте сынами своих отцов!
Нас роды гибнущие позвали —
мы снарядили коней и помчали,
строясь у княжьих рук.
Видит очами истину Бонн!

Боян, — пишет Асов, — эпический поэт IY века и ученик-послушеч князя-волхва Буса Белояра. От него пошла традиция прославления князей, ему подражал Боян, живший в XI веке, упоминаемый в «Слове о полку Игореве».

От Бояна узнаем, что был еще один Киев, основанный в Приэльбрусье тысячу триста лет назад Кием Старым. При описании звездного неба упомянута Чигирьзвезда, предсказавшая великое предначертание новорожденного князя Буса. «Так, по явлению Вифлеемской звезды (кометы Галлея) волхвы, среди которых были и славяне, определили место рождения Иисуса Христа».

Боян пел:

О Бусе — отце молодого волхва,
о том, как он бился, врагов поражая,
пел волхв Златогор.
Златогоровы гимны —
воистину вы хороши!
Он пел, как во глуби Сварги
Чигирь-звезда поднималась,
сияя светом зеленым.
И сорок волхвов-чародеев,
в стожары глядя, прозрели,
что меч Яра Буса
до Киева славен!

Подсчитано: 1700 лет исполнилось Бусу Белояру в 1995 году...

А. С. Пушкин гордился историей своего Отечества, высоко ценил творческий труд Н. М. Карамзина. Тем не менее, счел нужным в «Путешествии в Арзруме, говоря о встрече с А. П. Ермоловым в Орле, сообщить читателю: «Юн недоволен Историей Карамзина; он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа из ничтожества к славе и могуществу».

Однажды Пушкину в руки попала редкая рукопись, которой он зачитался. Мечтал ее увидеть изданной. Вышла «История руссов» Георгия Конисского, архиепископа Белорусского, в 1846 году. Совсем недавно (1991) мы увидели ее в репринтном повторении.

Можно представить, с каким вниманием и волнением поэт-патриот читал:

«Народ Славянский, происшедший от племени Афета, сына Ноева, назван Славянами по родоначальнику и князю своему Словену, потомку Росса Князя внука Афетона. Он, переселясь из Азии от времен Вавилонского языков смещения, стал обитать от гор поясных или Рифейских и от моря Каспийского на Востоке, до реки Вислы и моря Варяжского на Западе, и от Черного моря и реки Дуная от Полудни, до Северного океана и Балтийского моря на Севере. Доказательством тому есть История Преподобного Нестора Печерского и его последователей и предшественников, ту Историю писавших, кои все были Академики или Члены того главного училища, которое во Славянах заведено было в городе Киеве Кирилом, философом Греческим, скоро по введении туда религии Христианской. А взята она из книг Священным библией и из древней обширной библиотеки, в Киеве собранной, но в нашествие варваров и бывшие рюаны погибшей...»
Кроме книг, доказательством «означенных пределов Славянских», служат, как утверждает «История руссов», «опустелые города и развалины, Славянским языком называемые, и надписи, их литерами и наречием писанные на камнях, кладбищах и статуях каменных». Такие свидетельства были обнаружены в степях Крымских, Заволжских, в Тамани. Готы, гунны и другие народы «были перехожие чрез Славянскую землю». Историки Птолемей, Геродот, Страбон, Диодор и другие приписывали нашим предкам «древность самую отдаленную, за 1610 лет до Рождества Христова известную». Рассказывали, что славяне, ведя с соседями войны, «зашли и переселили колонии свои за реку Дунай до моря Адриатического в Иллирии и от гор Карпатских до реки Одра; а на западных берегах Балтийского моря оселили всю Померанию, их наречием так названную».

Кстати, о названиях. Восточных славян историки называли скифами или скитами за кочевую жизнь, руссы, или русняки получили имя по волосам, варягя — за хищничество, болгары — за жительство на Волге, печенеги — за то, что «питались печеною пищею». Поляне жили в полях, древляне — в лесах. Тех, которые «езживали верхом на конях и верблюдах и чинили набеги», прозвали козарами. Это же название «получили, наконец, и

все воины Славянские, избранные из их пород для войны и обороны отечества». Помогали козары и грекам. Козаками прозвал их Константин Мономах, греческий император. Потомки Афета назывались «по Князю Русу, «Роксоланами и Россами, а по Князю Мосоху, кочевавшему по реке Москве и давшему ей сие название, Москвитами и Мосхами: от чего впоследствии и Царство их получило название Московского и, наконец, Российского».

Так считал автор «Истории руссов» Георгий Конисский (1717—1795). Впрочем, впоследствии авторство стали приписывать другому. Этим другим оказался Г. А. Полетика (1723 или 1725—1784). В предисловии говорится, что Полетика получил рукопись от Конисского, уверившего его, что История сия «ведена с давних лет в кафедральном Могилевском монастыре искусными людьми», что нужные сведения получены от ученых мужей Киевской академии и «разных знатнейших Малороссийских монастырей, а паче тех, в коих проживал монахом Юрий Хмельницкий, а прежде бывший Гетман Малороссийский, оставивший в них многие записки и бумаги отца своего, гетмана Зиновия Хмельницкого».

В предисловии обозначена и роль Полетики: сличил рукопись «со многими летописями Малороссийскими». Автор предисловия подверг осмеянию «учебную историйку», написанную под влиянием польских и литовских «баснословцев», будто при Днепре была «некаясь земля», названная «Украиною», что на ней учреждены были польскими королями «Украинские козаки; а до того сия земля будто была пуста и необитаема, и Козаков в Руси не бывало». Сочинитель «робкой историйки не бывал нигде, кроме своей школы, и не видал... Русских городов, самых древних или, по крайней мере, гораздо старейших от его Королей польских...»

Упомянуто в «Истории руссов» и крещение при князе Владимире, и путешествие апостола Андрея Первозванного, «приплывшего кораблем из Черного моря и рекою Днепром к той Киевской горе, которая и по основании Киева всегда Андреевским холмом называлась, и на которой после создана во имя его церковь. Сей же Апостол рекою десною был тогда в Новгороде Северском, благовестил Евангелие и почудился употреблению тамошних народов бань своих...»

«История руссов» увлекла Пушкина. Автор «Полтавы» решил написать историю Украины. Начал в 1831 году. Очерк, сохранившийся в бумагах, представлял собой пересказ отдельных мест из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского. В периодизации событий Пушкин пошел за автором «Истории руссов...»

3

Егор Иванович Классен (1795—1862), по происхождению немец, русским подданным стал в 1836 году. К этому времени получил образование в Архитектурном училище Экспедиции кремлевского строения, послужил канцеляристом, имел честь входить в Комиссию по коронации Николая I (1826), в чине коллежского секретаря стал преподавателем, а затем секретарем совета и попечителем Московской практической коммерческой академии, написал ряд научно-образовательных работ. За труды свои получал ордена и другие награды. В 1854 году в Москве, в университетской типографии выпустил книгу под таким пространственным названием: «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяноруссов до рюриковского времени в особенности, с легким очерком истории руссов до Рождества Христова». К моменту выхода книги автор уже был статским советником, доктором философии и магистром изящных наук. Славяне — самый древний народ в Европе. Подтверждение этому Е. И. Классен нашел в именах русских, в названиях сел и городов, в легендах и преданиях, в трудах давних историков, в надписях на могильных камнях. В свою книгу он включил в собственном переводе труд Фадея Воланского «Описание памятников, объясняющих славяно-русскую

историю».

Славянский язык был народным, родным на обширных пространствах земли: от Каспийского моря до устья Лабы (Эльбы), от Урала до Адриатического моря. Славянские надписи были обнаружены на камнях Нумидии, Карфагена, Египта. Читаем со ссылкой на Геродота: «Славяне не уступали своим соседям в науках и искусствах, напротив того, опережали их». Геродот говорил, что «кроме Анахарсиса, он не знал ни одного великого мужа, который бы родом не был скиф». Скифы — наши предки. Сарматы — то же самое. «Греки, — читаем у Классена, — по сделанной однажды привычке называть народ произвольно придуманным ими именем — Скифами, продолжали употреблять это название и тогда, когда уже он им известен был сперва под прозвищем орматов (сарматов), а потом под другим, грозным для Византии именем Руссов, державших греческих императоров в постоянном страхе и неоднократно приводивших их в трепет». В 480 году до Рождества Христова с черноморскими скифами воевал Дарий. Плиний писал о Великой Скифии, идущей от Дона на восток и север. В трех верстах от Симферополя была скифская крепость Неаполь. Так что Крым — край наших далеких предков. Скифы «сидели до самого дуная», ранее жили в Египте. Греки называли скифами древлян, северян, радимичей, вятичей, хорватов, дулебов, суличей, тиверцев. Никто из историков древности, в том числе Геродот и Птолемей, не знал настоящих границ Скифии. Смутным было представление о так называемой Сарматии, которая в Европе «заклучала в себе всю Восточную Пруссию, часть Польши, всю нынешнюю европейскую Россию и придунайские земли». Земли руссов долго еще называли сарматскими. А сарматы, как выяснилось, «говорили венедемским языком, который есть наречие славянского». Были славянами и яциги (в «Велесовой книге»: языги), жившие у Азовского моря, и аланы, руксоланы и другие. Свои выводы Классен подкреплял мнением видных историков, надписями на памятниках древности. Римляне называли руссами сербов, скифы себя — сколотами. «Сколоты», — писал Классен, — слово русское. В великороссийском наречии сколоты значит хлопоты, сколотин — хлопотун. Впрочем, есть речка Сколотка в Харьковской губернии...» «Скифы, — делает вывод историк, — было только прозвище этого Народа». Писал же Эратостен, умерший в 196 году, что скифы получили это название от понтийских греков.

«По какой же причине, — размышлял Классен, — скифов вдруг не стало и на их местах очутились одни сарматы?»

Все это произошло оттого, что народ остался на том же месте, но явился только под другим именем».

Сарматия была больше, чем Скифия. Племя аланов потом выделилось и образовало государство Аланию в пределах Франции, «прочие сарматы преобразились в славян». Народы, по словам историка, «не могут, как снег, таять от солнца», «сарматов не было, как не было скифов». Были славяне. Слово «сарматы» вышло от сыромятных кож, которыми торговали наши предки. «Во многих местах Малороссии, — отмечал Классен. — и теперь называют сыромятников — сырмате, а мастеров дубленых кож — кожемате». Славянский род «старше всех прочих родов в Европе, ибо условием для размножения племени служит время, и чем многочисленнее племя, тем оно должно быть и старее». В Европе славяне жили очень давно под именем венедев. За две тысячи лет до Рождества Христова они поселились на берегах Балтийского моря. Уже во времена Птолемея писали о великоруссах. Уже была Великая Россия!

«Племя Руссов Савнейских, — читаем у Классена, — мы встречаем при Соломоне, царе Иудейском; Руссов же мы находим при защите Трои».

Славяне были на высокой степени развития. Об этом говорят такие примеры, как упомянутый Геродотом скиф Анахарсис, причисленный греками к семи мудрецам, литейное и резное искусство, горные работы на Карпатах, Славянский туннель между Постом и Буддином. изобретение первой стали и огнива в Панновии, турниры в Италии. Прибалтике и Киеве и, наконец, древнейшая письменность: писали на деревянных

дощечках.

«Славяне имели обычай, который и доселе большею частию сохраняется, называть своих соседей по местоположению их жительства; так образовались прозвища загорцев, подгорцев, нагорцев, поречан, заречан, брежан, поморян, залесян, древлян, озерян, лукоморцев, украинцев... Кроме того, существует у славян другой обычай: называть своих собратий по их промыслам или по носимой ими одежде и обуви... Греки передали и эти названия под видом отдельных народов... Скифы признаны уже новейшими учеными всех народов за славян».

«Откуда родом этруски? В них, — утверждал Классен, — мы признаем уже, несомненно, Русских Гетов, или козаков, о которых говорят Стефан Византийский и Ливий, как о чистых Славянах, сохранивших при переселении родовой славянский язык.

В горах Азии, на склонах Гиндукуша жили парси — сильный и воинственный народ. Пахали землю, сеяли хлеб, водили скот, торговали. Парси — прародители таких знаменитых Народов, как финикийцы, карфагеняне, эфиопы, египтяне, фиванцы. Делились на четыре касты, как скифы. В Индии до сих пор «сохранился небольшой народец», называемый парсами и сберегший древние верования. Обретение санскритских письмен «не только открыло всю внутреннюю жизнь индийского народа, столь богатую развитием человечества, но и заставило по сходству этого языка, преимущественно с славянским, полагать, что Славяне откочевали из Индии в Европу».

До санскрита был зендский язык: название от заглавия древней книги «Зенд-Авеста».

Язык, названный зендским, был родственным и для санскрита, и для славянского.

Особенно много сходства с польским языком. Книгу назвал Классен богатым родником для славянской истории. Название «Зенд-Авеста», или «Зведашта», означает:

«Жизнедатель», «Жизнедавец», т. е. Творец Вселенной. Сочинение состоит из разговора Зороастра с Богом о законах, служащих руководством для людей. Зороастр (в переводе — Зердест) жил, по словам Аристотеля, за 6000 тысяч лет до Платона и, по мнению других писателей, за 5000 лет до разорения Трои или за 2000 лет до Рождества Христова. Родился он в городе Гдани (Классен предполагает, что речь идет о данциге, вернее славянском городе Гданске). В древней книге были названы места выселения парси. Тут угадываются и озеро Балхаш, и Ницца, и Македония, и берега Днепра, и Чехия, и Азиатская Турция, и Балтия. Древняя книга бросает свет на широкое расселение наших предков. Великая книга, достойная самого пристального изучения.

Славянским племенем назвал Е. И. Классен легендарных троянцев.

Историю Трои описали Дит и Дарий — участники битвы. Оба утверждали, что троянцы не знали греческого языка. Троянцам были известны живопись, механика, музыка, комедия и трагедия. Греки же, утверждает Классен, «знали только грабительскую войну, ее зверства и хитрости». Язык, на котором написана «Илиада», распадается на семь говоров. Неужели Гомер создавал это произведение на семи наречиях? Видимо, «Ликург, собрав эти переводные отрывки в семи разных городах греческих, составил из них, как только возможно было, одно целое». Со временем забылись имена переводчиков. Города стали спорить, откуда родом автор. Кто же он?

Классен обратил внимание на то, что четыре сына Приама, царя Трои, носили славянские имена: Троил, Дий, Самбор и Парис. Самбор повторяется среди князей венецианских, моравских и хорватских. Парис — это, видимо, Борис. Да и сам Приам напоминает слова «приемленный, Приятный». Руссы во время осады Трои были в союзе с троянцами. Под командой Антифа (Антипа) прибыли на помощь на 30-ти кораблях. Видимо, помогали соплеменникам. Надгробный памятник Энея говорит, что троянцы были руссы. Франки, выселенцы из Трои, построили город Руссийон, то есть возведенный Русью Илионскою. Во Франции немало мест, носящих славянорусские названия.

Так кто же автор «Илиады»? Классен, давая высокую оценку мастерству автора, называет его Бояном, т. е. русским певцом-сказителем. «Тропа Трояна», «земля Трояна» упомянуты в «Слове о полку Игореве». Речь идет о Трое! Предположение более чем смелое. Но ведь в

«Слове» донныне есть неясные места. Мы привыкли считать себя молодыми. даже И. С. Тургенев пустил в свет крылатую фразу: «Мы — народ молодой и сильный». Ан, выходит не такой уж и молодой, коли и язык имеем богатый, и культуру великую.

Как и Ломоносов, верил в давнее происхождение своего народа III. Е. Забелин — автор «Истории русской жизни с древнейших времен» (М., 1876) Немецкая наука, по его словам, «вообще не большая охотница до Славян», «отделила весь наш южный край от Карпатских гор и до самого Кавказа для Германского населения, которое будто бы здесь господствовало с глубокой древности и потом уже перешло дальше на запад. Об этой истине постоянно напоминал сам великий Рихтер, великий немецкий патриот. Но и задолго до него немецкая ученость постоянно тоже утверждала, что «от Рейна и до дона — все Германия».

Французская ученость, «не имевшая никаких политических народных счетов с Славянами, относилась к их истории более научно».

Славяне — древний народ, в Европе живут, как греки и немцы, очень давно. Польский историк Иоахим Лелевель, цитируемый Забелиным, писал, что «такой великий и многочисленный народ, как Славяне, не приходит, но только на месте возрастает.

Прибытие его, по всему, следует отнести ко временам, близким к Ноеву ковчегу... Народ этот очень многочислен, но тогда носил совсем иные названия». Был убежден и наш знаменитый В. Н. Татищев, что этот народ «без сомнения так стар, как все прочие».

За 450 лет до Рождества Христова нашу страну описал Геродот. Он странствовал в устьях Днепра, Буга и Днестра, «многое видел собственными глазами, еще больше собрал рассказов и слухов». Свои записки читал потом на Олимпийских торжествах. Греки слушали с восторгом.

«К сожалению, Геродот, — отмечал Забелин, — вовсе не знал нашего далекого Севера. Он рассказывает только о южных краях Русской Земли и говорит, что в его время вся эта страна была заселена народами, которые одним именем прозывались — Скифами... По его описанию, собственная Скифия была именно та страна, где впоследствии сосредоточилось движение Русской Истории».

Скифы-оратаи жили там, где ныне Киев. Они сеяли хлеб не только «для снеди», но и на продажу. В краю между Днепром и Бугом Геродот видел медный сосуд, вмещавший шестьсот ведер, сделанный из остроконечий стрел. Царь, желая узнать, сколько у него народа, велел каждому скифу принести по одному остроконечию. Вот и получился громадный сосуд-памятник.

Выше оратаев жили нурвы, или нуры. О них ходили слухи, что они — волшебники, будто каждый нур ежегодно на несколько дней превращается в волка и потом опять становится человеком. Подобные легенды записывал Добровольский в Смоленской губернии в конце XIX века.

Во время похода персидского царя Дария, рассказывал Геродот, нуры вынуждены были оставить страну «по причине чрезвычайного множества змей, которые напоззли к ним из верхних степей».

«Не это ли самое предание, писал Забелин, — держится и у первого нашего летописца. что Радимичи на Соже и Вятичи на Оке пришли в те места от Ляхов. то есть вообще с запада от Ляшеских Славянских племен...»

Нет оснований для опровержения той истины, что переход нуров — источник предания, которое «через 1500 лет еще было памятно в Киеве во времена Нестора». Геродот по этой причине может называться летописцем Русской Истории: ведь он первый рассказал о «колониаторском движении Славянского племени на Восток».

Скифы были воинственны и отважны. Их не могли победить соединенные силы персов и греков. Со скифами-гетами, жившими на Дунае, сталкивались Филипп Македонский и Александр Великий, его знаменитый сын. В той же Гетской пустыне скифами был захвачен македонский царь Лизимаха со всем его войском. Впоследствии эта пустыня была страшной для римлян и греков.

После Геродота сведения о наших предках стали краткими и неточными. Греки-торговцы видели нашу страну почти до самого Алтая». Когда образованную Грецию сменил Рим, наши края «снова покрылись Киммерийским мраком». Из Рима трудно было что-либо разглядеть. Историки Страбон и Тацит отказывались описывать наших предков, современников Христа.

Куда делись скифы? Предполагают: частично были истреблены сарматами, частично слились с ними или ушли назад в Азию. Исчезли и роксоланы. Возможно, после войн с готами и гуннами поспешили «соединиться с родичами своими Аланами».

«При владычестве Римлян, — читаем у Забелина, — сия наша страна была известна под именем Сарматия». Там, где писалось скиф, сармат, «следовало бы сказать Славянин, Днестровец, Днепровец».

Сарматию описывал Птолемей, собиравший сведения из книг знаменитой Александрийской библиотеки и от путешествующих купцов. На древних картах его географ ин упомянуты вельты и боруски. (Вспомним борусов из «Велесовой книги».) Главнейшим народом севера названы алауны. «Это те же Ставаны или Славяне», — поясняет Забелин.

Страна мало походила на кочевую, варварскую. В IV веке писатель Мариан Гераклеяский между Вислою и доном насчитал 53 значительных города. Население занималось земледелием и вело торговые дела. Греки, армяне и евреи теснились в городах и «наживались под покровительством здешних варваров».

Господствовали в этих краях первые три века новой эры роксоланы. Время аланов и печенегов еще не пришло. Роксоланы получали от Рима дань в виде даров, субсидий, стипендий. Птолемей «при источниках Дона» указал два памятника, назван их жертвенниками один — Александра Македонского, другой — Кесаря. Показание Птолемея Забелин привязал к «Книге Большому Чертежу», где «действительно значит, что ниже впадения в Дон реки Быстрой Сосны, на которой стоит теперь город Елец, на Дону существовала <Донская Беседа, каменный стол и каменные суды (сосуды)>. Жертвенник Кесаря можно «приурочить» к Тихой Сосне, при устье которой в XIV столетии митрополит Пимен во время плаванья вниз по Дону видел «столбы каменные белые».

Странствуя по векам минувшим, Забелин пожалел, что наш Нестор был мало знаком с письменностью латинской и греческой, с народными песнями и сказками. Тогда бы имели мы славную историю знаменитых скифов под именем славян.

Готов, живших в IV веке, изобразил народом грозным и сильным их историк Иордан. И пространства занимали великие, и побед одержали немало. От Черного моря до Балтийского, утверждал историк, раскинулось их царство...

Какими были гунны? Внимательно читая готского историка Иордана, И. Е. Забелин все более находил у них сходства с нашими предками. Грозный царь их Аттила напоминал славного князя Святослава. Пир на могиле Аттилы точно такой, как тризна княгини Ольги над убитым Игорем. Было — славяне и гунны воевали в одном строю.

Иван Забелин был большим патриотом своего народа. С верой в его древнейшее происхождение написана «История русской жизни» и другие труды, в том числе «История г. Москвы» (1902), где упомянут легендарный Мосх, сын Афета, внук праведного Нон... Однажды в Москве (1852) с 14. Е. Забелиным встретился И. С. Тургенев. Был май. Сияли на солнце купола кремлевских соборов. Писатель слушал историка, а в июне из Спасского писал Аксаковым: «Я в Москве много говорил с Забелиным — который мне очень понравился: светлый русский ум и живая ясность взгляда. Он водил меня по кремлевским древностям».

В том же письме, несколькими строками ранее: «Я эту зиму чрезвычайно много занимался русской историей и русскими древностями; прочел Сахарова, Терещенку, Снегирева... В особенный восторг привел меня Кирша Данилов. Ваську Буслаева считаю я эпосом русским...»

Писатель, только что закончивший «Записки охотника» — главную книгу жизни, еще находился во власти этого труда. Он усилил изучение души родного народа. Знакомство с И. Е. Забелиным переросло с годами в отношения дружеские. Когда вышел первый том забелинского труда «домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» (1862), Иван Сергеевич попросил Ивана Егоровича прислать ему за границу эту книгу. Позднее нашел чрезвычайно интересной брошюру «Скифские могилы. Чертомлыцкий курган» (1965), собирался напечатать перевод наиболее интересных мест с фотографией знаменитой серебряной вазы, найденной и описанной Забелиным.

Тургенев не занимался раскопками, но своим стихотворением в прозе «Русский язык» выразил уверенность, что «нельзя не верить, что этот язык не был дан великому народу». У великого народа — великая история...

«Под сводом хрустального неба» (СПБ, 1913) — книгу под таким названием написал Даниил Святский, житель Орловской губернии. В ней поместил свои «очерки по астральной мифологии в области религиозного и народного мировоззрения». В одном из них («О северном происхождении Троянских преданий») выразил сомнение, что Генрих Шлиман обнаружил остатки Трои. Опираясь на труды немецкого ученого Эрнеста Краусе, указал, что ядро гомеровских сказаний заимствовано греками от древних предков — арийцев, «принесших его с глубокого севера на самой ранней заре человеческого рода». Краусе опирался на Веды — древнейшие священные книги индусов. Польский писатель А. Немоевский согласился с Краусом и заявил прямо, что «мифология богов Гомера вылеплена из той самой глины, что и богов Вед». Тацит упоминал, что «Одиссей был отнесен западным ветром в Германию, где ему был посвящен алтарь». Страбон обращал внимание на упомянутые в эпосе белые ночи. Краусе пришел к мысли о северном сиянии. Он же привел легенды о Трояне — герое народных сказаний индусов, персов, германцев, славян. У славян Елена — девица света, Троя — мрачное царство, оставленное Богом. Троян, упомянутый в «Слове о полку Игореве», это — «мифический образ, заимствованный от болгар», «в этом имени имеются отголоски о Троянской войне». В очерке «Следы северного влияния в Библии» Д. Святский на основании Вед и трудов ученого Тилака пришел к выводу, что арии оказали влияние на Библию. В книге пророка Исаяи один из героев, возгордясь, говорил в сердце своем: «Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой, и сяду на горе в сонме богов, на краю севера...» В книге Пова Бог «распростер север над пустотою, повесил землю ви на чем». Там же «поставил престол Свой, распростер над ним облако Свое». В другом месте (глава 38) упомянуты «хранилища снега» и такое явление, как: «Воды, как камень, крепнут, и поверхность бездны замерзает». Все это — приметы севера, на краю которого собирался возгордившийся герой воздвигнуть престол, чтобы стать подобным Всевышнему.

4

Черное море, называемое когда-то Русским, темнело, шумело и глухо вздыхало за бортом корабля, набитого людьми.

Они покидали Родину.

Настроение было, как в пору библейского потопа. Иван Бунин, член Российской академии по разряду изящной словесности, будущий Нобелевский лауреат, вспоминал: «Пароход, конечно, окрестили Ноевым ковчегом... За стенами была непроглядная ночь, горами, без толку, без смысла, ходило мрачное, ледяное, зимнее море. В черные стекла ливнем летели брызги, лепило мокрым, белым снегом. Свистел, крепко дул ветер, холодное дыхание которого то и дело чувствовалось в дымном, жарком и уже вонючем воздухе низкой столовой, все-таки радовавшей своим светом и теплом, тем уютом, которого так первобытно жаждет человеческое сердце, еще помнящее страхи древней жизни, пещерных, свайных дней... Вдруг я совсем очнулся, вдруг меня озарило: да, вот оно что —

я в Черном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец, даже если и случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине!»

Наверное, те же чувства испытывал покинувший Россию тогда же, в двадцатом году двадцатого века, Юрий Петрович Мироллюбов, бывший денкинский офицер, в душе поэт, историк, страстный собиратель родной старины. Однажды в детстве он выпросил у матери денег на коньки, а сам пошел на край села к старушке-гадалке. Предложил ей деньги и уговорил погадать. «Юна, — вспоминал впоследствии, — повела меня за хату во внутренний двор, чтобы не видели с улицы, поставила ведро так, чтобы в нем отразилась луна, и сказала: «Ну, поглядим!» Стала что-то шептать беззубым ртом, потом сказала: «Бачу я много чего... Так, в городе учишься, в школе, потом в другой, в третьей, в четвертой и пятой. Кончишь, будешь думать, что уже выучился, а придется все равно всю жизнь учиться! В чужих краях будешь жить... На чужой жене женишься два раза... Будет большая война, много народа погибнет, сохрани Господи, перекрестилась она, — а ты уцелеешь... За морем счастья мало. Мало его и дома. Умрешь спокойной смертью, а много раз тебя смерть будет звать, но всякий раз отпустит».

Многое угадала. Учился Юрий, сын священника, а по матери из казаков запорожских, в разных гимназиях из-за переездов отца, начинал в духовном училище. был студентом Варшавского, затем Киевского университетов. Учился на медицинском факультете, отлично знал химию, а душа тянулась к песням старинным, легендам, сказам, к тому, чего с пяти лет наслушался от девяностолетней бабушки Варвары, нянчившей отца и деда, от сменившей ее Захарихи, сказительницы. Пала на сердце давняя-давняя языческая Русь, уцелевшая в народных обычаях и праздниках православных. Учитель Т. П. Попов горячо поддержал и даже «внушил... потребность записи разных преданий, песен, сказок и пословиц». Книга записей, сбереженная в годы великих потрясений и скитаний, очень пригодилась.

Потрясения начались с германской войны, на которую он ушел добровольцем. Смерть вороном черным закружила над головой. Революция привела в ряды вооруженных сил Центральной Рады на Украине, бросила в огонь братоубийственной гражданской войны. В Киеве, в застенках ЧК погиб отец, всю жизнь отпускавший людям их вольные и невольные прегрешения. В бою с красными погиб Николай, штабс-капитан, один из троих братьев Мироллюбовых. Оказавшись на чужбине, все чаще вспоминал Юрий наказ Николая.

— Напиши, обязательно напиши, — советовал он, — книгу о князе Святославе, избавителе Руси от хазар.

Наказ брата был выполнен не сразу.

Весь 1921 год Ю. П. Мироллюбов провел в скитаниях. Оказавшись в Египте, он устроился было в экспедицию в Центральную Африку, но едва ступил на берег знойного континента, как заболел. Вышел из госпиталя и поехал в Индию, оттуда в Турцию. В Стамбуле разыскал русского консула, получил от него разрешение на переезд в Прагу. Там поступил в университет. Профессор Д. П. Вергун стал его лучшим собеседником. Говорили о корнях славянской культуры, о древних русах. Студент показал свои записи от старых людей. Профессор высоко оценил их и посоветовал изучать славянское прошлое.

Изучение продолжалось в Бельгии, куда переехал Мироллюбов. Брюссель приютил его надолго. Работал в химической лаборатории Лувенского университета, на предприятиях металлургической промышленности. В свободное время изучал славянскую старину. Внимательный читатель чужих трудов на русском и других языках, он обдумывал свои. Собирался, делая записи, рассказать «про древнюю русину», «про русину землю», «про хату русу», «про карпат гору», «про русу степовую», «про князя Кин». Не забывал обещанное брату Николаю — написать про князя Святослава.

Однажды в Брюсселе Ю. П. Мироллюбов встретился с художником Али Изенбеком. Федор Артурович, — назвал он себя именем, полученным после крещения в

православную веру. — На войне за единую — неделимую Россию был полковником-артиллеристом, командовал Марковским дивизионом у Антона Ивановича. Теперь рисую картины, расписываю ткани.

Вспомнили Родину, где Изенбек выучился на художника, ездил в составе археологической экспедиции на раскопки в Среднюю Азию.

Заговорили о старине.

— Хочу написать о Святославе, храбром князе нашем, — поделился Миролюбов давней мечтой.

— Так в чем же дело? — живо отозвался пылкий Изенбек. — Что мешает взяться за перо?

— Отсутствие оригинальных источников, — вздохнул Миролюбов. — Без них, как без рук. Не могу почувствовать язык эпохи, заглянуть глубоко в прошлое.

Понятно.

Прощаясь, художник пригласил своего нового знакомого в гости.

Миролюбов охотно согласился. В назначенный день явился в дом, где снимал квартиру Изенбек. Жил тот одиноко. Никто не мешал им наговориться вволю.

— Не угодно ли взглянуть? — предложил Федор Артурович.

И подвел гостя к двум кожаным мешкам, стоявшим в углу. Юрий Петрович, волнуясь, развязал один из них, заглянул и, как потом вспоминал, «онемел».

— Откуда это у вас? спросил.

«Изенбек сказал, — читаем в «Биографических заметках» (Миролюбов Ю. П.

«Сакральное Руси». Собрание сочинений в двух томах. Т. 1. м., 1996. Учебное пособие), — что в 1919 году я разгромленной помещицьею усадьбе под Орлом он нашел кучу небольших дощечек с выщарапанными на них письменами на непонятном, как ему кажется, славянском языке».

Сам Миролюбов писал: «Я взял дощечки и поразился! Они были, несомненно, на славянском языке, на каком-то архаическом, что даже слов нельзя было разобрать. Сразу было видно, что это многолетняя давность».

дощечки были сильно исцарапаны, испорчены, одинакового размера: в длину — 38 см, в ширину — 22, в толщину — 6—7 мм. На каждой — две дыры для шнура, нарисованы прямые параллельные линии, а под ними — буквы, как в санскрите или хинди. Были они вдавлены в древесину острым стилем, во вдавленные места втерта краска, затем все было покрыто чем-то вроде лака. «Буквы, — писал академик Ю. К. Бегунов («Мифы древних славян», Саратов, 1993), — были плотно прижаты друг к другу без интервала... Алфавит дощечек особый, нигде более не встречающийся: примитивная кириллица с добавлением нескольких неизвестных букв».

Потрясенный Миролюбов стал ходить к Изенбеку как на работу. Хозяин, уходя, запирает гостя на ключ. Юрий Петрович не обижался. Он трудился. Внимательно изучая написанное, вернее — нацарапанное чем-то острым на дереве, он переносил каждый знак на бумагу. «Я смутно чувствовал, — рассказывал потом, — что я их как-то лишусь, больше не увижу, что тексты могут потеряться, а это будет урон для истории».

Так и вышло. В упомянутых нами «Биографических заметках» читаем:

«В 1941 году во время оккупации Бельгии немцами скоропостижно скончался Изенбек.

Поскольку он не имел семьи и родственников, присмотр за квартирой умершего полиция поручила хозяину дома, в котором он жил. Лишь через несколько недель после смерти Изенбека было установлено, что все свое имущество, состоявшее главным образом из картин, он завещал Миролюбову. Прибыл на квартиру Изенбека, Миролюбов с ужасом обнаружил, что дощечки исчезли. Возникло подозрение, что хозяин дома, имевший ключи от квартиры, использовал дощечки для растопки плиты».

Высказывал Миролюбов предположение, что драгоценные дощечки были «изъяты гестапо вместе с 600-ми его картинами». При изъятии мог присутствовать некий П. Пфейфер, русский, работавший в Брюссельском университете ассистентом в Византийском отделе факультета русской истории и словесности у профессора Экка. Он интересовался

дощечками и даже предлагал свою помощь в расшифровке, был членом фашистской организации, которая занималась этнокультурными исследованиями в нацистском духе, устраивала экспедиции на Тибет, собирала исторические реликвии на оккупированной территории. Дощечки Изенбека, названные впоследствии «Велесовой книгой», могли сохраниться в архивах этой организации, могли попасть в руки советского командования и оказаться среди тайных трофеев в Москве...

В 1936 году в жизни Ю. П. Миролюбова произошли два события: закончил многолетнюю расшифровку дощечек Изенбека и женился на женщине, которую называл «маленькой Галичкой». Годом ранее начал свой «Сказ о Святославе Хоробре, князе Киевском», завершив его в сорок седьмом. Одновременно писал стихи, рассказы, статьи, трудился над книгами, которые, как и «Сказ», остались при жизни неопубликованными.

Самозабвенно работал Юрий Петрович над прочтением древнейшего памятника русской литературы. Текст, начертанный смесью кириллицы, глаголицы и рунического письма, захватил. Теперь, казалось, открыт путь к языку, на котором говорили в конце языческого периода Руси. Переписанный оригинальный текст вместе с переводом и фотографиями нескольких дощечек был отправлен в Сан-Франциско (США), в Русский музей, где секретарем работал бывший генерал Белой армии А. А. Куренков, печатавший свои статьи под псевдонимом А. Кур. Он-то и поместил в ноябрьском номере (1953) журнала русских эмигрантов «Жар-птица» заметку «Колоссальнейшая историческая сенсация».

Супруги Миролюбовы собрались в дорогу и пересекли океан (1954). Не трудно догадаться, что встречены были с радостью. Вскоре Юрий Петрович уже сидел за редакторским столом. Казалось, наступил его звездный час. Но — странное дело: публикация бесценного текста началась лишь в 1957 году и то малыми порциями с примечаниями А. Кура. Миролюбов к этому времени, заболев тяжелой формой артрита, оставил редакцию. Журнал, еле сводивший концы с концами, закрылся (1959), успев опубликовать сто строк из дощечек Изенбека. Памятник, названный его горячим сторонником Сергеем Лесным (Парамоновым) «Велесовой книгой», а под пером других исследователей ставший «Велесовой книгой», не спас «Жар-птицу». В своем большом труде «Русская мифология» Ю. П. Миролюбов писал:

«Нами не раз были упомянуты в этом труде «Дощки Изенбека». Мы не касаемся ни их определения, ни характера их языка, который сильно отличается от всех известных нам записей X и других веков, но мы можем сказать наверное, что текст содержит учение язычества, воспоминания минувших особенно ярких событий прошлого нашего народа, имена его вождей и призывает на защиту земли русской всех, кто считает себя потомками Русколани, государства, бывшего где-то на Севере, и где главным городом был Голунь... Есть еще в «Дощках Изенбека» и некоторые мифы, которых мы нарочно не касались в наших трудах, считая, что ими должны заниматься другие, а не мы. Мы вообще не хотели публиковать тексты «Дощек Изенбека», потому что такие публикации всегда вызывают дружное возмущение всех, кто даже «Слово о полку Игореве» считает подделкой. Критиков мы боялись, потому что обладаем незапятнанным именем, и не желали бы его делать нарицательным в устах невежественных людей. Не желали мы публикации текста и из политических соображений, ибо наличие этих текстов может быть использовано нашими политическими врагами, большевиками. Однако судьба решила иначе, и тексты будут опубликованы А. А. Куром, который сопровождает их своими объяснениями... Серьезное изучение как языка «Дощек», так и их содержания, исторического значения, или религиозного, вероятно, придет значительно позже, когда улягутся «страсти». Этим мы хотим сказать, что никаких, слишком радикальных выводов из текстов мы лично не делаем и считаем, что сделать их можно будет лишь значительно позднее, когда ученые привыкнут к документу».

Первые ученые, что познакомились с текстом и переводом Ю. П. Миролюбова, уверовали раз и навсегда в подлинность дощечек Изенбека. Историк А. А. Кур (Куренков) написал большую работу «Из истинной истории наших предков», в которой смело поставил

«Велесову книгу» в один ряд с трудами известных ученых древности. Сергей Лесной, его соратник, послал одну из фотографий дощечек в Москву, в Советский славянский комитет.

— Что-то скажут на Родине! проговорил с радостью и надеждой.

Надеялся, что соотечественники обязательно захотят увидеть то, что прочел и перевел Миролюбов.

Этого не случилось. Едва фотография попала в руки академика В. В. Виноградова в 1960 году, как судьба ее была решена. Уже в февральском номере журнала «Вопросы языкознания» появилась статья Л. П. Жуковской «Поддельная докириллическая рукопись (К вопросу о методе определения подделок)». Торопливость была вызвана явно под влиянием политической обстановки в России. «Белоэмигрантская подделка, опубликованная пособниками фашистов» — таково было определение памятника», — читаем в примечаниях А. И. Асова к изданной им «Велесовой книге» (М., 1994) в собственном переводе. «Просто сейчас, — пишет Асов, — осуждать ученых, выполнивших тогда чье-то указание. Л. П. Жуковская, например, упоминала о запросе из КГБ на одном из своих публичных выступлений в доме ученых».

Спустя годы обстановка переменялась, а страсти вокруг «Велесовой книги» не улеглись. Миролюбов, находясь за океаном, оба удара — непризнание дощечек Изенбека и болезнь — принял мужественно. Ловил вести из России и, садясь за письменный стол, размышлял о той, что увидел глазами детства, узнал по рассказам старых людей, полюбил всем сердцем.

Творил, создавая образ родного народа, самого древнего и самого талантливого на земле. Видел широкую, как у Гоголя, степь казачью, отца — то в храме перед иконами, то на весенней пашне, залитой солнцем. Слышал вновь и вновь голос бабушки Варвары, вобравшей в память свою тысячелетний опыт Руси.

И слетались к нему ангелы воспоминаний, окрыляя душу.

5

Размышляя о древности человека в книге «Риг-Веда» и язычество», Ю. П. Миролюбов писал:

«В легендах и сказаниях мы находим образ исчезнувшего допотопного мира то в виде дракона, ползущего по земле и изрыгающего дым и пламя, то в виде дракона крылатого и многозубого».

Человек был свидетелем первого ледникового периода четвертой эпохи, то есть около 600000 лет назад.

В поисках корней ученый обратился к «Риг-Веде» — древнейшему памятнику индийской культуры. Остановился на разных переводах, выбрал самый надежный. Заранее предупредил:

«Мы далеки ведь от ведического мышления, для того чтобы к нему подойти, надо сразу же, с самого начала сказать себе, что они абсолютно непохожи на библейское религиозное мышление и что в нем надо искать символы другого порядка, чем в Библии. Беда, если и является ведической Библией, то ее составители искали не законодательства, не моральных установок, а божество, скрывающееся за явлениями материального мира. Рациональное мышление библейских составителей если и искало абстрактного Бога, то представляло его, как Иегову, наказывающего за грехи, с которым Израиль заключил союз. Ведийцы союза не заключили с Богом, «кочему мудрые дают многие имена», а обращались к нему, как к своему другу, пращуру, с которым себя считали в родстве. Союз, таким образом, заключать не требовалось. достаточно было поддерживать религиозные, родственные отношения с ним. Индра был с ведийцами в дружбе. Они обращались не потому, что боялись наказания, а потому, что он был их избавителем, защитником в борьбе против Зла! Если встать на эту точку зрения, сразу станет понятным,

почему ведийцы так много величали своего Бога и славили его. Они славили Того, Кто неизменно, всегда приходил им на помощь».

Слово «веды» в чешском языке означает «знания», «ведать» — по-русски «Знать». «Риг» у славян «рог животных», у немцев «рог» — «рожь». «Риг-Веда» переводится как «Пища духовная». Состоит она из 1028 гимнов, а сохранилась благодаря ее чтению в разных богослужениях. Индоевропейскую религию в долину Инда принесли с северо-запада арийские кланы. В жертву приносили творог, молоко, масло, животных. Верили в Единое Существо, называя его разными именами. Обращаясь к Богу, не тянули его «в человеческие дела», не впадали в упрощение. Ища Бога, человек поневоле строил свое понятие о нем, исходя из своей жизни, которая становилась материалом для «лестницы к Небу». Вся жизнь ведийцев была подчинена религии. Чтобы понять язычество наших предков, надо заглянуть в давнее прошлое, «в самую глубь его, когда индоарийские мужи жили примитивной религией Арии. Сквозь туман промежуточного периода блужданий в азиатских степях по воле кочевой жизни, стад и пастбищ сияет перед нами отдаленное прошлое, воспетое Бедами. Священные гимны арийцев, родственные греческим, показывают нам ясную красоту примитивных верований пращуров. Вместе с тем мы видим сквозь эти гимны другое прошлое, еще более раннее, где высота культуры была несомненно значительно большей. Это был, вне всяких сомнений, особый мир... Оттуда идет идея Единого Существа».

Пережив катастрофу, арийцы не могли вернуться к прежней чистоте религии. Образовался надлом. В «Риг-Веде» видны «колебания от многобожия к единобожию». Однако здесь играет роль мышление арийцев. Оно было метафорическим, аллегорическим, символическим. Большое место занимала природа. «Пастухи Семиречья, а затем Ферганы, Дзунг-Арийских степей и Пенджаба, — эти арийцы были прямо лицом к лицу с творящими силами природы, чужды абстрактному представлению семитов и видели воочию божественное Творчество, признавали его наяву, будучи наедине с Богом, в степях, где волнуются, бегут синие дали и где весь мир — храм, в котором сама природа зажигает свечи-звезды и украшает цветами горы-алтари... Они видели божественное не сухим, измеряющим, отвлеченным взором, а живыми глазами и детски-чистым разумом. Бог или боги не одинаковы для семитов и арийцев. Если для первых это сухой, абстрактный Законодатель, для арийцев — это друг, друзья, дивы дивные, не беспощадно наказующие, а дружески поддерживающие человека в его религиозном младенчестве. Боги арийцев полны братской, сестринской, отцовской и материнской Любви, Защиты, Помощи и Всепрощения. Их боги — божественные герои, борющиеся со злом. Они — Сила, Вечное в вещах преходящих, то, что не убывает, когда сами вещи убудут. Этот творческий, Живой источник Правды, Живы бьет всюду и во всем. Он — Сила, Здоровье, Красота, Радость, Мудрость, Поэзия и Жертва, Богослужение и Песня, Танец и Дружба, Обожание...

Там — Огонь Вечности и Ключ, там Живая и Мертвая вода. Славянские идеи и арийско-ведические одного корня. Оттуда — Навь, Неведомое, что находится за Порогом Жизни, грозит Живущему, «дабы сделать ему Существование драгоценным». Над Навью сияет Златой Мост — Индра-Солнце, ведущее в Рай. Где Небо, а где Земля? Ариец не видит разницы между ними. Небо любяще прильнуло к Земле. Солнце ласкает ее. Ведийцы — дети Бога. Чем далее уходят во времени Предки, тем больше они сливаются с божеством. «Смерть — уход во время, сливающееся с пространством... Так скачущий вдаль всадник, исчезающий в степях — пространстве, становится символом исчезновения, и смерть теряет свою страшную силу».

Миролюбов вспоминал, как на Юге России в гражданскую войну умирал старик.

— Оборвалась Злата Цепь и больше этой Цепи не будет, — говорил он.

Дед плакал. По его мысли, от первых дней мира до настоящего была установлена Цепь языческой традиции, которую «умственные люди» передавали от одного к другому.

Революция эту традицию нарушила.

Вспоминалось услышанное и ложилось в строку. Дед на хуторе к северу от Екатеринбургослава уверял: «В старику люди грамоте знали! другой грамоте, чем теперь, а писали ее крючками, вели черту Богови, а под нею крючки лепили, и читать по ней знали».

«Только теперь, вспоминая эти слова, — отмечал писатель, — приходится думать, что дед говорил правду. Санскритские надписи пишутся именно так, что ведется черта, а под ней ставятся разные крючки. Как могло сохраниться такое тысячелетней давности воспоминание — не наше дело отвечать, а что оно означало, мы понимаем. Вероятно, жила еще традиция... Знали такую традицию немногие, но упорно ее передавали другим». Изучая «Риг-Веду» и другие Веды, Миролюбов почувствовал «прямую связь между тем, что написано в них, и тем, что говорится «старыми людьми». Вспомнил родную Юрьевку и храмовый праздник, в основе которого было языческое Сварожино. Рыли ров на площади перед церковью, в огромном котле варили «страву». Избранные народом на год дед и баба с поклоном выдавали ее каждому, наполняли тарелки, говоря: «На здравие, шоб долго жили!» На траве — скатерть, а на ней — кружки с медом. В мед запускались дрожжи. Пустые тарелки никто не трогал: тут были места умерших за год. По этому случаю резали на заре тучного бычка. Ели, возвратясь из церкви. «Заворожный дед» руководил празднеством. Баба приходила на дом ругать мужика за плохое обращение с женой. Легонько таскала за чуб. Виноватый, склонив голову, говорил: «Так, мамо, так!» «Почему это именно сохранилось в Юрьевке? — спрашивал Миролюбов и отвечал: — думается, оттого, что ближайшая станция железной дороги была верстах в ста, а Днепр с его пароходами находился в пятидесяти верстах, если не больше. Городская «культура» с ее пьянством и развращением юрьевцев не коснулась. Они остались вне ее влияния, как бы застыв на целую тысячу лет в своих традициях».

Хата была образом укрытия, символом спасения. Осенью говорили, что «птица летит в Ирий». Рассказывали детям:

А та Птица всем птицам Птица!

А куда она летит, туда и все.

А летит она в Ирий славный,

А перо у нее не простое,

А золотое.

Народные сказки сделали из этой птицы Жар-птицу. Голубь — символ Святого Духа в православной вере. Аист, голубь и ласточка на Юге России считались священными. Вероятно, из-за их любви к купанию. «Часто можно видеть аистов в воде, стоящих на одной ноге, а затем бьющих крыльями по воде, и ласточек, купающихся вечерами, как и голубей». Древние славяне чтили Купалу: был он Богом Омовения, плодородия, плодов, изобилия. чистоты душевной и телесной.

Омовение было одновременно богослужением...

В реке купаться не разрешалось до Зеленых Святок. Последние совпадали с Троицей. В этот день все украшали зеленью. К обеду подавали жареного ягненка в зелени на зеленой траве. Ели зеленый борщ, пироги с мясом и укропом, зеленым луком, петрушкой. Полы укрывали толстым слоем травы. В церковь шли с веткой зеленой в руке.

«Разве эти три дня не были воспоминанием о пастушьей жизни Бед?» — восклицал Миролюбов.

Ранее Зеленых Святок были Пасха, Красная Горка, Радуница.

Красная Горка — день Весны. Славяне в этот день «украшали какой-нибудь холм или гору, если же ее не было, то насыпали холм, украшали его цветами. К этому дню приурочивались свадьбы. «Свадга» — жрец связывал молодых, как сейчас священник. В этот день, как только встанет Заря и покажется Огненный Воз Солнца, запряженный Золотыми Конями, славяне запевали гимн Дажь-богу, Яро и Хоросу. После этого —

«брышна» — еда и питье. Потом — катанье разноцветных яиц в зеленой траве. Ходили на могилы к родителям... На Красную Горку люди ликовали, обнимали друг друга и целовались. Яро-Бог танцевал в полях, среди цветов, и голова его зарастала цветами. Летели пчелы — священные насекомые. Мед и воск тоже священны. Из свечей рождались к ночи огни.

Осенью был праздник Овсень. Потом «Борей начинал студить землю, Сивый продолжал, а Лютич (приблизительно в нашем феврале) лютыми морозами прожигал все живое. Только Благий Яро приходил, и тогда все оживало. Его славяне любили... Он же был Богом счастья и радости. Ладо был Богом мира и любви. Лель был Богом детей. Он начал их колыбели... Вечером он зажигал звезды в небе, чтобы дети не боялись и чтобы взрослым было видно».

Миролюбов был убежден, что главная масса религиозных обычаев православия пришла из язычества. Наши предки верили, что «на том свете» люди землю пашут, сеют хлеб и снопы кладут, что там никто не плачет и не болеет, там нет ни зла, ни горя.

Такой край, по словам Миролюбова, искали варанги — скандинавы, разыскивая легендарную Гардарику. Нашли Новгород и Киев, двинулись к Царь-граду. Славяне тоже искали, искали «Райскую страну».

«Революция, — писал Миролюбов, — была вызвана поисками устройства «земного рая».

Как всегда, перед взором людей мерещится что-то лучшее, чем их текущая, реальная жизнь. Все оттого, что они смутно чувствуют разницу между реальным и истинным.

Славяне знали эту разницу, у них был ключ для открытия этой тайны, ибо они знали Явь, Навь и Правь.

Славяне верили в загробную жизнь иначе, чем верят в это христиане. Они считают, что «там есть все, что и здесь».

Почему в славянской религии так много мистицизма? Миролюбов предполагал, что «мистика лежала в самом характере славян, особенно у русских. Даже православие — одна из чистых форм христианства, насквозь проникнута мистикой. Ей бы неоткуда было взяться, если бы русские, потомки славян, не обладали склонностью к ней.

Но ее сущность — это ощущение божества везде, всюду, вокруг. «О Индра, твое тело больше мира!» — восклицает ведический поэт. Раз тело Индры больше мира, значит, сам мир находится в Индре! Таков источник мистицизма славян. Они себя считали живущими внутри божества...»

«Златая Цепь, связывающая славян-русских с предками, оборвалась, — писал с горечью Миролюбов, — оборвалось и богоискательство... Но тот солнечный фундамент, который был в основе русского народа, обнажился и, вероятно, переживет революцию и еще будет питать своими соками детей нашей страны. В нем есть идея:

связь с Богом, происхождение от него. Эта идея, может, примет другие формы, но она не оборвется, потому что она выдержала тысячи лет испытания и всегда возродится вместе с родными обычаями».

Славяне верили в одного Бога — Творца и Вседержителя так считали греческий писатель Прокопий и германский Гельмольд, жившие один в IV, другой в XII веке. Верили в одного, но давали Ему разные имена. «Само слово «Бог», Бга — санскритского происхождения», — утверждал Миролюбов. У славян, как писал А. Афанасьев, «все верования и воззрения на природу были поэтическими». Принимая Бога как красоту и источник красоты, они, по словам Миролюбова, «идущие по прямой линии от ведизма, сохранили в своей религии поэтическое представление о Боге».

Далее: «Может быть, славяне получили свое название не от мифической богини Славы, а оттого, что, будучи среди ведийцев наиболее склонными славословить и благодарить Бога, свели все богослужение к гимнам». Далекое языческое прошлое дошло до наших дней в виде христославов и калядников. Славяне пели, кидаясь в сечу. Пели, возвращаясь с битвы. Пели славу князьям при князьях, царям при царях. Слава стала синонимом храбрости и геройства. Известные своей храбростью славяне составляли гвардию

аварского хана. Они пришли в Европу уже в VIII веке до Рождества Христова. С их приходом в ассирийской армии появилась конница. Арийцы научили ассирийцев конному делу, были в авангарде их войска. Монархи Ближнего Востока, в том числе персидские, пали...

Славяне имели письменность до Кирилла и Мефодия. Не мог Новгород — торговый город, обходиться без нее. «Мы знаем об этой письменности лишь то, читаем у Миролюбова, — что она велась «на дощках» березового или иного дерева с выжженными на них словами. Записи могли быть руническими или близкими к санскриту».

Славяне отличались добротой и трудолюбием. Это они, по словам немецкого историка Гердера, «с любовью возделывали землю», занимались ремеслами, искусством, строили на берегах Балтийского моря города (Любек, Амстердам и др.), в Германии (бывшей Славии) разрабатывали рудники. Соединили Черное море с Балтийским, были щедры, гостеприимны до расточительности, любили сельскую свободу; враги разбоя и грабежа, не стремились к владычеству миром.

6

Продолжая размышлять о наших корнях, Миролюбов с радостью подхватил утверждение славяноведа И. Жунковича, что славяне были пранародом Европы и населяли ее от Атлантического океана до Средиземного и Черного морей. На этом пространстве образовались Англия, Франция, Испания, Швейцария, Тироль, Италия, Германия. Срезневский находил славянские корни в названиях рек и местностей Европы. даже свастику немцы взяли у славян. О сходстве характеров кельтов и славян писали Джон Принс, Шафарик, Корш и другие ученые.

Как образовался культ? Отвечая на этот вопрос, в книге «Русский языческий фольклор» Миролюбов привел рассказ, услышанный в Юрьевке:

«Когда жили на свете деда дедов и прадеды прадедов, когда прадеды пращуров и щуры щуров пасли скотину в степи далеко, далеко от нашего края, тогда жил Батько Орий, а у него было три сына: Кий, что сделал Киев, Хорув, что живет на Полдень, а от него хорваты пошли, да Щек, от кого идут чехи. И пошла тогда земля трястись...

Хльхнула вода великая, затопила степи, к горам подступила. И тогда упал Орий на колени и стал просить:

— Солнце, Солнечко красное! Может, ты — Бог?

— Нет, я не Бог, — ответило Солнце, — а есть выше меня, тот — Бог.

Обратился Орий к горе с тем же вопросом и услышал тот же ответ. Спросил Тучу Белую, Ветер Быстрый, Звезду Утреннюю, Месяц Красный, дерево Зеленое, Птицу Быстрокрѣхлую, Траву Высокую, Быка Непорочного, Корову Ялову. И услышал все то же: «Нет, я не Бог!..»

И упал тогда на лицо свое Орий.

— Боже! — вскричал. — Ты, который не Солнце, не Месяц, не Трава, не дерево, не Птица, не Гора, не Бык, не Корова, ничто, помилуй нас! Спаси нас от Воды Великой, не дай загинуть ни скоту нашему, ни нам!

И тогда остановилась вода прибывать, перестала земля трястись.

Вернулось тепло, травы выросли новые, земля вышла из воды.

«Так Щуры Щуров и Пращуры Пращуров научились в Бога верить!»

Где находится душа до рождения человека? «Вправи с Богом, отвечали юрьевские старики. Это «надо понимать, как существование до рождения в некоем Божественном Plane, на котором находится и Бог. Душа в этом состоянии, как младенец безгрешна».

«Бог, — говорила одна старушка, — отделяет от себя души, как зерна от колоска, как пшеницу из снопа, и она, эта пшеница, летит в жизнь и вертается к нему».

Предки верили, что наша душа не только бессмертна, но и «преждевечна», как и Бог.

Однажды в детстве, когда Юрию было лет семь, бегал он с деревенскими мальчишками у мельницы. Дед Крушан горевал, что ветра нет. Потом посмотрел на ребят, подумал и попросил:

— Потанцуйте да спойте «Стриба»! дети сошлись в кружок и заплясали, кружась и выкрикивая:

Стрибу, Стрибу, подобрей,
на крупчатку нам повеи...
Повеи, Стрибу, нам из неба,
треба нам на завтра хлеба!

Дед угостил ребят хлебом с медом, затем отпустил крыло на своей мельнице — и оно пошло. «Стриб безгрешных детей слушает», — объяснил ребятам.

Стриб, или Стрибог — хозяин ветра. Дед Крушан в это верил, как верили наши давние предки.

На Днепре жила бабка Ульяна, знаменитая тем, что лечила травами и умела кровь останавливать. Когда на нее фельдшер донес земскому начальнику, она и его вылечила от застарелого ревматизма. На баштане, за Антоновкой, жил дед Канунник, солдат турецкой войны. Если у кого что пропало, то шли к нему. Он указывал, где спрятано, а вора не называл, «не хотел брать человекоубийства на душу». Много было удивительного в старой деревне. В Антоновке ревматизм лечили, стегая крапивой по больному месту. душистыми травами пользовались. По ночам, при луне бродили девушки над водой, русалкам жаловались на неверность женихов, букеты цветов бросали.

«Русский народ, — читаем у Миролюбова, — особенно любил свою Землю. Уезжая куда-нибудь, он молился, потом все садились на лавицах, сидели молча минут пять, а затем отец или мать вставали, выходили на двор, пока остальные продолжали сидеть, и возвращались с горстью Земли, взятой со двора: «Вот бери и храни Родную Землю!» Сын брал Землю в чистый платок и завязывал его узлом. Этот узелок путешествовал в сундучке со всеми иными вещами с ним повсюду. Если дела указывали путь в дальний край или же даже за границу — хотя русский народ неохотно покидает свой родной край, — передача земли приобретала особенно торжественный характер: землю давали наравне с иконкой, крестиком и платочком «на память»... Материнское благословение и горсть земли были той святыней, которую человек, уезжая далеко, увозил с собой... У моего деда, например, был тяжелый серебряный крест, в котором была земля с прадедовского поля... Часто и теперь, за границей, в изгнании, приходится видеть при отпевании того или иного человека, как какая-нибудь старушка дрожащими руками развязывает узелок родной земли и кладет на гроб усопшего. Я знал одного донского казака, у которого была одна вещевая сумка с донской землей. Кроме этого у него буквально ничего не было, и, ложась спать в Константинополе, он клал свою сумку под голову со словами: «Ну, слава Богу, на своей земле спать будем».

С большой любовью к родной земле писал Ю. П. Миролюбов, с пристальным вниманием к далекому прошлому русского народа. В книге «Материалы к преистории русов» он с гордостью писал о военном искусстве предков, побеждавших как римлян, так и греков. Они умели стрелять из лука на полном скаку, метали на далекую дистанцию копье, в атаке имели меч в правой руке, кинжал — в левой. Писатель подчеркивал, что «русы неоднократно жили высококультурной жизнью, и это обстоятельство диктовало их поступки, неизвестные в жизни других народов». Многотысячелетнее существование русского народа, идущее в глубины преистории, доказывал в своих трудах историк Драгомиров. Так называемое «признание варягов» — выдумка. Забыт, к сожалению, дорюриковский период Руси. «Что можно сказать о хазарском иге, под которым страдала Русь в течение по крайней мере двух веков? — спрашивал Миролюбов и продолжал: — Хазары постепенно внедрялись в Русь, ее захватывали. В то же время норманы

захватывали Новгородские земли».

Хазарское иго было жестоким. Внедрялось «весьма ловко и тихо, без войны и даже без столкновений». Сначала хазары «ставили свои фактории и устраивали стражу при них». Потом увеличили охранные отряды. Заводили свою администрацию. После десятка лет оказывалось, что «все принадлежит хазарам, и что без их воли нельзя ничего делать. К этому времени оружие уже было отобрано у населения, а всякий способный военачальник истреблен». Итиль и Саркел — главные города тюрко-еврейской Хазарии, «были двумя огромными складами товаров, а также богатым рынком рабов». Рабов продавали в Византию, Персию и другие страны. «Если бы не Рюрик. Русь бы погибла и обессилела окончательно. Рюрик поднял ее и вдохнул в нее новую силу сопротивления».

Арабские путешественники считали славян (русов) потомками Мадея — сына Яфета, сына Ноя. За 500 лет до Рождества Христова выходцев из земли Русов называли греки «фракийцами Великой Фракии», позже — «скифами Великой Скифии», еще позже — «сарматами». Скифом был легендарный Геркулес. Таких воинов, как русы, еще не видала земля. Если они перейдут Дунай, то неизвестно, как с ними драться, чтоб их победить. Лучше откупиться. Так и поступали римляне. Русы их стали презирать. Наши предки «ставили выше всего общие интересы, хотя не забывали и своих». «У них дело каждого является делом всех», — говорил Прокопий Кесарийский. Современный ученый Андрей дикий в книге «Неизвращенная история Украины — Руси» критиковал «норманскую теорию» Шлецера и других немцев-академиков, с которыми боролся М. В. Ломоносов, чей архив в России загадочно исчез.

«По свидетельству объективных немецких историков, — писал Дикий, — славяне были щедро одарены эстетическим вкусом, музыкальными и художественными способностями, были они высококультурны и глубоко нравственны, хотя и не исповедовали христианской религии. Они никогда не лгали и относились к ближнему с истинно христианской любовью. Пленные у них содержались с домочадцами и спустя некоторое время обязательно отпускались на свободу. Сейчас, на основании новейших исследований, можно утверждать, что наши предки имели свою письменность, так называемые «Руська Письмена». С ними ознакомился св. Кирилл (Константин-философ) во время своего пребывания в Крыму, и, надо полагать, что именно эти «Руська Письмена» были впоследствии св. Кириллом и Мефодием положены в основу их алфавитов «кириллицы» и «глаголицы»...»

Принято считать, что первоначальная летопись была написана иноком Нестером. Но эта летопись «до нас не дошла». Она «с другими историческими документами была увезена в Польшу (1018—1019) Болеславом Храбрым, тестем и союзником Святополка Окаянного». Документами имели возможность воспользоваться Стрыйковский, Длугош и другие ранние польские историки. Мы — древний народ. Это подтверждают находки археологов и мифы славян.

«Несмотря на авторитетное мнение ученых, отрицавших эпос на юге России, — писал Ю. П. Миролубов в «Русской мифологии», — нам посчастливилось собрать великое множество не только отдельных выражений, пословиц и песен эпического содержания, но и множество сказов о древнейшем времени».

«Великое множество» дало возможность написать «Русский христианский фольклор», «Славяно-русский фольклор» и другие книги.

И в каждой не уставал вспоминать увиденное-услышанное.

7

Вспоминалась Ю. П. Миролубову жизнь под могучим влиянием Священного писания и народных преданий. В Юрьевке сойдутся бывало старые люди на вечерние посиделки да и

проговорят до утра.

— А мы тех братьев помянем, — говорила Марья Гулиха, с кем росли сами, по траве бегали зеленой, снежками кидались, с кем в поле трудились... А мы тех сестер помянем, с кем росли вместе, кукол нянчили, вместе играли, карагоды водили, а с кем старились. А мы отцов, братьев помянем, кого слушались, с кем в поле работали... А мы дедов помянем, что нам жизнь дали...

Поминали Бога-Отца и Христа, Сына Божьего.

Верили, что Тот Свет — продолжение Этого Света.

«На юге солнце греет рано, становится жарко, и в мае уже земля иной раз так высыхает, что яровица начинает желтеть, — читаем в книге «Русский христианский фольклор». — В такие дни нужно дождя, и обычно, когда подходила последняя минута, за которой уже было прямое бедствие, народ собирался к батюшке и просил пойти крестным ходом по полям. Наутро, по зову колокола, все собирались в церкви и выходили с крестами, хоругвями и иконами в поля. Священник с псаломщиком в сопровождении хора пели молебен о даровании дождя. Все время повторялись слова: «Даждь дождь земле жаждущей, Спасе!»

Под именем Спаса понимали Христа...

Чтили Богородицу, пели про Лазаря, про Марию Египетскую, про князя Владимира, крестившего Русь. Ждали, как Пасхи, праздника Петра и Павла. В этот день отец шел к заутрене, все чинно следовали за ним, потом слушали обедню. Домой к обеденному столу возвращались вместе с хором. В зале был молебен. «Многая лета!»

гремело. За столом гости получали по рюмке лимонной водки, по куску пирога и по тарелке бульона. Затем подавали бараний бок с начинкой, картошки в петрушке, еще по куску пирога, по второй рюмке, по стакану вина. Взрослых сменяли дети.

После праздника, «полного летнего зноя, трезвона, песен и музыки», был перелом лета, начиналась страда. Люди «тащили бремя труда, вставая до зари»...

Но вот «призрак осени встал над деревней. Небо темнело, а вода в реке темная рябилась, и камыши грустно шелестели. Ласточки целыми стаями учили молодежь, летая с ней над рекой... Скворцы, воробьи садились на деревья, стрекотали немолчно, точно советуясь перед осенним перелетом. «Воробьи хоть и остаются, — говорил Пахомыч, — да и те собираются. Скворцов отряжают в теплый край. Слышь, советы подают!»

Мальчику делалось страшно при виде уходящего лета. Уезжая учиться, он глядел в окно вагона и думал: «А что, если этого всего не будет, и жить буду где-то, не дома?..»

Предчувствовал я тогда, что все уйдет и что больше никогда не повторится, и так мне стал мил всякий пустяк домашний, всякий сучок дерева в отцовском саду, так отчаянно полюбил я всю Россию, что решил, что Россия — это отец, мать, дом родной, сад, поля, деревня, город, куда еду, вагон, люди, все это — Россия. Как же быть-то без всего этого? И решил снова в душе, что жить без России нельзя!

Так и теперь тоже думаю. И ничто мне моей земли русской заменить не сможет!»

да и чем заменить такую природу, такие предания, таких удивительных людей? В Антоновке, Юрьевке и Анновке слышал не раз: «По ему Ангел плачет», когда осуждали человека за плохое поведение. Особенно если наносит оскорбления в пьяном виде, «тем более родителям». Шел один такой человек однажды вечером и увидел прекрасного юношу: он плакал, закрыв лицо руками. Подошедший спросил: «Кто тебя обидел? Скажи, я ему покажу». Юноша открыл заплаканное лицо и грустно покачал головой: «Вряд ли ты сможешь его наказать!» — «Как? Я да не смогу? Говори, кто?» — «да ты же сам. Я твой Ангел-Хранитель. Разве можно так жить, как ты живешь?»

Мужик Касьян говорил детям:

«Что бы ни делал, а сам думай о Боге! Идешь в поле — думай о Нем, идешь с поля — тоже думай о Нем. Увидишь, что Христос будет с тобой, и Божья Мать тоже, а Святой Николай Чудотворец будет рядом с Ангелом-Хранителем, и один поведет тебя за правую руку на дороге, а другой за левую. Никогда никакое зло, ни демон, ни злой человек тебя

не коснутся! А случится что, сейчас же зови Ангела-Хранителя: «Ангел мой, Хранитель, помоги! Святой Никола, защити! Богородица, Дева, Христос-Бог, сохрани меня и помилуй!» И увидите, что все будет хорошо».

Рассказывал, как однажды ночью со станции шел:

«Иду, темно, хоть глаз выколи, ничего не видно. Жутко, думаю: «А чего же ты боишься? Справа тебя Господь Иисус Христос, а слева Богородица, а впереди Ангел-Хранитель, а позади Николай Угодник!» И так стало мне весело на душе, что и дорогу видеть стал, и шаги крепче стали, и тропинку в хлебах нашел».

Звездными ночами любил Касьян выйти на двор, встать на колени, лицом к востоку, и молиться, глядя в зенит.

«Надо мной Церква Божия, — говорил, — и много в ней свечей перед Престолом Бога-Отца зажжено! Над речкой вдали туман, как ладан, встает, а икона Божия — все Небо». Так же думал он и в поле, идя в хлебах...

«Много было таких людей... Они еще помнили, что Царь-Освободитель дал им волю, и все крепко держались православной веры, исполняли родные обычаи, ходили в церковь, жили по вере Христовой».

«Самое главное в христианской религии, — продолжал Миролюбов, — это учение о любви к ближнему и помощи, которую всякий должен оказывать другому ради Христа. Эти моральные истины были ценнейшим вкладом для русского народа, доброго в обычной жизни, трудолюбивого и терпеливого. Можно сказать, народ наш впитал в себя Евангелие, как подлинную Благую Весть, и даже церковный звон назвал Благовестом, связывая его с Евангелием. Таким образом, народ понял, что главное содержание христианства — Евангелие».

В старой деревне редки были случаи безнравственного поведения, половой распущенности, воровства, убийств. Девушки содержали себя в чистоте. Если кто поднимал руку на родителей, того называли «поганым», с тем не водились.

дед Минай славился праведной жизнью. Однажды запряг коня и уехал поклониться Святым местам. Вернулся через год.

— Откуда? - спросили.

— Из Иерусалима.

— Туда же морем надо!

— А я по суше. Сначала на Тифлис поехал, потом в Батум, оттуда через армянскую землю в арабскую, в город Багдад, а там рукой подать до Бейрута. Люди останоят, лопочут что-то по-ихнему, а я им на небо укажу и ко лбу руку приложу, они сейчас же мне хлеба дадут, сыра ихнего. Видят, что бедно одет, взять с меня нечего... Был я и в Назарете, и в Вифлееме. Там много монастырей наших, монахов русских, паломников. Все ходят, вздыхают, Богу молятся...

Деда Гармалия в девяносто лет правнуки под руки в церковь водили. Бывало сидит на возу и учит мужиков:

— Надо каждый день делать Христову работу, думать про Бога, держать язык, чтоб не сказать грешного, держать руки, ноги, голову, чтоб не сделать грешного, добрый и ласковый к детям, он любил их гладить по головам. А Захару, запойному пьянице, костлявым пальцем грозил:

— В пекле будешь гореть! За то, что детей, как сирот, по миру пустил! За бабу твою, что слезы выплакала, померла, сердешная, раньше времени, отвечать будешь!

Перед самой войной по Антоновке слух прошел, что дед увидел на небе всадников, предсказанных в Апокалипсисе: они были на конях — черном, рыжем, вороном и бледном. Гармалий, стоя у церкви, воздел руки к небу:

— Господи, отведи чашу гнева от нашей земли!

Всадники продолжали скакать по небу.

— Страшный суд близок! — кричал старик. Некогда веселиться, некогда смеяться. Плакать придется многим. Гибель идет!

Правнуки подхватили его под руки, усадили в телегу почти силком и увезли домой. Люди были поражены. «Видел! Дед Гармалий сам видел! — повторяли, расходясь по домам.

Многие стали чаще ходить в церковь. Жили, как перед бурей. И она грянула...

Скончался он в полном сознании. Попросил выгнать баб, «чтоб не выли».

В радости, — сказал, — хочу отойти к Отцу моему Небесному!

Со свечой в руке, в чистой рубахе лег под образа...

— Он был, как плод Христов, созревший и не перезревший, — сказал священник. — Ни пятна на нем, ни тени. Чистый человек!

У нас, православных, как у предков-язычников, «смерть не является окончательной».

Мертвые живут «иною, еще неизвестной нам Жизнью». Мы называем их усопшими, т. е. заснувшими. Отсюда так велика роль сна. Размышления об этом да еще власть воспоминаний, которые, возможно, сильнее смерти, привели Миролюбова к тому, что он «переступил... грань необычного».

«В ночной мгле, — описывал он то, что увидел во сне накануне Пасхи, увидел я дома, деревья, людей нашей деревни. Слышу звон колокола, к Светлой Заутрени и вижу толпы людей, идущих с узелками к церкви, дрогнув сердцем, пошел я за ними. Небо сияло множеством ярких звезд. На востоке чуть посветлело, и алая полоска вспыхнула у самого края земли. Люди все теснее сходятся, несут узлы с пасхами, крашенками, всякой снедью. И смотрю...»

И увидел доброго соседа с двумя дочками. Вспомнил, что они давно померли, но подошел поздороваться. А вот и старый лавочник Богацкий, убитый пьяными солдатами 39-й дивизии.

Шевчуки, три брата-богатыря подошли. Перед ними встал во фронт, как перед генералами. На войне они погибли все трое сразу, когда пулеметным огнем прикрывали отступление дивизии. Великий князь над их гробами плакал, Георгиевские кресты всех четырех степеней положил, в офицеры произвел посмертно. Сам же государь три тысячи рублей родителям выдал, а над их хатой велел русский флаг поднять. В деревню героев с музыкой привезли.

Сон продолжался. Куча донских казаков с чубами, вырывающимися из-под фуражек, сверкнула белыми зубами, рассмеялась в лицо. Знакомые, милые лица. Постояли за казачество, за Русь-матушку. Всею сотней Царство Небесное получили.

Вот и Беседин, богатый мужик, с женой, с дочкой. А сколько односельчан! Поет хор.

Пение хора перекрывает пасхальный трезвон.

«Да воскреснет Бог и расточатся врази его!» — возглашает священник в белых ризах. Это — отец.

Рассказ о дивном сне был напечатан в «Родных перезвонах» в 1952 году.

Автор еще жил в Америке, еще продолжал трудиться, сжигаемый святым огнем тоски по Родине.

Воспоминания продолжали волновать его.

Однажды, вспомнилось, прибежали за отцом. Дело было на Рождество. Позвали к умирающему: причастить надо.

Ушел священник, а через час вернулся. Рассказывал:

«Древнейший дед! Вхожу в хату, а он уже на лавице лежит, под головой подушка, набитая соломой, в чистой рубашке, с зажженной свечой в руке, светлый такой, радостный.

«Простите, говорит, все меня, что в такой день помирать собрался! Господь зовет!» —

«Радуйся, раб Божий, — говорю — в этакый день представиться перед Христом — честь великая!» — «Я и то радуюсь, да родных моих жалко. Святки ведь. Им радость омрачаю».

— «Не думай об этом». Пособоровал его, поисповедовал, причастил, а он говорит:

«Посидите, батюшка, еще минуту, почитайте мне отходную». Я почитал, и вдруг вижу, заснул дед. А потом свечка выпала из его рук. Оказывается, помер».

«В этом простом описании смерти стариков того времени — Русь Святая! заключил

Миролюбов... — Так умирали все, у кого совесть чистая была. Как настоящие первые христиане, в белой рубашке, со свечой в руке!»

И еще припомнилось, как в Антоновке дед Минай помирал. Пришел домой: «Ну, баба, ставь воды на печь, умыться надо». Умылся, причесался, подстриг бороду, усы подправил. Спросил свечу, послал за священником.

«Да что же ты, дед, помирать что ли собрался?» — заголосила жена. А он: «Ступай, коли сказано. Потрудишься для меня. Я для тебя тоже трудился». Сходила за священником. Дед уже сам лег на лавицу, свечу в руке держит: «Скорее, батюшка, а то душа уйдет!» Баба в слезы: «На кого же ты меня покидаешь теперь?» — «А на Господа Бога и Матерь Божию... А ты не голоси. Всем помирать надо однажды».

«Удивительный люд наш русский! — восклицал писатель. — Так грандиозно просто, так духовно ни один народ в мире не умирает».

...Пришел последний час и к нему, Юрию Петровичу Миролюбову. Случилось это 13 ноября 1970 года на пароходе, в пути из Америки в Европу. «В последние минуты жизни, — читаем в «Биографических заметках», — уже потеряв сознание, Юрий Петрович, будучи глубоко верующим православным христианином, перекрестился почти парализованной артритом рукою».

Умер на 78-м году жизни, ровно через полвека после того, как на корабле, набитом русскими людьми, плыл Черным морем.

Жена Галина очень хотела увезти его в Германию, в родной ее город Аахен. Там она после похорон мужа, оставаясь душою всегда с ним, занялась делом, которое считала самым важным. В «Биографических заметках» оно, это великое дело, обозначилось следующими словами:

Самоотверженными усилиями, ограничивая себя во всем, вдова Юрия Петровича, у которой сохранилось более 5000 страниц литературного наследия Миролюбова, начиная с 1974 года, издает одну за другой написанные им книги. К первой изданной ею книге — «Бабушкин сундук» — она предпослала трогательное письмо покойному супругу. Она пишет в нем: «То, в чем судьба тебе отказала в жизни, кажется, теперь осуществляется. Эта книга является небольшим сборником твоих рассказов. В тот момент, когда ты навсегда покидал меня, я обещала тебе сделать все, что в моих силах, для опубликования твоих произведений...»

Второй была книга «Родина-Мать» (1975). Можно было все его собрание сочинений выпускать под этим названием, все 14 томов, изданных героическими усилиями женщины, которую он преданно любил.

Когда в Москве, в издательстве Ассоциации духовного единения «Золотой век» вышел двухтомник «Сакральное Руси» (1997), то первыми там оказались слова Г. Ф.

Миролюбовой:

«Позвольте совершенно искренне поздравить вас с изданием трудов Ю. П. Миролюбова и выразить мое восхищение за реализацию этого проекта.

Наконец-то он станет известен на горячо им любимой Родине. Всю свою жизнь Юрий Петрович жил и работал ради нее».

8

Летом 1993 года в магазинах Орла появилась книга «Мифы древних славян», изданная в Саратове. Русый богатырь с мечом на фоне синего неба, алой дуги и золотистого языческого храма смотрел грозно с обложки. «Издание, которое вы держите в руках, — уникальное, — утверждалось в аннотации. — Таким его делают...» Названы ставшие редкостью труды А. С. Кайсарова «Славянская и российская мифология» и Г. А. Глинки «древняя религия славян». Далее упомянуты главы из книги академика Б. А. Рыбакова

«Язычество древних славян» и «впервые издающаяся в провинции «Велесова книга» (дохристианская летопись Руси)»...

Переводчик редкого памятника старины — Бус Кресень. Текст, мне уже знакомый по журналу «Наука и религия», предстал в более полном виде:

«И вот начните,
во-первых главу пред Триглавом склоните!»
— так мы начинали,
великую славу Ему воспевали,
Сварога — Деда богов восхваляли,
что ожидает нас.
Сварог — старший бог Рода божьего
и Роду всему — вечно бьющий родник,
что летом протек от кроны.
Зимою не замерзал,
живил той водою пьющих!
Живились и мы, срок пока не истек,
пока не отправились сами к нему
ко райским блаженным лугам!

Далее запев, обращенный к богам и предкам, сменила проза: «Вот прилетела к нам птица, и села на дерево, и стала петь, и всякое перо ее иное, и сияет цветами разными...»

Дощечки Изенбека описывали историю наших предков от исхода из Семиречья (второе тысячелетие до Рождества Христова) до времен Рюрика, Аскольда и Дира — девятый век новой эры, опровергали норманскую теорию о происхождении слова «русы». Это — одно из славянских племен скифского, иранского происхождения.

Скифы до появления в Передней Азии жили 200— 300 лет в Причерноморье. Этого не знал Геродот. Знала «Велесова книга». Подтвердил археологическими находками известный ученый-иранист М. И. Артамонов, выпустивший в 1974 году книгу «Киммерийцы и скифы».

Начало «Велесовой книги» — призыв склониться пред Триглавом (Сварог, Перун и Святовит), перечисление множества богов, населяющих природу: Радогощь. Коляда, Крышень, Сива, Яр, дажьбог, Белояр, Лада, Купала, Сенич, Житнич, Венич, Зернич, Овсенич, Просич, Студич, дождич. Пчелич, Ягодиниц, Ветрич, Снежич, Травич... дивная поэзия имен русской Жизни! Верили в Ирий (рай), в радостную вечную жизнь, заботились о нравственной чистоте. Верили, сражаясь с врагами, как отцы, что они «с неба синего смотрят на нас и хорошо улыбаются нам». Верили, что идут дорогой правой. Знали: «И было так потомок, чувствуя славу свою, держал в сердце своем Русь, которая есть и пребудет землей нашей». Велес научил праотцев землю пахать, и злакч сеять, и жать солому на полях страдных, и ставить сноп в жилище. Не были мы нахлебниками, а были русскими — славянами, которые богам поют славу и потому — суть славяне.

«Тысячу лет на нашей земле властвует христианство, пишет Александра Баженова, открывая «Мифы древних славян». — Если бы оно пришло на голую землю, оно бы не укоренилось так прочно. Оно легло на подготовленную духовную почву, имя ей — вера в Бога».

Древняя вера наших предков, по словам Баженовой, «похожа на клочки старинных кружев, забытый узор которых надо восстановить по обрывкам».

Захватили душу страницы, полные удивительных историй, легенд и преданий:

«В те времена был Богумир муж Славы, и имел он троих дочерей и двух сыновей. Они провели скифов в степи и там жили среди трав, как во времена отцов. И были они

послушны богам, и имели разум, все охватывающий. И там мать их, которую звали Славуня, им приготавливала все необходимое.

И сказал им Богумир на седьмой день: «Мы должны выдать своих дочерей замуж, чтобы увидеть внуков». Так сказал, и запряг телегу и поехал, куда глаза глядят. И доехал до дуба, стоящего в поле, и остался ночевать у костра. И увидел он в вечерних сумерках, что к нему подъезжают три мужа на конях. И сказали они:

— Эдрав будь! Что ищешь ты?

И поведал им Богумир о печали своей. А они ему ответили, что сами в походе, дабы найти себе жен. И вернулся Богумир в степи свои и привел трех мужей дочерям.

Отсюда изошли три славные рода. Отсюда идут древляне, кривичи и поляне, ибо первая дочь Богумира имела имя — древа, а другая — Скрева, а третья — Полева.

Сыновья же Богумира имели имена Сена, и младший — Рус. От них идут северяне и русы».

А что было дальше? Жили мы в Семиречье, скотоводами были в краю зеленом. Было это до исхода нашего к Карпатской горе, за тысячу триста лет до Германареха. И великая борьба была за берега моря Готского, и возводили праотцы курганы из белых камней. Еще рассказ про Ария с сыновьями, про то, как вел он род свой к синему морю.

Еще, как мы город Кий основали, как к озеру Ильмень пришли и Новгород возвели.

Бежали годы как вода. И умер Кий, что правил Киевом тридцать лет. После двадцать лет был его сын Лебедян, двадцать — Верен из Великограда, десять — Сережень. С теми львами побеждали мы врагов. И тут готы пришли. Шесть лет отбивались. Ильмеры поддержали — побили мы вражеских витязей, взяли в плен десять царей...

«Напрасно забываем мы доблесть прошедших времен и идем неведомо куда...» Сто городов решили построить. И была наша Русколань сильной и твердой. Велес говорил нам, что мы должны ходить прямо, никогда криво, но мы его не послушали. Не остерегались. Потому большая часть Руси была угнетена Набсуром. И пошли мы клонить головы свои под вражьи бичи. Но прошли дни, и русы убежали от Набсура!

Когда это было? Можно ли проверить по книгам?

Навуходоносор II (604—562), как утверждает «Советская историческая энциклопедия», вел успешно войны с Египтом и его азиатскими союзниками. При нем началось и окрепло Ново-Вавилонское царство, был разрушен Иерусалим и стала провинцией Иудея, произошло вторжение в Египет.

Пророк Иезекииль жил в то время. В 600 году ему было 25 лет, когда он был захвачен в плен и отведен в Вавилон. Жил в Халдее вместе с другими пленниками. «Здесь-то он, — читаем в «Библейской энциклопедии», видел явление славы Божией (в херувимской колеснице) и призван к пророческому служению».

После плена жил в Тель-Авиве, пережил на 22 года жену, которую глубоко и нежно любил, затем был казнен одним из иудейских князей за то, что обличал его в идолопоклонстве.

«И было, — говорил пророк Иезекииль, — ко мне слово Господне: Сын человеческий! обрети лицо твое к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мешеа и Фувала, и изреки на него пророчество. И скажи: так говорит Господь Бог: вот я на тебя, Гог, князь Роша, Мешеа и Фувала! И поверну тебя, и вложу удила в челюсти твои и выведу тебя и все войско твое, коней и всадников, всех в полном вооружении, большое полчище, в бронях и со щитами, всех вооруженных мечами...»

Бесценные строки Библии — величайшей из книг! Речь идет о далеких предках наших!!! дочитав «Велесову книгу» до конца, я решил переложить ее стихами, как это ранее сделал со «Словом о полку Игореве» и другими произведениями древнерусской литературы.

Полились строки:

Голову склоните пред Триглавом,

Пойте славу громкую Сварогу.
Всех нас ожидающему — слава!
Дед богов, он старший в Роде Бога.
Роду он — родник, что из-под кроны
Бьет и бьет, зимой не замерзая.
Пьем, пока живем в краю зеленом,
Не ушли к садам блаженным рая...
Издали птица прилетела.
Перьями, как радугой, светясь.
На березку села и запела.
Все о том, чем мы живем, гордясь.
Были битвы, жаркие сраженья.
Вспомним же отцов великий ряд:
Все они на наше поколение
Ныне с неба синего глядят.
Не одни мы в поле, а с отцами,
В нас их удаль русская жива.
Как они, сражаемся с врагами,
Сеем хлеб, сажаем деревья.

Работа моя подходила к концу, когда в Орле появилась «Велесова книга» (М., 1994). В аннотации говорилось, что это — «первый полный литературный перевод на русский язык священных текстов новгородских волхвов IX века. Книга содержит ряд новых, ранее не публиковавшихся переводов. Тексты сопровождается обширный исторический, грамматический, палеографический комментарий. «Велесова книга» — источник, в котором отражена история и верования многих европейских и азиатских народов от конца II тысячелетия до нашей эры до IX века нашей эры». Обретаена под Харьковом... Автор перевода и комментария — Александр Игоревич Асов, статьями которого я зачитывался на страницах «Науки и религии». Он же выпустил «Русские веды. Звездная Книга Коляды» (М., 1996), где обозначил среди справочных сведений псевдоним: Бус Кресень.

— Со своей задачей вы справились, — сказал он по телефону, получив мою «Русскую душу» с переложением «Велесовой книги».

В ответ на читательские письма рассказал в «Науке и религии» (1998, № 2) о себе: «А родился я на Волге в селе Сокольском, что на Нижегородчине. Это сказочный, можно сказать, берендеевский край. И предки мои были в сем краю священниками и крестьянами, бурлаками и рыбаками. Но более всего славились они тем, что знали старинные сказки, предания. Чтобы послушать сказки бабы Любы (Любови Яковлевны Кузнецовой, матери моей мамы), приходили дети и из соседних домов, и со всей улицы. В нескольких верстах от границы Сокольского района есть усадьба А. Н. Островского, который по местным берендеевским легендам написал известную всем сказку «Снегурочка», где рассказал о Берендеевом царстве, о поклонении Яриле и Велесу. А ведь узнал сии легенды барин от предков наших или близких родственников...»

Ой, и мало я ценил то время! И жалею сейчас об этом. Это было обычно: и сказки, что рассказывала баба Люба, и русская печка, и кура в сенях, и ткацкий станок на чердаке, и домотканая рубаха... А рядом, почти под окнами, катит волны величественная Волга-матушка. И здесь же Пановы горы, укрывающие колдовские тайны панов — древних подземных жителей. И где-то рядом сказочные берендеевские леса. И недалеко Ярилино озеро — Светлояр, в коем сокрылся святой Китеж-град...

Будучи в школе — а тогда мы жили в старинном городе Гороховце Владимирской области, — я с помощью родителей устроил школьный исторический музей. Мы собирали

местные легенды, старинные церковные книги, изучали древнюю историю родного края». И стал А. И. Асов, как Ю. П. Миролубов в детстве своем, записывать легенды и сказки. И открылась душе дивная прелесть поющей старины:

Прилети, Гамаюн, птица вещая,
Через море раздольное,
Через горы высокие,
Через темный лес, через чисто поле.
Ты воспой, Гамаюн, птица вещая,
На белой заре, на крутой горе,
На ракитовом кусточке,
На малиновом пруточке.

С годами пришло убеждение, что «исток «вед» находится на Руси, именно русская традиция наиболее архаична. Именно русский язык изначально предназначен для хранения важнейших песен.

В древность родного народа уводит писатель-патриот статьей «Ведические храмы славян» («Наука и религия», 1998, № 1). Храм Солнца близ горы Алатырь был первым. По его образу и подобию строились все храмы Древнего мира. Зодчий — Китоврас. Слово «храм» — это «неполногласная форма слова «хоромы».

Есть легенда: волшебник Китоврас по повелению Месяца украл у Солнца жену Зарю-Заряницу. Боги ее вернули. А волшебнику велено было построить храм у Алатырской горы. Камни обтесывала острым когтем волшебная Гамаюн-птица.

В Киеве был храм Буса Белояра на Бусовой горе.

Были и в других городах. Сохранялись легенды о мудреце времен потопа. Угадывается Богумир, упомянутый в «Велесовой книге».

9

«Из истинной истории наших предков» — большая работа А. Кура была опубликована в «Молодой гвардии» (1994, № 1).

Автор развенчивал одну теорию за другой.

«И горестно становится на душе, — писал Кур, — когда видишь, как оскорбляется память, я бы сказал, священная память наших великих предков всеми теми, кто, как попугай, повторяет иностранные гипотезы, видя в наших предках глупых, отсталых, некультурных людей, чтобы организовывать которых, окультурить, нужны варяги-иностранцы, или придумывают свои гипотезы происхождения этих предков, говоря, что они были египтянами-неграми, татаро-монголами и другими народами, но только не Русскими. А ведь так легко узнать и почувствовать этих предков, их величие, их глубокую мудрость, их древность, и не только через рассказы недр земли, на которой наши предки жили, но и из глубин своего собственного русского Я, где отложилось все то, что делает нас русскими!»

От страстного лирического монолога — к дощечкам Изенбека! Они, по словам Кура, «вскрывают новые страницы нашего прошлого из того периода, который в Истории зовется Средневековьем». Они обращают в прах так называемую империю готов — шайки для грабежа и налетов.

И была Русская Земля, начало которой следует отнести к 430 году — времени возникновения Киева. Была династия, начатая Кием, умным князем и блестящим

полководцем. Девяносто лет правили Кий и его наследники. К сожалению, этот период выброшен из «Повести временных лет, хотя в самом начале обещано поведать о том, «Кто в Киеве нача первее княжити». Рассказ не состоялся. Теперь мы его восстанавливаем по дощечкам Изенбека. Ни Игорь, ни Олег не были родственниками Рюрика. Сильвестр, по словам Кура, совершил подделку, создавая единую цепь Рюриковичей. Олег был великим государем. Центр его владений — Неаполь (теперь Симферополь). Правил 31 год, а в летописи говорится лишь о пяти. Выпущено 26 лет из княжения Игоря, 15 отнято у Ольги. Обойден молчанием такой факт: польский король Болеслав Храбрый разграбил Киев и увез с собой не только древние летописи, документы, но и рукописную Библию на русском языке, переведенную при Владимире Святом. Молчит Сильвестр, что в Корсуни были основаны две школы.

«До нашего времени «Повесть» Нестора не дошла, — утверждает Кур, — но дошли ее многочисленные отрывки. Эти отрывки мы находим не только в нашей богатейшей летописной литературе, в древних, религиозных памятниках, но и в древней словенской литературе южных и западных племен».

Много выдержек из творения Нестора сберегли для потомков летописцы Богухвал, Длугош и особенно Стрыйковский. Эти имена нам уже знакомы по «ядру» А. И. Манкиева. В «Повести», обработанной Сильвестром при Владимире Мономахе, Кий назван перевозчиком. В «Летописце о российских князьях» Кий, его братья Ще (Щек) и Хорив и сестра Лыбедь названы новгородскими разбойниками, которых Олег Вещий хотел повесить, но Кий умолил отпустить их. Ушли на Днепр. Все это А. Кур назвал «чистейшим вымыслом». Польский историк писал, что Киев был построен в 430 году. Кий и его род правили Киевом 90 лет. Об этом можно узнать из дощечек Изенбека. Знал историю Кия и его братьев армянский автор Зеноб Глак, живший около 650 года. Археология установила, что Киев построен в V веке, а Новгород — 400 или 450 лет спустя.

Сохранились сведения о походе Кия вместе с гуннами на Византию. После одержанной победы он, как рассказывают отрывки Никоновской и Лаврентьевской летописей, принимал честь «от царя Царь-града в присутствии других царей». Война была в 431—432 годы. Гуннами правил Ругила. После него ханом выбрали Аттилу.

Дощечки Изенбека, как упорно называл «Велесову книгу» историк Кур, говорят: Кий был не только выдающимся полководцем, но и замечательным администратором: объединил полян, древлян, дреговичей, северян, кривичей и другие роды-племена. По данным Б. А. Рыбакова, их было 300—400. Византийцы звали это большое и сильное государство «Русь», сирийцы — «Рос». Дощечки Изенбека утверждают: Кий был князем Рус — Колуней, которые пришли на реку Непру (Днепр) со стороны восхода. Они же сообщают: Аскольд не был убит Вещим Олегом, поскольку он жил в это время в Причерноморье. После Аскольда, утверждает Кур, в Киеве правили его внуки и «еще какие-то два Аскольда: одного из них убили дружинники Олега. Фальсификаторы начальной нашей истории замалчивали целые периоды. Они «отняли у русского народа 214 лет его блестящей истории»

Откуда мы пришли на берега Днепра?

Опираясь на отрывки из летописей. Кур отвечает уверенно: из долины Месопотамии, или древнее название «долина Сенар».

Что за «племя Афета», подарившее миру русских людей?

«Гермин «племя Афета», — разъясняет Кур, — взят Нестером от своих предшественников, летописцев Никона Великого (митрополит Иларион) и епископа Акима Корсунянина, первого русского христианского летописца, и крестителя Руси Владимира Святого».

Аким происходил из Корсуни. Данные о «племени Афета» взял из 10-й главы Бытия (Библия). Вся 10-я глава, как пишет Кур, «является фактически этнографическим научным трактатом того времени, где собраны данные ученых Древней Индии, Сумеро-Акада,

Египта, Вавилона, Ассирии, Империи Хеттов Малоазиатских греков».

Аким Корсунянин «воспользовался данными 10-й главы, а именно, что русские племена действительно происходят от «племени Афета», лишь для того, чтобы доказать как неоспоримый факт, что это именно так».

Текст главы, по словам Кура, «во многих местах засекречен символизмами». В ряду ученых, специалистов восточных древних языков Кур назвал русского академика Б. А. Тураева. Все они изучали 10-ю главу. Все утверждают: глава «представляет древний научный трактат о тех народностях, которые произошли от тех первичных рас, остатки которых спаслись во время мировых катастроф».

Текст первого стиха 10-й главы, освобожденный от символизмов, по мнению Кура, будет читаться так: «И это родословная спасшихся племен оливковой, черной и белой рас».

Термин «племя Афета» означает «племя белое».

Пользуясь данными десятой главы, Аким Корсунянин связал их «с теми племенными преданиями, которые утверждали, что ряд русских племен действительно пришел на древнюю русскую территорию из тех мест, где когда-то наши пращуров племени Афетова осели после окончания мировых катастроф».

Далее в Библии названы сыны Афета (Иафета) Гога и Магог.

Историк Иосиф Флавий, писавший в I веке, отмечал, что именем Магог греки называли скифов, живших у Черного моря. Упомянутый в той же 10-й главе сын Афета Тубал (Фувал) — племя, давшее тиверцев, живших на северном побережье Черного моря. Племя Мешех соседствовало с Тубалом. Египетский географ Птолемей (III век) это племя назвал латинским прозвищем Мозохи и поместил их в истоках реки Рха (Волга), в местах, где потом выросло Московское княжество. На Днестре жил Тирас, последний сын Афета. Академик Гаммер в книге «Происхождение Русского народа» (СПб, 1825) на основании древних восточных манускриптов утверждал: Тирас пращур русского народа.

Труд Гаммера считает Кур «самым научным и правдивым». «Утверждения его, — читаем далее, — весьма убедительны и подтверждены рядом документов». Слово Тирас — имя народа, нашего предка. У пророка Иезекииля в Библии тому подтверждение в 38-й и 39-й главах.

Кур привел строки из самой древней копии Библии: «Гог... архонта Рос, Мешех и Тубал», что по-русски означает: «Гог, главный правитель (народов) Росов, Мешехов и Тубалов».

Видимо, древним изданием располагал автор «Ядра Российской истории» А. И. Манкиев, упомянувший Роса, Мосоха и Фовеля.

В свое время академик Г. Ф. Миллер, ошибочно приписавший книгу Манкиева князю Хилкову, пытался доказать, что русский народ молод, чтобы иметь предков из библейских времен. Против этой точки зрения страстно протестовал М. В. Ломоносов, утверждая, что доказательства Миллера построены на «зыблящихся основаниях», что его рассуждения «темной ночи подобны». Кур привел мнение крупных ученых в пользу мысли, что «народ Рос, упомянутый Иезекиилем, является историческим народом, который соединился со скифами».

В дощечках Изенбека говорится о трех племенах Руси, которые из Семиречья ушли в Загорье, оттуда в двуречье (в Библии: Синар долина, в наши дни — Месопотамия).

Около 2680 года до Рождества Христова жил в Египте фараон Пепи I, был у него военачальник Упа. На стенах могильного склепа Упы сохранилась надпись, что он ходил походом и разорял селения и форпосты-крепости народа Хе Руса. Что это за народ? «По архаической клинописи Саргона I. — пишет Кур, — они заселяли долину реки Ярдану (р. Иордан) и озеро Рос-Пана. Теперь все это покрыто Мертвым морем». Называли их чудью, а греки — скифами. Как долго жили они в Малой Азии — неизвестно. После страшной катастрофы, упомянутой в Библии, часть народа ушла на север. Геродот слышал от скифов, что они пришли со своим царем Гитас за тысячу лет до прихода Дария Персидского. Это было около 1513 года до Рождества Христова. Дарий напал на Скифон в 513 году. Скифы сначала жили на Дунае, потом заняли северное побережье Черного моря.

Русский народ, утверждает Кур, «есть самый многочисленный и могущественный народ Белой расы, занимающий одну шестую часть всей суши нашей планеты... Эта величайшая история строилась не кровавыми завоеваниями, не грабежом и разбоем, не поголовным уничтожением захваченных народностей, не непосильными даяниями или террором, а правдой, справедливостью и в твердом стремлении общего прогресса».

О наших предках сохранились предания и свидетельства древних авторов.

«Но главным свидетелем нашей древности, — продолжает Кур, — все впитавшим в себя и все запомнившим, что было с нашими пращурами в седой и темной глубине прошедших веков, является наш богатейший и чудеснейший язык».

Академик Н. С. Державин в книге «Происхождение русского народа» (1944) на основании археологических данных пришел к выводу: наша история восходит к так называемой Трипольской культуре, которая в III тысячелетии до нашей эры охватывала огромные пространства. От этрусков к нам дошли такие слова, как конь, солнце, луна, смерть, река, лес, вор, Бог, названия Ростов, Днепр. Наши предки первыми приручили коня и гоняли стада от Амура до Дуная. От Венеры — Лады, чтимой венедями, пошли Вена, Венгрия, Венев, Вентспилс. Женева, Иена, Генуя. Из тех времен — корни слов: венец, венчание, жена, женщина. Венедов I века упомянул римский историк Плиний. Наш топор в древнем Риме был секирой, от пастуха — пастор. Лейпциг был Липском, Дрезден — Дроздянами, Мейсен — Мишнами, Мерзенбург — Межибором, Бранденбург — Бранибором, Берлин вырос из славянского селения Берло, Австрию называли Острией...

В 1908 году при раскопках итальянцами на острове Крит города Феста был найден диск из обожженной глины диаметром около 16 см. Определили возраст: 18-й век до Рождества Христова. Попробовали прочесть надписи на обеих сторонах диска. Ничего не получилось. Объявили находку самым таинственным памятником письменности на нашей планете.

Решили обратиться за помощью к славянским языкам, имевшим носовые гласные и другие особенности. И произошло чудо — на реконструированный праславянский язык диск отозвался. Два стихотворения, написанные 37 веков назад, прочли.

В одном из них древний автор говорил о том, что, глядя на костер, он думал о горе, которое принес ему разум. Горе от ума! Невольно вспомнишь великого сына России А. С. Грибоедова. Кстати, Александр Сергеевич ценил и любил родную древность, храмы русские.

«В русской церкви — я в отечестве, в России! — говорил он. — Меня приводит в умиление мысль, что те же молитвы читаны были при Владимире, Дмитрие донском, Мономахе, Ярославле, в Киеве, Новгороде. Москве; что, то же пение трогало их сердца, те же чувства одушевляли набожные души. Мы русские только в церкви, — а я хочу быть русским!

На древних иконах Христа писали: «Аз есмь свети.

Солнечную основу веры не потеряли предки наши и во времена язычества.

«По свидетельству летописи Прокопия Кесарийского... древнейшие славяне, — пишет Б. А. Рыбаков, — верили в Единого Бога, называя его верховным, Небесным богом, Богом богов. Из Нестора также видно, что славяне русские имели понятие о высшем существе, нарицаемом преимущественно Богом, Богом Вседержителем и различали его от бога Перуна и других второстепенных божеств. Славяне чтили в нем Отца Природы и Господина Мира...»

«Велесова книга» открыла нам веру предков, которую можно назвать предысторией веры православной. Русская душа приняла созвучное ее самым заветным струнам.

Откуда мы? Отвечая на этот вопрос, украинский ученый Р. В. Корень, президент Экологического фонда им. В. И. Вернадского, в журнале «Свет» (1996, 10) опубликовал большую статью «Русы, русские, россияне...?», полную смелых мыслей и внушительных цитат из трудов русских ученых. Из ряда публикаций можно сделать вывод: язык древних этрусков был «первозыком» «не только русов, но и всех последующих индоевропейских цивилизаций». «В этих работах, пишет Р. В. Корень, — показаны древнейшие корни русов и ставится вопрос об исторических первоисточниках и пересмотре всей мировой истории». Русский исследователь Г. С. Гриневич «проделал огромную работу по систематизации и дешифровке руничных знаков и надписей россиян — западных славян. Крита, этрусков. Им же составлена сводная таблица знаков праславянской письменности (Г. С. Гриневич. «Праславянская письменность», М., 1993)». Письмо этрусков легло в основу современного латинского алфавита. «Нам, русским, — пишет исследователь В. В. Гладышев в журнале «Свет» (1996), — нужно отказаться от старых мифов и, сплотив свои ряды, стать хозяевами своей судьбы, восстановить нашу тщательно уничтожаемую в течение веков историю...» Р. В. Корень предлагает «окунуться в подлинную историю россиян: руссов, урусов, суров, этрусков, киммерийцев, скифов, сарматов, гетов, славян, ведов и других синонимов суть одного и того же народа, говорившего на одном наречии и давшего первооснову всем современным языкам, культурам и религиям». Семь основных периодов в нашей истории выделил в своей монографии «История русского народа» (М., 1995) В. М.

Кандыба: Арктический — в незапамятные времена, Сибирский — с третьего миллионолетия до н. э., Уральский — с 200-го тысячелетия до н. э., Арийский с 120-го тысячелетия до н. э., Троянский — с 17-го тысячелетия до н. э., Киевский — с 8-го тысячелетия до н. э., Смутное время — с XII века н. э. до наших дней. Корень убежден, что «беспристрастное освещение древнейшей истории, основанное на истинном фактическом материале, выявляет ведущую роль славян в развитии мировой цивилизации. Именно поэтому Иоанн Кронштадтский сказал: «Перестали понимать русские люди, что такое Русь! Она есть подножие Престола Господня. Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский».

Древняя прародина наша — Арктида. Около трех миллионов лет назад изменился климат, случилось оледенение. Наши предки под водительством легендарного царя Има через единственный перешеек Ледовитого океана перебрались на землю, ныне называемую Сибирь. Так говорят Веды. Это подтверждается современными археологическими раскопками. Друг Вольтера аббат Балби в XVIII веке «обнародовал историю о том, что часть русов из Арктиды проникла в Атлантику и создала впоследствии ставшую знаменитой цивилизацию атлантов — Атлантиду».

В Сибири прарусы жили на реке Русь (Уресь, или Орусь), ныне называемой Лена. Жили родами по 20—50 семей с общей численностью в среднем 1—2 тысячи человек. Во главе рода стояли вождь-основатель и совет старейшин. Были русы воинственны, с высоко развитым чувством чести. Похолодание заставило их рассеяться на юг по всему пространству от Тихого океана до реки Ра (Волги). Священной столицей русов стал город Ариана на реке Ранха (Урал). Царь Пима на месте Арианы выстроил большой город Орей. После смерти царя его старший сын Парикшит объединил русов в одну империю, которая после его гибели у реки Ганги распалась.

Шли годы. тысячелетия. Русы расселялись по Европе, появились в верховьях реки Ху (Тигр). Основатель Ведической традиции Афет «сообщает, что древнерусские жрецы передали ему очень древнюю легенду о первом космическом богочеловеке, от которого пошли все люди и все племена, — Ории». Стали нас называть «ориями» или «ариями». Русы расселились на территории, ныне занимаемой Индией и Ираном. Рус, внук Афета, правнук известного Ноя, основал крупный союз русских племен, построил город-крепость Русу. Письменность зародилась на глиняных табличках как необходимость учета

имущества. В десятом тысячелетии русы двинулись из Междуречья на север — через Кавказ и Балканы, на юг — вдоль моря до дельты великой реки Сур (Нил). Море называли Сурожским. Наиболее крупными русскими крепостями-городами были Сур (на Ниле), Новая Руса (на Тигре), Русска Оселия (Иерусалим), Троица (на Малоазийском побережье), Асгард (на Волге), Белоград (на Днестре), Новоград (Севастополь), Киев (на Дунае), Новый Киев (на Днепре). Самым большим был город-государство Сур. Именно тогда был построен знаменитый сфинкс — Ведический памятник, на котором сохранилась надпись на древнерусском языке, самая древняя. Египетская цивилизация восприняла знания русов в «готовом виде». Эфиопы, основатели Египта, как утверждают Диодор Сицилийский (I век до н. э.) и Геродот, являются потомками древнейшего из всех народов. Этот народ — славяне. «Не потому ли А. С. Пушкин, имевший предком эфиопа, — пишет Корень, — настолько русский, что является первым классиком русской литературы?»

Египтяне, шумерийцы, персы, китайцы «значительные познания в точных науках» получили из опыта древних ариев, построивших на Южном Урале город-храмобсерваторию Аркаим (в переводе «двойник неба»), найденный в 1987 году...

В XIII тысячелетии до н. э. началось последнее отступление ледников, усилилось потепление. Жарко пылало солнце. Русы, жившие вдоль Средиземного моря, переименовали свои земли в Земли Паленого Стана (Палестина). Около 12 тысяч лет тому назад случился потоп. Древнерусская цивилизация погибла. Вблизи ушедшей под воду Троицы была выстроена Троя, которая к 8-му тысячелетию до н. э. стала столицей самого крупного русского союза племен. Троянская Русь раскинулась на огромных просторах от Нила до Днепра, от Европы до Индии. Среди разных народов русы стали военной и жреческой ветвью (кастой). Древнерусский язык к этому времени претерпел сильные изменения. Остались лишь археологические находки. «Сокровища царя Приама», раскопанные Шлиманом (1873), говорят о высоком мастерстве, искусстве и культуре древних русов. В румынском поселке Тертерия были найдены (1961) три глиняные таблички пятого тысячелетия до н. э. со знаками «славянской руницы». Оказались они на целое тысячелетие старше табличек Шумера. Подобные таблички нашли в Югославии и других местах. Мировое влияние троянских русов на соседние народы подтверждено открытием (1887) в Египте Тель-Амаринского архива, рассказом Библии о восхождении Моисея после долгих странствий на гору с древнерусским названием Небо. Была эта гора на юге Троянской Руси, в местности Паленый Стан. Отток населения ослаблял Троянскую Русь. Этим воспользовались греки-ахейцы. Они разрушили города пеласгов (так называли пришельцы славян). Через семь веков было нашествие греков-варваров, известных под именем дорийцев. Они осадили и разрушили Трою. Одни русы во главе с Энеем сели на 20 кораблей и уплыли на запад, обосновались на Итальянском полуострове. Другие во главе с Аптенором прошли Центральную Европу до Студеного (Балтийского) моря, настроили крепостей, основали Великоград. Учителями гордых римлян, как утверждают древние историки, были этруски, ответвление эгейских пеласгов, изгнанных греками. В Географическом словаре Стефана Византийского этруски названы славянским племенем. Славянство этрусков подтверждают Птолемей, Линий, Страбон, Днодор Сицилийский и другие авторы. Первые цари Рима были этрусками: Тарквиний, Приск, Сервий (Сербий), Туллий, Тарквиний Гордый. Этруски дали римлянам музыкальные инструменты, ростр (нос корабля), якорь, театр, горное дело, керамику, металлообработку, траволечение, мелиорацию, города, щит, копье, доспехи. Этрусские кулачные бойцы выступали на празднествах.

Е. И. Классен в книге «Новые материалы для древнейшей истории славян...» писал: «Только наши доморощенные скептики, кончившие изучение истории еще в школе, утверждают, что все руны должны быть скандинавскими. Но прочли ли эти великомудрые толковники хоть одну руническую надпись? Видели ли хотя одну? Это подлежит еще сомнению. И сам Шлецер — этот отвергатель всего возвышающего славян над другими народами не смел не согласиться вследствие свидетельства Геродота

и других греческих писателей, что многие скифские племена знали грамоту и что сами греки приняли алфавит от пеласгов — народа тоже скифского происхождения. Из всего здесь выведенного явствует, что славяне имели грамоту не только прежде всех западных народов Европы, но и прежде римлян и даже самих греков и что исход просвещения был от русов на запад, а не оттуда к нам».

Расселение русов из Троянской Руси шло по сухопутному перешейку, соединявшему Малую Азию и Балкалы, где ныне пролив Босфор. В У тысячелетии до н. э. морские воды размыли перешеек. Русов отрезало от прежней прародины. Новой (после Двуречья и Малой Азии) стали Дунайско-Балканский регион, Центральная и Юго-Восточная Европа. В устье реки Кии (Дунай) воеводой Кием в 4211 году до н. э. был восстановлен город Киев, ставший столицей южного союза племен. Сильным продолжал оставаться днепровский союз русских племен, расселившийся от Северного Причерноморья до Балтики еще до потопа. Древнерусский жрец Рама предпринял поход на Восток, дошел до Тибета и основал новую страну Индию, названную в честь реки Инд (Днепр). Пройдя Русскую степь, Рама вышел через Кавказ и там, где ныне Иран, построил город Вер. Русы, смешавшись с местным населением, стали людей обучать реформированным Ведам, внедрять верви (касты). Рама создал санскрит», что значит «упорядоченный»: речь идет о реформированном древнерусском языке. Рама умер в Индии, измененные им Веда прижились. «В XXIV веке до н. э., — пишет Корень, — русы вновь, как и до потопа, привели к покорности весь мир и обложили все народы данью: от Тихого океана до Актического и от Египта до Арктики (что подтверждают находимые археологами захоронения русских воинов этой эпохи по всему миру). Благодаря русам в завоеванных странах развивается экономика, внедряется металлургия, колесный транспорт, письменность...» Попыткам привязать историю славян Поморья и Киевской Руси к истории скандинавских народов давал отпор М. В. Ломоносов. Он писал о богатстве русского языка. Классен приходил к выводу: это «происходит от развития умодетельной жизни, которая у славян развилась гораздо ранее, чем у германцев и скандинавов». В XII веке до н. э. киевский князь Богумир пытался объединить северных русов в единое государство Семиречье. К этому времени западные русы преобразовались в немцев, шведов, датчан и других. В древних письменных источниках сохранилось их название Русланд. Выражение «германские племена» произошло от слова «германик», что переводится с римского «непобедимые». Слово «руссы» историки заменили на «индоевропейцы». «Немцы» возникли от славянского корня «не мы». Тацит отмечал, что германцы еще не знали городов, а славяне их уже имели во множестве. Л. Н. Рыжков в статье «Были и небылицы о древней Руси» («Русская мысль», 1991) утверждает, что «...вплоть до границ нынешней Франции разливалось славянское «море» единого этноса... Дрезден был Дроздянами, Мейсен — Мишанами, Меризенбург — Межибором...» На берегу Дуная стояли Вышеград, Новгород и Печи (Пешт). Эта венгерская область до 1400—1600 годов называлась Новоградом. Австрия (Острия) в ту пору управлялась славянскими князьями. Виндебож еще не был Веной. Славяне Персии, Малой Азии и других мест погибли под ударами монголов и арабов. Силезия онемечилась. От Голландии и берегов Рейна немцы продвинулись на восток... Немцы в Российской академии наук (Шлецер, Миллер и другие) выдвинули так называемую «норманскую» теорию о признании варягов, против чего резко выступал Ломоносов.

11

«Велико есть дело смертными и переходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу...» — эти слова М. В. Ломоносова

сделал эпиграфом к своей работе «Славяне и история» А. А. Лучин («Молодая гвардия», 1997, 3 9—10), в которой именем великого ученого открывается целый список историков разных лет. Вот они, по словам Лучина, «настоящие сыны Истины, трудами которых постепенно создается правдивая история нашего народа»: Ф. Воланский — польский ученый, автор книги «Памятники славянской письменности до Рождества Христова», Е. Классен, А. Чертков, М. Максимович, Г. Венелин, С. Микуцкий, Ф. Морошкин, О. Бородянский, С. Ляшевский — протоиерей, выпустивший в США, в г. Балтимора «Историю христианства в Земле Русской с I века по XI век и очерки по предыстории России», П. Орешкин — автор исследования «Вавилонский феномен» о прочтении древних писем в Египте на старославянском языке (Рим), Ю. Миролубов, В. Штепа, Ю. Петухов, В. Чивилихин, Г. Белякова, В. Щербаков, Б. Кресень (А. Асов).

Подлинная история русского народа, утверждает А. А. Лучин, ведет счет времен и событий от допотопной цивилизации, погибшей в результате катастрофы 12 тысяч лет назад. Великую беду принес метеорит «весом более двух миллиардов тонн». От сотрясения изменилась ось вращения Земли. Северный полюс, бывший в районе нынешней Скандинавии, передвинулся. Ледник покинул Европу. Около 98 процентов населения погибло. «Лучше других, — читаем у Лучина, — уцелели люди, жившие на юге Азии, в том числе и праславяне (парсы)». Они расселились по берегам Средиземного моря. Удар метеорита принес гибель Атлантиде, населенной нашими предками.

Об этом подробнее рассказано в статье Валентина Гладышева «Атланты говорили по-русски» («Свет», 1997 № 6). Люди об Атлантиде узнали от древнегреческого философа Платона, а тот — от своего прадеда Солона, афинского политического деятеля. Солон рассказывал со слов египетских жрецов. В один день и бедственную ночь, читаем у Гладышева, — великолепная столица атлантов с украшенным блестящим металлом храмом Солнца и гаванью, вмещавшей 120 кораблей, разом провалилась под землю. Остров Атлантида с реками и горами, пашнями и садами истинный рай на Земле — исчез. погрузившись в море... В легендах всех приморских народов сохранились воспоминания о потопах и землетрясениях, сошествии небесного огня, массовой гибели людей и животных... Современная наука располагает сведениями, что примерно 12 тысяч лет назад произошла страшная вселенская катастрофа, причиной которой послужил астероид диаметром около 10 км, упавший в районе Мексиканского залива — не так уж далеко от места расположения Атлантиды Платона. Совпадает датировка падения астероида и гибели Атлантиды. Именно в это время исчезло некое препятствие в Атлантическом океане, и теплые воды Гольфстрима устремились в Северный Ледовитый океан...

Оставшиеся в живых рослые и сообразительные атланты, сохранившие высокую культуру и веру в бога Солнца, стали земными богами, родоначальниками государств и династий среди примитивных дикарей почти всех континентов. Их облик можно восстановить из облика кроманьонцев, неизвестно откуда появившихся в Европе около 40 тысяч лет назад, оставивших достойные восхищения произведения искусства, впервые обнаруженные в пещере Кроманьев во Франции. Останки высоких, пропорционально сложенных людей с мозгом, превышающим мозг современного человека, и обликом, соответствующим облику современных славян...»

«Атланты, — делает вывод Гладышев, — выступают как самый древний и культурный народ, и логично предположить, что они были русами, а их язык — это древний язык русов. доказательства этого мы отыщем в их языковом наследии».

Русские корни — в других языках, дикие племена греков, сменив русов-минойцев после разрушения вулканом Минойской державы, «заимствовали у них и язык, конечно же, с искажениями»: слово «Луна» поняли как «се Луна», «Селева». У англичан слово «берег» звучит как «се гора». У немцев «еда» — хес-се-ен», «ест это он». У евреев на поминках «сидят шина», т. е. «сидят живые». В Библии, по словам исследователя, неправильно прочтенные «родословные» оказались «заупокойными текстами русов». Ант — «идуший впереди». Река Нил — река несет ил.

<Итак, мы — потомки атлантов-антов — самого древнего культурного народа, — твердо заявляет Валентин Гладышев. — Русская многотысячелетняя история подтверждается убедительными письменными памятниками наших предков...>

Роман Доманский в статье «Горнило народов» («Родина», 1997 г., 3⁷Г) говорит о том, что «прародина человечества — страна у купола мира Ар-Рут» была, как считали в средневековой Европе, «на дальнем севере от Палестины, откуда начали исход на четыре стороны света потомки праотца Ноя. Сам купол мира был отдан Ноем во владение своему любимейшему внуку Росу, он же Маждус (Магог), то есть «Великий Муж», первый князь земной. В преданиях древних греков «Великий Муж» — это титан Апет, отец титана Атланта, первого правителя Севера, держащего на плечах ось мира, направленную к Полярной звезде, вокруг которого вращается небосвод, и титана Прометея, подарившего людям огонь и знания. В Библии Апет — это Иафет, сын Ноя».

Сходное предание можно обнаружить в индийских Ведах. Индийский археолог С. К. дикшит в своем «Введении в археологию» (1949) отметил, что единственная страна, откуда истекают четыре потока, точнее — пять великих рек, это Центральная Россия, прародина индоевропейцев — ариев. Центральную Россию и Белоруссию считал арийской прародиной академик Теодор Пёше, профессор Страсбургского и Йенского университетов. Индоарии, утверждал исследователь, знали медь, серебро, золото, возделывали гречиху и пшеницу, имели коров, коз, лошадей и собак. Это были длинноголовые, высокие, голубоглазые, русые люди. Выводы академика Т. Пёше подтвердил основоположник русской антропологии А. П. Богданов (1882).

Балашихинские школьники из Подмосковья под руководством И. В. Черныша несколько лет занимались обследованием «пещерных городов Сарыкомышской впадины, возникших на пути индоиранцев из Центральной России в нынешние Иран и Индию. Открыли рунические письмена, однотипные по элементам и общему начертанию с письменами скандинавов и тюрков, но пока не поддающиеся прочтению. «Это открытие, — пишет Роман Доманский, — интересно тем, что определяет область возникновения рунической письменности в срединной точке этих трех разнонаправленных лучей, то есть в нынешней срединной России».

«В самом деле, — продолжает автор статьи «Горнило народов», — еще при первом ознакомлении с графикой рун, 300 лет назад, было высказано предположение, что такая графика могла возникнуть только как система письменности на бересте, подобно тому, как вавилонская клинопись появилась как графика на глиняных табличках, а египетская или китайская иероглифика — как система письменности на папирусе или бумаге».

Скандинавы в своих преданиях страну предков называли Великий Свитьод (Великий Улей), или Скандик, что означает «богатая страна». Отсюда они под предводительством Одина переплыли Балтийское море и новую землю в память о прежней, священной стране предков, назвали Скандинавией. Клавдий Птолемей в своей «Географии» за тысячу лет до записи первых скандинавских преданий писал, что за Сарматским разливом лежит огромный остров, который называют Скандия, или Эритрий. «И это есть, — заявляет Доманский, — легендарная страна наших предков гипербореев (северян), горнило народов, кузница народов мира».

Но при чем тут остров? Текст проясняют арабские географы раннего средневековья, знавшие «остров Русов» шириною в 30 дней пути: это междуречье Волги, Оки, Дона и Днепра. Сарматский разлив — пресноводное море весенних разливов Приднепровской низменности. В «Рифмованной хронике» герцогов норманских (около 1175 года) поэт Бенуа де Сент-Мор писал:

Между Дунаем, Океаном и землей алан
есть остров, называемый Сканси,
и я полагаю, что это земля Руси.

Как пчелы из ульев
вылетают они огромными могучими роями
из тысяч и тысяч яростных бойцов,
и бросаются в бой, выхватив мечи,
воспламененные гневом,
как один за всех и все за одного.
Этот великий народ
может нападать на большие страны,
и давать жестокие сражения,
и одерживать славные победы...

Родиной земледелия обычно считают долины Месопотамии, Нила, Инда.

Член-корреспондент АН СССР П. Н. Третьяков думал иначе. В работе «Происхождение земледелия» (1934), к сожалению, до сих пор недооцененной, он утверждал, что до плуга человеку трудно было бороться с сорной растительностью юга. В лесах Севера его союзник — огонь, прожигающий почву до самых глубоких корней и удобряющий ее, отчего урожай был сам 120—150. «Только такая земля, — вновь утверждает Доманский, — и могла стать «кузницей народов мира».

«О родине много писали и спорили, — писал в 1924 году в Берлине известный ученый, профессор Ф. А. Браун. — Искали ее в Средней Азии, на Памире и западнее до Малой Азии, в бассейне Дуная, в северном Причерноморье, в центральной и даже северной Европе. Все эти кандидатуры приходится считать малообоснованными. Если можно выразиться более определенно, то прародину индоевропейцев приходится искать в средней России. Язык русских славян высокоархаичен и, следовательно, ближе других к праиндоевропейскому».

12

Вернемся к работе А. А. Лучина «Славяне и история». С горечью пишет автор, опираясь на летопись первого Новгородского епископа Иоакима, как «Путья крестил мечом, а Добрыня огнем», как убивали волхвов — служителей древней веры, как пылали костры из старых книг, уничтожившие «бесценнейшую информацию, пронесенную через тысячелетия предками с допотопного времени».

«Современная археология, — продолжает Лучин, — дает полное подтверждение тому, что наши предки еще в XVI веке до н. э. широко владели фонетической письменностью... К грекам эта письменность пришла через 1000 лет (II век до н. э.), а не наоборот, как это изображают современные политики от истории».

Лучин привел отрывки из «Песни о побиении иудейской Хазарии Святославом Хоробре», написанной, как утверждал польский ученый Фаддей Воланский в книге «Памятники славянской письменности до Рождества Христова...» (1847), до «облагодетельствования славян письменностью и христианской верой». «Песнь...» древнего поэта Славосмысла в переводе Александра Иванченко была опубликована в журнале «Волхв», № 1, 1991, в Ленинграде. Поэт-язычник, находясь во власти старой веры, выступал против христиан. Воланский был сожжен вместе с книгой, как «до крайности еретической». Исчезла и литографически воспроизведенная в ней «Песнь...» Славосмысла. В ней же были строки, говорящие о древности славян: «Я римлян чту, они родня нам. Энея помнят, как и мы!» «Песнь...», — делает вывод Лучин, — убедительно свидетельствовала, что письменность у древних славян существовала задолго до Рождества Христова и появилась гораздо раньше, чем у финикийцев, иудеев и греков, да и египтян. Была у славян в те далекие времена и великолепная поэзия».

О древности нашей писал протоиерей Стефан Ляшевский в «Истории христианства Земли

Русской...». По его словам, новейшими методами исследования черепов сарматов установлено, «что сарматы есть европейцы и не могли принадлежать ни к романским, ни к германским народам, а лишь к одной славянской ветви, что подтверждается и археологическими данными и вновь открытой языческой летописью». Это — «Велесова книга» (у Лучина: «Влесова книга»).

«Писалась эта летопись, — читаем у Лучина, — на дощечках с круглыми отверстиями в левом верхнем углу, служившими для связывания их... Язык этой летописи архаично-славянский, современному читателю малопонятный, так как содержит много неупотребляемых, забытых слов. Это язык роксоланов и антов — основных народов, составляющих государство Сарматия».

История открытия этой летописи драматична и поучительна. Начинается она в 1915 г. во время 1-й мировой войны, когда князь Куракин в обозе эвакуированного с запада монастыря обнаружил связку полуистлевших дощечек, испещренных какими-то знаками, похожими на буквы. Никто не знал, что это такое. Короче говоря, вскоре эти таблички из прифронтовой полосы перекочевали в библиотеку родового имени Куракиных в Курской губернии. Но полусгнившие, изъеденные древоточцем, растрескавшиеся 50 дощечек и здесь не дождалось пытливого исторического взгляда опытного специалиста».

Далее о том, как в 1919 году дощечки на полу разгромленной усадьбы обнаружил полковник Изенбек и «наиболее сохранившиеся» «положил в свой мешок», как в Бельгии Ю. П. Миролюбов снял копии с сорока дощечек.

Родовая усадьба Куракиных находилась не в Курской губернии, а рядом — в Орловской. Неточность не мешает нам читать далее работу Лучина с большим интересом.

«Содержание летописи, — приводит он слова Стефана Ляшевского, — самое разнообразное: тут записи древних преданий, и исторические сведения о предках, и описание битв, и просто рассказы из жизни и быта наших предков. Много религиозных языческих мотивов».

Крайне интересна «Хронология предыстории Земли Русской с древнейших времен», взятая из книги Стефана Ляшевского. Из нее узнаем, что в XX веке до Рождества Христова на Днепре нашим предкам принадлежала так называемая Трипольская культура — самая восточная ветвь европейского неолита. В пятнадцатом, на переходе от неолита к бронзе мы заселили богатые земли Приднепровья, Придонья. Кубани и Крыма, обособились на Волхове. В десятом мы были неврами на Днепре, словенцами на Волхове, сарматами на Дону и Кубани, таврами в Крыму. В восьмом на Кубань явились с юга скифы-иранцы, вместе с киммерийцами совершили легендарный поход на Ванское царство и Ассирию. В седьмом греки начали селиться на южном берегу Черного моря, скифы двинулись с востока на запад. Затем (508) в Скифскую империю вторгся персидский царь Дарий Гистап. Князь неводов отказал скифам в помощи. Геродот описал (450) скифов и покоренные ими племена. Донские сарматы перешли Донец (179), пошли на скифов, их царь Гатал, как писал историк Полибий, стал гегемоном на юге. Наступил первый век новой эры. Земли от Ольвии до Танаиса вошли в Римскую империю. Историки называли юг России Сарматией. Сарматское племя аорсов на левом берегу Дона описал в своей «Истории» Страбон.

В первом веке апостол Андрей Первозванный «получил себе в жребий Скифию», прибыл в Крым, в Херсонесе и Неаполесе тавроскифов и Боспорском государстве создал много христианских общин и церквей. К концу века сосланный в Херсонес Климент Римский, ученик апостола Петра, обнаружил в Крыму более двух тысяч христиан в разных местах. В Танаисе храм простоял до 250-го года, когда готы сожгли город. Во время гонений Траяна приняли мученическую кончину Климент Римский и другие. При Диоклетиане были замучены 7 епископов. Впоследствии их причислили к лику святых, в Земле Российской просиявших.

В середине III века Рим отозвал легионы из Крыма. С запада вторглись готы. Донские сарматы — роксолане ушли в западный Крым, частично на полуостров Таманский. После

312-го года император Константин прислал епископа Капитона в Крым для восстановления иерархии, пострадавшей от Диоклетиана. На 1 Вселенском Соборе (325) присутствовали Кадм Боспорский и Филипп Херсонесский, причисленные к лику святых. Полчища гуннов пересекли Волгу и погнали сарматов на запад (360). На Дону сарматы сразились с готами Германореха, сын которого погиб в сражении, описанном в «Велесовой книге». Нашими предками командовали князья Мезенмир и Святояр. Скифы-пахари на Днепре слились с полянами. Святой Иоанн Златоуст посвятил епископа для церкви Боспора (390), умер в ссылке (407) в Абхазии, в селении Пиунт, около Сухуми, где возник Златоустинский монастырь. Киев (430) стал городом-центром объединения славян Приднепровья и пришедших с Поволжья сарматов во главе с князем Хорватом.

Император Юстиниан (534) обнес крепостными стенами Боспор и построил храм Иоанна Крестителя — древнейший храм в Земле Русской. У крымских сарматов, называемых тавроскифами, появляется заимствованный у греков алфавит из 24 букв. В конце VI века сделаны записи об избрании Кия князем всего Приднепровья. Он построил каменные стены, создал крепость.

На 7-м Вселенском Соборе (787) был поборник православия Стефан, епископ из Сурожа. У его раки с мощами (IX век) произошло обращение в христианство русского князя Бравлина, завоевателя Крыма. Крестил его архиепископ Филарет. Во второй половине VIII века в Тавроскифии святительствовал тавроскиф Иоанн, причисленный к лику святых. Тавроскифов в ту пору, по словам Льва Диакона, называли русами.

В 961 году в Херсонес приехал Кирилл и обнаружил там Евангелие и Псалтырь, написанные «роусьскими письменами», учился грамоте у одного руса. Книги, видимо, были написаны для князя Бравлина и его свиты. Кирилл дополнил азбуку 16 буквами и отвез в Моравию. Дополненная азбука была привезена в Киев при Владимире.

В 859 году в Новгороде умер князь Гостомысл, правивший 40 лет. Рюрик, призванный на княжение новгородцами, был сыном его дочери Умилы и князя ободричей Годлава, жившего на Эльбе. Первое крещение Киевской Руси произошло в 867 году. Князь Аскольд строил церковь Пророка Божия Илии на Подоле. В этом храме при Святославе совершала клятвы христианская часть киевлян. 988 год — год крещения Руси Владимиром. В 991—999 годы Иоаким, епископ Новгородский, написал первую христианскую летопись. Первым русским митрополитом был Иларион (1054) из Тмутарханской епархии. По требованию Константинопольского патриарха (1054) он оставил престол, принял схиму в Киево-Печерской лавре под именем Никона, уехал в Тмутархань, создал там монастырь, вернулся через несколько лет в Киево-Печерский, написал (1073) первый Летописный свод и после смерти Феодосия стал игуменом. Нестор в «Повести временных лет» (1112) назвал его Великим.

Где начало нашего государства? По мнению Ляшевского, в 179 году до Рождества Христова. «Именно тогда, — пишет Лучин, — славянское племя сарматов, обитавшее на землях, расположенных по левому берегу Северного донца (на правом были скифы), выступило против скифского рабства. Возглавил это выступление сарматский князь Гатал».

Гатал переправился на правый берег и напал первым. Битва была «чем-то похожая на Ледовое побоище. Скифы тоже любили в атаке клин». Гатал ударил с флангов. Его воины имели панцири из пластинок лошадиных копыт, хорошо защищавшие от меча и стрелы, имели деревянные щиты, обтянутые кожей, копья, пики, мечи, острые с двух сторон. »Все они, — писал в IV веке историк Марцелин о сарматах, — высокие ростом и красивые, со светлыми волосами».

Арабские путешественники видели наших предков высокими и красивыми, стройными, как пальмы...

В книге «Тайны русского народа» (М., 1997) В. Н. Демина, доктора философских наук, отстаивается концепция Полярной прародины человечества. Корни русского народа, по мнению В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, И. Е. Забелина, Д. И. Иловайского, Г. В.

Вернадского, А. Д. Черткова и других историков, уходят в тысячелетние дали. Есть все основания утверждать, — пишет Демин, — что в самых глубинных истоках, на заре становления людского рода все без исключения языки имели общую основу — а, следовательно, и сами народы имели общую культуру и верования... Удастся выделить несколько первичных элементов, которые повторяются во всех без исключения языках мира — живых и мертвых, донося до наших дней дыхание Праязыка. Какая-то случайность здесь полностью исключена. О былом единстве языков однозначно говорится уже в Библии, аккумулировавшей в себе древнее знание Востока, Запада, Севера и Юга: «На всей земле был один язык и одно наречие» (Бытие II. I). В дословном научном переводе это звучит еще более точно: «И были на всей земле язык один и слова одни и те же». И это не наивная легенда, а непреложный факт». Весь мир — большая родня, тем более — русский мир. «Надо понять и уверовать в то, — учит Юрий Миролюбов, — что Русь — это мы, а древняя Русь — тоже мы, и если Бог поможет, то и будущая Русь — тоже будем мы!».

Андреевский крест

1

В тех краях, где льется священная речка Иордан и где очень давно жили русские люди, рос мальчик, которого могли назвать Баней, поскольку в зрелые годы он стал известен как Иоанн. О его детстве нам ничего не известно, но оно было, а потому позволим себе представить такую картину.

Сияло солнце, заливались птицы, покачиваясь на кустах виноградников или прячась в темно-зеленых ветвях стройных и строгих кипарисов. Но вот набежал ветер, тучи небо закрыли, гром загремел, будто кто по небу в колеснице проехал. А перед этим еще и молния грозно сверкнула. Мальчику стало страшно. Мать позвала его домой и ласково погладила по голове:

— Не бойся! Это Илья-пророк по небу катается и стрелы бросает.

— Зачем?

— Чтобы люди Бога не забывали и друг другу не делали зла.

— Расскажи мне о нем.

— Так вот слушай. Когда Илья жил на земле, то прославился всюду. Его очень уважали люди и охотно слушали. Толпами собирались, а он все говорил и говорил.

— О чем?

— Учил людей, чтобы веру помнили, в храм ходили, справедливыми и честными были. А нечестных и несправедливых обличал. В ту пору царем был Ахава. Жена его, властная и гордая, родом из Финикии, взяла над ним верх, стал он ее во всем слушаться, даже веру решил поменять. При дворе начали идолу поклоняться, а Бога забыли. Людей благочестивых изгнали из страны.

— А дальше что было?

— Тут-то и пришел Илья-пророк, смелый человек. Был он босой, в плаще из верблюжьей шерсти, с кожаным поясом на чреслах и посохом в руке. Кому жертвы приносите? — грозно спросил царя. — Идолу Ваалу? Честь забыли?!» И так обличал царя, что все удивились его смелости. «Знай, — сказал Илья Ахаве, — за нечестие твое и царицы страну постигнет трехлетний голод!» К покаянию царя призвал, но тот не раскаялся.

— А что же Илья?

— Илья пошел на гору Кармель, где жертвы идолу Ваалу приносились, и там победил в споре жрецов идольских и даже собственноручно избил их.

— Наверно, посохом колотил?

— И посохом.

— А что же царь с царицей?

— Разгневались они, когда узнали. А царица, звали ее Иезавель, так разъярилась, что поклялась уничтожить пророка. Но Илья как ветер исчез в пустыне. Когда же вновь появился в Самарии, то рядом с ним был его ученик Елисей. Говорят, Илья смирил Ахаву, а затем обличил и его преемника Охозию.

— За что?

За то, что тот во время болезни обратился к идолу Вельзевулу с молением. «Помни Бога!»

— гремел Илья. Бог возлюбил смелого пророка и взял его к себе на небо. На огненной колеснице Илья укатил, Елисею же наказал продолжать святое дело на земле. Говорят в народе, когда людям совсем станет трудно, то явится к ним Мессия-спаситель, а перед этим Илья-пророк пойдет по земле, заговорит о спасении.

Крепко запали рассказы об Илье-пророке в душу Иоанна. Много он читал, много думал и, когда вырос, почувствовал в себе великие силы духовные. Стал смелым, как Илья, справедливым и честным, как он, и внешностью, уверяли люди, походил на пророка. Сходство усилилось, когда Иоанн надел плащ из верблюжьей шерсти, подпоясался кожаным ремнем, взял в руки посох.

Жил Иоанн в пустыне, питался там акридами и диким медом, людям, которые приходили к нему, сердито говорил о пророках, призывал к покаянию. Напоминал слова пророка Исаии: «Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези ему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути станут гладкими; и узрит всякая плоть спасение Божие».

— Сотворите же плоды покаяния! — гремел голос пустынника. — Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь.

Людям становилось страшно.

— Что нам делать? — спрашивали.

Он отвечал:

— У кого две одежды, дай одну неимущему; у кого есть пища, делай то же.

Мытари, сборщики податей спросили, что им делать.

— Ничего не требуйте более определенного вам, — ответил Иоанн.

Воины спросили и услышали:

— Никого не обижайте, не клеветайте и довольствуйтесь своим жалованьем.

— Кто ты? — спросил народ. — Может, Илья-пророк?

— Нет.

Священники из Иерусалима подумали, вспомнили пророчества о пришествии Мессии-спасителя и решили, что это он, посланный Богом.

— Нет, — говорил пустынник.

— Кто же ты?

— Глас вопиющего в пустыне, — сказал Иоанн и добавил торжественно: — Идущий за мною стал впереди меня, Я не достоин развязать ремень обуви Его.

Пустынник крестил людей, окуная в воду, предсказывал близость Царства Божьего. Шли и шли к нему — из Иерусалима, главного города нудеев, из Галилеи, населенной арабами, греками и другими людьми, в том числе языческой веры. Из стоявшего на северо-западе Галилейского озера города Вифсаиды пришли Иоанн и Андрей, молодые рыбаки.

Услышав о проповеднике, они оставили сети и явились на берег Иордани. Приняли здесь крещение. В каждом слове Иоанна звучала новая вера.

— Бога не видел никто никогда, — говорил он.

Едиnorodный Сын, сущий в ведре Отчем, грядет к нам. Моисей дал закон, а чрез Него мы получим благодать.

Задумывались друзья и чувствовали, что находятся в ожидании необычайного света,

который вот-вот хлынет в их души.
И дождались.

2

Однажды увидели они человека редкой красоты. Высокий и стройный, с длинными, распущенными волосами золотистого цвета, с ласковым взором, проникающим в сердце. Из глаз струилась такая любовь, такая нежность, что люди забыли всё, глядя на Него. А он молча со всеми вместе подошел к воде.

Мне надобно креститься от Тебя! - воскликнул Иоанн. — Ты ли приходишь ко мне?
— Оставь теперь, сказал Он чистым и звучным голосом, — ибо так надлежит нам исполнить всякую правду.

«И крестившись, — писал потом Евангелист, — Иисус тотчас вышел из воды, — и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него... И се, глас с небес глаголющий:

Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в котором Мое благоволение »

Он уходил, шагая легко, будто по белым облакам, а не по каменистой, высушенной зноем земле.

— Вот Агнец Божий, — говорил Иоанн ученикам и прочим людям, — который берет на себя все грехи мира. Идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня; я не знал Его, но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю. На лице говорившего было воодушевление: оно горело и сияло.

— Свидетельствую, — продолжал он торжественно, что видел сейчас Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем. Я не знал Его, но Пославший меня крестить в воде сказал мне: «На кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым. Свидетельствую, что Сей есть Сын Божий».

Ученики слушали с большим волнением. День незабываемый в душу залег. И еще много дней. И вся жизнь иным путем пошла. Иоанн, ставший потом одним из авторов Евангелия, вспоминал:

«На другой день опять стоял Иоанн и двое из учеников его. И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий. Услышавши от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом».

— Что вам надобно? — спросил Иисус.

— Учитель, где ты живешь? — спросили они.

— Пойдемте и увидите, — услышали в ответ.

«Они пошли и увидели, где Он живет, и пробыли у Него день тот. Было около десятого часа».

Иоанн Богослов был краток и точен: описанное происходило с ним, но нигде не назвал себя. Андрей назван. О нем Евангелист поведал, как он пошел к брату Симону и сказал: Мы нашли Мессию, что значит «Христос».

Симон после встречи с Христом получил еще одно имя: Петр. С этим именем и вошел он в историю веры.

Затем Иисус «восхотел идти» в Галилею и позвал с собой Филиппа, а тот нашел Нафанаила и объявил ему, что Иисус из Назарета — Тот, о Котором говорили Моисей и пророки. — Из Назарета может ли быть что доброе? — возразил Нафанаил.

— Пойди и посмотри, — сказал Филипп.

Увидел и поверил. Вера — великая сила.

— Истинно, истинно говорю вам, — говорил Христос, — отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому.

3

Галилея — северная часть Палестины, обнимающая плоскогорье между Иорданом и Средиземным морем, была краем, где в глубокой древности жили наши предки. Знаменитый французский академик Эрнест Ренан родным языком Спасителя называл сирийский, а Его самого — сирийцем. В жилах Пресвятой Девы Марии, покровительницы России, могла быть славянская кровь. Александр Асов в книге «Мифы и легенды древних славян» (М., 1998) утверждает, что ни царь Давид, ни Соломон, его сын, не были иудеями. Давид был арием-хибером, имел войско из 600 пеласгов-филистимлян, короновал себя в городе этрусков-хиберов Хевроне. Его сын Соломон родился от хеттянки Вирсавии и, значит, тоже не был иудеем. «Среди семисот жен и трехсот наложниц Соломона Библия не упоминает ни одной из иудейского племени... Поскольку к Давиду и Соломону возводят и род Иисуса Христа, то становится ясно, что и сам Иисус по этой линии был потомком Ария и Дажьбога, а значит, и внуком Дажьбожиим, нисхождением Всевышнего».

Марии дорога была родная Галилея, поэтому после смерти мужа она переселилась из Назарета в Кану Галилейскую...

«При завоевании Палестины, — читаем в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, — евреи заняли ее сев. часть не совсем так, как это делали они в других местах. Здесь почти не были вытеснены туземцы». Туземцы «своей массой влияли на победителей и делали из Г. (галилеи) страну языческую». Население было смешанным: «Рядом с иудеями здесь жили арабы, греки, сирийцы, финикияне». Сложился особый тип народности — галилеяне. «Это — та среда, к которой принадлежали ученики и слушатели Иисуса. Люди исключительной религиозности, галилеяне, однако, в отличие от своих иерусалимских собратьев, оказывались более способными к свободным переживаниям». Население в основном теснилось на живописных берегах озера, или, как тогда говорили, Галилейского моря. Города Тивериада, Магдала, Капернаум, Вифсаида, Гаризим, Назарет, Кана, Наин, рыбацкие поселки были густо заселены. Среди людей с мягким характером встречались и взрывчатые натуры. Даже Христос после одного случая назвал сынов Заведеевых «сынами грома». В шестидесятые годы н. э. Галилея стала центром восстания против римлян. Более шести тысяч храбрых галилеян пало в одной из битв на Тивериадском озере...

Иисус, по словам Ренана, «ходил по Галилее как бы в вечном празднике. Он пользовался для своих путешествий услугами мула, этим удобным и безопасным восточным способом передвижения. Большие черные глаза мула, осененные длинными ресницами, удивительно кротки». Дом, где останавливался Учитель, становился центром торжества. Женщины «умащали Ему голову маслом и обмывали Ему ноги благовонными жидкостями». Матери приносили младенцев, чтоб Он коснулся их. Учитель подзывал к себе детей и целовал. Шумные и резвые, они никогда не мешали Ему. Нарождающаяся религия, по словам Ренана, «во многих отношениях была религией женщин и детей». «Осанна!» — кричали дети, приветствуя обожаемого Учителя, и носили перед Ним пальмовые ветви. «Он не упускал случая повторять, что дети святые существа, что царство Божие принадлежит детям. Когда ученики заспорили о первенстве, Он взял ребенка, поставил среди них и сказал: «Вот кто больше всех; кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном».

Мы ничего не знаем о детстве Спасителя. В одном из апокрифов сохранилось предание: маленький Иисус взглядом сдвигал здания и лепил из глины птиц, которые тут же становились живыми и улетали. Мудрое предание: учением своим Он привел в движение души и дал людям крылья веры в вечную жизнь.

Нам известно, что Он помогал Иосифу плотничать. В 12 лет, как повествует в Евангелии Лука, Иисус оказался с родителями в Иерусалиме. Все ушли, а Он остался, «и не заметили того Иосиф и мать Его». Думали, что Он ушел с другими. «И не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его». Нашли в храме, «сидящего посреди учителей, слушающего и спрашивающего их... Все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его».

— Чадо! Что Ты сделал с нами? — сказала Матерь. — Вот отец Твой и Я с великой скорбью искали Тебя.

«Он сказал им: зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?»

Матерь Его сохранила эти слова в сердце своем и, быть может, вспомнила в Кане Галилейской, когда там оказался Ее Сын вместе с учениками. Был Он на браке (свадьбе) и услышал от Матери, что вышло вино. И тогда Он совершил первое чудо: воду превратил в вино.

После этого и Он, и Матерь, и ученики Его, и двоюродные братья (от Марии Клеопы, сестры Матери) двинулись в Капернаум. Пробыли там, на берегу Галилейского озера, несколько дней. Приближалась Пасха.

Пошли в Иерусалим. Там в храме Иисус увидел людей, которые продавали волов, овец, голубей и меняли деньги. Он тут же сделал бич из веревок, выгнал торговцев из храма, а деньги рассыпал, столы опрокинул.

«И сказал продающим голубей, — вспоминал Иоанн Богослов, — возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не делайте домом торговли».

Иудеи спросили Христа:

— Каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать?

Христос ответил:

— Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его.

— Храм строили 46 лет, а Ты в три дня воздвигнешь его?! — удивились иудеи.

Не поняли и ученики. Когда же Учителя распяли, им стало ясно, о каком храме Он говорил, — о храме Тела Своего.

Иисус и его ученики, по убеждению Ренана, «были исполнены добрых чувств и доброй воли».

«Благодаря прекрасному климату Галилеи, — писал он в «Жизни Иисуса», — вся жизнь этих честных рыбаков была сплошным очарованием. Поистине прологом царства Божия была жизнь этих простых, добрых людей, которые то беззаботно покачивались на волнах своего прелестного маленького моря, то мирно спали на его берегах. Мы себе представить не можем всего очарования жизни, протекающей таким образом под открытым небом, того ровного и яркого, в то же время, внутреннего огня, который получается от этого постоянного общения с природой, сладких сновидений в тихие ночи при свете звезд, под бесконечно глубоким синим куполом неба... В эпоху Иисуса и небеса еще не закрылись, и земля еще не остыла. Небо отверзлось над Сыном человеческим и ангелы Божии восходили и нисходили к Нему: всюду были видения царства Божия, ибо человек носил их в сердце своем. Эти чистые и кроткие души созерцали вселенную в ее идеальном источнике; быть может, мир раскрывал свою тайну божественно-ясному сознанию этих счастливых детей, которые за чистоту своего сердца были допущены предстать перед лицом Бога.

Иисус со своими учениками почти всегда жил под открытым небом».

4

«И ходил Иисус по всей Галилее», — читаем в Евангелии от Матфея. Там же — Нагорная проповедь:

«Блаженны нищие духом; ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны плачущие; ибо они утешатся.

Блаженны кроткие; ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды; ибо они насытятся.

Блаженны милостивые; ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем; ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы; ибо они будут наречены сынами Божиими.
Блаженны изгнанные за правду; ибо их есть Царство Небесное.
Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить на Меня.
Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.
Вы соль земли. <...>
Вы свет мира. <...>
Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный». Он призывал прощать обиды, не мстить, любить врагов и благословлять проклинающих, творить милостыню, но не трубить об этом, не собирать сокровищ на земле, не служить двум господам, не судить других, беречься лжепророков, которые приходят «в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные».
Окончив проповедь, Он сошел с горы, «за ним последовало множество народа». В Капернауме подошел к Нему сотник, попросил избавить слугу от жестоких страданий. Иисус пообещал прийти и исцелить больного.
— Господи! — сказал сотник. Я не достоин, чтобы Ты вошел под кров мой; но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой.
— Истинно говорю вам, — заметил Христос, — и в Израиле не нашел Я такой веры. Говорю же вам: что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства низвержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов.
— Иди, — сказал сотнику, — и, как ты веровал, да будет тебе. Слуга выздоровел в тот же час.
Учитель продолжал учить, а слава Его росла.
Над Иоанном Крестителем в это время сошлись тучи. Обличая несправедливость, он посмел сказать самому царю Антипе, что его брак с Иродиадой незаконен. Царь под давлением жены заточил в темницу Иоанна. Тот продолжал советовать отослать незаконную жену. Люто возненавидела его Иродиада, внучка Ирода Великого, уничтожителя младенцев в год Рождества Христова. Примерно в 30-м году Ирод Антипа праздновал в Махероне свой день рождения в роскошном дворце. Соломея, дочь Иродиады от первого брака, исполнила танец. Гости были в восторге.
— Проси, чего хочешь, — сказал Антипа.
— Голову Иоанна на этом блюде, — ответила Соломея по совету матери.
Царь выполнил просьбу.
Христос, узнав об этом, удалился с учениками в пустыню. Несколько ранее, когда еще жив был Иоанн Креститель, Он говорил народу:— Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя... И если хотите принять, он есть Илия, которому должно прийти.
Однажды сказали Христу, что Ирод Антипа и его хочет убить.
— Пойдите и скажите этой лисице, — смело ответил Иисус, — се, изгоняю бесов и совершаю исцеления сегодня и завтра, и в третий день кончу.
И добавил, что может ходить «и в следующий день», потому что «не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима».
Иерусалим не нравился Иисусу. Как-то, в 32-м году, его позвали родные туда на праздник, Он сначала отказался. Потом, когда все уже были в пути, двинулся и Он. «Для Иерусалима Иисус был чужеземцем», — читаем у Ренана. Высокомерие священников было ему неприятно. Ученикам, обратившим внимание Учителя на красоту храма, привелось услышать: «Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне». Он не принимал роскоши, осуждал богатых: «Легче верблюду войти в игольное ушко, чем богатому в Царство Небесное».
Христос продолжал учить, творить чудеса исцеления, а в главном городе иудеев зрел

замысел убить Его.

Осень и часть зимы Он провел в Иерусалиме. В эти дни здесь бывает холодно.

«Обыкновенно Он, — читаем у Ренана, — прогуливался в портике Соломона и по его крытым галереям». В конце декабря проходил «праздник обновления». Вскоре после этого Иисус предпринял путешествие к берегам Иордана, посетил места, где принимал крещение от Иоанна. В Иерихоне главный сборщик податей Закхей пожелал видеть Иисуса. Был он маленького роста, а потому влез на дерево у дороги, по которой должно было двигаться шествие. Иисус был тронут и пожелал остановиться у Закхея, назвал хозяина «добрым чадом Авраама». Тот потом роздал половину имущества бедным.

Люди хотели чуда.

Над самим же Спасителем сошлись тучи. Избранный первосвященником Иосиф Каиафа и его предшественник, тесть Ханан (или Анна), задумали черное дело. «Анна был главным виновником этой ужасной драмы», — утверждал Ренан. И тесть, и зять пришли к выводу: «Лучше нам, чтобы один человек погиб за людей, нежели чтоб весь народ погиб».

Первосвященники предвидели, что последствием проповедей Иисуса «будет обострение римского ига и ниспровержение храма, источника их богатств и почестей». Род Анны «отличался коварством, смелостью и жестокостью, той особенной, презрительной и подозрительной злобой, которой характеризуется еврейская политика».

Участь Иисуса из Назарета была решена...

Архиепископ Иннокентий (И. Е. Борисов), уроженец города Ельца Орловской губернии, оставил сочинение в 5 частях «Последние дни земной жизни господина нашего Иисуса Христа» (Одесса, 1857), в котором писал: «Пред концом трехлетнего общенародного служения Иисусова в качестве Мессии уже вся Иудея в отношении к Нему, видимо, делилась на две стороны, из коих одна веровала в Него и благоговела пред ним, а другая враждовала против Него с такою злобою, что не усомнилась вознести Его на крест». «С первого взгляда, — продолжал Иннокентий, — казалось невозможным, чтобы народ иудейский не узнал своего Мессию во время Его пришествия. Никогда не ожидали Мессию с таким нетерпением, как во времена Иисуса Христа: о пришествии Его молились во храме и по домам... Между самыми язычниками повсюду распространился в то время слух о скором наступлении чрезвычайного переворота вещей, когда Восток снова возьмет верх над Западом, и из Иудеи выйдут люди для возобладания всем светом».

Некоторые возлагали надежды на Ирода Великого, на кесарей римских, а то и вовсе «осмеливались выдавать дерзновенно самих себя за Обетованного Избавителя».

При таком всеобщем и пламенном ожидании «можно ли было думать, что пришедший Мессия будет не признан, отвергнут, осужден, распят?»

Но так и произошло. Что случилось? Где причины «столь губительного ослепления»?

Народу, по мнению Иннокентия, необходимо было иметь «чувство небесного, жажду вечного, стремление к святому и освящающему: но в сих-то драгоценных качествах, — кроме малого числа избранных, был крайний недостаток... У большей части действительным Богом души и сердца был не Иегова, а чрево и золото». Мессия не мог не потребовать «тотчас по явлении Своем, совершенной перемены в мыслях, чувствах и во всем образе жизни». Но как было отказаться от любимых предрассудков и страстей? Не отказались. В числе людей, не способных по их душевной нечистоте войти в царство Божье, первыми оказались старейшины и книжники, призванные быть вождями народа. Учение пророков «стало унижаться и темнеть в уме иудеев, особенно после плена Вавилонского». Произошло «всеобщее оскудение духа веры и падение нравственности». «Вместо Ангела завета, имеющего начертать в сердцах людей новый закон жизни», почти все «начали ожидать в лице Мессии всемирного завоевателя, который для того и явится во всем могуществе Посланника Божия, окруженный знаменами и чудесами, чтобы vizложить и упразднить все тогдашние царства на земле, составить из всего рода человеческого единую державу, в коей иудеи должны занять первое место и быть Его наперсниками».

Мессия, надеялись, соберет иудеев в Палестину «из рассеяния их по всему свету», приведет из ада и воскресит всех умерших. восстановит царство Давидово, плодом пришествия будет «обновление Иерусалима и устройство нового великолепного храма, покорение всех народов иудеям, учреждение великолепных вечеров, чрезвычайное плодоношение земли, уничтожение болезней и смерти». Первосвященники и старейшины надеялись, что Мессия «не оставит их без особенного внимания», что они, передав Ему власть над народом, останутся, однако же, первыми и довереннейшими слугами Его нового небесного царства».

При таком «гибельном ослеплении умов и сердец» появление Иисуса Христа «не с мечом, величием и славою земною, а в самом простом и смиренном виде народного учителя, окруженного не легионами воинов, а двенадцатью простых и бедных учеников, да еще из Галилеи, из Назарета малолюдного, казалось крушением любимейших ожиданий. Сначала гордые старейшины не обращали внимания на бедного проповедника. Когда же присмотрелись, то увидели опасность своему благополучию.

Вскоре и Рим обратил внимание на Христа. Его проповеди заинтересовали Понтия Пилата. Назначенный в 29-м году правителем, или прокуратором. Иудеи, он жил в Кесарии, но в назначенные времена появлялся в Иерусалиме. Наблюдал за сбором податей. Производил судебные разбирательства. С ним связаны хищничества, убийства, торговля правосудием. Допускал и такое: без суда посылал невиновных на муки.

5

Цезарю Тиберию, Императору Рима.

Благородный Повелитель, приветствую!

...Между разными слухами, которые дошли до моего сведения, был один особенный. обративший на себя мое внимание. Тут пребывает молодой Человек, о Котором рассказывают, что Он появился в Галилее. Этот Человек проповедует тут в корректной форме новый Закон от имени Бога, будто бы пославшего Его. Я был вначале встревожен, думая, что Он имел целью поднять здешний народ против римлян. Мои опасения не оправдались. Иисус из Назарета говорил скорее дружественно о римлянах, чем об иудеях. Однажды, проходя случайно по площади Силоэ, где собралась большая толпа людей, я заметил среди них молодого Человека, который прислонился к дереву и спокойно говорил собравшимся вокруг Него. Мне было сказано, что это был Христос. Я мог это легко заметить по той большой разнице, которая была разительна между Ним и Его слушателями. Его золотистые волосы, лицо и борода придавали Его внешности облик Существа иного мира. Ему было лет около тридцати. Никогда и никого из людей я не видел с такой благостью и спокойствием лица. Что за полная противоположность между Ним и Его слушателями с их черными бородами и желто-коричневым цветом лица. Никогда я не читал в философских трудах ничего такого, что можно было сравнить с основами учения Иисуса. Один из бунтарей-евреев, каких так много в Иерусалиме, спросил Иисуса о том, дозволено ли законом платить цезарю трибут. Иисус ответил ему: «Отдай цезарю цезарево, а Богу Божие».

Я написал Иисусу приглашение, прося Его появиться в Претории. Он пришел. Вы знаете, что в моих жилах течет испанская и римская кровь, не способная чувствовать слабость или страх. Когда же появился Назаренянин. я прогуливался в моей базилике. Мне почудилось вдруг, как если бы мои ноги приросли к мраморному полу. Я дрожал всем телом, как будто наказуемый виновный. Назаренянин был спокоен, как сама невинность. Когда Он подошел ко мне, остановился молча и знаком руки сказал: «Я здесь». Иначе Он не сказал ни одного слова.

Короткое время я поглядывал с восхищением и неким почтительным страхом на

необычайную Особу этого Человека. Нечто подобное знакомо нашим многочисленным художникам, которые создают на своих картинах или скульптурах наших богов и героев. На нем не было ничего, что в Его Особе было бы отталкивающим. Я чувствовал себя слишком взволнованным, чтобы подойти к Нему ближе.

«Иисус, — сказал я, наконец, Ему, и мой язык запинался. — Иисус из Назарета, в последние три года я допустил полную свободу Твоему проповеданию и не жалею об этом. Твои слова суть слова мудрых. Я не знаю, читал ли ты Сократа или Платона, но знаю, что в Твоих словах заключается полная достоинства простота, которая ставит Тебя далеко выше над теми философами. Твоя кровь не должна быть пролита, — сказал я с глубоким чувством. — В моей оценке Ты для меня многоценней ради Твоей мудрости, чем все бунтующие и гордые фарисеи, которые злоупотребляют спокойствием, обеспеченным им римлянами. Они плетут заговор против Цезаря и уверяют неведующих в том, что Цезарь — тиран, который собирается их погубить. Дерзкие ничтожества! Я буду оберегать Тебя от них. Моя Претория должна быть денно и мощно для Тебя святым убежищем!

Иисус беззаботно покачал головой.

Я Ваш преданный слуга, Понтий Пилат».

Пилат не угадал возраст Христа: было Ему к моменту встречи около тридцати трех, не менее. Начал Иисус проповедовать в тридцать лет, сразу же после крещения. Упомянутая мною книга архиепископа Иннокентия начинается словами: «В три с половиною года служения Иисуса Христа, в качестве Мессии...» Срок этот, судя по рапорту Пилата, подходил к концу. Над Спасителем нависла смертельная опасность. Он молчал потому, что видел насквозь лживую натуру продажного правителя, знал цену его пустым заверениям: «Я буду оберегать Тебя...» Силы более значительные, чем Пилат и Тиберий, встали на пути Богочеловека: Он должен был испить горькую чашу во имя спасения нашего.

И предан был за тридцать сребреников жадным Иудой, и отдан был в руки палачей трусливым Пилатом, и произошло то, о чем двадцать лет спустя писал апостол Павел, позже — знаменитый римский историк Тацит, отмечавший, что в Риме в 64-м году «огромное множество людей, которых народ звал христианами, предано было изысканнейшим казням. Христос, родоначальник этой секты, был казнен прокуратором Понтием Пилатом; и подавленное на время гибельное суеверие вновь не раз прорывалось наружу... не только в Иудее, где оно зародилось, но и в самом Риме».

Для человека, не познавшего свет одной из величайших истин, новая вера казалась «гибельным суеверием», но и это мы готовы историку простить за ценное свидетельство, оставленное потомкам.

6

Говорили о Нем разное.

Одни:

— Он добр.

Другие:

— Он обольщает народ.

Боялись иудеев, задумавших убить Его. Он же смело вошел в храм и учил.

Как Он знает Писания, не учившись? — дивились иудеи.

Мое учение — не Мое, но Пославшего Меня, отвечал Христос. — Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога им оно, им Я Сам от Себя говорю. Говорящий сам от себя ищет славы себе; а кто ищет славы Пославшему Его, тот истинен, и нет неправды в Нем.

— Не дал ли вам Моисей закона? — продолжал с укором. — И никто из вас не поступает по закону. За что ищете убить Меня?

И еще долго говорил. Народ в Него поверил. Иудеи на этот раз не тронули...
— Много добрых дел показал Я вам от Отца Моего, — сказал Христос. — За которое из них хотите побить Меня камнями?
— Не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, — отвечали иудеи, — но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом.
— Если Я не творю дел Отца Моего, услышали в ответ, — и не верьте Мне. А если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем.
Искали схватить, но он ушел опять за Иордан, где многие пришли к Нему. Вспомнили Иоанна Крестителя:
не сотворил никакого чуда, но все, что сказал о Христе, было истинно. Он же вскоре, услышав, что в Вифании заболел Лазарь, живший там вместе с сестрами Марфой и Марией, решил идти. Ученики напомнили, что там иудеи недавно искали Его побить камнями.
— Лазарь, друг наш, уснул, — сказал Иисус. — Я иду разбудить его.
Ученики поняли, что речь идет о сне обычном. Учитель тогда пояснил, что друг умер. Придя в Вифанию, узнали, что Лазарь лежит в гробу уже четыре дня. Марфа вышла навстречу и сказала:
Господи! Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что, чего Ты попросишь у Бога, даст тебе Бог.
— Воскреснет брат твой, — успокоил женщину Иисус.
И еще сказал:
— Я есмь воскресение и жизнь, верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек. Верить ли сему?
— Так, Господи! — ответила Марфа. — Я верую, что ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир.
Пошла в дом и позвала Марию. Та, увидев Христа, пала к ногам Его.
Он же пошел к пещере, где лежал Лазарь. Велел отвалить камень от гроба. И воззвал громким голосом:
— Лазарь! Иди вон.
Вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами.
— Развяжите его, пусть идет, — приказал Иисус.
Многие уверовали в Него. Многие пришли глянуть на воскресшего и на Учителя, сотворившего чудо. Когда же Он пошел на праздник, люди взяли в руки пальмовые ветви и приветствовали Его. Он нашел молодого осла и сел на него. Продолжал путь, сопровождаемый ликующим народом.
— Весь мир идет за ним, — говорили в ярости между собою фарисеи.
Эллины пожелали увидеться с Ним. Просили об этом Филиппа. Тот передал просьбу Андрею. И Андрею, и его брату Петру, и Иоанну Богослову любимому ученику Спасителя, и другим ученикам крепко запомнились Его слова:
— Любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную. Кто мне служит, Мне да последует, и где Я, там и слуга Мой будет; и кто Мне служит, того почитит Отец Мой. Душа Моя теперь возмутилась, и что Мне сказать? Отче! Избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел.
И, возвысив голос, воскликнул:
— Отче! Прославь имя Твое.
«И тогда, — вспоминал Евангелист Иоанн, пришел с неба глас: и прославил и еще прославлю.
Народ слушал. Одни сказали, что это гром. Другие: «Ангелы говорили».
— Не для меня был глас сей, — пояснил Иисус, — но для народа. Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон. И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе... Еще на малое время свет есть с вами: ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас

тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет. Доколе свет с вами, да будете сынами света. Сказан это, Он отошел и скрылся...

И пришло время вечери прощальной.

Дьявол уже вложил в сердце Иуды Искарюота преступное желание предать Его. Он же снял верхнюю одежду, препоясался и, влив воды в умывальницу, стал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем.

— Господи! — сказал Петр. Тебе ли умывать мои ноги?

— Что я делаю, теперь ты не знаешь, — ответил Иисус, — а уразумеешь после.

Когда же умыл ноги всем, то оделся и, отдыхая, продолжал говорить. И сказал вдруг:

— Истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня.

Ученики озирались, недоумевая. Петр сделал знак Иоанну, возлежавшему рядом с Учителем, чтобы тот спросил, кто — предатель.

Иоанн спросил.

— Тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам, — ответил Иисус.

И подал Иуде со словами:

— Что делаешь, то делай скорее.

Иуда вышел. Подумали, что Учитель послал его купить что-нибудь к празднику.

На дворе была ночь...

И настал час, когда Его схватили, когда Пилат допрашивал Его, а толпа, подготовленная лютыми врагами Христа, кричала в ослеплении:

— Распни Его!

Пилат видел, что Он невиновен. Отправил Иисуса к царю Галилеи Ироду Антипе, у которого были руки в крови Иоанна Крестителя. Стать палачом и на этот раз хитрый царь не захотел. Вернул Галилеянина к прокуратору. Пилат пробовал гнев толпы перевести на разбойника Варавву. Не удалось. Тогда вымыл руки и приказал бичевать Спасителя.

В ушах Пилата звучало: «Если отпустишь Его, ты не друг кесарю».

Не отпустил. На Голгофу послал. Самой мучительной казни предал.

Творивший чудеса для других, для утверждения в душах веры самой высокой и справедливой, Он ничего не сделал для себя. Молча вынес побои и насмешки, молча понес на Голгофу Свой крест. Молчал, когда распинали, когда прибивали над головой надпись: «Иисус Назорей, Царь Иудейский». Молчал, когда воины сорвали с Него одежды, бросали жребий и уносили хитон, «весь тканый сверху».

Три Марии стояли тут же — Мать Его, сестра Клеопова и Магдалина, которая потом, по преданию, пришла в Рим и рассказала императору о Христе. Потрясенный Тиберий выслушал ее жалобу на Пилата и получил от нее красное пасхальное яйцо как символ страданий Иисуса. Проповедовала она Евангелие в Риме, затем — в Ефесе: там еще в половине седьмого века показывали гробницу Марии Магдалины. В 886 году ее мощи перенесли в Царь-град.

Был при кресте Иоанн, прозванный Богословом, любимый ученик Спасителя. В то время, как другие скрывались, боясь расправы, он бесстрашно стоял до конца. Христос сказал Матери: «Жено! Се сын Твой». Иоанну: «Се Мать твоя».

Был он до конца земных дней достойным сыном Богородицы. Находясь в Малой Азии (Ефес), написал Евангелие своего имени. По преданию, как бы по внезапному Божественному вдохновению, во время собрания старейшин Церкви произнес величественно-сильные первые слова: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Завершил повествование словами: «Многое и другое сотворил Иисус: но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь».

Скончался Иоанн 94 лет от роду, в царствование Трояна, погребен был в Ефесе. К тому времени многих уже апостолов не осталось в живых.

Матфей, написавший свое Евангелие первым, рассказывал, что после того, как распяли

Христа, «от шестого часа тьма была по всей земле до часа девятого». Около девятого часа «возопил Иисус громким голосом: «Или, Или! лама савахфани?» Некоторые из стоявших там говорили: «Илию зовет Он». Другие: «Постой, посмотрим, придет ли Илия спасти Его». Иудеи, видимо, не поняли последних слов Галилеянина. Он, возопив второй раз, испустил дух. Тут же завеса в храме разодралась надвое, сверху донизу, земля потряслась, камни расселись. «И гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли». Сотник и воины, что стерегли Иисуса, устрашились и уверовали, говоря: «Он был Сын Божий».

Вечером к Пилату пришел Иосиф, богатый человек из Аримофеи, который также учился у Иисуса, попросил Его Тело. Пилат велел отдать. Иосиф обвил Тело чистою плащаницею, положил в гробе, высеченном из скалы, привалил большой камень и удалился.

На другой день, «который следует за пятницею, первосвященники и фарисеи пошли к Пилату, потребовали «охранять гроб до третьего дня, чтоб ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу «воскрес из мертвых». Пилат сказал: «Имеете стражу, пойдите, охраняйте, как знаете». Они поставили стражу и «приложили к камню печать».

7

Прошла суббота. На рассвете другого дня, как писал Матфей, пришли Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб. И вот сделалось великое землетрясение: ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем».

Вид Ангела был, «как молния, и одежда его бела, как снег».

Стерегущие устрашились и пришли в трепет, «стали, как мертвые».

Ангел же обратил речь к женщинам. «Не бойтесь, — сказал, — ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого; Его нет здесь: Он воскрес...»

И еще сказал, чтобы передали ученикам: «Он воскрес из мертвых и предваряет вас в Галилее: там Его увидите...»

Они поспешили «со страхом и радостью великою». На пути к ученикам их встретил сам Иисус. Сказал: «Радуйтесь». Они «ухватились за ноги Его и поклонились Ему». Он продолжал: «Не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня».

У Марка уточняем: одна из женщин была Матерь Божия.

Первосвященники дали воинам денег и уговорили пустить слух, что ученики Христа, «пришедши ночью, украли Его, когда мы спали». «И пронеслось слово сие между Иудеями до сего дня, — писал Матфей. — Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус».

Увидев Его, поклонились, а «иные усомнились». Учитель приблизился к ученикам и сказал: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого духа».

Свое Евангелие Матфей, бывший сборщик податей, писал для иудеев. Писал, полагают, в 50—60-е годы.

Несколько позже, но ранее разрушения Иерусалима. В 70-м году родилось Евангелие от Марка, носившего еще имя Иоанн. Марк изложил все, что слышал от Петра. Писал в Риме или Александрии для язычников, ссылки на Ветхий завет у него редки. Есть любопытный эпизод о юноше, который в ночь взятия Христа был схвачен воинами, но вырвался, оставив одеяло в их руках. По преданию, Марк рассказал о себе.

Третье Евангелие написал Лука, сотрудник апостола Павла, во время его миссионерских

путешествий. Слово обращено к некому Феофилу, чтобы тот «узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен...»

Евангелие от Иоанна, любимого ученика Христа, было написано по просьбе христиан Эфеса. «Ему одному из первых, — читаем в первом томе энциклопедического словаря «Христианство» (М., 1993), — дано было убедиться в воскресении Христа... Он вместе с Петром проповедовал о Христе в Иерусалиме, не раз подвергался гонению от синедриона и даже претерпел бичевание. Затем, после путешествия в Самарию для утверждения новообращенных, апостол И(оанн) Б(огослов) почти совсем сходит с поприща исторически известной деятельности. Из Иерусалима он, по-видимому, отправился в Рим, где перенес страшное Нероново гонение на христиан. Есть предание, что и он сам подвергнут был мучению и ввержен в котел с кипящим маслом, но вышел из него еще более здоровым и юным. Впоследствии он был схвачен в Риме и отправлен в ссылку на полупустынный о-в Патмос «за слово Божие и свидетельство Иисуса Христа». Там он удостоился великого откровения о будущих судьбах церкви и мира, которое и изложено им в Апокалипсисе...

Человек, бесстрашно стоявший у места расправы над Сыном Бога, до конца долгой жизни своей отстаивал чистоту веры, собирал вокруг себя учеников, следил за деятельностью окружающих церквей, разоблачал ложные умствования еретиков. В своих трех посланиях предостерегал верующих от антихристов, внушал любить друг друга, и «любить не словом или языком, но делом и истиною»; «Кто не любит, тот не познал Бога; потому что Бог есть любовь».

Таков был автор четвертого Евангелия, бывший рыбак из Галилеи, соратник Андрея Первозванного с той далекой поры, когда на берегах Иордана собирал народ Иоанн Креститель.

Чем больше жил Иоанн Богослов, тем глубже проникал он в то учение, которое получал из первых уст, из уст самого Спасителя. Вера помогла ему сохранить себя в котле жизни, кипевшей суесловием и заблуждениями, и остаться душою здоровым и юным.

Его Откровение, грозный Апокалипсис гремит в веках предсказанием страшным, зовущим к покаянию:

«И я видел семь Ангелов, которые стояли перед Богом; и дано им семь труб...

Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела.

Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью...

Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде полынь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что стали они горьки.

Четвертый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд...

И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трех Ангелов, которые будут трубить!»?

Пятый Ангел вострубил — упала звезда, которой дан был ключ «от кладезя бездны»? и вышел оттуда дым, и вылетела саранча, жалящая людей, которые «не имеют печати Божией на челах своих». Люди от мук пожелают умереть, но «смерть убежит от них».

Шестой Ангел освободил тех четырех, что должны умертвить третью часть людей.

Поскачут всадники на конях с головами львов, изо рта выходят огонь, дым и сера, хвосты подобны змеям. Ангел седьмой. В руке его книжка. «И взял я книжку из руки Ангела и съел ее; и она в устах моих была сладка; как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем.

И сказал он мне: тебе надлежит опять пророчествовать о народах и племенах и языках и царях многих».

Далее — слово о том, как семь чаш гнева Божия были вылиты на землю, как сделалось великое землетрясение, и «город великий распался на три части, как появилась жена на звере багряном, «преисполненным именами богохульными, с семью главами и десятью рогами».

И еще о том, как Ангел «взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и ниспроверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время».

«Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их — как песок морской...

И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих перед Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими».

Откровение — зов к покаянию во имя спасения от огненного озера возмездия за грехи, предсказание второго пришествия Христа, свидетельство великой силы веры, очищающей душу.

8

Храм начинается с иконы.

По преданию, Иисус Христос учил народ, когда ему передали письмо Абгара Великого, царя Эдессы, с просьбой исцелить его. Спаситель ответил письмом, написанным под Его диктовку, и прислал Свое изображение. Об этом писал первоисторик Церкви Евсевий Намф ил. епископ Кесарии, в IV веке. «Известно, — читаем в статье Б. Романова «Как выглядел Иисус?» («Наука и религия», 1996, Кд 6), что в Эдессе действительно хранили как святыню некий Его образ, считавшийся Нерукотворным». Романов привел слова Иоавна дамаскина, церковного писателя VIII века, в изложении журнала «Русский паломник» (1889, № 1) об этом образе: «Со середины широкого и довольно большого чела спускаются по обеим сторонам, направо и налево, темные и почти, можно сказать, черные волосы, которые, закрывая уши, соединяются с бородой. Борода же с другими волосами головы кажется разделенною на три части или ветви, из коих первая обращена немного кверху, левая также чуть заметно склоняется к правой стороне, средняя же состоит только из волос бороды и направлена немного влево. Брови черные, глаза живо блестящие... Видно, что этот Образ имеет что-то сверхъестественное, чему человеческое искусство никак не может подражать. Ибо многие художники признавались в этом, и особенно один из них, по имени Лука, имевший случай рассмотреть этот Образ как нельзя лучше, нередко утверждал, что нет никакой возможности нашими красками передать цвета святого Образа хоть сколько-нибудь сходно с оригиналом, и поэтому, сколько ни упрашивали его снять копию с одного, ни за что не соглашался».

В «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, автора V века, приведено то, что веком ранее описал Евсевий Памфил. Оба автора ссылались на архивы Эдессы. Хоренаци, по словам современного ученого Кима Бакши, читал сирийского историка I века Леубуну, как и Евсевий, но «рассказ его более подробный, содержит детали, которых нет у Евсевия». («Наука и религия», 1996, № 6, «Портрет Христа, написанный с натуры») О Христе Абгар узнал от своего личного секретаря Анана, побывавшего в Иудее. Царь послал привет «Иисусу Спасителю и благодетелю, явившемуся в стране Иерусалимской». Далее писал: «Прослышал я о Тебе и о врачевании, творимом руками Твоими без зелья и кореньев. Ибо, как говорят. Ты даешь прозреть слепым и ходить хромым, очищаешь прокаженных, изгоняешь нечистых духов и исцеляешь страждущих также застарелыми болезнями. Ты даже воскрешаешь мертвых. Когда я услышал все это о Тебе, я уверился в своих мыслях в одном из двух: либо ты Бог, сошедший с небес, и совершаешь это, либо же Ты Сын Божий

и творишь это. Поэтому я пишу к Тебе с мольбой потрудиться прибыть ко мне и излечить от болезни, которой я страдаю. Слышал я также, что иудеи ропщут на Тебя и хотят предать Тебя мучениям; мой город невелик и красив, его хватило бы для нас обоих». «Блажен, кто верует в Меня, не видевши Меня, — ответил Христос. — Ибо написано обо Мне: видящие Меня не уверуют в Меня, не видящие — уверуют и будут жить. А о том, что ты Мне писал, — прийти к тебе, то должно Мне свершить здесь все, для чего Я послан. И когда Я свершу это, Я вознесусь к Тому, Кто меня послал. Когда же вознесусь — пришлю одного из здешних Моих учеников, дабы он вылечил твои болезни и дал жизнь тебе и присным твоим».

Послание Спасителя, написанное рукой апостола Фомы, привез Абгару Анан. Привез вместе с изображением Христа. Поведал историк Хоренаци и о том, что апостол Фаддей, посланный Христом, вылечил Абгара. Портрет Спасителя висел в покоях царя и, как предполагают, обладал целительной силой. Четыре века спустя он был еще в Эдессе. Святыню видели многие. О ней писали Ефрем Сирии, Иоанн Дамаскин, византийский историк Прокопий Кесарийский. Наука находилась в стороне. Полагали, что Хоренаци выдумал сирийского историка Лебубну. Но в первой половине XIX века один предприимчивый англичанин в Египте обнаружил сирийский монастырь с огромной библиотекой древних манускриптов. Монахи жили впроголодь, даже воды не хватало, но ни одной рукописи не захотели продать. Англичанин сговорился с шейхом племени, тот пригрозил монахам голодной смертью. Рукописи поступили в библиотеку Британского музея. Среди них оказалось сочинение Лебубны, Узнав это, французы порылись в Национальной библиотеке в Париже и нашли тот же труд I века, но в переводе на армянский язык. Потом еще и в России в Императорской библиотеке обнаружили. Первыми опубликовали англичане. Ким Бакши, прочитав тексты, нашел армянский перевод самым древним. Паломничество в Эдессу продолжалось долго. Но далее попал город в руки мусульман. Святыню удалось обменять у арабов во время осады города византийским императором. Портрет торжественно внесли в Константинополь. Император Константин Порфирородный поместил образ в своей придворной церкви Фарос и пересказал его историю с самого начала. День перенесения Нерукотворного образа 16 (29) августа, «Третий спас», или «Спас на полотне» Русская Православная Церковь празднует ежегодно. Видел святыню в Византии русский паломник Добрыня Ядрейкович, впоследствии епископ Новгородский. Его рассказ, относящийся к началу XII века, сохранился. В 1204 году Константинополь захватили крестоносцы. Один из них. Робер де Клари, видел полотно и описал его. Потом кто-то из византийских императоров преподнес «Спас на полотне» капитану Мольтальядо, тот увез в родную Геную, а перед смертью передал в соседний католический монастырь.

«Когда я увидел его, — рассказывал Ким Бакши, — я был потрясен... Это, конечно, совсем другой Христос. У Него удивительные глаза — морозные и печальные, суровость во взгляде, беспощадность и одновременно ощущение трагичности бытия, и вместе с тем отстраненность от вас. Не так-то просто к Нему подойти».

Портрет виден не полностью. Константин Порфирородный облек образ в золотой оклад с барельефами...

Эдесса, где когда-то хранился портрет, ныне — маленький провинциальный город Урфа на юго-востоке Турции. Здесь хранятся мощи апостола Фомы, перенесенные в III веке из Индии, того самого Фомы, который по приказанию Спасителя писал от Его имени царю Абгару: «Блажен, кто верует в Меня...»

Некоторые историки связывали Эдесскую святыню со знаменитой Туринской плащаницей, но там речь идет о посмертном облике Христа. Некоторые свидетельства говорят о схожести ликов. В том же «Русском паломнике» (1889. 1) внимание Александра Меня привлекло описание заслуживающей доверие фрески, сделанное историком XIV века Никифором Каллистом: «Его волосы походили на русые; они были не слишком густые, но несколько курчавые на оконечности. Его брови были черные, но не совсем

круглые. Глаза походили на черные, были исполнены живости и имели невыразимую прелесть. Нос имел длинный. Борода русая и довольно коротка, но волосы на голове носил длинные. Он никогда не стригся... Он наклонял немного голову и от этого казался несколько ниже. Цвет лица — начала зрелости пшеницы. Лицо Его было не кругло, не продолговато. Он много походил на свою Матерь, особенно нижнюю часть лица... Он походил во всем на Свою Божественную и Непорочную Матерь».

Примерный рост — 165 см. В «Русском паломнике»:

«Ростом Он был семи палм по крайней мере...»

«Святая плащаница Христова» — очерк под таким названием был опубликован в «Науке и религии» (1996, 8). Автор — протоиерей Глеб Каляда (1921—1994), известный ученый-геолог, доктор наук, который рассказал о святыне, хранящейся вот уже несколько веков в итальянском городе Турине, представляющей собой большое полотно длиной 4,3 м. шириною 1,1 м: на желтовато-белом фоне выступают расплывчатые пятна коричневых тонов, «издали в расположении этих пятен вырисовываются неясные очертания человеческой фигуры и мужского лица с бородой и длинными волосами. Предание гласит, что это Плащаница Самого Иисуса Христа». Обнаружили ее в местечке Лирей под Парижем. в имении графа Жоффруа де Шарни. Выставили (1357) в местной церкви. В храм хлынули паломники. Тогда же возникли сомнения в подлинности. Святыню получила в подарок герцогиня Савойская. В городе Шамбори для нее был построен храм. Трижды она горела и чудом сохранилась. Плащаницу несколько раз варили в масле, стирали — изображение оставалось. С 1578 года реликвия находится в Турине, в соборе Святого Иоанна Крестителя. В 1898 году была представлена в Париже на выставке религиозного искусства. Висела она высоко над аркой. Фотограф-любитель Секондо Пиа сделал два снимка: один не получился, на втором увидел «Лик с неземным выражением красоты и благородства». Всю ночь фотограф просидел над снимком. «В ту памятную ночь он отчетливо понял, что Плащаница нерукотворна, что ни один художник древности, не имея никаких представлений о негативе, не мог бы ее нарисовать, сделан, по существу, почти невидимый негатив».

К этому же выводу пришли ученые после долгого и придирчивого изучения святыни. Занимались ею историки, химики, физики, судебно-медицинские эксперты, собирались конгрессы. Исследования дополняли и уточняли повествования евангелистов. Кто-то назвал Туринскую Плащаницу «Пятым Евангелием». И вдруг в конце 1988 года появилось сообщение, что реликвии всего 600—730 лет. Попытались приписать изображение кисти Леонардо да Винчи или какого-то другого художника.

Глеб Каледа привел убедительные доказательства в пользу подлинности святыни. Ткань Плащаницы древнего происхождения, такие изготавливались на Ближнем Востоке, в частности в Сирии, в течение II—I веков до Рождества Христова и до конца I века новой эры. В более ранние и поздние времена таких тканей не было. Стоили они очень дорого. Известный по Евангелию Иосиф, завернувший тело Распятого, «богатый человек из Аримофеи», выбрал эту ткань, О древности реликвии говорят отпечатки монет, которыми были прикрыты глаза. Такие чеканились около 30-го года по Рождеству Христову, на которых надпись «император Тиберий?» была сделана с ошибкой. «Монеты с такой ошибкой, — пишет Глеб Каледа, — не были известны нумизматам до публикации фотографий Туринской Плащаницы. Лишь после этого в разных коллекциях обнаружено пять подобных монет». О древности говорит и детальная точность соблюдения обряда римской казни: гвозди вбивали не в ладони, а в запястье, что подтверждено археологическими раскопками последних десятилетий. Автор очерка привел факты, говорящие о том, что о Плащанице писали давно. Так, в одном из произведений, восходящем к апостолу Иакову, брату Господню, говорилось: «Петр и Иоанн поспешили ко гробу и увидели на пеленах явные следы, оставленные Тем, Кто умер и воскрес». Плащаница в 436 году была помещена в базилику Пресвятой Богородицы во Влахерне под Константинополем. О ней писал в своем письме святитель Браулин, епископ Сарагосский.

Точное ее измерение дал в 640 году при описании своего паломничества в Иерусалим Арнульф, епископ Гальский. В конце XI века император Алексей Комнин из Константинополя писал, что «среди наидрагоценнейших реликвий Спасителя у него находятся Похоронные Полотна, найденные в Гробу после Воскресения». «Окровавленная Плащаница Христова» упомянута в «Каталоге Царьградских реликвий за 1137 год. В 1171 году император Мануил показывал ее королю Иерусалимскому Аморину I и епископу Вильгельму Тирскому. Николай Мазарит, спасший Плащаницу от огня в 1201 году, писал: «Похоронные Ризы Господни. Они из полотна, еще благоухают помазанием; они воспротивились разложению потому, что закрывали и одевали нагое, миррой осыпанное Тело Бесконечного в смерти». «Мазарита поразило, — продолжает Глеб Каледа, — то, что Христос на Плащанице совершенно нагой — такой вольности не мог себе позволить никакой христианский художник». Изучение состава пыльцы, собранной с ткани, подтверждает ее пребывание в Палестине и переносы в Византию и Европу. Об этом говорил ботаник Фрей, выступая с докладом в Альбукерке (1977). Выводы Фрея не противоречат историческим сведениям о перемещении Плащаницы. Радиоуглеродный метод, с помощью которого была сделана попытка подвергнуть сомнению подлинность реликвии, автор очерка объявил в данном случае ненадежным. Физик Дж. Картер «высказал предположение, что изображение на Плащанице есть результат ее радиоактивного облучения телом покойного.

Чем вызвана радиоактивность? Видимо, Воскресение Христа «сопровождалось какими-то ядерными процессами». «В результате, — продолжает Каледа, — Христос воскрес в новую плоть. Он стал проходить сквозь «двери затворенные», чего не делал ранее, и т. п. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что невидимое на Плащанице простым глазом становится видимым на фотографиях».

Христос вышел из Плащаницы, не развернув ее. Вышел так же, как после Воскресения проходил через закрытые двери. Изучив Плащаницу, атеисты И. Деляже и П. Барбье стали ее проповедниками, а профессор Сорбонны Овелаг прошептал с просветленным лицом: «Он действительно воскрес!»

Сенсация наших дней: на Плащанице — кровь человека!..

После вознесения Христа на небо многие пожелали увидеть Его Мать. Люди захотели иметь Ее изображение. Апостол Лука был живописец. Он изобразил лик Богородицы и показал Ей. Она произнесла: «Благодать Моя и Родившегося от Меня с сим изображением да будет».

Лука нарисовал еще несколько икон. Одна из них, знаменитая Владимирская, из Византии перешла к Владимиру Мономаху, затем — к Андрею Боголюбскому, в Москву. Икона Успения Богородицы Киево-Печерская прибыла на Русь из Влахерна. Зодчие, собираясь в дальний путь, получили ее из рук самой Владычицы. Народ юга нашего Отечества прозвал Ее «Мати русского краю».

Богородица — покровительница русского народа.

9

От Святой земли до Святой Руси путь далек.

Апостол Андрей Первозванный двинулся в путь, простясь с родной Галилеей, где рыбу ловил вместе с братом Петром, и с Иерусалимом, где в доме Иоанна Богослова собирались ученики и вместе с Богородицей вспоминали своего Учителя. Сначала долго шел, купая посох в дорожной пыли, потом морем плыл. Море в непогоду темнело так, что становилось черным, при сильном ветре было бурным с косматыми волнами, готовыми опрокинуть корабль. Когда же делалось тихо и небо сияло в золоте лучей, водный простор становился лазоревым, подернутым легкой дымкой.

В Корсуни, любуясь морем, услышал Андрей, что неподалеку есть устье реки, двинулся вверх по реке — это был Днепр — и не переставал восхищаться красотой земли неизвестной. Днепр стремительно набегал на пороги, а в других местах величественно и плавно нес воды свои. То высокие горы, заросшие лесом, нависали. То ровная степь стелилась, пышно одетая травой-муравой. Кружили птицы. Всадники мелькали вдали. Пестрели на зеленом просторе стада, дымили костры.

На все насмотрелся Андрей, двигаясь берегом все выше и выше, все далее от морской равнины, от непрерывно шумящего прибоя...

По преданию, у горы высокой, лесистой остановился апостол на ночлег. Утром встал и увидел такую красоту, что сказал своим спутникам-ученикам:

Видите ли горы? Запомните, на горах этих воссияет благодать Божия, град будет великий, и воздвигнет Бог много церквей.

Взошел на гору и с высоты благословил это место, крест высокий поставил. Помолился Богу и сошел вниз.

Двинулись дальше.

«И пришел, — рассказывал Нестор-летописец, — к славянам, где нынче Новгород, и увидел живущих там людей...»

Люди показались апостолу необыкновенными: мылись в бане горячей водой, а потом холодной обливались.

Из Новгорода попал в страну варягов, оттуда в Рим.

В Риме рассказывал:

«Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом, и поднимут на себя прутья молодые, и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною и только так оживут. И творят это всякий день, никем же немучимые, но сами себя мучат, и то совершают омовение себе, а не мученье». Римляне слушали и удивлялись...

Далее путь в Синоп.

Что было потом, Летописец не рассказал. Поспешил лишь поведать, что на месте, где Андрей крест поставил, город Киев образовался.

Историк А. И. Манкиев, державший в руках не только творение Нестора, но и другие книги, сообщил некоторые подробности в своем «Ядре Российской истории».

Оказывается, в 60 верстах от Новгорода, вниз по Волхову-реке, Андрей «жезл свой... водрузил, знаменуя также в Руси быть впредь благочестию». Затем сел на корабль и, «Варяжским морем сквозь Суну на океан выплыв», продолжил путь.

В Греческой стороне, читаем у Манкиева, был «за Христову проповедь замучен».

Откроем первый том «Христианства».

«В Синопе, — читаем в главе «Андрей», — еще в 9-м столетии показывали его кафедру из черных камней. С берегов Понта он через Пропондиду перешел во Фракию и Грецию и в Патрах был распят по приказанию проконсула Эгея, или Эгеата... По преданию, он был <пригвожден к кресту, поперечные брусья которого были сбиты наискось (Андреевский крест)».

Еще одно: «По одному из позднейших сказаний, А.(ндрей) был апостолом в Константинополе, где он посвятил первого епископа Стахия».

Память святого празднуется 30 ноября.

«Библейская энциклопедия» (М., 1891) пояснением «муж сильный» говорит о богатырском сложении Андрея, одного из 12 апостолов, подчеркивает, что он следовал за Христом «до самой Его крестной смерти». Приводит слова предсказания: «Видите ли горы эти? Поверьте мне, на них воссияет благодать Божия». Сообщает, что «он проповедовал в Скифии».

«Полный православный богословский энциклопедический словарь» (Репринтное издание, М., 1992) утверждает, что казнили Андрея в Патрах на Пелопоннесе около 67-го года, при

Нероне. Мощи покоятся в Италии, в соборе Амальфи. Апостол проповедовал в Турции: там есть церковь и два монастыря его имени. Сербь почитают Андрея Первозванного. В Киеве великий князь Всеволод Ярославич заложил в честь апостола церковь (1086). На самих горах были воздвигнуты храмы: в XIII веке — во имя Воздвижения креста Господня, а в 1774 году — во имя св. Андрея Первозванного.

Житие апостола в VIII веке написал монах Епифаний. Греческое имя дало основание считать Андрея «эллинистом», то есть человеком с греческим образованием.

Наши предки ничего плохого, как видно, не сделали апостолу. Лишь банями оставили веселую память о себе.

Русь не запятнала себя жестокими деяниями. Иное дело — Римская империя. Получив рапорт Пилата, Август Тиберий хотел было причислить Христа к лику богов. Сенат не поддержал, и кесарь охладел к своей идее. А там пошли расправы, или, как писал Тацит. «изыщнейшие казни». В 64 или 67 году в Риме был распят вниз головой апостол Петр. Около 42-го года по приказу царя Прода Агриппы был усечен мечом апостол Иаков Заведеев, брат Иоанна. Около 90-го года 87-летним старцем в городе Иеорополе был распят апостол Филипп. Фома «пострадал за Христа» в городе Малипура. Апостола Варфоломея распяли на кресте в городе Албонополе около 71-го года. В разных краях приняли мученические венцы апостолы Иаков, Симон Зилот, Иуда — брат Иакова, Павел. Апостол Матвий, избранный в число двенадцати на место Иуды Искарюта, был побит камнями, затем ему отсекли голову. В Александрии замучили Марка, одного из авторов Евангелия. Принадлежность к христианству при Нероне каралась смертью. Пожар Рима устроил тиран, обвиняя христиан.

На съедение хищным зверям бросал подвижников веры.

10

«Сказание Нестора о хождении апостола Андрея не что иное, как благочестивая сказка, которая в будущем будет повторяться теми, для кого история Церкви — тайна за семью печатями», — писал А. А. Шлецер, известный отрицатель древности русского народа. Сомневались и другие в истинности летописного сказания, «не особенно утруждая себя аргументацией», как пишет С. А. Беляев в предисловии к «Истории Русской церкви» митрополита Макария (Булгакова), переизданной в наши дни. По словам Беляева, Макарий «сделал очень важное и большое дело — он связал летописное предание с известиями средневековых, в основном византийских авторов, свидетельствующих о посещении апостолом Андреем не только южного, северо-восточного и северного Причерноморья, но и о посещении скифов и скифской страны, т. е. глубинных районов северного Причерноморья. При некоторой неопределенности этих понятий в них вполне могло быть включено среднее Приднепровье и другие районы... Проанализировав источники и историческую ситуацию, митрополит Макарий пришел к выводу, что посещение апостолом Андреем не только берегов Черного моря, но и пределов киевских и новгородских — исторически вполне реальное событие».

Митрополит Макарий первый из двенадцати томов своего труда открыл главой «Проповедь святого апостола Андрея в странах наших». Привел древнейшие свидетельства.

«Андрей, — писал святой Ипполит, епископ Портуенский (ок. 222 г.), — после того, как проповедовал скифам и фракийцам, потерпел крестную смерть в Патрасе Ахейском, будучи распят на древе масличном, где и погребен».

«Апостолы, — писал Ориген (200—258), — и ученики Господа и Спасителя нашего, рассеявшись по вселенной, проповедовали Евангелие, и именно: Фома, как сохранилось до нас предание, получил в удел Парфию, Андрей — Скифию, Иоанну досталась Азия и

проч».

Оба свидетельства очень важны. Ориген учился у Климента Александрийского, который «сам был учеником Пантена, и обращался с другими мужами апостольскими». Ипполит — ученик святого Иринея, а тот «пользовался долгое время особенной близостью у святого Поликарпа и любил расспрашивать непосредственных учеников апостольских обо всем, касающемся их божественных учителей».

«Следовательно, — делает вывод Макарий, — Ориген и Ипполит могли узнать о месте проповеди святого апостола Андрея из вторых уст!»

Были и другие свидетельства. Писал святой Дорофей (307—322), утверждая, что «Андрей, брат апостола Петра, протек всю Вифинию, всю Фракию и Скифов», а также «достиг великого города Севаста» (Севастополь), реки Фазис (Рион). Писали Софроний (ум. 390), епископ Епифаний (ум. 403) и другие. В горах Абхазии — могила Симона Кананита, спутника апостола Андрея.

В IX веке иерусалимский иеромонах Епифаний прошел по местам, где он проповедовал. Везде «старался собрать о нем самые достоверные сведения и на основании местных преданий первый начертал житие его, довольно подробное». В пределах России апостол со своими учениками и сотрудниками посетил землю Иверскую, Сванетию, Осетию, где находился город Фостофор, Абхазию, проповедовал в городе Севасте, достиг города Боспора — столицы Боспорского царства, прибыл в Феодосию, управляемую в ту пору князем Савремамом, перешел в Херсонес, где и оставался долгое время. Наш летописец Нестор опирался на предание, мог иметь под руками и письменный источник. Хранится же в одной из оксфордских библиотек древняя греческая рукопись с описанием путешествия апостола Андрея в страну, которая, по мнению географов, находилась во глубине России...

Никифор Каллист (XIV в.) упомянул пустыни скифские, которые, как отмечал Макарий, «по описанию древних, находились приблизительно в нынешних Харьковской, Курской и Тамбовской губерниях», добавим в соседстве с Курской нашу Орловскую.

Нестор-летописец указал путь от Херсонеса до Киева и далее — до Новгорода и Варяжского моря. Затем, видимо, двинулся апостол через Польшу и Карпаты на Рим. Не пять и не десять лет странствовал Андрей, а целых двадцать, а то и «около сорока». На всем протяжении его пути, делает вывод Макарий, «обитали тогда не другие какие-либо народы, а именно наши предки славяне».

Как приняли Андрея?

В Иверии, как свидетельствует Епифаний, апостол проповедовал долго и просветил многих. Также — в Осетии и Абхазии. В Сванетии сама правительница приняла проповедь. А вот обитатели земли джигетов, жестокие сердцем, воспротивились, хотели умертвить. От них Андрей ушел в соседнюю страну Верхний Сундаг, где жители с радостью подхватили учение Христа. В Феодосии крестилось малое число жителей, в Херсонесе же — многие. Прибывший в Херсонес вскоре после апостола Андрея святой Климент, папа Римский, нашел здесь более двух тысяч христиан. В древних месяцесловах было краткое сказание о святых мучениках Емене. Нирине и Пине: Эти святые были из Скифии, из северной страны, ученики святого апостола Андрея. Они учили о имени Христовом, и многих из варваров обратили к правой вере, и крестили. За то были взяты от князя варваров и много нудимы отвергнуться Христа и принести жертву идолам, но не покорились. Князь велел поставить на льду большие деревья, как будто с самими корнями, и к ним привязать святых».

С проповедью апостола Андрея связано начало Скифской епархии, рождение первых храмов. Скифский епископ Феотим, известный высоким греческим образованием и благочестием, был славянин. Прибывший в Херсонес святой Климент, продолжая дело Андрея, успел устроить до 75 церквей. Дошло до Рима, началось гонение, Климент был утоплен в море.

Закипала христианская жизнь в Крыму, в Суроже, в Алании...

Закавказье посетили с проповедью четверо из двенадцати апостолов — Андрей, Матфий, Варфоломей, Пуда Фаддей, называемый Левием, и один из семидесяти — Фаддей. Матфий, причисленный к двенадцати вместо Иуды, проповедовал в Колхиде, там же скончался и был погребен. Варфоломей учил в Великой Армении, привлек ко Христу самого царя Полимия со всем двором, но жрецы настроили против Астиага, брата царева, и апостол был стремглав распят на кресте».

11

Христос — имя греческое.

Андрей — имя греческое.

От греков, творцов величайшей из культур, получили мы первые книги Священного писания. Получив, прочли и приняли к сердцу учение о Боге едином, о Царстве Небесном. Не с тех ли гор, где предсказал сияние благодати Христовой Андрей Первозванный, сошел к людям былинный богатырь Святогор? В сиянии духовности древней родилась высокая поэзия. В одной из былин рассказывалось:

Среди было теплого лета,
Накануне Вознесения Христова
Расплакалась нищая братья:
Гой еси, Христос, царь небесный!
На кого-то Ты нас оставляешь?
На кого-то Ты нас покидаешь?
Кто нас поить-кормить станет.
Одевати станет, обувати.
От темные ночи охраняти?

Христос успокаивает нищих, обещает им дать «гору крутую золотую»:

Умейте горою владати,
Промежду собой разделяти...

Но тут вмешался Иоанн Златоустый. Он сказал, что, узнают про гору золотую князя, бояре да торговые гости и отнимут, а нищую братью не допустят...
Что же делать? Мудрый Иоанн присоветовал:

Дадим мы нищим-убогим
Имя Твое святое:
Будут нищие по миру ходити,
Тебя, Христа, величати,
В каждый час прославляти;
Будут они сыты и довольны,
Обуты будут и одеты
И в темные ночи приукрыты.

За такой совет подарил Иоанну «уста золотые» Христос. А нищие пошли по земле, открывая сердца именем Спасителя, как волшебным ключом.

Родилась в народе «Голубиная книга» — дивное сказание «про наше житие, про святорусское», про то:

От чего у нас начался белый вольный свет?

От чего у нас солнце красное?

От чего у нас млад-светел месяц?

От чего у нас звезды частые?

От чего у нас ночи темные?

От чего у нас зори утренни?

От чего у нас ветры буйные?

Длиною книга в сорок сажений, поперечиной — двадцать. Сходились-съезжались к ней сорок царей с царевичами, сорок князей с князевичами и сам премудрый царь Давыд Евсеевич. Он-то и объявил:

Писал сию книгу сам Иисус Христос,

Иисус Христос, царь небесный;

Читал сию книгу сам Исай пророк,

Читал он книгу ровно три года,

Прочитал из книги ровно три листа.

И еще сказал, что никак не может он, Давыд Евсеевич, «прочесть книгу Божию».

Больно уж велика Голубиная книга:

На руках держать — не сдержать будет;

На налой положить Божий — не уложится.

Пришлось рассказывать по памяти, как по грамоте:

У вас белый вольный свет зачался от суда Божия;

Солнце красное от лица Божьего,

Самого Христа, царя небесного...

Ночи темные от дум Господних;

Зори утренни от очей Господних:

Ветры буйные от Святого духа;

дробен дождик от слез Христа...

Когда Христа распяли, Мать Пречистая Богородица «сильно плакала», и от слез тех пречистых родилась Плакун-трава, всем травам мать. На земле, основанной Святым духом, бьются-дерутся Правда с Кривдой, как звери лютые. Царство Небесное наследует тот, кто живет по Правде.

Бродили по Руси калики перехожие, собирали народ и пели о Егории Храбром, о Михаиле Архангеле, Алексее — божьем человеке, двух Лазарях — богатым и бедным, о распятии Христовом. Люди слушали и плакали, внимая горестным словам Богородицы:

Плачите, рыдайте, солнце и луна!
Плачите, стоните, месяц со звездами!
Плачите, стоните, вдовы и сироты!
Наставник, учитель ваш покинул вас всех.
Сыне Мой любезный, надежда Моя!
Волею поиде на крестную смерть,
Ныне сердце Мое терзается,
Составы и плоти рассыпаются...

Христос обещал Матери воскресение Свое:

Потерпи, Мати, малое время,
Когда тело Мое с креста соймут...

Принимала добрая русская душа все: и страдания Христа, и чудеса, творимые Им, и самое главное — воскресение из мертвых. Вера объединяла людей, звала к добрым делам, наполняла сердца ликованием жизнь, вечная жизнь побеждала...

Древний Киев златоглавый увековечил память Андрея Первозванного. Как в народе передавалась из поколения в поколение эта память, нам неизвестно. На том месте, где апостол водрузил крест со словами пророческими о будущем христианском величии края, в 1212 году великий князь Мстислав Мстиславович построил деревянную церковь. Стояла она, как потом отмечалось, повыше Андреевского колодца. В XVI веке на этом месте уже высился каменный храм, фундамент которого видели многие годы спустя. В 1774 году Киев посетила Елизавета Петровна. Она собственноручно заложила великолепную Андреевскую церковь. План и фасад составил знаменитый архитектор Растрелли. Глубина превосходила высоту храма, поэтому строительство шло двадцать три года. Обширная паперть, окружающая церковь, была поднята на пятьдесят ступеней от поверхности старого Киева и была уподоблена горней кафедре, с которой и поныне проповедует Евангелие России Андрей Первозванный. Возвышаясь на северном крепостном бастионе, храм как бы парил над Подолом. В 1845 году по воле императора Николая Первого паперть и лестницу обстроили чугуном — церковь стала еще краше.

Главную ее достопримечательность составляла часть мощей святого апостола Андрея Первозванного, принесенная одним из паломников в 1859 году из Греции. Бесценную святыню он положил в серебряную раку с изображением на ней просветителя наших предков. В алтаре находилась картина «Тайная вечеря» — работы Леонардо да Винчи, пожертвованная Екатериной Второй ко дню освящения храма, 19 августа 1767 года. «С высоты андреевской паперти, — читаем в одном из путеводителей Киево-Печерской лавры прошлого века, — представляется необыкновенно живописный и обширный вид во все стороны, особенно к востоку. Отсюда же лучше представляется и старый Киев и живее припоминаются его различные судьбы в разных периодах его многовековой жизни». В нескольких шагах — десятичная церковь. Близ нее — Андреевский монастырь, построенный великим князем Всеволодом Ярославичем в 1086 году: первой же настоятельницей была его дочь Анна.

Была церковь Воздвижения Честного Креста, построенная в 1212 году Мстиславом Удалым. К сожалению, от нее не осталось и следов.

Предсказание апостола сбылось. Заря новой веры разгоралась все ярче и ярче. В Киеве были христианами многие задолго до крещения Руси. Приняли новую веру князья Дир и Аскольд. Княгиня Ольга, жена Игоря, сама крестилась и сына Святослава уговаривала, но

тот был слишком занят военными делами. Первые христиане имели даже свой храм во имя пророка Ильи.

Наконец пришло время Владимира. Будущий креститель киевлян, отданный на воспитание дяде Добрыне, известному герою былин, с детства вел жизнь языческую. Походы развивали страсть к битвам, пирам и веселью. После одного из удачных походов Владимир даже согласился принести в жертву богам человека. Жребий пал на юношу Ноанна. Федор, его отец, сказал: «Ваши боги — дерево, которые ныне есть, а завтра сгниют. Есть единый истинный Бог, которого чтут греки. Он сотворил небо и землю, солнце и луну: ваши же боги что сделали? Они сами деланные. Не дам сына моего бесам». Язычники пришли в ярость, убили Федора и Иоанна. Так появились первые мученики за веру на Руси.

Владимир, как писали потом, «вразумился чрез слова мученика, понял, что язычество ложь». Веселые пиры его более не утешали.

Узнали соседи, что князь охладел к язычеству, поспешили в Киев с предложениями. Болгары камско-волжские стали хвалить магометанскую веру. Хвалили рай, обещанный пророком. Владимиру не понравилось. Немцы пришли. В католичество звали от имени папы Римского. «Отцы наши сего не приняли», — напомнил князь. Явились евреи из Хазарии. «Христиане веруют в того, кого мы распяли, — заявили они. — А мы веруем единому Богу Авраама, Исаака и Иакова».

— А где ваша земля? — спросил Владимир.

— В Иерусалиме, — услышал в ответ, — но Бог разгневался на наших отцов и расточил их по разным странам.

Тогда князь сказал:

— Сами вы отвержены Богом и расточены, а учите еще других: или хотите, чтобы и нас Бог отверг и расточил?

Наконец пришел проповедник от греков. Он рассказал о сотворении мира, о грехопадении первых людей, о наказании потопом, о пребывании евреев в Египте, о предсказаниях пророков, о деяниях, смерти и воскресении Христа. Показал картину Страшного суда: на правой стороне праведники, идущие в рай, а слева — грешники, бредущие на вечные муки.

— Добро этим, что на правой стороне, — вздохнул Владимир, — и горе тем, что на левой.

— Если хочешь стоять с праведниками, — сказал проповедник, — то крестись.

Владимир подумал и ответил:

— Подожди еще немного.

И проводил гостя с почетом, с подарками.

Сам же отправил послов в разные страны. Белел посмотреть, как там идет богослужение.

Послы вернулись и рассказали:

— Ходили мы к болгарам, смотрели, как они молятся в храмах своих: стоят они без пояса; поклонившись, сядут и озираются по сторонам туда и сюда... нет красоты в служении их, не хорош закон их. Были мы и у немцев. видели в храмах их множество служб, а красоты никакой не видели. Но когда мы пришли к грекам и нас ввели туда, где они служат Богу, то мы не знаем, на небе ли мы были или на земле; там Бог пребывает с человеками... Всякий человек, вкусивши сладкого, уже не принимает горького; так и мы не можем остаться при прежней вере.

Князь задумался. Бояре, находясь под сильным впечатлением услышанного, сказали:

— Ежели бы худ был греческий закон, то бабка твоя, Ольга, не приняла бы его, а она была мудрейшая всех.

Убедили. Владимир решил креститься. Но не хотел в то же время и унижаться перед греками.

Крымское солнце било в глаза. Владимир осадил Корсунь. После долгой осады взял город и известил Царь-град, что возьмет и столицу Византии, если император не отдаст за него замуж свою сестру Анну.

Нет у христиан обычая, — ответили ему, — выдавать своих родственников за язычников. Если же ты крестишься, то и сестру получишь, а также и Царство Небесное.

Князь сказал посланным, чтобы передали в Царь-град:

— Я хочу креститься, ибо уже раньше испытал ваш закон, и ваша вера мне полюбилась.

Такие слова понравились грекам. В Корсунь приехала царица Анна с некоторыми сановниками и священниками. У Владимира в это время разболелись глаза. Ничего не мог видеть. Царица, узнав об этом, послала сказать:

— Ежели, хочешь избавиться от болезни, то крестись немедленно, иначе навек останешься слепым.

Владимир согласился. Прибыли епископ и священники, начали обряд. Во время крещения князь прозрел и воскликнул радостно:

— Теперь я увидел истинного Бога!

Многие дружинники, как писал потом Никанор, епископ Орловский и Севский, в очерке «Святой равноапостольный князь Владимир, просветитель русского народа» (Орел, 1899), видя великое сие чудо, крестились».

Владимир обвенчался с царицей Анной, отдал назад грекам Корсунь и вернулся в Киев, «взяв с собою царевниных и корсунских священников, разные церковные сосуды и часть мощей св. Климента, который мученически пострадал близ тех мест». Еще взяли священные и богослужебные книги, переведенные с греческого на славянский Кириллом и Мефодием, просветителями славян.

В Киеве князь прежде всего крестил своих 12 сыновей. Тогда же велел ниспровергнуть идолов, а главного — Перуна привязали к конскому хвосту и сбросили в Днепр. Кто плакал, а кто стегал идола прутьями.

По городу пошли проповедники. Было объявлено:

«Ежели кто не придет завтра к реке, то будет считаться противником князю»

— Ежели бы это было не добро, — рассудили киевляне, — то князь и бояре не приняли бы сего.

На другой день на Днепре было многолюдно. Одни стояли в воде по шею, другие по грудь, дети теснились у берега, младенцев держали на руках. Священники стали читать молитвы и крестить народ. Когда обряд закончили, князь поднял глаза к небу, молясь: — Боже, сотворивый небо и землю! Призри на новопросвещенные люди Своя; и подаждь им, Господи, увести Тебе Истинного Бога; утверди их в правую веру и не совратну; и мне, Господи, помоги на сопротивного врага, да надеясь на Тебя и Твою державу, побегду его козни.

«В сей день небо и земля ликовалш», — писал Летописец.

Было это в 988 году. По другим, новейшим сведениям — в 990-м.

В 990 году митрополит Михаил, шесть епископов и Добрыня прибыли в Новгород. Жители оказали сопротивление. И не просто оказали, а основательно подготовились заранее. Собрались на вече и решили: крестителей не пустить, идолов не дать в обиду. Когда отряды Добрыни и воеводы Путяты вошли 20 августа в город, то часть моста через Волхов была уже разрушена. Добрыня попытался миром договориться — ничего не вышло. Странники старой веры вывезли на остатки моста две каменетные машины, запаслись камнями. Возглавили восстание верховный жрец Богомил-Соловей и тысяцкий Угоняй. Ночью язычники разграбили дом Добрыни, избили его жену и родственников. Миссионеры ходили днем по улицам и рынкам, уговаривали людей креститься. Несколько сот уговорили. В ночь с 30 на 31 августа Путята переправился на левый берег

Волхова, захватил Угоня и других «передних мужей» и переправил их к Добрыне. Язычники, числом до 5 тысяч, напали на Путяту. Произошла «сеча зла». На рассвете на помощь пришел Добрыня. Приказал зажечь дома. Восставшие кинулись тушить и проиграли сражение. Пришлось мириться. Затем женщины с воплями и слезами наблюдали, как воины идолов сокрушают и бросают в воду.

«Что, безумные, сожалеете о тех, которые себя оборонить не могут, кую пользу вы от них чаять можете?», — смеялся Добрыня.

В книге Анатолия Членова «По следам Добрыни» (М., 1986), полной интересных находок и догадок, убедительно рассказывается, что крещение киевлян было не на Днепре, а на его притоке Почайне. Это та самая Пучай-река из былины «Добрыня и змей», где наш герой, славный соратник Ильи Муромца, сражается с огненным Змеем, напоминающим Перуна. Былина, пишет Членов, «приписывает победу над Перуном и крещение Руси не Владимиру, а Добрыне». Добрыня, по утверждению некоторых летописей, ставил в разных городах Руси епископов. Главным храмом Руси стала построенная Добрыней дубовая София Новгородская. Собор Софии в Киеве возвели несколько позже.

«Верой было выбрано христианство со славянским языком, — пишет автор «По следам Добрыни». — Отнюдь не из Византии, а из союзной славянской Чехии. Славянское богослужение было введено в Чехии еще в IX веке лично святым Мефодием. С тех пор оно там сохранилось, соперничая с латинским...

Добрыня выбрал вовсе не греческую веру, а славянский язык культа. Это обеспечило Руси сохранение письменности на родном языке (тогда как на Западе развитие письменности на родных языках латынь затормозила на многие века). Но русская грамота как таковая не была, вопреки церковным легендам, ни плодом крещения, ни тем более даром Византии. На русском языке составлялись еще договоры с Византией начала X века и летопись Аскольдова конца IX века. Русские переводы нескольких книг Библии нашел, к своему изумлению, в IX веке будущий святой Кирилл как раз за год до составления им общеславянской грамоты. Есть большое вероятие того, что это была языческая русская грамота, составленная жрецами Перуна Полянского еще в VIII веке.

Взятие Корсуни »продемонстрировало унижение надменной Византии и силу Руси». София Новгородская и десятичная церковь в Киеве, заложенные в 989 году, были памятниками славы русского оружия. Был Добрыня не только храбрым воином, мудрым посадником Новгорода, но и смелым реформатором государственной мысли на пути обновления русской души.

Вера преобразила Владимира. Язычник, имевший, кроме пяти жен, в разных местах до 800 наложниц, завладевший Киевом посредством измены, убийца брата своего Ярополка, насильно взявший в жены себе его невесту Рогнеду, после крещения стал другим человеком. Отпустил, женись на гречанке Анне, всех прочих жен и наложниц, а Рогнеде послал сказать: »Я теперь христианин и должен иметь одну жену; ты же, если хочешь, выбери себе мужа между боярами». Рогнеда ответила:

«Я природная княжна. Ужели тебе одному дорого царство небесное? И я хочу быть невестой Христовой».

Вспоминая прежнюю нечистую жизнь, Владимир впадал в глубокую скорбь и говорил: Господи! Был я как зверь, жил я по-скотски, но Ты укротил меня. Слава Тебе, Боже!»

Отступили жестокость и мстительность, в душу вошла доброта. Князь не хотел наказывать даже преступников. «Больным и нуждающимся отворен был вход к нему, — читаем в «Истории Русской церкви» М. В. Толстого, — он щедро раздавал им пищу, одежду, деньги; покоил странников, выкупал должников, невольникам и пленным возвращал свободу. Видя, что больные не в силах придти к нему за помощью, он приказал развозить по улицам мясо, рыбу, хлеб, овощи, квас и мед. В праздничные дни всегда были три трапезы: первая для митрополита с епископами, иноками и священниками; вторая для нищих; третья для самого князя с боярами и дружиной».

Старался мирно жить с соседями. Только печенеги вынуждали поднимать оружие. Желая

закрепить дружбу с Польшей, породнился с королем Болеславом. Женил сына Святополка на его дочери. Но вместе с королевной в Киев прибыл бискуп Рейнборн и, склонив Святополка к католической вере, убедил поднять восстание против великого князя.

Владимир вынужден был заточить заговорщиков в темницу...

При Владимире строились новые города, крепили русские заставы, возводились храмы, и ширилась в народе грамотность.

«В 1923 году,— писал историк А. А. Кур, — вышла в Лейпциге История Библии. В ней сообщается, что первая русская Библия была рукописная и переведена с сарматского языка при Владимире Святославиче в самом конце 10-го века. Этой Библией пользовались издатели Острожской Библии, о чем они сообщают в предисловии».

Вспоминал и известный печатник Ф. Скорина, что он в 1517 году пользовался Библией, написанной при Владимире Святославиче.

Великий князь, причисленный впоследствии к лику святых, не умер в 1015 году, а был убит. Существует, как отмечал А. А. Кур, одиннадцать икон Св. Равноапостольного Владимира, где он «изображен как мученик, с мученическим крестом в руке».

Митрополит Могила (около 1638) делал раскопки в разрушенной Батыем десятичной церкви, вскрыл саркофаги-гробницы Владимира и его жены Анны. Скелет князя был с порубленными костяками: голова отсечена, ребра перебиты, правая рука отсечена, на левой сохранились глубокие разубы. Что же произошло?

Опираясь не на «Повесть» Нестора, сильно укороченную Сильвестром, а на другие исторические труды, Кур рассказывает, что Святополк и его жена, просидев за заговор (1012) около года, были выпущены и отправлены под наблюдение в Вышеград, епископ Рейнборн умер в тюрьме. Затем (1013) Ярослав предложил Святополку свой план захвата власти. По этому плану Ярослав захватил власть в Новгороде. Владимир сказал: «Мостите мосты расчищайте дорогу». Стал готовиться к походу. Решил немедленно вернуть Новгород под свою руку. Но пришла весть, что на Русь напали печенеги. Пришлось отложить поход на Новгород. На печенегов Владимир послал Бориса, сына и наследника, сам же неожиданно заболел и остался в Берестове. Там и пришла к нему смерть 15 июля. Народу об этом сказали не сразу. В Киеве неожиданно появился Святополк. Борис, находившийся в напрасной погоне за печенегами, узнав о смерти отца и захвате власти Святополком, распустил войско и собрался в Киев. Но вечером 24 июля 1015 года к нему ворвались в шатер убийцы: пронзили копьями. Когда же израненный князь, оставленный злодеями, пришел в себя и вышел наружу, один из злодеев ударил его копьем в сердце. Тело убитого тайно привезли в Вышгород и схоронили при церкви святого Василия. Святополку было мало этой крови. Он послал гонца к Глебу. велел сказать, что отец болен. Глеб поспешил в Киев. Он находился близ Смоленска, плыл в ладьях по реке Смядыне, когда из Новгорода пришла весть от Ярослава: отец умер, брат убит Святополком. Горько плакал Глеб. Скоро и к нему явились убийцы. Спутники схватились было за оружие, но Глеб сказал: «Братцы, если мы не будем драться с ними, они возьмут меня и поведут к брату; если же вступим в бой, они всех нас убьют. Плывите к берегу, а я останусь на середине реки». Убийцы приблизились. Напрасно говорил им Глеб, что ни в чем не виноват перед Святополком. Злодеи были неумолимы. Они приказали повару Глеба зарезать своего господина. Тот выполнил ужасное требование. Тело князя вынесли из лодки и бросили между колодами в глухом лесу. Только через пять лет, в 1020 году, случайно звероловы нашли останки Глеба. Похоронили в Вышгороде рядом с Борисом. Год спустя в присутствии великого князя Ярослава, при многочисленном стечении народа митрополит Иоанн освятил храм с иконой святых князей. В 1072 году, когда церковь обветшала, был освящен новый храм, построенный Изяславом, сыном Ярослава. Верно служили Борису уроженцы венгерские братья Ефрем, Моисей и Георгий. Последний даже голову сложил за князя. Когда раненый Борис вышел из шатра, Георгий хотел его прикрыть собой. Потом Ефрем стал искать тело брата, а нашел лишь голову. Принял иночество, дом построил для странников на берегу реки Тверцы, в селении Новый

Торжок. Когда открылись мощи святых Бориса и Глеба, построил для них храм каменный, основал обитель. Скончался преподобный Ефрем в глубокой старости, в 1053 году... Святополк, продолжая злодейства свои, убил еще брата Святослава, имел жестокую битву с Ярославом, но, потерпев поражение, бежал через Польшу в Богемию и там, как писал историк церкви М. В. Толстой, «кончил гнусную жизнь свою, заслужив проклятие современников и прозвание «окаянного».

Имена же Бориса и Глеба стали в народе священными. В память о мучениках-князьях возводились храмы, освящались престолы церковные.

Был и в Орле собор Бориса и Глеба, в котором крестили И. С. Тургенева (1818), дом, где родился писатель, стоял на Борисоглебской. На той же улице жил в двухэтажном каменном доме генерал А. П. Ермолов, кавалер многих орденов, в том числе Владимира всех четырех степеней и Андрея Первозванного, учрежденного Петром Первым (1698). В проекте устава первого российского ордена говорилось: «При сем похвальном предприятии и настоящем названии сего Ордена, достойно Мы с должным благодарением на память привели: что Бог первое и превеликое благодеяние орудием своим, св. Апостолом Андреем нашему Российскому Государству и народу явил в том, что он в Скифии, при Понте Евксинском (Черное море), и в Сармации первый проповедуя Евангелие Христово, и на горе, близ Днепра реки, благословляя всю Российскую землю, семя Святого Евангелия рассеял, а потому, как предание гласит, некоторые из жителей той страны в то же время, а по прошествии нескольких веков через Ольгу и Владимира и вся Российская земля от идолослужения и слепоты к святому крещению и познанию Евангельской и Христианской веры обращена была».

От будущего Андреевского кавалера требовалось «быть благородного, знатного, графского или княжеского звания, честного и беспорочного происхождения; не иметь телесных недостатков; и таким, кои бы в звании сенаторов, министров, послов и прочих высоких достоинств, или в чине адмиралов, генералов, или как губернаторы... несколько лет, по меньшей мере десять, оказали полезные и верные услуги».

Первым был награжден Ф. А. Головин, шестым — сам император. Среди кавалеров были А. В. Суворов и М. И. Кутузов. За два века (до 1917) высшую награду России получили более тысячи человек. В самом центре ордена был изображен крест апостола-мученика, а по кругу слова: «За веру и верность»

Русская застава

1

Вспоминается давнее-давнее. В деревне, в хате, крытой соломой, русская крестьянка Ефросинья, моя бабушка, стояла перед иконами и молилась. Потом меня учила: «Отче наш! Иже еси на небеси, да святится имя Твое, да будет воля Твоя, да придет Царствие Твое...» Заставляла запоминать Заповеди: «Не убий! Не укради! Не сотвори себе кумира ... От нее узнал главные события Священной истории. Услышал о муках Спасителя. Вместе поминали Иоанна Крестителя, отмечая белыми крестиками двери хаты, горницы, амбара, подвала, ворота на дворе. Когда отец уходил на войну, то уносил с собой «Живые помощи» — самую важную для этого случая молитву-охранительницу: она помогла ему вернуться домой...

Тогда же услышал: «Верую в Единого Бога, Отца, Вседержителя, Творца небу и земле, и видимым, и невидимым, и в Единого Господа Иисуса Христа...»

Через многие годы, находясь уже в пожилом возрасте, встретил я эти слова в самом начале большой молитвы-поэмы во славу «Сына Божьего, единачадного, от Отца

рожденного прежде всех веков, света от света... ради нас, людей, и нашего спасения сошедшего с небес я воплотившегося от Духа Святого».

Прочитал в «Альманахе библиофила» (1989, 26), в одном ряду с главным творением того же автора — «Словом о Законе и Благодати», с учеными статьями о нем — гениальном мыслителе Древней Руси XI века.

«Иларион — митрополит киевский, — писал о нем «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона. — Сведения о нем скудны. Известно только, что он был родом русский, был священником, рано отдал себя иноческим подвигам. Его полюбил великий князь, по желанию которого в 1051 г. собором русских епископов И.(ларион) был поставлен митрополитом».

Князем был Ярослав Мудрый, сын Владимира Святого. Из пространного очерка Вадима Кожинова в «Альманахе библиофила» («Творчество Илариона и историческая реальность эпохи»), из статей других авторов узнаем, что «Слово о Законе и Благодатях», написанное в 1049 году, почти за полтора века до знаменитого «Слова о полку Игореве», упомянутое во множестве литературных произведений XII—XVII веков, долгое время известно было лишь узкому кругу исследователей. В 1806 году на «Слово» обратил внимание читателей известный историк и искусствовед А. Н. Оленин, затем (1816) в первом томе «Истории государства Российского» рассказал

Н. М. Карамзин, назвав творение Илариона «Житием Святого Владимира». Наконец, в 1844 году «Слово» вместе с переводом на современный русский язык издал историк и филолог А. В. Горский. Было еще несколько изданий. После 1911 года публиковались фрагменты.

Прошли многие годы. Однажды, размышляя о скептиках, утверждавших, что «Слово о полку Игореве» не могло возникнуть в XII веке, поскольку до него ничего значительного в литературе нашей не было, а на пустом месте ничего возникнуть не может, известный литературовед Арсений Гулыга спросил мнение западногерманского слависта Л.

Мюллера. «Как ничего не было? — возмутился он. — Какое пустое место? А «Слово о Законе и Благодатях Илариона?» И показал это произведение в своем переводе, изданное в 1962 году в ФРГ.

Лишь в 1984 году «Слово» вышло в Киеве.

Иларион занял достойное место в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (Л., «Наука», 1987). На основании «Повести временных лет» сообщалось, что «муж благ, книжен и постник», пресвитер церкви в Берестове, любимом селе князя Ярослава, первым «ископа печерку малу двусажену» для уединения и молитвы, то есть положил начало Киево-Печерскому монастырю. Иларион был единомышленником Ярослава в делах книжных, в борьбе за независимость Руси от Византии. Этим объясняется тот факт, что в 1051 году по предложению князя на соборе епископов он был избран митрополитом.

Первый русский во главе церкви был недолго. В 1055 году уже это высокое место занимал другой, снова грек. Но начало, положенное Иларионом, имело продолжение. В богослужении утвердилось русская речь, а не греческая. Иларион своей деятельностью в сане митрополита приблизил церковь к народу, веру — к русской душе. Он и ранее многое делал в патриотическом направлении. Ярослав охотно советовался с Иларионом, когда он был просто священником церкви Спаса на Берестове.

Вадим Кожинов допускал, что «Иларион оказался в Берестове еще при жизни Владимира, поскольку в своем «Слове о Законе и Благодати» он обращается к покойному, как к близко знакомому ему человеку».

В «Истории русской литературы» С. И. Шевырева (СПб, 1887) дана высокая оценка Илариону — «первому митрополиту из русских». «Образование он мог получить, — писал Шевырев, — в том училище, которое учредил в Киеве Владимир». Иларион «мог быть сам в числе младенцев, крещенных при Владимире, и видеть своими очами чудесно-быстрое распространение христианства по всей нашей земле: как взаимная любовь князя и народа к тому содействовала, чтобы вдруг, в одно время, вся Земля Русская обратилась к

Христовой вере».

Не обошли вниманием Илариона исторические писатели. В романе П. Загребельного «Ярослав Мудрый» пресвитер из Берестова, «светлобородый, мужиковатый русский священник в изношенной старенькой рясе, в пожелтевших сапогах-вытяжках из грубой кожи», имеющий на груди лишь одну драгоценность — панагию с алмазами и изумрудами, дар Ярослава, смело спорит с митрополитом-греком, утопающим в прошитых тяжелых золотом ризах. Спорили о том, каким должен быть новый храм. В разговоре «густо сыпались словеса из святых писаний, цитаты отцов церкви, из греческих книг

— Не отступаем и мы от креста и от Христа, — сказал Иларион, — но помним и то, что ромеями взято о всех народов самое ценное в зданиях... Наша же земля испокон веков имела свои строения, она тоже хочет послужить новому Богу своим собственным. Богатство наружного убранства церкви передаст богатство земли нашей, вознесенность куполов, которых больше, чем в ромейских церквах, покажет необозримость Русской державы, которую зовут землей многих городов повсеместно; каждая земля должна славить Бога своим голосом, и чем могущественнее будет тот голос, тем больше хвала Божья.

Когда же храм (речь идет о знаменитой Софии) был построен, то грек-митрополит, боязливо ступая по скрипучему снегу, «беззвучно шевелил тонкими злыми губами»: его пугала непохожесть русского храма на византийские, кричало криком в нем «языческое буйство». Шла борьба. «В киевских церквах еще звучало слово греческое наряду с русским, а князь уже мечтал о временах, когда повсюду будет слышаться только свое, родное, неповторимое: и дома, и на забавах, и на торгу, и в церкви, и на битве. И чтобы мудрость книжная была своя. Он велел Илариону учить втайне от митрополита не только таких, которые могли бы списывать книги греческие, но чтобы умели и переводить на русский язык».

У Загребельного Иларион показан человеком зрелым, убежденным русским патриотом, но еще не сказавшим своего главного слова.

У Л. Волкова в «Стародавних годах» в первой же главе, посвященной событиям 1015 года, предстает берестовский иерей Иларион, сердечным словом старается поддержать больного князя Владимира.

— Княже, — горячо говорит ему, — ты сделал то, чего не могла сделать твоя премудрая бабка Ольга. Ты дал народу свет Христов, веру праведную, веру греческую! Ты смыл с себя праведной жизнью во Христе прежнюю нечисть языческую. Бог избрал тебя рукою Своею, чтобы укрепить веру Христову там, где, по предсказанию апостола Андрея Первозванного, должен воссиять великий град христианский и укрепиться вера Христова! После смерти Владимира коварный и злой Святополк, находясь под сильным влиянием жены-полячки и агентов папы Римского, рванулся к власти через трупы братьев. Илариона видим в Берестове среди верных русских патриотов. Остановились они у гуслияра Андрея, вспоминали подвиги богатырские Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича. Сокрушались, что мало богатырей осталось на Руси. договорились не уходить из Киева, если нагрянут Болеслав и Святополк.

— Я обещал великому князю праведному Владимиру, верным слугою которого я был всю жизнь, не отступать.

Последние слова сказал Иларион.

На смену богатырской заставе Ильи Муромца и его верных друзей появилась новая застава. Она обретет великую силу, когда в Киеве прозвучит «Слово о Законе и Благодати» Илариона...

Что пел гуслиар Андрей после загадочно-скорой смерти равноапостольного крестителя Руси? Из множества былин выбираю:

В славном городе во Муроме.
Во селе было Карачарове,
Сиднем сидел Илья Муромец, крестьянский сын,
Сиднем сидел цело тридцать лет...

В одной былине подняли русского богатыря калики перехожие, в другой, из собрания П. В. Киреевского, — «Сам Иисус Христос, два Апостола». Как Русь, напоенная верой православной, почувствовал в себе Илья силы великие, сел на добра коня богатырского и поскакал в поле чистое. Много подвигов совершил, а один и донине каждому ведом. Это про то, как ехал богатырь через леса Брянские да наехал на девять дубов и победил там, в честном бою Соловья-разбойника. Привез Илья пленника в стольный Киев-град, порадовал князя Владимира. В одной из былин «скочил он, Илья, со добра коня, привязал коня к дубову столбу, походил он во гридию во светлую, и молился он Спасу со Пречистою, поклонился князю со княгинею». А потом:
Говорит Илья Муромец:

— Гой еси ты, сударь, Владимир князь!
Посмотри мою удачу богатырскую,
Вон я привез Соловья-разбойника на двор тебе!

Память о подвиге славном крепко приросла в моем краю к селению старинному Девять Дубов. Жители охотно рассказывают, что Илья Муромец именно здесь взял в плен богатыря, державшего в страхе округу. Крепко полюбился Илья народу русскому. В Смутное время, когда самозванцы, поддержанные польскими па- нами и католическим Римом, спешили на трон Московский, Русская православная церковь причислила Муромца к лику святых. В примечаниях у П. В. Киреевского читаем: «Мощи Ильи Муромца почивают в Киеве, в пещере Преподобного Антония, именуемой Ближнею, память совершается 19 декабря; служба общая с другими Печерскими угодниками». В путеводителе по Киево-Печерской лавре: «58/Преподобный ИЛИЯ, Муромец, названный так по месту рождения, подвизавшийся в XII в.» Дальняя пещера лавры, называемая еще пещерою преподобного Феодосия, приютила мощи схимника Илариона. «Полагают, — читаем в описании, что он был тот самый Иларион, пресвитер княжеской церкви села Берестова, который потом ископал себе пещеру на ближнем холме для уединенной молитвы в ней, а потом, постриженный преподобным Антонием, поставлен был в митрополита киевского, по желанию великого князя Ярослава в 1051 году. Это был пастырь сколько благочестивый, столько просвещенный и учительный. Его исповедание веры есть образец истинного разумения православной веры... А в своем «Слове о Законе и Благодати» с присовокуплением похвалы князю Владимиру и Молитвы к Богу, блаженный Иларион живо, глубоко и с теплотою сердечною изъясняет превосходство пред Ветхим заветом завета Нового, как завета любвеобильной, всеобъемлющей спасительной благодати, дарованной нам Богочеловеком Иисусом Христом, потом с радостным умилением изображает торжество Христовой веры в новопросвещенной земле

русской, прославляет самого просветителя Владимира и возносит пламенные мольбы о земле русской. Память преподобного Илариона 21 октября».

Иларион, судя по его творениям, был поэтом. Любил петь в уединении, на высоком берегу Днепра. Пел псалмы, молитвы. Человек большого патриотического склада, подлинный ратник духа, он мог и былины сочинять о богатырях святорусских. К нему тянулись люди, сильные духом, горячо любящие Родину, русское слово, русскую веру. Застава Илариона — застава духа русского. Мы не знаем, почему был так краток его срок на посту митрополита, почему после кончины Ярослава Мудрого он удалился в пещерное уединение. Искал ли свободы творческой или был оттеснен теми силами, которые вели борьбу постоянную против Руси?

О том, насколько эта борьба тяжелой была, рассказывает былина все из того же собрания П. В. Киреевского:

Под славным городом под Киевом.
На тех на степях на Цицарских.
Стояла застава богатырская.
На заставе был Лобрыня Никитич млад:
Есаул Алеша Попович сын;
Еще был у них Гришка Боярский сын...

Однажды спал Илья Муромец в белом шатре, а Добрыня «на охоте стрелял гусей, лебедей» и увидел вдруг пыль на дороге великую. Стал досматривать, что за богатырь едет. Оказалось, что «Жидовин могучь богатырь». Проехал он мимо нашей заставы богатырской. Прискакал Добрыня в Киев. Стали советоваться, кого послать, кому «ехать за нахвальщиком». По,пожули на Добрыню. Он «поехал прямо на чернизину», кричал зычным голосом: «Вор, собака, нахвальщина! Зачем нашу заставу проезжаешь, атаману Илье Муромцу не бьешь челом?» А нахвальщина повернул коня, «попущал на Добрыню Никитича».

И тут:

Сыра мать-земля всколебалася.
Из озер вода выливалася.
Под Лобрынею конь на коленца пал.
Добрыня Никитич млад
Господу Богу взмолился.
И Мати Пресвятой Богородице:
Унеси, Господи, от нахвалщика!»

Ускакал на заставу богатырскую. Такая же история получилась бы у Алеши Поповича, но его не послали, боясь, что увидит он у нахвальщины много злата-серебра, позавидует в жадности и «погинет... понапрасному».

Поехал биться сам Илья. Бились палками, саблями, копьями — все поломали. Сошлись врукопашную. Дрались «день до вечера», с вечера до полуночи, с полуночи до бела света. Поскользнулся Илья, сел ему нахвальщина «на белые груди», вынул кинжал, хочет «вспороть груди белые». «закреть очи ясные», «отсечь буйну голову».

Лежит Илья под богатырем.
Говорит Илья таково слово:

«Да не ладно у Святых Отцов написано,
Не ладно у Апостолов удумано;
Написано было у Святых Отцов.
Удумано было у Апостолов:
«Не бывать Илье в чистом поле убитому;
А теперь Илья под богатырем!
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло...

Махнул Илья нахвальщину «в белые груди», вышибал выше дерева жарового». Вскочил русский богатырь и

Скоро спорол груди белые.
Скоро затьмил очи ясные,
По плеч отсек буйну голову,
Воткнул на копье на булатное.
Повез на заставу богатырскую...

3

Историк Б. Д. Греков, прочитав «Слово о Законе и Благодати», назвал автора гениальным. «Эта наша первая великая книга, — пишет В. В. Кожин, — важна и необходима для всех. Можно с полным правом сказать, что из нее, как из семени, выросло гигантское древо и литературы и мысли Россети...» «Иларион указывает, — отмечает Д. С. Лихачев, — что Евангелием и крещением Бог «все народы спас», прославляет русский народ среди народов всего мира и резко полемизирует с учением об исключительном праве на «богоизбранничество» только одного народа... Иларион приводит многочисленные доказательства того, что время замкнутости религии в одном народе прошло, что наступило время свободного приобщения к христианству всех народов без исключения; все народы равны в своем общении с Богом... Русскому народу принадлежит будущее, принадлежит великая историческая миссия... Патриотический и полемический пафос «Слова» растет, по мере того как Иларион описывает успехи христианства среди русских».

Размышляя о Трудах Илариона, профессор С. И. Шевырев писал:

«Эти Сочинения открывают нам тайну того Богомыслия, которому предавался Иларион в своем уединении. Трудно вкратце изложить их содержание, но мы постараемся извлечь из них главные мысли, из которых увидим, как он всемирно и глубоко понимал христианство как соединял с этим понятием будущее назначение своего Отечества и как, по разуму веры своей, достоин был той степени, на которую возведен желанием Ярослава и духовной властью Собора русских епископов».

В главном произведении Илариона говорится о том, что истина и благодать — «слуги будущему веку, жизни нетленной». Отошел закон, воссияла Благодать «Иудеи, при свече Закона, совершали свое оправдание, читаем у Шевырева, — Христиане при солнце Благодати свое Спасение ожидают». Иудеи оправдываются, христиане спасаются. Это место «Слова», по мнению Шевырева, связано с тем, что иудеи до Владимира и при нем, через хазар «Несомненно пытались внести к нам свою веру. Иудейское учение даже «Проникло через затворы монастыря Киевопечерского и заразило Никиту Затворника». Вот почему «вопрос о христианстве и иудействе мог быть при Иларионе вопросом современным»

Вторая мысль Илариона — всемирное значение христианства. Третья мысль — «совокупление Божества и человечества в Иисусе Христе».

«Нельзя не удивляться тому, писал Шевырев, с какою ясностью Иларион излагает эту

великую и глубочайшую Тайну, проводя Мысль через все действия земной жизни Иисуса Христа».

Четвертая мысль: чтобы воспринять Истину и Благодать, потребности новые люди. Израиль Спасителя не принял, для нового учения — новые вехи, новые языки.

Затем в «Слове» следует «живая картина распространения христианства» восхищение князем Владимиром, Который не видел Христа, а уверовал в Него.

Определяя место произнесения «Слова», Д. С. Лихачев обращает внимание на фрески и мозаики храма Софии в Киеве: противопоставление Ветхого и Нового заветов — основная тема росписей, оно же — исходная тема и творения Илариона: «Следовательно, произнося свою проповедь, Иларион непосредственно исходил из темы окружающих его изображений».

«Молитва Илариона, заканчивающая собою «Слово», — читаем у Лихачева, — повторялась во все наиболее критические моменты древнерусской жизни. Строки ее, посвященные мольбе за сохранение независимости Русской земли, произносились в грозные годы вражеских нашествий».

Взросший интерес к «Слову» в наши дни вызвал критику в адрес того же академика Д. С. Лихачева за то, что в выходявших в его редакциях «Памятниках древней Руси» не оказалось гениального создания Илариона. Слава Богу, хоть в заключительном, двенадцатом томе промах был устранен. Горячо ратуя за издание «Слова», Валерий Ганичев в книге «Русские версты» (М., 1994) дал такую ему оценку: «Это древнейший призыв к торжеству русского духа, к борьбе с торгашеством, безверием и чужеродной бесовщиной».

В «Истории русской литературы» А. Н. Пыпина (СПБ, 1911) «Слово» Илариона стоит в одном ряду со «Словом о полку Игореве», названо блестящим ораторским произведением, совершенно безукоризненным по мастерству. Пыпин привел мнение историка Голубинского: «Иларион учился искусству ораторства по греческой риторике XI века, ему следовало бы, поэтому, быть оратором со всеми недостатками греческого ораторства этого позднейшего времени. Но силою своего природного ораторского таланта, силою своего внутреннего ораторского инстинкта и чувства он возвысился над этими недостатками...»

Иларион не только выкопал первую пещеру славного монастыря русского, но заложил основы отечественного летописания, первым был нашим историком. Из его «Слова» обнаруживались выдержки в «Повести временных лет». Роль Илариона в становлении русской культуры огромна.

Говоря о молитве, приложенной к «Слову», Шевырев отмечал: «Замечательна, между прочим, мысль, постоянно выражаемая духовными учителями нашими, что Бог воплотился в человека для того, чтобы человека обожить».

«Слово», написанное всем православным христианам, — читаем далее, кратко, но сильно приглашает их заботиться о вечной жизни, а не о земной, о Царстве Небесном, а не о здешнем, и тем выражает мысль всей древней Руси, течение, по которому пошла она. Вот то, о чем богомыслил Иларион в своей двухсаженной пещерке, открывая собою начало мысли древнерусской».

4

Человек, открывший «собою начало мысли древнерусской», нам видится бородатым богатырем с веселым взглядом и звучным голосом. Мир его души, очарованной красотой родной земли, не был потрясен низвержением языческих богов. На поле, распаханное поисками Создателя, хлынул благодатный ливень веры. Буквы Священного писания сыпались, как семена, в распаханную душу. И прочел он внимательно Библию, и постиг

великую разницу между Ветхим заветом и Новым, несущим, как солнце, всем людям на земле спасение. Можно представить себе ликование обновленной души, будто открылись ворота в рай и ангельские хоры запели вокруг.

Где было начало этой его радости? Может, в светлый день крещения киевлян? Или в ту пору, когда он вместе с сыновьями Владимира стал учиться в княжеской школе, первой школе на Руси? Пришла радость, запела душа. И пел он в Берестовском храме. Пел, творя новые гимны Создателю на берегу Днепра, в первой пещере. Пел в лад соловьям, так сладостью поющим на весенней заре. Пел в душистых сумерках купальской ночи. И так хотелось, чтобы пение было подхвачено всеми живущими рядом. Так хотелось, чтобы книги, переведенные на русский, полнились своими, исконно русскими и становились воистину реками, поющими Вселенную. И чтобы храмы множились, утверждая на земле красоту и силу русской души, устремленной к небу.

Была весна с игрою вод и пением птиц. Был светлый день Великого Воскресенья. Был храм многолюдный.

Вышел он и заговорил...

«Слово о Законе и Благодати», написанное между 1037—1051 годами, прочитано было автором в присутствии великого князя Ярослава, его супруги, великой княгини Ксении и других членов семьи в первый день Пасхи, 26 марта 1049 года, в надвратной Благовещенской церкви, венчавшей собою сооружение Золотых ворот в Киеве.

Звучало слово о том, что Закон, Моисеем данный, «отошел», а «Благодать и истина всю землю исполнили», вера на все народы простерлась» и на наш народ русский.

Звучала похвала великому князю Владимиру — им были мы крещены.

Звучала молитва Богу от всей земли нашей.

Закон стал предтечей и слугой благодати и истине. Как Закон привел к крещению, так крещение впускает в вечную жизнь.

Как отошел свет луны, когда солнце воссияло,
так и Закон — пред Благодатью явившейся.

И стужа ночная побеждена,
солнечная теплота землю согрела

И уже не теснится человечество в законе,
а в Благодати свободно ходит.

Ибо иудеи при свече Закона себя утверждали,
христиане же при благодетельном солнце свое спасение зиждут,
ибо иудеи тенью и Законом утверждали себя,
а не спасались,

христиане же истиной и Благодатью не утверждают себя,
а спасаются.

Ибо среди иудеев — самоутверждение, а у христиан спасение...

И Христова Благодать всю землю объяла,

Как вода морская, покрыла ее...

(Перевод Виктора Дерягина).

Говорил Иларион о том, как Бог-сын посетил землю, как «воплотился от девицы чистой, безмужней», как явил людям божеское и человеческое. Еще о том, как назвали Его лжецом, как предсказал Иисус гибель городу, избивающему пророков. Пришли римляне, и «рассеяны были иудеи по странам». А вера христианская по всей земле простерлась, до народа русского дошла.

И Закона озеро пересохло,
Евангельский же источник наводнился,
и, всю землю покрыв, до нас разлился...

Хвала великому государю нашему Владимиру, сыну старого Игоря, внуку Святослава!
«Сей славный — от славных родился, благородный — от благородных». Сам крестился и
всем повелел креститься.

О, христоробец!
Как уверовал?
Как разгорелся ты любовью Христовой?
Какой вселился в тебя разум,
выше разума земных мудрецов,
чтоб невидимого возлюбить
и на небесное подвигнуться?
Как взыскал Христа,
как предался Ему?
Поведай нам, рабам твоим,
поведай, учитель наш!
Откуда тебе повеяло благоухание Святого духа?
Откуда испил ты памяти будущей жизни сладкую чашу?
Откуда вкусил и увидел, как благ Господь?
Не видел ты Христа,
не ходил ты за ним —
как учеником Его сделался?
Иные, виден Его, не уверовали,
ты же, не видевав, уверовал...

Ты же, о блаженный, безо всего того пришел к Христу,
только благим смыслом и острым умом уразумев,
что есть Бог един —
творец невидимым и видимым, небесным и земным,
и что послал Он в мир, спасенья ради, возлюбленного сына
своего.

Великая мысль для понимания тайны русской души. Благим смыслом и острым умом
уразумели люди русские свой путь к Богу. С доверием неиспорченной души прочли
Священное писание на языке греческом, благоговейно пересадили цветы Святой земли на
просторы Святой Руси.

«Мы принимали от умирающей Греции, — писал Алексей Аксаков, — святое наследие,
символ искупления и учились слову; мы отстаивали его от нашествия Корана и не отдали
во власть папы; сохраняли непорочную голубицу, перелетевшую из Византии на берега
Днепра и припавшую на грудь Владимира».

«Религия, — продолжал пламенный мыслитель славянского мира, — есть одно солнце,
один свет для всех; но равно благодетельные лучи не ровно разливаются по земному
шару, а соответственно общему закону Вселенной. Согласуясь с климатом природы, у нас
холоднее и климат идей, с крепостью тела у нас могут быть прочнее и силы души. И мы
не обречены к замерзанию: природа дала нам средства согреть тело; от нас зависит

сберечь и душу от холода зла».

Федор Тютчев, уверенный, что «у нас особенная статья», с гневом бросал тому, кто хочет нас лишить святых упований и убеждений:

Своей душою маловерной
Не соблазнишь Святую Русь...

Сила веры — сила русского духа.

Когда Михаил Черниговский, выполняя требование Батые, собрался ехать в Золотую Орду, то попросил благословения у епископа Иоанна, своего отца духовного. Тот сказал: «Многие князья ездили в Орду и, прельстясь славою мира сего, ходили сквозь огонь, кланялись идолам, вкушали оскверненную пищу; но ты, князь, не подражай им». Князь ответил: «Я желаю пролить кровь мою за Христа и веру чистую». То же сказал боярин Федор. Епископ дал им святые дары и отпустил в путь. В стане Батые жрецы потребовали, чтобы русские прошли сквозь огонь. Михаил отказался, говоря: «Христианин поклоняется Творцу, а не твари». Батый велел выбрать одно:

или поклониться богам, или умереть. «Я готов поклониться царю, — отвечал князь, — ему вручил Бог судьбу царств земных; но я христианин и не могу поклониться тому, чему поклоняются жрецы».

Уговаривал Михаила побережь жизнь свою юный внук, уговаривали бояре ростовские, бывшие там. Князь был тверд. Сбросил шубу и сказал:

«Не погублю души моей...»

Пока вельможи ханские относили его ответ Батыю, Михаил и Федор пели псалмы, приобщались Святых тайн.

«Идут от хана убить вас, сказали, — покоритесь...» Не слушаем вас, не хотим славы мира сего», — услышали в ответ.

Прибыли убийцы. Соскочив с коней, они схватили Михаила, растянули за руки и за ноги, начали бить кулаками и палками по груди, потом повернули лицом к земле и били ногами. долго длилось это. Затем Домант, родом из Путивля, отрезал голову мученику. Последнее, что услышали от него: «Я христианин». Так же был замучен Федор. Это случилось 20 сентября 1246 года. Тела, брошенные псам, оказались нетронутыми. Тайком привезли их в Чернигов...

5

«Русские люди не только любят свою землю, как место родины своей и своих предков, где протекает вся их жизнь, не только благодарны ей за ту возможность вести тихую жизнь, какую она им дает, — русские чтут Россию, как святыню души, молятся на нее. Чудным образом любовь к родной стране переплетается у них с верой в Бога. Счастливым и вожделенным делом они считают умереть за родину, и все их восторженное и особенное чувство к России так понятно выражается двумя словами: «Святая Русь», — писал в книге «Сказание о святых вождях земли Русской» (1899) Е. П. Поселянин (Погожев), духовный сын великого старца Амвросия из Оптиной пустыни, писатель-патриот, расстрелянный в подвалах НКВД в феврале 1931 года.

И это слово было в лад бессмертному творению Илариона.

«Был в древности один священный народ, происходивший от избранных Богом праведников, — продолжал Поселянин, — сам Господь вел его чудными путями, дал ему и земное могущество; мог он получить и будущую небесную славу». Избранный народ

«не остался верен Божиим заветам; во главе его стали лица, заменившие живую сердечную веру сухим выполнением некоторых внешних обрядов. Иссякла в нем животворная любовь...» Русскому народу, утверждал Поселянин, «Господь судил стать великим избранником Его, и этой-то земле готовилось великое и дивное имя «Святой Руси».

Хорошо понимая созидательную роль веры, враги России навязали нам борьбу не на годы, а на века. Особенной настойчивостью всегда отличался Рим, тот славный Рим, legionеры которого, выполняя приказ, казнили Христа. В двухтомном историческом исследовании д. А. Толстого «Римский католицизм в России» (СПб, 1876) говорится прямо: «деятельная, гордая римская церковь, возвысив своего патриарха на степень представителя самого Спасителя на земле, стремилась к усилению своей власти внутри и ко внешнему распространению».

Послы из Рима предлагали свою веру и князю Владимиру, и другим правителям Руси. «Мы знаем истинное учение Церкви, а вашего не приемлем и знать не хотим», — ответил Александр Невский.

Был тверд и Иван Грозный, при котором появился в Москве иезуит Антоний Поссевин. Был конец мая 1581 года, когда он, «испытанный уже в искусстве совращения», получил назначение примирить Грозного с Баторием, польским королем, и насадить в России римский католицизм. Иезуиту уже удалось убедить шведского короля Иоанна скрытно перейти из лютеранства в католичество. Очередь за русским царем. Тайная инструкция была подробной. Предписывалось, склоняя Батория к перемирию, вести дело так, чтобы царь видел: всем он обязан римскому двору. Затем следовало внушить Грозному ненависть к туркам и доказать необходимость принять духовную власть папы, получить позволение построить в Москве «несколько латынских церквей».

Лето прошло в хлопотах. Сильвестру, епископу Смоленскому и Брянскому, царь написал 27 июля грамоту. Поссевин по приезде в Смоленск должен увидеть церкви и монастыри «в наилучшем виде». Ежели гость окажется в храме Пречистой Богородицы, то богослужение чтоб совершал сам епископ «со всем возможным великолепием». Папский посланник не спешил смотреть русские святыни. Грамота осталась без применения. Прибыв в Старицу, иезуит увидел царя, вручил ему грамоту папы, в которой Москва приглашалась подчиниться Риму. Не обошел папа грамотами и двух сыновей Грозного, а также его супругу. Поссевин сразу вступил в переговоры с государевыми думными людьми. думные люди слова о вере пропустили мимо ушей и сразу же взяли быка за рога: заговорили о делах ливонских. Настойчивый иезуит подал 1 сентября записку Грозному, писал о соединении двух церквей.

Записка осталась без ответа.

Что делать? Поссевин в отчаянии написал в Рим. 10 сентября его известили, что царь поговорит с ним о вере, когда Поссевин вернется от Батория. Москве был нужен мир. Пришлось ехать к Баторию.

Польский король в это время штурмовал Псков. Поссевин, действуя именем папы, добился перемирия. Стало тихо. В самый раз ехать в Москву. Папский нунций так и сделал. Покатил в санях по февральскому снегу 1582 года. Приехал. Стал требовать «возмездия за свои услуги». Боярин Никита Романович объявил нунцию, что государь ему признателен за труды, однако... И дал ему отказ по всем пунктам. Поссевину было сказано, что «государь почитает неприличным беседовать о вере, не имея при себе своих ближних людей, что эти рассуждения не могут привести ни к какому последствию». Посол настойчиво добивался встречи. Царь, «видя неотвязчивые домогательства иезуита», решился «положить конец этому делу», приказал Поссевину явиться к себе. Принял в присутствии только бояр, сверстных дворян и служилых князей. Поссевин горячо заговорил о том, чтоб утвердилась одна церковь, одна вера, чтобы «мы ходили в ваши церкви и исповедовались вашим священникам, а вы — в наши». «Ты желаешь говорить о вере, — сказал ему государь, — имеешь на то право, ты для этого и прислан папою и сам

латынский священник; а я не могу отвечать тебе, не получив на то рукоположения от митрополита и всего Собора».

Посол настаивал на продолжении разговора о вере.

«Трудно нам сойтись с вами в вере, возразил ему Иоанн. — С давних времен Церковь восточная существует отдельно от западной, мы приняли христианскую веру при самом начале от апостола Андрея, принесшего ее в наши страны; впоследствии при Владимире она еще более распространилась. Итак, в то самое время, когда вы приступили к христианству в Италии, мы получили ее в России и сохранили в чистоте и целости; тогда как в латынской церкви (вспомни, что ты сам говорил мне в старице) теперь семьдесят вер. В нашей православной вере я родился и с Божьей помощью достиг 51 года, следовательно, мне не время уже переменять исповедания или желать обширнейшего государства, я помышляю только о жизни будущей, а здесь мне целой вселенной не надо; впрочем, земля в руках Божиих, кому захочет, тому и даст. А так как ты говоришь, что восточная Церковь соединилась с западною, то я тебе замечу, что наша вера не греческая, а православная, которая во многом разнится с латынскою, но только рассуждать я об этом не хочу, чтобы не сказать чего лишнего или тебе неприятного...

Посевин, «докучая государю», продолжал свое. «Не хочу говорить с тобою о великих догматах веры», — сказал царь и строго заметил, что у посла нет бороды, что брить и стричь бороды не велено не только духовным, но и мирским людям. Иезуит смешался и ответил, что у него борода не растет. Грозный, «полный страсти», уже не мог остановиться.

«Сказывал мне Шевригин, сослался царь на своего посла в Риме, — что папу носят на престоле и целуют его сапог, на котором вышит крест с изображением распятия Христова. Ежели это правда, то хорошо ли это? Вот первая причина несогласия нашей христианской веры с вашею римскою. У нас крест Христов — на враги победа. Мы поклоняемся древу честного креста и почитаем по преданию святых апостолов и святых отцов Церкви, и потому ниже пояса не носят у нас креста и не ставят образов Спасителя, Пресвятой Богородицы и всех святых, дабы взирать на образ очами души, возвышающими до первообраза, для того и престолы в церквях сделаны по грудь человеку, ибо неприлично святыне быть ниже пояса».

Папа, по словам царя, действует не по уставу святых апостолов и святых богоносных отцов вселенских семи соборов, обряд его установлен гордынею человеческою.

Разговор превратился в жаркий спор, а там дошло до того, что царь вскочил с места и приступил к Поссевину с палкой, окованной железом. «Видно, у мужиков ты учился, — прикрикнул, что осмеливаешься говорить со мною по-мужицки!»

Перепуганный иезуит замолчал. Стал извиняться. Грозный остыл и поспешил загладить свою горячность. Он милостиво положил свою руку на Поссевина. Тот поцеловал ее и вышел вместе с блестящей свитой из дворца. В тот же день получил кушанья с царского стола.

Затем царь принял посла вновь и постарался еще раз загладить свою горячность. Уехал Посевин ни с чем. Ни один пункт тайной инструкции не был выполнен. Сопровождал папского посла русский уполномоченный Молвянинов. Ему было велено никаких переговоров о вере не вести. В случае напоминания, что царь назвал в горячем разговоре папу волком, то Молвянинов должен отвечать, что он этого не слышал, ибо прибыл в Москву накануне отъезда Поссевина.

После смерти Ивана Грозного Рим оживился. Собирали снова в дорогу Поссевина, но он не поехал. Нашли замену в лице священника Камулея. Обдумывали, чем привлечь русских государей. Любят титулы? Тогда напомнить, что «титулы и достоинства давались всегда от святейшего престола». Успеха Камулей не имел, даже в Рим не вернулся.

Остался в Вильне. Там к нему пришло новое повеление папы. Поехал в Москву, но ничего не добился.

«Наступило, наконец, для русского православия, — читаем у Д. А. Толстого, — время

испытаний; не мелочный индивидуальный прозелитизм, не дальние послания и посылки римского двора, а римский католицизм с мечом в руках стал в начале XVII века в самом сердце нашего отечества и готов был задушить и нашу веру, и нашу национальность. Но тут, в этой борьбе на жизнь и смерть, вера спасла национальность, православие отстояло и Церковь, и народную нашу самобытность. Не легка была эта борьба...»

6

О Михаиле, Федоре, Борисе, Глебе и многих других святых людях не раз слышал Данила, юный сын казака Саввы Туптало из-под Киева. «Со времен монгольского завоевания, — читаем очерк о нем в книге «Жизнеописания достопамятных людей Земли Русской» (М., 1992). — Киевская Русь жила своей, особой от Московской, жизнью, и в XII веке, когда она вновь встретилась с Россией., оба народа оказались непохожими друг на друга, на общего предка, говорили на разных языках и нуждались для общения в переводчиках. Их объединяла вера и язык богослужения, но церкви Киева и Москвы были независимы друг от друга».

Мальчику было три года, когда (1654) состоялась долгожданная встреча: Украина присоединилась к России. Савва Туптало, отец нашего героя, к этому времени уже был сотником. На Переяславской раде он вместе с другими казаками присягнул московскому царю. На престоле, как известно, был Алексей Михайлович, тишайший родитель великого Петра.

Семья сотника с 1660 года жила в Киеве. Полный курс в Коллегиуме рассчитан на 11 лет, но Даниил прошел лишь начальные классы. Это не помешало ему писать дневник польски, знать латынь, греческий и старославянский языки. Сын казака решил уйти в монахи. В 1668 году принес Богу монашеские обеты целомудрия, бедности, послушания. Приехал в марте 1702 года, а 1 сентября начались занятия в школе, размещенной, как и резиденция митрополита, в Ростовском Кремле. На свои деньги митрополит купил учебники, два глобуса и карты. Стал духовным отцом школы. Невысокий, худенький, сутулый, с маленькой бородкой клинышком, в очках, в неизменной рясе темно-зеленого цвета — таким был человек, имя которого сияет золотом на томах «Жития святых», недавно переизданных. Биограф утверждает: всех сочинений Димитрия Ростовского наберется на сорок томов...

Был он просветителем и другом бедных. Однажды во время литургии услышал вопли пытаемого на площади человека. Послал к воеводе, стоявшему в храме, просьбу прекратить наказание. Тот отказал. Тогда Димитрий остановил богослужение и вышел из собора. Весь 1706 год «провел перед лицом царя». Петр с удовольствием слушал проповеди Димитрия. Он и сам высоко ценил императора. В то же время осуждал за то, что тот с Запада привозил нехристианскую и антихристианскую культуру». «Нынешних времен, — говорил, — некоторые господа стыжнутся в домах своих поставляти икону Христову или Богородичну, но уже некие бесстыдные поставляют изображения Венеры или Дианы, или прочих ветхих кумиров, или новых...»

Осуждал отступления от православия, от матери нашей Церкви, тягу к иноземному, еретическому. Жалел, что более нет Константинов, Владимиров и «прочих богобоящихся любителей благолепия дому Господню». Рассказывал, что «ходит по земле Царство Божие, не находя любви ни в боярских чертогах, ни в купецких домах, ни даже в храмах, превращенных в вертепы: отовсюду оно прогнано и продолжает стучаться в сердца». «Благословение, читаем в биографическом очерке, — стало началом огромнейшего труда: Димитрию предстояло создать жизнеописания всех святых, чтившихся православной Церковью».

Упорно собирал Димитрий материалы, горячо молился, как Нестор Печерский: «Да не будет ми лгати на святого». Благоговейно описывал одну святую жизнь за другой.

Однажды прилеж отдохнуть, не раздеваясь, и увидел святого мученика Ореста. «Я больше претерпел за Христа мук, нежели ты написал», — сказал Орест. Показал в левом боку «великую рану, сквозь во внутренности проходящую, сказав: «Сие мне железом прожжено». Потом правую руку до локтя обнажил. «И стал прямо, — записывал Димитрий видение, — взирая мне в лице, рече: «Видишь ли, больше я за Христа претерпел, чем ты написал?»

В 1686 году Димитрия вновь перевели игуменом в Батурицкий монастырь. В августе 1689-го он в составе посольства Мазепы приехал в Москву. К самому перевороту попали. Пришлось ехать в Троицко-Сергиевский монастырь: там Димитрий увидел Петра. Патриарх Иоаким сделал Димитрию строгий выговор за ошибки: страницы тут же были выдраны из отпечатанных томов, заменены новыми. Вскоре (1690) новый патриарх Андриан прислал в Киев Димитрию благословляющую грамоту и Четьи-Минеи, составленные при митрополите Макарии.

Три года трудился в Батурицком монастыре, в отдельном скиту. Из Гданьска получил «деяния святых», составленные католическими учеными. Димитрий перепроверяет написанное, составляет хронологические справки, исторические словари. Пишет и пишет, склонясь над столом. И вдруг — назначение игуменом в Глухов (1694).

Писательство для него было служением Богу. Ростовцы запомнили, как он молился, распростершись на западный манер перед распятием, как смирением искал мир между людьми, как в 57 лет за сутки сходил из Ростова в Ярославль (более полсотни верст) и вернулся пешком обратно. В последний вечер (27 октября 1709 года) позвал к себе певчих и, прислонясь к горячей печи левой стороной груди, где болело сердце, слушал. Они пели сочиненное им:

Иисусе мой Прелюбезный,
сердцу сладосте,
Едина в скорбях утеха.
моя радосте.
Рцы души моей:
Твое есмь Аз спасение,
Очищение грехов,
в рай вселение...

Отпустил певчих. Задержал Савву Яковлева. Стал юность вспоминать. Отпуская, благословил и поклонился до земли, поблагодарил за труды по переписке сочинений. Уходя, Савва заплакал.

Наутро, 28 октября, старца увидели мертвым: он скончался во время молитвы, на коленях...

«Святитель» — в рассказе Ивана Бунина под таким названием, написанном за границей 7 мая 1924 года, легко угадывается Дмитрий Ростовский:

«Двести лет тому назад, в некий зимний день, святитель, имевший пребывание в некоем древнем монастыре, чувствовал себя особенно слабым и умиленным.

Вечером в его покое, перед многочисленными и прекрасными образами, горели лампы...»

Позвал он, тихо позвонив в колокольчик.

Вошли певчие «в одних шерстяных чулках».

Пели «те песнопения, что святитель созидал в своей ранней молодости». Слушал, «часто плача и закрывая глаза рукой».

Любимейшему из них рассказал «всю свою жизнь».

«Он говорил о своем детстве, отрочестве, о трудах и мечтах своей юности, о своих

первых, сладчайших восторгах».

Прощаясь, «поцеловал его с лихорадочно-сияющим взором и поклонился ему в ноги. И это была последняя земная ночь святителя...»

И еще очень важное для писателя — воспоминание о тамбовском мужике, который, молясь перед образом святителя, говорил:

— Митюшка, милый!

И самое важное, сказанное всем сердцем, полным восторга и печали от постоянных дум о Родине:

«Только один Господь ведает меру неизреченной красоты русской души».

7

Далеко на Севере, в селе Сура Архангельской губернии, 19 октября 1829 года у дьячка Ильи Сергиева и его жены Феодоры родился сын. Был он настолько слабым и болезненным, что родители поспешили его окрестить, пока жив. Назвали Иоанном. Думали, не выживет, а он стал поправляться.

— Слава Господу нашему! — радовался дьячок.

— Слава! — повторяла жена.

Жили бедно. Зима суровая. Мальчик подрастал, приученный к усердной молитве и дома, и в храме. На шестом году стал учиться грамоте. Грамота трудно давалась. Отец отвез в Архангельское духовное училище. И там ученье не шло.

— Господи, помоги мне! — горячо молился мальчик. И вдруг однажды почувствовал, будто завеса спала с глаз, легко и радостно стало на душе. Лучше начал учиться: первым окончил училище, первым — семинарию, на казенный счет был принят в Санкт-Петербургскую академию. Готовился просвещать народ в Сибири или Северной Америке.

А во сне увидел себя священником в Андреевском соборе города Кронштадта. Сон сбылся. В 1855 году ему, кандидату богословия, предложили вступить в брак с Елизаветою, дочерью протоиерея того самого собора и принять сан священника для служения в нем. Когда пришел в собор, то замер на пороге: все было таким, как во сне. Стал служить. Стал людей исцелять. О нем пошла по России молва, деньги потекли отовсюду. На эти деньги отец Иоанн ежедневно кормил нищих, устроил в Кронштадте «дом трудолюбия» со школой, церковью, мастерскими, приютом, в родном селе возвел каменный храм и женский монастырь, в Петербурге тоже. Свыше 25 лет преподавал в училище и гимназии Закон Божий. Уроки были живыми, интересными. Дети их любили. Народ за ним толпами ходил. Поехал в Харьков — пришлось совершать молебствие на Соборной площади. Более 60 тысяч сошлось слушать. Было такое в Самаре, Саратове, Казани, Нижнем Новгороде.

В Орле не раз бывал Иоанн Кронштадтский. Восхищался Петропавловским собором, как об этом писал славный историк нашего края, сын священника и сам глубоко верующий человек, профессор Орловской семинарии Г. М. Пясецкий. Встречался с орловцами. Есть сведения, останавливался в доме купца Бакина у самого начала бывшей Борисоглебской, почти напротив места, отмеченного мемориальной доской: здесь стоял дом, в котором А. П. Ермолов принимал А. С. Пушкина в мае 1829 года...

Вставал отец Иоанн очень рано, в три часа ночи. Готовился к Божественной литургии. В четыре шел в собор, вмещавший до пяти тысяч человек и всегда полный. Очевидцы уверяли, что литургия, им совершаемая, не поддавалась описанию.

Письма и телеграммы приносили ему прямо в алтарь. Тут же прочитывал и молился о тех, кого просили упомянуть. Затем ехал в Петербург по вызовам. Возвращался около полуночи. Нередко «не имел времени спать». Кротко переносил личный недуг.

Продолжал поститься, хотя врачи были против. Вел дневник, записывая ежедневные

мысли. В собрании сочинений 1893 года «Моя жизнь во Христе» занимает три тома размером в 1000 страниц. Эта книга, переведенная на несколько языков, стала у англиканских священников настольной.

«Научись, Россия, веровать в правящего судьбами мира Бога-Вседержителя, призывал Иоанн Кронштадтский, — и учись у твоих святых предков вере, мудрости и мужеству... Восстань же, русский человек!»

Грозно предрекал: «Царство Русское колеблется, шатается, близко к Падению».

Предупреждал, что «если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония».

10 декабря 1908 года отец Иоанн в последний раз совершил Божественную литургию в кронштадтском Андреевском соборе. 20 декабря великий праведник отошел к Господу, заранее предсказав день своей кончины. В погребении участвовали десятки тысяч людей. «На всем пространстве от Кронштадта до Ораниенбаума и от Балтийского вокзала в Петербурге до Иоанновского монастыря на Карповке, — пишет биограф, — стояли огромные толпы плачущего народа. Такого количества людей не было до того времени ни на одних похоронах — это был случай в России совершенно беспримерный. Похоронное шествие сопровождалось войсками со знаменами, военные оркестры исполняли «Коль славен», по всей дороге через город стояли войска шпалерами... Слышались возгласы: «Закатилось наше солнышко! На кого покинул нас, отец родной?»

Всем живым остался его наказ: «Нам необходимо всеобщее нравственное очищение, всенародное глубокое Покаяние, перемена нравов языческих на христианские: очистимся, омоемся слезами покаяния, примиримся с Богом, и Он примирится с нами!»

Нам, живущим, и через девяносто лет светят, как звезды, мысли праведника, рассеянные по страницам великой книги «Моя жизнь во Христе». Читая, мы будто входим в храм и слышим голос человека, любящего нас, жалеющего нас, воспитывающего нас на духовном опыте веков.

Слушаем и повторяем с радостью:

«Обильно открыл Ты мне, Господи, истину твою и правду Твою. Чрез образование меня науками открыл Ты мне все богатство веры и природы и разума человеческого. Уведаль я слово Твое — слово любви... изучил законы ума человеческого и его любомудрие, строение и красоту речи; проник отчасти в тайны природы, в законы ее, в бездны мироздания и законы мирообращения знаю населенность земного шара, сведаль о народах отдельных, о лицах знаменитых, о делах их, прошедших своею чередой в мире; отчасти познал великую науку самопознания и приближения к Тебе... Много и книг у меня многообразного содержания, читаю и перечитываю их, но еще не насытился. Все еще дух мой жаждет знаний; все сердце мое не удовлетворяется, не сыто, и от всех познаний, приобретенных умом, не может получить полного блаженства. Когда же оно насытится?»

Говорят, жажда новых знаний останется с нами и там, за порогом жизни земной. Будет с нами, как и любовь. И не хватит вечности, чтобы насытилась душа.

«Размышляй чаще: чья мудрость проявилась в устройстве твоего тела, постоянно поддерживает его в бытии и отправлениях? Кто предписал законы твоей мысли и она доселе следует им у всех людей? Кто начертал на сердцах всех людей закон совести, и она доселе у всех людей добро награждает, а зло наказывает? Боже всемогущий, премудрый и всеблагий! Рука Твоя постоянно на мне... Я — в малом виде — целый мир; моя душа — представительница мира невидимого, мое тело — представитель мира видимого».

Недаром говорят: «Совесть — голос Бога».

Золотарево. Раньше село под таким именем входило во Мценский уезд. Сергей Александрович Нилус (1862— 1929), выдающийся духовный писатель, книги которого в наши дни репринтно переиздала Свято-Троицкая Сергиевская лавра, родился в Москве, служил судебным следователем в Закавказье, но, поселившись здесь, считал себя амчанином и почитал своим небесным покровителем «батьшку Микулу Амченского»,

описывал чудотворную икону Святителя в рост человека, вырезанную из цельного куска дерева, обнаруженную, по преданию, «на камне близ того места, где и поныне стоит соборный храм г. Мценска». На всю жизнь запомнил Нилус день 5-го мая 1904 года, когда в составе делегации местного дворянства на платформе Мценского вокзала был представлен императору Николаю Александровичу. Государь направлялся в Орел, Курск и другие города, на пути «благословлял войска в поход против Японии». Во Мценске он подошел к ветерану обороны Севастополя, капитан-лейтенанту В. В. Хитрово, стал «ласково расспрашивать о его прежней службе». Ветеран был в форме, при орденах. Нилус с восторгом смотрел на царя: «Это был взгляд ангела-небожителя, а не смертного человека».

Сергей Александрович любил записывать разные пророчества, предания, сны. Одно из предсказаний обнаружил он в сне старца Илиодора из Глинской пустыни: обозревая небесный свод, увидел старец среди звезд изображенное большими буквами имя — Александр, затем — Николай и снова — Александр.

«После этого, — записывал Нилус, — на востоке, бледно и туманно начертанное, явилось имя Николай. Звездного овала вокруг не было; продвигалось оно как бы скачками и затем вошло в темную тучу, из которой мелькали в беспорядке отдельные его буквы. После этого наступила непроглядная тьма...»

Митрополит Макарий увидел во сне Спасителя, державшего в руках две чаши: сладкую он предлагал царю, горькую — народу. Николай Второй упал на колени и стал просить себе вторую чашу. «Тогда Спаситель вынул из горькой чаши большой раскаленный уголь и положил его Государю на ладонь. Государь начал перекладывать уголь с ладони на ладонь и в то же время телом стал просветляться, пока не стал весь пресветлый, как светлый дух». Во втором сне Макарий увидел громадное поле в цветах, раздавал манну. Незримый голос сказал:

— Государь взял вину русского народа на себя, и русский народ прощен.

Послушнице Ольге было 14 лет, когда она вбежала к монахини-чтице и объявила, что будет умирать. Легла и уснула. Дыхание прекратилось. Лицо приняло «мертвецкий вид». Через три дня поднялась и стала рассказывать о своем удивительном путешествии с ангелом. В большом блестящем доме среди пророков и мучеников увидела императора Николая Александровича. Святые говорили о том, что приходит время антихриста, что храмы и монастыри будут уничтожены. На 12-й день сна, 1 марта 1917 года, пришла весть, что царь отрекся от престола.

С горечью вспоминал Нилус о равнодушии к вере в ранние годы, с радостью — о пробуждении души, о первых искрах «неясно сознаваемой любви к Богу и его православию».

«Ни величественность католического богослужения, — писал Нилус, — с величавой мощью знаменитых органов, красотой голосов оперных певцов, со всею театральностью обстановки кардинальского служения, уже не говоря о жалких намеках на Богослужение в церквях протестантских, — ничто не влекло к себе так моего молитвенного внимания, как дивная красота православного Богослужения.

И тянуло меня иногда в бедную сельскую церковь нашего черноземного захолустья, с ее немудрствующим лукаво, простым батюшкой-земледельцем, с таким же, если еще не более простым, дьячком-хозяином. Чудилось мне как-то невольно, именно против воли всегда склонного к гордости разума, что в их-то иной раз и «немощи» сила Божия совершается», — писал Нилус.

Первое истинное покаяние пережил он при встрече с Иоанном Кронштадтским. Нилус захворал, потерял голос и вдруг... «Отец Иоанн дал мне поцеловать крест, положил его на аналой, а сам двумя пальцами правой руки провел три раза за воротом рубашки по горлу... Меня вмиг оставила лихорадка, и мой голос вернулся ко мне сразу свежее и чище обыкновенного...»

В тот же день он уехал из Кронштадта.

Один из очерков Нилус посвятил отцу Егору Коссову из села Спас-Чекряк Болховского уезда. Рассказал, как по зимней дороге приехал к знаменитому священнику в розвальнях, описал маленькую церковь, переполненную людьми. Встреча с отцом Егором запомнилась на всю жизнь: «Я был потрясен, даже испуган, как если бы из образа Иоанна Крестителя, каким его обыкновенно пишут на иконах, вдруг вышел сам Предтеча Господень». Священник «в старой заношенной ризе, обвисшей на его высокой, сухощавой фигуре», с глазами, горящими «каким-то ярким внутренним огнем», поразил Нилуса сходством с Предтечей: «Та же пустыня окружала отца Егора, но только не та знойная у берегов Иордана, а наша холодная, снежная...» договорились о встрече не в храме, а дома. Там услышал Нилус рассказ, как не хотел Георгий Коссов принимать на себя тяжкий груз священнослужителя, как убедил его строгий Амвросий, великий старец Оптиной пустыни. Нилус не видел старца, но много услышал о нем, особенно в то время, когда сам поселился надолго в Оптиной. Находясь там глубокой осенью 1905 года, он подготовил «Великое в малом» ко второму изданию. Книга вышла в декабре и сразу же вызвала в печати шум. Имя автора сделали знаменитым вставленные в нее «Протоколы сионских мудрецов». По словам Нилуса, он получил их от одного близкого человека, а тот уверял: рукопись «представляет собою точную копию — перевод с подлинных документов, выкраденных женщиной у одного из влиятельнейших и наиболее посвященных руководителей франкмасонства, после одного из тайных заседаний, «посвященных» где-то во Франции». Нилус пришел к выводу, что это — доклад, разделенный на части. В нем «гордая, закоренелая, непримиримая, древняя и притом долго скрытая, племенная и, что всего страшнее, религиозная злоба так и кипит между строками, клокоча и прорываясь из переполненного сосуда ярости и мести, уже предвкушающей близость свою к конечному торжеству. Писатель предупреждал братьев-христиан о «близгрядущей смертельной опасности», не возбуждая «в чьем-либо сердце вражды к ослепленному до времени еврейскому народу, в своей пламенно, хотя и ложно, верующей массе неповинному в сатанинском грехе своих руководителей, — книжников и фарисеев». Нилус писал о смертельной опасности: Гнев Божий — над головами нашими...» В то же время, призывая сплотиться вокруг Божьей Церкви и Престола Царского, утверждал: «Пока жива душа, пока бьется в груди пламенное сердце, нет места мертвенно-бледному призраку отчаяния».

Травля в печати вынудила Нилуса удалиться из Петербурга, который он называл чужим болотом, русским Вавилоном и блудницей великой. Вместе с ним уехала фрейлина императрицы Елена Александровна Озерова (1855—1938), ставшая женой писателя. В Оптиной пустыни супруги поселилась в доме, где раньше жил известный писатель-философ Константин Леонтьев. Сергей Александрович занялся монастырским архивом. На основе записей старцев были написаны книги «Сила Божия и немощь человеческая» (1908) и «Святыня под спудом» (1911). Собственные записки послужили материалом двухтомника «На берегу Божьей реки. Об авторе той поры один из современников писал так: «То был человек 45 лет, типичный русич, высокий, коренастый, с седой бородою и голубыми глазами, слегка прикрытыми поволокой; он был в сапогах, и на нем была русская косоворотка, подпоясанная тесемкою с вышитой молитвою». Предчувствие грозы заставило Нилуса чаще говорить о «конце мира», о «пришествии антихриста», о грядущем усилении сионизма. Это не всем нравилось. Пришлось покинуть Оптину пустынь (1912). В январе 1917 года вышла последняя прижизненная книга «Близ есть, при дверях». Епископ Феофан Полтавский написал автору: «Достоуважаемый Сергей Александрович, да не будет у Вас никакого сомнения, что антихрист действительно уже существует и ожидает только времени для явления миру. Он находится недалеко от пределов России». Нилусы жили на Украине. Дважды его сажали (1924 и 1927). За чтение и хранение его книг расстреливали. Жена умерла на Колыме...

Том за томом выстроились в ряд: «Самодержавие духа», «Голос Вечности», «Одоление смуты», «Стояние в вере», «Русь Соборная». Автор — высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (1927—1995), ратник русского православного духа, поставленный народом в героический ряд таких подвижников, как преподобный Сергей, игумен Радонежский, благословивший Дмитрия Донского на Куликовскую битву, священномученик патриарх Гермоген, умерший от голода в самом сердце России, в польском заставке, праведный отец Иоанн Кронштадтский, всероссийский молитвенник и чудотворец, грозный обличитель «либералов» и «демократов», до последнего вздоха предупреждавший народ о губительности равнодушия к вере.

В «Голосе Вечности» мы находим слово митрополита Иоанна об Иоанне Кронштадтском (1994).

«Велика была любовь народа к своему ревностному пастырю, — говорил его достойный наследник духа, наш наставник Иоанн. — Современники свидетельствуют, что даже на далеком Сахалине простые крестьяне я охотники держали в красном углу рядом с иконами Спасителя я Пресвятой Богородицы портрет о. Иоанна».

«Пламенное слово о. Иоанна, — продолжал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, — донныне воинствует против лжи и беззакония нашего лукавого времени.

Сколь злободневно и вразумляюще звучат сегодня его пророческие слова:

«Откуда эта анархия, эти забастовки, разбои, убийства, хищения, эта общественная безнравственность, этот царящий разврат, это огульное пьянство? От неверия, от безбожия... На почве безверия, слабодушия, малодушия, безнравственности совершается распадение государства. Без насаждения веры и страха Божия в населении России она не может устоять. Скорее с покаянием к Богу!»

Так говорил Иоанн Кронштадтский.

Будто о нашем времени говорил...

Одну из первых книг митрополит назвал «Битва за Россию» (Саратов, 1993), украшенную портретом автора и рисунком на зеленом поле обложки: Георгий Победоносец поражает змия. Там же рассказывалось, что автор (Снычев) — сын крестьянина из села Ново-Маячка Каховского района Херсонской (тогда Николаевской) области. Родители не отличались религиозностью. Мальчик рос вне церкви. В 15 лет стал задумываться о смерти и от мысли, что человек исчезает бесследно, горько плакал. Весной 1943 года попал на собрание богомольных старушек. В душу упали первые семена веры. На танцплощадке в день памяти Серафима Саровского, накануне праздника пророка Ильи «внезапно увидел всю мерзость суетного мира». В сердце разгорелась вера. Приоткрылась тайна человеческой жизни. Благочестивая старушка Хевронья стала духовной матерью юноши. Священник Леонид Смирнов первый раз напутствовал Св. тайнами. Началась духовная жизнь. В конце 1944 года призвали в армию, но через несколько месяцев, по болезни, отпустили домой. Стал пономарем храма святых апостолов Петра и Павла в городе Бузулуке Оренбургской области. В августе 1945 года епископ Мануил (Лемешевский) взял молодого пономаря к себе в келейники. Стал поручать почти ежедневно в храме пересказывать народу Жития святых. Послушник Иоанн был рукоположен во диакона (1946), затем — во иерея (1948). В том же году Мануила сослали в Потьму, Иоанн поступил в Саратовскую семинарию, которую окончил по первому разряду. Стал студентом Ленинградской духовной академии (1951), через четыре года — кандидат богословия. Вернулся из ссылки Мануил, временно имел кафедру в Чебоксарах. Зимой 1956 года Иоанн помогал ему составлять «Чин архиерейского отпевания», осенью был определен преподавателем в Минскую семинарию. Через год архиепископ Мануил

пригласил в Чебоксары: в течение двух лет иеромонах Иоанн помогал старцу в работе над капитальными трудами: «Каталог русских православных архиереев периода с 1893 по 1956 год», «Типография архиерейских кафедр того же периода», «фотоальбом православных архиереев от начала крещения Руси до 1958 года». Святейший патриарх Алексий за работу наградил крестом с украшениями. Преподавал в Саратовской семинарии (1959), затем служил священником в Покровском соборе (Куйбышев), помогал в литературных трудах архиепископу Мануилу, собрал богатый архив по церковной истории. Был возведен в сан игумена (1961), архимандрита (1964), епископа Сызранского (1965). В феврале 1966 года защитил в Московской духовной академии диссертацию, стал магистром богословия. Был епископом Куйбышевским и Сызранским, временно управлял Чебоксарской епархией, возведен в сан архиепископа (1976). Посетил св. Землю Иерусалим (1987). Получил звание доктора церковной истории (1988). С августа 1990 года до последнего дня возглавлял епархию на берегах Невы и Ладоги. Часто печатался в «Советской России», где и сейчас выходит страница «Русь православная», которую он благословил...

С его же благословения в Петербурге православное издательство «Царское дело начало серию книг «духовное возрождение Отечества»...

«Перестали понимать русские люди, что такое Русь! Она есть подножие Престола Господня. Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский». «Смиранный Иоанн», как любил подписывать свои труды митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский, эти строки нашел «как нельзя более злободневными сегодня, когда решается судьба Отечества».

Митрополит Иоанн с горечью писал вослед своему духовному наставнику и вождю: «Мы забыли, что мы народ, русский православный народ, народ Божий, и многие беды наши — личные, мелкие — суть лишь следствия одной великой всенародной беды: безудержного разгула в России безбожия и сатанизма. Мы все будто чужие друг Другу».

В «Слове о Законе и Благодати» прозвучал «голос всенародного раздумья о признании русского народа». «Главным прозрением Илариона стало утверждение о духовной природе той силы, которая соединила разрозненные славянские племена в единый народ». «Слово» едва ли не единственный памятник XI века, где появилось словосочетание «русский народ», а не обычное для того времени понятие «Русская земля».

Цель — сохранить чистоту веры, удержать ее апостольскую спасительную истину. Здесь — корни русской державности.

Зеркалом народного сознания стали, по словам Иоанна, былины. Первые родились до крещения Руси. Герои — Святогор, Микула Селянинович, Вольга. Центральной фигурой героического эпоса стал Илья Муромец. Сперва его мощи находились в гробнице при Софийском соборе, потом были перенесены в лаврские пещеры.

Татарское иго — наказание «за грехи и страсти», вразумление Божие, чтобы мы, видя в Церкви единую опору, отошли от бесконечных усобиц.

«Не послушали мы Евангелия, — зывал к народу епископ Владимирский Серапион, — не послушали апостола, не послушали пророков, не послушали светил великих... Не раскаялисьмы, пока не пришел народ безжалостный по Божьему изволению...»

Первые миссионеры появились при княгине Ольге. Владимир еще не крестился, а к нему уже прибыли послы из Рима, взялись отговаривать. Пытались влиять на Александра Невского. Крестоносцы не только ходили на арабов и турок с целью освобождения Святой земли. Они и в православных землях, утверждая владычество папы, не оставались ни перед чем: на острове Кипр православных жгли на кострах, их священников распинали. В 1204 году, взяв Константинополь, в Софийском соборе «пьяная солдатня пировала с блудницами, плясала в священных одеждах, кощунствовала и ругалась над святынями». Папа Евгений III в 1147 году благословил «первый крестовый поход германцев против славян»...

Окрепла Русь. Возвысилась Москва. На поле Куликовом был разбит православным

воинством безбожный Мамай. Современники подчеркивали, что Дмитрий Донской, любивший, как и все московские князья, мир и тишину, пошел на одно из кровопролитнейших сражений потому, что «чувствовал себя защитником веры». В «Сказании о Мамаевом побоище» так и говорилось: сильны были поганые, но сыновья русские силою Святого Духа били их.

Когда войско Ахмата, постояв на Угре, не решилось идти на Москву, снялось неожиданно и ушло, русский народ вздохнул с облегчением: кончилось татаро-монгольское иго. Реку Угру называли «поясом Богородицы», веруя, что Ее молитвами была избавлена Россия от врагов...

«Шестьсот лет после крещения Руси русский народ мужал и креп под сенью Креста Христова... И вот в самом начале XVII века «сподобилась Русь подвергнуться огненному искушению Смуты». Что послужило причиной? А то, что «совершилось преступление против закона Божьего», народ «отринул законного наследника престола, попустил его злодейское убийство и воцарил над собой самозванца и вероотступника, душой и телом предавшегося давним врагам России». И стало в наказание нам великое разорение...

«Судорожная эпоха Петра, разметавшая русскую старину в погоне за европейскими новшествами, — писал Иоанн, — сменилась господством череды временщиков, мало любивших Россию...» Передохнули при Елизавете Петровне и вновь «в водоворот» перемен и нововведений. Православная церковь без патриарха «была унижена и ослаблена». С запада повеяло «чужебесием». Появились нигилисты. Славянофилы стали объединяться, чтобы дать отпор. «Все, что препятствует правильному и полному развитию Православия, заявил Иван Киреевский, — все то препятствует развитию и благоденствию народа русского, все, что дает ложное и не чисто православное направление русскому духу и образованности, все то искажает душу России и убивает ее здоровье нравственное, гражданское и политическое».

Надвигалась гроза. Вернуться к жизни, основанной на камне веры, на Законе Божием, призывали преподобный Серафим Саровский, оптины старцы, митрополит Филарет Московский, святители-подвижники Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник, отец Иоанн Кронштадтский, глинский старец Порфирий.

Не прислушались...

Время расправ было страшное. В Петербурге латыш Петерс, став «начальником внутренней обороны», немедленно расстрелял более тысячи, а трупы приказал бросить в Неву. Урицкий свыше пяти тысяч офицеров отправил «в расход». В Москве латышка Краузе над своими жертвами издевалась, «измышляла самые жестокие виды мучений». Садист Орлов мальчишек ловил на улицах. В Киеве «товарищ Вера» и Роза Шварц выказывали чудовищную жестокость. Срывали кресты, выжигали их на груди. В Полтаве чекист «Гришка» предал лютой казни 18 монахов, посадив на заостренный кол. Муки страдальцев были ужасны. Также в Ямбурге умирали захваченные солдаты и офицеры. Некоторые более суток мучились. В Омске пытали даже беременных женщин. В Казани, на Урале, в Екатеринбурге людей распинали на крестах, сжигали на кострах. Датчанин Келер в книге «Красный Сад» (Берлин, 1921) описал открытие в Свияжске памятника Иуде Искариотскому, названному «Предтечей мировой революции». Сдернули покрывало — и взорам открылась буро-красная фигура человека, судорожно срывавшего с шеи веревку, с искаженным, обращенным к небу лицом...

9

«Россия есть государство народа русского, которому Господь вверил жертвенное, исповедническое служение народа-богоносца, читаем в очерке «Державное строительство» митрополита Иоанна, народа хранителя и защитника святынь веры... Кто на протяжении тысячи лет ковал и пествовал нестигаемый державный дух русского патриотизма? Церковь православная! Кто вдохновлял отважных и укреплял малодушных,

освещающая дело защиты Отечества как личный религиозный долг каждого, способного носить оружие? Кто научил русского человека быть верным — без лести, мужественным — без жалости, щедрым — без расточительства, стойким — без фанатизма, сильным — без гордости, милосердным — без тщеславия, ревностным — без гнева и злобы? Церковь православная!

Разве это католические прелаты набатом поднимали новгородское ополчение на брань с псами-рыцарями и подавали последнее духовное напутствие дружинникам святого благоверного князя Александра Невского на залитом кровью льду Чудского озера? Разве это протестантские пасторы вдохновляли святую ревность донского героя, великого князя Дмитрия на поле Куликовом, где страшная сеча с татарами решала: быть или не быть святой Руси?

Разве это мусульманские муллы удержали нашу Отчизну от распада в лютую годину Смуты. Подвигнув Козьму Минина и Дмитрия Пожарского на их жертвенный подвиг, а ратников русского ополчения на борьбу до победы? Разве это иудейские равнины с крестом в руках, под свист японской «шимозы» поднимали в атаку преданные, смертельно уставшие роты под Мукденом и Порт-Артуром, спасая русскую честь от дозора? Разве это...

Горячий монолог нашего современника созвучен сказанному Иларионом во дни Ярослава, созвучен посланиям Гермогена в пору Смуты XVII века, созвучен высоким порывам русского сердца во все времена.

Голос митрополита — набатный колокол.

«Пока мы утопаем в пьянстве, горим алчностью, хвалимся бессовестностью и беспринципностью как «умением жить», гибнем сами и отравляем все вокруг ядовитым дыханием своего бездушия и цинизма (задумайся каждый) — нет нам помощи Божией и не будет! Будет же — развал и распад, и Россия наша, Святая Русь, станет и дальше терзаться в сатанинском плену, а сами мы — гореть на медленном смрадном огне своих мелких и жалких страстишек!

Запомните все: не покаемся — не очистимся; не очистимся — не оживем душою; не оживем душою — погибнем».

«Если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок, — предупреждал Иоанн Кронштадтский. — Бог... пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью я слезами».

«Живи в мире с врагами, — учил Иоанн Златоуст, — но со своими врагами, а не с врагами Божиими».

Сам Спаситель говорил: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч...»

Надо помнить, что было, учиться на ошибках. Митрополит Иоанн сокрушался, что в свое время прошли незамеченными страшные признания духовного вождя масонов Альберта Пайка (1871):

«Когда самодержавная Россия останется последней цитаделью христианства, мы спустим с цепи революционеров-нигилистов и безбожников и вызовем сокрушительную катастрофу, которая покажет всему миру во всем его ужасе абсолютный атеизм, как причину одичания и самого кровавого беспорядка. Тогда все бесчисленное множество разочарованных в христианстве, жаждущее в душе своей Божественного идеала, примет просвещение через всемирную проповедь чистейшего люциферианского (т. е. сатанинского. — *Прим. авт.*) учения, к тому времени уже открытую и всенародную». «Похоже, «то время» уже настало, — писал Иоанн, — волны откровенного или наспех замаскированного сатанизма заливают русскую землю, губя и калеча человеческие души. А мы — все спим?»

Явно настало. Даже многотерпеливый патриарх восстал против показа на телеэкране кощунственного фильма «Последнее искушение Христа».

Оптинский старец Анатолий предсказывал в феврале 1917 года :

«Будет шторм. И русский корабль будет разбит. Но ведь и на щепках, и на обломках люди спасаются, и все же не все погибнут. Надо молиться, надо всем каяться и молиться горячо... Явлено будет великое чудо Божие, да... И все щепки и обломки волею Божией и Силою Его соберутся и соединятся я воссоздастся корабль в своей красе и пойдет своим путем, Богом предначертанным».

Душа без Бога — дом без хозяина, а чужим людям ничего не жаль.

«Жестокая и кровопролитная битва за русское сердце не прекратилась и поныне», — писал в очерках христианской государственности («Русь соборная») митрополит Иоанн. В этой битве заняв одно из ведущих мест, великий святитель разработал учение о соборности. Он убежден:

«Оглядываясь сегодня на историю, можно уверенно сказать: на всех крутых поворотах российские народы делали в конечном счете один я тот же выбор в пользу соборного единства. Верую, что так и будет и в этот раз. Глубоко ошибается тот, кто думает, будто сейчас, в пору очередной русской смуты, в дни мнимого торжества сил распада и деления, Русь изменила свое естество, свой характер, свою веру. Пройдет время — может быть, совсем малое — и подлинный выбор России состоится: она вновь вернется к державной соборности, к духовному и государственному единству».

Собирать и возвеличивать Отечество можно лишь, имея в сердце любовь, понимание того, что «интересы России, интересы нашего многострадального народа должны безусловно превалировать над личными корыстными расчетами». Вспомним Иоанна

Кронштадтского:

«Помните, что Отечество земное с его Церковью есть преддверие Отечества небесного, потому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить...»

Невозможно возрождение России без воспитания в людях высоких патриотических чувств.

Исключительно высок был накал этих чувств в годы Великой Отечественной войны.

Немцы шли в бой с надписью на пряжке ремня: «Бог с нами». Но это была ложь. Бог не был с теми, кто жег деревни, расстреливал мирных жителей, давил танками женщин и детей. Это они, как вспоминал Васильев в журнале «Наука и религия», распяли в сарае нашего разведчика А. Смирницкого. Бывший диакон воевал под красной звездой, в кармане имел иконку «Святитель Николай» и крест.

«В первые дни войны, — вспоминал протоиерей Борис Пономарев, — я видел сон — большое изображение иконы Покрова Божией Матери. После этого у меня появилась уверенность в том, что нас защищает Царица Небесная».

Мать писала сыну из блокадного Ленинграда: «Я часто бываю в храме и молюсь за воинов и шлю тебе материнское благословение».

Митрополит Алексей в канун Пасхи 1943 года призывал верующих партизан и жителей оккупированных районов: «Продолжайте же, братья, подвизаться за веру, за свободу, за честь Родины. Всеми мерами, и мужчины и женщины, помогайте партизанам бороться против врагов, сами вступайте в ряды партизан, проявляйте себя как подлинно Божий, преданный своей Родине и своей вере народ».

Протоиерей Александр Романушко участвовал в боевых операциях партизан. Однажды (1943) его пригласили родственники полицая, убитого партизанами, попросили отпеть. Отец Александр, надев на себя епитрахиль и ризу, задумался. И вдруг начал: «Братья и сестры! Я понимаю большое горе матери и отца убитого, но не наших молитв и «Со святыми упокой» заслужил своей жизнью во гробе предлежащий. Он — изменник Родины и убийца невинных детей и стариков. Вместо «Вечной памяти» произнесем же «Анафема».

Люди стояли, как громом пораженные. А священник сказал полицаям: «К вам, заблудшим, моя последняя просьба: искупите перед Богом и людьми свою вину и обратите свое оружие против тех, кто в могилы закапывает живых людей, а в Божиих храмах заживо сжигает верующих и священников».

Если священники взяли за оружие,— сказали полицаи, — так и нам Бог велит идти в партизаны.

И прямо с кладбища ушли в отряд.

В Государственном архиве России сохранился документ, рассказывающий о том, что в разгар битвы на Волге, 11 ноября 1942 года, бойцы одной из частей армии Чуйкова увидели в ночном небе знамение, указывающее на скорую победу советских войск. В документе-отчете не говорилось, что за знамение. Предполагают, было явление Казанской иконьх Божией Матери, которая стояла на правом берегу Волги посреди наших войск: перед ней служились молебны и панихиды. «После всего случившегося, — читаем в журнале «Наука и религия» (1995, № 5), — Чуйкова, легендарного командира, впоследствии прославленного маршала, можно было часто увидеть в православных храмах. Герой Сталинградской битвы смиренно стоял, возжигая свечи у святых образов, в глубоком раздумье. Кто знает, может быть, вспоминались ему ночь перед битвой и лик Богоматери, показавшийся на просветлевшем осеннем небе?».

Из той же публикации:

«Среди православного духовенства бытует убеждение, что Георгий Константинович Жуков всю войну возил с собой в машине образ Казанской Божией Матери — самой «боевой и военной» иконы». Икона эта «участвовала в былых решающих битвах и вдохновляла ратников при изгнании интервентов из России в 1612 году».

Жукову в 1945 году выпала честь вновь зажечь неугасимую лампаду в знаменитом Лейпцигском православном храме. В Белоруссии помнят, как в ответ на письмо получили от маршала вагон колоколов для храмов, разоренных немцами.

Участник боев за Ленинград, поэт-орловец А. В. Пахомов в книге «Высота» (Орел, 1995) вспоминает, как перед атакой шептал про себя: «Огради меня, Господи, силою своею честного и животворящего креста твоего и сохрани меня, Господи, от всякого зла». Читал услышанное в детстве от матери.

— Всегда читай молитву, — говорила, — когда попадешь в опасное место, Бог тебя спасет.

Сын знал также «Отче наш» и тоже шептал про себя:
на душе становилось спокойнее.

Уцелел и на огненных Синявинских высотах, и в других опасных местах. Прошли годы. Однажды вызвали бывшего фронтовика в райком и дали задание: взорвать Васильевскую церковь. Ты, мол, сапер. У тебя получится.

Веселое лицо Алексея Васильевича потемнело.

— А если я откажусь? — строго спросил хозяина района.

Вызовем на бюро.

— Вызывайте.

— Но ты же коммунист?

— Да, коммунист. А церковь взрывать не буду. Мое дело — строить.

В райком не вызвали, храм не тронули. Пришло время — отремонтировали на радость верующим. Один из них — ветеран-коммунист, поэт, чьи песни поют, Алексей Васильевич Пахомов.

Поступком своим он показал людям красоту русской души, верность вере предков...

«Любовь к собственному счастью, — писал А. Терещенко («Быт русского народа», часть 1, СПб., 1844), — рождает любовь к своему Отечеству; благородное честолюбие каждого — народную гордость. Народная гордость не может существовать без сознания собственного достоинства; слава народа не может проявляться без любви к Отечеству... божественный свет религии скрепляет все общественные связи, а народность утверждает в любви к Отечеству».

«Иноземец, — продолжал Терещенко, — никогда не воспламенит сердца нашего к Отечеству нашему — потому что он чужд его. Не согреет наших чувств трогательными примерами из нашей истории, потому что не знает их или увлекается пристрастием. Он

всегда уверен в достоинствах своего народа и всегда склонен к мысли о превосходстве своих соотечей... Кто думает дурно о своем Отечестве, тот недостойн жить в нем... Русский любит свою землю, свое солнце. Земля — его мать, солнце — его мир ненаглядный: оно согрело его помыслы благородные, озарило величием, пленило сердце славой и той землею, где все мы родились, живем и ляжем подле наших отцов, — умрем с ними, любя свою родину, свою землю».

В наши смутные времена мы прочли и услышали столько дурного о своем Отечестве, о великом русском народе, что хоть в гроб ложись. Клеветники России, продавшие душу желтому дьяволу, расстреливали клеветой или ледяным молчанием русских классиков, чьи имена принадлежат народу. В народ, ценой невероятных страданий и утрат спасший Европу от татаро-монгольского ига, мир — от коричневой чумы, запустили камнем «русский фашизм». Мы — дети войны, вынесшие оккупацию, еще не забыли рыцарей Запада, рыскавших по нашим хатам и подвалам, не забыли горящих сел и городов.

Русский народ в то страшное время сокращался от войны. А теперь? Небо ясное, бомбежек нет, вечерами в окнах сияет свет. И в то же время каждый год, как утверждает статистика, нас становится меньше на целый миллион!

Раскол общества, начатый разделением на богатых и бедных, образованием множества партий, криками о свободах и суверенитетах, привел к расстрелу Белого дома, к Чеченской войне.

«Сатана, — писал митрополит Иоанн, — сумел внушить богопротивные мысли даже ученику Христову — Иуде; он исхитрился соблазнить, пусть на малое время, всех остальных апостолов — в ту страшную ночь, когда их Учителя увели из Гефсиманского сада на несправедливый суд старейшин израилевых. Так нам ли, грешным, удивляться, что раздоры, распри, расколы и смуты легко получают доступ в наши горделивые сердца?!» Спасение — в объединении, в соборности, в воспитании силы духа, в неизменной верности Православию.

<На земле есть только одна сила, способная остановить сползание России в пропасть, — учит митрополит Иоанн. — Эта сила — мы сами. Вопросы каждой совести свою — и она ответит тебе, что нельзя, недопустимо ставить вопросы личного благополучия, покоя и комфорта выше понятий гражданского долга и ответственности за судьбу страны».

Встань же, русский человек! — взывал Иоанн Кронштадтский. — Перестаньте безумствовать! довольно! довольно пить горькую, полную яда чашу — и вам, и России!.. Помните, что Отечество земное с его Церковью есть преддверие Отечества небесного, поэтому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить, чтобы наследовать жизнь вечную...»

Ключ веры

1

От Святой Руси до Святой Земли путь далек. Писатель Иван Бунин, вступивший в 1907 году в пушкинский возраст, проделал этот путь поездом и пароходом. Отшумело за кормой корабля Черное море, когда-то давно называемое Русским, распахнулся перед цепким взором художника Стамбул, бывший Царь-град, вспомнились собственные строки:

Облезлые худые кобели
С печальными молящими глазами

Потомки тех, что из степей пришли
За пыльными скрипучими возами.

Вере Николаевне эти стихи нравились. Описывая путешествие с бунинской точностью, вспоминала потом, как муж до отъезда читал Библию, как в Яффе говорил о Христе, о том, что «чувет Его живым, каким Он ходил по этой знойной земле».

«Но Яффа, — продолжала жена писателя, — еще не Палестина в смысле религиозном, здесь только восток, здесь нет строгости Иудеи, ни нежности Галилеи».

Эпитеты многозначительны. Путешественники посетили Голгофу — место проявления крайней строгости к Тому, Кто учил людей искать Царство Небесное. Жарким солнечным утром Бунин спустился в подземный придел храма Рождества, увидел, как «блещет среди мраморного пола, неровного от времени, большая серебряная звезда».

«В Вифлееме, — читаем в очерке «Геннисареть, — чувствуешь, прозреваешь то драгоценное, первое, что сохранилось...»

Упомянут древний пергамент с полустертыми письменами.

Писателя заставила благоговейно склониться «живая трепетная красота подлинного».

От Вифлеема — к Назарету, стоявшему на берегу Геннисаретского озера, называемого также Галилейским, или Тивериадским, морем.

Назарет, — читаем, — детство Его. Там, в тишине и безвестности, протекло оно, такое человеческое, такое земное. Там огорчали и радовали Его игры со сверстниками там ласковая рука Марии чинила Его детскую рубашечку, там таинственно нисходила в Его душу недетская мудрость, и ясное галилейское небо отражалось в очах, задумчиво устремленных в синь зеленых равнин Эздрелона, на лилии полевые и птицы небесные.

Ветхие пергаменты Назарета остались во всей своей древней простоте. Но скудны и чуть видны письмена, уцелевшие на них. И великую грусть и нежность оставляет в сердце Назарет. Помню темные весенние сумерки, черных коз, бегущих по каменистым улочкам, тот первобытногрубый каменный водоем, к которому когда-то приходила Она, помню Ее жилище: маленькое, тесное, пещерное полное вечерней тьмы, пустующее уже две тысячи «В ясный вечер, при заходящем солнце» Бунин увидел Иорданскую долину с каменистыми предгорьями, плыл ранним утром в Капернаум в лодке, под белым парусиновым навесом от жары. Вспомнилось: на берегу этих вод Он увидел братьев, раскидывающих сети, Симона, называемого Петром, и Андрея.

В Капернауме лежали груды белых камней от храма, в который входил Он в знойные дни, теснимый народом. «Тишина, солнце, блеск воды, — писал Бунин. — Сухо, жарко, радостно. И вон Он, с раскрытой головою, в белой одежде, идет по берегу... Здесь, на этом благословенном озере, все так просто, так легко чувствовалась близость Его!» И опять плыли «мимо невысоких холмов в тех же выгоревших травах». Под эвкалиптами мальчик пас коз с колокольчиками на шее. На холме — приют, похожий на маленькую крепость: «два-три здания из дикого камня». Настоятель встретил гостей приветливо, отвел им самые прохладные комнаты на первом этаже. Оставшись один на террасе, Бунин взял с каменного стола лежавшее там Евангелие. Оно было открыто на том месте, где говорилось о море Галилейском. Бунин читал и видел «светлый, неизреченно-прекрасный Образ, донныне не покинувший его берегов».

Через десять лет после памятного путешествия в Петрограде вышла книга И. А. Бунина «Храм солнца» с рисунками, стихами и очерками. Последние строки «Геннисарета» говорили о пальмах, которые сухо шелестели, «напоминая о Египте, сохранившем Его драгоценную жизнь в младенчестве». Книга вышла на закате империи, перед началом событий, вхнуdivивших автора покинуть Родину и написать «Окаянные дни».

В наши дни в Орел приехал из Америки русский князь и показал нам бесценную рукопись — рассказ «Святое озеро». В областной библиотеке, получившей недавно имя Бунина, был вечер. Местный литератор Леонид Моисеев благоговейно взял листки с правкой

великого земляка и прочитал вслух. Затем был вечер в музее И. А. Бунина. И там прочитал. Это оказался вариант «Гениисарета», сильно сокращенного, но сохранившего пальмы, напоминающие Египет.

«В «Слове о полку Игореве», — писала В. Н. Бунин-Муромцева, — есть место, где говорится, что природа сочувствует тому или иному событию и раз сочувствует, то это хорошо».

Может, потому был так внимателен к природе Святой Земли Иван Бунин?

Вера Николаевна отмечала, что долго находилась во власти впечатления от плавания по озеру. Вспоминала слова Ивана Алексеевича о Христе:

— Вот в такие самые вечера Он и проповедовал... Надо всегда представлять прошлое, исходя из настоящего... Правда, зелени здесь было больше, край был заселен, но горы были такие же, и солнце садилось в том же месте, где и теперь, и закаты были столь же просты и прелестны.

Из апостолов выделял Петра:

— Я лучше всех его вижу... Он отрекался и плакал... и требовал, чтобы его распяли вниз головой, говоря, что он не достоин быть распят, как Учитель.

Очень занимал Бунина Фома:

— Хорошо бы написать о нем. Это вовсе не так просто, как кажется с первого взгляда, — это желание вложить персты в рану...

Рассказ земляка Леонида Андреева «Иуда из Кариота» ему не нравился.

В Назарете, глядя на женщин в длинных синих рубашках и платках до пят, с кувшинами воды, Бунин сказал:

— Здесь ничего не изменилось, вот так и Божия Мать приносила домой по вечерам воду.

Остановились у дома Иосифа.

— Да, да, — сказал Бунин грустно, — вот на этом самом пороге сидела Она и чинила Его кубовую рубашку, такую же, как и теперь носят здесь. Легенда говорит, что Они были так бедны, что не могли покупать масло для светильника, а чтобы Младенец не боялся и засыпал спокойно, в Их хижину прилетали светляки.

— Удивительно хорошо! — воскликнула Вера Николаевна.

Добавим из преданий: маленький Иисус лепил из глины и оживлял птичек. Наверное, это имел в виду Владимир Набоков в стихотворении «Мать»:

Мария, что Тебе до бреда рыбарей!

Неосвязаемо над горестью Твоей

дни проплывают, и ни в третий,

ни в сотый, никогда не вспрянет Он на зов,

Твой смуглый Первенец, лепивший воробьев

на солнцепеке, в Назарете.

...Ключ веры Иван Бунин получил из рук матери вместе с ее рассказами о Христе, о дивном устройении мира, о храмах Руси, вместе с древними молитвами всколыхнувшими чуткое сердце. Был писатель строг, резок, горяч, но за рабочим столом чувствовал себя, как во храме. Не потому ли и в слогe нередко проглядывается строгость Священного Писания?

«В Духов день, — читаем в самом начале «Жизни Арсеньева», — призывает церковь за литургией «створить память всем от века умершим». Она возносит в этот день прекрасную и полную глубокого смысла молитву...»

Вспоминал увиденную впервые в детстве колокольню Михаила Архангела, которая возвышалась «в таком величии, в такой роскоши, какие и не снились римскому храму Петра».

Вспоминал Рождество, Страстную неделю, Пасху: «К вечеру Великой субботы дом наш светился предельной чистотой, как внутренней, так и внешней, благодатной и счастливой, тихо идущей в своем благообразии великого Христова праздника. И вот праздник наконец наступал — ночью с субботы на воскресенье в мире совершался некий дивный перелом, Христос побеждал смерть и торжествовал над нею... Как прекрасно было все это!» Размышлял, начитавшись книг о муках первых христиан, о «горючей пустыне Иорданской, где, прикрывая свою наготу лишь собственными власами, отросшими до земли, обитала, замаливала свой блуд в миру Мария Египетская, о киевских пещерах...» Он «пламенно надеялся быть сопричисленным к лику мучеников». Подолгу стоял на коленях, всю зиму «пил только воду, ел только черный хлеб. Жажда подвига терзала душу. Началом этого подвига стало пристальное изучение жизни народной, русской истории и литературы. От изучения — к служению Отечеству, народу, всем живущим на земле.

На чужбине грели душу воспоминания. Книга «Роза Иерихона», выпущенная в 1924 году в Берлине, открывалась рассказом-запевом о цветке, ставшем для автора символом воскресения. Клубок сухих и колючих стеблей при погружении в воду, по преданию, «тотчас начинает распускаться, давать мелкие листочки и розовый цвет».

«И бедное человеческое сердце, — писал Бунин, — радуется, утешается: нет в мире смерти, нет гибели тому, что было, чем жил когда-то! Нет разлук и потерь, доколе жива моя душа, моя Любовь, Память!»

«Так утешаюсь и я, — продолжал писатель, — воскрешая в себе те светоносные древние страны, где некогда ступала и моя нога, те благословенные дни, когда на полудне стояло солнце моей жизни, когда, в цвете сил и надежд, рука об руку с той, кому Бог судил быть моей спутницей до гроба, совершал я свое первое странствие, брачное путешествие, бывшее вместе с тем и паломничеством во Святую землю Господа нашего Иисуса Христа».

В одном из коротких рассказов описал зимнюю ночь, непроглядную тьму и вьюгу в поле, жаркую избу постоялого двора и подслушанный разговор детей о Богородице. Спросил себя в удивлении:

«Дикая снежная Русь, бесконечная вьюжная ночь... Как попал сюда Вифлеем иудейский? Какой ангел занес в эту избу «Сон Пресвятой Богородицы» и поразил им детскую душу?» Стихами вспоминал увиденного в храме архангела Михаила «в сияющих латах и с красным мечом из огня»:

Ребенок, я думал о Боге.

А видел лишь кудри до плеч,

Да крупные бурые ноги,

Да римские латы и меч.

Верил, находясь в мире родной природы:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,

И лазурь, и полуденный зной...

Срок настанет — Господь сына блудного спросит;

«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все — вспомню только вот эти

Полевые пути меж колосьев и трав —

И от сладостных слез не успею ответить,

К милосердным коленам припав.

Строки были написаны до разлуки с Россией, за три дня до расстрела царской семьи в Екатеринбурге, когда случилось преступление века, созвучное его стихам шестнадцатого года:

Пьет Сатана из полной чаши
Идоложертвенную кровь.

В такие дни поэт мог повторить слова из другого своего стихотворения:

О Боже! дай опору в вере
И укрепи мя на борьбу!

Бог не с теми, кто жесток. Его слова в стихотворении «Новый завет» таковы:

Иосиф! Я расторг с жестокими завет.
Исполни в радости Господнее веленье:
Встань, возвратись в Мой тихий Назарет —
И всей земле яви Мое благоволение.

Бунин переключался с первым русским митрополитом из русских, для которого вера православная стала Солнцем. Переключается со всей родной литературой, дополняющей в своих лучших образцах «Слово о Законе и Благодати» и другие творения русской мысли. Украшением нашей классики стали духовные оды М. В. Ломоносова, переложенные им псалмы, размышления о Божием Величестве — утреннее и вечернее.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющиеся множество веков:
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят... —

таков образ горящего вечно Океана: он — ужасная громада, пресветлая лампада, зажженная Богом.

Вослед за великим сыном Севера Ломоносовым громозвучный поэт восемнадцатого века Г. Р. Державин восклицал в мире, где «светил возженных миллионы в неизмеримости текут»:

О ты, пространством бесконечный
Живой в движеньи вещества.
Теченьем времени предвечный,
Без лиц в трех лицах божества!

Дух всюду сущий и единый.
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог.

«Всесилен Бог. Пред ним всеильна вера», — сказал в одном из стихотворений В. А. Жуковский.

Встает Христов знаменосец,
Георгий наш Победоносец:
Седлает белого коня... —

начало поэмы о героическом прошлом Руси. Всякое было. В ту пору, когда бушевал «пожар усобиц и крамол». Бог «на нашу злобу свой гнев карающий послал», получили мы топор ордынца, на шею цепь, но:

В шуму сих страшных вражьих оргий
Наш Божий ратник, наш Георгий
Нам неизменно верен был...

Был он рядом с Александром Невским, Дмитрием Донским, Ермаком, а в день Полтавы «свою торжественно развил хоругвь с крестом над Русью славной». И в иные времена образ ратника святого был с нами. «Мир — Божий храм!» — вырвалось из глубины сердца у Н. М. Карамзина. Когда во французском конvente безумец Дюмон сказал, что Бога нет, русский поэт ответил:

Господь Природы бесконечный.
Миров бесчисленных творец,
Источник бытия всевечный,
Отец чувствительных сердец
Всего, что жизнь в себе питает.
Что видит славу, блеск небес,
Улыбкой радость изъясляет
И в скорби льет потоки слез!..
Блаженство, свет, душа вселенной,
Святой, премудрый, дивный Бог!

2

«Что такое человек? — спрашивает Е. Поселянин в книге «Идеалы христианской жизни», недавно переизданной (СПБ, 1994), и сам же отвечает: — Разумное существо, жаждущее счастья».

Наша ошибка не в том, что это счастье ищем на земле, а в том, что «ищем его не там, где надо».

Душа — христианка.

Все мы в чудной власти Бога.

«Кто научил, кто объяснил в заброшенной глуши, хотя и богатой помещицъей усадьбе какому-нибудь неповоротливому ребенку, Глинке, будущему создателю русской национальной музыки, — пишет Е. Поселянин, — что есть известные сочетания звуков, которые погружают душу в какое-то счастливое созерцание, дают ей то прилив бодрости, веселья, то навевают сладкую грусть, то дают радостное предчувствие, то вызывают картины далекого и милого прошлого.

Ребенок и говорить еще не умеет. Но он уже чувствует какое-то волшебство звуков... В окно ворвется песня крестьянок, возвращающихся в село из лугов, с покоса, — и маленький дичок весь насторожился. Он живо ловит новые для него и, в то же время, словно знакомые ему звуки».

Писатель рассказал о юном музыканте: струны скрипки под его рукой «то плакали горькими слезами о чем-то нужном для жизни, кровном и милом, безвозвратно ушедшем; то дышали гордым торжеством, упоением покоя; то слышался тихий шепот затаенной, ушедшей в себя любви; то рвались крики страсти; то одинокая душа грезилась золотыми смелыми грезами, то грустила над изменчивостью и непрочностью жизни и счастью».

Откуда все это?

«Сегодня мной владеет Бог», — говорит Козьма Минин в одной из пьес А. Н. Островского.

Как подсолнух поворачивается к солнцу, так душа — к Богу. Отрицание Бога так же нелепо, как отрицание родителей. Только гордость ума мешает ожесточенным людям «склониться пред Христом, припасть к Его кресту». В душе нашей «есть что-то влекущее нас к Богу какою-то бессознательною силою».

Жить надо, постоянно чувствуя рядом Бога. «Я молюсь Богу трудом своим», — подчеркивает Поселянин.

Вспомним: совесть — голос Бога.

К добрым делам, только к добрым зовет каждого этот голос. Разве не так? Прислушайтесь к себе!

Школа воспитания веры — в окружающем мире, в поступках уважаемых людей, в книгах любимых авторов. Пушкин, величайший из гениев русского народа, писал о себе:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...

Лермонтов:

В минуту жизни трудную
Теснится в сердце грусть.
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Молитва сближает с Богом.

Сколько дивного, облагораживающего душу, пленительно-смиренного в пушкинских образах няни, Татьяны, Савельича, живших по русской пословице: «Без Бога не до порога»!

— В сочинениях Пушкина рассыпаны заповеди блаженства, — любил повторять С. Гейченко, знаменитый хранитель знаменитого заповедника. — Надо только уметь их находить. К сожалению, мы, учась в школе, не умели их находить даже в «Борисе Годунове», вызывавшем крики восторга у современников поэта, в чеканной «Полтаве», в

«Капитанской дочке», в письмах друзьям.

Творить надо лишь тогда, когда «божественный глагол до слуха чуткого коснется». Божественным глаголом навеяны многие стихи Некрасова, Никитина, Кольцова, Тютчева, Фета, Бунина, Блока, Есенина, Ахматовой, Исаковского, Твардовского. Рубцова. Поэт, даже сам того не сознавая, творит красоту, милую душе, даже у громокипящего Маяковского в его восторгах перед красотой и буйством бытия — застенчиво-нежное благодарение сына Земли Тому, кто зажигает звезды. Гений русской детской прозы Николай Носов, солнечная поэтесса Елена Благинина, добродушный Корней Чуковский... Ничто не сближает с верой, как воспитание улыбкой. Спорные отношения с церковью Льва Толстого не мешают наслаждаться до слез красотой божественного мира, отраженного в его книгах, как небо июльской ночи в реке.

Душа вечна. Мысль об этом приводит Пьера Безухова в восторг, и его смех в плену становится важнейшим эпизодом романа «Война и мир».

Для воспитания веры Е. Посевин советует «вспомнить лучезарное создание Тургенева Лизу Калитину из «дворянского гнезда», один из высших литературных типов».

Чем ближе художник к истокам народной жизни, тем душа его ближе к Богу. О глубокой религиозности русского народа писали известные мыслители русского зарубежья Иван Ильин и Николай Лоосский.

Из того же ряда Георгий Федотов утверждает, что «восстановление России, мыслимой, как национальное и культурное единство, невозможно без восстановления в ней христианства, без возвращения ее к христианству, как основе ее душевно-духовного мира. При всякой иной — даже христианской, но не православной — религии это будет уже не Россия. Без религии — это не нация, а человеческое месиво, глина, из которой можно лепить все, что угодно, камень, дерево, металл, который можно дробить на какие угодно части».

Смута наших дней породила нашествие проповедников всех мастей, радио, телевидение, газеты, журналы и даже книги взялись размывать устои русской культуры, нравственности, проверенной веками, пошли на штурм заставы Илариона. На первый взгляд, все идет прекрасно. Храмы восстанавливаются, по телевизору передают праздничную службу с патриархом. И в то же время непрерывно идут зарубежные фильмы с насилием, дикой распущенностью нравов, навешиваются на уши ужасы уголовного поведения. Убийства, самоубийства, разврат... Грязным потоком хлынула в печать нецензурщина. Великий русский язык, как прекрасный русский лес, заваливают хламом иноязычных терминов. Воистину идет война против России...

Русская душа мечется в поисках выхода.

Е. Поселянин своей книгой «Идеалы христианской жизни» преследовал цель — «возбудить в людях бодрость и надежды».

«Христианство, — пишет он, — не берется из жизни сделать рай, но оно дает такие обещания, исполнившиеся на многих людях, что с ними легко и в земном аде».

Адом на море стала Цусима, когда множество молодых русских моряков вместе с горящими кораблями ушли на дно. Горе, великое горе потрясло Россию. Верующие люди нашли только один выход: возвели в Петербурге «Храм на водах» и пошли туда с цветами, с несказанной печалью своей, с воспоминаниями о дорогих близких. «Этот храм великой скорби, пишет Посевин, — просветлен светлой надеждой на загробные свидания».

Надо заново перечитать русскую классику, увидеть страницы, обойденные нашим вниманием.

Гоголь! Все ли мы знаем о нем, чьим именем назван целый период русской литературы? Заветным его произведением, над которым шла работа почти 20 лет, были «Размышления о Божественной литургии», изданные 1 1990 году в серии »Забытая книга».

«Божественная литургия, — писал Гоголь, — есть вечное повторение великого подвига любви, для нас совершившегося. Скорбя от неустроений своих, человечество отовсюду, со

всех концов мира, взывало к Творцу своему — и пребывавшие во тьме язычества и лишенные боговедения — слыша, что порядок и стройность могут быть водворены в мире Тем, который в стройном чине повелел двигаться миром, от Него созданным».

Как мудро! Автор «Вечеров» и «Мертвых душ» гениален и в описании церковной службы, после которой люди выходят из храма, «неся сияющую свежесть на лице радость ликующую в духе, благодарение Господу на устах своих».

Душа приобретает высокое настроение. Заповеди исполнимы: «Иго Христово благо и бремя легко». Человек глядит на людей по выходе из храма, где он «присутствовал при божественной трапезе любви», как на братьев. Всюду «сохраняет невольно в душе своей высокое начертанье любовного обращения с людьми, принесенного с небес Богочеловеком».

Глубокие мысли православного человека-патриота рассеяны по страницам «Выбранных мест из переписки с друзьями», достойными внимательного изучения со школьных лет наравне с широко известными книгами Н. В. Гоголя.

«Нет, вы еще не любите России, — упрекает писатель одного из адресатов своих писем. — А, не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу: а, не возгоревшись любовью к Богу, не спасетесь вам».

Вот один из советов, которые перекликаются с нашей действительностью:

«Поедете вы на Кавказ — вы, прежде всего, пристал но осмотритесь. Христианское смирение вас не допустит ни к какой быстрой поспешности. Вы, как ученик сначала будете узнавать. Вы не пропустите ни одного старого офицера, не расспросив его о собственноличных схватках с неприятелем, зная, что только из знания подробностей выводится знание целого».

В бурном мире исканий и заблуждений С. А. Есенина золотой звездочкой сияет «Радуница» (Петроград, 1916), где с первой страницы встречает нас Микола, распевая псалмы. Господь с престола велит ему обойти русский край, защитит «скорбью вытерзанный люд»:

Ходит странник по трактирам,
Говорит, завидя сход:
— Я пришел к вам, братья, с миром —
Исцелить печаль забот.

В лучах зари — светлый образ Богородицы:

Кроют зори райский терем.
У окошка Божья Мать
Голубей сзывает к дверям
Рожь зернистую клевать.

Она вновь готова на подвиг:

Я вижу — в просиничном платке,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.

Она несет для мира снова
Распять воскресшего Христа.
— Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорюй и полднюй у куста.

Чиста, как родник, вера, что вместе с народными припевками и поверьями завладела душой:

Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.
Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов.
Я поверил от рожденья
В Богородидын покров.

Все начинается с детства. Поэт вспоминал: ходил с бабушкой в Радовецкий монастырь, слушал дома от слепцов духовные стихи о рае, о Лазаре, о Микеле. «о женихе, светлом госте из града неведомого».

3

Великое торжество было в Киеве 2 мая 1115 года. Состоялось перенесение нетленных мощей святых мучеников Бориса и Глеба из деревянной церкви в великолепный каменный храм. Храм заложил Святослав Ярославич, достроил сын Олег, князь Северский, владетель земли вятичей, наших предков. На празднике были сам Олег, брат его Давид, князь Черниговский, епископ Феоктист и многие бояре. С полным радушием принимал Киев гостей. На том торжестве, как писал в «Истории Орловской епархии» Г. М. Пясецкий, и «созрела мысль о необходимости и благовременности просвещения вятичей». Осталось найти человека, который взял бы на себя подвиг просвещения. Таким человеком оказался Кукша, инок Печерского монастыря. Кто он? Откуда родом? — гадали потом. «Языческое имя Кукши и само звание проповедника вятичей, — писал Филарет, владыко Черниговский, — дают право положить, что преподобный Кукша сам был уроженцем страны вятичей, и любовь святая к современникам, страдающим от язычества, вызвала его на многострадальный апостольский подвиг среди вятичей».

Пясецкий предполагал, что Кукша «происходил из известного и благородного... рода, может быть даже родственного тому знаменитому Ходоте, который являлся защитником политической независимости своего племени и был усмирен оружием Владимира Мономаха».

Вместе с Кукшей отправился в наши края Никон, его ученик. Краткое свидетельство о подвиге просветителей сохранилось в Послании святого Симона, епископа Владимирского и Суздальского, к печерскому черноризцу Поликарпу. «Могу ли я. — писал Симон, — умолчать о священномученике, черноризце, тоже Печерского монастыря, Кукше, о котором все ведают, како бесы прогна и вятичи крести, дождь сведе и озеро иссуши, и много чудес сотвори, и по многих муках усечен бысть с своим учеником Никоном».

Пимен Постник, находясь в церкви, «прозрев... усечение блаженного Кукши, отстоящего далече», «велегласно возопи: «Брат наш Кукша в сей день против света убиен есть».

Сказал и умер «во един с Кукшею святым и учеником его».

Случилось это, как предполагал Пясецкий, в 1141 году. Память Кукши и его ученика Никона церковь празднует 27 августа, давая тем самым определить день их мученической кончины. В «Историческом словаре о святых, прославленных в Российской церкви» высказано предположение, что убийцами были жрецы-вятичи: «Озлобленные за сокрушение их кумиров, они подвергли преподобного Кукшу разным истязаниям и потом отсеки ему голову». Другое свидетельство: убили не сами, а вооружили против святого Кукши неверных, и они отсеки голову ему и ученику его. Судя по мощам, хранящимся в Киеве, «убиение св. Кукши, равно как и ученика его Никона, было внезапное, без предварительных мучений и истязаний». «Убийцы, — читаем у Пясецкого, как бы испугались ночного своего преступления и скрылись под дневным рассветом, не смея предать тело мученика какому-либо поруганию; друзья же св. Кукши немедленно, с подобающей честью доставили нетленные его мощи в Печерский монастырь».

Священник Иаков Тихомиров 27 августа 1913 года произнес большую речь на духовном вечере в Орле. Речь под названием «Просветитель Орловского края св. Священномученик Кукша» была опубликована в «Орловских епархиальных ведомостях» (1913, 35).

Тихомиров привел предание о княжеском происхождении Кукши, сообщил, что при пострижении в монашество подвижник получил имя Иоанна, вот почему преподобный Симон называет святого «нарицаемый Кукша». Данное в монастыре имя не удержалось, так и остался наш просветитель Кукшей. Тихомиров предположил, что Кукша — сын Ходоты, князя вятичей. Владимир Мономах непокорного и грозного Ходоту убил, а его сына отправил в Киев: там воинственный вятич стал смиренным иноком. Инок Кукша затем превратился в просветителя своего народа. Благословил его на этот подвиг Феоктист, епископ Черниговский. «После св. крещения, — писал Тихомиров, — Кукша познал истинного Бога, и, конечно, мировоззрение его резко изменилось. Он теперь понимал, что родной ему народ живет не так, как следует, и потому он не может иметь надежды на спасение».

Кукша со своими спутниками плыл из Чернигова вверх по Десне. Он миновал Новгород-Северский и Трубчевск, где люди уже приняли христианство. Наконец, прибыл в Дебрянск (Брянск). Отсюда и начал свои проповеди. В Брянском уезде, по словам Тихомирова, сохранилось предание о «великом муже, когда-то бывшем в той местности и творившем великие дела». Далее путь просветителя лежал к Карачеву.

Углубляясь в страну вятичей, Кукша обращал людей в новую веру. Путь был труден: дебри, болота, озера. По Оке доплыл до города Мъченеска (Мценска). Город назван, будем считать, предположительно, поскольку в летописи он упомянут впервые в 1147 году. В его окрестностях, между Окою и Зушей, толпа язычников, разжигаемая жрецами, напала на миссионерский стан, схватила спящих Кукшу и Никона: всю ночь мучили, а на рассвете обезглавили.

Летом 1913 года Тихомиров навестил Карандаково. Услышал от жителей, что «св. Кукша жил в этих местах». Старик-крестьянин сказал, что слышал «от своих дедов» про то, как святой Кукша пришел во Мценск, а тут «кровь пролил». Указал болото в лесу, связанное с гибелью Кукши. Тихомиров и его спутники видели не только болото, но и два колодца в оврагах, заросших деревьями: первый назывался Богомольным, там издавна в день Святого духа совершаются молебствия с освящением воды. Однажды не пошли молиться — случилась засуха, горели нивы, падал скот. Устрашенные бедствиями крестьяне пошли с иконами к колодцу. Вскоре засуха прекратилась, перестал падать скот. Второй колодец — «явленный», недавно возник. Вода в колодцах светлая, чистая, приятная на вкус.

Часовня, по преданию, стояла у болота. Когда спросили крестьян, что их заставляет идти с иконами так далеко от села, то услышали: «Наши деды и отцы так молились, и мы молимся; а как не помолимся, так случится какая-либо беда».

Размышляя о давнем прошлом. Тихомиров пришел к предположению, что первый колодец «вырыт самим Кукшею», а второй явился в позднейшее время «предвозвещанием того,

что данное место обагрено святою кровью».

Имя Кукши было окружено всеобщим почитанием в старом Мценске.

И не только во Мценске. На страницах «Орловских епархиальных ведомостей» часто печатался Илья Ливанский. Ему принадлежат такие строки о Кукше:

Была пора: в пределах наших.
Среди суровых вятичей,
Не знавших истинного Бога,
Жил духоносный, дивный муж...
Сей муж был Кукша. Всею душою
Он прилепился к вятичам,
Скорбя о злом ожесточеньи
Их заблудившихся сердец...
Ов бесов изгонял молитвой.
Свел с неба дождь и иссушал
В виду всех озеро и много
Явил других преславных дел...
Завистники и душегубы
Напали ночью на него.
И перед солнечным восходом
Пролилась праведная кровь.

«О святом Кукше как просветителе Орловского края» (Орел, 1894) — под таким названием выпустил свой очерк Г. М. Пясецкий. В нем рассказал, что в Печерском монастыре Кукша три года работал на поварне, носил дрова, готовил пищу.

4

Несмотря на мученическую гибель Кукши, ключ новой веры, подаренный им нашему краю, попал в надежные руки. Строились города, возводились храмы.

Историк нашего края Г. М. Пясецкий в книге «Исторические очерки города Орла» (Орел, 1874) живо описал рождение новой крепости у слиянии двух рек — Оки и Орла (Орлика), заложенной по указу Ивана Грозного, по благословению митрополита Макария. Сошлись люди служилые и сошные. Поглядывая на гору, ждали воеводу. Гора впоследствии стала Болховской улицей, поскольку дорога вела на Болхов, построенный на десять лет ранее. Оттуда и дождались важного гостя.

«Вдруг послышалось несколько голосов: «Царский воевода!» и все приняли спокойный вид, — читаем у Пясецкого. — Приехавший воевода спешил и, в сопровождении нескольких близких к нему человек, обошел небольшой круг у того места, где теперь церковь Богоявления; потом он указал на огромный дуб, стоявший у самого берега, где Орлик впадает в Оку; послышался первый удар топора, и вдруг над деревом взвился у своего гнезда большой орел... Тут все сказали: «Вот и сам Хозяин!»

Предание Пясецкий передал со слов старожила Дмитрия Ивановича Басова, который торговал старыми книгами и лекарственными травами в лавочке возле церкви Богоявления. Рукописная «История города Орла» Д. И. Басова, написанная в 1837 году, частично увидела свет в 1849-м. полностью напечатана в газете «Вешние воды» (1990), затем в «Просторах России» (1994).

«По преданию, записанному местными старожилами, читаем в «Истории Орловской епархии» Г. М. Пясецкого (Орел, 1899), — город Орел основан 28-го октября 1564 года..., а в 1566 году он значится по летописи уже «поставленным». Откуда историк взял дату «28-го октября 1564 года»? Ответ в примечаниях автора: С такою надписью, назад тому

лет тридцать, нам пришлось видеть в доме Н. П. Коробкова картину, изображающую город Орел, которой впоследствии не оказалось уже у наследников Коробкова». Ныне принято считать, что Орел был основан в 1566 году. Сведения о начале города скудны. В них почти обойдена роль духовенства. Упомянут лишь митрополит Макарий, с благословения которого был заложен город. Макарий был избран на метрополию в 1542 году, председательствовал на нескольких Соборах, был у истоков книгопечатания на Руси. Это он в Москве нашел русских людей, знающих дело типографское. М. В. Толстой в «Истории Русской церкви» писал о нем: «Забота его об уменьшении заблуждений и суеверий в народе и о распространении просвещения — одна эта забота уже дает ему почетное место между великими учителями Церкви. Множество письменных трудов, учреждение типографии, попечение о лучшем устройстве иноческой жизни, о распространении христианства на северных и восточных окраинах Руси, наконец, благотворное влияние на молодого царя делают навсегда незабвенным имя первосвятителя Макария».

Макарий выпустил «Четьи-Минеи», состоящие из двенадцати огромных фолиантов, сборники исторических, поучительных и назидательных сочинений. Кончина великого святителя 31 декабря 1563 года помешала ему дожить до выхода первой книги «Апостол» и торжественного основания Орловской крепости: оба дела были близки его сердцу. С благословения Макария родился город, впоследствии ставший литературным гнездом, знаменитым на весь мир.

Мы не знаем, кто из духовенства был среди строителей Орла. Но они, служители Церкви, были.

«В составе строителей нового города, — читаем в книге «Русские города XVI—XVII веков» Г. В. Алферовой (М., 1989), — обязательно присутствуют представители духовенства — «ружные попы», состоящие на службе в Разряде. Денежное и хлебное жалованье им выдает воевода строящегося города, что хорошо прослеживается по документам 1592 г. о строительстве Ельца. Задолго до окончания строительства крепостных укреплений в Ельце были построены храмы, в которых шла служба». Нет сомнения, что Орел закладывали с молитвой.

Вот какой, например, был приказ из Разряда строителям Козлова:

«А на том месте, где по их рассмотрению городу быть, изготоя лес, прося у Бога милости, и у Пречистой Богородицы помощи и у всех святых и пев молебен город обложить».

Так было на Руси!

Какие же храмы в Орле первыми возвысили к небу купола?

Историк Пясецкий назвал пять церквей, существовавших в конце ХVI и начале ХVII веков: Соборная, «тождественная с упоминаемою после Литовского разорения церковью во имя Рождества Пресвятой Богородицы», Никольская, известная под именем «Николы Рыбного». Афанасьевская, на месте которой впоследствии была построена Введенская, Георгиевская, потом переименованная в Сретенскую. Рождества Христова, «земля которой перешла к Богоявленской церкви». Историк допускал существование и других храмов, построенных «вновь после Литовского разорения».

После Смутного времени Орел вставал из развалин. Восстанавливались храмы, возникали новые. У слияния двух рек высилась Соборная во имя Рождества Пресвятой Богородицы. «В большом остроге, у Кромской башни, едучи у Кружечного двора и Кромской проезжей башне» стояла Никольская церковь. В Воскресенскую ходили молиться стрельцы, составлявшие слободу по левую сторону Вышней Корчаковской (Кромской) дороги, в Богоявленскую пушкари и воротники. В драгунской слободе (правый берег Они) была Пятницкая церковь: потом деревянный храм разобрали, а каменный построили во имя Преображения Господня с Пятницким приделом. «Это была холодная и маленькая церковь, отмечал Пясецкий, — почему сперва расширена была ее трапеза, а потом, по прошению причта и церковного старосты Алексея Ивановича Хлебникова, разрешено

разобрать ее и построить новую...»

Покровская церковь сначала находилась на Нижней улице, где Плаутин колодезь. Когда Пятницкую переместили на новое место, то рядом с каменным зданием поставили Покровскую. Оба храма уцелели на открытках, уступив место Центральному универмагу. Приход Успенской Церкви, что на посаде, образовался из драгунских и пушкарских детей и даже иноземцев. В 1741 году возникла церковь во имя Святого Архистратига Михаила с приделом Иоанна Воина. На Егоровской горе восстановили Георгиевскую церковь. Под этим названием она именована в ведомости 1734 года. Первое здание, видимо, было деревянным. Каменное возвели во имя Сретения Господня с приделом Великомученика Георгия. В 1888 году при перестройке нашли каменную плиту с надписью, что придел был построен в 1726 году, освящен в 1727-м протоиереем Иоанном Гавриловым. Когда была заложена Васильевская церковь — неизвестно. В 1755 году она уже имела приход из 120 дворов. Воздвиженская появилась в 1759 году. Построили храм на месте, купленном у крестьян драгунской волости, близ прежних прядилен...

«Во время Коломенской епархиальной зависимости, — писал в «Истории Орловской епархии» Г. М. Пясецкий, — в городе Орле основались два монастыря: мужской при церкви Богоявления, перенесенный потом на другое место, и девичий Ввеленский на старом Афанасьевском погосте. Первое известие о существовании в городе Орле Богоявленского монастыря встречается в местных выписях под 1670 годом...» По указу паря Алексея Михайловича воевода Авдей Михайлович Лыков дал «белому попу Тимофею под гумно порозжее место за рекою за Орлом, по ту сторону вала, сбочь гумна монастырского крестьянина Азара Васильева по большую проезжую Болховскую дорогу». Выпись 1681 года о том, что тому же попу Тимофею воевода Микита Никифорович Спесивцев дал «под огород порозжее место Богоявленского монастыря». В 1676 году «города Орла Богоявленского монастыря строитель черный поп Евфимий с братиею «просили светлейшего патриарха Иоакима Московского о построении на старом монастырском погосте, называемом Каменным верхом, близ рощи, новой деревянной церкви Успения Пресвятой Богородицы для крестьян, по причине разлития р. Оки». Пясецкий делал вывод, что на Каменном верху, при Взвозной дороге, еще до Литовского разорения был монастырь (вероятно, Успенский), имевший своих крестьян. «Датой основания Успенской церкви считается 1684 год. — пишет в наши дни краевед В. А. Власов («Орловская правда», 1 августа 1995 г., «Любовь к родному пепелищу...»). — Первоначально она была деревянной, но менее чем через десять лет на ее месте возник прекрасный каменный храм с каменной же колокольней».

«В 1700 году, — продолжает Власов, — к нему пристраивается придельная церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи. А сооруженный несколькими годами ранее надвратный Петропавловский храм использовался в качестве приходского. Эти первые монастырские церкви вместе с часовней были обнесены каменными стенами с двумя башнями».

До последнего времени еще высилась над Окой часть старинной стены...

Монахи называли монастырь лаврой. Игумен Евфимий был возведен в сан архимандрита. Московский священник Иоанн Лукьянов, навестивший Орел проездом в январе 1711 года, писал: «Град Орел стоит на р. Оке, в степи, на низком месте, на левой стороне: град деревянный ветх уже, жильем не многолюден; пристань соленая и хлебная зело велика: река Орел сквозь градское жилье течет и пала в Оку с левой стороны; лесом и дровами зело нужна: церквей каменных много: монастырь мужеский зело хорош, ограда каменная».

В числе вкладчиков монастыря значатся роды стольников Алексея Александровича Юпткова и Василия Андреевича Опухтина, генерала Федота Михайловича Каменского, отца известного фельдмаршала, основателя Сабуровской крепости.

В 1726 году в Успенском монастыре открылась духовная школа, ставшая через полвека училищем. Были построены пятиглавый Троицкий собор, внешне напоминавший храм Христа Спасителя в Москве, Благовещенская церковь при двухэтажном архиерейском

доме, небольшая Троицкая церковь-усыпальница, построенная губернатором А. В. Кочубеем: она-то и уцелела до наших дней. Исчезло обширное кладбище, где были похоронены генерал-лейтенант и генерал-адъютант Ф. Ф. Корф, перезахороненный в наше время, тайная советница княгиня т. с. Урусова, действительный тайный советник Лешерн фон Гернфельд, герой Измаила Г. Г. Чернышов, дочь которого, А. Г. Муравьева, уехала к мужу-декабристу в Сибирь, отвезла знаменитое «Послание» А. С. Пушкина. Ее желание быть похороненной рядом с отцом не поддержали власти. Под сводами Успенской церкви была «владычная усыпальница». Там покоились орловские епископы Никодим, Поликарп. Ювеналий, Митрофан, Ириней. Не так давно их, как и генерала Корфа, торжественно перезахоронили. Председатель Орловского общества охраны памятников истории и культуры В. А. Ливцов, археолог Л. Н. Красницкий горячо взялись за возрождение старины, разрушенной в 1932 году. Уже действует Троицкая церковь, изучается фундамент Успенской, имена Корфа и Чернышова отлиты на мемориальных досках. Где-то затерян прах софьи Сабуровой, вдохновительницы М. Ю. Лермонтова...

Успенский мужской монастырь, как известно, еще в двадцатые годы прошлого века был переведен во Мценск, слился там с Петропавловским. Здесь же, в Орле, находился архиерейский дом. Владыки, жившие ранее в Севске, руководили епархией из Орла. Монастыркой и поныне называют эту часть города.

Орловский Введенский девичий монастырь основался на старом Афанасьевском погосте, близ Болховской дороги, в 1686 году. Историк Г. М. Пясецкий к столетию обители выпустил книгу, в которой подробно поведал, как на том месте, где ныне возвышается типография «Труд», возникла церковь, а затем поселились монашки. «В первое время монастырь, — писал историк, — имел один выход в проулок, что ныне Введенская улица, с прочих же сторон он был окружен дворовыми местами Ивана Радина, Луки и Гаврилы Телегиных, пушкаря Петра Котельникова и лавками Орловской приказной избы подьячего Семена Ивлева и Мартина Коченова, которые заграждали монастырю выход на Болховскую улицу...»

В 1694 году Иевлев отписал пять своих лавок «для поминовения родителей своих игумень с сестрами на милостыню». Игуменья Евдокия позаботилась деревянную церковь заменить каменной. В 1744 году императрица Елизавета Петровна проездом через Орел в Киев пожаловала монастырю 500 рублей: появилась ограда с дубовыми столбами. В 1787 году монашки с цветами встречали Екатерину Вторую.

Пожары нового века вынудили монастырь перевести на новое место, за город: в конце 2-й Курской и сейчас можно увидеть старинную стену, башни, здание так называемой Венчальной церкви и другие строения. Живший неподалеку Г. М. Пясецкий хорошо знал этот уголок Орла. Сюда привел Н. С. Лесков героев романа «Некуда». Здесь закончила свои земные дни Евдокия Коротнева — Лиза Калитина из «Дворянского гнезда» И. С. Тургенева...

Богат был храмами старинный Орел. Звоном его колоколов заслушивался в 1812 году юный Миша Глинка, живший в это грозное время вместе с родителями на Пересыханке. Сама музыка осталась на всю жизнь в памяти великого композитора. В наши дни возвращен народу Михаил Архангел, золотом куполов сияет Никитий, с времен Ермолова служит Свято-Троицкий храм, с более ранней поры — Крестительская церковь, дождалась второго рождения Смоленская, Богоявленская. Иверская и другие храмы. Библиотека имени И. А. Бунина красотой белых колонн напоминает о стоявшем на этом месте Петропавловском соборе. Был он заложен 13 апреля 1797 года при губернаторе В. И. Воейкове. Строили долго. Самое ценное поступило сюда из бывшей домовй церкви генерала С. М. Каменского. Горнее место в алтаре украсил величественный образ Воскресения Христана, писанный на холсте художником, получившим за свою работу, по преданию, 10 тысяч рублей. Одной серебряной утвари поступило на 12 тысяч. На некоторых сосудах были владельческие надписи М. Ф. Каменского. Часть утвари находилась в Борисоглебском соборе, где крестили И. С. Тургенева.

«Стоя в нагорной части города, — писал о соборе Г. М. Пясецкий в очерке к столетию храма, на лучшей его площади, среди красивых зданий, опоясанный липовыми аллеями, посаженными по повелению императора Николая I, он ярко красуется величественным своим куполом над окружающею его местностью и мощным звоном чудного колокола сзывает всех верных сынов Церкви на молитву под освященные свои своды».
— Хороший собор! Прекрасный собор! Чудный собор! — говорил, любясь столетним старцем-памятником, Иоанн Кронштадтский — великий святитель России.

Было это 15-го сентября 1897 года.

Крепко запомнили эти слова кафедральный протоиерей Михаил Смирнов, церковный староста А. М. Подгаецкий и другие орловцы. дорогой гость останавливался в доме купца Бакина, на берегу Орлика, в двух шагах от дома генерала А. П. Ермолова, которого посетил в мае 1829 года А. С. Пушкин. Столетие величайшего из поэтов России отмечалось торжественной службой в Петропавловском соборе.

5

Вначале было слово.

Императрица Екатерина Вторая 6 мая 1788 года дала Святейшему правительствующему Синоду указ, в котором повелела «Севскому Епископу, именуясь Орловским и Севским, быть отныне местным, имея в епархии своей все монастыри и церкви Орловского наместничества, пребывание же его остаться должно в прежнем Архиерейском доме в Севске...»

Орловская епархия образовалась из 13 городов с уездами — Орла, Севска, Трубчевска, Брянска, Карачева, дмитровска, Кром, Мценска, Дешкина, Ельца, Ливен, Малоархангельска и Болхова. Всего в епархии было 824 церкви. Центром оставался Севск. Там же находилась семинария.

Первым иерархом, занявшим кафедру Орловской епархии, был епископ Аполлос, в мире Андрей Димитриевич Байбаков, по происхождению малоросс. Родился он в 1745 году, образование получил в Московской духовной академии (1759—1767), затем в Московском Императорском университете: окончив философский факультет, в 1770 году получил должность корректора университетской типографии. В 1772 году стал учителем поэзии в Академии, в 1774-м принял монашество, был переведен на класс риторики и назначен катехизатором. На следующий год — ректор Троицкой семинарии. В 1782—1783 годы был наместником Лавры, затем, произведенный в архимандриты, стал ректором Академии, одновременно был настоятелем Заиконоспасского монастыря, а с 1786 года — Ставропигиального Воскресенского, называемого Новым Иерусалимом.

«Наречение архимандрита Аполлоса во епископа, — читаем в «Истории Орловской епархии» Г. М. Пясецкого, — последовало 2-го июня, а посвящение 9-го июня». Шел 1788 год.

«Преосвященный Аполлос, — подчеркивал историк, — был одним из ученейших епископов своего времени». Служа при Академии, он издал «Правила пиитические российского и латинского стихотворения», священную трагедию в прозе Иеффай», «Изъяснение на послания Ап. Павла», «Натура и благодать», «Христианский календарь на лето от Р. Хр. 1784 г.» и другие свои сочинения. Аполлос заботился о развитии проповедничества. В предписании по епархии от 27 октября 1789 года указал: «Всем обучившимся в Семинарии богословии и философии священникам и диаконам должно сказать в год по шести проповедей. А в городах, где есть или будут ученые, говорить должны по воскресным дням в соборе до литургии катехизис и толковые евангелия, изданные для народных школ. А тем, кто более проповедей скажет, тем похвальнее сделает. Ежели кто шести проповедей не скажет, тот ученым почтен не будет, и как места, так и преимущества пред неучеными иметь не будет».

Строго следил епископ, чтобы проповеди читались в монастырях и училищах, чтобы «священники без установленной для свидетельства апробации проповедей, а паче политических, не говорили». В 1796 году перед выборами судей предписывалось игумену Модесту «изготовиться самому, а также и других приуготовить на шесть или на десять проповедей».

«Для поощрения в искусстве проповедничества, — читаем у Пясецкого, — преосвященный Аполлос иногда допускал пробные диспуты между кандидатами на священнические места, особенно городские, и представлял оные тому кандидату, чья проповедь произвела на прихожан наибольшее впечатление».

В мае 1790 года ректор семинарии игумен Модест доложил Аполлосу, что студенты Захар Губанов и Лука Маликов оказались способными к сказыванию в церкви при собрании народном проповедей. Студенты были допущены к исповеди и присяге, затем посвящены в стихарь в домово́й церкви его преосвященства. Маликов в состязании со студентом Говоровым сумел получить диаконское место в Преображенской церкви в Орле, впоследствии стал протоиереем Орловского Введенского монастыря, членом консистории.

Епископ дорожил учеными людьми, «зорко следил не только за исправным прочтением ученических упражнений учителями, но и за отметками их в ведомостях». Однажды учитель риторики Троепольский дал такую аттестацию двум ученикам, предназначенным к исключению: «Непонятные и безуспешные, но весьма прилежные». Преосвященный заметил: «Худая рекомендация: весьма прилежен и безуспешен! Быть не может. Правлению семинарскому за учителями смотреть и, не освидетельствовав, ко мне докладу не подавать». Учеников же распорядился «оставить до времени». Аполлос был великодушен. Заботился, чтобы исключенные из семинарии «праздно не шатались», старался приискать им места дьячковские и пономарские. Когда же на святой неделе между духовными лицами произошла драка, Аполлос показал себя строгим: священник Андрей Афанасьев был отправлен на год в Успенский монастырь, попадье присудил положить 250 поклонов в праздник под присмотром благочинного, а подьячего велел отдать в солдаты.

Народная память сохранила такой случай. Прибыли из Московской академии двое студентов учительствовать в Севск. Были они «весьма непоказные на вид». «Однако, каких плохих прислали нам!» — вздохнул Аполлос. Один из студентов не растерялся. «Хороших разослали по хорошим, — ответил он, — а плохих прислали к вам». Ну, с таким можно служить!» — улыбнулся владыка.

Рассказывали еще, что в саду архиерея появился филин. Аполлос пригласил гостей около полуночи послушать птицу. Один из гостей заподозрил проделку. Осветил бенгальским огнем аллею, а там оказался протодиакон, большой любитель проказ. Преосвященный решил наказать его: заставлял потом кричать филином...

десять лет правил Орловской епархией Аполлос. По именному высочайшему указу 26 октября 1798 года был переведен в Архангельск. Прибыл туда 4 января 1799 года. Стал именоваться Архангельским и Холмогорским епископом. Трудился неутомимо. Умер 14 мая 1801 года. Был погребен в Холмогорском Преображенском соборе. В Опекунский совет поступило 1085 рублей, завещанных Аполлосом на содержание студентов Академии...

6

Вторым епископом в истории Орловской епархии был преосвященный Досифей (1798—1817), в мире Дорофей Григорьевич Ильин-Протопопов. Получив богословское образование, он 12 сентября 1778 года приехал в Севск. Стал первым учителем только что открывшейся семинарии с жалованьем по 100 рублей в год. Затем (13 апреля 1779 г.) был

назначен префектом. Приняв монашество (1780), должность префекта соединил с настоятельством в Путивльском Молченском монастыре. В сане игумена по 1782 год был первым ректором Севской семинарии. Служил архимандритом Антониевского монастыря, был хиротописан (1795) во епископа Старорусского, викария Новгородского.

26 октября 1798 года вновь приехал в Севск и, сменив Аполлоса, возглавил Орловскую епархию. Семинария при Досифее, по словам Г. М. Пясецкого, «достигла высшего научного своего развития». С большой любовью заботился епископ о дорогом его сердцу учебном заведении. Так, в 1804 году он составил инструкцию, в которой предписывалось ректору «иметь у себя конспекты учения всех классов, а учителю каждому дать копии и наблюдать, чтобы по оным было учение производимо, и чтобы без дозволения Преосвященного никто не мог отступить от порядка, назначенного в конспекте». Ректор дионисий в 1806 году писал владыке, прося более подробных разъяснений. Досифей ответил строгой резолюцией: «давно велено было сделать конспекты; что исполнить ныне немедленно, а по сделании, рассмотрев в семинарском правлении, и что нужно, переменить или добавив, представить нам на утверждение».

Программа была обширной. В богословском классе изучали богословие, послание апостола Павла, церковную историю, опытную физику, медицинские науки, языки греческий, немецкий и французский, занимались переводами, читали журналы. В классе философском изучали историю философии, сочинение рассуждений, демонстраций, возражений. В риторическом классе главным предметом была латинская и российская словесность. Занимались сочинительством в прозе и стихах. Проходили географию. В пиитическом классе преподавалась российская поэзия. В грамматическом классе обучались. В других классах — математика, грамматика, катехизис, латынь. При семинарии была Русская духовная школа. для экстраординарных предметов при семинарии было 6 классов: историко-географический, физический, медицинский, греческий, немецкий и французский. Изучали всеобщую географию, всеобщую историю, физику. В 11—12-м часу по полуночи в медицинском классе слушали физиологию, рецептуру, патологию. В греческом классе разбирали и переводили книги Нового завета и Иоанна Златоуста. В особом классе проходило изучение нравственных истин.

Семинарские певчие разучивали концерты. Процветал хор под наблюдением композитора П. И. Турчанинова. Порядки были строгими. Ректора менялись. Бывший капитан А. Н. Звягинцев держал учеников по-военному. «Розга, — писал Г. М. Пясецкий, — служила обычною мерою взыскания не только учеников, но и студентов и даже инспекторов...» При Досифее был поднят вопрос о перемещении архиерейской кафедры в Орел. О переезде хлопотал губернатор. Ректор семинарии Филарет был рад переехать. Досифей медлил. Он привык к Севску. Имел тут немало друзей, завел конный завод. О своем нежелании расстаться с Севском писал в Петербург митрополиту Амвросию, давнему своему наставнику и покровителю, бывшему епископу Севскому и Брянскому. Амвросий ответил, что он «может под какими-нибудь предложениями не спешить». Филарет не знал этого. Пожаловался Амвросию. Тот переслал письмо Досифею. Разгневался владыка и велел закрыть дерзкого ректора семинарии в одну из башен архиерейского монастыря. Спасибо добрым людям — выручили. Досифей писал губернатору, что в Севске для архиерея больше удобств, чем в Орле: и рыбная ловля, и мельница, и прочие угоды. Сумел-таки своего добиться. Остался на прежнем месте.

Пришло время, когда преосвященного Досифея, неоднократно получавшего замечания от Святейшего Синода уволили «по прошению его, за старостью и болезненными припадками». На покое в Трубчевском Чолнском монастыре он прожил около десяти лет, умер 6-го июня 1827 года. Похоронили в соборной монастырской церкви, на правой стороне.

Был он статного телосложения, красивого вида, держался с достоинством. По словам современников, с горячностью соединял мстительность, что отразилось на его отношении к ректору семинарии Филарету.

В то же время после строгого Аполлоса многим казался доступным и участливым. Семинарские стихотворцы в день рождения преподнесли ему такое приветствие:

Что нын? Все радостны, зовут к себе Орфея,
Поют рожденье днесь премудра Досифея,
Он неусыпные старанья прилагает..
Чтоб добр был всяк, желает.

Отец! Невежества ты все искоренил.
В нас правда, истина едина процветает,
Ты нас во всем уже в других переродил,
В нас мир лишь пребывает...

Уместно вспомнить, что при Досифее учился в семинарии уроженец Ельца Иван Борисов, будущий митрополит Иннокентий, знаменитый духовный деятель, автор ярких проповедей и книги «Последние дни земной жизни Иисуса Христа» (187).
Время Досифея — время великих испытаний Отечества, вызванных нашествием Наполеона...

7

...Третий орловский епископ Иона (Иоанн Дмитриевич Павинский) до принятия монашества был священником в Копенгагене (1787—1802), затем, вернувшись из Дании в Россию, стал настоятелем Воскресенского монастыря (Новый Иерусалим). Июня в 17-й день 1817 года император Александр Первый подписал указ, утвердив доклад Синода о произведении в сан епископский трех архимандритов первоклассных монастырей. Среди них был Иона. Его посвящение состоялось в Москве 22 июля. На проезд в епархию и домашнее обзаведение он получил тысячу рублей. Перед тем, как пуститься в путь, 11 августа, владыко предписал Орловской духовной консистории, дабы она передала его волю духовным правлениям городов, стоящих на тракте от Тулы до Севска, чтоб «для встречи ни на улицы ни за городом не выходили, а чтоб все духовенство города, собравшись в соборной церкви, встретило на крыльце церковном.

Консистория приняла указание к исполнению и со своей стороны распорядилась имя нового епископа поминать в храмах, известила о важном событии губернское правление. Пребывание Ионы на высоком посту (1817—1821) было кратким, но хлопотливым. В сентябре 1817 года в Орел прибыл государь. Епископа Иону он встретил словами:

— А вы здесь, отец Иван? Как же вам живется в Орле?

Иона ответил, что он хоть и орловский епископ, а живет в Севске.

— А почему не в Орле? — спросил с удивлением Александр.

Продолжая разговор во внутренних покоях дома, где остановился царь, Иона получил разрешение на перемещение кафедры. Вернувшись из Орла, он стал обдумывать бумагу в Синод.

Х Его Императорское Величество, — писал владыко 28 февраля 1818 года, — во время Высочайшего своего в городе Орле присутствия между прочим изволил вопрошать меня об удобствах к перемещению архиерейской кафедры из Севска в означенный губернский город...» Бумага получилась пространной и основательной. Писал о том, что некоторые города и села Орловской епархии находятся от Севска так далеко («около 400 верст»), что «паства никогда почти не видит и не слышит гласа своего пастыря, который, по словам

апостола Павла, «должен поучать стадо свое словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою». Даже в Орле «высокопраздничные и праздничные дни не бывают ознаменованы особенными духовными торжествами и общественными собраниями к божественным литургиям», епархиальное начальство, «долженствующее на заслуги и достоинство обращать особенное внимание, не иначе узнает подчиненных своих, как по бумагам и по слуху».

Архиерейский дом обветшал и угрожал падением, здание семинарии стало совершенно неудобным. Надо обратиться в архиерейский дом Орловский Успенский монастырь и выстроить новое помещение для семинарии. Штат монастыря епископ Иона предложил перевести в заштатный Мценский Петропавловский монастырь, новостроящийся в Орле собор назвать кафедральным.

«Свое доношение в Святейший Синод, — читаем в «Истории Орловской епархии» Г. М. Пясецкого, — преосвященный Иона держал от всех в секрете».

Сняв копию, запечатал в пакет и отправил в консисторию с приказанием не распечатывать хдо особого повеления». Ждал ответа из Синода. Наконец, 15 мая 1818 года ответ пришел. Синод «в дополнение означенного донесения» приказал сделать через губернского архитектора планы Орловского монастыря, а также принять другие меры для устройства архиерейского дома и семинарии.

В 1820 году история Успенского монастыря подошла к концу. Переехали во Мценск иеромонах Венедикт, иеродиакон Геронтий, послушники Гаврила Никитин, Иван Данков и определенный для обучения чтению и пению Антон Троицкий. Трое (иеромонах Афанасий, священник Никита, ученик Василий Одринский) остались при архиерейском доме. Трое пожелали поступить в Болховский Оптин монастырь иеромонах Антоний, иеродиакон Самуил, монах Енфимий. Иеромонах Авель отправился в Беловежскую пустынь. Святые образа и утварь Успенской, Предтечевской и Петропавловской церквей были разделены между Архиерейским домом и Мценским монастырем. На перевозку имущества во Мценск издержали 123 рубля и 52 с половиной копейки.

Петропавловский собор в Орле еще строили, поэтому кафедральным собором решено было именовать Борисоглебский храм, где крестили Ивана Тургенева (1818).

Шел февраль 1820 года. Епископ Иона готовился к переезду в Орел. Велел ризничему Архиерейского дома, иеромонаху Петру с помощью духовных лиц, «поверя всю утварь и ризницу по описи», уложить в сундуки и ящики, закрыть, как следует, обшить рогожами и, связав крепкими веревками, запечатать. На всем пути соблюдать «целостность и порядок обоза», вести себя благопристойно. Первый обоз из семи подвод был отправлен под присмотром консисторных приказнослужителей Николая Иродионова, Александра Сереброва, Дмитрия Орнаутова и пристава Константина Кречетникова, второй с тюками под наблюдением канцеляриста Петра Николаевского, копииста Александра Ключарева, сторожа Ивана Петрова, приставов Матвея Михайлова, Николая Шаровского, Ивана Казанского и Федора Сенновского. В инструкциях предписывалось «вести себя благопристойно и всемерно воздерживаться от употребления хмельных напитков, а по приезде в Орел сложить тюки с бережливостью в отведенном для консистории месте, т. е. в Предтечевской церкви, подле Успенской...»

«Преосвященный и консистория, — читаем у Г. М. Пясецкого, — прибыли в Орел 29-го февраля 1820 года. На следующий день отправлено было благодарственное молебствие с водосвятием, а 2 марта открыто и присутствие консистории».

Четверо консисторских служащих остались в Севске. Перемещение архиерейской кафедры из Севска в Орел состоялось. Другим важным событием было преобразование семинарии. В Севске, Орле и Ливнах были открыты духовные училища, ранее составлявшие одно целое с Орловской семинарией, которую теперь возглавил архимандрит Гавриил из Рязани. Преподávalи Иаков Попов, В. А. Подлитовский, Н. И. Бутягин, И. К. Соколов. Торжественное открытие семинарии по новому плану состоялось 20 сентября 1817 года. На следующий год Гавриил был перемещен в Нижний Новгород, в

Орловской семинарии ректором стал архимандрит Владимир. Семинария пока еще находилась в Севске. Но вот 18 августа 1820 года епископ Иона обратился к губернатору Б. С. Соковнину с просьбой об отводе нового места для учебного заведения. Это место осмотрел владыко и одобрил. Поручил губернскому архитектору Петонди составить план и смету. На построение двухэтажного дома с погребями надо было выделить 204 928 рублей и 50 копеек.

Построить новое здание для Орловской семинарии епископ Иона не успел: 17 июля 1821 года он был переведен в Тверь, оттуда — 6 ноября 1826 года в Казань, где и скончался (1828)...

«Во время пребывания своего на Орловской кафедре, — отмечал историк, — преосвященный Иона пользовался общею любовью и оставил о себе память, как об архипастыре кротком, многопопечительном и гуманном в обращении с подчиненными лицами».

Оставил труды («Опыт о красноречии проповедников» и др.), напечатанные в разные годы.

8

...Осень 1821 года срывала последнюю листву. По дороге на Мценск катила карета. В ней находился новый епископ Орловско-Севской епархии Гавриил (Василий Федорович Розанов), сын священника, выпускник семинарии Троице-Сергиевской лавры, бывший архимандрит Толгского монастыря Ярославской губернии. В городе на Зуше, куда он прибыл 3 октября, передохнул. В тот же день известил Орловскую духовную консисторию. В Орле, получив известие, немедленно составили предписание, чтобы в монастырях и храмах губернии имя владыки «воспоминаемо было», чтобы лица духовные «были послушны и подсудны» пастырю своему. Епископ сел в карету и продолжил путь. В Орле Гавриила встретили с положенным почтением. Сорокалетний иерарх поклонился храму над Окой и благословил собравшихся. Губернией в ту пору правил Николай Иванович Шредер — статский советник, большой любитель природы и ревнитель благоустройства города. Он только что приступил к деятельности, венцом которой был городской сад.

В лад энергичному губернатору оказался и епископ Гавриил. Первым делом осмотрел храмы Орла. Понравилась. Отметил старания духовенства. И вдруг в Богоявленской церкви случилась беда. Причетник недоглядел, и благовест сотворили сторонние люди, да с таким усердием, что большой колокол треснул вершков на восемь. Пришлось новый отлить. А как отлили да ударили — заслушался владыко. Велел: «По ясности новоотлитого колокола при здешней Богоявленской церкви и по уважению того, что сия церковь находится в средоточии почти города, наблюдать отныне сей Богоявленский чин собора...»

В чем же чин состоял? А в том, чтобы «прежде благовеста Богоявленского ни в каком приходе оно не начиналось, а после начатия оный благовест при всех прочих был бы повсеместно...»

С той поры так и пошло. Колокол Богоявления первым зазвучал и в 1888 году, когда Орел праздновал 900-летие крещения Руси. Преосвященный Гавриил любил этот древнейший храм Орла—города, высоко ценил отца Кондратия, человека остроумного и веселого. Однажды заметил отец Кондратий, что причетник его церкви спрятал серебряную ложку в карман. Ничего не сказал, только на глазах у всех три ложки похитил. Лакей взмолился: «Батюшка, с меня взыск будет!» А он: «Против дьячка моя часть в три раза больше; он взял одну, а мне положено три». Стыдно стало причетнику, выложил ложку из кармана. Тогда и Кондратий вернул свое, говоря: «Если он отказывается от своей части, то и я

отказываюсь».

Стал помирать, а к нему священник с просьбой:

— Уступи мне свое место.

— С удовольствием, — отозвался умирающий, — мне оно уже надоело.

И подвинулся, уступая место на смертном одре.

Близок был душе владыки священник Воскресенской церкви Иоанн Коренев — человек редкого благочестия. Он устроил богадельню на 50 человек, воспитал до тысячи подкидышей. Горько плакал Гавриил, провожая подвижника в последний путь. Гроб обнимал, причитая:

— На кого ты оставляешь своих сирот и вдов, убогих и калек!

Епископ и сам занимался подобной благотворительностью. Много сил отдал Гавриил строительству храмов.хлопотал о завершении Петропавловского собора, но средств не хватало. Донес ему протоиерей Иаков Орлов, что Крестовоздвиженская церковь, возведенная в 1759 году на земле, купленной у крестьян драгунской волости, дошла до крайности: крыша и рамы обгнили, стекла перебиты, с улицы влетают галки и голуби.

— Сломать немедленно! — распорядился владыко.

Строительством нового здания занимался купеческий сын Петр Мельников. Медлил.

Пришлось его подтолкнуть.

Гавриил был знатоком церковной архитектуры, тщательно просматривал чертежи иконостасов, исправлял. Любил освящать престолы. Первый поставил вопрос о каменной ограде для загородных кладбищ. При нем была построена церковь Святой Троицы (1822—1828).

На лето владыко уезжал в Севск. Недоволен был медленным строительством Архиерейского дома. «Иона лишил меня рая», — ворчал, вспоминая своего предшественника. Наконец, не ранее 1824 года, дом был построен. Вторым важным событием было перемещение семинарии из Севска в Орел. Торжественное открытие ее в новом корпусе состоялось в мае 1827 года.

В апреле того же года с Кавказа прибыл генерал А. П. Ермолов. Поселился у отца, в небольшом деревянном доме, рядом с архиерейской оградой. Соседи быстро сошлись. Епископ, как утверждал «Орловский календарь» 1903 года, «любил навещать Алексея Петровича и приходил к нему запросто через калитку, находившуюся с северной стороны ограды, которая впоследствии была заделана».

Дом отца полководца сохранился до наших дней.

В семинарии в сентябре 1827 года «произошли немалые волнения». Гавриил отложил все другие дела. Ревизором приехал Смарагд — ректор Киевской духовной академии. Открыл упущения. Ректора Гаврилова переместили в Могилев. Епископа Гавриила перевели в Екатеринослав. Проводы 22 мая 1828 года были сердечными. Хор пел:

Ударил час! Проститься должно

С тобой, дражайший наш отец;

И горьких слез уже не можно

Скрывать внутри горестных сердец...

На новой кафедре Гавриил получил сан архиепископа Херсонского и Таврического. Одесское общество истории и древностей избрало действительным членом. Составил «Историко-хронологическое описание церквей епархии Херсонской и Таврической», оставил «Остатки христианских древностей в Крыму» и другие труды. Из Одессы был переведен (1837) в Тверь, где и умер в 1858 году.

В Орле долго помнили его речь, сказанную в Михайлоархангельской церкви 3-го сентября 1823 года при встрече с императором Александром Первым. Не забывали его дружбу с А. П. Ермоловым.

Шли годы. Сменялись епископы, и каждый оставлял след в истории Орловской епархии. При Евлампии Введенский женский монастырь перевели с берега Орлика за город: здесь нашла свой покой Евдокия Коротнева, изображенная Тургеневым в «Дворянском гнезде» (Лиза Калитина). Гимназистки, прочитав роман, приходили сюда взглянуть на женщину в черном — настоятельницу обители. Лесков описал монастырь в романе «Некуда». При суровом Смарагде основана женская община в Волхове. Поликарп, известный смирением и благотворительностью, основал приют и «Орловские епархиальные ведомости», где были опубликованы «Исторические очерки города Орла» и другие труды Г. М. Пясецкого. При Симеоне возник в Ливнах женский монастырь Св. Марии Магдалины...

Пришел 1899 год. Закатывался XIX век. Преосвященный Никанор, новый глава Орловской епархии, пришел к мысли — составить историко-статистическое описание всех церквей нашего края. Ключарю Петропавловского собора М. И. Крылову велено было указать лиц, которые «могли бы явиться более или менее надежными исполнителями этой сложной инициативы». В покои архиерейские на совет были приглашены ректор семинарии В. А. Сахаров, преподаватели Г. М. Пясецкий, А. Е. Попов, И. А. Богданов, ключарь кафедрального собора М. И. Крылов, благочинный о. Г. Славский, священник Г. Соболев, инспектор классов женского епархиального училища В. А. Волков, законоучитель реальной гимназии И. В. Ливанский, помещик Орловского уезда, член Орловской ученой архивной комиссии, автор книги «Братья Киреевские» и других трудов В. Н. Лясковский. К назначенному времени — 23 марта, 6 часов вечера все были в сборе. Владыко обратился к приглашенным с речью.

Истекает, сказал он, настоящее девятнадцатое столетие, и в недалеком будущем загорается заря нового двадцатого века. На рубеже двух столетий человечество издавна привыкло озиаться назад, подводить итоги пережитому, чтобы знать, что оно сделало и что ему еще следует принять.

В своей речи предложил епископ составить коллективный труд, а в нем «исторически проследить проявление религиозного веросознания обитателей нашей епархии». Подчеркнул, что «осуществление этой цели превыше силы одного человека». Обратился «с некоторыми частными вопросами» к Г. М. Пясецкому, и тот, как писали «Орловские епархиальные ведомости», «вкратце воспроизвел общеисторический фон Орловской епархии, очертил рельефными штрихами отдельные периоды в истории местной церкви». Предложил описание епархии разделить на две части: историческую и статистическую. Никанор одобрил мысль и заговорил о комиссии для составления труда.

— Образование комиссии считаю излишним делом, — сказал В. Н. Лясковский. — Я предполагал бы просить господина Пясецкого взять на себя всецело составление церковно-исторического очерка.

Никанор согласился, но высказал опасение, как бы подобный труд не надломил силы почтенного историка.

— Труд уже давно начат и близок к окончанию, — объявил Пясецкий.

И тут же представил владыке рукопись.

Разговор в покоях архиерея нашел отражение в предисловии и заключительной главе последнего труда историка. Книга в 1066 страниц вышла после смерти автора (1900), хотя на титульном листе остался обозначенным 1899 год. Печатали «Историю Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей» в Орле, в типографии губернского правления.

Там же печатали труды епископа Никанора, в том числе и его очерк о князе Владимире, крестителе киевлян...

В том же году на праздновании столетнего юбилея А. С. Пушкина епископ говорил в

кафедральном собрании:

«Прежде всего об Александре Сергеевиче Пушкине должно сказать то, что он был такой писатель и поэт, которому равного по совершенству стиля и приятности творчества не было в земле Русской. И Бог весть, когда он будет в этом превзойден. В этом его преимущественная заслуга, неувядаемая слава и вечная память, пока стоит Русская земля и слышима будет речь людская. Но он будет не только славный писатель и громкий певец-сочинитель, но и глубокий мыслитель, вещий боян-мудрец — собиратель русской исконной мудрости и наилучший выразитель ее дорогих преданий, чувств, убеждений, идеалов и верований во всей их широте...»

Выступая в Дворянском собрании, Никанор подчеркнул: «Свобода и милость — это наилучшие дела христианской любви. Таким образом, любовь — вот высший принцип поэзии Пушкина». Призывал гордых смириться и напомнил слова Достоевского: «Повсюду у Пушкина слышится вера в русскую духовную мощь, а коли вера, стало быть и надежда, великая надежда на русского человека...»

И далее годы потекли. Никанора на кафедре сменил Ириней, были Кирион и Серафим, при котором церковно-археологический комитет стал обществом (1906), выпустившим три сборника трудов по истории края, Митрофан, назначенный вскоре первым Елецким епископом Григорий и большой патриот русский Макарий.

Макарий (Михаил Васильевич Гневушев), Уроженец (1858) села Репьевка Симбирской губернии, выпускник Киевской духовной академии (1882), возглавлял Орловско-Севскую епархию в январе-мае 1917 года. Был отправлен на покой в Смоленскую губернию.

Поселился в Вязьме, в местном монастыре. Шел 1918 год. 22 августа, как пишет в биографическом очерке А. П. Головки, «квартирная комиссия сделала попытку лишить его крова... В ответ в ее адрес верующие направили прошение — «оставить в полном покое преосвященного епископа Макария», под которым стояло 87 подписей». Резолюция Овсеенко была такой: «Произвести обыски у главных воротил Волкова, Бурышова, Канверина, Анисимовой. Кроме этого, необходимо всех лиц мужского пола, фамилии жен которых собраны на листах, отправить на разработку леса». Ночью зазвонили колокола. Вяземская ЧК расценила это как заговор. В тот же день у Макария произвели обыск, а его самого арестовали. 23 августа — первый допрос. 2 сентября отправили в тюрьму. 4 сентября 1918 года Чрезвычайная комиссия Западной области под председательством Яркина, в присутствии членов Аскольдова, Попона, Козоплянского, Рейнгольда, Вигилянского и секретаря Варнилова постановила: «Расстрелять».

В пустынном месте за городом собрали 14 человек, приговоренных к той же мере.

Макарий мужественно дошел до указанного места и громко сказал: «Отец мой! Прости им, не ведают бо, что творят. Приими дух мой с миром!»

Реабилитировали 14 апреля 1993 года в Смоленске.

Макарий, по словам биографа А. П. Головки, «открывает список иерархов Русской православной церкви, павших жертвами гонений на православие... Большевики не простили ему ничего: ни его участия в «Союзе русского народа» с ноября 1905 года, ни его воззваний к единению христиан, ни его зажигательных политических статей, подвергавших беспощадной критике деятельность Государственной думы после 1-й русской революции, ни его глубокой веры в духовные силы русского народа». В деле иерарха-мученика сохранились его рукописи. В одной из них под названием «Перед лицом врага» Макарий писал:

«Потрясая основы христианской жизни и мировоззрения, язычество к XX веку в глазах так называемого образованного мира явилось во всеоружии... В области отвлеченного мышления — полная свобода разнообразных и резко враждебных христианству теорий. В области точных и положительных наук — обширная и положительная картина открытий и изобретений, долженствующих свидетельствовать о могуществе человека, его ума и тем самым вознести его на высоту полной независимости от высших, небесных сил...»

Литература и ежедневная печать — сплошное служение эгоизму человеческому и его

естественным влечениям, страстям и чувствам, как бы они, эти страсти и чувства, не приравнивали его к животному».

Разгром церквей шел полным ходом. Почти все орловские епископы были замучены: Александр, Артемон, Иннокентий. Их судьбу разделили многие верующие, в том числе литератор В. Н. Лясковский. Перед войной в области осталось только три действующих храма.

Немцы не мешали открывать церкви. Люди молились и ждали своих. Священники Орлов и Оболенский погибли от рук оккупантов. Врач-иннок В. И. Турбин был одним из руководителей подпольного госпиталя в Орле, получил медаль «За отвагу». За сбор средств на оборону священники Иван Кузнецов и Терентий Печкарев были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». После войны во главе епархии стояли епископы Антоний, Николай, Митрофан, архиепископы Фотий, Иероним, митрополиты Антоний и Палладий. При новом наступлении на Церковь вновь закрывались храмы, боролись с паломничеством к святым колодцам, преследовали юродивого Афанасия Сайко...

В 70—80-е годы кафедру возглавлял архиепископ Глеб, затем — Варфоломей. С 1988 года трудится Паисий (Павел Николаевич Самчук).

Родился он 15 августа 1930 года в селе Богдановка Корецкого района Ровенской области. Рос в глубоко верующей семье. После школы поступил послушником в Свято-Успенскую Почаевскую лавру, затем (1950) в Ленинграде поступил в духовную семинарию. В 1959 году закончил там же духовную академию со званием кандидата богословия. Прибыл в Орел. Был назначен старшим иподиаконом при кафедральном соборе, казначеем и заведующим хозяйством всей епархии. В 1965 году награжден орденом равноапостольного князя Владимира третьей степени. Был рукоположен во диакона архиепископом Глебом, на следующий день — во иерея и назначен настоятелем храма Воскресения Христова в Брянске, затем — благочинным Брянской округи. 19 июля 1988 года (после кончины архиепископа Варфоломея) отец Павел в Троице-Сергиевой лавре принял постриг, получив новое имя в честь святого Паисия Величковского. 21 июля того же года в Елоховском соборе Москвы митрополит Владимир свершил архиерейскую хиротонию архимандрита Паисия во епископа Орловского и Брянского. Вернулся в Орел и стал здесь сорок третьим на кафедре со дня ее основания. В 1996 году патриархом Алексием II был возведен в сан архиепископа. Получил ордена преподобного Сергия и святого Даниила Московского. Епархия, преобразованная в 1994 году, стала именоваться Орловско-Ливенской. С приходом владыки Паисия, при большой поддержке губернатора Е. С. Строева, председателя областного совета Н. А. Володина и других уважаемых лиц возрождение храмов усилилось. Стали выходить «Орловские епархиальные ведомости» (редактор — настоятель Свято-Троицкого храма г. Мценска протоиерей Владимир Герченев), собирается на свои заседания церковно-археологическое общество, проводятся крестные ходы, большая работа ведется среди осужденных, среди детей и юношества. Церковная тема давно стала главной в передачах телестудии «Накануне». Человек в рясе — почетный гость и участник многих мероприятий. Потянулись люди к святым колодцам, к могилам духовных деятелей, светильников веры, У истоков многих добрых дел в нашей епархии стоит верный помощник владыки Паисия — протоиерей Иоанн Троицкий. Вспоминается поездка в Становой Колодезь. Приятно было видеть, в какой дружбе с детьми мать Татьяна, супруга отца Владимира.

— Какие милые дети! — сказал я, глядя на малышей.

— Что ж вы хотите? — услышал в ответ. — Ведь они только что от Бога.

Вспоминается, как писатели, участники пленума Союза писателей России в Орле (1994), пришли в церковь Михаила Архангела, чтобы помянуть своего товарища, замечательного русского патриота Сафонова, с каким благоговением входили в храм, где когда-то отпевали Александра Первого. Там же могли бывать Тургенев, Лесков, Андреев, Бунин. Литературный край...

Орловщина богата и духовными писателями, выпускниками Орловской семинарии — гордости края. Их голоса слышала вся Россия. Их слово звучало во славу Священного писания, в укрепление веры в душах людей.

10

Однажды к епископу Аполлосу явились выборные люди из Ельца.

— Что вас привело? — строго спросил архиерей.

— Нужда, и немалая, — ответили ельчане, — место священника в нашей Успенской церкви упразднилось.

— Найдем вам пастыря, — пообещал Аполлос. Святое место пустым не бывает.

— Искать не надо! — взмолились выборные.

— Как не надо?

— А так. Ваше преосвященство, нашли мы достойного человека. Вот он!

— Кто таков?

— Алексей Алексеевич Борисов, диакон, — представился один из ельчан.

— Семинарию окончил?

— С Божьей помощью дома постигал науки.

— И как постиг?

— Весьма хорошо, — заверили выборные. — Иного нам пастыря и не надо. Всем миром просим.

— Ну, раз просите, то быть, по-вашему.

Новый священник Успенской церкви, как вскоре убедился Аполлос, отвечал всем его требованиям: начитанный, высоконравственный и проповедями за душу брал. Жена его Акулина грамоте не знала, но была умна и благочестива. Жили они в избе, имели сад, где вызревали необыкновенно крупные яблоки.

— Где ты, отец, достал такие яблоки? — спросил проезжавший через Елец епископ из Воронежа, увидев плоды, преподнесенные ему.

— В моем саду, ваше преосвященство.

— Вижу благословение Божие на плодах ветрограда твоего, — сказал епископ, да будет же благословение Божие и мое и на чадах твоих!

Старшего сына звали Матвеем. Он-то в своих воспоминаниях и поведал потомкам о яблоках отцовского сада и многом другом. Описал рождение младшего брата Ивана 15 декабря 1800 года. Крестили его в тот же день. Летом молельная отца Алексея была в клети или в саду. Теперь же пришлось детей отправить на палаты.

— Лежите смиренно! — сказал священник и приступил к обряду крещения.

«Мы улеглись, свесив головы, чтобы видеть крестины, — вспоминал Матвей Борисов. — Прибыли восприемники, началось крещение. С палатей, как с неба, смотрели мы...» Мать воспитывала детей в духе православия. Никогда не лечилась у врачей, боясь умереть скорее от лекарств, чем от болезни. Имела аптеку «из травушек-муравушек, а также из разных святых вод».

До 9 лет Иван Борисов воспитывался дома. Выучился читать, набросился на книги. Особенно полюбил церковно-исторические.

В 1810 году отец отвез его в Воронежскую семинарию. Приняли во второй класс, в сентябре перевели в третий. Весной заболел оспой и оказался дома. Неожиданно заболел и умер отец. После его похорон мальчик перевелся в Орловскую семинарию.

В ноябре 1811 года вместе с братом Матвеем и сестрой Екатериной поехал в Севск. Епископом в ту пору был Досифей.

«Были у владыки, — вспоминал потом Матвей. — Он дал жениха сестре. Нас, как водится, экзаменовали».

В семинарии изучали Священное писание, философию, физику, языки и сочиняли стихи. Грозный двенадцатый год содействовал росту патриотических чувств. Иван Борисов, по

словам брата, «читал с увлечением книги, которые ему приходилось доставать с большим трудом, — делал извлечения из них и иногда, по просьбе товарищей, с ясностью, легкостью и подробностью излагал перед ними целые системы».

В 1819 году окончил семинарию и поступил в Киевскую духовную академию, где занимал первые места. В 1823 году магистр Борисов приехал в Петербург, был определен профессором церковной истории и греческого языка и инспектором столичной семинарии, вскоре стал ректором Александро-Невского училища и принял монашество с именем Иннокентий. С 1824 года — экстраординарный профессор богословских наук и инспектор Петербургской духовной академии. Обогнал всех товарищей по службе. В журнале «Христианское чтение» сотрудничал, опубликовал в нем «Жизнь св. Ап. Павла» и главный свой труд «Последние дни земной жизни Господ нашего Иисуса Христа». Сочинения во многом способствовали успеху журнала.

В тридцать, пет Иннокентий — доктор богословия и ректор Киевской духовной академии, где добился отмены преподавания богословия на латинском языке, положил конец зависимости от богословия католического. Им заслушивались и зачитывались. С 1836 года Иннокентий — епископ: занимал кафедры в Вологде и Харькове, стал архиепископом Херсонским и Таврическим.

«Он ввел новый метод изложения богословия — историко-сравнительный — писал биограф Н. И. Барсов... — Им введены новые предметы преподавания, соответственно уровню научного развития на Западе. Он образовал целое поколение русских богословов и ученых...»

Новаторство было встречено враждебно. Против Иннокентия возбудили «секретное дознание», которое закончилось полным его оправданием.

Последние годы архиепископ Иннокентий жил в Одессе. Там в Великую субботу 10 апреля 1854 года услышал гром пушек: англичане и французы начали обстреливать город. — Итак, — сказал владыко своей пастве, — вы не решились оставить гроба Спасителя своего и в эти грозные минуты, когда смерть и пагуба носятся над собственными головами вашими. Приветствую вас, возлюбленные...

Отправился на фронт. Там, как писали потом в «Орловском календаре 1903 года», он «совершал богослужение в лагерной церкви и во время пушечной пальбы укреплял своим сильным словом защитников Севастополя». На обратном пути заболел и в Симферополе отслужил последнюю литургию. Умер в Одессе 26 мая 1857 года, в день рождения А. С. Пушкина — в двадцатый год его гибели от пули француза...

«Кто видел покойного Иннокентия во всем его величии во время служения и неподражаемого преподавания, писал старший брат, — тот никак не мог вообразить, чтобы он родился и крестился в описанной мной такой тесной и неудобной куще». Сочинения его издавались, проповеди переводились на французский, немецкий, польский, сербский, греческий, армянский языки. «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа» в пяти частях в одной книге впервые вышли в 1857 году без указания автора. Также анонимно повторились в репринтном издании 1991 года. Иннокентий подчеркивал, что Спаситель «в самом простом и смиренном виде народного учителя» пришел из Галилеи, «откуда, по ложному понятию тогдашних книжников, и обыкновенный пророк не приходит», из Назарета, где, «по бедности и малолюдству сего города, не предполагали ничего важного и общепольного». Занятые земным, находясь в обстановке «всеобщего оскудения духа веры и чистой нравственности», люди позволили совершиться величайшему преступлению.

Еще один светильник православной веры.

Откроем первый том «Русских писателей». Там встречает нас Георгий Васильевич Говоров, знаменитый Феофан Затворник (1815—1894). Родился в селе Чернава Елецкого уезда Орловской губернии, похоронен в Вышенской-Успенской пустыни Шацкого уезда Тамбовской губернии. Публицист, переводчик, богослов, епископ. Детство прошло в Фошне (ныне Колпнянского района Орловской области). В том же селе отец был

священником, дед, Тимофей Говоров, служил в храме чтецом. Дочь священника села Паниковцы Елецкого уезда была мать, Татьяна Ивановна. «Воспитание в духе христианской любви и церковности, — читаем в очерке орловского краеведа С. Ковылова «Светильник земли Русской» («Вече», 1991), — лежало в основе формирования духовного облика юного Георгия, унаследовавшего от отца сильный и глубокий ум, а от матери — нежное и любящее сердце, кротость, скромность и впечатлительность. Живой характер мальчика, любовь к сказкам были потом описаны в рассказе неизвестного автора в «Детском чтении» (1894, 11).

В 1823 году Георгий приехал в Ливны, стал учиться в духовном училище. Жил на квартире у Ивана Васильевича Петина, будущего протоиерея Троицкого собора. Потом они переписывались. Епископ Феофан называл Петина своим благодетелем. В 1829 году Георгий окончил училище лучше всех и получил направление в Орловскую духовную семинарию, которую незадолго перед этим перевели из Севска в Орел, в здание нынешнего железнодорожного техникума. Среди наставников были люди образованные, с высокой степенью благочестия.

Возглавлял семинарию архимандрит Исидор — впоследствии митрополит Санкт-Петербургский, преподавал Платон — будущий митрополит Киевский и Галицкий, философские науки — Е. А. Остромысленский. Авторитет последнего, выпускника Киевской духовной академии, был огромен: это он в 1861 году произнес прекрасное слово о Ермолове на похоронах полководца в Орле.

Очарованный философией, отличник Говоров пожелал остаться на повторный курс. Был он трудолюбив, молчалив, кроток, любил уединение. Благоговейное отношение к Тихону Задонскому привело к тому, что он с родственниками совершил паломничество в Задонский монастырь, к мощам прославленного святителя. Завершил образование Георгий в Киевской духовной академии. Там на последнем курсе (1841) постригся в монахи, стал Феофаном. В 1844-47 годы он — бакалавр кафедры нравственности и пастырского богословия. Лекции о духовном воспитании легли в основу трехтомника «Путь к спасению».

«Цель нашего бытия на земле, — учил Феофан, — нравственное совершенство, для должного приготовления себя к вечности... Не собирай других сокровищ, кроме мудрости, добродетели и благочестия».

По Феофану, воспитание себя есть восхождение к Богу. Совершенствуя себя, он в составе духовной миссии побывал в Иерусалиме, где изучал в монастырях греческие рукописи. Находясь в Константинополе, в должности настоятеля посольской церкви, он собрал материал для Трех писем... по восточному вопросу», отстаивал идею освобождения южных славян. В книге «Предостережение от увлечения духом настоящего времени» (СПб, 1858) Феофан, в ту пору уже ректор Петербургской духовной академии, доказывал, что «дух мира сего» есть «Дух вражды с Богом», призывал к духовно-нравственному совершенству. Будучи епископом Тамбовским, затем Владимирским и Суздальским, он в проповедях говорил о нравственном исправлении жизни, горячо поддерживал реформы Александра Второго.

В 1866 году Феофан удалился в Вышинскую пустынь, уединенной жизнью дал основание называться Затворником. В письмах (опубликовано 8 томов) ставил философские вопросы, которые в романах разрабатывал Ф. М. Достоевский. Статьи печатал в журналах. Афористические изречения составили книгу «Мысли на каждый день года...» (М., 1881), по жанру предварявшие «Круг чтения» Л. Н. Толстого. Перевел с древнегреческого ряд авторов, вышло «Добротолюбие» в 5 томах. В полемике и переводе Ветхого завета участвовал. Писал стихи. Причислен к лику святых (1988). Одно время радио Москвы передавало его толкования Священного писания...

Однажды приехал я в Болхов, а местный краевед Александр Егорович Венедиктов стал мне город показывать. Разумеется, любовались Спасо-Преображенским собором с курантами, Троицкой церковью и другими храмами. С грустью смотрели на развалины Оптиной монастыря.

— А вот здесь покоится Макарий Глухарев, просветитель Алтая, - вздохнул мой друг у ямы, заросшей травой.

Язычники нашего времени расправились со многими святынями старинного города. Не обошли место вечного покоя настоятеля монастыря, подлинного друга народа.

Макарий Яковлевич Глухарев (в монашестве Макарий), как утверждает словарь «Русские писатели» (М., 1989), родился 30 октября (10.11) 1792 года в Вязьме Смоленской губернии, умер 18 (30) июня 1847 года в Болховском Троицком монастыре. Сын священника, выпускник Смоленской духовной семинарии (1813), Санкт-Петербургской духовной академии (1817), ученик Филарета дроздова, он принял монашество (1818). Был профессором и инспектором Екатеринославской духовной семинарии (1817—1821), ректором Костромской духовной семинарии (1821—1824), жил, удалясь в Киевско-Печерскую лавру, в Глинскую Оптину пустынь. В 1830 году в Бийске основал Алтайскую церковную миссию. Просветительский подвиг Макария среди жителей Алтая длился 14 лет. В дневнике 1830—1834 годов, опубликованном под названием «Извлечения из путевых заметок миссионера», дал характеристику нравов населения, которое обучал грамоте, приучал к оседлости и земледелию. Познакомился в Сибири с декабристами М. А. Фонвизиным, П. С. Бобрищевым-Пушкиным, П. Н. Свистуновым; они помогали ему в переводческой работе. Перевел с древнееврейского на русский большинство книг Ветхого завета, стремился сделать Священное писание общедоступным. Переводческие принципы Глухарева, по мнению критиков, были «одной из самых смелых попыток научного подхода к публикации текста Священного писания в России». Синод в ту пору выступал против самостоятельного чтения мирянами Библии. Перевод Макария отклонили, на него самого за неуместную «ревность» наложили епитимью. В 1844 году Макарий приехал в Болхов, стал настоятелем монастыря. Через год в Москве вышла его «Лепта» в пользу алтайской миссии. Уже после смерти автора выпускали ее вновь и вновь. В Вийске четвертым изданием вышла «Лента» в двух томах (1889—1890). Вышли стихи на библейские и духовно- нравственные темы. Много раз переиздавались «Письма покойного миссионера... бывшего начальника Алтайской церковной миссии». О нем писали. «Жизнеописание архимандрита Макария...» (СПб, 1892). Двумя изданиями вышла «История первой Библии на русском языке»

И. А. Чистовича. В Волхове собирали о нем воспоминания. Старожилы рассказывали и рассказывали, каким умным и добрым наставником был отец Макарий. Часами слушали не уставая. Книгу-очерк выпустил о нем Илья Ливанский. Большое стихотворение посвятил, в котором писал:

Благой ревнитель Божьей славы,
Подвижник дивный! С юных лет
Отверг ты прелесть лжи лукавой,
Узрев лишь в истине тот свет...
Твои сыны — сыны Алтая,
Ты во Христе их возродил,
Их светом веры озаряя,
Ты взор их мысленный открыл.

«О. Макарий — одна из самых светлых и симпатичных личностей не только в необширной истории нашего миссионерства, но и вообще в истории нашей Церкви, — читаем в «Трудах Орловской ученой архивной комиссии» (1895). — Он — лучший и живой пример для всех, и в особенности для пастырей Церкви и миссионеров, — истинно религиозного и верующего человека, христианской любви и ревности к распространению истинной Христовой веры...»

Еще одно славное, обнимающее душу имя.

«Моя родина, носящая священное для меня имя Ливны, небольшой город Орловской губернии, — кажется, я умер бы от изнеможения блаженства, если бы сейчас увидел его — в нагорье реки Сосны — не блещет никакими красотами, скорее даже закрыта некрасотами, серостью. Однако она не лишена того, чего не лишена почти всякая земля нашей срединной России: красоты лета и зимы, весны и осени, закатов и восходов, реки и деревьев. Но все это так тихо, просто, скромно, незаметно и — в неподвижности своей — прекрасно. То, что я любил и чтил больше всего в жизни своей, — некричащую, благородную скромность и правду, высшую красоту и благородство целомудрия, — все это мне было дано в восприятии родины. И ей свойственна также такая тихость и ласковость, как матери. Она задушевна, как русская песня, и, как она, исполнена поэзии музыки. Только ее надо слышать самому внутренним слухом, потому что она не насилует и не потрясает, не гремит и не кричит, но тихим шепотом нашептывает свои небесные тайны. Она робко напоминает лишь о потерянном рае, о той надмирной обители, откуда мы пришли сюда. И теперь, когда я пишу эти строки и собираю свои чувства и свою любовь к ней, в душе моей звенит этот голос вечности», — так писал уроженец Ливен Сергей Николаевич Булгаков (1871—1944), находясь вдали от родных мест. Сын священника Сергиевской церкви, он рос на крутом берегу Сосны, где, по словам биографа (А. Брежнев. «Ты, свет невечерний, нас осияй» в «Романе для юношества», 1990, № 2), «божественно сливался с природой и со всем окружающим его русским бытом», где вместе с церковью «воспринял в душу и народ русский», о чем писал впоследствии: «Родина — святыня для всякого, и, как таковая, она всегда дорога и прекрасна. И моя родина есть прекрасный дар Божий, благословение и напутствие на всю жизнь». В 10 лет он пошел в Ливенское духовное училище, учился на пятерки. В Орловской духовной семинарии случилось то, о чем писал потом: «Я стал жертвой мрачного революционного нигилизма». Потерял веру в справедливость, веру в Бога. Одна из причин — трагедия дома, когда в короткое время умерли братья, бабушка, дедушка... Отец был вне себя, но ничего не мог поделать. Сергей оставил семинарию (1888) и уехал доучиваться в Елец, поступил в гимназию. Через два года стал студентом юридического факультета Московского университета. Окончив вуз, остался на кафедре политической экономии и статистики для подготовки к профессорскому званию. Залог прогресса увидел в марксизме. В душе на месте религиозности зияла пустота, вытравленная ученостью. И вдруг — поездка на Кавказ. Булгакову было 24 года, когда мир южной природы всколыхнул в нем то, что дремало целых десять лет: вновь «зазвучали в душе таинственные зовы, и ринулась она к ним навстречу». Вера в марксизм пошатнулась в Германии, где молодой ученый находился в научной командировке два года. Подготовил двухтомную диссертацию «Капитализм и земледелие», в которой разбил взгляды Маркса на сельское хозяйство. За измену марксизму получил звание не доктора, как ожидалось, а магистра. Уехал в Киев. Преподавал в техникуме, в университете. В 1907 году был избран во Вторую Государственную думу от Орловской губернии. С трибуны защищал рабочих и крестьян, говорил о препятствиях, мешающих развитию русской личности, о необходимости принять меры к уничтожению преобладающего влияния немцев в русской администрации, обличал предателей и взяточников, призывал к объединению интеллигенции с народом. В 1911 году выпустил двухтомный труд «два града. Исследование о природе общественных идеалов». Годом ранее произошло знакомство с

П. А. Флоренским. Подружились. На картине «Философы» Нестеров поместил их рядом. В 1917 году вышла «Философия хозяйства» Булгакова, затем — «Свет невечерний». Московский университет преподнес ему звание ординарного профессора. Он же решил посвятить себя религии. В рукоположении участвовал Павел Флоренский. В рясе священника двинулся по революционной Москве. Услышал от одной девочки: «Батюшка!» Участвовал в избрании патриарха Тихона, выступил с речью на Всероссийском съезде духовенства и мирян. В сборнике «Из глубины» опубликовал диалоги «На пиру богов», где поэму «двенадцать» Блока рассматривал как высокохудожественное отражение «мистической» стороны происходящего. Выпустил (1918) «Тихие думы» — сборник статей-размышлений о душе, единстве Бога и мира. В 1919 году Булгаков уехал с семьей в Крым. Читал лекции в Симферопольском университете, служил протоиереем Ялтинского собора. Предложил было свои услуги философа-богослова ЦИКу, но в ответ услышал:

— Сейчас, товарищ Булгаков, новое время. Люди за вами не пойдут.

— Но ведь столько лет народ верил! Одним махом религию не отсечь.

— Вы заблуждаетесь. На революционном пути все можно.

Булгаков шел домой и плакал.

В декабре 1922 года корабль, качаясь на волнах Черного моря, увез Сергея Николаевича вместе с семьей за границу.

Преподавал в Праге, в Париже. Написал работы «Философия имени», «Трагедия философии», статью «Жребий Пушкина», трактуя судьбу поэта как «трагедию красоты». В 1939 году перенес операцию (рак горла), потерял голос. В войну философ, ослабленный болезнями, воодушевлял на борьбу своих учеников. Мать Мария, его духовная дочь, с сыном Юрием и священником Дмитрием Клепиным спасали людей от расстрела.

15 июля 1944 года на русском православном кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа огромная толпа провожала в последний путь великого русского мыслителя. В гробу лежал человек в рясе священника, вывезенной из России. Так одеть сам пожелал. Еще одно было пожелание:

положить в гроб горсть родной земли... Телеграммы соболезнования пришли из многих стран. Немцы удивлялись: на их глазах французы еще никого не хоронили с таким почетом. Когда же оккупантов не стало, сюда хлынули в день Победы люди с цветами. Почтили память многих русских, в том числе и гения из старинного орловского рода Булгаковых, из Ливен, где он писал в юности:

Тьма ночная над водою,
Город весь заснул,
И несется над рекою
Колокола гул.

Город в суете времен забывал великого сына. Теперь помнит и чтит.

И не просто чтит, а с гордостью несет на скрижалях истории своей в новый век, в новое тысячелетие.

Молодеет на древнем холме окруженная вниманием прихожан Сергиевская церковь — память о монастыре 1592 года. Южные сильные ветры, будто конница хана Батыея, прилетают из полевых пространств, из-за речки Сосны, опушенной лозами, и послушно складывают крылья у белых стен православного храма, замирают, как зачарованные, под колокольные звоны и песнопения времен Владимира и Ярослава.

Давнее-давнее становится близким.